

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ОЛЬВИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Сборник научных трудов памяти
Валерия Михайловича

(1949 – 1999)

УДК 904.929(477)“652”
ББК Т4(4Укр7)33я434

ОЛЬВИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ. Сборник научных трудов памяти В.М. ОТРЕШКО (1949—1999). — К., 2009. — 386 с.; 117 илл.

Настоящий сборник посвящен памяти известного украинского археолога-антиковеда Валерия Михайловича ОТРЕШКО (1949—1999) — неординарной творческой личности, талантливого ученого, человека интересной, но трагической судьбы.

Тематика сборника отражает спектр научных проблем, над которыми в свое время работал ученый и которые, в большинстве своем, концентрировались на Ольвии и ее хоре. Их исследованию он посвятил всю свою короткую, но яркую жизнь.

В сборник вошли работы самого В.М. Отрешко, как наиболее известные ранее, так и впервые публикуемые здесь, а также научные статьи ведущих антиковедов Украины, России и Грузии, и воспоминания об ученом, написанные его коллегами, друзьями и соратниками.

Издание рассчитано как на специалистов в сфере античной истории и археологии северопопулярного региона, так и на всех интересующихся древностями Ольвии, историей Северного Причерноморья в античную эпоху и античной культурой в целом.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии НАН Украины
(протокол № 9 от 27.10.2009)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Бунятян Е.П., кандидат исторических наук
Дзиговский А.Н., доктор исторических наук
Зализняк Л.Л., доктор исторических наук
Ивакин Г.Ю., член-корреспондент НАН Украины
Клочко В.И., доктор исторических наук
Козак Д.Н., доктор исторических наук
Крыжицкий С.Д. (ответственный редактор), член-корреспондент НАН Украины
Магомедов Б.В., доктор исторических наук
Михайлина Л.П., доктор исторических наук
Моця А.П., член-корреспондент НАН Украины
Отрошенко В.В., доктор исторических наук
Охотников С.Б., кандидат исторических наук
Русяева А.С. (ответственный секретарь), доктор исторических наук
Скорый С.А., доктор исторических наук
Терпиловский Р.В., доктор исторических наук
Тоцев Г.Н., кандидат исторических наук*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

*Виноградов Ю.А., доктор исторических наук
Сорочан С.Б., доктор исторических наук
Яценко В.П., доктор исторических наук*

РЕДАКТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ:

*Буйских С.Б., кандидат исторических наук
Лысенко Л.А., кандидат искусствоведения*

*Издание осуществлено
на средства Л.А. Лысенко*

На обложке: фрагмент росписи краснофигурного скифоса строгого стиля рубежа VI—V вв. до н. э. (Козырка-IX, 1981 г., раскопки В.М. Отрешко). Фото Н.И. Николаева.

В. Огненико.

*Наше время иное, лихое, но счастье, как встарь, ищи!
И в погоню летим мы за ним, убегающим, вслед.
Только вот в этой скачке теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив, что рядом товарищей нет...*

В. Высоцкий

СОДЕРЖАНИЕ

Мерцание звездной пыли (предисловие редакторов-составителей) — <i>С. Буйских, Л. Лысенко</i>	8
---	---

I. В.М. ОТРЕШКО И АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

<i>Буйских С.Б.</i> О научном наследии В.М. Отрешко	13
Список печатных трудов В.М. Отрешко	16

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В.М. ОТРЕШКО

1. СТАТЬИ

Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства	19
К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху.	24
Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья	28
З історії Ольвійського поліса IV—I ст. до н. е.	38
Про основи економіки Березанського поселення	47

2. ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

Архаические и классические слои на поселении у Закисовой Балки	55
Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время	55
Позднеархаические поселения Березанского лимана.	56
Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка	57
О клерах Ольвии	58
О миксэллинах	59
О плотности застройки населенных пунктов Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э.	59
Демографический потенциал Козырского городища.	60
О датах основания Истрии и Борисфена	61
Малые города Ольвийского государства (к постановке проблемы) (соавтор <i>С.Б. Буйских</i>).	61
Демографический потенциал Никония	62
Демографический потенциал архаических крупных поселений Ольвийской хоры	62
О рационе питания архаического населения Нижнего Побужья (соавтор <i>О.П. Журавлев</i>).	63
О численности населения архаической Березани и ее округи.	63
О локализации Гавани исиаков и Гавани истриан.	64
Окружение Ольвийского полиса в V в. до н. э. — III в н. э. (соавтор <i>С.Б. Буйских</i>).	65
Новые данные об античных поселениях Нижнего Побужья (соавтор <i>М.М. Иевлев</i>)	65

К вопросу о водоснабжении Березани (соавтор В.В. Назаров)	66
О демографическом и военном потенциале Ольвийского полиса в конце архаического периода.	67
Ліпна кераміка поселення на о. Березані (за матеріалами 1979—1984 рр.) (співавтор Н.О. Гаврилюк).	67
Открытие теменоса Березанского поселения (соавтор В.В. Назаров)	69

РАНЕЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ В.М. ОТРЕШКО

Этническая атрибуция сельских поселений Нижнего Побужья V—III вв. до н. э.	71
Архаические сооружения Березани (соавтор С.Н. Мазарати).	81
Проблема каллипидов	93
Землянки и полужемлянки на античных поселениях Нижнего Побужья.	98
Население Нижнего Побужья в архаическое время.	103
Протоген (размышления к проблеме)	123
Основные этапы развития сельской округи Ольвии доримского времени (соавтор С.Б. Буйских).	136

II. ОЛЬВИЯ В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (статьи, специально присланные для сборника IN MEMORIAM VALERII OTRESHKO)

Рубан В.В. Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье	147
Білокінь С.І. Невідома праця Сергія Дложевського з історіографії Ольвії.	151
Дложевський С.С. Ольбія (Хроніка досліджень та їх наслідки)	155
Николаев Н.И., Снытко И.А. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии второй половины V — первой половины IV вв. до н. э.	186
Квирквелия Г.Т. Полис Барбарон в Причерноморье	193
Золотарев М.И. Была ли херсонесско-ольвийская война в середине IV в. до н. э.?	197
Яйленко В.П. Александр Македонский, Северное Причерноморье и поход Зопириона	200
Полин С.В. О хронологии пантикапейских статеров.	211
Островерхов А.С., Охотников С.Б. Памятники раннеантичной глиптики из Ольвии	229
Беляев С.А. Некоторые вопросы консервации и реставрации строительных комплексов Ольвии	239
Колесников М.А. К методике определения границ античной сельской округи (на примере Нижнего Побужья и Европейского Боспора)	243
Ольговский С.Я. Литейное ремесло на ольвийской периферии	252
Журавлев О.П. Животноводство и охота в Ольвийском государстве (заметки археозоолога)	258
Снытко И.А., Смирнов И.А. Античный некрополь у с. Старая Богдановка на Бугском лимане.	268
Магомедов Б.В. Ольвия и варварский мир в III — начале V вв. н. э.	271
Крапивина В.В. Об общей характеристике и археологическом контексте надписей Ольвии	281

III. MEMORABILIA (штрихи к портрету археолога)

1. CURRICULUM VITAE (ОН О СЕБЕ)

Автобиография В.М. Отрешко 1983 г. и заявление 1970 г. Факсимиле	287
«Я ищу самого себя...» (Из дневников В.М. Отрешко 1960—1975 гг.)	289

2. MEMORIA (МЫ О НЁМ)

Лысенко Л.А. Вместо биографии	298
Буракова Н.М. О Валере Отрешко	306
Язвинская Е.Н. Они любили нас...	307
Крапивина В.В. Светлой памяти друзей	310
Смирнов И.А. Время, которое не настало	312
Губанова-Белозерова В.Н. Легенда его жизни	313
Губарь О.И. Про Вэла	317
Журавлев О.П. Я, Вэл и Инопланетянин	322
Рабинович М.Д. По рыбам, по звездам проносит шаланду...	329
Марченко К.К. Удивительный и замечательный...	335
Буйских С.Б. Все, что светило когда-то...	335
Беляев С.А. Вэла, как личности, всегда было много	340
Кузьминец О.В. Валерий Отрешко — людина, друг, вчений	341
Полин С.В. Я о тебе помню, Валера	342
Яйленко В.П. Без него я не мыслю себе Ольвию	343
Книги с автографами из книжного собрания В.М. Отрешко	343

3. PERSONALIA

Пам'яті Валерія Михайловича Отрешка	349
Русяева А.С., Мазарати С.Н. Валерий Михайлович Отрешко	350
Буйських С.Б. Валерій Михайлович Отрешко (1949—1999)	352

4. MEMENTO VIVERE

Запечатленные мгновения	353
-----------------------------------	-----

«ЛУЧШИЕ РЕБЯТА ИЗ РЕБЯТ РАНЬШЕ ВСЕХ УХОДЯТ...»

(вместо послесловия)	373
Резюме	381
Summary	381
Краткие сведения об авторах	382
Список сокращений	383

МЕРЦАНИЕ ЗВЕЗДНОЙ ПЫЛИ

(предисловие редакторов-составителей)

Много лет назад, 15 марта 1975 г., Валерий Отрешко написал в своем дневнике такие слова: «Человек есть то, что он делает». И дальше: «На каждую вспышку в человеке божественного — человечество затрачивает миллиарды калорий энергии и производит тысячи тонн дерьма... Нельзя, чтобы вид Монбланов дерьма заслонил в нас *мерцание звездной пыли*. Ибо мы — для мерцания, и только этим мы оправдываем себя и попираем смерть и разложение».

В значительной степени данный сборник и ставит своей целью дать справедливую оценку тому, кем, в сущности, был при жизни Валерий Михайлович Отрешко, как личность, как ученый-археолог, как коллега и друг, что он сделал, и чем он теперь может оправдаться перед Вечностью, попирая беспощадные законы равнодушия, забвения и лжи...

Его мгновенный, как блеск сгоревшей звезды, уход поразил в свое время всех, кто его хоть как-то знал, не говоря уже о близких, друзьях, сверстниках и соратниках. Поэтому идея собрать сборник памяти В.М. Отрешко появилась практически сразу после случившегося¹. Однако далеко не сразу эта идея получила свое сегодняшнее воплощение, и на то были свои причины и объективного и субъективного характера. Кроме того, вероятно, должно было еще и пройти время, чтобы все мы глубже смогли понять, кого же в лице Вэла, в конечном счете, потеряли... Каждый это осознавал самостоятельно, теперь же наше общее осознание соединилось в этой книге. В ней воплотилась память о Валере многих людей. У истоков же сборника стояли три его самых близких друга — Сергей Белоконь, Сергей Буйских и Юрий Калинин, в квартире которого на Никольско-Ботанической эта идея и пути ее осуществления часто и горячо обсуждались.

¹ Тут уместно будет вспомнить, что уже на следующий год, ровно к первой печальной годовщине, появилось и первое издание, которое открывалось словами: «Светлой памяти Валерия Михайловича Отрешко посвящаем. Авторы». Это была книга его одесских коллег и друзей — А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов. Стеклопосуда как историческое явление в памятниках скифосарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). — Одесса, 2000.

Первый вариант сборника был, в принципе, готов уже к апрелю 2003 г., когда в ответ на наши письма о сборнике in memoriam В.М. Отрешко очень оперативно и душевно откликнулись своими научными текстами его друзья и коллеги, а именно — Владимир Рубан, Сергей Белоконь, Гурам Квирквелия, Михаил Золотарев, Валерий Яйленко, Сергей Полин, Анатолий Островерхов, Сергей Охотников, Александр Беяев, Михаил Колесников, Сергей Ольговский, Иван Снытко, Игорь Смирнов, Борис Магомедов. Строки воспоминаний написали Валерий Яйленко, Сергей Полин, Лена Язвинская, Валентина Губанова-Белозерова, Людмила Лысенко. Эти материалы вошли теперь во второй и третий разделы данной книги. Можно было уже тогда отдавать сборник в печать. Но, к несчастью, в мае того года, так же абсолютно неожиданно, как и Вэл, ушел от нас Юра Калинин, а с ним оборвалась связь с теми людьми, которые обещали помощь в издании. С другой же стороны, тогда появилась мысль собрать в книге не только статьи других авторов в память об ушедшем коллеге, но и представить творчество его самого, т. е. — отобрать лучшие опубликованные при жизни научные труды В.М. Отрешко, а самое главное — разыскать и подготовить к печати те, что ранее опубликованы не были. Все это потребовало в итоге значительного количества времени, сил и энергии.

В 2008 г., когда к подготовке сборника активно подключилась Л.А. Лысенко, работа над ним значительно интенсифицировалась, и уже к концу осени 2009 г. мы смогли завершить ее полностью. Теперь книга памяти Валерия Михайловича Отрешко перед Вами, и нам остается лишь предварить ее краткими вводными словами о структуре сборника и нашей искренней благодарностью всем тем, кто способствовал его выходу в свет.

Открывает книгу большой раздел «В.М. Отрешко и античная археология Северо-Западного Причерноморья», где мы постарались в наиболее возможной степени осуществить то, о чем говорилось выше: представить научное наследие ученого и дать ему современную оценку.

Следующий раздел «Ольвия в контексте Северного Причерноморья» также отражает различные направления исследовательских инте-

ресов В.М. Отрешко, но нашедших воплощение уже в статьях его многолетних коллег и друзей по профессии, специально подготовивших их для этого издания, и, тем самым, выразивших В. М. свое искреннее и глубокое уважение.

В третий, мемориальный раздел, включены материалы, рисующие живой, обаятельный и многогранный портрет В. М., запоминающиеся и поучительные штрихи к которому нанесены как им самим (в виде дневниковых записей 1960—1975 гг. и копий с подлинных рукописных документов), так и людьми, хорошо знавшими его при жизни и написавшими о нем свои воспоминания. Слова друзей прекрасно дополняют фотографии — «запечатленные мгновенья» безвозвратно ушедших лет. Это редкие фотографии, найденные в доме В.М. Отрешко, а также — представленные из своих архивов С.Н. Мазарати, Л.А. Лысенко, С.Б. Буйских, В.Д. Мусиенко, В.И. Назарчуком, В.Н. Розовым, Н.А. Сон. Особый интерес представляют впервые публикуемые в этом разделе автографы многочисленных коллег и друзей В.М. Отрешко на различных изданиях из его книжного собрания.

Заканчивается книга драматическим монологом, составленным, в основном, из текстов любимых бардовских песен Валеры. Мы надеемся, что каждый найдет там те слова, которые обозначают и горечь утраты, и верность дружбе, и чувство единения людей, которых собрал в книге, посвященной ему, наш В. М.

Тот факт, что настоящий сборник издается под эгидой Института археологии НАН Украины — символично и справедливо. Несмотря на то, что незадолго до смерти В.М. Отрешко вынужден был уйти из Института — он навсегда остался в нем: и в своем родном античном отделе, и в Ольвии, и вообще в археологии. Без Института Вэл не представлял своей жизни, и теперь Институт отдает ему долг и знак своей памяти о нем этой книгой.

В этой связи наша сердечная признательность обращена к директору Института академику Петру Петровичу Толочко за понимание и поддержку этого издания на всех многотрудных этапах его рождения. Внимательный читатель обратит внимание на то, что в редколлегию в общем-то античного сборника входят не только античники. Это объясняется тем, что эти люди, представляющие другие отрасли археологической науки, своим личным участием в редколлегии сборника памяти В.М. Отрешко хотели выразить свое теплое человеческое и дружеское отношение к человеку, которого хорошо знали и любили. Спасибо им за это. Мы выражаем искреннюю благодарность также ученому секретарю Института к. и. н. Алексею Генриховичу Корвин-Пиотровскому и м. н. с. Института Елене Всеволодовне Марковой за содействие в подготовке необходимых документов и рекомендации сборника к печати; зав.

отделом кадров Института Татьяне Владимировне Ковальчук за помощь в работе с архивными материалами личного дела В.М. Отрешко; зав. библиотекой Института к. и. н. Викторией Анатольевне Колесниковой², ведущим библиографам этой библиотеки Ирине Владимировне Черновол и Светлане Сергеевне Косюхно, а также ведущему библиографу Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского Валентине Дмитриевне Мусиенко за содействие в составлении списка научных трудов В.М. Отрешко и библиографии к его впервые публикуемым здесь работам; главному хранителю фондов Николаевского краеведческого музея Наталье Александровне Кухар-Онышко за помощь в работе с материалами из раскопок В.М. Отрешко, хранящимися в НКМ; Николаю Ильичу Николаеву за фотосъемку (по нашей просьбе) скифоса из раскопок В.М. Отрешко для обложки данной книги, а также за его идею использовать в оформлении сборника фрагмент чернолакового сосуда с надписью «Отрешко», сделанной самим В. М. для экспедиционного ритуала по случаю дня археолога (Козырка-1971); д. и. н. Сергею Ивановичу Белоконю и Наталье Борисовне Бутаковой за сотрудничество с редколлегией в деле предоставления ей части рукописей В.М. Отрешко. Отдельно и персонально выражаем глубокую благодарность Сергею Ивановичу Белоконю за идею размещения в нашем сборнике уникальной, неопубликованной в свое время статьи С.С. Дложевского об истории исследования Ольвии, что придало ему особую ценность. Сергею Ивановичу принадлежит и мысль о том, что высочайший потенциал последних советских поколений часто оставался не реализованным. На очередном драматическом выражении истории — заката советской империи, перестройки и обретения Украиной государственной независимости они стали очередными потерянными для общества личностями. Во многом трагическая судьба Вэла вписывается в эту роковую закономерность. Наша книга — скромная попытка напомнить о таких людях, о дорогих нашему сердцу друзьях и коллегах. Наша особая благодарность: Викторией Александровне Дидоренко, бескорыстно взявшей на себя огромный труд технического редактирования текста, его компьютерный набор и сканирование графических иллюстраций. Мы признательны Сергею Валентиновичу Филимонову за сканирование и ретушь фотографий, а также Елене Николаевне Пятаковой за ее инициативу в наборе текста поэтического эпилога к сборнику, чем она хотела засвидетельствовать личную причастность к его созданию.

Мы от души благодарим Сергея Анатольевича Горбаненко за подготовку оригинал-макета кни-

² К слову сказать, посвятившей свою книгу памяти Юры Калинцева. См.: В.А. Колеснікова. Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. — К.: ІА НАНУ, 2007.

ги, Ирину Григорьевну Тарасенко за тщательную и вдумчивую корректуру и нашего доброго издателя Антона Алексеевича Корвин-Пиотровского за всемерное содействие успешному выходу сборника памяти В.М. Отрешко в свет. И, конечно же, мы бесконечно признательны абсолютно всем, кто в качестве автора научной статьи или страниц воспоминаний принял участие в этом сборнике. Всем желающим была предоставлена полная свобода в выборе темы и формы ее изложения, и поэтому за свои слова каждый несет личную ответственность, как перед памятью Валеры, так и перед наукой, которой он так искренне служил. Важно отметить, что жизненные пути практически всех авторов так или иначе пересекались с В. М. К сожалению, время летит столь быстро, что за прошедшие десять лет для некоторых из них эти пути прервались навсегда... Так, за то время, пока шла работа над сборником, кроме Юры Калинцева не стало еще двух хороших Валериных товарищей: Миши Золотарева, одним из первых приславшего свою статью в этот сборник, и Жени Новицкого, также очень хотевшего принять в нем участие... Тяжело сознавать, однако вслед за Вэлом Харон перевез через Стикс и других его сверстников, друзей и коллег — Юрия Виноградова, Леонида Филатова, Анатолия Кубышева, Гену Евдокимова, Женю Рогова, Витю Харламова, Игоря Баранова, Володю Назарова, Валика Елисеева, Сапу Балупкина, Валерия Ольховского, Игоря Пиоро, Володю Ванчутова, Толю Гамаюнова, Ярослава Боровского, Вальо Петрашенко, Толю Голенцова, Костю Орлова, Юру Зинченко, Володю Голенко, Славу Уженцева, Виталия Зубаря, Витю Джулая, Мишу Агбунова, Володю Павленкова, Володю Зоценка, Валерия Кожохару... Из дружных рядов нашей экспедиционной когорты неумолимый рок вырвал Валерия Крита, Анвара Амирханова, Свету Семендяеву, Сергея Дерюгина, Игоря Конончука, Женю Батуревич, Витю Тихомирова, Женю Мещерякова, Сапу Педиско, Гришу Лысенко, Витю Малишевского, Володю Ксенофонтова... Ушли из жизни и многие старшие товарищи В. М. по науке — Инна Анатольевна Антонова, Валерия Александровна Латышева, Нина Петровна Сорокина, Ирина Тимофеевна Крутликowa, Татьяна Васильевна Блаватская, Ярослав Витальевич Доманский, Отар Давидович Лордкипанидзе, Александр Николаевич Щеглов, Анна Ивановна Мелюкова, Рива Ионовна Ветштейн, Дмитрий Сергеевич Раевский, Марк Борисович Щукин, Нина Залмановна Кунина, Евгений Васильевич Черненко, Олег Михайлович Приходнюк, Владимир Никифорович Станко, Олег Васильевич Сухобоков, Евгений Владимирович Максимов, Нина Александровна Лейпунская... В длинном и скорбном ряду наших потерь стоит теперь и имя чуткого наставника и старшего коллеги В. М. по работам на ольвийской хоре — Анатолия Виссарионовича Буракова. Никогда уже не придется крутить баранку нашим преданным ольвий-

ской хоре экспедиционным водителям — Дмитрию Кондратьевичу Данилюку и Коле Байдаку. Нет с нами теперь и милого чеховского «земского врача» — Сергея Варфоломеевича Страшного, когда-то лечившего Вэла после аварии. Не дожидаясь до сегодняшнего дня и Валерина мама... Глядя на этот внушительный печальный мартиролог невольно вспоминаются слова Александра Галича —

*Уходят, уходят, уходят друзья,
Каюк одному, а другому — стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих и чужих не щадит,
Уходят, уходят уходят
Уходят мои друзья!*

... Минуту помолчав, продолжим и скажем, что все ушедшие хорошо знали и ценили Вэла, а Вэл, в свою очередь, хорошо знал всех их и дорожил знакомством и дружбой с ними. Поэтому данную книгу можно, и должно воспринимать не только как сборник памяти самого В. М., но и как своеобразный памятник людям, давшим ему жизнь — Михаилу Андреевичу и Антонине Александровне Отрешко; людям, учившим его профессиональному мастерству — Елене Ивановне Леви, Александру Николаевичу Карасеву, Лазарю Моисеевичу Славину; людям, разделившим с ним весь драматизм поиска себя в жизни и науке и ушедшим вслед за ним, т.е. в целом считать этот сборник памятником тому времени, в котором все эти люди (и мы вместе с ними) жили — искали, теряли, находили, любили, радовались, страдали, творили...

Ни в коей мере, однако, нельзя считать, что в силу этого наш сборник обращен только в прошлое, совсем нет. Он создан во многом и для молодых умов; для тех из них, кто ощущает в себе «мерцание звездной пыли» творчества, как «вспышку божественного в человеке» — хранит ее в себе, вдохновляется ею и с нею осуществляет свои мечты, несмотря на постоянные жизненные испытания, одним словом, для тех, кто идет дальше. Среди них и та, которая несет фамилию Отрешко в будущее — это его дочь Александра Валериевна. Ей этот сборник нужен для того, чтобы она никогда не забывала — каким был ее отец.

... В дневнике за 4 ноября 1960 года Валерий написал: «Что бы я захотел, если бы мои желания исполнялись?.. Чтобы люди не умирали...». Думается — эта книга показывает, что Валерий Отрешко духовно не умер, он все время рядом с нами и по-прежнему продолжает свой путь на земле, «попирая смерть и разложение».

Когда-то сделанная им самим находка, выbranная нами теперь в качестве символа данной книги, красноречиво подтверждает, что путь этот — не «на щите», а «со щитом».

Сергей Буйских,
Людмила Лысенко

2009 г., октябрь

I

**В.М. ОТРЕШКО
И АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В.М. ОТРЕШКО

Писать о творческом наследии ученых отдаленного прошлого таких, например, как — П.И. Кеппен, В.В. Латышев, Б.Ф. Фармаковский — в общем, легко. Гораздо волнительнее писать об этом же в применении, например, к именам Л.М. Славина, В.В. Лапина, А.В. Буракова, которых знал лично и которые были твоими учителями. Но вдумываться в смысл этих слов и складывать какие-то сухие, строго научные фразы, видя перед глазами своего сверстника, многолетнего соратника по археологическому полю, коллегу и друга — без привкуса горечи и скорби — неимоверно больно и трудно. Трудно, но необходимо.

... Когда-то дискутируя с В.М. Отрешко о том, кто может составить истинную оценку идеям и вообще вкладу исследователя в науку — доброжелательные коллеги, мудрые учителя, способные ученики, критически заряженные оппоненты или еще кто-то — мы пришли к выводу, что оценку способно дать не настоящее, а только будущее и беспристрастное Время. Поэтому, не претендуя на истину в последней инстанции, мне бы хотелось в этой заметке высказать свои сугубо личные соображения о научном наследии В.М. Отрешко в надежде, что они будут с вниманием восприняты читателем.

Если попытаться в широком смысле охарактеризовать предмет постоянных научных интересов В.М. Отрешко как археолога-антиковеда, то это, безусловно, будет греческая колонизация Северного Причерноморья — ее причины, цели, характер, основные этапы, различные аспекты процесса протекания, а также ее следствия и результаты. Если найти в этой глобальной проблеме то, чему он придавал наибольшее значение и чему была посвящена вся его и полевая, и кабинетная исследовательская деятельность, то это будет — Нижнее Побужье в эпоху архаики, а конкретнее — становление Ольвийского полиса и его хоры, включая различные вопросы политики, экономики, палеодемографии, материальной и духовной культуры населения, его этно-социального состава, взаимоотношений с окружающими племенами.

В раскопчном отношении это воплотилось в многолетних исследованиях В.М. Отрешко таких, ставших широко известными и эталонными для

хоры Ольвии колонизационной эпохи, памятников как Каборга-1 и Большая Черноморка-2 на Березанском лимане и Чертоватое-2, Чертоватое-7, Кателино-1 и Козырка-9 на Бугском лимане.

В плане осмысления результатов раскопок и их глубокого научного обобщения этот интерес нашел выражение в его диссертации «Ольвийская хора VI—V вв. до н. э.» (1990), деятельном соавторском участии в написании двух и поныне остающихся фундаментальными коллективных монографий — «Сельская округа Ольвии» (1989) и «Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта)» (1990), а также в серии статей, публикаций и докладов на конференциях и симпозиумах, что были посвящены различным аспектам греческой колонизации Нижнего Побужья.

Полный список научных печатных работ В.М. Отрешко, насчитывающий, вместе с увидевшими свет в «Ольвийских древностях», 65 наименований, впервые публикуется в этой книге. Он показывает широту и разносторонность взглядов ученого и дает наглядное представление о спектре тех проблем, над разработкой которых он трудился в продолжение почти тридцати лет своей работы в археологической науке.

Для первой части данного раздела мною были отобраны его лучшие — большие, проблемные, насыщенные интересными гипотезами, наблюдениями и фактами, статьи, опубликованные при жизни исследователя. Каждая из них в свое время была весомым авторским «словом» В.М. Отрешко в науке. Поскольку по природе своей он был человеком нервного творческого склада — быстро увлекающимся чем-то, и также быстро остывающим к этому, неровным в настроениях и оценках, зачастую сомневающимся в актуальности своих суждений и мыслей (а иногда и вообще и в их форме и даже в праве на некоторые из них), то многие его живые, интересные, не заеложненные идеи, высказанные для начала как бы вчерне, затем более качественного развития — в виде статей и публикаций — не получали. Поэтому в данном издании я собрал все его краткие заметки, сообщения и тезисы, в большинстве своем опубликованные в малотиражных и труднодоступных изданиях и ново-

му поколению исследователей практически неизвестны. Думаю, что идеи, высказанные в них когда-то В.М. Отрешко, будут по достоинству оценены научной общественностью и сегодня.

Во второй части данного раздела книги помещены научные труды В.М. Отрешко, ранее никогда не публиковавшиеся. По моему мнению, они, с одной стороны, существенно восполняют имеющиеся в историографии лакуны в решении тех проблем, о которых он писал, а с другой — полностью опровергают, к сожалению, еще бытующее в некоторых околonaучных кругах мнение о том, что В.М. Отрешко серьезным ученым не был и достойных крупных работ после себя не оставил. В этой связи я не буду давать глубокой оценки его статьям, впервые публикуемым здесь, или приводить их подробный анализ. Они должны сказать за себя сами. Думаю, что уместным будет только кратко охарактеризовать их, чтобы, так сказать, представить читателю.

Первая работа представляет собой V главу (единственную сохранившуюся, с нумерацией страниц — С. 111—137) из первого варианта кандидатской диссертации В.М. Отрешко, текст которой был подготовлен им к концу его пребывания в целевой аспирантуре московского Института археологии (1978 г.). Несмотря на то, что эта глава являлась лишь частью большой работы, на наш взгляд, она имеет полностью законченный вид и абсолютно самостоятельное значение. Проблемы, затронутые в этой работе, в определенной степени нашли освещение в известной статье В.М. Отрешко «Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья» (СА. — 1981. — № 1. — С. 27—41) и в неоконченном фрагменте «Проблема каллипидов» (1986—1987 гг.), публикуемом здесь.

Большая статья «Архаические сооружения Березани» (1982—1983 гг.) была написана в соавторстве с С.Н. Мазарати в рамках плановой темы, выполнявшейся тогда отделом античной археологии ИА НАНУ. Она посвящена рассмотрению практически всех видов строительных остатков Березанского поселения периода архаики, открытых на то время. Часть фактического материала из нее была использована авторами для подготовки раздела о землянках и полуземлянках Нижнего Побужья в коллективной работе отдела «Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время» — К., 1986 (С. 8—17). Однако и в таком объеме, и с такой (т. е. классификационной) точки зрения архаические сооружения Березани рассматриваются здесь впервые. К сожалению, иллюстрации к этой статье не сохранились.

Далее размещена статья В.М. Отрешко «Землянки и полуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья» (1989—1990 гг.), которую, как я помню, он подготовил в свое время то ли

для ВДИ, то ли для СА, но, в силу каких-то причин, туда ее не отослал.

Много лет В.М. Отрешко увлеченно занимался разработкой проблем палеодемографии Ольвии и ее сельской окрестности (прежде всего, в архаическую эпоху). Он готовил большое монографическое исследование по этой очень перспективной и актуальной теме, которое, к сожалению, осталось незавершенным. Публикуемая здесь работа «Население Нижнего Побужья в архаическое время» (1988—1990 гг.) представляет собой наиболее полный вариант его разработок в этом направлении, дающий представление об основных идеях автора.

Необычным по жанру (возможно эссе?), но очень актуальным и по-настоящему оригинальным и свежим для нашей науки произведением является «Протоген» (1993—1996 гг.). Эта работа в публикуемом виде не является статьей. Это как бы мысли исследователя вслух, просто размышления автора, вставившего в машинку свежий лист бумаги и фиксирующего (чтобы не забыть!) все свои соображения, возникшие по поводу Протогеновского декрета — тут и подсчеты, и предположения, и чисто экономические (даже просто финансовые) выкладки, и экскурсы в историю, как в античную, так и современную, и все это без неуместного здесь пафоса, но зато с разумной долей легкой иронии, столь характерной для В. М. Все это, конечно же, в определенной степени — кухня, и впоследствии должно было перерасти в нечто большее. Однако и в таком виде работа, по нашему мнению, обладает безусловной научной ценностью и представляет интерес для широкого круга специалистов. Несмотря на обилие цифр, читается она легко в силу нестандартности подхода автора к решению давней проблемы, и содержит массу новой информации и оригинальных идей.

И, наконец, последняя работа — это подготовленный к печати текст нашего совместного доклада на международном археологическом симпозиуме «Греки на Черном море», проходившем в начале марта 1996 г. в г. Салоники (Греция). За годы, прошедшие с тех пор, многое в разработке вопросов, которым был посвящен наш доклад, изменилось, появились новые датировки, были получены новые материалы и предложены новые исторические реконструкции, но я намеренно ничего не хотел изменять в публикуемом тексте. Во-первых, потому, что этот доклад отражает определенный этап наших с В.М. Отрешко представлений о развитии хоры Ольвии и не наша вина, что он тогда не был опубликован. А во-вторых — это последняя наша совместная работа и она дорога мне как добрая память о моем близком друге и коллеге. В силу этого какой-либо новой, отдельной статьи в раздел II данного сборника я не давал, счи-

тая, что подготовка к печати именно той статьи, над которой работали мы вместе с В. М., имеет для этой книги особенное значение и смысл.

В целом же, подготовка к печати семи представленных здесь научных статей В.М. Отрешко заняла достаточно длительное время и потребовала серьезной работы, о размерах и сложности которой мои оппоненты (порицающие меня за то, что я затянул с публикацией данного сборника) просто не догадываются. Прежде всего, эти рукописи надо было просто *найти*, т. к. они отнюдь не лежали и не ждали нас в идеальном, подготовленном к печати виде, а были рассеяны по друзьям, коллегам, родственникам и знакомым, причем зачастую отдельные части одной и той же работы могли находиться в совершенно различных местах (и даже городах). Далее, найденные тексты нужно было *прочитать*, т. к. в большинстве случаев это были либо рукописные черновые варианты работ, либо плохая машинописная (3 или 4 экз.) копия, либо вообще ксерокс (!) с подобной копии. Затем, в собранных буквально по страничке и прочитанных текстах, нужно было *сверить фактаж* (датировки, фамилии, названия памятников и т. д.) и, наконец, *восстановить* ссылочный аппарат, ибо он или отсутствовал вообще, или имел неясный характер. Хорошо, если в тексте было указано, например, — «В.Д. Блаватский считал, что...» или «А.Н. Щеглов писал, что...» или стояла фамилия исследователя и год — такие ссылки с трудом, но удавалось восстановить, некоторые же рукописи (или их части) имели глухой цифровой код по тексту без его расшифровки в конце статьи, и работа с ними требовала уже значительно большего времени и сил. Также совсем небыстро были восстановлены все ссылки на эпиграфические источники, и особенно на античных авторов.

Ряд работ, и, в первую очередь, «Население Нижнего Побужья в архаическое время» пришлось восстанавливать буквально по кускам. Это исследование В.М. Отрешко имело следующие варианты:

1. «О численности населения нижнего Побужья» — 25 с.;

2. «Демографическая ситуация в Нижнем Побужье в архаическое и классическое время» — 16 с.;

3. «К палеодемографии Ольвийского государства в VI—V вв. до н. э.» — 17 с.;

4. «Некоторые вопросы палеодемографии Нижнего Побужья (VI—V вв. до н. э.)» — 21 с.;

5. «Население Нижнего Побужья в архаическое время» — 43 с.

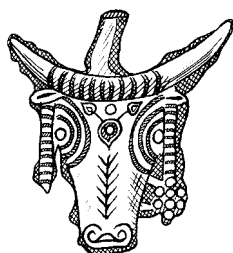
Все они имели неоконченный характер и являлись разновременными вариантами одной и той же работы, в той или иной степени повторявшими друг друга. Автор несколько раз начинал работу над своим палеодемографическим исследованием, затем на какое-то время оставлял его, а позже начинал уже совсем новый вариант, не возвращаясь к предыдущим. Взяв за основу последнюю, самую большую по объему рукопись, я взял на себя ответственность дополнить ее важными фрагментами из других вариантов рукописи. Все эти моменты оговорены в примечаниях. В тех случаях, когда в данной и других работах ссылки восстановить не удалось, это либо оговорено особо, либо поставлен следующий знак [—].

Работу, проведенную мною по поиску, сбору, восстановлению и подготовке к печати всего наиболее ценного в научном плане из творческого наследия Валерия Михайловича Отрешко, я считаю святым долгом перед светлой памятью своего однокурсника, чуткого свидетеля и друга моей юности и зрелости, сподвижника по работам на Ольвийской хоре и вдумчивого, талантливого коллеги по отделу античной археологии ИА НАНУ.

В отношении же справедливой и заслуженной оценки научных работ В.М. Отрешко, а также степени их актуальности и востребованности в современном научном процессе я думаю, что лучше, чем об этом уже было когда-то сказано в печати, не скажешь, и поэтому хочу в заключение процитировать здесь эти слова полностью:

«Широкий исторический подход к его работам, соединенный с пристальным вниманием к его выводам, гипотезам, идеям позволяет развивать их в дальнейшем и осмысливать как необходимое подспорье в развитии отечественного антиковедения в будущем»¹.

¹ Русяева А., Мазарати С. Валерий Михайлович Отрешко (1949—1999) // Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. — К., 1999. — Вип. III. — С. 225.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
кандидата исторических наук
Валерия Михайловича ОТРЕШКО
(монографии, статьи, заметки,
сообщения, тезисы докладов)

1970

1. До питання про існування дахівкових ергастеріїв на Боспорі // Вісник Київського університету. — К., 1970. — № 12. — Серія історії. — С. 103—105.

1973

2. Работы Ольвийской экспедиции // АО 1972 г. — М., 1973. — С. 298—299 (соавторы: С.Д. Крыжицкий, А.В. Бураков, Н.А. Лейпунская, А.С. Русяева).

1974

3. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 253—254 (соавторы: А.В. Бураков, С.Б. Буйских).

1975

4. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 262—263 (соавторы: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.И. Назарчук).

5. Западный район Ольвийской периферии в позднеархаическое время // НОСА: Тез. докл. конф. — К., 1975. — Ч. II. — С. 93—94.

6. Архаические и классические слои на поселении у Закисовой Балки // 150 лет ОАМ: Тез. докл. конф. — К., 1975. — С. 129—130.

1976

7. Разведки Периферийного и Геофизического отрядов Ольвийской экспедиции // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 311 (соавторы: А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.П. Дудкин).

8. Раскопки поселения Чертоватое-II // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 387 (соавтор: В.В. Рубан).

9. Позднеархаические поселения Березанского лимана // ОМАУ. — К., 1976. — Ч. I. — С. 31—33.

1977

10. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка-II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. — К., 1977. — С. 40—44.

11. К проблемам экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // I Всесоюзный симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: Тез. докл. — Тбилиси, 1977. — С. 54—55.

12. О влиянии различных экономических факторов на процесс образования избыточно-го населения в Древней Греции // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс: Тез. докл. Всесоюзной конф. — М., 1977.¹

1978

13. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 310 (соавторы: А.И. Ганжа, Л.В. Мошкова).

1979

14. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — К., 1979. — С. 80—87.

15. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума. — Тбилиси, 1979. — С. 80—87.

16. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979. — С. 264.

1980

17. Раскопки Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 317.

18. Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка // АИУ в 1978—1979: Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. — Днепропетровск, 1980. — С. 103—104.

19. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. — К., 1980. — С. 3—18 (соавторы: С.Д. Крыжицкий, А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.В. Рубан).

1981

20. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. — 1981. — № 1. — С. 27—41.

¹ Эту работу просмотреть de visu не удалось. Исходные данные приведены по одному из списков работ В.М. Отрешко из его личного дела, хранящегося в Институте археологии НАНУ.

21. О клерах Ольвии // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: Тез. докл. IV Республиканской конф. молодых ученых. — К., 1981. — С. 75—76.

1982

22. О миксэллинах // Эллинизм и Причерноморье. III Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья: Тез. докл., Цхалтубо, 1982. — Тбилиси, 1982. — С. 82.

23. З історії Ольвійського полісу IV—I ст. до н. е. // Археологія. — 1982. — Вип. 41. — С. 34—46.

24. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка-II // Древности степной Скифии. — К., 1982. — С. 75—91 (соавтор: Н.А. Гаврилюк).

1985

25. О плотности застройки населенных пунктов Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э. // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. семинара. — Парутино, 1985. — С. 62—63.

1986

26. Хора Ольвии // Археология УССР. — К., 1986. — Т. 2. — С. 317—323.

27. Поселения Нижнего Поднестровья // Археология УССР. — К., 1986. — Т. 2. — С. 337—342.

28. Территория Херсонесского государства // Археология УССР. — К., 1986. — Т. 2. — С. 355—361.

29. Сельские поселения Боспора // Археология УССР. — К., 1986. — Т. 2. — С. 380—387.

30. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. — К., 1986. — С. 3—17 (соавтор: С.Д. Крыжицкий).

31. Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986. — С. 61—66 (соавтор: А.С. Островерхов).

1987

32. Полужемлянки и землянки // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. — К., 1987. — С. 5—17 (соавтор: С.Н. Мазарати).

33. Орудия труда // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. — К., 1987. — С. 125—127.

1989

34. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с. (соавторы: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, А.В. Бураков).

35. Демографический потенциал Козырского городища // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР: Тези XX конф. ІА АН УРСР, Одеса, 1989. — К., 1989. — С. 161—162.

36. О датах основания Истрии и Борисфена // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. к

90-летию Б.Н. Гракова. — Запорожье, 1989. — С. 109—110.

37. Малые города Ольвийского государства (к постановке проблемы) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. к 90-летию Б.Н. Гракова. — Запорожье, 1989. — С. 110 (соавтор: С.Б. Буйских).

1990

38. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990. — 136 с. (соавторы: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских).

39. Ольвийская хора VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1990. — 17 с.

40. Демографический потенциал архаических крупных поселений Ольвийской хоры // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей): Тез. докл. конф. — Херсон, 1990. — Ч. II. — С. 83—84.

41. О рационе питания архаического населения Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей): Тез. докл. конф. — Херсон, 1990. — Ч. II. — С. 84 (соавтор: О.П. Журавлев).

42. Демографический потенциал Никония // Проблемы археологии Нижнего Поднестровья: Тез. докл. конф. — Белгород-Днестровский, 1990. — Ч. II. — С. 72.

1991

43. О численности населения архаической Березани и ее округи // Древнее Причерноморье: Пчтения памяти проф. П.О. Карышковского: Тез. докл. — Одесса, 1991. — С. 69.

1993

44. О локализации Гавани исиаков и Гавани истриан // Україна—Греція: історія та сучасність: Тези міжнар. наук. конф. — К., 1993. — С. 102—103.

45. Окружение Ольвийского полиса в V в. до н. э. — III в. н. э. // Древнее Причерноморье (КСОАО). — Одесса, 1993. — С. 63—64 (соавтор: С.Б. Буйских).

1994

46. Про основи економіки Березанського поселення // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 112—122.

47. Новые данные об античных поселениях Нижнего Побужья // Ольвия-200: Тез. докл. конф., посв. 200-летию открытия Ольвии. — Николаев, 1994. — С. 56—57 (соавтор: М.М. Иевлев).

48. К вопросу о водоснабжении Березани // Ольвия-200: Тез. докл. конф., посв. 200-летию открытия Ольвии. — Николаев, 1994. — С. 96—97 (соавтор: В.В. Назаров).

49. Костяной амулет с поселения Чертоватое-VII под Ольвией // Древнее Причерноморье (КСОАО). — Одесса, 1994. — С. 107—115 (соавтор: А.С. Островерхов).

1996

50. Основные этапы развития сельской округи Ольвии доримского времени // Греки на Черном море; Международный археологический симпозиум: Тез. докл. — Салоники (Греция), 1996. — С. 39—40 (соавтор: С.Б. Буйских).

51. Землянки и полуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья // Греки на Черном море. — Салоники, 1996. — С. 45—46.

52. Долговечное влияние // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника: Материалы чтений к 90-летию проф. Л.М. Славина. — К., 1996. — С. 87—90.

1997

53. О демографическом и военном потенциале Ольвийского полиса в конце архаического периода // Новые страницы древней истории Южной Украины: Тез. междунар. конф. — Николаев, 1997. — С. 30—31.

54. Клад дельфиновидных монет на поселении Козырка-5 (Бугский лиман) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997. — С. 112—117.

55. Клад дельфиновидных монет на поселении Большая Черноморка-2 (Березанский лиман) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997. — С. 117—122 (соавтор: В.И. Наумов).

1998

56. Ліпна кераміка поселення на о. Березань (за матеріалами 1979—1984 рр.) // BORYSTHENIKA:

Тез. чтений к 70-летию В.В. Лапина. — К., 1998. — С. 17—18 (соавтор: Н.О. Гаврилюк).

57. Ліпна кераміка поселення на о. Березань // Музейні читання: Матеріали міжнар. наук. конф. до 90-ліття О.І. Тереножкіна. — К., 1998. — С. 47—49 (соавтор: Н.О. Гаврилюк).

58. Открытие теменоса Березанского поселения // Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр. — К., 1998. — С. 37—38 (соавтор: В.В. Назаров).

2009

59. Этническая атрибуция сельских поселений Нижнего Побужья V—III вв. до н. э. // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 71—80.

60. Архаические сооружения Березани // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 81—92 (соавтор: С.Н. Мазарати).

61. Проблема каллипидов // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 93—97.

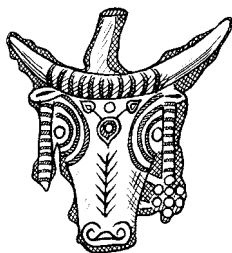
62. Землянки и полуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 98—102.

63. Население Нижнего Побужья в архаическое время // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 103—122.

64. Протоген (размышления к проблеме) // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 123—135.

65. Основные этапы развития сельской округи Ольвии доримского времени // Ольвийские древности. — К., 2009. — С. 136—144 (соавтор: С.Б. Буйских).

Составил С.Б. Буйских

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ В.М. ОТРЕШКО

1. СТАТЬИ

В.М. Отрешко

ПОСВЯЩЕНИЯ АХИЛЛУ ПОНТАРХУ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОЛЬВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА *

В научной литературе Ольвия издавна признается крупнейшим античным государством Северо-Западного Причерноморья, однако вопрос о ее территориальных владениях специально не исследовался.

Единственным известным нам исключением является статья В.Л. Зуца о территории Ольвийского государства в догетский период¹.

В качестве возможного критерия для определения территории Ольвийского государства В.Л. Зуц назвал денежный ареал (находки медных дельфинчиков), но не обосновал надежность этого критерия. Мало того, использовать его решил только по отношению к Березани². В конечном итоге вхождение или невхождение тех или иных поселений в состав Ольвийского государства было поставлено автором статьи в прямую зависимость от степени их удаленности от города: поселения, расположенные в междуречье Бугского и Березанского лиманов, «вероятнее всего, входили в Ольвийскую хору», а более удаленные — просто «тяготели к Ольвии». Провести границу между «территорией, которая тяготела к Ольвии», и территорией, которая «находилась под влиянием Тиры», автор отказался³.

Два года спустя после публикации статьи В.Л. Зуца вышел в свет второй том коллективного труда «Археологія Української РСР», в котором в какой-то мере подведен итог нашим знаниям о территории Ольвийского полиса. В разделе, посвященном хоре Ольвии (автор В.В. Лапин), указы-

вается, что вопрос о ее территориальных размерах может решаться пока что в общей форме⁴.

Совершенно очевидно, что для определения территории Ольвийского государства необходимы достоверные и убедительные критерии. В отношении римского периода одним из таких надежных, на наш взгляд, критериев может явиться группа эпиграфических документов — посвященные надписи в честь Ахилла Понтарха.

В настоящее время известно 31 посвящение Ахиллу Понтарху. В 21 из них сохранились имя и культовый эпитет божества⁵, другие 10 надписей с большой вероятностью причисляются к данной группе в силу особенностей формулировки текста⁶. Посвящения Ахиллу Понтарху обладали следующими характерными чертами.

1. Текст надписей однообразен и построен по единой формуле (с небольшими и редкими отклонениями).

2. Надписи носят официальный характер. «Благодарственное приношение» совершалось за мир в государстве, незыблемость государства, мужество в государстве, крепость государства, обилие плодов, обилие питьевой воды и за собственное здравие посвястителей. Посвястителями являлись: члены коллегии архонтов, члены коллегии стратегов, члены коллегии агораномов, жрецы Ахилла Понтарха и в одном случае — жрец Зевса Ольвии.

3. Данная группа эпиграфических документов существовала на протяжении длительного периода — примерно до полутора веков.

4. Регулярность посвящений. В.В. Латышев считал, что посвящения совершались после каж-

* Памятники древних культур Северного Причерноморья. — К., 1979. — С. 80—87.

дого окончания магистратуры или жречества⁷. И.И. Толстой на основании существования в записях жрецов формулировок «жречествующий» и «жречествовавший» пришел к выводу, что посвящения могли совершаться не только после окончания, но и во время исполнения магистратуры⁸. Однако трудно сказать, насколько наблюдения над записями жрецов можно распространить на надписи магистратов. В любом случае систематичность, точнее регулярность, налицо. Более всего надписи походят на своего рода годовые отчеты, и формулировки текста, хоть и в самом общем виде, отражают политическое и экономическое положение государства за отчетный период.

5. Надписи распространены на большой территории от Очакова до Одессы, преимущественно в прибрежной полосе.

География находок посвящений Ахиллу Понтарху представляет особый интерес. В литературе обычно указываются следующие пункты находок — Ольвия, Очаков, Бейкуш, Березань, Викторовка, Тузлы, Коблево, Софиевка, Одесса. Пять березанских надписей происходят из раскопок Э.Р. Штерна, в других пунктах посвящения найдены случайно. Поэтому естественно, что не все сведения о находках вызывают доверие. Нам представляются сомнительными сведения о находках в Ольвии, Викторовке, Очакове и Тузлах.

О л ь в и я. Имеются сообщения о находке трех надписей (ИРЕ, I², № 141, 149, 157). Как справедливо отметил П.О. Карышковский⁹, информация о месте находок этих надписей доверия не заслуживает, поскольку все они прошли через руки перекупщиков (первая куплена в Аккермене, две другие происходят из собрания Суручана). За многие десятилетия систематических раскопок в Ольвии не было найдено ни одного посвящения Ахиллу Понтарху.

О ч а к о в. Этому пункту приписывают две надписи (ИРЕ, I², № 137, 153), найденные «вблизи Очакова» и «в окрестностях Очакова». Иными словами, надписи были найдены не в самом Очакове, а где-то в его окрестностях. На наш взгляд, имеются все основания отнести эти находки к Бейкушу. Во-первых, Бейкуш (современное с. Черноморка) находился примерно в 3 км от Очакова и вполне подходит под понятие «окрестности Очакова»; во-вторых, на Бейкуше найдено несколько посвящений, сведения о которых сомнений не вызывают; в-третьих, вблизи Очакова не имеется больше пунктов, где были бы известны находки посвящений Ахиллу Понтарху. Таким образом, отнесение данных надписей к Бейкушу не противоречит ни информации о месте находки, ни достоверным сведениям о находках других посвящений.

В и к т о р о в к а. В 1913 г. в лимане, напротив села, был найден фрагмент надписи, предпо-

ложительно восстановленной как посвящение Ахиллу Понтарху (ИРЕ, I², № 146). И.И. Толстой данный фрагмент в список посвящений не включает.

Викторовка находится на правом берегу Березанского лимана, напротив Бейкуша. Не исключено поэтому, что надпись имеет бейкушское происхождение. В любом случае, однако, на основании находки в лимане фрагмента было бы рискованно локализовать в Викторовке один из пунктов, связанных с культом Ахилла Понтарха.

Т у з л ы. Имеется сообщение о находке двух посвященных надписей (ИРЕ, I², № 130, 134). Относительно происхождения этих надписей сообщались различные, прямо противоположные сведения. Г. Келер считал, что надписи найдены на Березани¹⁰. Ф. Брун, опровергая Г. Келера, утверждал, что от Ф.М. де Рибаса он неоднократно слышал о находке именно этих надписей в окрестностях с. Тузлы, между лиманами Тилигульским и Березанским¹¹. Рауль Рошетт местом находки первой из надписей указывал Ольвию¹². В.В. Латышев¹³ и И.И. Толстой¹⁴ придерживались мнения Ф. Бруна, а П.В. Беккер¹⁵ и Э.Р. Штерн¹⁶ — мнения Г. Келера. В силу невозможности достоверно определить, где в действительности были найдены надписи, в настоящее время приходится отказаться от локализации в окрестностях с. Тузлы одного из пунктов, связанных с культом Ахилла.

Сведения о находках посвящений на Березани, в Бейкуше, Коблеве, Софиевке и Одессе сомнений не вызывают.

Б е р е з а н ь. Пять надписей происходят из раскопок Э.Р. Штерна (ИРЕ, I², № 131, 135, 154; НО, № 87, 89). Следует отметить также находку посвящения агораномов Ахиллу Герою в 1964 г. (НО, № 90).

Б е й к у ш. Сюда относятся девять надписей (ИРЕ, I², № 132, 133, 137, 143, 145, 153, 156; ВДИ, 1953, № 4, с. 130). Среди перечисленных посвящений четыре имеют достаточно точный и достоверный адрес, что вызывает доверие и к сообщениям о бейкушском происхождении остальных надписей.

К о б л е в о. Пять надписей (обычно объединяемых по месту жительства находчиков) происходят из двух различных пунктов: одна надпись (ИРЕ, I², № 144) найдена на берегу Карабашского лимана, остальные (ИРЕ, I², № 138, 142, 685, 686) — на левом берегу Тилигульского лимана, у его устья. Оба места в литературе не оспаривались и сомнений не вызывают.

С о ф и е в к а. Посвящение архонтов (НО, № 88) найдено в 1960 г. на огороде А.Г. Головченко. И.Б. Клейман, осмотревший место находки, сообщил, что плита лежала на основании из тесанных известняковых блоков. Вокруг

были встречены обломки амфор, лощеных сосудов черняховского типа и каменная ступка¹⁷. Несомненно, что в данном пункте находилось святилище Ахилла Понтарха, но, к сожалению, И.Б. Клейман ограничился небольшой разведкой.

Одесса. Найдены два посвящения, высеченные на одной плите (ІРЕ, І², № 136, 140). Судя по шрифту, относятся к разному времени. Найдены в 1909 г. на Молдаванке, на современной улице Марины Расковой, у Водяной балки, открытой в сторону Хаджибейского лимана¹⁸. Относительно мест находок четырех надписей никаких сведений не имеется (ІРЕ, І², № 139, 155, 158; НО, № 86).

Естественно, возникает вопрос о причинах местонахождения посвящений Ахиллу Понтарху в различных частях Черноморского побережья. По этому поводу в литературе было высказано несколько мнений. При этом оценка достоверности сообщений о находках посвященных надписей в различных местах побережья и объяснение этого явления долгое время зависели от трактовки тем или иным ученым сообщения Диона Хризостома о том, что у ольвиополитов имелось два храма Ахилла — один в полисе, другой на Ахилловом острове.

Г. Келер, знавший одно посвящение, открытое будто бы на Березани, и два других, вероятным местом находки которых опять-таки считал Березань, отождествлял Березань с Ахилловым островом¹⁹. В.В. Латышев, напротив, считал, что Дион подразумевал под Ахилловым островом о. Змеиный и в сообщении о березанском происхождении посвящений видел лишь «уловку Келера»²⁰, а находки надписей в других местах объяснял растаскиванием руин Ольвии (по сообщению П. Кепшена, развалины Ольвии служили каменоломней при постройке Очакова, Кинбурна и различных сел Нижнего Побужья)²¹.

В начале XX в. во время работы Э.Р. Штерна на Березани было открыто несколько посвящений Ахиллу Понтарху. К этому же времени относятся находки нескольких посвящений на Бейкуше, и публикующий их Э.Р. Штерн незамедлительно делает выводы: во-первых, реабилитирует Г. Келера; а во-вторых, выдвигает предположение о том, что надписи устанавливались «там, где для ольвиополитов открывается впервые вид на море, вблизи элемента, над которым господствовал властный Ахилл»²². В другой публикации он пишет о том, что на Бейкуше и в устье Тилигула должно было быть что-то вроде святилищ Ахилла «и в разных пунктах заселенного тогда ольвийскими греками берега приносились посвящения «Властителю моря»»²³.

И.И. Толстой, как и В.В. Латышев, считал, что во все времена был только один остров Ахил-

ла — о. Змеиный. Опровергать факт поклонения Ахиллу Понтарху на Березани после раскопок Э.Р. Штерна было уже нельзя, и И.И. Толстой признал существование святилищ на Березани и в различных пунктах побережья, где были найдены посвящения. То же положение, что и В.В. Латышев, он доказывал прямо противоположным способом: Березань не могла быть Ахилловым островом не потому, что там вообще не поклонялись Ахиллу, а потому, что на Березани Ахиллу поклонялись точно так же, как и во многих других пунктах побережья²⁴. Причиной сооружения многочисленных святилищ, по мнению И.И. Толстого, являлось развитие культа Ахилла на Левке и религиозное стремление ольвиополитов к служению герою и у себя на родине²⁵.

М.И. Ростовцев в рецензии на книгу И.И. Толстого выдвинул общепринятую впоследствии концепцию о том, что в римское время в результате потери Левки ольвиополиты создали на Березани второй (собственный) остров Ахилла (причем греки метрополии эти два Ахиллова острова часто путали)²⁶. Эта гипотеза для М.И. Ростовцева не сочеталась с возможностью видеть на Березани лишь одно из многочисленных ординарных святилищ, разбросанных по всему побережью от Очакова до Одессы. По его мнению, «возможно, что большинство этих посвящений найдено в Ольвии»²⁷.

М.Ф. Болтенко, публикуя бейкушское посвящение в 1937 г., подчеркивал локализацию находок надписей или на Березани, или на противоположной стороне пролива, отделяющего остров от материка²⁸. Подобная локализация связывалась с близостью к морю.

Объяснение Э.Р. Штерна разделяет и П.О. Карышковский²⁹. Интересно отметить, что это мнение относительно связи с морем приведено им при публикации надписи из с. Софиевка, расположенного в верховьях Тилигульского лимана. На наш взгляд, находка в Софиевке неоспоримо свидетельствует о том, что при выборе мест для святилищ Ахилла Понтарха ольвиополиты руководствовались не близостью к морю, а какими-то другими соображениями.

Э.Р. Штерн и другие ученые, разделявшие его мнение, почему-то игнорируют тот факт, что в тексте посвящений нет ни слова о море, зато много говорится о мире, крепости государства и обилии плодов. О связи Ахилла Понтарха с морем можно убедиться только на основании перевода культового эпитета — «Владыка моря». Однако переводить и тем более трактовать этот эпитет можно по-разному.

Совсем недавно несколько интересных соображений было высказано А.С. Русевой. Она предполагает определенную связь между появлением во II в. н. э. сакрального эпитета

Ахилла Понтарх, установленного архонтами Ольвии, и существованием в это время в Нижней Мезии должностного лица — понтарха, главы западнопонтийского союза городов. По мнению А.С. Русяевой, за этим совпадением могло скрываться противопоставление политики верховных магистратов Ольвии с их покровителем Ахиллом Понтархом политике верховных магистратов союза северопонтийских городов во главе с Понтархом³⁰. Однако нам ничего не известно о противоборстве Ольвии и Нижней Мезии во II в. н. э., а противопоставление верховного ольвийского бога западнопонтийскому должностному лицу представляется слишком рискованным.

А.С. Русяевой выдвинуто и другое заслуживающее внимания положение. По ее мнению, Ахилл с давних пор являлся покровителем ольвийских границ, а места, связанные с культом Ахилла, как бы определяют границы Ольвийского государства³¹.

А.С. Русяева первой из исследователей стала объяснять причину распространения посвящений Ахиллу Понтарху не мистическими потребностями ольвиополитов ощущать присутствие бога, а вполне определенными политическими причинами. Отметим, однако, что охрана границ — лишь одна из многочисленных функций бога — покровителя государства. Что же касается мест, связанных с культом Ахилла, то они вовсе не определяют, не очерчивают границ Ольвийского государства. Другое дело, что они расположены на ольвийской территории. Суммируя вышеприведенные высказывания дореволюционных и советских исследователей, в настоящее время можно считать доказанными следующие положения:

а) большинство посвящений Ахиллу Понтарху найдены там, где они были поставлены в древности;

б) в местах находок посвятительных надписей в древности находились святилища Ахилла Понтарха.

Вопрос о причинах размещения святилищ Ахилла Понтарха в различных пунктах побережья остается открытым.

На наш взгляд, специалисты по античной религии несколько односторонне рассматривали культ Ахилла в Северном Причерноморье. Исследователей интересовал, прежде всего, Ахиллов остров. Именно здесь виделся исследователям центр культа, распространившегося затем по всему Северному Причерноморью. Ахиллов бег и Гилея привлекали меньше внимания. Посвящения Ахиллу на поселениях архаического времени³² еще были неизвестны, а причины нахождения посвящений Ахиллу Понтарху рассматривались преимущественно в связи с тем же Ахилловым островом.

В настоящее время известно, что почитание Ахилла на материке начинается примерно одновременно с возникновением культа Ахилла — владыки Левки. При выборе мест для поклонения Ахиллу древние еще с архаического времени предпочитали косы и мысы, обращенные к западу (Тендровская коса, Кинбурнский мыс, Бейкушский мыс и т. д.). В Троаде святилище и курган Ахилла находились на Сигейском мысе, также обращенном к западу. Эта же культовая особенность прослеживается и при локализации святилищ Ахилла Понтарха.

Объяснение этой особенности культа необходимо, как нам представляется, искать в «Одиссее» Гомера.

В XI песне, «Некуюе», Одиссей встречается с Ахиллом, но уже не с быстроногим непобедимым воином, а с «царем в царстве мертвых». Интерес в данном случае представляет, где и что сделал Одиссей для вызова душ умерших героев. Описание необходимых действий повторяется дважды — в X песне, где Кирка дает Одиссею на этот счет совет, и в XI песне, где Одиссей этот совет выполняет³³. Одиссей отправился в страну киммерийцев и на мысе между Пирифлегетон и Коцитом вырыл глубокую яму. Затем совершил три возлияния мертвым и заколол над ямой черную овцу и черного барана, «к Эребу их обратив головою», после чего к этому месту слетелись души умерших, в том числе и Ахилла, «царя в царстве мертвых».

Если учесть, что обращение к Эребу, к загробному миру, — это, по греческим представлениям, обращение к западу, то нам, кажется, становится понятным, почему Ахиллу поклонялись на обращенных к западу мысах. Выбор этих мест в начале определялся мифо-географическими представлениями о входе в загробный мир, впоследствии, видимо, законсервировался в виде общепринятого правила с подобающим размещением святилищ.

В.В. Латышев в свое время писал: «По древнейшему преданию эллинов Ахилл, убитый под Троей, был торжественно сожжен на костре, тогда как тень его, снизойдя в подземное царство, стала царствовать над умершими. Но уже рано распространяется между эллинами другое верование, по которому Фетида унесла труп сына с пылающего костра на острова блаженных или в Елисейские поля или, наконец, на Белый остров (Левку) или Ахиллов... Это сказание, мало-помалу распространяясь, почти совершенно затмило первоначальное, так что в веровании позднейших эллинов Белый остров был неразрывно связан с именем Ахилла»³⁴.

На наш взгляд, позднейшее сказание не затмило первоначальное, но один миф привел к появлению культа Ахилла на Левке, а другой —

к культу Ахилла на обращенных к западу мысах и косах побережья.

Не приходится сомневаться в том, что в первые века н. э. обращенных к западу мысов в Северном Причерноморье было куда больше, чем святилищ или храмов Ахилла Понтарха. Иными словами, политические соображения должны были играть не меньшую роль, чем религиозные представления.

Прежде всего, святилища верховного бога — покровителя Ольвии — могли располагаться только на территории Ольвийского государства. Этому можно противопоставить только два положения — ольвийские магистраты совершали свои благодарственные приношения «за мир», обилие плодов, обилие питьевой воды и мужество в государстве» на территории: а) других полисов, б) независимых варварских племен. И при этом даже не указывали в своих записях, о каком государстве идет речь. Вероятно, подобные чисто логические конструкции не нуждаются в сколько-нибудь обстоятельном опровержении.

Нам известны шесть пунктов, достоверно связанных с культом Ахилла Понтарха: устья Березанского, Карабашского, Тилигульского и Хаджибейского лиманов, район с. Софиевка в верховьях Тилигульского лимана и о. Березань. Исходя из этой локализации, можно утверждать, что Ольвийскому полису во II—III вв. н. э. принадлежало побережье Черного моря вплоть до современной Одессы, а также берега Тилигульского лимана вплоть до его верховьев.

Упомянутые античными авторами Одесс, Гавань Исиаков и Гавань Истриан должны были во II—III вв. н. э. входить в состав Ольвийского государства. Это положение вполне согласуется с полным отсутствием данных об их существовании в качестве самостоятельных государственных образований.

Поскольку культ Ахилла Понтарха носил официальный характер, количество святилищ этого бога и их размещение на территории государства должны были определяться целенаправленной политикой ольвийских магистратов. Исходя из этого, нам представляется допустимым предположить, что каждое святилище могло соответствовать определенной территориально-административной единице Ольвийского государства.

В целом ареал распространения посвящений Ахиллу Понтарху является одним из надежных критериев для определения территории Ольвийского государства в римское время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зуц В.Л. Територія Ольвійської держави догетського часу // Археологія. — 1969. — Т. 22. — С. 80—89.

² Там же. — С. 85.

³ Там же. — С. 86.

⁴ Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 2. — С. 308.

⁵ ІРЕ, І, № 130—145; НО, № 86—89; Болтенко М.Ф. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха // ВДИ. — 1953. — № 4. — С. 130.

⁶ ІРЕ, І, № 146, 149, 153—158, 685, 686.

⁷ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887. — С. 55, 261, 270.

⁸ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. — Пг., 1918. — С. 73—75.

⁹ Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. — 1962. — № 3. — С. 146.

¹⁰ Köhler H.K.E. Memoire sur les îles et le cours consacrés a Achille dans la Pont Euxin. — St. Petersburg, 1827. — P. 107.

¹¹ Брун Ф. О местоположении Тираса // ЗООИД. — 1853. — Т. 3. — С. 62.

¹² Raoul-Rochette. Antiquités du Bosphore-Cimmerien. Paris, 1823. — P. 15.

¹³ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — С. 59.

¹⁴ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. — С. 50—51.

¹⁵ Беккер П.В. О двух ольвийских надписях // ЗООИД. — 1860. — Т. 4. — С. 120.

¹⁶ Штерн Э.Р. По поводу посвячительных надписей Ахиллу Понтарху // ЗООИД. — 1907. — Т. 27. — С. 66.

¹⁷ Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. — 1962. — № 3. — С. 141.

¹⁸ Там же. — С. 145, прим. 20.

¹⁹ Köhler H.K.E. Memoire sur les îles et le cours consacrés a Achille dans la Pont Euxin. — P. 107.

²⁰ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — С. 59, прим. 25.

²¹ Кеннен П. Древности северного берега Понта. — М., 1828. — С. 134.

²² Штерн Э.Р. По поводу посвячительных надписей Ахиллу Понтарху // ЗООИД. — 1907. — Т. 27. — прот. № 368, С. 66.

²³ Штерн Э.Р. Вновь найденные посвящения Ахиллу Понтарху // ЗООИД. — 1907. — Т. 27. — прот. № 365, С. 10.

²⁴ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. — С. 54.

²⁵ Там же. — С. 86.

²⁶ Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 187.

²⁷ Там же. — С. 187, прим. 2.

²⁸ Болтенко М.Ф. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха. — С. 131.

²⁹ Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. — 1962. — № 3. — С. 146.

³⁰ Русаева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского периода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук — К., 1975. — С. 17.

³¹ Там же. — С. 18.

³² Русаева А.С. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. — 1971. — № 2. — С. 22—28.

³³ Одиссея, X, 505—540; XI, 10—50.

³⁴ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — С. 53—54.

К ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ *

В процессе освоения греческими переселенцами Нижнего Побужья археологически выделяются два этапа. Первый этап (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.) характеризуется существованием только одного поселения — Березанского. На протяжении второго этапа (первая половина VI — первая четверть V в. до н. э.) по берегам Березанского, Днепро-Бугского и Бугского лиманов, а также по побережью Черного моря возникают многочисленные населенные пункты. На основе эксплуатации разнообразных природных ресурсов региона создается весьма сложный хозяйственно-экономический организм. Вероятнее всего, колонизация Нижнего Побужья проходила в рамках единого политического образования, центром которого первоначально была Березань, а затем Ольвия.

Экономическая характеристика Березанского поселения на раннем этапе его существования до сих пор остается проблематичной. Пожалуй, наиболее распространено мнение о преобладающем значении посреднической торговли с местными племенами Северного Причерноморья. Однако более убедительным, на наш взгляд, является представление о Березани как, прежде всего, производящем центре, поскольку следов массового импорта товаров греческой метрополии на поселениях и в могильниках местных племен этого времени не обнаружено. Крайне редкие находки греческих изделий VII — начала VI в. до н. э.¹ могут свидетельствовать лишь о наличии более-менее постоянных контактов (вероятно, торговых) эллинов с местными варварами. В пользу таких контактов говорит и дальнейший ход экономического развития Нижнего Побужья. Однако единичность подобных находок ясно демонстрирует мизерность объема и, соответственно, малое значение посреднической торговли для экономики ранней Березани.

В этих условиях, довольно большое количество находок привозных изделий на самом Березанском поселении, вопреки мнению некоторых исследователей, показывает лишь товар-

ный характер местного производства и большое экономическое значение торговли собственной продукцией.

О роли ремесленного производства ввиду недостатка фактических данных судить трудно. Судя по опубликованным материалам², ремесла и различные промыслы имели вспомогательное значение и вряд ли могли удовлетворить полностью собственные потребности жителей поселения.

Таким образом, основой экономики ранней Березани приходится признать сельское хозяйство — земледелие и скотоводство, а само поселение на этом этапе его существования охарактеризовать как аграрно-торговое (с учетом определенной роли ремесел и промыслов).

На втором этапе колонизации Нижнего Побужья произошло, в результате массового притока греческих переселенцев, освоение сравнительно обширных территорий. Этот процесс оказался возможен благодаря отсутствию местного оседлого населения (вопрос о наличии кочевого населения остается открытым до исследования степных курганов). Территориальная экспансия греков не сдерживалась каким-либо организованным сопротивлением.

Судя по имеющимся в настоящее время датировкам, прежде всего в начале VI в. до н. э. начал осваиваться район Кинбурнского полуострова — Гилея. Основными ресурсами этого района являлись лес различных пород и соль. Не исключены и другие сырьевые запасы, вроде болотных руд или металлосодержащих песков. Вплоть до последнего времени этот район практически не исследовался, и тем неожиданнее оказалось открытие Ягорлыцкого поселения ремесленников³. Небольшие разведочные раскопки и сбор подъемного материала показали существование на этом поселении нескольких производств — железоделательного, бронзолитейного, стеклоделательного и свинцоволитейного. Открыты домницы для получения железа, найдено большое количество шлаков. Судя по анализу куска руды, железоделательное производство использовало сырье из Криворожья. Бронзолитейное производство базировалось на сырье из Карпато-Дунайского бассейна. Чрезвы-

* Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. — Тбилиси, 1979. — С. 151 — 158.

чайно интересны следы стекловарения. Прослеживаются все этапы производства — открыта стекловарильная печь, найдены обломки тиглей, куски стеклянной массы, бракованные и готовые изделия. В производстве стекла использовалась натуральная сода, которую в то время можно было получить лишь из Египта (вероятно, через Навкратис).

Огромная площадь Ягорлыцкого поселения в сочетании с большой насыщенностью остатками различных производств свидетельствует о значительном объеме продукции. Типы готовых изделий — стеклянных, бронзовых и свинцовых — хорошо известны по материалам раскопок скифских памятников⁴. Создается впечатление, что в архаическое время традиционные товары греческой метрополии не пользовались большим спросом у причерноморских племен. Поэтому развитие колониального ремесленного производства, ориентированного на туземный рынок и исходившего из потребностей и вкусов местных варваров, оказалось более эффективным, чем попытки наладить простую посредническую торговлю.

Учитывая находки в некоторых районах Кинбурнского полуострова бракованных бронзовых стрел ранних типов⁵, нельзя исключать возможность существования здесь и других ремесленных поселений, кроме Ягорлыцкого. Относительно причины размещения металлургических и стеклоделательного производств именно в Гилее представляется убедительным мнение А.С. Островерхова: их большая энергоемкость заставляла предпочитать богатые лесом районы, избегая дополнительных затрат и трудностей, связанных с транспортировкой топлива.

На протяжении рассматриваемого периода в районе Кинбурнского полуострова должны были в большом количестве производиться лесозаготовки и выжиг древесного угля. Необходимо было обеспечить потребности различных производств в топливе. Лес требовался для домостроительства Березани, Ольвии и многочисленных сельских поселений Очаковской степи, для изготовления различных орудий труда и предметов быта, для постройки лодок и кораблей. В этом же районе добывалась соль, столь необходимая не только для употребления в пищу, но и для использования в различных производствах. Не исключена разработка и других источников сырья.

Все вышесказанное позволяет выделить Кинбурнский полуостров как экономический район, являвшийся сырьевой базой и центром ремесленного производства Нижнего Побужья.

Несколько позднее Ягорлыка, во второй четверти VI в. до н. э. в Очаковской степи (с ее плодородными почвами) появляются греческие аграрные поселения. В течение второй — третьей

четвертей VI в. до н. э., продвигаясь с юго-запада на северо-восток, эти поселения занимают низовья Березанского, правый берег Днепро-Бугского и берега Бугского лиманов. Следы ремесленного производства, обнаруженные в этом районе, незначительны. Это обломки двух литейных форм из кургана ІІ Аджигольского могильника⁶; тигель-лячка для плавки свинца, найденный на поселении Большая Черноморка ІІ⁷; несколько кусков железного шлака из раскопок Чертова-того ІІ⁸. В качестве домашнего производства повсеместно были распространены ткачество и изготовление лепной керамики. Основой экономики являлось сельское хозяйство — земледелие и скотоводство. Раскопано большое количество зерновых ям, зафиксированы находки зерен культурных растений, на поселении у Широкой Балки открыта печь для сушки зерна⁹. Многочисленны находки костей домашних животных — быка, овцы, козы, свиньи и лошади. Жители поселений ловили рыбу и использовали в пищу мидий. Производство носило товарный характер — об объеме экспорта можно судить по обильным находкам импортных изделий (преимущественно амфор и керамики). Средством денежного обращения, как и в районе Кинбурнского полуострова, служили ольвийские дельфинчики. На более ранних поселениях найдены также монеты-стрелки.

В степи, на удалении от берегов лиманов, обнаружено несколько пунктов, отличных от вышеописанных поселений. Судя по разведочным работам, они являлись временными стоянками пастухов. Этот факт позволяет поставить вопрос о развитии отгонного скотоводства, что подчеркнуло бы высокую продуктивность сельского хозяйства степной зоны.

Таким образом, на втором этапе освоения Нижнего Побужья выделяются два сравнительно больших района, игравших различную роль в хозяйственной деятельности греческих переселенцев. Степной район с его плодородными почвами становится базой сельскохозяйственного производства. В районе Кинбурнского полуострова — Гилее с его богатыми сырьевыми ресурсами сосредотачиваются ремесленные производства.

На протяжении второго этапа произошли значительные изменения в экономике Березанского поселения. Весьма интенсивно развиваются различные ремесла¹⁰. Особенно большое значение получило, судя по всему, керамическое производство. Имеются все основания полагать, что значительная часть керамики, особенно сероглиняной, найденной на поселениях Побужья, была березанского производства. Значение сельского хозяйства, по сравнению с предыдущим периодом, должно было уменьшиться. Несомненный рост населения, наблюдаемый в

это время, вряд ли мог компенсироваться соответствующим увеличением объема сельскохозяйственного производства, поскольку возможности местного земледелия были весьма ограничены. Да в этом и не было особой нужды ввиду интенсивного аграрного освоения Очаковской степи. Главной экономической функцией Березанского поселения становится торговля.

К подобному выводу нельзя не прийти, если рассматривать Нижнее Побужье в целом, как некий хозяйственный организм, а не механическую совокупность нескольких десятков поселений. В настоящее время можно утверждать, что в VI в. до н. э. складывается весьма сложная и запутанная, но жизненно необходимая система связей Нижнего Побужья с различными районами Причерноморья и Средиземноморья. Для обеспечения сырьем ремесленных производств, сосредоточенных преимущественно в районе Кинбурнского полуострова, требовались поставки из Криворожья, Карпато-Дунайского бассейна и Египта. Естественно, что какие-то товары необходимо было экспортировать в эти районы взамен. Племена Причерноморья, импортируя продукцию гилейских ремесленников, могли поставлять, прежде всего, сельскохозяйственные товары и, быть может, рабов. Сельскохозяйственные товары, однако, не были нужны в Нижнем Побужье и их, вместе с продукцией местных аграрных поселений, необходимо было вывозить дальше, в центры метрополии. В свою очередь, товары метрополии в то время не пользовались особым спросом у местных племен, хотя и потреблялись в больших количествах греками Побужья. В самом Побужье значительное развитие получает внутренняя торговля, о чем можно судить хотя бы по распространению монет-стрелок и дельфинчиков. Что же касается Березани, то само ее географическое положение таково, что здесь пересекаются все водные пути, бывшие в те времена основными транспортными артериями. Через Березань должна была проходить почти вся торговля Нижнего Побужья, в то время как собственное ее производство, ремесленное и сельскохозяйственное, составляло лишь весьма незначительную часть производства данного региона. Рост значения Березани как торгового порта должен был быть прямо связан с темпами освоения Нижнего Побужья, увеличением количества поселений, ростом производства и усложнением системы обмена сырьем и готовой продукцией.

Не вызывает сомнений, что до возвышения Ольвии в последней трети VI в. до н. э. Березанское поселение являлось экономическим, религиозным и, вероятно, политическим центром Нижнего Побужья. Это нашло отражение и в его материальной культуре, более богатой по сравнению с другими поселениями данного региона.

Во второй половине VI в. до н. э. происходит возвышение Ольвии. Время ее основания, как и ее роль на начальном этапе существования дискусионны. Похоже, что первоначально она ничем особенно не выделяется из общей массы поселений степного района. Появление в последней трети VI в. до н. э. теменоса и агоры свидетельствует о переходе к Ольвии функций политического и религиозного центра Нижнего Побужья¹¹. В экономике Ольвии этого времени определенное значение получают ремесла, прежде всего бронзолитейное. Развивается торговля, налаживается выпуск медной монеты — дельфинчиков. Однако на основании имеющихся данных нельзя утверждать, что ремесло и торговля занимают ведущие позиции в экономике города. В этом плане показательны, что разведочные исследования Ягорлыцкого поселения дали больше остатков различных ремесленных производств, чем ведущиеся десятилетиями раскопки Ольвии. Да и торговля ее в VI в. до н. э. явно уступает березанской. В данной связи представляет интерес попытка определения причин возвышения Ольвии. Ее местоположение не является особенно выгодным ни в плане торговых интересов, ни с точки зрения благоприятных условий для расцвета ремесел. Поэтому, на наш взгляд, возвышение Ольвии явилось следствием ведущей роли аграрного производства в Нижнем Побужье и преобладанием крестьян среди граждан полиса.

Таким образом, как на первом, так и на втором этапе освоения Нижнего Побужья основой экономики региона являлось производящее хозяйство. Однако удельный вес различных его отраслей на протяжении архаического периода изменяется. Первоначально основную роль играет сельское хозяйство. В начале VI в. до н. э. резко увеличивается значение ремесленного производства. Роль земледелия в это время незначительна и, возможно, уступает не только ремеслу, но и торговле, развитие которой было тесно связано с ростом ремесленного производства. Во второй — третьей четвертях VI в. до н. э., по мере появления все новых поселений и освоения обширных степных территорий, объем аграрного производства увеличивается и где-то к последней трети VI в. сельское хозяйство вновь выходит на первое место в экономике Нижнего Побужья. На протяжении архаического периода происходит неуклонный рост значения торговли. Помимо того, что увеличивается ее удельный вес в совокупном продукте, возрастает роль торговли как фактора, позволявшего существовать некоторым отраслям производства и объединявшего различные сферы хозяйства в единый экономический организм.

В процессе освоения Нижнего Побужья выделяются два района с различной хозяйственной направленностью. Кинбурнский полуостров выступает как сырьевая база и центр ремесленного производства.

В очаковской степи преимущественное развитие получает сельское хозяйство. Основными торговыми портами региона в архаическое время являлись Березань и, в меньшей степени, Ольвия.

Необходимо сказать, что в первой четверти V в. до н. э. в Нижнем Побужье наблюдаются значительные перемены. На протяжении довольно короткого времени прекращают существование аграрные поселения степного района, территория Березанского поселения сокращается. Зато площадь Ольвии резко увеличивается, причем наблюдается переход к массовому сырцово-каменному наземному домостроительству¹². Прекращает существование Ягорлыцкое поселение, хотя в целом ситуация в районе Кинбурна остается неясной. Эти факты дают основание предполагать, что в указанное время произошла концентрация населения Нижнего Побужья в Ольвии. Весьма вероятно, что этот процесс был стимулирован резким повышением военно-политической активности кочевых скифских племен. Естественно, что подобные изменения не могли не отразиться на экономике Ольвийского полиса. Однако подробное рассмотрение создавшейся ситуации не входит в задачи настоящей работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Онайко Н.А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V веках до н. э. // САИ. — М., 1966. — Вып. ДІ-27. — С. 14—16, табл. I—III.

² Лапин В.В. Экономическая характеристика Березанского поселения // АГ. — С. 35, 37.

³ Островерхов А.С. Ягорлыцкое поселение // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 307; Островерхов А.С. Ягорлыцкое поселение ремесленников // НОСА. — Ч. II. — С. 18—19; Загний Г.Ф., Островерхов А.С., Черняков И.Т. Исследования у Ягорлыцкого залива // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 294.

⁴ Приношу искреннюю благодарность А.С. Островерхову за любезно предоставленную возможность использовать всю имеющуюся информацию о Ягорлыцком поселении.

⁵ Яценко И.В. Скифия VII—V веков до нашей эры // Труды ГИМ. — М., 1959. — Вып. 36. — С. 34.

⁶ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // PZ. — 1913. — Bd. 5. — Heft 1. — S. 9, fig. 6a, 6b.

⁷ Раскопки автора в 1973 г.

⁸ Совместные раскопки автора и В.В. Рубана в 1975 г.

⁹ Штителъман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. — 1956. — № 50. — С. 266 сл.; Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой балки // КСИИМК. — 1951. — Вып. 40. — С. 119 сл.

¹⁰ Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). — К., 1966. — С. 137—139.

¹¹ Карасев А.Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // ОТА. — С. 32—34; Леви Е.И. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951—1960 гг.) // ОТА. — С. 5.

¹² Крыжицкий С.Д. О развитии городской территории Ольвии в I тысячелетии до нашей эры // Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья: Тез. докл. и сообщ. — Тбилиси, 1977. — С. 39—40.

КАЛЛИПИДЫ, АЛАЗОНЫ И ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ *

Этническая атрибуция поселений Нижнего Побужья привлекает внимание современных исследователей как самостоятельный вопрос, так и в связи с другими проблемами скифской и античной археологии. Авторы многочисленных работ, преимущественно общего характера, следуют традиционной точке зрения и считают эти поселения скифскими. В то же время работающие в Нижнем Побужье археологи все настойчивее утверждают, что поселения принадлежали грекам. Поскольку первая точка зрения, предложенная еще В.В. Латышевым сложилась главным образом на основе интерпретации сообщения Геродота, а вторая опирается на обильный археологический материал (рисунок 1), полученный при планомерном изучении Нижнего Побужья в последние десятилетия, целесообразно будет вновь проанализировать письменный источник и сопоставить результаты этого анализа с данными археологии.

О каллипидах и алазонах, по свидетельству Страбона [XII, 3, 21], писали еще Гелланик и Евдокс, однако их сведения до нас не дошли. Помпонию Мела [De chorogr., II, 1, 7] упоминает лишь о том, что западная граница каллипидов проходила по р. Асиак (совр. Тилигул). Поэтому единственным литературным источником о ближайших соседях Ольвии было и остается сообщение Геродота [IV, 17; 52; 81]. Сообщение это, как известно, сводится к следующему.

По берегам Гипаниса обитают скифские племена: первыми от эмпория борисфенитов — каллипиды, являющиеся эллинами-скифами, выше их (т. е. севернее) — алазоны, еще выше — скифы-пахари. В земле алазонов Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу, затем промежуток между ними расширяется и обе реки поворачивают в разные стороны. Между Борисфеном и Гипанисом, на границе страны алазонов и скифов-пахарей, находится горький источник Эксампей, который портит воду Гипаниса. Алазоны, как и

каллипиды, ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. В отличие от них, скифы-пахари сеют хлеб не для собственного пропитания, а на продажу.

Историкам понадобилось, во-первых, очертить примерные границы владений каллипидов и алазонов и для этого локализовать эмпорий борисфенитов и Эксампей; во-вторых, определить образ жизни и уровень развития хозяйства обоих скифских племен и, наконец, объяснить термин «эллыны-скифы».

На все эти вопросы исследователи дали ответ еще в прошлом веке. Эмпорий борисфенитов — это Ольвия, Эксампей — один из притоков Буга — р. Мертвовод или р. Синюха. Правда, В.В. Латышев считал, что, строго придерживаясь Геродотового текста, горький источник надо искать несколько выше этих рек, но тут же признавал, что в конечном итоге это не имеет принципиального значения. «Как бы то ни было, — писал он, — область каллипидов и алазонов должна была приходиться главным образом на нынешнюю Херсонскую губернию, а скифов-пахарей — на губернии Подольскую, Киевскую и северо-восточную часть Херсонской, еще и теперь отличающиеся своим плодородием»⁴.

В наше время интересное исследование о местоположении Эксампея провел К.К. Шилик⁵. Он отождествил Эксампей с Гнилым Еланцем, который впадает в Буг у пгт Новая Одесса, в 135 км от моря, у вершины современного лимана. Граница между алазонами и скифами-пахарями, по его мнению, проходила по верховьям Гнилого Еланца, Мертвовода и далее на запад через Синюху и большую излучину Буга. Более убедительной представляется нам локализация Б.А. Рыбакова, отождествляющего Эксампей с притоком Синюхи — речкой Черный Ташлык, которая и являлась границей скифов-пахарей и алазонов⁶.

Что касается эмпория борисфенитов, то некоторые современные ученые склонны отождествлять его не с Ольвией, а с поселением на о. Березань. Для Геродота эмпорий борисфенитов служил не в качестве пограничного пункта, как, скажем, Эксампей, а в качестве ориентира на географической карте, поэтому независимо от

* Советская археология. — 1981. — № 1. — С. 27—41. От редакции «СА». Статья публикуется в дискуссионном порядке, поскольку из-за недостатка источников вопрос о каллипидах пока не может быть решен однозначно. Доклад на эту тему был прочитан автором на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР 28 декабря 1977 г.

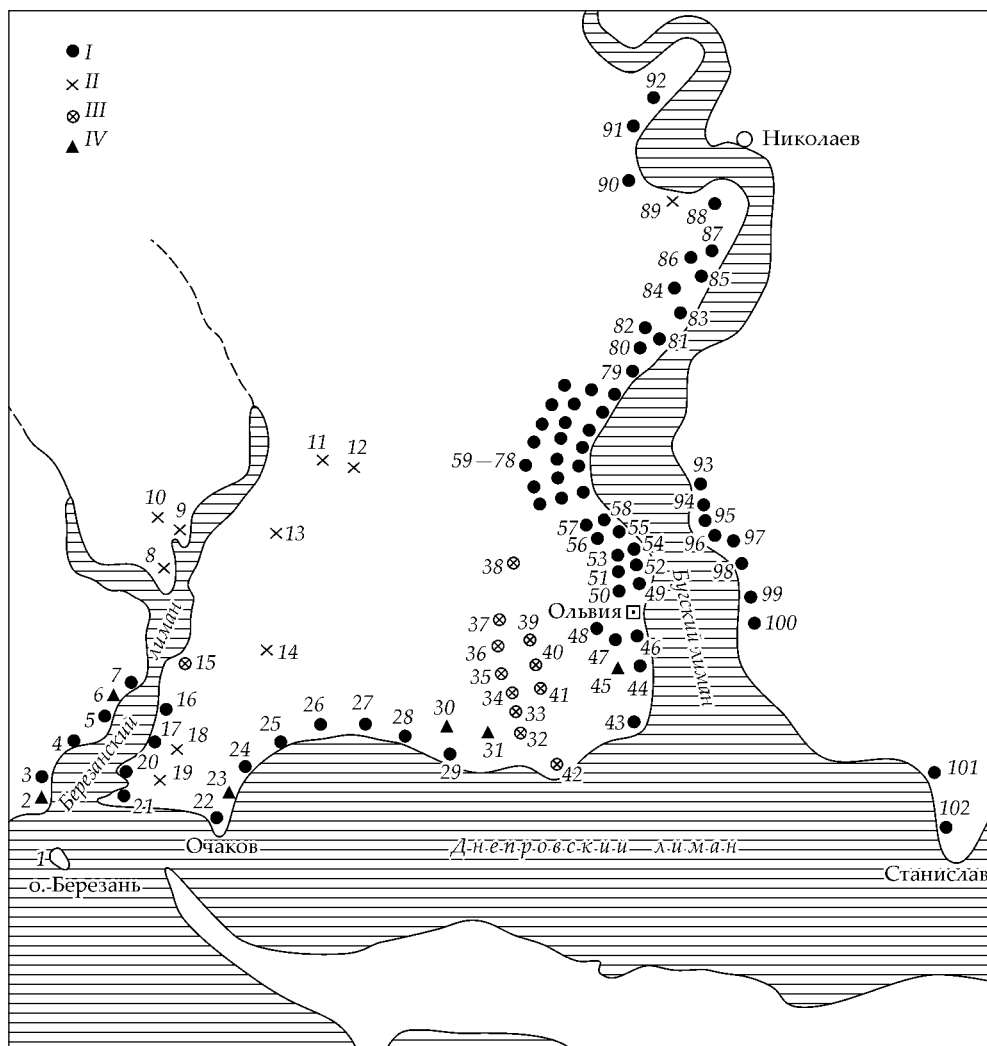

Схема расположения археологических памятников VII—V вв. до н. э. в Нижнем Побужье.

Условные обозначения: I — поселения; II — кратковременные стоянки; III — памятники, характер которых неясен; IV — могильники. Список памятников: 1 — Березань, 2 — Рыбаковка II, 3 — Викторовка I, 4 — Малая Лящевая коса, 5 — Большая Лящевая коса I, 6 — Большая Лящевая коса II, 7 — Лиманы (Коза), 8 — Мыс II, 9 — Андреево-Зорино, 10 — Шмидтовка III, 11 — Каменка VI, 12 — Каменка III, 13 — Ижецкое IV; 14 — Большая Черноморка IX, 15 — Каборга VI, 16 — Каборга I, 17 — Большая Черноморка II, 18 — Большая Черноморка III, 19 — Малая Черноморка IV, 20 — Малая Черноморка II (Бейкушское), 21 — Малая Черноморка I, 22 — Очаков II, 23 — Очаков I, 24 — Куцуруб III, 25 — Куцуруб I, 26 — Покровка, 27 — Ивановка I, 28 — Дмитриевка I, 29 — Петуховка I, 30 — Петуховский могильник, 31 — Аджигольский могильник, 32 — Аджигольская Балка IX, 33 — Аджигольская Балка VIII, 34 — Аджигольская Балка VII, 35 — Аджигольская Балка V, 36 — Аджигольская Балка III, 37 — Аджигольская Балка II, 38 — Аджигольская Балка XIV, 39 — Аджигольская Балка X, 40 — Аджигольская Балка XI, 41 — Аджигольская Балка XII, 42 — Аджигольская коса I, 43 — Днепро-Бугское, 44 — Закисова Балка, 45 — Закисова Балка (могильник), 46 — Широкая Балка I, 47 — Широкая Балка IV, 48 — Широкая Балка IX, 49 — Чертоватое I, 50 — Чертоватое II, 51 — Чертоватое VII, 52 — Чертоватое V, 53 — Чертоватое III, 54 — Чертоватое IV, 55 — Кателино IV, 56 — Кателино I, 57 — Кателино II, 58 — Кателино III, 59—78 — поселения у с. Козырка, № II—VII, IX—XI, XIII, XV—XXIV, 79 — Старая Богдановка II, 80 — Старая Богдановка IV, 81 — Старая Богдановка VI, 82 — Старая Богдановка VII, 83 — Новая Богдановка III, 84 — Новая Богдановка IV, 85 — Новая Богдановка VIII, 86 — Новая Богдановка V, 87 — Радсад II, 88 — Малая Корениха IV, 89 — Дидова Хата II, 90 — Большая Корениха I, 91 — Варваровка I, 92 — Варваровка IV, 93 — Лиманы III, 94 — Лиманы II, 95 — Лиманы I, 96 — Лиманы IV, 97 — Лиманы V, 98 — Лиманы VI, 99 — Лупарево I, 100 — Лупарево II, 101 — Александровка, 102 — Станислав

того, Березань или Ольвию имел он в виду, можно и сегодня с полным правом сказать, пользуясь словами В.В. Латышева, что «как бы там ни было», а каллипиды и алазоны занимали обширную территорию в Днепро-Бугском и Буго-Днестровском междуречьях к югу от большой излучины Буга.

Теперь об образе жизни каллипидов и алазонов. Кем они были — оседлыми или кочевыми

племенами? Это ключевой вопрос. От правильного решения этого вопроса зависит вся концепция, и в частности определение того, какой именно смысл вкладывал отец истории в термин «эллины-скифы» применительно к каллипидам. Если оба племени были оседлыми — значит, археологи должны будут найти следы их оседлого пребывания на указанной Геродотом тер-

ритории и на основе вещественного материала определить степень экономического развития, культуру, быт и религиозные представления. Если же кочевниками, то, значит, исследователи неправильно поняли термин «эллины-скифы», ибо самое предположение об эллинизированных кочевниках по сути своей абсурдно.

Описание каллипидов и алазонов у Геродота (IV, 17) состоит как бы из двух частей; в первой части говорится, что оба племени вели одинаковый с остальными скифами образ жизни (*τά μὲν ἄλλα κατὰ ταῦτά Σχύδησι ἐπάσχεοσι*), во второй — что они занимались земледелием. Поскольку скифы, по Геродоту [IV, 2, и 46], были кочевниками, промыслили скотоводством, а жилища свои устраивали на повозках, то и каллипидов с алазонами следовало бы признать такими же кочевниками. Вторая часть описания давала повод считать их земледельцами. Традиционная точка зрения исходит из второй части сообщения, на основе которой сделан вывод, что каллипиды и алазоны являлись оседлыми земледельческими племенами. Этому способствовал и термин «эллины-скифы», примененный Геродотом в отношении каллипидов и свидетельствующий, по общему мнению, об эллинизации последних. Такой вывод представлялся ученым столь доказательным («сеяли хлеб...»), столь бесспорным, что никто, по существу, и не пытался его пересматривать или оспаривать. Больше того, со временем убеждение в том, будто оба племени были оседлыми земледельцами, настолько укоренилось в науке, что некоторые ученые склонны были даже укорять отца истории в непоследовательности. Вот, например, что писал М.И. Артамонов: «...приведенное указание на быт алазонов, будто бы одинаковый со скифским, выглядит довольно странно. Образ жизни алазонов не мог быть таким же, как у кочевых скифов, уже по одному тому, что они занимались земледелием»⁷. Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова высказали по этому вопросу компромиссное предположение: Геродот в данном случае имел в виду не хозяйство, а культуру и быт, т. е. подчеркивал единство обычаев при разном типе хозяйства: каллипиды и алазоны, ведя оседлый земледельческий образ жизни, продолжали оставаться скифами по языку, нравам, религии и политической организации⁸.

При таком толковании сообщение Геродота приходится уже понимать так: хотя каллипиды и алазоны и говорят на скифском языке, следуют скифским обычаям, поклоняются скифским богам, но, тем не менее, они сеют и употребляют в пищу хлеб и т. д. Какая связь между языком и земледелием, непонятно. Может быть, Геродота удивило, что племена скифов, этнически родственные, различаются в хозяйственном отношении? Вряд ли, поскольку он знал, например, персидских кочевников и земледельцев. Если Геродот считал, что занятие земледелием может быть воспринято как

противоречащее принадлежности какого-либо племени к скифам, то почему нет аналогичных указаний относительно скифов-пахарей и земледельцев? Или те племена быть скифами перестали? В связи с тем, что Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова считали каллипидов населением эллинизированным или даже смешавшимся с греками, возникают и другие вопросы. Если каллипиды являлись скифами по языку, религии, нравам и политической организации, то в каком отношении они были эллинизированы? Или, сформулировав иначе: если каллипиды являлись оседлыми земледельцами, воспринявшими эллинскую культуру, «отреченными», то в каких все-таки отношениях они жили одинаково с остальными скифами?

В целом, традиционное представление об оседлом земледельческом образе жизни каллипидов и алазонов представляется неубедительным по следующим соображениям. Во-первых, упоминание о земледелии само по себе не является достаточным доказательством оседлости. Земледелие может служить дополнительным источником существования и у кочевых скотоводов, и у охотников или рыболовов⁹. Во-вторых, представляется неудачной сама интерпретация текста Геродота. Сначала, на основании второй части его сообщения, делается вполне определенный и окончательный вывод об оседлом земледельческом образе жизни каллипидов и алазонов (хотя Геродот говорит лишь о том, что они занимались земледелием). Затем, с разной степенью убедительности, предпринимаются попытки согласовать полученный результат с первой частью все того же сообщения Геродота, где утверждается, что данные племена живут одинаково с остальными скифами.

Попробуем понять сообщение Геродота в целом, а не по частям. Итак, каллипиды и алазоны живут одинаково с остальными скифами. Воспользуемся описанием самого Геродота о том, как эти остальные скифы живут: каллипиды и алазоны, как и остальные скифы, не оседлые земледельцы, а кочевники, являются конными лучниками, свои жилища устраивают на повозках, средства к жизни добывают скотоводством, но в то же время сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо.

В общем, это достаточно четкое описание кочевников, в хозяйстве которых вспомогательную роль играло земледелие. Трудно удержаться от предположения, что именно так понимали Геродота его античные читатели. По крайней мере, Страбон [XII, 3, 22] и, судя по его высказыванию, Деметрий Скепсийский считали алазонов кочевниками. Правда, они могли опираться и на другие источники, нам недоступные. Однако в любом случае этот факт может служить подтверждением справедливости наших выводов. Следует отметить, что Б.Н. Граков в конце жизни пришел к аналогичным представлениям

о хозяйстве степных скифских племен, но уже на основании археологических данных.

Как известно, многолетние археологические работы в степной зоне Причерноморья не привели к открытию поселений времен Геродота¹⁰. Об алазонах, в частности, М.С. Синицын еще два десятилетия назад писал, что они «жили в той части Днестро-Бутского Причерноморья, где в VI—IV вв. до н. э. поселения отсутствовали»¹¹. Б.Н. Граков в конечном итоге пришел к следующим выводам: «Земледелие, по-видимому, не мешало населению кочевать между севом и покосом, а молотба могла тянуться всю оседлую зиму. Недаром же эллины-скифы назывались еще каллипидами (т. е. «потомки прекрасноконных»), пахари сеяли хлеб не столько для себя, сколько для продажи грекам, а «алазоны» значит «бродяги». Погребения мужчин в огромном большинстве воинские, да еще и конные»¹². И в другом месте: «Возможно, что и земледельческие племена степного Побужья и Поднепровья были полукочевыми. Их поселения практически почти не известны: чаще всего это — ничтожный след на местах более древних поселений племен срубной культуры. Немного своей керамикой и обломки греческих амфор — вот и все. Лишь по Бутскому лиману есть несколько поселений с каменными постройками у Широкой Балки, у Закисовой Балки, у Дидовой Хаты, у Варваровки около Николаева»¹³.

О приольвийских поселениях Нижнего Побужья (можно ли считать их памятниками скифской культуры) речь пойдет ниже. Кстати, непосредственно во времена Геродота поселений не было и в этом районе¹⁴. С мнением же Б.Н. Гракова, что «земледельческие» племена степного Побужья и Поднепровья оказываются полукочевыми, в общем, трудно не согласиться. Вероятно, сразу следует предупредить, что к скифам-пахарям сказанное выше не относится, поскольку существуют серьезные основания для локализации их в лесостепи¹⁵.

Предположение В.В. Латышева, что каллипиды и алазоны «сеяли хлеб (не на продажу только, но и) для употребления в пищу», в то время как скифы-пахари «также сеяли хлеб, но не для собственного употребления, а только на продажу»¹⁶, выглядит неубедительно. Получается, что различие между племенами заключалось в том, что одни ели хлеб, а другие не ели. При этом существование хлебной торговли у каллипидов и алазонов домысливается. Исходя же из Геродота, об этих племенах можно лишь сказать, что их земледелие удовлетворяло собственные потребности, т. е. было натуральным. Производство же скифов-пахарей было товарным. Именно так и понимают информацию Геродота современные исследователи, которые ищут скифов-пахарей в местах концентрации предметов греческого импорта, а не там, где отсутствуют находки зерноотек.

В общем получается, что каллипиды и алазоны считались оседлыми земледельцами ошибочно. Упоминание Геродота о занятии земледелием было напрасно воспринято как доказательство оседлого образа жизни.

Язык, обычаи и религиозные представления этих племен были, судя по всему, такими же, как и у остальных скифов. Этническое единство скифов прослеживается на протяжении всего труда Геродота¹⁷, и никаких указаний, что каллипиды и алазоны говорили не на скифском языке или почитали каких-то иных, не скифских, богов, не имеется. Правда, каллипиды названы Геродотом эллинами-скифами, и, возможно, в этом термине (особенно, если считать его равнозначным термину «миксэллины») и скрывается какая-то дополнительная информация. В силу этого необходимо остановиться на результатах, полученных специалистами при анализе данных терминов.

Геродот не объясняет смысла примененного им выражения «эллины-скифы», и в последующем тексте не сообщает ни прямой, ни косвенной информации к его пониманию. Это обстоятельство дает интерпретаторам полную свободу строить любые догадки и гипотезы. Наиболее распространенными были в XIX в. и остаются до сих пор две версии: ближайшие к Ольвии скифы ко времени появления в этих краях Геродота настолько смешались с греками, что образовалась новая этническая общность (А. Бек, Н. Надеждин, Э. Боннель, Ф.Г. Мищенко и др.); каллипиды были скифами, перенявшими эллинскую культуру (Г. Штейн, В.Н. Юргевич, П.И. Люпер-сольский). В.В. Латышев совмещал оба объяснения, считая, что без родственных с греками связей целое племя скифов не могло поддаться влиянию эллинской образованности¹⁸. Каллипиды, по его мнению, — это особое население побережья Гипаниса, возникшее в результате брачных связей эллинов со скифами и имевшее эллинскую культуру. Вслед за А. Беком и другими учеными В.В. Латышев считал «эллинов-скифов» Геродота тождественными «миксэллинам» из декрета в честь Протогена (IRE, I², № 32). Что касается ольвиополитов, то «еще во времена Протогена (не говорю уже о временах Иродота) они ясно сознавали свою противоположность варварам, считали себя (судя по оноματοлогическим данным, вполне справедливо) истыми эллинами и резко отличали от себя посредством особого термина (μῑξέλληνες) народность, сложившуюся из смешения эллинов с варварами и жившую вне города»¹⁹.

Каким образом каллипидам удалось смешаться с греками, если ольвиополиты столь строго хранили свою этническую чистоту, остается неясным. Правда, в противном случае было бы столь же неясным, чем каллипиды отлича-

лись от ольвиополитов. Долгое время версия В.В. Латышева была самой распространенной, но впоследствии некоторые ее положения подверглись критике. Так, В.Д. Блаватский считал, что в «эллино-скифах Геродота трудно видеть смешанное греко-скифское население, ибо тогда нужно допустить массовое переселение эллинов на обширную территорию Нижнего Буга в VI в. до н. э.»²⁰. Этот же аргумент был использован и М.Ф. Болтенко, который предложил собственное понимание термина «эллины-скифы». По его мнению, ионийцы с полным правом считали тех, кто живет оседло, сеет хлеб и овощи, не скальпирует врагов и не пьет их крови, полуэллинами, тем более что и этногенические легенды позволяли выводить их от эллинских героев²¹.

Наиболее детальный анализ терминов «эллины-скифы» и «микс-эллины» принадлежит Н.В. Шафранской²². Относительно «эллино-скифов» она пришла к следующим выводам. Во-первых, подобные двойные этникины применялись для обозначения племенных групп, образовавшихся в результате смешения различных этнических элементов. Например, Диодор [V, 32] писал, что галаты из-за смешения своего с эллинами названы были эллино-галатами (ἑλληνογαλάται). Однако появляются подобные термины лишь в эллинистическое время. Поэтому, очевидно, эллины-скифы Геродота не означали племенного смешения. Во-вторых, существуют аналогичные термины, носящие топонимический характер, когда двойное название определяет не сложность этнического происхождения, а место поселения. Например, Аристарх Милетский [FGH, II, 98, 5] называл греческих и карийских солдат, поселенных Псамметихом I в Мемфисе, Ἑλληνομεμφίται и Καριχομεμφίται. В географическом смысле, эллино-скифы Геродота могли обозначать либо скифов, живших на Ольвийской территории, либо эллинов, поселившихся на скифской земле. Последнее, по мнению Н.В. Шафранской, противоречит как словам Геродота, так и данным археологии. Поэтому она не сочла возможным понимать эллинов-скифов в географическом смысле и пришла к выводу, что этот термин, видимо, означал лишь особенно активное влияние греческой культуры на скифов-каллипидов. Однако Н.В. Шафранская ни единым словом не объяснила, почему каллипиды не могли быть скифами, жившими на греческой территории.

Здесь будет уместным привести мнение Э.И. Соломоник относительно аналогичного термина «тавро-скифы»²³. По ее наблюдениям, в античной традиции обнаруживается путаница в понимании этого термина. Одни авторы понимают под ним тавров в целом (поскольку те жили в пределах Скифии), другие — тавров, смешавшихся со скифами, третьи — скифов

Тавриды. В частности, Евстафий [Комментарий к «Землеописанию» Дионисия, 163] утверждал, что тавро-скифами называются скифы, жившие на Таврическом полуострове.

Что касается миксэллинов, то, по утверждению Н.В. Шафранской, во всех известных случаях этот термин применялся для обозначения не целого племени или народа, а отдельных людей или групп. Так, у Гелланика — это разбойники-синтийцы, у Полибия [I, 67, 7] — часть карфагенских наемников, у Плутарха [Crass, 31] — воины Сурены, у Гелиодора [IX, 24] — страж, в декрете в честь Протогена (IPE, I², № 32) — люди с гор или пограничные жители численностью 1500 человек, ранее сражавшиеся вместе с ольвиополитами, а затем изменившие им. По сведениям Полибия, среди карфагенских наемников миксэллины были большей частью перебежчиками и рабами. Наряду с рабами упоминаются миксэллины и в декрете в честь Протогена. Таким образом, нет достаточно веских оснований считать миксэллинов отдельным народом и отождествлять их с племенем каллипидов. Скорее, это была неполноправная группа населения, возможно, близкая метекам, которую ольвиополиты использовали в своих военных отрядах.

То, что миксэллины в декрете в честь Протогена названы союзниками, некоторые исследователи понимают в том смысле, что они были независимы от Ольвии — могли быть то ее союзниками, то врагами²⁴. Возражая В.Д. Блаватскому, Н.В. Шафранская ограничилась замечанием, что миксэллины упоминаются в декрете наряду с рабами, которых нельзя причислить к категории независимого населения. Несомненно, что этот пассаж заслуживал бы более развернутого филологического комментария. Интересно отметить, что Геродот [VII, 99; VIII, 19, 68, 69 и т. д.] называл союзниками (οἱ σύμμαχοι) отряды войска Ксеркса.

Подытожим вкратце результаты изучения текста Геродота. В середине V в. до н. э. на обширной территории степного Побужья обитали скифские кочевые племена каллипидов и алазонов, в хозяйстве которых основную роль играло скотоводство, а земледелие имело подсобный характер. Почему Геродот назвал каллипидов эллинами-скифами — неизвестно, ответ на этот вопрос можно будет получить лишь в том случае, если появятся новые (например, эпиграфические) источники. Сведения Геродота о каллипидах и алазонах относятся к середине V в. до н. э. С этого и начнем рассмотрение археологических материалов, полученных при полевых исследованиях района Нижнего Побужья.

Поселения указанного региона в хронологическом отношении подразделяются на две группы: VI — первая четверть V в. до н. э. и IV — первая половина III в. до н. э.²⁵. Некоторые из них, например, у Широкой балки, прекратив существо-

вание в V в. до н. э., были вновь заселены в IV в.²⁶, и поначалу, на основании материалов разведок, период их существования датировался VI—II вв. до н. э.²⁷. Однако раскопки и повторные разведки позволили обнаружить хронологический разрыв и уточнить датировки. Большинство поселений второго периода основано на новом месте.

Таким образом, в середине V в. до н. э., т. е. непосредственно во времена Геродота, поселений в Нижнем Побужье не существовало: одни из них уже были покинуты жителями и заброшены, другие еще не возникли. Однако в принципе можно предположить, что сведения Геродота относятся не к середине V в. до н. э., а к более раннему времени, т. е. являются не свидетельством очевидца, а лишь попыткой реконструкции прошлого, что, конечно, снижает их ценность. Такая возможность заставляет нас обратить основное внимание на памятники VI—V вв. до н. э. Нельзя не отметить, что каллипиды и алазоны, по Геродоту, владели территорией примерно до большой излучины Буга. Что же касается приольвийских аграрных поселений, то северной границей их распространения по Бутскому лиману является район г. Николаева, а на Березанском лимане были заселены лишь низовья. Кому же принадлежали указанные поселения?

Достаточно полное представление о догетских поселениях Нижнего Побужья исследователи получили лишь в послевоенные годы. Систематизировав имевшиеся в то время материалы, Ф.М. Штительман признала характерным для поселений этого района сочетание «местных традиций с элементами, привнесенными греческими поселенцами». Местные, т. е. скифские, традиции, по мнению Ф.М. Штительман, заключались, прежде всего, в характере домостроения и наличии лепной керамики²⁸.

В дальнейшем спор относительно этнической атрибуции поселений вращался главным образом вокруг этих признаков, а точка зрения менялась по мере того, как увеличивался объем полевых исследований и накапливался новый археологический материал. Ф.М. Штительман считала, что обитателями поселений как VI—V вв., так и IV—III вв. до н. э. «очевидно, и были те каллипиды — эллино-скифы — миксэллины, которые благодаря своему соседству и в силу социально-экономических связей с греческим населением Ольвии, ближе других скифских племен стояли к рабовладельческому классовому обществу»²⁹.

Я.В. Доманский выделял в Нижнем Побужье две группы поселений³⁰. Первая группа (Закисова Балка, Чертоватое I, Дидова Хата, Петуховка I) характеризовалась чертами греческого происхождения: наземные сырцово-каменные дома сооружались по типу ольвийских зданий с применением ольвийских же строительных приемов; керамический комплекс близок ольвийскому;

часты находки греческих граффити. Вторая группа (Широкая Балка, Викторовка I, Александровка, Станислав) выглядела иначе: постройки полужемляночные; лепная керамика преобладает над кружалной; предметы быта в массе своей скифские. Соответственно, Я.В. Доманский предполагал, что в Нижнем Побужье скифские поселения перемежались с греческими.

Нельзя не отметить, что характеристика поселений первой группы основывалась на материалах IV—III вв. до н. э., а второй группы — на материалах VI—V вв. до н. э. Видимо, греческую принадлежность памятников IV—III вв. Я.В. Доманскому удалось доказать достаточно убедительно; по крайней мере, аргументированных возражений на этот счет в литературе не появилось. Что же касается поселений типа Широкой Балки (VI—V вв. до н. э.), то сильными аргументами в пользу их скифской принадлежности выглядели характер домостроительства и состав керамического комплекса.

Несколько лет спустя В.В. Лапин на основании того, что полужемлянки открыты на всех наиболее ранних поселениях, в том числе и в Ольвии и на Березани, пришел к выводу, что различия в домостроительстве объясняются не этническими традициями, а хронологией. Полужемлянки, по мнению В.В. Лапина, составляли специфическую особенность раннего времени, что дает основания видеть в них отражение не этнических, а общественно-экономических факторов³¹.

Справедливость выводов В.В. Лапина относительно домостроения сомнений не вызывает. Наиболее ранний и массовый тип жилищ Ольвии и Березани представлен полужемлянками, которые лишь в конце VI — начале V в. до н. э. начинают сменяться наземными сооружениями³². Та же картина наблюдается на сельских поселениях Побужья³³. И в настоящее время можно с полным правом утверждать, что полужемляночные и наземные жилища характеризуют собой этапы единого процесса развития домостроения Нижнего Побужья и присущи всем населенным пунктам этого района, включая Березань и Ольвию. По мнению С.Д. Крыжицкого, тот факт, что во всех пунктах Нижнего Побужья полужемлянки предшествуют наземным сооружениям, позволяет рассматривать их в качестве типа греческого дома — однокамерного дома колониста³⁴.

Другим веским аргументом в пользу скифской принадлежности поселений типа Широкой балки служит утверждение о преобладании среди находок лепной керамики над кружалной. Как писал в свое время Я.В. Доманский, «... только о Широкой Балке нельзя сказать, что там лепная керамика преобладает»³⁵. И действительно, о Широкой Балке этого сказать нельзя — в 1949 г. здесь было найдено 4476 фрагментов керамики (без учета 16697 обломков амфор), из которых лепных — 1172, т. е.

26,2 %³⁶. При этом необходимо учитывать большое количество находок эпохи бронзы, так что на самом деле удельный вес лепной керамики в комплексе поселения был меньше. Широкая Балка долгое время являлась наиболее изученным архайческим памятником, а ее керамический комплекс наиболее показательным. Тем не менее, исследователи обычно считали это поселение исключением из общего правила, а преобладание кружальной посуды объясняли близостью к Ольвии. Однако кружальная посуда преобладала и на других памятниках. При раскопках одного из жилых комплексов на Викторровке I найдено 1019 фрагментов керамики без учета амфор, среди них 401 лепной обломок, т. е. 39,3 %³⁷. Среди находок 1950 г. на поселении у с. Днепровское, по данным С.И. Капошиной, наиболее многочисленной оказалась сероглиняная керамика, а лепной было найдено «очень немного»³⁸.

Лепная керамика преобладала лишь на двух поселениях левого берега Бутского лимана — у с. Станислав и южнее с. Александровка. На поселении у Станислава в 1947 г. найдено 84 фрагмента керамики без учета амфор, из них лепных — 66, т. е. 82 %³⁹. На поселении южнее с. Александровки в 1947—1948 гг. были обследованы две части — селища № 1 и 2. В результате сбора подъемного материала и шурфовки на селище № 1 найдено 144 фрагмента керамики (не считая 24 обломков амфор), из них — 97 лепных, т. е. 67,3 %. На селище № 2 — 59 фрагментов керамики (не считая 22 обломков амфор), из них — 3 лепных, т. е. 5 %⁴⁰. Ясно, что при столь незначительном количестве находок результатам особенно доверять не приходится.

Таким образом, вопреки распространенному мнению, нельзя говорить о преобладании лепной керамики в комплексах поселений типа Широкой балки. Что же касается гораздо более масштабных раскопочных и разведочных работ последнего десятилетия, то их результаты заставляют полностью отказаться от выводов Я.В. Доманского.

Среди керамических находок на Бейкуше (раскопки А.С. Русаевой в 1967—1969 гг.) обломки лепных сосудов составили 9 %⁴¹; на Каборге I (раскопки автора в 1971—1972 гг.) — около 16 %; на Черноморке II (раскопки автора в 1973—1977 гг.) — около 24 %, однако необходимо отметить примесь керамики эпохи бронзы. Аналогичные результаты были получены при раскопках поселений Старая Богдановка II, Чертоватое II, Закисова Балка, Куцуруб III, а также в результате разведочных работ на ряде других памятников. Мнение о безусловном преобладании лепной керамики в комплексах поселений левого берега Бутского лимана опровергается раскопками К.К. Марченко и Я.В. Доманского на поселении Лупарево II. Среди находок 1977 г. лепная керамика составляла 4,9 % находок

(без учета амфор) в культурном слое и около 3 % в заполнении полуземлянки⁴².

Определенные различия в процентных соотношениях разных групп керамики на поселениях объясняются, на наш взгляд, преимущественно случайными отклонениями от среднестатистической картины. При увеличении объема материала эти различия обычно погашаются. В качестве иллюстрации приведем данные об отдельных памятниках. Среди находок 1977 г. на Старой Богдановке II лепная керамика составляла в культурном слое 18,9 % находок без учета амфор, а в заполнении полуземлянок — от 13 до 38 %⁴³. На поселении Большая Черноморка II в 1973 г., на раскопе II лепная керамика составила 44,5 % находок (211 фрагментов из 474). К 1977 г. по мере увеличения количества материала удельный вес лепной керамики сократился до 23,3 % (4771 фрагмент из 20515 без учета 68042 обломков амфор). Несомненно, что определенные различия в удельном весе лепной керамики могли зависеть и от других причин: например, низкий процент находок на Бейкуше (меньше, чем на Березани) может быть связан с существованием здесь святилища Ахилла — точно так же, как на ольвийском теменосе лепной керамики меньше, чем в жилых районах города⁴⁴. Однако детальное рассмотрение подобных возможностей не входит в задачи данной работы.

В общем, удельный вес лепной керамики в комплексах поселений не превышает 20 %. Относительно состава этой группы керамики определенный интерес представляет исследование, предпринятое К.К. Марченко⁴⁵, который отмечает присутствие в материалах сельских поселений тех же групп лепной керамики, что и в материалах Ольвии и Березани. Прямое сопоставление с какой-либо одной из выделенных в настоящее время групп варварских памятников Причерноморья оказалось невозможным. Имеются три генетически неоднородные группы. К первой отнесена посуда, находящая аналогии среди фракийских памятников Карпато-Дунайского бассейна; ко второй — керамика, аналогичная материалам раннескифских памятников лесостепной Украины. Третью группу составляют сосуды, сходные с керамикой белозерского этапа срубной культуры. Все это, по мнению К.К. Марченко, свидетельствует о присутствии в Ольвии и ее окрестностях выходцев из фракийского мира и Среднего Поднепровья, а также прямых потомков скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья. Фракийцы и лесостепные скифы внедряются в население Березани, а затем Ольвии и других поселений Побужья, начиная еще со второй половины VII в. до н. э. В VI в. появляются степняки, которые на рубеже VI—V вв. до н. э. полностью вытесняют лесостепных скифов и фракийцев. В

силу этого определенные различия в лепной керамике поселений Побужья (большое количество фракийских материалов на Бейкуше и почти полное их отсутствие на Широкой Балке) объясняются К.К. Марченко как явление хронологическое, поскольку Бейкуш вообще дает более ранние материалы, чем Широкая Балка.

Нельзя не отметить, что лепную керамику таких несомненно греческих центров, как Березань и Ольвия, К.К. Марченко почему-то не сравнивает с греческой лепной керамикой метрополии. Ограничиваясь аналогиями с материалами варварских памятников, он не объясняет, почему грекам, появившимся в Нижнем Побужье около середины VII в. до н. э., употребление лепной керамики было несвойственно, в то время как, например, в Афинах лепная керамика в это и несколько более позднее время отнюдь не была вытеснена кружалой⁴⁶. Поэтому утверждение, будто греки Побужья могли употреблять лепную керамику лишь с конца IV в. до н. э., выглядит неубедительно. В дальнейшем, видимо, среди материалов поселений Нижнего Побужья удастся выделить и греческие формы.

Что касается этнической принадлежности комплексов V — первой половины IV в., то, по мнению К.К. Марченко, «Варварский компонент населения Ольвии и окружавших ее сельскохозяйственных поселений состоял в это время почти исключительно из осевших в Нижнем Побужье степных скифов. Под последними можно подразумевать каллипидов Геродота (IV, 17)»⁴⁷. Это мнение вызывает серьезные возражения. Во-первых, каллипиды выступают у К.К. Марченко не как самостоятельный скифский этнос, а лишь как «варварский компонент» греческих поселений. Во-вторых, учитывая отсутствие поселений середины V в. до н. э., получается, что во времена Геродота основными местами пребывания каллипидов были Ольвия и Березань. Вероятно, приведенное выше высказывание является случайным. Несколько ранее К.К. Марченко считал необходимым и возможным допускать, что среди жителей Нижнего Побужья преобладали эллины⁴⁸. В своей более поздней работе он утверждает, что поселения Нижнего Побужья основаны эллинами. В процессе освоения этого региона греки создали слой экономически и политически зависимого населения, рекрутируемого из разных районов Карпато-Дунайского бассейна и лесостепной зоны Северного Причерноморья. В начале — первой половине V в. до н. э. военная и политическая активизация скифов-кочевников привела к резкому сокращению числа эллинских поселений и одновременно к ликвидации традиционных путей проникновения варваров на территорию Нижнего Побужья. Отныне вплоть до второй половины IV в. до н. э. пополнение рядов зависимого от

ольвиополитов слоя населения шло преимущественно за счет жителей степной зоны⁴⁹.

Таким образом, материальная культура поселений не дает оснований для выводов об их скифской принадлежности, скорее наоборот. Что касается духовной культуры, то о языке, письменности, именах и религиозных представлениях жителей можно судить по находкам граффити и терракот. Повсеместные находки на поселениях буквенных граффити свидетельствуют о грекоязычности населения, использовании греческой письменности и высоком уровне грамотности. Хотя сравнения количественного характера в настоящее время сделать и затруднительно, очевидно, однако, что сельские поселения по этому признаку ничуть не уступают Березани или Ольвии⁵⁰. Что же касается Бейкуша, то количество находок граффити здесь вообще уникально⁵¹.

Обитатели поселений носили греческие имена. Часты находки обломков днищ сосудов с надписями типа **ΑΟΗ**, **ΑΠ**, **ΙΦ**, **ΙΚ** и др. Подобные граффити могли являться сокращениями как имен богов, так и имен владельцев сосудов. Последнее более вероятно, поскольку посвящения богам вырезались на доньшках сосудов сравнительно редко. Имеются и полностью сохранившиеся антропонимы, такие, как **Αγρὸτ**⁵² или **Γεκатеῖ**⁵³.

Одной из наиболее многочисленных категорий граффити являются культовые надписи, которые свидетельствуют о почитании в архаическое время Ахилла⁵⁴, Афродиты⁵⁵, Коры⁵⁶. Такие граффити, как **ΙΕΡΗ**, могли относиться к любому греческому культу. Наибольшее количество культовых граффити связано с почитанием Ахилла и происходит из раскопок Бейкуша, где находилось его святилище. В пользу такого утверждения свидетельствуют открытые здесь жертвенные ямы⁵⁷. Одна из них была цилиндрической формы, диаметром 3,2 и глубиной 2,8 м. На дне ее на песчаной подсыпке лежала верхняя часть черепа быка, под которой был найден сделанный из стенки амфоры кружок с посвящением Ахиллу. Заполнение ямы представляло собой чередующиеся слои пепла и чистой глины. Рядом находилась другая яма, меньших размеров, заполненная пеплом. В ее заполнении найдена фрагментированная серо-лощеная эйнохоя с посвящением Ахиллу и votивные «кружки» из стенок сосудов. На одном из votивных «кружков», найденных на поселении, процарапано слово **Αλοος**; (роща)⁵⁸, которым часто называли святилище, даже если священной рощи там и не было⁵⁹. Граффити «**Αγρὸτ послал Ахиллу из дому**»⁶⁰ может свидетельствовать о популярности культа среди жителей других населенных пунктов.

Следует отметить, что и в более поздние времена принадлежавшие ольвиополитам святилища Ахилла располагались не в Ольвии, а в

различных пунктах принадлежавшей государству территории, в том числе и в районе Бейкуша (ныне с. Черноморка Очаковского р-на Николаевской обл.)⁶¹.

Весьма многочисленными являются находки терракот. Преобладают среди них статуэтки сидящих богинь, встречаются изображения птиц. Частота подобных находок на аграрных поселениях вполне сопоставима с картиной, наблюдаемой на Березани или в Ольвии. Например, на поселении Большая Черноморка II за 5 лет раскопок (1973—1977 гг.) найдено 12 терракот. На Березани за 9 лет (1962—1970 гг.) на участке Г найдено 15 экз.⁶², причем объем работ и общее количество вещественных находок здесь гораздо больше. В Ольвии за несколько лет раскопок на участке АГД найдено не более 10 фрагментов архаических терракот⁶³.

Наконец, необходимо упомянуть и о греческом происхождении топонимов — Гилея, Ахиллов Бег, Роща Гекаты, Гипполаев мыс (на котором, по Геродоту, находился храм Деметры). Видимо, названиями поселений являлись Арбинаты и Тюора из березанского письма на свинце⁶⁴.

В заключение, несколько слов о хозяйстве поселений как архаических, так и более поздних. Основой экономики являлось земледелие, что подтверждается большим количеством зерновых ям, открытием печи для сушки зерна, находками серпов, мотыг, зернотерок и, наконец, зерен культурных растений. Земледелие носило явно товарный характер⁶⁵. Когда на Широкой Балке было вскрыто зернохранилище из 12 ям общей вместимостью около 20 т зерна, то высказывались предположения, что здесь находился эмпорий и зерно скупалось у окрестного населения. Однако множество подобных ям открыто и на других архаических поселениях. То же можно сказать и о памятниках IV—III вв. до н. э.

Большой удельный вес в экономике имело скотоводство: найдены кости быка, козы, овцы, свиньи, лошади. Разводили и домашнюю птицу. Значение охоты было, видимо, минимальным. Повсеместные находки рыболовных грузил, а на поселении у Дидовой Хаты и печи для копчения рыбы свидетельствуют о развитии рыболовства. На приморских поселениях в огромных количествах встречаются раковины мидий. О высоком развитии товарно-денежных отношений можно судить как по объему импорта, прежде всего керамического, так и по многочисленным находкам бронзовых ольвийских монет⁶⁶, в том числе вкладах.

Таким образом, археологические материалы позволяют с полной уверенностью утверждать, что аграрные поселения, расположенные по берегам Бугского, Буго-Днепровского и Березанского лиманов, принадлежали грекам. Что же

касается каллипидов и алазонов, то ими, скорее всего, оставлены памятники типа временных стоянок, известные в Нижнем Побужье и далее к северу⁶⁷. На юге они доходят до моря, а на севере — вплоть до лесостепи. Возможно, каллипиды потому и названы «эллинами-скифами», что подкочевывали в степные районы между лиманами, побережье которых было заселено греками. Впрочем, как уже отмечалось, окончательно установить содержание данного термина без новых источников практически невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Археологія Української РСР. — Київ, 1971. — Т. II. — С. 72; Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971. — С. 61; Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. — Л., 1974. — С. 115; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. — Новосибирск, 1977. — С. 136 сл.; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977. — С. 156—159.

² Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев, 1966. — С. 148; Славин Л.М. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ХКААМ. — С. 184; Рубан В.В. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. // НОСА. — Ч. II. — С. 88; Отрешко В.М. Западный район Ольвийской периферии в позднеархаическое время // НОСА. — Ч. II. — С. 93; Марченко К.К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // МСПГК. — С. 43; Русаева А.С., Скржинская М.В. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. — 1979. — № 4. — С. 25.

³ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887. — С. 18.

⁴ Там же. — С. 20.

⁵ Шилик К.К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. — Киев, 1975. — С. 81; Его же. Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // XIV Международная конференция «Эйрене»: Тез. докл. — Ереван, 1976. — С. 502.

⁶ Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. — М., 1979. — С. 36, 37.

⁷ Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Уч. зап. ЛГУ. — сер. истор. наук; Вып. 13. — С. 151.

⁸ Граков Б.Л., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. — М., 1954. — С. 44.

⁹ Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — Вып. 1. — С. 2—15; Аверкиев Ю.П. Индейцы Северной Америки. — М., 1974. — С. 74, 83, 92.

¹⁰ Граков Б.Н. О работе Степной скифской экспедиции // КСИИМК. — 1951. — XXXVII. — С. 134, сл.; Тереножкін О.І. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. — 1952. — Т. VII. — С. 117; Елагина Н.Г., Погребова Н.Н. Археологическая разведка по берегам Ингула // КСИИМК. — 1959. — Вып. 77. — С. 26, 33; Погребова Н.Н., Кондрацкий Л.В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области // КСИИМК. — 1960. — Вып. 78. — С. 84; Іллінська В.А. Андрюфаги, меланхлини будини або скифи? // Археологія. — 1970. — Т. XXIII. — С. 28.

¹¹ Синицин М.С. Населення Дністро-Бузького Причорномор'я скіфсько-сарматського часу // МАПІ. — 1959. — Вып. II. — С. 23.

- ¹² Граков Б.Н. Скифы, С. 39.
- ¹³ Там же. — С. 61.
- ¹⁴ Рубан В.В. Ук. соч. — С. 87.
- ¹⁵ Рыбаков Б.А. Ук. соч. — С. 138—145; Ильинская В.А. О скифах-пахарях и будинах Геродота // КСИИМК. — 1951. — Вып. 40. — С. 28; Либеров П.Д. К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. — 1951. — № 4. — С. 178.
- ¹⁶ Латышев В.В. Ук. соч. — С. 17, 20.
- ¹⁷ Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Ук. соч. — С. 39.
- ¹⁸ Латышев В.В. Исследования... — С. 17.
- ¹⁹ Там же, С. 172.
- ²⁰ Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. — 1954. — № 33. — С. 43, прим. 3.
- ²¹ Болтенко М.Ф. Herodoteana // МАСП. — 1960. — Вып. III. — С. 53.
- ²² Шафранская И.В. О миксэллинах // ВДИ. — 1956. — № 3. — С. 37.
- ²³ Соломоник Е.И. Про значения терміна «тавроскіфи» // АП. — 1962. — Т. XI. — С. 155.
- ²⁴ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953. — С. 53; Шелов Д.Б., Брашинский И.Б. Реп.: Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — Киев, 1966. // ВДИ. — 1969. — № 3. — С. 169.
- ²⁵ Рубан В.В. Ук. соч. — С. 87.
- ²⁶ Славін Л.М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949—1950 рр. // АП. — 1955. — Т. V. — С. 132.
- ²⁷ Славін Л.М. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947—1948 рр. // АП. — 1952. — Т. IV. — С. 56.
- ²⁸ Штителъман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. — 1956. — № 50. — С. 258.
- ²⁹ Там же. — С. 272.
- ³⁰ Доманский Я.В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2. — С. 31—35.
- ³¹ Лапин В.В. Ук. соч. — С. 148.
- ³² Копейкина Л.В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // СА. — 1975. — № 2. — С. 188—199; Крижицкий С.Д., Русяева А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. — 1978. — № 28. — С. 3—25.
- ³³ Рубан В.В. Ук. соч., С. 88; Отрешко В.М. Западный район Ольвийской периферии... — С. 94; Его же. Архаические и классические слои на поселении у Закисовой балки // 150 лет ОАМ АН УССР: Тез. докл. — Киев, 1975. — С. 129.
- ³⁴ Крижицкий С.Д. Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии // XIV Международная конференция «Эйрене»: Тез. докл. — Ереван, 1976. — С. 220.
- ³⁵ Доманский Я.В. Ук. соч. — С. 33.
- ³⁶ Подсчеты автора по спискам находок, содержащимся в дневнике Б.М. Рабичкина (Рабичкин Б.М. Дневник раскопок поселения у Широкой балки в 1949 г. / Архив ИА АН УССР. — 1949/20).
- ³⁷ Капошина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. — 1956. — № 50 — С. 243.
- ³⁸ Там же. — С. 246.
- ³⁹ Штителъман Ф.М. Городища, поселения и могильники Бугского лимана в VII—II вв. до н. э.: Дисс. ... канд. ист. наук. — Киев, 1951. / Архив ИА АН УССР. — Ф. 12. — № 344. — С. 294.
- ⁴⁰ Там же. — С. 293.
- ⁴¹ Подсчеты автора по спискам находок, имеющимся в отчетах А.С. Русяевой (Русяева А.С. Отчет о раскопках Бейкушского позднеархаического поселения в 1967 г. / Архив ИА АН УССР, 1967/7в; 1968 г. — 1968/12в; 1969 г. — 1969/17а).
- ⁴² Марченко К.К. Отчет о работах Периферийного отряда Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1977 г. / Архив ИА АН УССР. — 1977/81. — С. 31—33.
- ⁴³ Марченко К.К. Ук. отчет за 1977 г. — С. 16—25.
- ⁴⁴ Марченко К.К. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э. // СА. — 1972. — № 4. — С. 59—67.
- ⁴⁵ Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1974; Его же. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э. // ВДИ. — 1974. — № 2. — С. 149.
- ⁴⁶ Brann E.T.H. Late Geometric and Protoattic pottery mid 8th to late 7th century B. C. // The Athenian Agora. — 1962. — Vol. VIII. — P. 3, 4, 29.
- ⁴⁷ Марченко К.К. Варвары в составе населения... — С. 17.
- ⁴⁸ Марченко К.К. Фракийцы на территории... — С. 156.
- ⁴⁹ Марченко К.К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов... — С. 43.
- ⁵⁰ Русяева А.С. Поселения Пітухівка біля Ольвії // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 212; Её же. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. — 1971. — № 2. — С. 22; Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. — Киев, 1977. — С. 40. Большая часть граффити не опубликована.
- ⁵¹ Граффити имеются почти на каждом сотом черепке.
- ⁵² Русяева А.С. Культові предмети... — С. 25 сл.
- ⁵³ Русяева А.С. Разведки и раскопки поселений близ Ольвии // АИУ. — Киев, 1971. — Вып. III. — С. 183.
- ⁵⁴ Русяева А.С. Культові предмети... — С. 22—28; Отрешко В.М. Граффити... — С. 41.
- ⁵⁵ Инв. № БЧ—74/265. Хранится в фондах ИА АН УССР.
- ⁵⁶ Инв. № Бейк—68/78. Хранится в фондах ИА АН УССР.
- ⁵⁷ Русяева А.С. Разведки и раскопки поселений... — С. 183; Её же. Розкопки Бейкушського поселення // АИУ. — К., 1972. — Вып. IV. — С. 175, 176.
- ⁵⁸ Инв. № Бейк—69/64. Хранится в фондах ИА АН УССР.
- ⁵⁹ Латышев В.В. Очерки греческих древностей. — СПб., 1899. — Ч. II. — С. 20.
- ⁶⁰ Русяева А.С. Культові предмети... — С. 25.
- ⁶¹ Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. — 1962. — № 3. — С. 145, табл. I.
- ⁶² Копейкина Л.В. Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ. — 1977. — № 3. — С. 92, прим. 2.
- ⁶³ Любезное сообщение А.С. Русяевой.
- ⁶⁴ Брашинский И.Б. [Реп.]: Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. — Paris, 1975. // СА. — 1977. — № 3. — С. 304.
- ⁶⁵ Штителъман Ф.М. Поселения античного периода... — С. 267.
- ⁶⁶ Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, на поселениях VI—V вв. дельфинчик или монета-стрелка приходятся обычно на 1—3 тыс. обломков керамики. Примерно такое же соотношение сохраняется на поселениях IV—III вв. до н. э.
- ⁶⁷ Бураков А.В., Отрешко В.М., Буйских С.Б., Назарчук В.И. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 262, 263. Возможно, что некоторые стоянки, расположенные вблизи аграрных поселений, оставлены греческими пастухами.

З ІСТОРІЇ ОЛЬВІЙСЬКОГО ПОЛІСА В IV—I ст. до н. е. *

У другій половині VII — на початку V ст. до н. е. переселенці з Еллади заснували на берегах Березанського, Дніпровського та Бузького лиманів кілька десятків поселень, переважно аграрних. Політичним, економічним і релігійним центром Нижнього Побужжя спочатку була Березань, а з другої половини VI ст. до н. е. — Ольвія. У другій чверті V ст. до н. е. більшість мешканців Побужжя переселилася до Ольвії і протягом кількох наступних десятиріч аж до кінця V ст. до н. е. в цьому районі існували лише Ольвія з так званим предграддям — селищем на некрополі та Березань. Дійсна причина такого явища все ще невідома. Однак не підлягає сумніву, що концентрація еллінського населення різко збільшила демографічний та економічний потенціал міста і пов'язана з завершенням процесу становлення Ольвійської держави.

Протягом IV—I ст. до н. е. Ольвійський поліс пережив два послідовних періоди своєї історії: спочатку найвищого розквіту, а потім кризи та занепаду. Мета даної статті — спроба реконструювати деякі основні події обох історичних періодів.

Події військового, політичного, економічного та соціального характеру яскраво відбивалися на розмірах територіальних володінь полісу та його поселенській структурі, приводили то до появи, то до зникнення різних населених пунктів, що простежується на археологічних матеріалах, одержаних при дослідженні Ольвійської хори.

Період розквіту Ольвійської держави (початок IV — середина III ст. до н. е.) характеризується освоєнням досить великої згідно з античними мірками території та створенням певної територіальної структури. Більшість аграрних поселень знаходилась на південь від сучасного міста Миколаєва на обох берегах Бузького, правому березі Дніпровського та в пониззі Березанського лиманів. Тут же, біля с. Мала Корениха, а також, можливо, поблизу с. Кам'янка та м. Миколаїв функціонували каменоломні¹. На лівобережжі Дніпровського лиману добувались ліс та сіль, останню, по словам Діона Христороза [Ор, XXXVI], купували численні причорноморські варвари.

До складу держави входили досить віддалені від міста населені пункти — Кошари, Лузанівка та Жевахова Гора, розташовані в прибережній смузі Чорного моря аж до Одеської затоки². Крайніми пунктами ольвійських володінь були святилища Ахілла: південне на о-ві Тендра (в давнину Біг Ахілла) та західне на о-ві Зміїний в гирлі Дунаю (антична Левка)³. Правда, за офіційною термінологією того часу, володарем Левки був сам Ахілл, а Ольвія лише «опікала» острів, але суті справи це не міняє.

На підставі археологічних даних період розквіту можна розділити на два етапи: один з них припадає на перші дві третини IV ст. до н. е., а другий — на останню третину IV та першу половину III ст. до н. е.⁴

Населені пункти, які почали виникати в першій чверті IV ст. до н. е. своєю матеріальною культурою близькі до Ольвії, хоча і мають деякі відмінності. Треба сказати, що на межі класичного та елліністичного часу багато поселень було зруйновано або перебудовано, внаслідок чого більш давні споруди збереглися досить погано, але ми маємо всі підстави вважати, що в основному вони не відрізнялися від будинків кінця IV — першої половини III ст. до н. е., які дійшли до нас в трохи кращому стані. Виходячи з цього, характеристика матеріальної культури цих пам'яток, яка буде подана нижче, відноситься як до першого, так і до другого етапу їх існування⁵.

На поселеннях зрідка трапляються невеликі напівземлянкові споруди. Від них збереглися прямокутні котловани площею 6—10 м², інколи до приміщень вели сходи, вирізані в материк; підлога була глиняна, місцями збереглися заглиблення для підпорних стовпів, які підтримували дах. Ці споруди аналогічні тим, які до початку V ст. до н. е. існували в житлобудівництві Ольвії та Березані, а до початку IV ст. до н. е. — в селищі на ольвійському некрополі⁶.

Переважна більшість споруд являла собою наземні багатокамерні будинки з 6—8 приміщень, згрупованих навколо внутрішнього двору; їх площа сягала 150—200 м². Будови мали кам'яні цоколі та сирцеві стіни. Дах покривався солом'яною або очеретом, обмазаним глиною. Черепиця застосовувалась досить рідко і, мабуть,

* Археологія. — 1982. — Вип. 41. — С. 34—46.

вже тільки в елліністичний час. Деякі будинки мали підвальні приміщення. Знахідки уламків капітелей та баз колон вказують на те, що іноді будувались навіть ордерні споруди — теж, імовірно, вже за часів еллінізму. Багатокамерні наземні будинки блокувались у квартали. Деякі вулиці мали вимостки та водостоки. Зустрічаються обкладені каменем колодязі.

Серед керамічних знахідок більшість становлять уламки амфор, привезених з різних центрів Середземномор'я та Причорномор'я. Серед кружального столового та кухонного посуду переважають сіро- та червоноглиняні посудини ольвійського виробництва. Досить численні уламки чорнолакових та червонофігурних виробів. Трапляються і фігурні посудини. Різноманітна по формі ліпна кераміка, яка іноді імітує кружальну. На поселеннях виявлені залізні ножі та серпи, кам'яні зернотерки, ступи та товкачі, кам'яні і керамічні грузила для риболовної сіті, глиняні пряслиця. На всіх поселеннях виявлено бронзові ольвійські монети. Про духовну культуру мешканців можна судити по знахідках грецьких графіті, теракот, відлитих свинцевих букраніїв та зображень квадриги, культових посудів та виробів з мармуру.

Взагалі можна сказати, що культура мешканців даних поселень (у подальшому викладі йменуватимуться урбанізованими селищами) являла собою рустифікований варіант ольвійської, причому приміські пам'ятки мають більше міських рис, ніж віддалені.

Еллінська належність поселень цього типу досить переконливо аргументована в науковій літературі⁷ і визнається більшістю дослідників, проте практично нерозробленими залишаються взаємозв'язані питання: по-перше, чим було обумовлене таке швидке освоєння ольвійським полісом досить значної території і, по-друге, за рахунок яких демографічних ресурсів це освоєння здійснювалося.

Насамперед, певну частину жителів периферійних поселень могли становити вихідці з Ольвії. В античному світі постійно діяв комплекс соціально-економічних факторів, який приводив до утворення надлишкового населення, і Ольвія не була винятком. Конкретно це могло проявлятися у такий спосіб.

Коли в першій чверті V ст. до н. е. більшість еллінів Нижнього Побужжя зосередилася в Ольвії, вони займалися переважно землеробством на прилеглий до міста території. Про це свідчить, зокрема, декрет третьої чверті V ст. до н. е. зі згадкою про право придбання землі⁸. Очевидно, згідно зі звичайною грецькою практикою, околиці міста були розмежовані на наділи відповідно до кількості громадян. Відомо, що в подібних випадках навіть простий приріст населення дуже швидко приводив до появи осіб, які

взагалі не мали землі. Немає потреби говорити про такі загальні тенденції, як соціальне розширення та концентрація власності в руках небагатьох. Як тут не згадати Платона, який стверджує в «Законах» [740e], що при появі надмірної кількості громадян чудовим виходом з ускладнень є організація колоній. Ольвія знаходилась у кращому стані, ніж поліси метрополії, оскільки в Нижньому Побужжі було достатньо вільних земель. Проведення «внутрішньої колонізації» шляхом заснування аграрних поселень було в цих умовах природним та необхідним. Однак чому цей процес почався лише в першій чверті IV ст. до н. е., а не раніше? Розглянемо кілька можливих варіантів.

1. Звертає на себе увагу той факт, що приольвійські поселення не були укріплені, а це свідчить про мирну ситуацію в Нижньому Побужжі. Мабуть, такий сприятливий для «внутрішньої колонізації» фактор був відсутнім аж до самого кінця V ст. до н. е. Але неукріпленим було і селище на ольвійському некрополі, розквіт якого припадає на другу половину V ст. Оскільки Ольвія у цей період не вела воєн та становище в Нижньому Побужжі не було особливо загрозливим, поліс цілком міг заснувати нові поселення вже в цей час, хоча б в найближчих до міста районах.

2. Можна припустити, що надлишкове населення постійно відчужувалося сільським господарством, протягом деякого часу втягувалося до інших сфер економіки — наприклад, до ремісничого виробництва, торгівлі та водного транспорту. Та це явище не узгоджується з тим фактом, що саме у другій половині V ст. до н. е. відбувалося різке скорочення обсягу греко-скіфської торгівлі⁹. Отже, можливість поглинання надлишкового населення торгівлею, транспортом та ремісництвом малоімовірна.

3. Цілком можливе існування якогось зв'язку між «внутрішньою колонізацією» та політичними змінами всередині полісу. В літературі існує точка зору, згідно з якою на межі V—IV ст. до н. е. на зміну тиранії в Ольвії прийшла рабовласницька демократія¹⁰. Подібний політичний струс міг стимулювати «внутрішню колонізацію». Насамперед, цілком вірогідні певні зміни в аграрному законодавстві і, як результат, прискорення темпів соціальної диференціації. Цікаво, що в ольвійських написах право володіння землею не завжди згадується. Виняток становить лише згаданий вище декрет третьої чверті V ст. до н. е., коли ольвійська хора обмежувалась околицями міста (це не стосується питання про Березань), права землеволодіння регулювались полісом більш суворо порівняно як з попереднім, так і з наступним часом.

Цілком імовірно, що існував закон про невідчуження земельних угідь, відміна якого піс-

ля падіння тиранії і стимулювала масове обезземелювання громадян. В цих умовах поліс не міг розпочати проведення свідомої колонізаційної політики. Показово, що Арістотель вважав подібну політику цілком надійною для зміцнення демократичного ладу.

Як би там не було, виселення на периферію частини ольвійців сумніву не викликає. Навряд чи випадковим є той факт, що заснування нових поселень співпадає з часом припинення існування ольвійського «предграддя», що, по даним Ю.І. Козуб, відбулося в 400—375 рр. до н. е.¹¹ Цілком імовірно, що напівземлянкове селище, розташоване за межами ольвійських оборонних стін, було місцем зосередження представників нижчого соціального прошарку суспільства. Правда, на думку Ю.І. Козуб, жителі «предграддя» у зв'язку з якимись подіями внутрішнього та зовнішнього характеру перебрались під захист кріпосних стін міста¹². Та навряд чи така необхідність могла виникнути якраз в той час, коли в Нижньому Побужжі засновувались неукріплені селища. Ми зовсім не стверджуємо, що в нові населені пункти перебрались всі жителі «предграддя»: треба вважати, що надлишкове населення поповнювалось не лише за їх рахунок, але й за рахунок мешканців міських кварталів. На периферію виселялась більшість жителів «предграддя», а також частина громадян міста. Проте мешканці селища на некрополі, що залишились, могли перебраться до міста замість тих, які виїхали.

У той же час, оскільки площа Ольвії на початку IV ст. до н. е. істотно не змінилася порівняно з попереднім часом, треба вважати, що загальна численність переселенців-ольвіополітів навряд чи відрізнялася від численності жителів «предграддя». Це міркування цікаве для нас тим, що постає питання: чи міг поліс забезпечити населення Нижнього Побужжя за рахунок власного демографічного потенціалу?

За даними Ю.І. Козуб, територія «предграддя» становить 10—15 га, житлобудівництво було напівземлянковим, густина розміщення приблизно дорівнювала тій, яка була в Ольвії наприкінці архаїчного періоду — на одну будову площею 6—12 м² припадало біля 35—45 м² прилеглої території¹³.

Іншими словами, площа житлових та господарських споруд становила 20, максимум 30 % загальної території населеного пункту, але оскільки не завжди можна виділити різночасові будови, вона могла бути значно меншою. При забудові багатокамерними будинками, зблокованими в квартали, загальна площа приміщень дорівнювала території поселення без вулиць та внутрішніх дворів і, таким чином, становила біля 60 %, а іноді і більше за рахунок використання підвалів або іншого наземного поверху. Та-

ким чином, забудоване напівземлянкове «предграддя», площею 10—15 га, за сукупністю площі житлових і господарських приміщень дорівнювало приблизно 3—5 га території урбанізованого селища, забудованого багатокімнатними будинками. З цього можна зробити висновок: за рахунок власних демографічних ресурсів Ольвія могла заселити лише одне таке селище, як Закисова Балка, територія якого досягала 7—8 га, або ж 3—5 поселень, таких, як Чортувате-І, площею біля 1 га. Насправді, кількість подібних селищ була набагато більшою. Доводиться припустити, що освоєння Нижнього Побужжя та прилеглої смуги Чорноморського узбережжя в значній мірі проходило за рахунок припливу переселенців ззовні. Подібне явище, характерне для античності, спостерігалось і в інших районах Північного Причорномор'я — досить вказати на Боспор, куди, за даними Діодора [XX, 25], переселилась тисяча каллатійців. Що ж до Побужжя, то визначити, звідки прибули сюди нові іммігранти, досить важко через недостатню кількість фактичного матеріалу.

Треба сказати, що в IV ст. до н. е. в Елладі утворився надлишок населення. Ця обставина привела багатьох тогочасних політичних діячів та філософів, ще задовго до Олександра Македонського, до думки про необхідність загальногрецької загарбницької війни проти Персії. Що ж до імміграції в Побужжя на початку IV ст. до н. е., слід зазначити, що, поперше, певну роль могло зіграти закінчення Пелопоннеської війни в 404 р. до н. е., в якій брало участь багато держав Середземномор'я та Південного Причорномор'я. Закінчення війни, без сумніву, сприяло активізації міжполісної торгівлі, загальному поліпшенню економічної кон'юнктури і, головне, полегшило еміграцію в Побужжя. По-друге, в античному світі приплив значної кількості переселенців на територію, яку контролював поліс, найчастіше був викликаний політикою підтримки цієї держави¹⁴. Можливо, що і Ольвія на початку IV ст. до н. е. свідомо стимулювала імміграцію.

Виходячи з цього, можна зробити такі висновки. «Внутрішня колонізація» першої чверті IV ст. до н. е. проводилася ольвійським полісом свідомо. Метою її було послаблення внутрішніх соціальних суперечностей і встановлення протекторату над о. Зміїний (Левка), що демонструють прагнення і можливість для контролю над досить значною ділянкою морського торгового шляху.

Заслугує на увагу питання про соціальне становище жителів периферійних поселень. На жаль, прямі дані про це відсутні. Можна лише вважати, виходячи із загальногрецької практики, що, прибувши на Побужжя, іммігранти не мали всієї повноти громадянських прав. Тому на периферії могли проживати як повноправні

громадяни, вихідці з Ольвії та їх потомки, так і неповноправні вільні — іммігранти.

На думку деяких дослідників, серед мешканців урбанізованих селищ перебували також і негрецькі елементи — вихідці з різних причорноморських племен¹⁵. Цілком імовірно, що вони становили якусь частину неповноправних вільних. Однак в більшості ці люди були, очевидно, рабами. Скіфські та фракійські раби у великій кількості надходили до різних грецьких полісів, починаючи ще з VI ст. до н. е., і було б дивно, якби вони не потрапили до Ольвії та на приолвійські поселення.

Перший етап загального розвитку ольвійського поліса закінчується на рубежі другої та останньої третини IV ст. до н. е. До цього часу відносяться сліди руйнувань і наступні масові перебудови на багатьох поселеннях Нижнього Побужжя. Аналогічна картина чітко простежується на ольвійських теменосі та агорі. Ці руйнування прийнято пов'язувати з невдалим походом на Ольвію македонського полководця Зопіріона в 331 р. до н. е.¹⁶ За свідченням античних авторів, взяти місто йому не вдалося, а під час відступу його було вбито скіфами. В усякому разі, події 331 р. значно вплинули на подальшу історію полісу.

Протягом другого етапу ольвійський поліс знаходиться в стані максимального процвітання, порівняно зі своєю попередньою і наступною історією. Зруйновані Зопіріоном селища та міські райони швидко відбудовуються. Освоюються нові території, наприклад, пониззя Березанського лиману. Загальна кількість населених пунктів на периферії різко збільшується, причому поряд з урбанізованими селищами у великій кількості з'являються пам'ятки раніше невідомого типу — елліністичні колективні садиби, які одержали в літературі не зовсім правомірну назву «вілли»¹⁷.

Колективні садиби являли собою великі, окремо розташовані будови, квадратно-прямокутної або ромбовидної форми в плані. Навкруги одного, рідше двох внутрішніх дворів, розташовувались ряди приміщень. Площа будов досягала 2 тис. м².

Одна з таких пам'яток — садиба № 1 у Дідової Хати розкопана майже повністю В.В. Рубаном (не досліджена лише частина внутрішнього подвір'я, зайнята сучасними будовами). Площа будівлі становить 1200 м², з них біля 620 м² — внутрішнє подвір'я, вимощене великими вапняковими плитами. В його південно-західній частині розміщувався колодязь. З чотирьох сторін подвір'я оточене рядами приміщень, які, розташовані в західному та східному рядах, з'єднувались в двокімнатні секції-квартири: вхід знадвору веде в одне з приміщень такої секції, а звідти — до іншої кімнати. В північному та

південному рядах аналогічні квартири були трикімнатними. Всього відкрито 12 секцій, що налічували 29 приміщень. Садиба мала два входи — з півночі та півдня. Речові знахідки, за своїм складом близькі до матеріалів урбанізованих селищ, характеризуються порівняною бідністю, наприклад, використанням більшої кількості ліпних посудин, ніж кружальних.

Виникають два тісно пов'язані питання: яким чином нашествя македонського війська на чолі із Зопіріоном закінчилось різким збільшенням кількості населених пунктів і, значить, численності населення Нижнього Побужжя, а також чим пояснити масову появу колективних садиб — пам'яток невідомого раніше типу?

На наш погляд, відповіді на це питання можуть дати свідчення античного автора Макробія [Saturn., I, II, 33], який вказує на те, що для того, щоб витримати облогу Зопіріона, ольвіополіти звільнили рабів, дарували громадянські права іноземцям та ліквідували боргові зобов'язання. Треба сказати, що греки досить часто вживали такі заходи в подібних ситуаціях. Наприклад, дещо раніше, після битви при Херонеї в 338 р. до н. е., в подібній ситуації були Афіни¹⁸. Для ольвіополітів ці заходи пом'якшення соціальних суперечностей з метою зміцнення внутрішньої єдності були, судячи з усього, дуже необхідні. Свідченням гостроти внутрішніх конфліктів в Ольвії другої половини IV ст. до н. е. може бути відкрита на некрополі яма з рештками кістяків 52 чоловік, вбитих камінням та стрілами, причому на ногах двох кістяків були залізні кайдани¹⁹. Очевидно, за часів походу Зопіріона соціальні суперечності в полісі були загострені і вказівки Макробія про заходи, вжиті ольвіополітами для зміцнення внутрішньої єдності перед лицем зовнішньої небезпеки, достовірні.

У цьому випадку повинно було відбутися приблизно таке. По-перше, чисельність громадян полісу збільшилась за рахунок неповноправних вільних. Оскільки більшість мешканців неукріплених периферійних селищ під час війни, без сумніву, сховалася за ольвійськими стінами і поповнила ряди захисників міста, то треба вважати, що ті, хто раніше не мав громадянських прав (приплив іммігрантів на початку IV ст. до н. е.), одержали їх під час облоги Зопіріона. По-друге, з цього часу основну масу неповноправних вільних становили звільнені раби. По-третє, оскільки античний спосіб виробництва в значній мірі засновувався на використанні рабської праці, то після відступу Зопіріона ольвіополіти повинні були отримати значну кількість нових рабів. Внаслідок цього і могла зрости загальна кількість населення ольвійського полісу в останній третині IV ст. до н. е.

З цими ж подіями співпадає і поява на Ольвійській периферії колективних садиб. Розглянемо декрет на честь Протогена (ІРЕ, І², № 32), який відноситься, на наш погляд, до часу не пізніше останньої чверті III ст. до н. е. і вміщує інформацію про ольвійську периферію більш раннього часу²⁰. В цьому епіграфічному документі згадано такі групи жителів ольвійського полісу: громадяни, іноземці-ксени, раби та мікселліни. Як співвіднести ці групи з різними типами населених пунктів?

Основним місцем проживання громадян полісу було місто, а до елліністичного часу — урбанізовані селища. Іноземці-ксени могли жити де завгодно. Та, судячи з контексту, це були громадяни-торгівці і, мабуть, ремісники. Єдиний іноземець, конкретно згаданий в декреті, був лихварем і жив в Ольвії. Раби, взагалі, так само могли бути скрізь. Цікаво, що в декреті вони названі *οικεται*, що має відтінок «домашні раби, слуги». Очевидно, вони знаходились із своїми господарями в Ольвії та урбанізованих селищах. Залишаються мікселліни. Метод виключення дозволяє припустити, що вони жили в колективних садибах. Розглянемо таку можливість детальніше.

Часто в мікселлінах вбачають змішане напівварварське плем'я, незалежне від Ольвії. Однак Н.В. Шафранська досить переконливо показала, що це була група неповноправних жителів поліса, політичний статус яких міг бути близьким до статусу метеків²¹.

З тексту Протогенівського декрету видно, що мікселліни, які названі в ньому «прикордонними», мешкали не в місті, а на периферії. Згадується і їх чисельність — не менше 1500. Необхідно відмітити, що в давнину до уваги бралась лише кількість дорослих чоловіків, а не всього населення в цілому. В даному випадку кількість мікселлінів визначено в зв'язку з воєнними діями — в останню війну вони воювали разом з громадянами, а при чутках про галатське нашествя прониклися «зрадницьким настроєм». Судячи з такого контексту, 1500 чоловік — це чисельність бойових загонів мікселлінів. Вважається, що ополчення може складати до 1/6, а в критичній ситуації до 1/5 загальної кількості населення²². З цього виходить, що всього мікселлінів разом з жінками, старими та дітьми було приблизно від 7500 до 9000 чоловік. Перша цифра, мабуть, ближча до істини, оскільки згадана в декреті ситуація була дійсно критичною. Для порівняння нагадаємо, що населення Ольвії, за досить аргументованими підрахунками Л.М. Славіна, не перевищувало 12—15 тис. чоловік²³. Таким чином, зрада мікселлінів була болючим ударом як по воєнному, так і по економічному потенціалу поліса.

Де ж на периферії могли розміщуватись мікселліни? Урбанізовані селища відпадають —

вище ми привели докази тому, що до того часу вони належали, переважно, громадянам поліса. Крім того, сумарна площа порівняно мала і на ній навряд чи могла розміститись така кількість населення. Залишаються лише колективні садиби. Не можна не відмітити, що густота населення на них набагато більша, ніж в селищах. Наприклад, якщо в садибі № 1 біля Дідової Хати проживало 12 сімей, то неважко підрахувати, що на кожен сім'ю припадала в 2—3 рази менша кількість житлової площі, ніж на власників 150—200-метрових будинків в урбанізованих селищах. Що стосується добре вивченого району поблизу с. Прибузьке (Б. Чортувате), розташованого в кількох кілометрах на північ від Ольвії, де поряд з поселенням Чортувате-I площею близько 1 га існувало не менше 7 колективних садиб, то з'ясовано, що в кількісному відношенні мешканців останніх було більше, ніж жителів селища.

Можна підрахувати, що для розміщення мікселлінів необхідно понад 100 садиб, аналогічних розкопанім біля Дідової Хати. Однак трапляються будови майже вдвічі більші за площею. А значить, треба вважати, що загальна кількість даних будов не перевищувала 70—80. Цифра, на наш погляд, цілком реальна. Даний тип археологічних пам'яток виділений лише кілька років тому, проте уже зараз на правому березі Бузького лиману на північ від Ольвії відомо близько 30 садиб. Крім того, маємо всі підстави стверджувати, що саме садибами була більшість елліністичних поселень, зафіксована розвідувальними роботами по берегах Дніпровського та Березанського лиманів.

Хотілося б звернути увагу, що паралельне існування селищ і садиб дозволяє припустити якісь відмінності в соціальному стані їх мешканців. Жителі селищ були домовласниками, які вели самостійне господарство. На садибах же під одним дахом об'єднані кілька сімей, наприклад, в Дідовій Хаті — 12. Господарство їх було відокремлено. Вогнище, зернотерки вони самостійно купували та продавали, про що свідчать знахідки ольвійських монет та мірних ойнохой, клеймених ольвійськими агораномами. В той же час факт їх проживання під одним дахом може свідчити про спільну виробничу діяльність, яка навряд чи обмежувалась будівництвом самої споруди — садиби. На жаль, з публікацій неясно, чи були у них спільні господарські приміщення, наприклад, для худоби або для зберігання зерна та сільськогосподарського інвентарю. Останнє уявляється найбільш очевидним — досить згадати гігантське елліністичне зернохвище, відкрите у Варварівці²⁴. В усякому разі жителі колективних садиб не були повністю самостійними господарями. З іншого боку, це і не раби класичного типу. В них було б досить важко бачити згаданих в Протогенівському

декреті *οικεται*, тобто домашніх рабів. Ким же були за своїм соціальним станом мешканці садиб?

У зв'язку з цим запропонуємо таку гіпотезу. Як уже згадувалось, під час війни із Зопіріоном, ольвіополіти звільнили рабів. В античному світі подальша доля таких людей залежала від конкретних обставин. Коли сіракузький тиран Діонісій звільнював рабів політичних суперників, він хотів використати цих людей як соціальну опору. Для цього їм надавались права громадянства. Вони одержували ділянки землі та будинки і навіть дружин і дочок їх колишніх власників [Diod. XIV, 7, 4—5]. В такому розвинутому торговельному осередку, як Афіни, звільненим рабам неважко було знайти роботу, багато з них, ще до звільнення, працювали наймитами, віддаючи частину заробітку господарям. В Римській імперії звільнені раби у великій кількості ставали колонами: їм давали землю, наділяли сільськогосподарським інвентарем, робочою худобою та зерном²⁵. Цілком імовірно, що становище мешканців садиб Побужжя було в якійсь мірі подібним до становища римського колона. Ольвійські ж раби, звільнившись, не мали ні громадянських прав, ні засобів до існування. Природно, що для більшості з них не залишалося нічого іншого, як потрапити в економічну залежність від ольвійських багатіїв. Найбільш перспективною галуззю економіки, де використовувались звільнені раби, було сільське господарство. Плодючої землі в Побужжі для цього було достатньо. Безсумнівно, що в Ольвії в цей час були особи, такі як Протоген або його батько, які володіли значними коштами для фінансування різноманітних економічних заходів. Багатії могли вкладати гроші в будівництво садиб, забезпечувати нових «вільних» необхідними для ведення господарства знаряддями праці, худобою, зерном; також утримувати їх доки не буде зібрано перший врожай. По своїй суті, це була експлуатація робітників, оскільки їм залишалась лише частина продукції. Іншими словами, був створений досить численний прошарок орендарів-боржників. Мешкання їх в колективних садибах полегшувало і керування господарством, і відчуження на користь кредитора-землевласника колективно створеної продукції. Таке припущення пояснює, зокрема, у який спосіб великі запаси зерна нагромаджувались у окремих осіб, таких як Протоген. В декреті на честь цього ольвіополіта згадуються періодичні нестачі хліба, причому причинами висуваються не перебої в торгівлі з якимись місцевими племенами, а війни та неврожаї. Володій Протоген, скажімо, кількома садибами на лівому березі Бузького лиману, де вони б не страждали від ворожого нашествия, і джерело його хлібних запасів буде очевидним.

Нашу гіпотезу підтверджують дані демографічного характеру. В Ольвії мешкало до 15 тис. чоловік, або 2—3 тис. сімей. Вже на рубежі VI—V ст. до н. е. тут були люди, які володіли кількома рабами²⁶.

Якщо в 331 р. на сім'ю припадало по одному рабу, то кількість звільнених могла досягати 2—3 тис. Крім того, серед звільнених, мабуть, були не лише міські раби, але й такі, які належали жителям периферії. Враховуючи природний приріст населення, загальна кількість вільновідпущеників-мікселлінів цілком могла через кілька десятиріч (до часу Протогена) досягти 7500 чоловік.

Мешканці колективних садиб у нашому варіанті могли бути названі мікселлінами. По своєму етнічному походженню ці люди повинні були представляти змішення різних племен, в тому числі і грецького. Цілком ясний також еллінський характер їх матеріальної та духовної культури.

Приблизно з середини III ст. до н. е. Ольвія вступає в період кризи та занепаду. В цей час перестає існувати більшість населених пунктів ольвійської периферії — як урбанізовані селища, так і колективні садиби. В науковій літературі наводились припущення, що загибель елліністичних поселень ольвійської хори пов'язана з активізацією скіфських або сарматських племен²⁷. На наш погляд, ця думка помилкова. Для реконструкції подій, які привели до загибелі більшості приольвійських поселень, спробуємо систематизувати дані, що мають пряме відношення до цього питання.

Насамперед у середині III тис. до н. е. закінчили існування практично всі поселення від правого берега Бугу до правого берега Дністра, за винятком Ольвії та Тіри, причому відбулося це без будь-якого зв'язку з етнічною належністю жителів: серед цих населених пунктів були також гетські (Дністровське Правобережжя), скіфські (Дністровське Лівобережжя) і грецькі (Нижнє Подністров'я, Нижнє Побужжя та проміжні території узбережжя Чорного моря). Виходячи з аналізу керамічного матеріалу та монет, ці райони обезлюдніли протягом короткого часу наприкінці другої — початку 3-ї чверті III ст. до н. е.²⁸ В той же час поселення лівого берега Бузького лиману опинились, виходячи з усього, не охопленими подіями, що відбувались²⁹. Остання обставина заперечує припущення про скіфський чи сарматський напад зі сходу. Можна вказати також на декрет на честь Протогена, який свідчить про відсутність агресивності з боку скіфських чи сарматських сусідів Ольвії. Скіфи, фісамати та савдарати намагались сховатись за ольвійськими оборонними спорудами. Цар Сайтафарн, численні саї та їх скептухи обмежуються вимоганням «періодичних по-

дарунків», причому, зважаючи на економічні труднощі Ольвії, грекам навіть надається відстрочка на кілька років.

Розглядаючи ситуацію в Подністров'ї, А.І. Мелюкова запропонувала два пояснення³⁰. Перше зводиться до того, що загальний занепад економіки античних держав, пов'язаний зі скороченням хлібної торгівлі, підірвав економічну базу аграрних поселень. Друге пов'язує загибель поселень Подністров'я з походами кельтських племен, які відображені в Протогенівському декреті.

Перше пояснення досить спірне, оскільки торгово-економічні фактори привели б швидше до змін в структурі господарства, ніж до масової загибелі поселень. Крім того, щодо Ольвії — то не можна стверджувати, що хліб був їй непотрібен — в Протогенівському декреті згадуються періодичні неврожаї та катастрофічний брак зерна. Отже, не падіння попиту на хліб привело до загибелі поселень, а, навпаки, їх загибель привела до скорочення експорту зерна, а в Ольвії майже до голоду.

Що ж до другого пояснення — активності галатів та скірів, то з ним важко не погодитись. Декрет на честь Протогена свідчить про загрозу від цих племен. Привертає увагу і той факт, що одночасно із загибеллю поселень в Нижньому Подністров'ї та Нижньому Побужжі з'являються городища на Нижньому Дніпрі. В їх культурі помітний сильний західний вплив — гето-фракійський, кельтський, що пояснюється дослідниками з просуванням на схід кельтів та фракійців³¹. Спробуємо реконструювати події цього часу.

Поселення Подністров'я, за спостереженнями А.І. Мелюкової, не були розгромлені зненацька, «создается впечатление, что поселения были просто оставлены жителями, переселившимися в какие-то другие места»³². Переселитись вони могли лише на схід. Аналогічну картину висвітлює і Протогенівський декрет: при звістці про підготовку походу галатів на скірів, рятуючись від їх жорстокості, племена скіфів, савдаратів та фіснатів намагались сховатися за ольвійськими укріпленнями. В цих племенах вбачають звичайно найближчих кочових сусідів поліса. В декреті про це вказівок немає, проте для кочовиків загроза подібного походу навряд чи була такою небезпечною. Прикладом може служити похід Дарія. Крім того, за археологічними даними, події середини III ст. до н. е. на придністровських кочовиках не відбилися — вони продовжували кочувати в цих краях і в більш пізній час³³. Виходячи з цього, очевидно, в ольвійському декреті згадуються осілі племена, які під натиском кельтів почали відходити з району Подністров'я на схід. Оскільки в Ольвії вони притулку не одержали, їм не залишилось нічого іншого, як просуватися далі по Дніпру.

Ці біженці могли скласти один з компонентів населення нижньодніпровських городищ. Сильний західний вплив на культуру цих пам'яток цілком припускає таку імовірність.

Більшість мешканців правобережних поселень Бузького лиману також встигли, судячи з усього, завчасно залишити свої житла. При цьому деякі з них, наприклад жителі садиби № 1 біля Дідової Хати, повинні були покинути більшу частину свого майна. Для нас великий інтерес становить подальша доля цього населення. Залишаючи в стороні тих, хто міг загинути або потрапити в полон, розглянемо можливі варіанти про населення, що залишилось.

По-перше, правомірно говорити про зосередження якоїсь частини населення периферії в Ольвії. Багато дослідників на підставі вивчення як міських кварталів, так і некрополя Ольвії, дійшли висновку про значне зростання населення міста у другій половині III ст. до н. е. Даний висновок був використаний як спростування точок зору В.В. Латишева та А.Н. Зографа про економічну кризу поліса у згаданий час³⁴. Між тим ясно, що якщо чисельність міського населення Ольвії в цей період дійсно зросла, то пояснити це треба не розквітом економіки, а зосередженням біженців з поселень ольвійської хори. Така картина доповнює сьогоденнє наше уявлення про кризу Ольвійської держави і дозволяє пов'язати її зі спустошенням Нижнього Побужжя. По-друге, частина населення могла виселитись з Побужжя і скласти один з компонентів населення нижньодніпровських городищ. Швидше це могли зробити представники соціальних низів. Протогенівський декрет повідомляє, що раби та мікселліни «спокушались ворогами». За припущенням М.В. Парович, це значило, що раби розбіглися, як це іноді відбувалося при сприятливих обставинах і в інших районах античного світу³⁵. Дослідники, які вивчали матеріальну та духовну культуру мешканців нижньодніпровських городищ, вже давно дійшли висновку про присутність серед них вихідців з Нижнього Побужжя³⁶.

І по-третє, деяка частина жителів ольвійського поліса переселилася до інших еллінських осередків Причорномор'я та Середземномор'я. Подібні міграції населення досить характерні для античності, про що свідчать епіграфічні дані. В Протогенівському декреті вказується, що при звістці про похід галатів та скірів багато громадян та іноземців залишили місто. Інші готувались наслідувати їх приклад. Ці свідчення підтверджуються мілетськими списками, де відновлюються етнікони ольвіополітів³⁷. В даному випадку емігранти могли скористатись договором про Ісopolітію між Ольвією та Мілетом.

Показово, що багато ольвійців, які належали до всіх соціальних верств — громадяни, інозем-

ці, раби та мікселліни, не пов'язували свою подальшу долю з Ольвією як це було під час походу Зопіріона. Причина цього явища не в тому, що галати були небезпечнішим та могутнішим ворогом, ніж македоняни (місто не змогли взяти ні ті, ні інші), а в якихось внутрішніх обставинах, непримиренних соціальних суперечностях ольвійського суспільства, політичній слабкості самої держави.

Таким чином, під час галатського нашествия ольвійський поліс втратив значну частину свого демографічного, економічного та воєнного потенціалу, який не вдалося відродити.

Період кризи та занепаду висвітлює незначна кількість фактичного матеріалу. На першому етапі (середина III — друга половина II ст. до н. е.) периферійні населені пункти продовжували існувати лише на лівому березі Бузького лиману. Однак до проведення розкопок про них не можна сказати будь-що конкретне. На Правобережжі Бузького лиману, мабуть, проводились деякі спроби відновлення аграрних поселень. Поховання цього етапу відкриті в Маріцінському могильнику³⁸, однак на самих поселеннях ніяких слідів життя не простежено.

У другій половині II ст. до н. е. ольвійський поліс знову переживає воєнний розгром. Гинуть поселення лівого берега Бузького лиману. В самому місті руйнуються житлові квартали, на теменосі розбираються храми та головний олтар з мармуру (на його місці пізніше був зроблений дерев'яний)³⁹. Існує думка, що місто було взяте скіфами⁴⁰. Цілком імовірно, що ця подія була зв'язана з походами західних племен. Н.Н. Погребова справедливо відмічала, що взагалі в III—I ст. до н. е. відбувався постійний натиск із заходу, про що свідчать проникнення в Побужжя та Подніпров'я гето-фракійської та кельтської кераміки, прикрас, зброї, а також поховання кельтського воїна на Бузі⁴¹. Про активність в Північно-Західному Причорномор'ї гето-фракійських, кельтських і, можливо, германських племен згадують різні письмові джерела⁴². За свідченням Діона Хризостома [Or., XXXVI], скіфи навіть допомогли відбудувати місто після його зруйнування гетами.

Останній — хронологічний етап (кінець II — середина I ст. до н. е.) є одним з найменш досліджених в ольвійській історії. За нумізматичними даними, розгромлений поліс підпадає під залежність Скіфського царства в Криму. Виходячи із знайденого в Неаполі Скіфському напису Посідея, сина Посідеєва (IRE, I², № 672), присвячення Ахіллу — володарю Левки за перемогу над «піратствующими сатархеями» — скіфи за допомогою ольвіополітів намагалися контролювати морські торговельні шляхи на схід від Дунаю. Після поразки скіфів у боротьбі з Мітрідатом Ольвія потрапила під владу

останнього. Декрет на честь Нікерата (IRE, I², № 34) свідчить про якісь постійні сутички поліса з сусідами. Для зміцнення оборони міста Мітрідат розмістив в Ольвії гарнізон та переселив сюди арменійців, мабуть, жителів Армени, передмістя Синопи⁴³. За твердженням Діона Хризостома [Or., XXXVI], близько середини I ст. до н. е. поліс був розгромлений гетами.

Археологічні дані, які відносяться до даного етапу, практично відсутні. Поселення цього часу на ольвійській периферії невідомі. Що являє собою безпосередньо місто, залишається невідомим. Як відмічало багато дослідників, така важлива в історії Ольвії подія, як гетський розгром, зовсім не простежується. Мабуть, правий О.М. Карасьов, на думку якого місто перебувало в такому жалюгідному стані після тяжких подій кінця II ст. до н. е., що на тлі зруйнувань цього часу дії гетів були зовсім непомітними.

Такі основні історичні події, які зумовили спочатку бурхливий розквіт, а потім — кризу та занепад Ольвійської держави в IV—I ст. до н. е.

ПРИМІТКИ

¹ Рубан В.В., Буйских С.Б. Исследования в урочище «Дидова хата» // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 386.

² Диамант Э.И. Монетные находки Кошарского поселения (к вопросу о западной границе Ольвийского полиса) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К., 1978. — С. 241—249.

³ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика в Понте Эвксинском. — Пг., 1918; Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 183—185.

⁴ Рубан В.В. Из истории приольвийских поселений правобережья Бутского лимана IV—III вв. до н. э. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К., 1978. — С. 65—83.

⁵ Штителъман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бутского лимана // МИА. — 1956. — № 50. — С. 255—272; Штителъман Ф.М. Поселения біля Закисової балки (розкопки 1948—1949 рр.) // АП. — 1958. — Вып. 7. — С. 131—142; Русаева А.С. Поселения Пігухівка-1 біля Ольвії // Археологія. — 1968. — Т. 21. — С. 206—213; Славін Л.М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр. // АП. — 1955. — Вып. 5. — С. 127—150; Славін Л.М. Поселения Ольвійської периферії біля с. Чортуватого // Вісн. КДУ. — 1958. — № 1; вип. 2. — С. 139—149; Славін Л.М. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ХКААМ. — С. 180—186.

⁶ Крижицький С.Д., Русаева А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. — 1978. — Т. 28. — С. 3—25; Козуб Ю.І. Передмістя Ольвії // Археологія. — 1979. — Т. 29. — С. 3—33.

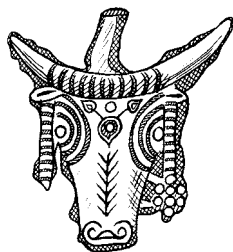
⁷ Доманский Я.В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2. — С. 31—35.

⁸ Виноградов Ю.Г. Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // НОСА. — Ч. 2. — С. 89.

⁹ Онайко Н.А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. — 1966. — Д1—27. — С. 52.

¹⁰ Зуц В.Л. Государственный лад Ольвії в IV—I ст. до н. э. // УГЖ. — 1970. — № 9. — С. 67—68.

- ¹¹ Козуб Ю.И. Вказ. праця. — С. 29.
- ¹² Там же. — С. 29—30.
- ¹³ Там же. — С. 24.
- ¹⁴ Яйленко В.П. Древнегреческая колонизационная практика // ПГКСВП. — С. 71.
- ¹⁵ Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1974.
- ¹⁶ Леви Е.И. Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры (1951—1960) // Ольвия. Теменос и агора. — М.; Л., 1964. — С. 5; Карасев А.Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Там же. — С. 39, примеч. 5; Славин Л.М. Раскопки западной части Ольвийской агоры (1956—1960 гг.) // Там же. — С. 192, 223; Славин Л.М. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ХКААМ. — С. 181—182; Рубан В.В. Из истории ольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — С. 82.
- ¹⁷ Рубан В.В. Античная усадьба на побережье Бугского лимана // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 335, 336; Рубан В.В., Буйских С.Б. Исследования в урочище «Дидова Хата» // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 386; Рубан В.В., Рычка В.М. Исследования античных памятников близ Ольвии // АО 1976 г. — М., 1977. — С. 362; Рубан В.В., Отрешко В.М. Раскопки поселения Чертоватое // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 387.
- ¹⁸ Доватур А.И. Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э. — Л., 1980. — С. 28.
- ¹⁹ Козуб Ю.И. Раскопки предместья и некрополя Ольвии // АО 1974 г. — М., 1975. — С. 295—296.
- ²⁰ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887.
- ²¹ Шафранская Н.В. О миксэллинах // ВДИ. — 1956. — № 3. — С. 37—48.
- ²² Chandler T., Fox G. 3000 years of Urban Growth. — New York, 1974. — P. 6.
- ²³ Славин Л.М. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. // СА. — 1958. — № 28. — С. 295.
- ²⁴ Синицин М.С. Поселения в с. Варваровка за раскопками 1938 р. // Праці ОДУ. — 1959. — Т. 149; сер. ист. наук. — Вип. 7; № 1. — С. 113—133; Шульц П.Н. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева // КСИИМК. — 1940. — № 5. — С. 71—75.
- ²⁵ Ранович А. Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. — 1951. — № 1. — С. 83—109; Сергеев В.С. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи // ВДИ. — 1938. — № 3. — С. 115—132.
- ²⁶ Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. — 1971. — № 4. — С. 98.
- ²⁷ Брашинский И.Б. Рец. на кн.: Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. — Paris, 1975. // СА. — 1977. — № 3. — С. 301.
- ²⁸ Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. — М., 1975. — С. 62—64, 198; Мелюкова А.И. Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э. // Проблемы скифской археологии. — М., 1971. — С. 39—54; Диамант Э.И. Монетные находки Кошарского поселения (к вопросу о западной границе Ольвийского полиса) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — С. 241—249; Рубан В.В. Из истории приольвийских поселений Правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. // Там же. — С. 80—83.
- ²⁹ Штителъман Ф.М. Поселения, городища и могильники побережья Бугского лимана: Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА АН УССР. — 1956.
- ³⁰ Мелюкова А.И. Население Нижнего Поднестровья... — С. 54; Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени... — С. 199.
- ³¹ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. — 1958. — № 64. — С. 246; Вязьмитина М.И. Золота Балка. — К., 1962. — С. 230—231.
- ³² Мелюкова А.И. Поселение и могильник... — С. 198.
- ³³ Мелюкова А.И. Население... — С. 54.
- ³⁴ Парович М.Б. Про історичну топографію Ольвійського некрополя // АП. — 1962. — Вип. 11. — С. 33—38; Шафранская Н.В. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э. // ВДИ. — 1951. — № 3. — С. 10.
- ³⁵ Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. — К., 1974. — С. 156.
- ³⁶ Погребова Н.Н. Позднескифские городища... — С. 141, 246; Вязьмитина М.И. Золота Балка. — С. 128—137, 142—145, 211—213, 230—231; Вязьмитина М.И. Терракотовые статуэтки из с. Золотая Балка // Терракоты Северного Причерноморья / САИ Г1—11. — М., 1970. — С. 57.
- ³⁷ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. — 1939. — № 3. — С. 236—237, 265—266.
- ³⁸ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // PZ. — 1913. — Bd. 5. — Heft 1. — № 33, 40—49, 51—53, 56—59.
- ³⁹ Карасев А.Н. Монументальные памятники... — С. 32.
- ⁴⁰ Там же. — С. 32.
- ⁴¹ Погребова Н.Н. Указ. соч. — С. 246.
- ⁴² Карышковский П.О. Истрия и ее соседи III—II вв. до н. э. // ВДИ. — 1978. — № 3. — С. 115—121.
- ⁴³ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. — М., 1953. — С. 38—42.

ПРО ОСНОВИ ЕКОНОМІКИ БЕРЕЗАНСЬКОГО ПОСЕЛЕННЯ *

Теоретичні розробки багатьох проблем грецької колонізації Північного Причорномор'я нерозривно пов'язані з вивченням архаїчної Березані. Особливу увагу кількох поколінь вчених привертало і досі привертає питання про основи березанської економіки, що має надзвичайне значення для історичного осмислення першого етапу грецької колонізації північного узбережжя Чорного моря. Найпоширеніша точка зору, що бере початок у роботах Е.Р. Штерна¹, практично неподільно панувала в науці аж до 60-х рр. нашого століття². Суть її зводиться до того, що Березань — це так званий емпорій — мілетська факторія, економіка якої базувалася на посередницькій торгівлі між полісами метрополії та варварськими племенами.

У 1960-х рр. В.В. Лапін висунув нову концепцію³. На його думку, архаїчна Березань була поселенням переважно аграрно-ремісничим. Він спирався як на загальні міркування про суть і характер грецької колонізації, так і на конкретні археологічні матеріали. Концепція В.В. Лапіна була піддана серйозній критиці — не завжди справедливій⁴. Тепер питання залишається дискусійним. Одні дослідники вважають Березань за «емпорій», інші — вбачають у ньому поселення переважно аграрно-ремісничого характеру.

Завданням нашої статті є аналіз аргументів та фактів щодо господарської діяльності березанців — грецьких першопоселенців у Північному Причорномор'ї.

Спочатку проаналізуємо аргументацію Л.В. Копейкіної та К.К. Марченка.

1. На думку Л.В. Копейкіної, у VII ст. до н. е. виселення мілетців у Північне Причорномор'я спричинили збройні напади лідійців на Іонію. Цілковите спустошення сільського господарства іонійських міст викликало потребу вивезення великої кількості продуктів споживання. За цієї ситуації й було, мабуть, засновано Березань — для вивезення готової сировини й продуктів, причому самостійне вирощування хліба у завдання поселенців не входило⁵.

Еміграція частини населення вже сама по собі зменшувала земельний голод і знижувала гос-

троту продовольчої проблеми. Щодо емігрантів, які покинули свою батьківщину, абсолютно незрозуміло, чому нестача землі й підвищений попит на хліб в Іонії заважали їм освоювати родючі землі й вирощувати хліб у Нижньому Побужжі. До того ж, у світлі палеоботанічних досліджень імпорту хліба з Лісостепу видається маловірогідним⁶.

2. На думку Л.В. Копейкіної, про вирішальну роль торгівлі в економіці Березані свідчить вибір місця для поселення. По-перше, це острів чи півострів, де найлегше підійти до моря; по-друге, тут є гирла великих судноплавних річок, якими грецькі купці легко могли потрапити на материк, а аборигени — спускатися до моря⁷. Проте традиція засновувати нові поселення на півостровах або набережних островах склалася ще відтоді, як елліни заселяли узбережжя Малої Азії, коли про торговельну експансію не могло бути й мови. Переселенці просто стереглися від можливої воєнної загрози⁸. Як пише І.Р. Пічікян: «Такий вибір захищав поселенців від вторгнення з материка й залишав за ними можливість вийти в море»⁹.

Геродот [IV, 53] так оцінював позитивні якості пониззів Дніпра й Буга. Борисфен «надає найрозкішніші й найбагатші пасовиська для домашньої худоби. Тут водиться сила-силенна чудової риби. Вода на смак дуже приємна... Врожай на його берегах буває пречудовий, а там, де землю не засівають, росте дуже густа трава. У гирлі його самі собою відкладаються великі запаси солі. Тут водяться великі безкості риби, що їх звуть антакаями; їх уживають для засолювання. Є й багато іншого, теж гідного подиву». Ми повинні згадати також дрімучі ліси Гілеї, здатні задовольнити будь-які потреби в деревині й деревному вугіллі; озера з високим вмістом соди, необхідної для склоробства; гематитові піски, придатні для виплавки високоякісного заліза¹⁰. Таким чином, вибране для поселення місце дозволяло березанцям займатися далеко не тільки посередницькою торгівлею.

3. На думку Л.В. Копейкіної¹¹ та К.К. Марченка¹² про торговельну спрямованість «свідчить цілковитий брак даних про хоч якусь сільськогосподарську територію Березанського поселення в перші десятиріччя існування».

* Археологія. — 1994. — № 2. — С. 112—122.

Дослідників бентежить відсутність сільсько-господарських поселень на хорі, що виникли одночасно з Березанню. Але чому, власне, невеликий колектив першопоселенців, опинившись у Нижньому Побужжі, мусив поділитися на ще менші групи, аби розселитися зразу по кількох місцях? Загальногрецька колонізаційна практика припускала забезпечення всіх повноправних переселенців земельними володіннями¹³. У такому разі до сільського господарства виявлялися причетними всі члени нової громади, що передусім прагнули поділити між собою довколишні землі. Сучасний острів Березань в античні часи був кінцевою частиною півострова¹⁴. Стародавні земельні наділи березанців повинні були міститись або на цьому півострові, або на прилеглому узбережжі материка. Пізніше рівень моря піднявся, давнього півострова не стало. Що ж стосується стрічки узбережжя, то дану ділянку через забудову нового часу дослідити не вдалось.

У даній ситуації ми маємо право судити про березанське сільське господарство тільки за матеріалами безпосередньо поселення — знахідками сільськогосподарських знарядь праці, палеоботанічними даними тощо. Дуже показово, що прихильники торговельної економіки не зовсім упевнені в цій теорії. Так, К.К. Марченко не виключає можливості, що між поселенцями були «навіть землероби»¹⁵. За Л.В. Копейкіною, Березань з часом «набуває рис поселення сільського типу»¹⁶. Ю.Г. Виноградов вважає, що «поза сумнівом» землеробська територія (щоправда, дуже невелика) у першопоселенців мала бути, адже навіть за суто торговельної спрямованості економіки мешканці апоїкії мали бути гарантовані від випадковостей у постачанні продовольством¹⁷.

Повернемося, проте, до сільських поселень. Ю.В. Андреев так описує поширений варіант розвитку території архаїчного поліса: кома (село) «з'являється як продукт розростання і спонтанного поділу первинного поліса. Звичайно коми розташовуються на периферії полісної території («на краю поля», вживаючи гомерівський вислів), займаючи перше вільні землі»¹⁸. На наш погляд, дещо подібне мало діятися і в Нижньому Побужжі. Сільські поселення могли засновувати вихідці з Березані чи, швидше, заново прибулі колоністи — але за межами території, зайнятої наділами першопоселенців. Якщо розвиток хори проходив за накресленою схемою, то периферійних аграрних поселень, що виникли б одночасно з Березанню, не було й бути не могло. Тут треба звернути увагу на методичну помилку Л.В. Копейкіної та К.К. Марченка, що пов'язували початок товарного виробництва сільськогосподарської продукції з появою невеликих аграрних населених

пунктів¹⁹. За їхньою логікою, якщо на ранньому етапі ми не маємо периферійних сільських поселень, то виходить не було на той час і товарного виробництва сільськогосподарської продукції. Таким чином, характер виробництва і рівень розвитку господарства змішується тут з обсягом продукції регіону. Якщо березанці займалися сільським господарством, то в міру свого соціально-економічного розвитку вони могли виробляти товарну продукцію анітрохи не гірше за мешканців периферії чи лісостепу. Інша справа, що поява все нових і нових периферійних поселень може свідчити про збільшення численності населення, зростання кількості робочих рук, зайнятих в аграрному виробництві, розширення земель, що обробляються, і, відповідно, про збільшення загального обсягу зернової продукції, в тому числі, й товарної.

4. На підтримку торговельної теорії Л.В. Копейкіна та К.К. Марченко залучають відкриття на Березані великої кількості господарських ям, частина яких могла правити за місце зберігання товарного зерна²⁰. Можливість цього сумнівів не викликає. Але хто виробив це зерно — лісостепові скіфи чи нижньобузькі греки? Якщо визнати існування березанського сільського господарства, то зернові ями слід вважати призначеними для зберігання перш за все місцевої продукції.

5. Як відзначає К.К. Марченко, серед березанського керамічного комплексу дуже висока питома вага відносно дорогого посуду, що належав, мабуть, «матеріально забезпеченим категоріям людей, до яких, без сумніву, треба залучити і купців»²¹.

Ми не знаємо, наскільки дорого чи порівняно дешево обходилися березанцям розписні глиняні посудини. У будь-якому разі не слід надто високо оцінювати життєвий рівень людей, що десятиліттями тулилися в невеликих недовговічних напівземлянках. В архаїчний час займатися торгівлею могли не лише купці, але й ремісники, і, якщо вірити Гесіоду («Труди й дні», 630, 664) — землероби. Головне в іншому — який характер носила торгівля. Чи вона була переважно посередницька (реекспортна), чи в її основі лежав продаж власної продукції? Відповіді на ці питання знахідки на Березані імпортової кераміки теж не дають.

6. На Березані знайдено скарб золотих іонійських монет останньої чверті VII — початку VI ст. до н. е., які використовувались за К.К. Марченком «перш за все в інтерлокальній торгівлі греків як загальний еквівалент вартості»²². Крім чотирьох монет — одного статера й трьох тріт, до складу скарбу входили фрагменти малих ювелірних виробів: дві порожнисті сережки з відламаними дужками, дві розплющені підвіски й деформована намистина²³, що говорить про

його приналежність, швидше за все, реміснику. Нумізматичні знахідки можуть свідчити про розвиток на поселенні товарно-грошових відносин, але не дають жодних відомостей про те, який вид господарської діяльності тоді переважав.

7. Слідом за багатьма іншими дослідниками К.К. Марченко відзначає, що на території осілих землеробських племен Середнього Побужжя і Подніпров'я відомі знахідки ранньої грецької кераміки, що можуть правити за доказ зацікавленості перших грецьких переселенців у сільськогосподарських продуктах варварів. Можливо, що їх цікавили й інші товари — раби чи мінеральна сировина. Наприклад, за свідченням Вітрувія [VII, 7, 5; VII, 31], верхів'я Гіпаніса в районі Еksamпея були багаті на кращу в світі сандарак (інша назва — реальгар — руда миш'яку), яка звичайно трапляється разом з антимонітом (руда сурми), а також із олов'яними, срібними та золотими рудами. У світлі сучасних уявлень про метал як дуже важливу статтю імпорту полісів метрополії, не можна недооцінювати доцільність експлуатації відповідних ресурсів Північного Причорномор'я. Однак, про ступінь зацікавленості греків у експорті певних товарів ми можемо судити за обсягом грецького імпорту у місцевих племен. При цьому, про рівень саме посередницької торгівлі можуть свідчити лише предмети імпорту з полісів Середземномор'я. Як відомо, подібні знахідки, що належать до раннього часу, у Скіфії вкрай нечисленні²⁵. Відповідно, і значення посередницької торгівлі в господарській діяльності перших еллінських поселенців було зовсім незначним.

8. К.К. Марченко акцентує увагу на матеріалах Ягорлицького поселення, де в першій половині VI ст. до н. е. існувало налагоджене виробництво предметів із заліза, бронзи, олова й скла, призначених здебільшого для продажу скіфам. «...Складається враження, що насправді ранній грецький імпорт включав у себе не тільки, чи, точніше не стільки високовартісні й мистецькі вироби керамістів метрополії, скільки, перш за все, продукцію ремісників самої Березані, орієнтовану на задоволення нагальних потреб аборигенів у предметах із металів»²⁶.

Економіка поселення виглядає тепер, перш за все, як виробнича: її основу в даному варіанті становить ремісничє виробництво, а не посередницька торгівля. Якщо ж не погодитися з цим висновком, торгівлю можна вважати основою економіки будь-якого суспільства. Дозволимо собі трохи відірватися від Березані. Відомо, що такі сучасні країни як Кувейт чи Саудівська Аравія одержують свої основні прибутки від продажу нафти і нафтопродуктів. Однак, не торгівля вважається основою економіки даних країн, а нафтодобувна, газова й нафтопереробна

промисловість²⁷. Інша картина спостерігається в Сингапурі, де головну роль відіграє реекспортна торгівля, тобто перепродаж імпортованих товарів²⁸. Як бачимо, три згадані країни активно беруть участь у міжнародній торгівлі, але характер цієї участі різний, різні й основи економіки. В антикознавстві, на жаль, в аналогічних випадках спостерігається змішування понять.

9. На думку Л.В. Копейкіної та К.К. Марченка, на торговельну спрямованість березанської економіки одночасно вказують епіграфічні пам'ятки — граффіто на стінці кіліка VI ст. до н. е. й лист на свинцевій платівці рубежу VI—V ст. до н. е.²⁹

Принагідно зазначимо, що дуже фрагментарний напис на стінці кіліка — це, за реконструкцією Ю.Г. Виноградова³⁰, реєстр якогось купця, який підраховував прибутки: від кількох осіб він одержав невеликі гроші, а від одного купця трохи зерна. Ю.Г. Виноградов робить висновки: «Наш напис, певна річ, не говорить, чию пшеницю придбав приїжджий емпор — березанську чи «скіфську». Однак вона, по-перше, ще раз нагадує про поживавлені зв'язки поселення, а по-друге, прямо вказує на вивіз зерна з о. Березань (як на мене, досить-таки значний)»³¹. Згодом, при реконструкції тексту, автор та його опоненти зрозуміли³², що слово *ἄρτος* означає не зерно, а печений хліб, отже в цьому випадку про торгівлю з лісостепом не може бути й мови.

Щодо листа Ахіллодора, то безпосередньо в тексті про торгівлю немає жодного слова. Щоправда, видавець листа стверджував, що Ахіллодор перебував на Березані в комерційних справах, але жодних аргументів на користь даного припущення наведено не було³³. В іншій роботі Ю.Г. Виноградов припускав, що Ахіллодору могла належати на Березані нерухомість — згадувані в листі будинки (нібито цей факт може підтвердити приналежність березанського емпорія Ольвійській державі вже в VI ст. до н. е.)³⁴. На жаль, це припущення залишилося неаргументованим — автор обмежився посиланням на свою публікацію листа Ахіллодора, де доводить протилежне: що згадані в листі будинки стояли не на Березані, а виключно в Ольвії, і належали вони не Ахіллодору, а якомусь Матасієві.

Важко зрозуміти, як ці написи «можуть правити за одну з вихідних, що характеризують економіку ранньої грецької апойкії Нижнього Побужжя»³⁵.

10. На думку Л.В. Копейкіної й К.К. Марченка, інтенсивність економічних зв'язків греків з місцевим населенням підкреслює присутність серед мешканців Березані варварів, що простежується за знахідками ліпної кераміки³⁶.

На наш погляд, присутність варварів може пояснюватися різними причинами. Якщо серед

переселенців переважали чоловіки, як це часто буває під час міграцій, вони могли одружуватися з місцевими жінками, могли осідати на Березані втікачі та ізгої, що за тих чи інших обставин змушені були порвати зі своїм родом-племенем. Переселенці могли, нарешті, купувати рабів для забезпечення свого господарства робочою силою. В будь-якому випадку, питання про основи березанської економіки присутність варварів не пояснює.

На цьому аргументи Л.В. Копейкіної та К.К. Марченка вичерпані. Перейдемо до аналізу міркувань Ю.Г. Виноградова.

Дослідник визнає, що березанці займалися сільським господарством, оскільки навіть за суто «торговельної» орієнтації їхньої економіки, вони повинні мати гарантії від випадковостей у постачанні продовольства. Далі, однак, Ю.Г. Виноградов стверджує, що березанці могли володіти «тільки допоміжною хорою»³⁷. Чому березанська хора могла бути лише «допоміжною», нам не ясно. Дослідник явно змішує характер виробництва із загальним обсягом продукції регіону. Справді, коли вже березанці займалися сільським господарством, то чому вони не могли виробляти відповідну товарну продукцію? Чому іонієць чи, навіть, варвар, що оселився на периферії, міг постачати зерно чи вовну на продаж, а березанець, що займався сільським господарством, зробити це був неспроможний? Треба думати, що з теоретичної точки зору, рівень товарності березанського виробництва абсолютно не обов'язково поступався рівневі товарності будь-якого іншого поселення Нижнього Побужжя. Інша справа, що в міру заселення цих місць та освоєння периферії повинен був зростати й загальний обсяг виробництва регіону.

Ю.Г. Виноградов ставить питання: «...Звідкіля три перших покоління березанських і два — ольвійських поселенців здобували кошти для оплати тієї великої кількості товарів, часом дуже дорогих, що їм привозили з метрополії й інших центрів Егеїди?»³⁸. Він вважає, що «імпорт заморських товарів перші покоління колоністів повинні були компенсувати перш за все, і головним чином, продуктами, які вони отримували внаслідок торговельного обміну з глибинними районами Скіфії, а не витворами власних рук»³⁹.

Нас це мало переконує, адже товарні можливості власне березанського виробництва — сільського господарства, ремесел, промислів — Ю.Г. Виноградов по суті серйозно не розглядає. Його логіка проста: якщо «товарної» хори ще не було, й березанці не могли торгувати сільськогосподарською продукцією населення периферії, то вони повинні були жити за рахунок посередницької торгівлі з глибинними районами Скіфії. Невже у першопоселенців справді не було інших можливостей?

Подивимося, що, на думку Ю.Г. Виноградова, вивозили через Березань зі Скіфії: хліб, худобу, дерево, можливо, рабів. Могла експортуватися також сировина для чорної металургії й скловаріння, відповідна реміснича продукція⁴⁰. Але ж сировину для чорної металургії й скловаріння добували самі березанці в районі Кінбурнського півострова, вони також виробляли й відповідну ремісничу продукцію. Ліс абсолютно не потрібно було сплавляти із Лісостепу, необхідну кількість його можна було здобути і в Гілеї. Товарне зерно березанці могли одержувати на родючих цілинних землях Нижнього Побужжя після першого ж врожаю. Для випасу домашньої худоби були, за оцінкою Геродота [IV, 53], «пречудові й дуже багаті пасовиська». По суті, Ю.Г. Виноградов сам відповів на питання, чим могли березанці оплачувати імпорт із Середземномор'я, не вдаючись до допомоги жителів лісостепу і не присвячуючи себе виключно посередницькій торгівлі. Перші три покоління переселенців цілком могли сіяти хліб, розводити худобу, рубати в Гілеї ліс, ловити чудову рибу (й засолювати частину улову), розроблювати залізовмісні гематитові піски, добувати сіль і соду, плавити залізо, варити скло тощо. Лишається, звісно, нез'ясованим, якою мірою ці можливості було насправді реалізовано, але це питання вирішується на підставі фактів, і не тільки в загальних міркуваннях. Природно, що одержав якийсь розвиток і товарообмін між греками й варварами. Але чи так уже необхідно вважати посередницьку торгівлю основою березанської економіки?

Проаналізуємо думку Ю.Г. Виноградова про склад еллінського експорту до Скіфії. Визнаючи, що ввезення розписної кераміки через незначну кількість особливого значення не мало, дослідник пише: «Однак не можна не враховувати завезення до Скіфії такої продукції, що не лишає сліду в археології, перш за все вина, яке транспортувалося в бурдюках, що цілком реально, оскільки амфори VII ст. нам практично не відомі»⁴¹.

Однак, якщо амфори кінця VII — початку VI ст. до н. е. майже не трапляються у Скіфії, вони у досить великій кількості відомі на Березані, Ягорлику, Боспорі⁴².

Таким чином, якщо наполягати на масовому довозі вина й олії в бурдюках, то не слід посилятися на брак амфор як таких. Треба пояснити, чому березанці, закупаючи продукти у керамічній тарі, перепродавали їх у міхах, і чому з часом перейшли все ж таки на продаж скіфам вина й олії в амфорах.

Необхідно особливо відзначити, що теза про вивіз лісостепового хліба в обмін на вино й олію дуже сумнівна. Судячи за результатами палеоботанічних досліджень у Лісостепу ви-

щувалися плівчасті пшениці, які, на відміну від голозерних, за своїми характерними особливостями ніяк не могли бути предметом експорту⁴³.

Зрештою, система припущень Ю.Г. Виноградова виглядає недостатньо переконливо для визнання реекспорту середземноморського вина й лісостепоного хліба основою економіки ранньої Березані. Основний недолік його аргументації — примат загальних, інколи непослідовних розмірковувань над фактами. Але цей недолік, притаманний роботам й інших дослідників, значною мірою викликаний об'єктивними причинами, оскільки матеріали Березані, що відбивали б господарську діяльність населення, опубліковані далеко неповністю.

Не маючи змоги заповнити наявну інформаційну прогалину, у рамках даної роботи ми вважаємо за необхідне спробувати систематизувати відомі нам дані, зібрані за багато десятиріч вивчення пам'ятки. Здебільшого ми спираємося на результати розкопок В.В. Лапіна у 1960—1980 рр.

Про розвиток землеробства на Березані архайчного часу дуже недвозначно говорять знахідки відповідних знарядь праці, кількість яких у міру активізації польових досліджень неухильно зростає. Колись В.В. Лапін зміг вказати тільки на леміш плуга, що за умовами знахідки не піддавався точному датуванню, а також на фрагмент архайчної мотики⁴⁴. Невдовзі інший фрагментований леміш виявлено в безумовно ранньому шарі⁴⁵. Мабуть, ще одному лемішу належить фрагмент великого втулкового залізного знаряддя, знайденого 1972 р.⁴⁶ Серед матеріалів з розкопок В.В. Лапіна нам відомі також два цілі серпи доброго збереження і великий виразний фрагмент третього⁴⁷. Маючи на увазі наявність вказаних виробів, можна думати, що не тільки ножем, але й серпам належала частина уламків зігнутих залізних лез, що не піддаються точній ідентифікації через їхні невеликі розміри.

Гадаємо, що перелічених вище знарядь праці з розкопок В.В. Лапіна (ми не маємо, на жаль, неопублікованих матеріалів Е.Р. Штерна, М.Ф. Болтенка, К.С. Горбунової, Л.В. Копейкіної) цілком досить, щоб говорити про березанське землеробство як про факт, а не більш-менш ймовірне припущення. У цьому контексті й численні зернові ями, відкриті на поселенні, призначалися для зберігання швидше власного зерна, аніж довізного.

Про розвиток березанського тваринництва можна робити висновок на підставі масових кісткових залишків і за знахідками таких виробів як кістяні псалії⁴⁸.

Результати остеологічних визначень, за висновками О.П. Журавльова⁴⁹, говорять про те, що

на Березані, як і взагалі в архайчному Нижньому Побужжі, розводились якісь свої породи овець та кіз. Популяція домашнього бика складалася з різних порід — велика рогата і дрібніша комолла. Як вважає дослідник, велику рогату худобу переселенці, мабуть, привезли з собою, а дрібну комолу купували у місцевих племен.

Серед продуктивної отари домінували вівці й кози, яким належали кісткові залишки 78,42 % особин у шарах VII—VI ст. до н. е. і 61,97 % у шарах VI—V ст. до н. е. Велика рогата худоба становила 9,78 % особин у шарах VII—VI ст. до н. е. і 20,42 % у шарах VI—V ст. до н. е. Свині становили відповідно 9,44 % і 12,68 %, а коні — 2,36 % і 4,93 % особин. У шарах VI—V ст. до н. е. зафіксовано також кістки віслюка.

Тенденція до зменшення кількості дрібної рогатої худоби і збільшення великої пов'язана, мабуть, з розвитком землеробства. У даному варіанті цілком можливо, що перші переселенці були недостатньо забезпечені робочими тягловими тваринами і частіше зверталися до розведення овець і кіз, поступово збільшуючи поголів'я домашнього бика й розширюючи площу оранки. Відповідь на запитання про виробництво товарного хліба при певних господарських можливостях не слід, на нашу думку, вирішувати без проведення спеціальних досліджень, адже лімітована нестачею робочої худоби площа оранки повністю і навіть з надлишком могла компенсуватися високими врожайми на цілинних степових чорноземах.

Існувало на Березані й птахівництво, про що, крім знахідок кісток домашніх курей, качок і гусей, свідчать неодноразові знахідки качиних яєць⁵⁰.

На нашу думку, продукція саме місцевого тваринництва використовувалася у вовноткацькому ремеслі, поширеному у жіночого населення Березані. Крім численних прядок, намоток і бронзових голок, на поселенні знайдені чесала для вовни з рогів благородного оленя⁵¹ і навіть унікальні фрагменти чорнофігурних аттичних епінетронів⁵².

Активне освоєння рибних запасів Дніпро-Бузького лиману й надбережних вод Чорного моря фіксується за масовими знахідками кам'яних, керамічних та олов'яних грузил для сітей, бронзових гачків, а також риб'ячих кісток і луски. Е.Р. Штерн вважав, що мілетські рибопромисловці приїздили в наші краї для сезонного лову риби ще до того, як на Березані з'явився контингент постійних мешканців⁵³. На думку Д.І. Нудельмана, Л.М. Славина й М.Ф. Болтенка, експорт риби міг бути провідною галуззю березанського господарства⁵⁴.

Численні дані свідчать про розвиток металургії й металообробки. У 1960 р. В.В. Лапін дослідив залізоробний комплекс останньої чверті VII —

першої половини VI ст. до н. е., що складався з двох з'єднаних каналом круглих басейнів, на дні одного з яких залягав шар залізної іржі⁵⁵. Згодом було виявлено залишки напівземлянки першої половини VI ст. до н. е., пов'язаної з виробництвом чи обробкою заліза⁵⁶. Третій залізообробний комплекс VI ст. до н. е., що складається з круглого в плані басейну й приєднаного до нього майданчика, вкритого щільним облицюванням, розкопано 1966 р.⁵⁷ Четвертий комплекс кінця VII — початку VI ст. до н. е. вивчався у 1974 р.⁵⁸ І, нарешті, п'ятий комплекс VI ст. до н. е. відкрив Я.В. Доманський у 1983 р. Це була напівземлянка, діаметром до 6 м (із сходиною для входу), в центрі дна якої містилось частково обнесене канавкою та ямками округле заглиблення, діаметром 2,8 м, заповнене щільним шаром залізистої іржі зі шматками кричного заліза⁵⁹. Слід відзначити, що серед матеріалів В.В. Лапіна є дві пари пінцетоподібних залізних обцецьків, що добре збереглися й застосовувалися, мабуть, у ковальській справі⁶⁰.

Залишки бронзолivarного виробництва представлені численними знахідками бракованих вістер стріл, бронзових шлаків і ливарних форм⁶¹. До певної міри показово, що тільки в сезон 1975 р. виявлено 5 ливарних форм⁶².

Сьогодні вивчення березанського ремісничого виробництва неможливе без залучення матеріалів Ягорлицького ремісничого поселення, розташованого на березі однойменної затоки Чорного моря поблизу с. Іванівки Голопристанського р-ну Херсонської обл. За переконливим датуванням В.В. Рубана, пам'ятка існувала в останній чверті VII — першій половині VI ст. до н. е.⁶³ Як уже відзначалось у літературі, Ягорлик не можна розглядати як самостійний пункт з постійним населенням — тут на площі в кілька десятків гектарів містилися сезонні майстерні, що належали, мабуть, березанцям⁶⁴. На цьому місці, поблизу джерел різної сировини, березанські ремісники виробляли залізо, відливали різні вироби з бронзи й олова, варили скло й робили з нього прикраси⁶⁵. Можна вважати за доведене, що для забезпечення ремісничого виробництва розробляли гематитові піски, рубали ліс, випалювали вугілля, в невеликих озерах Кінбурнського півострова добували сіль та соду⁶⁶. Частина ремісничої продукції призначалась, безперечно, для експорту до Скіфії.

Великого розвитку дістав товарообмін. Імпорт із Середземномор'я фіксується передусім за масовими знахідками на поселенні фрагментів амфор і розписної кераміки⁶⁷. Натомість могли надходити такі товари як хліб, риба, худоба, ліс, сода чи скло, метали, раби, однак упевнено визначити структуру березанського експорту до метрополії ми не можемо. Із Карпато-Дунайського басейну надходила мідь і, напевне, олово, але що йшло взамін — сказати важко.

У Скіфії, поза сумнівом, купували худобу, можливо рабів, не виключено — ту чи іншу мінеральну сировину. Частково ці товари оплачувано реекспортом середземноморського вина, олії й кераміки, частково — продукцією березанського ремісничого виробництва: речами із заліза, бронзи, олова й скла. При цьому, як вже відзначалося, складається враження, що традиційні товари грецької метрополії спочатку не користувалися великим попитом у місцевих племен. Тому розвиток колоніального ремісничого виробництва, зорієнтованого на тубільний ринок, який виходить із потреб і смаків варварів, був ефективніший за спроби налагодити посередницьку торгівлю⁶⁸. Такого ж висновку дійшов і К.К. Марченко: «...складається враження, що насправді ранній грецький імпорт охоплював не лише, чи, певніше, не стільки дорогі, високохудожні вироби керамістів метрополії, скільки, перш за все, продукцію ремісників самої Березані, орієнтовану на задоволення нагальних потреб аборигенів у предметах з металів»⁶⁹.

Для наших цілей дуже важливим є питання про ступінь розподілу праці, відокремлення ремесла й торгівлі від сільського господарства. Стосовно класичних Афін, як стверджує Г.О. Кошеленко, «можна говорити не тільки про відокремлення ремесла від землеволодіння, але й про глибоку спеціалізацію самої ремісничої діяльності»⁷⁰. Однак у часи заснування Березанського поселення цей процес в Елладі взагалі тільки починався. Цікавий для нас і факт, відзначений у праці Г.О. Кошеленка, що «уже в давнині усвідомлювали залежність ступеню розподілу праці від розміру міста»⁷¹. У цьому відношенні Березань не можна порівнювати не тільки з Афінами, але і з Ольвією V ст. до н. е. Із цього випливає, що навряд чи буде доцільно шукати сліди відокремлення ремесла й промислів від сільського господарства на ранній Березані. Швидше ті ж самі люди, що виробляли залізо й варили скло, тією чи іншою мірою брали участь в обробці землі, розведенні тварин чи рибній ловлі (із чого не випливає, природно-зворотне — що кожний, хто обробляв землю чи розводив худобу, міг займатися і займався металообробкою чи скловарінням).

Сучасні методи дослідження не дозволяють адекватно визначити кількість праці, витраченої в тій чи іншій сфері діяльності, обсяг і вартість продукції і, відповідно, з'ясувати питому вагу різних галузей господарства. Проте, досить впевнено можна сказати, що вже на першому етапі свого існування Березань виглядає як напівміське поселення, економіка якого була багатогалузевою й не орієнтувалася на односторонній розвиток будь-якої конкретної сфери господарської діяльності. Переселенці займалися і землеробством, і тваринництвом, і ремеслами, і

риболовством, і торгівлею. Припущення про те, що основу економіки становила посередницька торгівля, можна відкинути — про це свідчить хоча б і те, що переважна частина археологічно зафіксованого імпорту з метрополії осідала безпосередньо на Березані, а істотну (коли не основну) частку експорту до Скіфії становили власне березанські товари. Треба сказати, що невеличке й зовсім ізольоване від зовнішнього світу еллінське селище навряд чи було спроможне, не деградуючи, цілком забезпечувати себе необхідною сировиною й продуктами. Саме це, можливо, і спричиняло його торговельну активність. Судячи з усього, імпорт із Скіфії й Середземномор'я компенсував, перш за все вивезення власної продукції, а реекспорт чужих товарів приносив якийсь додатковий прибуток.

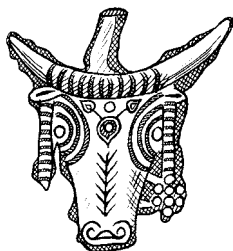
Таким чином, найпереконливішою уявляється нам зараз точка зору, згідно якої основу березанської економіки становили продуктивні галузі господарства. Виробництву був притаманний досить високий рівень товарності. Необхідна, але і не головна галузь економічної діяльності полягала в доволі активній торгівлі, зокрема, й посередницькій.

ПРИМІТКИ

- ¹ Штерн Э. Значение керамических находок на Юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации // ЗООИД. — 1899. — Т. XXII. — С. 1—27; Stern E. Die griechischen Kolonization am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archaologischer Forschung // Klio. — 1909. — Bd. IX. — S. 139—152.
- ² Основна історіографія до початку 60-х рр. розглянута В.В. Лапіним. Див.: Лапін В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественных теорий колонизации). — К., 1966. — С. 86—147.
- ³ Лапін В.В. Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. — М., 1963. — С. 31—39; Лапін В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — С. 86—147.
- ⁴ Захарук Ю.Н. Рец. на кн.: Лапін В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. // СА. — 1969. — № 4. — С. 287—290; Тереножкин А.И. Рец. на кн.: Лапін В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. // СА. — 1968. — № 4. — С. 290—297; Щелов Д.Б., Брашинский И.Б. Рец. на кн.: Лапін В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966 // ВДИ. — 1969. — № 3. — С. 161—171.
- ⁵ Копейкина Л.В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. — Тбилиси, 1979. — С. 108.
- ⁶ Шрамко Б.А., Янушевич З.В. Культурные растения Скифии // СА. — 1985. — № 2. — С. 60—62; Щелов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII—V вв. до н. э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII—V вв. до н. э. — Тбилиси, 1990. — С. 99—121.
- ⁷ Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 109.
- ⁸ Akurgal E. The Early Period and the Golden Age of Ionia // AJA. — 1962. — Vol. 66. — № 4. — P. 371.

- ⁹ Пичикян И.Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. — М., 1984. — С. 16.
- ¹⁰ Острроверхов А.С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. — 1979. — № 3. — С. 118—124; Ієвлєв М.М. Природні умови та господарська діяльність Ольвійської держави у VII—V ст. до н. е. // СВТУ. — 1992. — С. 129—140.
- ¹¹ Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 108, 109.
- ¹² Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — 1980. — № 1. — С. 135, 136.
- ¹³ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. — М., 1982. — С. 242, 243.
- ¹⁴ Щелов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 1. Остров Березань // ВДИ. — 1965. — № 2. — С. 107—110; Лапін В.В. Греческая колонизация... — С. 128—137.
- ¹⁵ Марченко К.К. Модель греческой колонизации... — С. 136.
- ¹⁶ Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 111.
- ¹⁷ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1. — С. 380.
- ¹⁸ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). — Л., 1976. — С. 44.
- ¹⁹ Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 108, 109; Марченко К.К. Модель греческой колонизации... — С. 135, 136.
- ²⁰ Марченко К.К. Модель греческой колонизации... — С. 134; Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 109.
- ²¹ Марченко К.К. Модель греческой колонизации... — С. 134.
- ²² Там же. — С. 134.
- ²³ Карышковский П.О., Лапін В.В. Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 году // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979. — С. 105.
- ²⁴ Марченко К.К. Модель греческой колонизации... — С. 134, 135.
- ²⁵ Онайко Н.А. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V веках до н. э. — М., 1966. — С. 14—16; Щелов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII—V вв. до н. э.: письменные источники и археология // Причерноморье в VII—V вв. до н. э. — Тбилиси, 1990. — С. 108.
- ²⁶ Марченко К.К. Модель греческой колонизации... — С. 135.
- ²⁷ СЭС. — М., 1980. — С. 672, 1184.
- ²⁸ СЭС. — С. 1221.
- ²⁹ Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 109; Марченко К.К. Модель... — С. 134.
- ³⁰ Виноградов Ю.Г. Новые материалы по раннегреческой экономике // ВДИ. — 1971. — № 1. — С. 64—67.
- ³¹ Там же. — С. 65.
- ³² Виноградов Ю.Г. Прохус Минииды из Пантикапея // ВДИ. — 1974. — № 4. — С. 58. — Прим. 13; Яйленко В.П. Выступление в дискуссии // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979. — С. 354, 355; Щелов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом... — С. 110.
- ³³ Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. — 1971. — № 4. — С. 98.
- ³⁴ Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // ХКААМ. — М., 1976. — С. 80.
- ³⁵ Марченко К.К. Модель... — С. 134.
- ³⁶ Копейкина Л.В. Особенности развития... — С. 109; Марченко К.К. Модель... — С. 135.

- ³⁷ Виноградов Ю.Г. Полис... — С. 380; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — С. 53.
- ³⁸ Виноградов Ю.Г. Полис... — С. 380; Виноградов Ю.Г. Политическая история... — С. 52, 53.
- ³⁹ Виноградов Ю.Г. Полис... — С. 380; Виноградов Ю.Г. Политическая история... — С. 53.
- ⁴⁰ Виноградов Ю.Г. Полис... — С. 383, 384; Виноградов Ю.Г. Политическая история... — С. 54, 55.
- ⁴¹ Виноградов Ю.Г. Полис... — С. 382; Виноградов Ю.Г. Политическая история... — С. 54, 55.
- ⁴² Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. — К., 1951. — С. 58; Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани // СА. — 1957. — № 4. — С. 138; Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения // ИААСП. — 1980. — С. 104—114; Рубан В.В. Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. — 1983. — № 1. — С. 285—291; Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. — 1960. — № 83. — С. 70.
- ⁴³ Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: палеоботанические исследования. — Кишинев, 1986; Щеглов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом... — С. 110—113; Шрамко Б.А., Янушевич З.В. Культурные растения Скифии // СА. — 1985. — № 2. — С. 60—62.
- ⁴⁴ Лапин В.В. Греческая колонизация... — С. 125—127.
- ⁴⁵ Лапин В.В. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г. // АИУ. — 1967. — Вып. 1. — С. 148—149.
- ⁴⁶ Инв. № АБ/72—220. Археологичний музей ІА НАНУ.
- ⁴⁷ Инв. № АБ/80—559, АБ/80—630. Археологичний музей ІА НАНУ.
- ⁴⁸ Инв. № АБ/71—130, АБ/72—108. Археологичний музей ІА НАНУ.
- ⁴⁹ Журавлев О.П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. — К., 1983. — С. 38—45; Журавлев О.П. Кісткові решітки ссавців в Ольвії та на Березані // Археологія. — 1983. — № 42. — С. 80—84.
- ⁵⁰ Лапин В.В. Греческая колонизация... — С. 128.
- ⁵¹ Инв. № АБ // 72—324, АБ/75—228, АБ/75—462, АБ/75—461. Археологичний музей ІА НАНУ.
- ⁵² Горбунова К.С. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962—1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. — Л., 1982. — С. 41—44.
- ⁵³ Штерн Э.Р. Раскопки на острове Березань // ОАК за 1908 г. — СПб., 1912. — С. 87.
- ⁵⁴ Нудельман Д.И. Древнегреческое поселение на Северном Причерноморье: Березань // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. — 1946. — Т. 37. — Вып. 3. — С. 42; Славин Л.М. Древньогрецьке поселення на острові Березань // Наук. зап. КДУ. — 1956. — Т. 15. — Вип. 6. — № 7. — С. 160, 161; Болтенко М.Ф. Исторические судьбы острова Березани // ЗОАО. — 1960. — Т. 1(34). — С. 42.
- ⁵⁵ Лапин В.В. Греческая колонизация... — С. 137, 138.
- ⁵⁶ Лапин В.В. Отчет о раскопках древнегреческого поселения на о. Березань в 1961—1962 гг. / НА ИА НАНУ. — 1961—1962/6а. — С. 29, 30.
- ⁵⁷ Лапин В.В. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г. // АИУ. — 1967. — Вып. 1. — С. 148.
- ⁵⁸ Лапин В.В. Отчет о работе Березанской экспедиции Археологического музея Института зоологии АН УССР в 1974 г. // НА ИА НАНУ. — 1974/100. — С. 18.
- ⁵⁹ Доманский Я.В. Работы Березанской экспедиции // АО. — 1983. — М., 1985. — С. 272.
- ⁶⁰ Инв. № Б/60—1133. Археологичний музей ІА НАНУ.
- ⁶¹ Штерн Э.Р. Раскопки на острове Березани // ОАК за 1907 г. — СПб., 1910. — С. 69; Лапин В.В. Греческая колонизация... — С. 137; Лапин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северопрichernоморской цивилизации / НА ИА НАНУ. — 1978. — С. 109.
- ⁶² Лапин В.В. Отчет о раскопках древнегреческого поселения на о. Березань в 1975 г. / НА ИА НАНУ. — 1975/114. — С. 24.
- ⁶³ Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения... — С. 104—114; Рубан В.В. Керамика Ягорлыцкого поселения... — С. 285—291.
- ⁶⁴ Марченко К.К. Модель... — С. 135; Яйленко В.П. Архаическая Греция // Античная Греция. — М., 1983. — С. 143.
- ⁶⁵ Островецких А.С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1978.
- ⁶⁶ Островецких А.С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бутского лиманов // ВДИ. — 1979. — № 3. — С. 118—124.
- ⁶⁷ Капошина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. — 1956. — № 50. — С. 211—239; Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани // СА. — 1957. — № 1. — С. 128—139; Скуднова В.М. Родосская керамика с о. Березань // СА. — 1960. — № 2. — С. 153—167; Копейкина Л.В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н. э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. — Л., 1982. — С. 6—35.
- ⁶⁸ Отрешко В.М. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979. — С. 153.
- ⁶⁹ Марченко К.К. Модель... — С. 135.
- ⁷⁰ Кошеленко Г.А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1. — С. 228.
- ⁷¹ Кошеленко Г.А. Указ. соч. — С. 232.

2. ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

В.М. Отрешко

АРХАИЧЕСКИЕ И КЛАССИЧЕСКИЕ СЛОИ НА ПОСЕЛЕНИИ У ЗАКИСОВОЙ БАЛКИ *

1. Поселение у Закисовой Балки, расположенное в 4 км к югу от Ольвии, исследовалось в 1948—1949 годах Ф.М. Штителман и является одним из наиболее изученных памятников ольвийской хоры догетского времени. В указанное время здесь на большой площади были открыты слои IV—III веков до н. э. и считалось, что это поселение существовало в эллинистическое время.

2. В 1973 г. Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции Института археологии АН УССР на поселении проводились охранные раскопки. В северной части его, в местах разрушения строительных остатков современной балкой, были заложены небольшой раскоп и три шурфа. Открыты: полуземлянка середины VI в. до н. э.; часть углубления в материке, напоминающего ров, второй половины VI — начала V веков до н. э.; остатки каменных сооружений и хозяйственных ям VI—III века до н. э. Собран большой вещественный материал VI—III веков до н. э.

* 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбилейной конф. — К., 1975. — С. 129—130.

3. Работами 1973 г. удалось установить, что поселение у Закисовой Балки возникло около середины VI в. до н. э. и является одним из немногих поселений Нижнего Побужья, существовавших непрерывно с VI по III века до н. э. Площадь поселения сравнительно небольшая в первые века его существования, в IV в. до н. э. резко увеличивается.

4. Полуземляночное домостроительство, относящееся к раннему периоду, в V в. до н. э. начинает сменяться наземными каменными постройками. Это еще раз опровергает попытку противопоставить полуземляночное домостроительство каменному наземному и говорит о том, что различие в домостроительстве в данном районе является хронологическим и должно объясняться причинами экономическими, а не этническими.

5. Распространенное в литературе противопоставление приольвийских поселений у Закисовой и Широкой Балок не имеет оснований, поскольку их материальная культура аналогична.

В.М. Отрешко

ЗАПАДНЫЙ РАЙОН ОЛЬВИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ *

1. В 1971—1974 гг. Периферийный отряд Ольвийской экспедиции ИА АН УССР продолжал изучение античных памятников, расположенных к западу от Ольвии. Были проведены разведки по

берегам Березанско-Сосицкого лимана и в степи, прилегающей к Березанскому лиману. Раскопки проводились на позднеархаических поселениях Каборга I и Большая Черноморка II.

2. В результате проведенных исследований составлена археологическая карта распространения памятников от эпохи средней бронзы до средневековья. Поселений, непосредственно предшест-

* Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф.; Киев, апрель 1975 г. — К., 1975. — Ч. II. — С. 93—94.

вующих античным или существующих одновременно с ними, обнаружить не удалось. Вероятно, во время появления греческих переселенцев местного оседлого населения в этом районе не было.

3. Заселение берегов лимана происходит в первой половине — середине VI в. до н. э. Памятники этого времени концентрируются в низовьях лимана. В начале V в. до н. э. большинство поселений прекращает существование, и только некоторые из них доживают до III в. до н. э.

4. Материальная культура поселений аналогична материальной культуре ранней Ольвии и Березани. Среди вещественных находок преобладают обломки амфор, сероглиняной, привозной (ионийской, родосской, самосской, аттической, коринфской) и лепной керамики. Строительные остатки представлены землянками, полуземлянками и наземными сооружениями. Наиболее распространены круглые и овальные в плане полуземлянки. Зафиксированы следы наземных сооружений, датируемых рубежом VI—V вв. до н. э. Открыты хозяйственные ямы.

5. Основой хозяйства данной группы поселений являлись земледелие и скотоводство. Про-

изводство носило товарный характер (большое количество привозных изделий, находки монет-стрелок и дельфинчиков говорят о высоком развитии товарно-денежных отношений). Широкое распространение имело рыболовство. Ткачество зафиксировано повсеместно, видимо, как традиционное домашнее производство. Некоторое значение имела охота. Ремесла сколь-нибудь значительного развития не получили.

6. Помимо описанных поселений, в VI—V вв. до н. э. в степи существовала другая группа античных памятников. Предположительно они трактуются как временные, возможно, пастушеские стоянки. Их существование позволяет поставить вопрос о развитии отгонного скотоводства, что подчеркнуло бы высокую продуктивность хозяйства ольвийской периферии в позднеархаическое время.

7. Запустение данного района в начале V в. до н. э. следует, вероятно, объяснять концентрацией населения в Ольвии и на Березани. Такая концентрация неизбежно должна была изменить организацию сельскохозяйственной территории полиса (в частности, вызвать появление клеров).

В.М. Отрешко

ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗАНСКОГО ЛИМАНА *

В последние годы Ольвийская экспедиция Института археологии АН УССР возобновила исследования поселений Ольвийской периферии. С 1965 г. систематически изучаются античные памятники, расположенные на берегах Березанского лимана. В 1965 г. была проведена разведка по левому берегу лимана. В 1967—1969 гг. велись раскопки Бейкушского поселения, в 1971—1972 гг. — поселения Каборга I, в 1973 г. — поселения Большая Черноморка II. В 1973 г. проводилась разведка по берегам Березанско-Сосицкого лимана.

По берегам лимана обнаружены памятники различных эпох — от верхнего палеолита до средневековья.

Поселения античного времени концентрируются в низовьях лимана. Памятников, непосредственно предшествующих античным или существующих одновременно с ними, обнару-

жить не удалось. Вероятно, во время появления греческих переселенцев, местного оседлого населения в этом районе не было.

По своему расположению позднеархаические поселения образуют некую систему. Они расположены на высоких коренных берегах лимана, часто на мысах. С каждого поселения видны почти все остальные и Березань.

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что заселение берегов лимана происходило в течение весьма непродолжительного периода — во 2—3 четвертях VI в. до н. э.

Материальная культура поселений аналогична материальной культуре ранней Ольвии и Березани. Строительные остатки представлены, прежде всего, землянками и полуземлянками. Наиболее распространены полуземлянки, в плане круглые и овальные. На Бейкушском поселении имеются также полуземлянки прямоугольные (часто с закругленными углами). Зафиксированы следы наземных сооружений, датируемых рубежом VI—V вв. до н. э. К ним

* Открытия молодых археологов Украины. — К., 1976. — Ч. I. — С. 31—33.

относятся остатки каменных фундаментов на Бейкуше и Каборге I, а также развал обмазки сооружения плетневого типа на Бейкуше. На поселениях открыто довольно большое количество хозяйственных ям различных форм и размеров.

Среди вещественных находок преобладают обломки амфор архаических типов, главным образом хиосского производства. Затем — сероглиняная кружальная керамика, часто лощеная (возможно, ольвийское или березанское производство). Найдено много привозной керамики — ионийской, родосской, самосской, аттической, коринфской, причем среди одновременной керамики на различных поселениях наблюдаются различия в преобладании импорта из тех или иных центров. Лепная керамика поселений по форме и орнаментации сосудов аналогична ранней лепной керамике Ольвии и Березани.

Следует отметить повсеместные находки грузил для сетей, пряслиц. На поселении Большая Черноморка II найдены фрагмент зернотерки, куски керамического шлака, тигель-лячка для плавки свинца. Монеты-стрелки найдены на Бейкуше и Каборге I, дельфинчики — только на Бейкуше.

Культурный слой поселений насыщен раковинами моллюсков мидий и др. Много костей животных, птиц (в том числе диких) и рыб.

На двух поселениях — Бейкушском и Большая Черноморка II — встречено довольно большое количество граффити, преимущественно посвящений Ахиллу. Культ этого греческого героя, а впоследствии бога, получил в данном районе чрезвычайное распространение с самого раннего времени (с жертвоприношениями Ахиллу связывается, в частности, одна из ям, открытых на Бейкушском поселении). Заметим, что значительная часть посвящений Ахиллу Понтарху римского времени также найдена в этом районе.

До последнего времени позднеархаические некрополи здесь были неизвестны. В 1973 г. на правом берегу лимана удалось обнаружить два

некрополя: один — между селами Рыбаковка и Викторовка, а другой — между Викторовкой и Лиманами. На первом было обнаружено женское погребение VI—V вв. до н. э., на втором — остатки сильно разрушенного детского погребения, вероятно, того же времени.

С этнической точки зрения принадлежность данных поселений грекам не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют материальная культура, религиозные представления, язык и письменность.

Жители поселений занимались земледелием и скотоводством. Сельскохозяйственное производство носило товарный характер (большое количество привозных изделий, находки монет-стрелок и дельфинчиков говорят о высоком развитии товарно-денежных отношений).

Широкое распространение имело рыболовство. Некоторое значение имела охота. Ткачество зафиксировано повсеместно, по-видимому, как традиционное домашнее производство. Ремесла сколь-нибудь значительного развития не получили.

В силу своего географического положения данная группа поселений должна была быть тесно связана с Березанью как в экономическом, так и в политическом отношениях. Представляется возможным рассматривать их как своего рода сельскохозяйственную округу Березани. Вместе с Березанью данные поселения, очевидно, должны были входить в состав Ольвийского государства.

По имеющимся материалам в первой четверти V в. до н. э. большая часть поселений прекращает свое существование. Вероятно, это следует объяснять событиями политической жизни конца VI — начала V в. до н. э. и концентрацией населения в Ольвии.

Дальнейшее изучение поселений, а также прилегающих степных районов позволит получить более достоверную и подробную картину освоения греками побережья Березанского лимана.

В.М. Отрешко

РАСКОПКИ РАННЕГРЕЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ у с. КОЗЫРКА *

1. В 1979 г. Периферийный отряд Ольвийской экспедиции начал раскопки двух посе-

лений VI—V вв. до н. э., расположенных к югу от с. Козырка Очаковского района Николаевской обл. Основные работы были сосредоточены на поселении Козырка IX, где раскрыта площадь около тысячи м². Этот памятник представлял собой отдельно стоящую сельскохозяйствен-

* Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР; Днепропетровск, апрель 1980 г. — Днепропетровск, 1980. — С. 103—104.

ную усадьбу. Вокруг наземного сырцово-каменного дома располагались десятки зерновых ям (55 раскрыты). Наземная постройка представляла собой многокамерное сооружение. Одно помещение сохранилось хорошо. Стены возводились непосредственно на полевке, пол заглублен и вымощен каменными плитами. Сохранились остатки очага. Видимо, данное помещение имело хозяйственное назначение. От двух других помещений сохранились небольшие участки кладок. Не совсем ясно, существовали ли на данном памятнике полуземляночные постройки до сооружения наземного дома. В зерновых ямах найдены остатки зерен культурных растений.

2. Среди керамических находок на поселении преобладали обломки амфор — хиосских, аттических и протофасосских, многочисленные фрагменты серолощенных сосудов; привозной столовой керамики сравнительно немного. Следует отметить находки дельфинчиков и терра-

кот. Судя по вещественному материалу, поселение существовало в самом конце VI — первой трети пятого века до н. э.

3. На поселении Козырка-XI раскопана площадь 50 м². Здесь также открыты остатки наземного каменно-сырцового здания. Небольшая площадь раскопа не позволяет судить о его размерах и планировке. Вещественный материал относится к концу VI — первой половине V в. до н. э. и аналогичен по своему характеру находкам на поселении Козырка IX.

4. Массовое домостроительство греческих поселений Нижнего Побужья второй половины VII — начала V в. до н. э. представлено однокамерными земляночными и полуземляночными постройками. Раскопки поселений Козырка IX и XI свидетельствуют, что переход к наземному сырцово-каменному домостроительству начался еще в период существования периферийных поселений и в районе к северу от Ольвии приобрел значительные масштабы.

В.М. Отрешко

О КЛЕРАХ ОЛЬВИИ *

1. Современные представления о сельском хозяйстве Ольвии базируются почти исключительно на материалах периферийных населенных пунктов. По археологическим данным в истории полиса были периоды, когда аграрных поселений вокруг города практически не существовало. В подобном случае многие исследователи отождествляют отсутствие периферийных поселений с отсутствием у Ольвии собственной сельскохозяйственной территории и вообще сырьевой базы.

2. Предположение о весьма длительном отсутствии у Ольвии собственного сельскохозяйственного производства (например, от 2-й четверти до конца V в. до н. э.) противоречит как общим представлениям об экономике греческого полиса и соответствующей психологии его граждан, так и конкретным фактам: в частности хронологическим изменениям в характере и интенсивности греко-скифской торговли, а также некоторым эпиграфическим данным. Гораздо

более вероятно, что и в периоды отсутствия периферийных поселений в экономике Ольвии значительную роль играло аграрное производство. Ольвиополиты могли заниматься сельским хозяйством на непосредственно прилегающей к городу территории.

3. Как установил А.Н. Карасев, окрестности Ольвии были размежеваны системой дорог. Существуют мнения, что эта размежевка связана либо с существованием «предградья», либо с размещением участков некрополя. Однако ряд соображений заставляет отказаться от этих точек зрения. В частности характерно, что система дорог, организующая пригородную территорию Ольвии, появилась где-то в конце архаического периода и просуществовала до гибели города. Некрополь же в каждый конкретный отрезок времени занимал лишь очень незначительную часть этой организованной территории. «Предградье» также занимало лишь незначительную площадь и, к тому же, исчезло за несколько столетий до прекращения функционирования системы дорог. Вероятно, система дорог появилась в результате размежевания окрестностей Ольвии на земельные участки ее граждан — **клеры**. Скорее всего, это произошло в первой половине V в. до н. э. в ходе концентрации

* Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. Республ. конф. молодых ученых; Киев, апрель 1981. — К., 1981. — С. 75—76.

в городе греческого населения Нижнего Побужья. Этот пригородный аграрный район по размерам примерно соответствовал херсонесскому (на Ге-

раклейском полуострове) и — с теми или иными изменениями — просуществовал до времени гибели Ольвии.

В.М. Отрешко

О МИКСЭЛЛИНАХ *

1. Существующие ныне представления о приольвийских миксэллинах, упоминаемых в Декрете в честь Протогена, базируются на результатах филологического анализа термина «Миксэллины», а также на немногочисленных и недостаточно ясных аналогиях.

2. Фактологическая база, полученная в результате археологических исследований, позволяет в настоящее время отождествить миксэллинов с жителями конкретного типа поселений Ольвийской хоры.

* Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье»: Тез. докл. и сообщ.; Цхалтубо, 21—27.V.1982. — Тбилиси, 1982. — С. 82.

3. Анализ различных вариантов, с применением палеодемографических подсчетов, делает наиболее вероятным отождествление миксэллинов с обитателями так называемых вилл или коллективных усадеб, получивших массовое распространение в Нижнем Побужье в последней трети IV — первой половине III в. до н. э.

4. Использование археологической информации позволяет предложить следующую гипотезу.

Миксэллины представляли собой особую группу неполноправного, экономически зависимого населения Ольвийского полиса. Они рекрутировались из бывших рабов, освобожденных после похода Зопириона. Исчезновение этой группы населения связано с нашествием галатов.

В.М. Отрешко

О ПЛОТНОСТИ ЗАСТРОЙКИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ В VI—V вв. до н. э. *

1. Плотность застройки определенным образом отражает различные стороны хозяйственной, а также социально-политической жизни населения. Формально этот показатель можно выразить соотношением:

$$P = \frac{N}{S}, \text{ где}$$

P — плотность застройки (количество структур на единицу площади, желательно — на 1 га территории памятника),

* Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара; Парутино, сентябрь 1985. — Парутино, 1985. — С. 62—63.

N — количество построек,

S — территория памятника (территория жилой застройки).

Показатель плотности весьма полезен при проведении демографических и палеоэкономических расчетов.

2. В Нижнем Побужье вплоть до начала V в. до н. э. на поселениях преобладали небольшие отдельно расположенные постройки. Затем началось массовое строительство многокамерных наземных домов.

Определение плотности застройки однокамерными постройками предлагается осуществ-

влять по формуле:

$$P = \frac{N_1 \times T_1}{S_1 \times T}, \text{ где}$$

N_1 — количество построек, открытых в раскопе,
 T_1 — средняя продолжительность существования отдельной постройки,
 S_1 — площадь раскопа (в га),
 T — общая продолжительность застройки.

3. Применение данного способа дает возможность получить следующие результаты по населенным пунктам Нижнего Побужья:

Чертоватое VII: $P = 12,5$ постройки на га;
Ст. Богдановка II: $P = 39,8$ постройки на га;
Б. Черноморка II: $P = 42,5$ постройки на га;
Березань: $P = 41,1$ постройки на га;

Ольвия: $P = 33,3$ постройки на га — I этап;

$P = 103,7$ постройки на га — II этап.

4. Для сравнения населенных пунктов с различным характером домостроительства предлагается показатель рациональности застройки:

$$R = P \times K, \text{ где}$$

R — показатель рациональности застройки,

P — плотность застройки,

K — средняя «площадь пола» одной застройки.

5. Использование последнего показателя показывает, насколько более интенсивным стало использование территории населенных пунктов в результате перехода к наземному многокамерному домостроительству.

В.М. Отрешко

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОЗЫРСКОГО ГОРОДИЩА *

Подсчеты демографического потенциала Ольвийского полиса применительно к послелегетскому времени, в отличие от других периодов его истории, исследователями еще не проводились. Среди нижнебугских городищ наиболее перспективным для такой работы является Козырское. Сохранившаяся часть территории в настоящее время составляет около 5 га. В древности, судя по размерам оползневых террас и невысоким темпам их размыва, площадь населенного пункта составляла от 6,5 до 8 га, скорее всего 7—7,5 га. Раскопками 1954—1967 гг. (Бураков, 1976) на основном раскопе исследовано около 1600 м², почти полностью раскрыт жилой квартал и прилегающие участки трех улиц. Строительные остатки раннего периода (конец I в. до н. э. — середина II в. н. э.) изучены недостаточно. Постройки второго этапа (середина II — середина III в. н. э.) сохранились лучше. Шесть домов этого времени раскрыты полностью и столько же раскопаны частично. Они довольно четко распределяются на три группы: малые (83,

84 и 89 м²), средние (138 и 178 м²) и крупные (220 м², наличие второго этажа). Можно полагать, что данное распределение достаточно точно отражает имущественную дифференциацию населения и примерное соотношение численности семей различной зажиточности.

Экстраполируя результаты раскопок на всю территорию древнего населенного пункта, получаем, что на Козырском городище во второй половине II — первой половине III в. н. э. единовременно функционировало от 400 до 500 домов, скорее всего около 450 (среди них 225 малых, 150 средних и 75 больших). Средняя семья должна была состоять из 5—7 человек (в зажиточных домохозяйствах можно уверенно полагать присутствие также рабов или иных зависимых лиц). В целом на городище должно было проживать порядка 3 тыс. человек, в том числе, судя по всему, около 700 взрослых свободных мужчин.

В литературе уже отмечался городской характер Козырского домостроительства. Подсчеты показывают, что и по демографическому потенциалу (с учетом времени и региона) Козырка являлась центром городского типа в Нижнем Побужье, вторым после Ольвии.

* Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тез. допов. XX Республ. конф.; Одеса, жовтень, 1989. — К., 1989. — С. 161—162.

В.М. Отрешко

О ДАТАХ ОСНОВАНИЯ ИСТРИИ И БОРИСФЕНА *

Опираясь на «Хронику» Евсевия, большинство исследователей относят основание Истрии к 656/5 г. до н. э., а основание Борисфена к 645/4 г. до н. э. Эти даты недостаточно хорошо согласуются с результатами археологических работ как в Истрии, так и на Березани (обычно отождествляемой с Борисфеном): материалы 1-й половины VII в. до н. э. практически отсутствуют, керамика 3-й четверти весьма немногочисленна, а древнейшие строительные остатки относятся к концу VII в. до н. э. Вероятно, необходимо пристальнее присмотреться к литературному первоисточнику и к методам его интерпретации. Как известно, в таблицах Евсевия то или иное событие синхронизируется параллельно по нескольким линиям отсчета — от основания мира, по олимпиадам, по годам правления египетских, лидийских, македонских царей и т. д. Если попытаться перевести такие синхронизмы в даты,

* Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. к 90-летию Б.Н. Гракова. — Запорожье, 1989. — С. 109—110.

по современному летоисчислению, то в большинстве случаев они не совпадут. Синхронизмы Евсевия зачастую принципиально несовместимы: например, 14-й год правления Псамметиха в Египте никак не может соответствовать 19-му году правления Ардиса в Лидии, поскольку Псамметих пришел к власти с помощью Гигеса, отца Ардиса. Современные исследователи из нескольких параллельно указанных, но несовпадающих, дат используют счет по олимпиадам. Но всегда ли именно эта дата наиболее вероятна? Применительно к милетской истории — выводу колоний в Подунавье и Побужье — на наш взгляд, следует исходить прежде всего из параллелей с историей Лидии. По данным ближневосточных источников, гибель Гигеса и начало правления Ардиса приходится на 644 г. до н. э. Соответственно, основание Истрии следует датировать временем около 637 г., а основание Борисфена — около 625 г. до н. э. Представляется, что с результатами археологических работ полученные даты согласуются гораздо лучше, чем ныне используемые.

В.М. Отрешко, С.Б. Буйских

МАЛЫЕ ГОРОДА ОЛЬВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (к постановке проблемы) *

Как отмечают исследователи Боспора и Херсонеса, важным элементом организации сельскохозяйственной территории этих государств являлись города и городки (Кругликова, 1975, 1984; Щеглов, 1978, 1984). Различные типы античных поселений выделены и на хоре Ольвии (Крыжицкий и др., 1980, 1989). Однако, возможность существования здесь городских и полугородских центров, за исключением Ольвии и архаической Березани, практически не

* Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. к 90-летию Б.Н. Гракова. — Запорожье, 1989. — С. 10.

рассматривалась. Вместе с тем, определенные возможности для постановки такой проблемы уже имеются. Особенно это касается относительно лучше изученных городищ Ольвийской хоры послегетского времени. На наш взгляд, при разработке данной проблемы особенную пользу могут принести демографические подсчеты (в сочетании, естественно, с анализом хозяйственной деятельности и культуры населения).

В Нижнем Побужье известно 14 городищ, возникающих в конце I в. до н. э. До середины II в. н. э. численность населения большинства из них составляла 200—400 человек (50—100 взрослых

мужчин). Выделяется Козырка, население которой могло достигать 1000—1500 человек (250—350 взрослых мужчин). На втором этапе (середина II — середина III вв. н. э.) население Козырки возрастает примерно до 3000 человек. Приблизительно до 1000—1500 человек увеличивается потенциал Петуховки-2 и Золотого Мыса. Чис-

ленность населения остальных городищ остается прежней, зачастую скорее уменьшаясь. Демографические параметры в сочетании с уровнем урбанизированности позволяют интерпретировать в качестве городского или полугородского центра для первого этапа — Козырку, для второго — Козырку, Петуховку 2 и Золотой Мыс.

В.М. Отрешко

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НИКОНИЯ *

Интерес к демографическим проблемам Нижнего Поднестровья в античное время, в отличие от Нижнего Побужья, только зарождается. Среди населенных пунктов региона одним из наиболее перспективных для определения демографического потенциала является Никоний.

Сохранившаяся часть территории памятника в настоящее время составляет 3,8 га. В древности, как предполагается, площадь населенного пункта достигала не менее 6—7 га (Секерская, 1989). Сохранность строительных остатков весьма плохая, что в определенной мере затрудняет подсчеты численности населения. Начальный этап существования Никония представлен по преимуществу строениями земляночного типа

площадью от 11 до 40 м². Судя по опубликованным данным, плотность заселения на этом этапе примерно соответствовала Березани и нижнебугским поселениям средней площади — т. е. на гектар территории приходилось не более 8 домохозяйств. В этом случае в архаическом Никонии могло проживать не более 50—60 семей общей численностью 300—360 человек (в том числе, на сохранившейся территории памятника — около 30 семей численностью до 180 человек).

После перехода в V в. до н. э. к наземному многокомнатному домостроительству в городе могло проживать максимально до 400 семей общей численностью максимально 2800—3000 человек. Число граждан Никония вряд ли могло превышать 500 совершеннолетних мужчин. Скорее всего, в действительности их было на несколько десятков меньше.

* Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тез. докл. истор.-краевед. конф., Ч. II — Археология. — Белгород-Днестровский, 1990. — С. 72.

В.М. Отрешко

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРХАИЧЕСКИХ КРУПНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ОЛЬВИЙСКОЙ ХОРЫ *

Среди аграрных архаических поселений Нижнего Побужья выявляются *мелкие, средние и крупные*. Эти группы населенных пунктов различаются между собой как площадью (поряд-

ка соответственно 0,2—0,5 га, 1—4 га и 20—70 га), так и плотностью единовременной застройки (по нашим подсчетам от 11 полуземлянок на 1 га на крупных поселениях и до 40 на средних). Крупных поселений в настоящее время известно только 3. Все они находятся на правом берегу Бугского лимана в ближайших окрестностях Ольвии — одно к югу от нее (Широкая Балка-1)

* Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбилейн. конф., Херсон, октябрь 1990 г. — Херсон, 1990. — Ч. II. — С. 83—84.

и два к северу (Чертоватое-2 и Чертоватое-7).

Судя по результатам полевых исследований и подсчетам плотности единовременной застройки, на гектар площади крупного архаического поселения приходилось 2,2 домохозяйства, каждое из которых состояло в среднем из 5 небольших полуземляночных построек. На поселении Широкая Балка-1 размещалось не менее 40 домохозяйств, а с учетом разрушенной части памятника их количество могло достигать 60. На поселении Чертоватое-2 могло разместиться 150—155 домохозяйств, а на Чертоватом-7 их было 110—120. Суммарно количество домохозяйств на трех крупных поселениях составляло 300—330.

В литературе высказывалось предположение о том, что на одно сельское домохозяйство

в архаическом Нижнем Побужье приходилось 10—18 человек. По ряду соображений эта цифра представляется малореальной. Мы считаем, что каждое домохозяйство принадлежало одной семье, состоявшей из 5—6 человек. В этом случае, на крупных поселениях проживало в совокупности от 1500 до 2000 человек.

Следует отметить, что среди нескольких десятков архаических населенных пунктов, зафиксированных на берегах Бутского лимана, подавляющее большинство являлось малыми («хуторками»), состоявшими лишь из одного домохозяйства. Таким образом, основная масса сельского населения на Бутском лимане концентрировалась на трех крупных поселениях в ближайших окрестностях Ольвии.

О.П. Журавлев, В.М. Отрешко

О РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ АРХАИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ *

В результате раскопок ряда архаических поселений Нижнего Побужья исследователями получены многочисленные материалы, свидетельствующие об употреблении древним населением в пищу зерна, рыбы, моллюсков и т. д. В некоторых случаях существует возможность не только общей характеристики рациона

питания, но и перехода к количественным оценкам.

Одним из наиболее информативных в отношении мясной пищи является материал поселения Большая Черноморка-2, расположенного в низовьях Березанского лимана. Проведенные авторами подсчеты численности населения и объема мясной пищи, потребленной приблизительно за 80 лет существования населенного пункта, показывают, что потребление мяса составляло около 40 кг на душу населения в год.

* Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбилейн. конф., Херсон, октябрь 1990 г. — Херсон, 1990. — Ч. II. — С. 84.

В.М. Отрешко

О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРХАИЧЕСКОЙ БЕРЕЗАНИ И ЕЕ ОКРУГИ *

Вопрос о демографическом потенциале архаической Березани был впервые затронут В.В. Лапиным (1966), согласно которому

здесь могло проживать около 1 тыс. человек. Поскольку в основу его подсчетов было положено априорное, по сути, предположение, что плотность населения составляла порядка 100 человек на гектар территории, результаты В.В. Лапина нуждаются в проверке другими методами.

* Древнее Причерноморье. II Чтения памяти проф. П.О. Карышковского: Тез. докл. юбилейн. конф. 9—11 марта 1991 г. — Одесса, 1991. — С. 69.

В настоящее время площадь Березанского поселения составляет около 10 га, а в древности, с учетом разрушений, могла достигать 20 га. Судя по результатам раскопок на Основном и Северо-западном участках, плотность единовременной застройки достигала 40 полуземлянок на га, что, на наш взгляд, соответствует 8 домохозяйствам на гектар территории. Всего на Березани могло проживать 150—160 семей общей численностью 900—1000 человек. Таким образом, результаты В.В. Лапина получают подтверждение.

К сельской округе Березани можно достаточно уверенно отнести архаические поселения Березанского лимана и района Очакова. Судя по раскопкам

таких памятников, как Б. Черноморка-2, Бейкуш, Куцуруб-1, плотность застройки приблизительно соответствовала березанской. Определенные трудности вызывает определение размеров населенных пунктов ввиду сильных разрушений. Ориентировочно, на поселениях березанской округи к концу архаического периода могло проживать 250—300 семей общей численностью 1500—1800 человек.

Можно полагать, что Березань была основана небольшим контингентом переселенцев численностью не более 150 мужчин. Освоение округи лишь частично могло происходить за счет прироста березанского населения, большей же частью — за счет притока новых колонистов.

В.М. Отрешко

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГАВАНИ ИСИАКОВ И ГАВАНИ ИСТРИАН *

Гавани исиаков и истриан упоминаются античными авторами, начиная со II в. н. э. В перипле Арриана (31) указано: «От Борисфена 60 стадиев до небольшого, необитаемого и безымянного острова, а отсюда 80 до Одессы; в Одессе стоянка для кораблей. За Одессом находится гавань истриан, до нее 250 стадиев; далее гавань исиаков, до которой 50 стадиев. Отсюда до так называемого Голого устья Истра 1200 стадиев; местности, лежащие между ними, пустынные и безымянные». Аноним в «Перипле Понта Евксинского» (87) повторяет эти сведения, указывая, правда, расстояние между гаванями не 50, а 90 стадиев.

Ряд исследователей, от И.М. Муравьева-Апостола до М.В. Агбунова, на протяжении последних 200 лет неоднократно пытались отождествить гавани исиаков и истриан с тем или иным античным поселением, расположенным на побережье Черного моря от Тилигульского лимана до Одесского залива. На наш взгляд, попытки такой локализации недостаточно обоснованы методологически.

Античные топонимы типа «такая-то гавань» обозначали, прежде всего, именно гавани, а на-

селенные пункты — если они появлялись — получали названия по местности (пример — Прекрасная гавань). Населенных пунктов на берегах гаваней могло и не быть. Так, Страбон (VII, 4, 2) описывал Симболон Лимен следующим образом: гавань с узким входом, где тавры обычно собирали свои разбойничьи банды. Ясно, что речь идет о Балаклавской бухте, а не о каком-либо поселке. Иногда, наоборот, населенных пунктов могло быть много. Тот же Страбон (III, 3, 5) упоминает Гавань артабров в Луситании: «Артабры имеют густонаселенные города, лежащие в том заливе, который мореходы и часто посещающие эти места называют Гаванью артабров».

Что касается гаваней исиаков и истриан, то ни Арриан, ни Аноним не говорят ничего, указывающего на расположенные здесь населенные пункты (типа: город Тира, местечко Скопелы, Антифилово укрепление и т. п.). Представляется, что под гаванями исиаков и истриан имелись в виду не населенные пункты, а акватории. Скорее всего, их следует отождествлять с устьями Хаджибейского и Куяльницкого лиманов.

В этом случае (как и ряде других), попытки исследователей датировать информацию письменных источников на основании хронологии археологических памятников (чаще всего, поселений) следует считать неправомерными.

* Україна—Греція: історія та сучасність: Тез. міжнар. наук. конф.; Київ, 29—30 вересня 1993 р. — К., 1993. — С. 102—103.

В.М. Отрешко, С.Б. Буйских

ОКРУЖЕНИЕ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА В V в. до н. э. — III в. н. э. *

К настоящему времени двумя монографическими исследованиями (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990) надежно установлены границы основной ольвийской сельскохозяйственной округи и, очевидно, государства в целом. Географически эта зона имеет естественные рубежи в виде Березанского, Днепровского и Бугского лиманов. К этой зоне с запада, востока, юга и севера примыкают обширные территории, где открыт ряд памятников оседлого земледельческого населения позднеархаического, классико-эллинистического и римского времени. Ввиду отсутствия специальных исследований, пока достоверно не установлено, могли ли они: 1) охраняться и использоваться самими ольвиополитами (Диамант, 1978); 2) быть ольвийской «переей» (Брашинский, 1977; Виноградов, 1983); 3) принадлежать нескольким греческим полисам (Лапин, 1971); 4) находиться под совместным протекторатом Ольвии и окру-

жавших ее племен (Буйских, 1986); 5) полностью принадлежать оседлому варварскому населению (Славин, 1976).

По накопленным к настоящему времени данным видно, что целый ряд памятников, таких как Лузановка, Жевахова Гора, Кошары, Белозерка несут следы качественного сходства с материальной и духовной культурой населения Ольвийского полиса, для других характерна большая или меньшая степень эллинизации; наконец, существуют поселения с явным доминированием варварских черт. Следует отметить, что несколько шире очерченной выше ольвийской аграрной зоны является и ареал массового распространения денежных знаков полиса (Рубан, Урсалов, 1986), а также топография находок посвящений Ахиллу Понтарху (Русяева, 1979; Отрешко, 1979).

Проведенный авторами анализ позволяет достаточно четко выделить четыре основных микро-региона в ближайшем окружении Ольвийского полиса и проследить качественные особенности, глубину и динамику их политических, социально-экономических и культурных связей с Ольвией на протяжении всей античной эпохи.

* Древнее Причерноморье. Краткие сообщения ОАО. — Одесса, 1993. — С. 63—64.

М.М. Иевлев, В.М. Отрешко

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ *

В последние годы экспедициями Института археологии НАН Украины эпизодически проводились разведочные работы на территории Николаевской и Херсонской областей. Множество античных памятников, расположенных на хоре Ольвии, к настоящему времени сильно разрушены или даже уничтожены. Тем не ме-

нее, открыто 3 новых памятника, а в некоторых случаях получена дополнительная информация о характере и структуре античного населенного пункта. В частности, это относится к Ягорлыцкому поселению, расположенному на берегу Ягорлыцкого залива у с. Ивановка Голопристанского р-на Херсонской области. В настоящее время часть памятника затоплена водами Черного моря, часть уничтожена плантажной вспашкой под лесонасаждения. В мелководной части залива фиксируются 14 отдельных скоплений кера-

* Ольвия-200: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 200-летию археологического открытия Ольвии; с. Парутино, 5—9 сентября 1994 г. — Николаев, 1994. — С. 56—57.

мического материала, размерами порядка 20 × 30 м. До 30 таких скоплений прослеживаются в прибрежной части, где эти «пятна» разрушались как плантажной вспашкой, так и грабительскими раскопками. Можно достаточно уверенно полагать, что Ягорлыцкое поселение по размерам и структуре соответствует таким приольвийским памятникам как Широкая Балка-1, Чертоватое-2 и Чертоватое-7. Ориентировочно на нем могло размещаться порядка 80—100 отдельных жилищно-хозяйственных комплексов.

Вероятно, требуют пересмотра существующие представления о характере степных поселений в районе Аджигольской Балки (к западу

от Ольвии), которые часто воспринимаются как временные стоянки. Судя по результатам разведочных работ, в массе эти поселения имели стационарный характер. В домостроительстве широко применялся необработанный известняковый камень. Один из памятников, Аджигольская Балка-7, относится к категории крупных, ранее известных лишь на Бутском лимане. Его размеры 1,5 × 0,2 км, структура имела выраженный «кустовый» характер (аналогично Чертоватому-7). Что же касается этнокультурной принадлежности данной группы степных поселений, то какие-либо выводы невозможны без широкомасштабных раскопок.

В.М. Отрешко, В.В. Назаров

К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ БЕРЕЗАНИ *

Как известно, современный остров Березань лишен источников питьевой воды (по крайней мере, таковые не обнаружены). Работающие здесь археологические экспедиции заводят воду с материка.

Античное население Березани, судя по результатам раскопок, в качестве источников пресной воды использовало вырубленные в скале колодцы, расположенные в северной — преимущественно северо-восточной — части современного острова. Сейчас поступающая в них вода солоноватая.

В.В. Лапин, опираясь на мнение Г.Н. Аксентьева, утверждал, что Березань в античные времена являлась оконечностью полуострова, соединенного с материком в районе Аджиясского мыса высокой перемычкой коренного берега. В колодцы, по его мнению, поступала вода «из циркулировавшего в понтических слоях водного горизонта, но затем в процессе опускания суши их уровень достиг уровня моря, и в них стала поступать морская вода» (Лапин, 1966).

Позднее К.К. Шилик предложил свою модель эволюции топографии Березанского побережья в голоцене, ныне в своей основе общепринятую. По его данным, Березань стала островом 5—6 тыс. лет назад. В античное время, в связи с понижением уровня моря, этот остров превратился в полуостров, соединившись с коренным берегом обширной осушенной морской террасой (Шилик, 1978, 1988). Эти выводы были во многом подтверждены результатами подводных археологических исследований, проводящихся Березанской экспедицией Института археологии НАН Украины.

Таким образом, возможность существования водоносных пантийских слоев, соединявших Березань с материком и возвышавшихся над уровнем моря, отпадает. Более реальны два других варианта: во-первых, конденсация и аккумуляция в геологических слоях Березани атмосферной влаги; во-вторых, инфильтрация в колодцы пресной днепровской воды (как сегодня это происходит с морской). По целому ряду соображений, второй вариант предпочтительнее.

В случае нашей правоты, полное исследование березанских колодцев могло бы откорректировать существующие представления об уровнях вод Днепра и Черного моря в античную эпоху.

* Ольвия-200: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 200-летию археологического открытия Ольвии; с. Парутино, 5—9 сентября 1994 г. — Николаев, 1994. — С. 96—97.

В.М. Отрешко

О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ И ВОЕННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА В КОНЦЕ АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА *

На современном этапе изучения архаической Ольвии и ее округи для подсчета численности населения можно использовать почти исключительно материалы поселений. В основе расчетов лежит учет общего количества населенных пунктов, определение их площади с учетом вероятных масштабов разрушения, оценка плотности застройки полужемляночными структурами (соответственно, плотности размещения домохозяйств). Естественно, приходится использовать ряд допущений, подкрепленных различными аналогиями и косвенными данными: 1) домохозяйства состояли в среднем из 5 однокамерных построек; 2) на домохозяйство приходилось в среднем 6 человек; 3) боеспособные мужчины составляли около 20 % от общей численности населения.

* Новые страницы древней истории Южной Украины: Тез. междунар. конф.; Николаев, 3—8 ноября 1997 г. — Николаев, 1997. — С. 30—31.

Ниже приведены результаты подсчетов по Березани, Ольвии и сельским микрорегионам Нижнего Побужья.

Место	Домохозяйства	Люди	Бойцы
Березань	до 150	= 900	= 180
Ольвия	350	2100	420
Р-н Березанского лимана	250		
Правобережье Буто-Днепровского лимана	300		
Р-н Аджигольской Балки	250		
Правобережье Бутского лимана	800	1500	1800
	300	360	1500
	4800	300	960
Левобережье Бутского лимана	400	2400	480
Нижнее Побужье: всего до	2500	= 15000	= 3000
В том числе, сельское население	2000	12000	2400

Приведенные цифры следует воспринимать как максимально возможные. Думаю, что в процессе дальнейших исследований они будут несколько изменены в сторону уменьшения (к примеру, за счет крайне слабо изученных поселений Аджигольской Балки).

В.М. Отрешко, Н.О. Гаврилюк

ЛІПНА КЕРАМІКА ПОСЕЛЕННЯ НА о. БЕРЕЗАНЬ (за матеріалами 1979—1984 рр.) *

Вивчення ліпної кераміки Нижнього Побужжя почалося приблизно 50 років тому. І майже тоді ж склалися два напрямки в інтерпретації цієї категорії археологічного матеріалу. В.В. Лапін бачив у ліпному посуді органічний елемент грецької матеріальної культури. «Варварська» точка зору виникла з початком вивчення ліпного посуду у складі кераміки античних поселень і в останні роки була додатково аргументована К.К. Марченком. Спробуємо розгля-

нути цю групу посуду з точки зору скіфської матеріальної культури.

Уся колекція ліпного посуду (244 екз.) розділяється на п'ять груп. *Першу*, найбільш поширену, *групу*, частка якої складає 36,4 % у вивченій нами колекції, утворює посуд який умовно називається «скіфським» (табл. 1). Застосовуючи цю назву, ми підкреслюємо той факт, що саме цей посуд був основним аргументом при виділенні у складі мешканців Березані скіфської етнічної групи. Не заперечуючи того, що прошарок варварського населення у складі мешканців Березані можливо і був, все ж зазначимо, що підстав пов'язувати його саме зі степовими скіфами та їх

* BORYSTHENIKA: Тез. юбилейн. чтений (к 70-летию В.В. Лапина); Киев, 18 марта 1998 г. — К., 1998. — С. 17—18.

Таблиця 1. Основні групи ліпного посуду з Березані.

Етнічна належність, вид та тип кераміки	Кількість		
	шт.	%	% заг.
1. «Скіфська степова»	89	36,5	4,1
горщики з розтрубом	42	17,2	1,9
горщики з дуговидною шийкою	45	18,4	2,1
миски	2	0,8	0,1
2. Фракійська	84	34,4	3,9
горщики з дуговидною шийкою	15	6,1	0,7
миски	10	4,1	0,5
банки без шийки	53	21,7	2,4
стілки банок	6	2,5	0,3
3. Лісостепова	50	20,5	2,3
тюльпановидні	13	5,3	0,6
банки з шийкою	29	11,9	1,3
миски	6	2,5	0,3
лощені	2	0,8	0,1
4. Грецька	21	8,6	1,0
каструлі та кришки	9	3,7	0,4
миски	3	1,2	0,1
гличики	4	1,6	0,2
світільники	2	0,8	0,1
світільники на ніжці	3	1,2	0,1
<i>Всього</i>	244	100	11,2

керамікою мало. По-перше, степова зона у цей час була слабо заселена. Кількість так званих скіфських горщиків у степових похованнях у період VI—V ст. до н. е. — 7 (за даними на сьогоднішній день). Таким чином, 87 горщиків з Березані проти 7 горщиків зі всієї степової території — не самий переконливий аргумент на користь скіфського походження розглянутих типів посуду. По-друге, для кочовиків власна кераміка не характерна. Скоріше навпаки, керамічний комплекс степової зони Північного Причорномор'я формувався під впливом зв'язків з першими грецькими колоністами, в першу чергу — мешканцями Березані. Звідси і подібність горщиків з горлом у вигляді розтрубу і горщиків степових скіфів V—IV ст. до н. е., про що ми писали раніше.

Посуд наступної *другої групи* належить до **фракійської групи**, яка складала 34,4 % (табл. 1) вивченого нами посуду. Від неї відрізняється посуд, який складає *третьої групи* — **лісостепову** керамічного комплексу Березані (20,5 %) (табл. 1). Останню — *четверту групу* (8,6 %) (табл. 1) складає посуд, який має аналогії у комплексі

Таблиця 2. Дані К.К. Марченка по ліпній кераміці розкопів Березані (Марченко, 1988, С. 54—57).

Показники	Східний	Північний	Г	Західний	Сума або середнє
Кількість списків	16	43	37	25	121
Загальна кількість уламків ліпної та кружальної кераміки, шт.	2877	4385	3474	2384	13120
Частина ліпної кераміки, %	9,5	9,4	12,9	12,9	11,2
Частина кружальної кухонної кераміки, %	7,1	4	3,1	4,1	4,6

гончарної грецької кераміки тому і називається нами **«грецькою групою»**. До *п'ятої групи* ліпної кераміки Березані входять досить рідкісні фрагменти, які мають аналогії у посуді **кизилкобинської культури**.

Вивчення невеликої частини ліпного посуду березанського поселення дозволяє зробити деякі спостереження.

1. Звертає увагу невелика частина ліпного посуду у керамічному комплексі поселення не більше 12 % від усієї кераміки (за даними К.К. Марченка, В.І. Назарчука). Якщо об'єднаємо ліпний посуд з кухонним гончарним (табл. 2), одержимо відсоток кухонного посуду поселення на о. Березань — не більше 15 всього хатнього начиння, що відповідає частині кухонного начиння на інших пам'ятках античного часу.

2. Якщо переглянути приналежність «степової скіфської» кераміки до скіфської (4 горщика проти 87 з Березані), можна погодитись з В.В. Лапіним, що ліпна кераміка у складі березанського комплексу є продукцією домашнього виробництва самих поселенців і доповнював їх кухонний гончарний посуд.

3. Ліпна кераміка розповсюджена на пам'ятці дуже рівномірно. Тобто, кожен квадратний метр березанських розкопів дає одну і ту ж щільність знахідок ліпного посуду. Звідки висновок — *кожний грек з Березані з періоду архаїки вже був трохи варваром* (скіфом і, одночасно!, фракійцем і лісостеповиком). Дивно, що з плином часу, коли абсолютна кількість скіфського населення у степу дуже зросла, ступінь «скіфізації» і посуду, і мешканців античних центрів зовсім не зріс, а навпаки, зменшився.

В.В. Назаров, В.М. Отрешко

ОТКРЫТИЕ ТЕМЕНОСА БЕРЕЗАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ *

Представляются предварительные результаты исследований священного участка (теменоса), открытого Березанской экспедицией Института археологии НАН Украины на территории древнегреческого поселения на острове Березань в 1997 г. Теменос расположен в районе западной границы поселения, примерно в сотне метров от берегового обрыва, в непосредственной близости от мемориальной постройки, сооруженной в 1917 г. на месте захоронений участников севастопольского восстания 1905 г. Площадь раскопа в настоящее время составляет 300 м². Здесь раскрыт комплекс каменных сооружений, включающий: кладки стен ограды священного участка, алтарь и храм. Указанные строительные остатки залегают на глубине всего около 0,40 м от уровня современной дневной поверхности в гумусе и, частично, в темном желтоглинистом грунте, представляющем слой времени функционирования теменоса. Особенностью стратиграфии данного участка территории поселения является наличие над гумусом прослойки сильно измельченного щебня толщиной до 15 см, выявленной практически повсеместно на раскопе. Прослойка образовалась в ходе работы камнедробилки во время фортификационного строительства на острове в 1910–1912 гг. Следует, однако, отметить, что нарушения культурного слоя оказались в целом незначительными — поврежденной оказалась только верхняя часть гумуса.

Практически начало раскопкам той территории, где позднее выявился теменос, было положено разведочными работами 1984 г., когда здесь был заложен один из шурфов (Мазарати, 1986, С. 265). В нем был выявлен известняковый алтарь круглой формы, аналогичный находящимся на территории второго теменоса Ольвии. Вплотную к алтарю примыкала фрагментарно сохранившаяся керамическая вымостка, в заострии которой были найдены фрагменты амфор VI — начала V вв. до н. э. В 1996 г. раскопки здесь были продолжены. Результатом стало открытие двух пересекающихся под прямым углом кладок, расположенных северо- и юго-восточнее алтаря и составляющих с ним единый комплекс. Продолжения этих кладок — стен ограды

теменоса — были выявлены в 1997 г. (раскрыты не полностью, уходят в борта раскопа). Тогда же, к юго-западу от алтаря (и, соответственно, от угла ограды) были выявлены остатки храма. Он представлял собой небольшое прямоугольное в плане сооружение, ориентированное по оси северо-запад — юго-восток. Конструктивно храм состоял из пронаоса и наоса. Судя по планировке можно предположить антовое, а, возможно, и простильное решение данной постройки. В то же время отметим, что каких-либо следов колонн обнаружено не было. Нижние ряды стен храма со стороны внешних фасадов сложены из хорошо обработанных известняковых блоков; верхние же ряды и внутренние фасады стен сложены из бутового камня по иррегулярной системе.

Другие строительные остатки, открытые в пределах ограды теменоса, в частности, каменные кладки, расположенные практически параллельно южной и западной стенам храма, на настоящем этапе исследований надежной интерпретации не поддаются.

Небольшие размеры храма, а главное — расположение его явно не в центре огражденной территории, позволяют высказать предположение, что раскопками открыто не единственное и не главное культовое сооружение теменоса.

Археологический материал, полученный в ходе раскопок, в целом датируется концом VI — началом V вв. до н. э. Более поздний материал представлен буквально единичными обломками амфор (фасосской, гераклейской). В значительном количестве присутствуют фрагменты терракотовых статуэток. Из числа металлических предметов отметим обломок бронзовой шейной гривны, завершающейся стилизованным изображением головы барана. Типологически близкий предмет был найден в Никонии, он хранится в Одесском археологическом музее (Кокоржицкая, 1985, С. 50–51).

Особый интерес представляют находки, обнаруженные в ходе раскопок внутри храма, на уровне пола в помещении наоса. Так, непосредственно у задней стены помещения был найден ионийский полосатый килик с отбитой ножкой, фрагмент поддона чернолаковой вазы. На полу выявлены обломки раздавленного коринфского скифоса, а также залегающие компактной группой 6 терракотовых статуэток и

* Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. — К., 1998. — С. 37–38.

их фрагментов. Выделяются следующие типы: «сидящая богиня» — женская фигура, восседающая на троне; фигурный сосуд в виде стоящей женской фигуры с птицей в руке; фигурный сосуд в виде коленопреклоненной мужской фигуры; фрагмент — лицо — женской протомы (?).

Указанный набор типов терракот и фигурных сосудов практически аналогичен происходящему из раскопок святилища Афродиты на холме Цейтинтепе в Милете (R. Senff, M. Heinz,

M. Pigur, 1992, S. 106—107, Taf. 14—15). Соответственно, можно предположить, что и березанский храм также был посвящен этому божеству (Назаров, 1997, С. 27—29). Отметим, также, что среди материалов из раскопок теменоса присутствуют фрагменты терракотовой фигурки черепахи и сосуд в виде фигурки голубя. Обычно такие предметы связываются с культом Афродиты (Русяева, 1982, С. 140—141), что является дополнительным аргументом в пользу высказываемой нами гипотезы.

РАНЕЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ В.М. ОТРЕШКО

В.М. Отрешко

ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ V—III вв. до н. э.

Этническая атрибуция поселений Нижнего Побужья привлекает внимание современных исследователей как самостоятельный вопрос, так и в связи с другими проблемами скифо-античной археологии. Авторы многочисленных работ, преимущественно общего характера, следуют традиционной точке зрения и считают эти поселения скифскими¹. В то же время работающие в Нижнем Побужье археологи все настойчивее утверждают, что поселения принадлежали грекам². Поскольку первая точка зрения, предложенная еще В.В. Латышевым³, сложилась главным образом на основе интерпретации сообщения Геродота, а другая точка зрения опирается на археологический материал, полученный при планомерном изучении Нижнего Побужья в последние десятилетия, целесообразно будет вновь проанализировать письменный источник и сопоставить результаты этого анализа с данными археологии.

Поселения рассматриваемого периода в хронологическом отношении подразделяются на две большие группы: 1) первой четверти V в. до н. э. и 2) IV — первой половины III вв. до н. э.⁴ Некоторые из них, например у Широкой Балки, прекратив свое существование в начале V в. до н. э., были вновь восстановлены в IV в. до н. э.⁵, и, поначалу, на основании материалов разведок, период их существования датировался VI—II вв. до н. э.⁶ Однако раскопки и повторные разведки позволили обнаружить хронологический разрыв и уточнить датировки. Большинство поселений второго периода основано на новом месте.

Наличие хронологического разрыва заставляет рассматривать материалы упомянутых групп поселений по отдельности.

Необходимо отметить, что сведения Геродота — основного источника о каллипидах и алазо-

нах — относятся, по общепринятому мнению, к середине V в. до н. э. В это время сельских поселений в Нижнем Побужье не существовало: одни из них уже были покинуты жителями и заброшены, другие еще не возникали и, в силу одного этого обстоятельства, не могли принадлежать каллипидам Геродота. Можно предположить, что сведения Геродота относятся к более раннему времени, т. е. являются не свидетельством очевидца, а лишь попыткой реконструкции прошлого, что, конечно, снижает их ценность. Такая возможность также заставляет рассматривать хронологические группы поселений поодиночке.

О духовной культуре земледельцев архаического времени можно судить по находкам граффити и терракот.

Повсеместные находки на поселениях буквенных граффити свидетельствуют о высоком уровне грамотности населения и использовании греческой письменности. Хотя сравнения количественного характера в настоящее время сделать затруднительно. Создается впечатление, что сельские поселения по этому признаку ничуть не уступают Березани или Ольвии⁷. Что же касается Бейкуша, то частота находок граффити на этом поселении вообще уникальна⁸.

Обитатели поселений носили греческие имена. Весьма распространены обломки днищ сосудов с надписями типа **ΑΘΝ**, **ΑΠ**, **ΙΦ**, **ΙΚ** и др. Подобные граффити могли являться сокращениями как имен богов, так и имен владельцев сосудов. Последнее более вероятно, поскольку посвящения богам на доньшках вырезались сравнительно редко. Имеются и полностью сохранившиеся антропонимы, такие как **ΑΓΡΟΤ**⁹ или **ΓΕΚΑΤΕΙ**¹⁰.

Одной из наиболее многочисленных категорий граффити являются культовые надписи, которые

свидетельствуют о почитании в архаическое время Ахилла¹¹, Афродиты¹², Коры¹³. Такие граффити, как **ΙΕΡΗ** могли относиться к любому греческому культу. Наибольшее количество культовых граффити связано с почитанием Ахилла и происходит из раскопок Бейкуша, где, вероятно, находилось его святилище. В пользу такого утверждения свидетельствует открытие на этом поселении жертвенных ям: одна из них была цилиндрической формы, диаметром 3,2 м и глубиной 2,8 м. На дне ее, на песчаной подсыпке лежала верхняя часть черепа быка, под которой находился оббитый из стенки амфоры «кружок» с посвящением Ахиллу. Заполнение представляло собой перемежающиеся слои чистой глины и пепла. Рядом находилась другая яма, меньших размеров, заполненная пеплом. В заполнении найдена фрагментированная серолощенная ойнохоя с посвящением Ахиллу и вотивные «кружки» из стенок сосудов¹⁴. На одном из вотивных «кружков», найденных на поселении, написано слово **ΑΛΣΟΣ** (роща)¹⁵, которым часто называли святилище, даже если священной рощи там и не было¹⁶. Граффито «Агрот послал Ахиллу из дому»¹⁷ может свидетельствовать о популярности этого святилища среди жителей других населенных пунктов.

Следует отметить, что и в более поздние времена принадлежавшие ольвиополитам святилища Ахилла располагались не в Ольвии, а в различных пунктах принадлежавшей государству территории, в том числе и в районе Бейкуша (ныне с. Черноморка)¹⁸.

Кроме граффити, о религиозных представлениях обитателей поселений свидетельствуют повсеместные находки терракот¹⁹. Преобладают среди них статуэтки богинь, встречаются изображения птиц, а также другие типы. Частота подобных находок на поселениях вполне сопоставима с картиной, наблюдаемой в Ольвии или на Березани. Например, на поселении Большая Черноморка-II за 5 лет раскопок найдены 12 терракот (из них 3 целых, остальные фрагментированные)²⁰. На Березани за 1962—1970 гг. на участке Г найдено 15 экземпляров²¹, причем объем работ был здесь гораздо больше. В Ольвии за несколько лет раскопок на участке АГД найдено не более 10 фрагментов терракот²².

Наконец, необходимо упомянуть и греческое происхождение топонимов — Гилея, Ахиллов Бег, Роща Гекаты, Гипполаев мыс (на котором находился, по Геродоту, храм Деметры). Видимо, названиями поселений являлись Арбинаты и Тюора из березанского письма на свинцовой пластине²³.

Таким образом, судя по духовной культуре земледельцев Нижнего Побужья, поселения данного региона принадлежали эллинам.

Такой вывод подтверждается и характером материальной культуры памятников архаического времени.

В свое время этнографическим признаком населения Нижнего Побужья считали ямы-жилища²⁴. Позднее, с ростом фактического материала для этого района, характерным было признано сочетание «местных традиций с элементами, привнесенными греческими поселенцами»²⁵. Местные (т. е. скифские) традиции, по мнению Ф.М. Штителъман, заключались, прежде всего, в характере домостроения и обилии лепной керамики. Я.В. Доманский определял поселения с полужемляночным домостроительством как скифские, а с наземным — как греческие²⁶. Позднее В.В. Лапин пришел к выводу, что полужемлянки составляли специфическую особенность раннего времени, а поселения с таким типом домостроительства являлись греческими²⁷.

Как показали исследования последнего десятилетия, никаких существенных различий в домостроительстве сельских поселений и таких центров как Березань и Ольвия не наблюдается.

Что касается керамического комплекса, то он также аналогичен березанскому и ольвийскому. Вывод о преобладании лепной керамики основывался на материалах Викторовки I и поселений у сс. Станислав и Александровка, которые не раскапывались, а только шурфовались. Поэтому отклонения в соотношении различных групп керамики имели, видимо, случайный характер. На Широкой Балке лепная керамика количественно уступала кружалной. В настоящее время, на основании большого по объему материала можно утверждать, что фрагменты лепных сосудов составляют около 20 % керамических находок на поселениях, если не учитывать амфоры. Соответственно, можно утверждать, что по соотношению кружалной и лепной посуды данные памятники близки к Ольвии и Березани, зато резко отличаются от скифских.

Для характеристики состава лепной керамики представляет интерес исследование, принятое К.К. Марченко²⁸. Он отмечает присутствие среди материалов сельских поселений тех же групп, что и в материалах Ольвии и Березани. Прямое сопоставление с какой-либо одной из выделенных в настоящее время групп варварских памятников Причерноморья оказалось невозможным. В комплексе лепной керамики Нижнего Побужья выделяются три генетически неоднородные группы. К первой отнесена посуда, находящаяся аналогии среди фракийских поселений Карпато-Дунайского бассейна, ко второй — керамика, аналогичная материалам раннескифских памятников Лесостепной Украины. Третью группу составляют сосуды, сходные с керамикой белозерского этапа срубной культуры. Все это, по мнению К.К. Марченко, свидетельствует о присутствии в Ольвии и ее окрестностях выходцев из фракийского мира и Среднего Поднепровья, а также потомков

скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья. Фракийцы и лесостепные скифы, по утверждению К.К. Марченко, внедряются в население Березани, а затем Ольвии и других поселений Нижнего Побужья, начиная еще со второй половины VII в. до н. э. В VI в. до н. э. появляются степняки, которые на рубеже VI—V вв. до н. э. полностью заменяют лесостепных скифов и фракийцев. В силу этого, определенные различия в лепной керамике сельских поселений — например, большое количество фракийских материалов на Бейкуше и почти полное их отсутствие на Широкой балке — убедительно объясняют это как явление хронологическое, поскольку Бейкуш вообще дает более ранние материалы, чем Широкая Балка.

Что касается этнической принадлежности комплексов V — первой половины IV вв. до н. э., то, по утверждению К.К. Марченко, «варварский компонент населения Ольвии и окружающих ее сельскохозяйственных поселений состоял в это время почти исключительно из осевших в Нижнем Побужье степных скифов. Под последними можно подразумевать каллипидов Геродота [IV,17]»²⁹. Это мнение вызывает возражения. Во-первых, каллипиды выступают у К.К. Марченко не как самостоятельное племя, а лишь как «варварский компонент» греческих поселений. Во-вторых, учитывая отсутствие поселений середины V в. до н. э., получается, что во времена Геродота основными местами пребывания каллипидов были Ольвия и Березань, что с указаниями «отца истории» вроде бы не согласуется. Вероятно, приведенное выше высказывание является случайным. Несколько ранее К.К. Марченко считал необходимым допускать, что среди жителей Нижнего Побужья преобладали эллины³⁰. А в своей более поздней работе утверждает, что поселения этого региона основаны эллинами, которые создали слой политически зависимого населения, рекрутируемого из различных районов Причерноморья³¹. Вероятно, с этим выводом и следует согласиться.

К сожалению, при изучении лепной керамики игнорируются материалы Греции. Между тем, в колонизационный период даже в таких высокоразвитых центрах как Афины, лепная керамика не была вытеснена кружалной³². Видимо, и в Нижнем Побужье в дальнейшем удастся выделить собственно греческую лепную керамику.

В пользу греческой принадлежности поселений свидетельствуют такие черты их хозяйства, как развитое рыболовство, сбор мидий, охота на дельфинов — т. е. хорошее знакомство с морем, что было бы несколько неожиданным для осевших на землю скифов. Состав стада близок березанскому или ольвийскому и резко отличается,

к примеру, от Каменского городища. И, наконец, по уровню товарно-денежных отношений и, соответственно, социально-экономическому развитию обитатели сельских поселений уже в архаическое время стояли гораздо выше местных племен даже более поздних периодов.

Таким образом, на основании археологических данных нельзя не прийти к выводу о греческой принадлежности памятников Нижнего Побужья.

Перейдем теперь к рассмотрению письменных источников.

Основным литературным источником о ближайших соседях Ольвии было и остается сообщение Геродота [IV,17; 52; 81]. По свидетельству Страбона, о каллипиде и алазонах писали еще Гелланик и Евдокс, однако их сведения до нас не дошли. Помпоний Мела [De chorogr., II, 1, 7] упоминает лишь о том, что западная граница каллипидов проходила по р. Асиак.

Сообщение Геродота, как известно, сводится к следующему.

По берегам Гипаниса обитают скифские племена: первыми от эмпория борисфенитов — каллипиды, являющиеся эллинами-скифами, выше их (то есть севернее) — алазоны, еще выше — скифы-пахари. В земле алазонов Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу, затем промежуток между ними расширяется и обе реки поворачивают в разные стороны. Между Борисфеном и Гипанисом, на границе страны алазонов и скифов-пахарей находится горький источник Эксампей, который портит воду Гипаниса.

Алазоны, как и каллипиды, ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. В отличие от них, скифы-пахари сеют хлеб не для собственного пропитания, а на продажу.

Историкам необходимо, во-первых, очертить примерные границы владений каллипидов и алазонов и для этого локализовать эмпорий борисфенитов и Эксампей; во-вторых, определить образ жизни и уровень развития хозяйства обоих скифских племен и, наконец, объяснить термин «эллины-скифы».

На все эти вопросы исследователи дали ответ еще в прошлом веке. Эмпорий борисфенитов — это Ольвия, Эксампей — р. Синюха или р. Мертвовод, т. е. один из притоков Южного Буга. Правда, В.В. Латышев считал, что, строго придерживаясь геродотова текста, горький источник надо искать несколько выше этих рек, но тут же признавал, что в конечном итоге это не имеет принципиального значения. «Как бы то ни было, — писал он, — область каллипидов и алазонов должна была приходиться, главным образом, на нынешнюю Херсонскую губернию,

а скифов-пахарей — на губернии Подольскую, Киевскую и северо-восточную часть Херсонской, еще и теперь отличающиеся своим плодородием»³³.

В наше время интересное исследование о местоположении Эксампея провел К.К. Шилик³⁴. Он отождествлял Эксампей с Гнилым Еланцем, который впадает в Буг около пгт Новая Одесса, в 135 км от моря, у вершины современного лимана. Граница между алазонами и скифами-пахарями, по его мнению, проходила по верховьям Гнилого Еланца, Мертвовода и далее на запад через Синюху и большую излучину Южного Буга.

Что касается эмпория борисфенитов, то некоторые современные ученые склонны отождествлять его не с Ольвией, а с поселением на о. Березань³⁵. Для Геродота эмпорий борисфенитов служил не в качестве пограничного пункта как, скажем, Эксампей, а в качестве ориентира на географической карте, поэтому, независимо от того Березань или Ольвию имел он в виду, можно и сегодня с полным правом сказать, пользуясь словами В.В. Латышева, что «как бы то ни было», а каллипиды и алазоны занимали обширную территорию в Днепро-Бугском и Буго-Днестровском междуречьях к югу от большой излучины Южного Буга.

Для нас главное здесь в том, что занятая этими племенами территория, при всех расхождениях в локализации Эксампея и эмпория борисфенитов, разительно не соответствует границам распространения архаических поселений, которые к северу от современного Николаева не встречаются.

Что касается термина «эллины-скифы», то сам Геродот не разъясняет его смысла и в последующем тексте не сообщает никакой информации к его пониманию. Это обстоятельство дает интерпретаторам полную свободу строить любые догадки и гипотезы. Наиболее распространенными были в XIX веке и остаются до сих пор две версии: 1) ближайшие к Ольвии скифы ко времени появления в этих краях Геродота настолько смешались с греками, что образовалась новая этническая общность (А. Бек, Н. Надеждин, Э. Боннель, Ф.Г. Мищенко и др.); 2) каллипиды были скифами, перенявшими эллинскую культуру (Г. Штейн, В.Н. Юргевич, П.И. Люпер-сольский). В.В. Латышев совмещал оба объяснения, считая, что без родственных с греками связей целое племя скифов не могло поддаться влиянию эллинской образованности³⁶. Каллипиды, по его мнению, — это особое население побережья Гипаниса, возникшее в результате брачных связей эллинов со скифами и имевшее эллинскую культуру. Вслед за А. Беком и другими учеными, В.В. Латышев считал «эллинов-скифов» Геродота тождественными «миксэллинам»

из декрета в честь Протогена [IRE, I², № 32]. Что же касается ольвиополитов, то «еще во времена Протогена (не говорю уже о временах Иродота) они ясно сознавали свою противоположность варварам, считали себя (судя по ономастическим данным, вполне справедливо) истыми эллинами и резко отличали от себя посредством особого термина (*Μιξέλληνες*) народность, сложившуюся из смешения эллинов с варварами и жившую вне города»³⁷.

Каким образом каллипидам удалось смешаться с греками, если ольвиополиты столь строго хранили свою этническую чистоту, остается неясным. Правда, в противном случае было бы неясным, чем же ольвиополиты отличались от каллипидов.

Долгое время версия В.В. Латышева была самой распространенной, но впоследствии некоторые ее положения подверглись критике. Так, В.Д. Блаватский считал, что «в эллино-скифах Геродота трудно видеть смешанное греко-скифское население, ибо тогда нужно допустить массовое переселение эллинов на обширную территории Нижнего Буга в VI в. до н. э.»³⁸ Этот же аргумент был использован и М.Ф. Болтенко, который предложил собственное понимание термина «эллины-скифы». По его мнению, ионийцы с полным правом считали тех, кто живет оседло, сеет хлеб и овощи, не скальпирует врагов и не пьет их крови, полуэллинами, тем более что и этногонические легенды позволяли вывести их от эллинских героев³⁹.

Наиболее детальный анализ данного термина принадлежит Н.В. Шафранской⁴⁰, которая пришла к следующим выводам. Во-первых, подобные двойные этникины применялись для обозначения племенных групп, образовавшихся в результате смешения различных этнических элементов. Например, Диодор [V, 32] писал, что галаты из-за своего смешения с эллинами были названы эллино-галатами (*Ελληνογαλάται*). Однако появляются подобные термины лишь в эллинистическое время. Поэтому, очевидно, эллино-скифы Геродота не означали племенного смешения. Во-вторых, существуют аналогичные термины, носящие топонимический характер, когда двойное название определяет не сложность этнического происхождения, а место поселения. Например, Аристарх Милетский [FGH, II, 98, 5] называл греческих и карийских солдат, поселенных Псамметихом I в Мемфисе, *Ελληνομεμφίται* и *Καρικομεμφίται*. В географическом смысле, эллино-скифы Геродота могли обозначать либо скифов, живших на Ольвийской территории, либо эллинов, поселившихся на скифской земле. Последнее, по мнению Н.В. Шафранской, противоречит как словам Геродота, так и данным археологии, согласно которым поселения Бугского лимана имели скифский облик. Поэтому

она пришла к выводу, что данный термин означает, очевидно, лишь особенно активное влияние греческой культуры на скифов-каллипидов. При этом Н.В. Шафранская ни единым словом не объяснила, почему каллипиды не могли быть скифами, жившими на греческой территории.

Здесь будет уместным привести результаты анализа аналогичного термина «тавро-скифы», принадлежащего Э.И. Соломоник⁴¹. По ее данным, в античной традиции наблюдается путаница в толковании этого термина. Одни авторы понимают под ними тавров в целом, поскольку те жили в пределах Скифии, другие — тавров, смешавшихся со скифами, третьи — скифов Тавриды. В частности, Евстафий (комментарий к «Землеописанию» Дионисия, 163) утверждал, что тавро-скифами называются скифы, жившие на Таврическом полуострове.

Таким образом, осмысление термина «эллины-скифы» на сегодняшний день является затруднительным. Пожалуй, наиболее аргументированной была бы его трактовка в географическом смысле. Однако похоже, что окончательный ответ на этот вопрос можно будет получить лишь в том случае, если появятся новые (например, эпиграфические) источники.

Теперь об образе жизни каллипидов и алазонов. Кем они были — оседлыми или кочевыми племенами? Это ключевой вопрос, и от правильности его решения зависит вся концепция.

Описание каллипидов и алазонов у Геродота [IV, 17] состоит как бы из двух частей: в первой части говорится, что оба племени вели одинаковый с остальными скифами образ жизни (*τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταῦτά Σκύθηι ἑπασκέονσι*), во второй — что они занимались земледелием. Поскольку скифы, по Геродоту [IV, 2 и 46], были кочевниками, промышляли скотоводством, а жилища свои устраивали на повозках, то и каллипидов с алазонами следовало бы признать такими же кочевниками. Вторая часть описания давала повод считать их земледельцами. Традиционная точка зрения исходит из второй части сообщения, на основе которой сделан вывод, что каллипиды и алазоны являлись оседлыми земледельческими племенами. Этому способствовал и термин «эллины-скифы», свидетельствовавший, по общему мнению, об эллинизации каллипидов. Такой вывод представлялся ученым столь доказательным («сеяли хлеб...»), столь бесспорным, что никто, по существу, и не пытался его пересматривать или оспаривать. Больше того, со временем убеждение в том, будто оба племени были оседлыми земледельцами, настолько укоренилось в науке, что некоторые ученые склонны были даже укорять «отца истории» в непоследовательности. Вот, например, что писал М.И. Артамонов: «...приведенное указание на быт алазонов, будто бы одинаковый со

скифским, выглядит довольно странно. Образ жизни алазонов не мог быть таким же, как у кочевых скифов, уже по одному тому, что они занимались земледелием»⁴².

Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова высказали по этому вопросу компромиссное предположение: Геродот в данном случае имел в виду не хозяйство, а культуру и быт, то есть подчеркивал единство обычаев при разном типе хозяйства: каллипиды и алазоны, ведя оседлый земледельческий образ жизни продолжали оставаться скифами по языку, нравам, религии и политической организации⁴³.

При таком толковании, сообщение Геродота приходится уже понимать так: хотя каллипиды и алазоны и говорят на скифском языке, следуют скифским обычаям, поклоняются скифским богам, но, тем не менее, они сеют и употребляют в пищу хлеб и т. д. Какая связь между языком и земледелием, непонятно. Может быть, Геродота удивило, что племена скифов, этнически родственные, различаются в хозяйственном отношении? Вряд ли, поскольку он знал, например, персидских кочевников и земледельцев. Если Геродот считал, что занятие земледелием может быть воспринято как противоречащее принадлежности какого-либо племени к скифам, то как быть со скифами-пахарями и земледельцами? Поскольку Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова считали каллипидов населением эллинизированным или даже смешавшимся с греками, возникают и другие вопросы. Если каллипиды являлись скифами по языку, религии, нравам и политической организации, то в каком отношении они были эллинизированы? Или, сформулировав иначе, если каллипиды являлись оседлыми земледельцами, воспринявшими эллинскую культуру, так сказать, огреченными, то в каких же все-таки отношениях они жили одинаково с остальными скифами?

В целом, традиционное представление об оседлом земледельческом образе жизни каллипидов и алазонов представляется неубедительным по следующим соображениям. Во-первых, упоминание о земледелии само по себе не является достаточным доказательством оседлости. Земледелие может служить дополнительным источником существования и у кочевых скотоводов⁴⁴, и у охотников или рыболовов⁴⁵. Во-вторых, представляется неудачной сама технология интерпретации текста Геродота. Сначала, на основании второй части его сообщения, делается вполне определенный и окончательный вывод об оседлом земледельческом образе жизни данных племен (хотя Геродот говорит лишь о том, что они *занимались* земледелием). Затем, с разной степенью убедительности предпринимаются попытки согласовать полученный результат с первой частью все того же сообщения Геродота,

где утверждается, что каллипиды и алазоны живут одинаково с остальными скифами.

Попробуем понять сообщение Геродота в целом, а не по частям. Для этого представляется возможным заменить утверждение, что каллипиды и алазоны живут одинаково с остальными скифами, на его же, Геродота, описание, как эти остальные скифы живут. Тогда мы получим следующее: каллипиды и алазоны, как и остальные скифы, не оседлые земледельцы, а кочевники, являются конными лучниками, средства к жизни добывают скотоводством, но в то же время сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. В общем, это достаточно четкое описание кочевников, в хозяйстве которых вспомогательную роль играло земледелие.

Видимо, именно так понимали сообщение Геродота его античные читатели. По крайней мере, Страбон [XII, 3, 22] и, судя по его высказыванию, Деметрий Скепсийский считали алазонов кочевниками. Впрочем, в их распоряжении были и другие источники, нам недоступные. Однако, в любом случае, это подтверждает высказанную выше гипотезу.

Следует отметить, что Б.Н. Граков в конце жизни пришел к аналогичным представлениям о хозяйстве степных скифских племен, но уже на основании археологических данных.

Как известно, многолетние работы в степной зоне Причерноморья не привели к открытию поселений времени Геродота⁴⁶. Об алазонах, в частности, М.С. Синицын еще два десятилетия назад писал, что они «жили в той части Днестро-Бугского Причерноморья, где в VI—IV вв. до н. э. поселения отсутствовали»⁴⁷. Б.Н. Граков в конечном итоге пришел к следующим выводам: «Земледелие, по-видимому, не мешало населению кочевать между севом и покосом, а молотба могла тянуться всю оседлую зиму. Недаром же эллины-скифы назывались еще каллипидами (т. е. «потомки прекрасноконных»), пахари сеяли хлеб не столько для себя, сколько для продажи грекам, а «алазоны» значит «бродяги». Погребения мужчин в огромном большинстве воинские, да еще и конные»⁴⁸. И в другом месте: «Возможно, что и земледельческие племена степного Побужья и Поднепровья были полукочевыми. Их поселения практически почти неизвестны: чаще всего это — ничтожный след на местах более древних поселений племен срубной культуры. Немного своей керамики и обломки греческих амфор — вот и все. Лишь по Бугскому лиману есть несколько поселений с каменными постройками у Широкой Балки, у Закисовой Балки, у Дидовой Хаты, у Варваровки около Николаева»⁴⁹.

О приольвийских поселениях — можно ли их считать памятниками скифской культуры — речь уже шла выше. С мнением же Б.Н. Гракова,

что «земледельческие» племена степного Побужья и Поднепровья оказываются полукочевыми, в общем, трудно не согласиться. Вероятно, сразу следует предупредить, что к скифам-пахарям вышесказанное не относится, поскольку существуют серьезные основания для локализации их в лесостепи⁵⁰.

Необходимо, также, остановиться на мнении, которое высказал А.М. Лесков в рецензии на книгу А.М. Хазанова. Отмечая, что поселения степных племен неизвестны, А.М. Лесков пишет: «Случайно ли это? По-моему, нет. Во введении к рецензируемой книге А.М. Хазанов выделяет пять основных типов кочевания (стр. 10, 11): первые три типа связаны с постоянным кочеванием всего населения (видимо, таков был образ жизни скифов-кочевников), а последние два типа характеризуются сочетанием кочевого образа жизни с оседлым, когда кочевники возвращаются на зиму к постоянным жилищам (четвертый тип) или часть населения живет оседло (пятый тип). В обоих случаях, особенно в последнем, роль земледелия достаточно велика. Именно таким представлял себе хозяйство геродотовых скифов-пахарей и скифов-земледельцев Б.Н. Граков»⁵¹.

В некоторых деталях с А.М. Лесковым трудно согласиться. Если считать, что часть населения могла жить оседло и не оставить следов поселений, то почему не предположить, что оседлым было все население? Ведь если бы даже часть населения жила оседло, поселения не отсутствовали бы. В любом случае, при наличии постоянных жилищ археологические находки не сводились бы к отдельным фрагментам керамики. Кажется, ближе к истине Геродот [IV, 46], согласно которому скифские жилища устраивались на повозках. Конечно, те племена, в хозяйстве которых вспомогательное значение имело земледелие, должны были возвращаться на зимники. Но и там, видимо, они продолжали жить в кибитках и шатрах.

Земледелие у каллипидов и алазонов имело натуральный характер. Предположение, что эти племена «сеяли хлеб, но не для собственного употребления, а только на продажу»⁵², выглядит неубедительно. Получается, что различие между племенами заключалось в том, что одни ели хлеб, а другие не ели. При этом существование хлебной торговли у каллипидов и алазонов домысливается. Исходя же из Геродота, об этих племенах можно лишь сказать, что их земледелие удовлетворяло собственные потребности, то есть было натуральным. Производство же скифов-пахарей было товарным. Именно так и понимают информацию Геродота современные исследователи, которые ищут скифов-пахарей в местах концентрации предметов греческого импорта, а не там, где отсутствуют находки зернотерок.

Язык, обычаи и религиозные представления интересующих нас племен были, судя по всему, такими же, как и остальных скифов. Этническое единство всех скифов прослеживается на протяжении всего труда Геродота, и никаких указаний, что каллипиды и алазоны говорили не на скифском языке или почитали каких-то иных, не скифских богов, не имеется. В этом отношении заслуживает внимания мнение Д.С. Раевского. На основании изучения социальной структуры иранских племен он пришел к предположению: каллипиды и алазоны принадлежали, скорее всего, к варне жрецов, то есть сосредоточили в руках своих представителей отправление скифских культов — аналогично магам в Персии⁵³.

Попробуем подвести итоги. Получается, что каллипиды и алазоны считались оседлыми земледельцами ошибочно. Упоминание Геродота о занятии земледелием было напрасно воспринято как доказательство оседлого образа жизни.

В этом случае остается предположить, что каллипидам могли принадлежать многие памятники типа временных стоянок, открытые в Нижнем Побужье. Часть таких стоянок, расположенных неподалеку от аграрных поселений, могла быть оставлена греческими пастухами. Другие же, например временные пастушеские стоянки между Березанским и впадающим в него Сосицким лиманами, грекам принадлежать не могли. Таким образом, на юге подобные памятники доходят почти до моря — причем, в районе Березани, а на севере распространены вплоть до лесостепи. Геродот имел полное основание начинать локализацию каллипидов от эмпория борисфенитов, судя по этим данным.

Что же касается постоянно обитаемых сельских поселений Побужья, то анализ письменных источников не противоречит признанию их греческими. Возможно, что каллипиды потому и названы «эллинами-скифами», что заочевывали в степные районы между лиманами, побережье которых было заселено греками — то есть этот термин был употреблен в географическом смысле. Однако, как уже отмечалось, без новых источников, относящихся к данному вопросу, окончательно установить содержание термина «эллины-скифы» затруднительно.

Перейдем теперь к рассмотрению памятников более позднего времени.

По свидетельству декрета в честь Протогена, где-то в окрестностях Ольвии обитали миксэллины. Наиболее развернутый анализ этого термина принадлежит Н.В. Шафранской⁵⁴. По ее утверждению, во всех известных ей случаях этот термин употреблялся для обозначения не целого племени или народа, а отдельных людей или групп. Так у Гелланика — это разбойники-синтийцы, у Полибия [I, 67, 7] — часть карфагенских наемников, у Плутарха [Crass, 31] — два

воина Сурены, у Гелиодора [IX, 24] — страж, в декрете в честь Протогена [IRE, I², № 32] — люди с гор или пограничные жители, численностью 1500 человек, ранее сражавшиеся вместе с ольвиополитами, а затем изменившие им. По сведениям Полибия, среди карфагенских наемников миксэллины были большей частью перебежчиками и рабами. Наряду с рабами упоминаются миксэллины и в Протогеновском декрете. Таким образом, по мнению Н.В. Шафранской, нет достаточно веских оснований считать миксэллинов отдельным народом и отождествлять их с племенем каллипидов. Скорее, это была неполноправная группа населения, возможно, близкая метекам, которую ольвиополиты использовали в своих военных отрядах.

То, что миксэллины в Протогеновском декрете названы союзниками, некоторые исследователи понимают в том смысле, что они были независимы от Ольвии — могли быть то ее союзниками, то врагами⁵⁵. Возражая В.Д. Блаватскому, Н.В. Шафранская ограничилась замечанием, что миксэллины упоминаются в декрете наряду с рабами, которых нельзя причислить к категории независимого населения. Несомненно, что этот пассаж заслуживал бы более развернутого комментария. Интересно отметить, что Геродот [VII, 99; VIII, 19, 68, 69 и т. д.] называл союзниками (*οἱ σύμμαχοι*) отряды войска Ксеркса.

По мнению А.С. Коцевалова⁵⁶, миксэллины имели с ольвиополитами какой-то общий совет. Этот вывод базируется на основании реконструкции фрагментированной ольвийской надписи, в которой упоминается гражданин из Пастушеской деревни (*ἐκ Νομίας κω[μης]*). Однако следует отметить, что восстановление текста этой надписи никакой критики не выдерживает — по крайней мере, с точки зрения здравого смысла. Достаточно указать, что согласно восстановленному тексту, ольвиополиты совместно с миксэллинами собирались ежегодно на общем собрании увенчивать золотым венком покойника — гражданина, который к моменту издания декрета уже умер, пожертвовав собой за отечество. Естественно, что ни о каких общих собраниях и вообще о миксэллинах в этой надписи не может быть и речи.

Небезынтересно, что по свидетельству Псевдо-Скимна [757] «смешанными эллинами» был населен ионийский город Круны-Дионисополь во Фракии.

Короче говоря, видеть в миксэллинах какое-то варварское племя не приходится. Скорее, это действительно была какая-то часть населения Ольвийского полиса, в социальном отношении неполноправная и близкая к рабам.

С археологической точки зрения, в IV—III вв. до н. э. в Нижнем Побужье наблюдается следующая картина.

Параллельно сосуществуют поселки, состоящие из сблокированных домов античного типа и расположенные поодиночке усадьбы.

Духовная культура обитателей поселков и усадеб греческая. Об этом можно судить по находкам граффити с их именами, типа ΠΡΑΣΙΔ|ΑΤΟΣ|ΕΙΜΙ⁵⁷. Сохранились такие антропонимы как Артем, Деметрий, Файдон, Фанисан⁵⁸. Имеются надписи типа ΙΕΡΑ⁵⁹. О греческих культах свидетельствуют повсеместные находки терракот⁶⁰ и, что характерно именно для ольвийского региона, свинцовых букраниев и секир⁶¹.

О развитии товарно-денежных отношений можно судить по многочисленным нумизматическим находкам⁶².

Характер домостроительства близок к ольвийскому, хотя имеет деревенский оттенок: например, по мере удаления от Ольвии уменьшается количество находок черепицы. Сравнительно беден керамический комплекс, хотя доля лепной керамики (около 30 %) гораздо меньше, чем на скифских памятниках. Поэтому вполне справедливым представляется сделанный в свое время Я.В. Доманским вывод о греческой принадлежности поселений типа Закисовой балки⁶³, который был поддержан и другими исследователями⁶⁴.

Однако, хотелось бы обратить внимание на следующее. Параллельное сосуществование поселков и усадеб позволяет предполагать какие-то различия в социальном положении их обитателей. Представляется возможным охарактеризовать ситуацию следующим образом. Жители поселков являлись домовладельцами, которые вели самостоятельное хозяйство, в отношении и производства, и потребления. В усадьбах же под одной крышей объединены несколько семей — например, на Дидовой Хате их было не менее 12. Потребление семей было раздельным — на Дидовой Хате у каждой из них была своя зернотерка, специфичен набор керамики, они самостоятельно покупали и продавали, о чем можно судить по находкам монет и ойнохой, клейменных ольвийскими агораномалиями. В то же время, сам факт их проживания под общей крышей может свидетельствовать о совместной производственной деятельности — и не только строительной. Иными словами, обитатели усадеб это не рабы классического типа, но и не самостоятельные хозяева.

Интересно и другое. По имеющимся достаточно убедительным данным, где-то на рубеже второй и последней трети IV в. до н. э. поселения Нижнего Побужья разрушаются. Вскоре поселения восстанавливаются, и именно в последней трети IV в. появляется новый тип памятников — усадьбы. По мнению некоторых исследователей, эти события связаны с походом на Ольвию Зо-

пириона — полководца Александра Македонского. Возникает проблема: нет ли какой-то связи между этим походом и появлением усадеб? Нам представляется, что связь есть, в связи с чем осмелимся предложить следующую гипотезу.

По данным литературных источников, для повышения работоспособности государства во время войны с Зопирионом, ольвиополитам пришлось предпринять ряд мер и, в частности, освободить рабов⁶⁵. Эти люди, однако, оставались лишенными как гражданских прав, так и средств производства. Естественно, что для большинства из них не оставалось ничего иного, как попасть в экономическую зависимость к ольвийским богачам. Одной из наиболее перспективных отраслей производства, в которой их можно было использовать, являлось сельское хозяйство. Плодородной земли в Нижнем Побужье для этого было вполне достаточно. С другой стороны, в Ольвии существовала группа лиц, вроде известных нам Протогена или его отца, имевших средства для финансирования различных экономических предприятий. Плутократы могли вкладывать деньги в строительство усадеб, снабжать новоиспеченных «свободных» необходимыми для ведения хозяйства орудиями труда, скотом, семенным зерном — и, естественно, их эксплуатировать, оставляя производителям лишь часть продукции. С этим связан и более низкий по сравнению с жителями поселений жизненный уровень обитателей усадеб — меньшее количество жилой площади на семью, больший процент лепной керамики, значительная часть которой попросту повторяет круглые формы.

Такая гипотеза могла бы, в частности, объяснить, каким образом крупные запасы зерна скапливались в руках отдельных лиц, вроде Протогена.

Обитателей усадеб, в нашем варианте, ольвиополиты вполне могли бы называть миксэллинами. По своему биологическому происхождению эти люди должны были представлять смешение различных этносов, в том числе и греческого. Вполне понятен в этом случае и эллинский облик их духовной и материальной культуры. В юридическом отношении эти люди были свободны, но не полноправны, а в экономическом отношении — зависимы.

Жители же поселков типа Закисовой Балки были не только самостоятельными в экономическом отношении хозяевами, но, видимо, и полноправными гражданами. Они могли рекрутироваться из малообеспеченных слоев ольвиополитов. Видимо, не случайно, что процесс появления поселений этого типа, начавшийся на рубеже V—IV вв. до н. э., совпадает с прекращением существования поселка на ольвийском некрополе, так называемого «предградья»⁶⁶.

Самое же главное для нас, что имеющиеся археологические, эпиграфические и литературные данные не позволяют говорить о принадлежности поселений Нижнего Побужья какому-либо скифскому племени. В то же время имеются все основания считать, что эти памятники принадлежали ольвийским грекам.

С местными же племенами можно связывать лишь часть временных стоянок, зафиксированных в данном регионе разведочными работами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 2. — С. 72 наст.; Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971. — С. 61; Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. — Л., 1974. — С. 115; Хазанов А.М. Социальная история скифов. — М., 1975. — С. 69 и сл.; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. — Новосибирск, 1977. — С. 136 и сл.
- ² Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — С. 148 и сл.; Славин Л.М. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ХКААМ. — М., 1976. — С. 184; Рубан В.В. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. // НОСА. — К., 1975. — Ч. II. — С. 88 и сл.; Отрешко В.М. Западный район Ольвийской периферии в позднеархаическое время // НОСА. — Ч. II. — С. 93 и сл.; Марченко К.К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // МСПГК: Тез. докл. — Тбилиси, 1977. — С. 43 и сл.
- ³ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб, 1887. — С. 18.
- ⁴ Рубан В.В. Исследование античных памятников... — С. 87 и сл.
- ⁵ Славин Л.М. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947 і 1948 рр. // АП. — К., 1952. — Т. IV. — С. 56 и сл.
- ⁶ Славин Л.М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949—1950 рр. // АП. — К., 1955. — Т. V. — С. 132.
- ⁷ К сожалению, большая часть граффити не опубликована.
- ⁸ Русяева А.С. Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. — 1971. — № 2. — С. 22—29.
- ⁹ Русяева А.С. Культові предмети... — С. 25 наст.
- ¹⁰ Русяева А.С. Разведки и раскопки поселений близ Ольвии // АИУ. — К., 1971. — Вып. III. — С. 180 и сл.
- ¹¹ Русяева А.С. Культові предмети... — С. 22—28; Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. — К., 1977. — С. 41 и сл.
- ¹² Инв. № БЧ—74/265.
- ¹³ Инв. № Бейк—68/78.
- ¹⁴ Русяева А.С. Отчеты о раскопках Бейкушского поселения за 1968 и 1969 гг. / НА ИА НАНУ. — 1968/12; 1969/17.
- ¹⁵ Инв. № Бейк—69/64.
- ¹⁶ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. — СПб, 1899. — Ч. 2. — С. 20.
- ¹⁷ Русяева А.С. Культові предмети... — С. 25 и сл.
- ¹⁸ Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. — 1962. — № 3. — С. 145, табл. I.
- ¹⁹ Эти находки также не опубликованы.
- ²⁰ Раскопки автора.
- ²¹ Копейкина Л.В. Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ. — 1977. — № 3. — С. 92, прим. 2.

- ²² Любезное сообщение А.С. Русяевой.
- ²³ Брашинский И.Б. Рец.: А. Wąsowicz. Olbia Pontique et son territoire. — Paris, 1975. // СА. — 1977. — № 3. — С. 304.
- ²⁴ Артамонов М.И. Этногеография Скифии // УЗ ЛГУ. — Л., 1949. — Вып. 13; сер. ист. наук. — С. 153.
- ²⁵ Штителъман Ф.Н. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. — 1956. — № 50. — С. 263.
- ²⁶ Доманский Я.В. Из истории поселения Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. // АСГЭ. — 1961. — Вып. 2. — С. 34 и сл.
- ²⁷ Лапин В.В. Греческая колонизация... — С. 148 и сл.
- ²⁸ Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1974; Он же. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э. // ВДИ. — 1974. — № 2. — С. 149 и сл.
- ²⁹ Марченко К.К. Варвары в составе населения... — С. 17.
- ³⁰ Марченко К.К. Фракийцы на территории... — С. 156.
- ³¹ Марченко К.К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов... — С. 43 и сл.
- ³² Bratt E.T.H. Late Geometric and Protoattic pottery mid 8th to late 7th century B.C. // The Athenian Agora. — Princeton, 1962. — Vol. VIII. — P. 3—4, 29.
- ³³ Латышев В.В. Исследования... — С. 20.
- ³⁴ Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. — К., 1975. — С. 81 и сл.; Он же. Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // XIV МКАСС: Тез. докл. — Ереван, 1976. — С. 502 и сл.
- ³⁵ Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // ХКААМ. — М., 1976. — С. 75 и сл. Здесь же и литература по данному вопросу.
- ³⁶ Латышев В.В. Исследования... — С. 17 и сл.
- ³⁷ Латышев В.В. Исследования... — С. 172 и сл.
- ³⁸ Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. — 1954. — № 33. — С. 43, прим. 3.
- ³⁹ Болтенко М.Ф. Herodoteana // МАПП. — 1960. — Вып. III. — С. 53 и сл.
- ⁴⁰ Шафранская Н.В. О миксэллинах // ВДИ. — 1956. — № 3. — С. 37 и сл.
- ⁴¹ Соломоник Е.И. Про значення терміну «тавро-скіфи» // АП. — 1962. — Т. XI. — С. 155.
- ⁴² Артамонов М.И. Этногеография Скифии... — С. 151.
- ⁴³ Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. — М., 1954. — С. 44 и сл.
- ⁴⁴ Хазанов А.М. Социальная история скифов. — М., 1975. — С. 11.
- ⁴⁵ Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. — М., 1974. — С. 74, 83, 92 и др.
- ⁴⁶ Граков Б.Н. О работе Степной скифской экспедиции // КСИИМК. — 1951. — Вып. 37. — С. 134 и сл.; Тереножкін О.І. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. — 1952. — Т. VII. — С. 117; Елагіна Н.Г., Погребова Н.Н. Археологическая разведка по берегам Ингула // КСИИМК. — 1959. — Вып. 77. — С. 26, 33; Погребова Н.Н., Кондрацкий Н.В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области // КСИИМК. — 1960. — Вып. 78. — С. 84; Іллінська В.А. Андрюфаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. — 1970. — Т. XXIII. — С. 28.
- ⁴⁷ Синицин М.С. Населення Дністро-Бузького Причорномор'я скіфсько-сарматського часу // МАПП. — 1959. — Вып. II. — С. 23.

⁴⁸ Граков Б.Н. Скифы... — С. 39.

⁴⁹ Граков Б.Н. Скифы... — С. 61.

⁵⁰ Ильинская В.А. О скифах-пахарях и будинах Геродота // КСИИМК. — 1951. — Вып. 40. — С. 28 и сл.; Либеров П.Д. К вопросу о скифах-пахарях // ВДИ. — 1951. — № 4. — С. 178 и сл.

⁵¹ Лесков А.М. Рец.: А.М. Хазанов. Социальная история скифов. — М., 1975. // СА. — 1977. — № 3. — С. 294.

⁵² Латышев В.В. Исследования... — С. 17, 20.

⁵³ Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977. — С. 156—159.

⁵⁴ Шафранская Н.В. О миксэллинах... — С. 37 и сл.

⁵⁵ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953. — С. 53; Шелов Д.Б., Брашинский И.Б. Рец.: В.В. Латин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. // ВДИ. — 1969. — № 3. — С. 169.

⁵⁶ Коцевалов А.С. Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. — К., 1940. — Т. I. — С. 259 и сл.; НО. № 34.

⁵⁷ Марченко К.К., Доманский Я.В. Отчет о раскопках в 1975 г. / НА ИА НАНУ. — 1975/66. — С. 10; Инв. № Коз. II—75/120а.

⁵⁸ Любезное сообщение В.В. Рубана.

⁵⁹ Русаева Г.С. Поселения Пітухівка I біля Ольвії // Археологія. — 1968. — Т. 21. — С. 211, рис. 4, 2; Рубан В.В. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. — К., 1979. — в печати [С. 78 — С. Б.].

⁶⁰ Зуц В.Л. Територія Ольвійської держави догетського часу // Археологія. — 1969. — Т. 22. — С. 84.

⁶¹ Зайцева К.И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // КИАМ. — 1971. — С. 84—106.

⁶² Штительман Ф.М. Поселения античного периода... — С. 270.

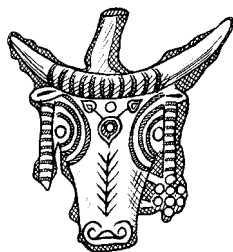
⁶³ Доманский Я.В. Из истории населения... — С. 34 и сл.

⁶⁴ Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. — М., 1975. — С. 57, прим. 95.

⁶⁵ ИРЕ, Р. № 32.

⁶⁶ Козуб Ю.И. Предмestье Ольвии // XIV МКАСС: Тез. докл. — Ереван, 1976. — С. 196; Она же. Историческая топография некрополя Ольвии // 150 лет ОАМ: Тез. докл. — К., 1975. — С. 124.

1978 з.

АРХАИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ БЕРЕЗАНИ

На протяжении 100 лет со времени первых, еще незначительных по масштабам работ Р.А. Пренделя, в результате многолетних исследований таких отечественных ученых как Г.Л. Скадовский, Э.Р. фон Штерн, В.В. Лапин, К.С. Горбунова, Л.В. Копейкина, а также М.Ф. Болтенко, О.А. Артамонова и Я.В. Доманский античной археологией накоплен обильный фактический материал, характеризующий различные стороны материальной и духовной культуры древних жителей этой наиболее ранней ионийской апокрии в Северном Причерноморье. Значительный интерес представляют для нас многочисленные остатки разнообразных построек, которые по технологии строительства можно подразделить на *земляночные, полуземляночные и наземные*; в планировочном отношении — на *однокамерные и многокамерные*; функционально — на *жилые и хозяйственные*. В большом количестве на поселении открыты хозяйственные ямы, известны также цистерны, колодцы и производственные комплексы. По мнению ряда исследователей, существовали здесь и так называемые ямы-жилища. В данной работе мы ограничимся рассмотрением лишь упомянутых выше остатков жилого, хозяйственно-бытового и производственного строительства, не затрагивая сооружений погребального и культового характера. Как известно, по ряду объективных причин результаты работ исследователей Березани далеко не полностью отражены в публикациях и сохранившихся к настоящему времени архивных материалах. В силу этого, мы вынуждены исходить прежде всего из материалов раскопок В.В. Лапина, К.С. Горбуновой, Л.В. Копейкиной, проводившихся в 60-х и 70-х годах XX века.

ЗЕМЛЯНКИ И ПОЛУЗЕМЛЯНКИ

В современной археологической науке не существует общепризнанных критериев для четкого деления земляночных и полуземляночных строений. По мнению С.Д. Крыжицкого, проводить между ними различия целесообразно, исходя из характера несущих конструкций, их пространственного положения и общего принципа решения объемов. С.Д. Крыжицкий

предложил считать *полуземлянкой* сооружение, у которого несущие стены выступают выше уровня окружающей дневной поверхности, образованы бортами котлована, а также наземной конструкцией; карниз кровли размещается выше уровня дневной поверхности на высоте, недостаточной для устройства нормального наземного входа. У *землянки* же несущими стенами являются только борта котлована (иногда облицованные деревом, плетнем или камнем, не являющимися несущей конструкцией); карниз кровли размещается на уровне дневной поверхности или немного выше¹. На практике, как отмечает исследователь относительно ольвийских построек, определить характер несущей конструкции в большинстве случаев затруднительно². То же самое наблюдается и на Березани, что заставляет нас проводить рассмотрение березанских землянок и полуземлянок суммарно.

В настоящее время не вызывает сомнений, что землянки и полуземлянки являлись наиболее ранними типами построек на всех архаических памятниках Нижнего Побужья. В большом количестве они открыты в различных частях Березанского поселения — лишь в слабо исследованной части они еще не зафиксированы³. Как отмечала Л.В. Копейкина, «эти сооружения были, видимо, очень недолговечными. Поэтому границы их часто сливаются, иногда они перерезают, перекрывают друг друга. И на этом месте в конечном итоге образовывалось бесформенное углубление...»⁴. По преимуществу, такого рода постройки были однокамерными, площадью от 4 до 16 м². (чаще всего 6—10 м²), заглубленностью от 0,4 до 1,4 м (чаще всего около 1 м). Как и в Ольвии⁵, они были двух основных планировочных типов — *прямоугольного* (подтипы: с четко вырезанными углами, с закругленными углами) и *круглого* (подтипы: правильный круг, овал).

Прямоугольные постройки численно преобладали. Одно из лучших по сохранности строений, позволяющих дать представление о типе в целом, было открыто на раскопе II в 1960 г.⁶ Полуземлянка имела трапециевидный план с прямыми юго-восточным и юго-западным, тупым северо-восточным и закругленным северо-западным углами. Длина сторон от 2,4 до 3,5 м, пло-

щадь около 8 м². Котлован заглублен в материк на 0,9 м. Его борта были, видимо, побелены — местами на них сохранились следы извести. Пол глинобитный. Возле южной стены находилась площадка шириной 0,6—0,8 м, приподнятая над полом на 0,1 м. Основанием для нее служили, по-видимому, большие плоские камни, обмазанные сверху глиной. На расстоянии 0,75 м от юго-восточного угла площадка прорезана узкой (0,35 м) канавкой, доведенной до уровня пола. Ее конструктивное назначение неясно. В.В. Лапин полагал, что здесь могла находиться деревянная лесенка, ведущая в помещение. В северо-западном углу помещения находился небольшой по размерам очаг (0,75 × 0,45 м), заглубленный на 0,06 м ниже пола. В полу выявлено несколько ямок, возможно, имевших какое-то конструктивное назначение. Постройка имела наземные стены на бортах котлована. Сохранился небольшой участок восточной стены длиной 0,95 м и шириной 0,6 м, состоявший из 3—4 рядов кладки высотой 0,25 м. Необходимо отметить, что остатки наземных каменных стен сохранились и у нескольких других березанских полуземлянок⁷.

Каменные кладки применялись иногда и в заглубленных частях построек. Приведем несколько примеров.

В 1972 г. на Северо-Западном участке были открыты остатки помещения, в плане прямоугольного с закругленными углами. Его размеры 2,6 × 2 м, заглубленность в материке около 0,8 м. Сохранились восточная и южная стены помещения. Восточный борт облицован каменной стеной № 20. Длина стены 2,55 м, ширина 0,16 м, высота 1,08 м. Кладка однорядная, постелистая. Сохранилось 7 рядов, выложенных крупными, хорошо обработанными прямоугольными известняковыми блоками, размерами: 0,46 × 0,15 × 0,16 м; 0,35 × 0,14 м; 0,46 × 0,12 м⁸.

На Основном раскопе в 1966—1967 гг. исследовалась полуземлянка № 20⁹. Форма в плане прямоугольная с закругленными углами. Размеры около 2,5 × 1,5 м, заглубленность в материале 0,8 м. Северный и южный борта котлована прослеживались очень четко; восточный борт в южной своей части разрушен; направление западного борта восстановлено В.В. Лапиным по закруглению в северо-западном углу. Зафиксирован глинобитный пол. Остатков очага не обнаружено.

Часть южной стены постройки выведена из камня. Длина сохранившегося участка 0,9 м, ширина 0,4 м, высота 1,17 м. Одиннадцать рядов иррегулярной кладки весьма небрежно выложены, преимущественно постелью, из мелких и крупных грубо околотых камней с обильным применением земляного раствора.

Аналогичные каменные стены использовались в землянках № 9 и 22 на Основном раскопе,

а также в некоторых постройках на других участках¹⁰.

Как известно, использование при сооружении землянок и полуземлянок каменных кладок, либо врезанных в грунт и замещавших часть материковых бортов котлована, либо приставленных к бортам и облицовывавших их, впервые было прослежено на архаическом поселении у Широкой балки близ Ольвии в 1949 г.¹¹ Высказанное тогда Б.М. Рабичкиным мнение о том, что данный технический прием являлся особенностью местного домостроительства Нижнего Побужья, представляется неубедительным. Так, следует обратить внимание на то, что землянки, стены которых частично образованы каменными кладками, известны и в других районах, и в другое время, например, на Нижнем Дону в поселениях кобяковской культуры эпохи поздней бронзы¹² и на Елизаветовском поселении в IV—III вв. до н. э.¹³ Интересно, что исследователи считают этот прием особенностью микро-региона Нижнего Дона. В частности, его использование на Елизаветовском поселении объясняют местными негреческими строительными традициями.

Реальная причина является чисто технической. Как отмечал В.В. Лапин, сооружение каменных стен в заглубленных частях березанских построек диктовалось, как правило, нарушениями материка на этих участках более ранними землянками и ямами¹⁴. В Ольвии на участке АГД, по данным А.С. Русяевой и С.Д. Крыжицкого, во время функционирования полуземлянки № 5 ее южная стена была повреждена, а затем отремонтирована с помощью кладки из сырцовых кирпичей¹⁵. По этнографическим данным, этот строительный прием применяется в тех случаях, когда материк слишком непрочен, чтобы борта котлованов могли выдержать тяжесть наземных стен и кровли. Если таковы природные свойства грунта, борта котлована полностью обкладываются изнутри стенами — неважно, каменными, сырцовыми, глиноплетневыми или какими-либо еще. Если грунт в принципе достаточно прочен и лишь местами вызывает недоверие строителей — в результате локальных нарушений — борта котлована обкладываются не полностью, а частично. Таким образом, описанный строительный прием не может быть интерпретирован как этнографическая особенность какого-либо населения или региона.

Следует сказать, что на Березани при сооружении заглубленных и наземных искусственных стен применялась и глиноплетневая строительная техника. В качестве примера опишем полуземлянку № 57, открытую на Основном раскопе В.В. Лапиным¹⁶. В плане подпрямоугольная, она имела необычно большие для данного памятника размеры — 7,5 × 4,6 м. Площадь

34,5 м², реконструируемая глубина в материке от 0,85 до 1,1 м. У юго-восточного угла в восточном борту котлована имелся полукруглый тамбур диаметром 0,9 м и глубиной 0,6 м, связанный, видимо, с устройством пола.

От столбовой конструкции стен сохранились ямки диаметром около 0,2 м, расположенные, как правило, в створе, с длиной шага 0,7–0,8 м. Они прослежены вдоль трех стен котлована. В центре постройки находились две ямы, диаметром около 0,6 м и глубиной 0,5 м. Расстояние между ними 1,75 м, а расстояния от них до северной и южной стен — соответственно, 2,5 и 3 м. Скорее всего, эти ямы предназначались для установки столбов, поддерживавших перекрытие.

Каменные и глиноплетневые стены в заглубленных частях березанских построек могли выполнять две основные функции. Во-первых, служить облицовкой, укреплявшей борта котлована и не позволявшей рыхлому грунту извне проникать в помещение. Видимо, именно для этих целей была возведена узкая, шириной всего 0,16 м, стена в описанной выше полуземлянке на Северо-Западном участке. Во-вторых, искусственные стены могли являться несущими конструкциями. Допустимо предполагать, что несущей была каменная стена в полуземлянке № 20 на Основном раскопе, шириной 0,4 м и высотой 1,17 м, почти на 0,4 м возвышавшаяся над материковой поверхностью. По предложенной С.Д. Крыжицким классификации, искусственные несущие стены являются характерным отличием подвалов и полуподвалов от землянок и полуземлянок¹⁷. С этой точки зрения, вероятно, такие сооружения как постройка № 20 на Основном раскопе могут интерпретироваться как промежуточные между полуземлянками и полуподвалами, или же как полуземлянки с некоторыми признаками (чертами) полуподвалов.

Среди березанских прямоугольных землянок и полуземлянок несомненно имелись как жилые, так и хозяйственные. По мнению В.В. Лапина, к последним можно отнести, в частности, землянку № 40 на Основном раскопе¹⁸. Пятно плана постройки подпрямоугольное, размерами 2,55 × 2,9 м. Глубина от уровня древней поверхности 1,45 м. Пол глинобитный. В центре помещения в полу имелись углубления: по описанию исследователя, нечто вроде кювета сложной конфигурации — два смежных разновеликих прямоугольника, к большему из которых, восточному, с юга примыкал полукруг диаметром 0,9 м. Назначение углублений неясно. Главное, что их наличие крайне затрудняло размещение спальных мест.

Среди землянок и полуземлянок круглой в плане формы, открытых на Березани, хорошей

сохранностью отличаются лишь немногие. Одна из них была раскопана на Северо-Западном участке в 1965 году¹⁹. Диаметр котлована около 3,5 м, заглубленность от уровня древней почвы 0,75 м. Следов входа не обнаружено. Пол материковый, сильно сглаженный. В южной части помещения располагался очаг, вплотную примыкавший к борту котлована. В плане он прямоугольный с закругленными углами, размерами 0,7 × 0,5 м и высотой от пола до 0,35 м. Плотная чистая огнеупорная глина образовывала своеобразный борт, толщина которого доходила до 0,1 м. С западной стороны к нему приставлена плоская известняковая плита. К востоку от очага в пол были вкопаны две хиосские амфоры.

На том же участке в 1973 г. была исследована полуземлянка № VII²⁰. Диаметр ее 2,7 м, глубина 0,9 м. Полуземлянка имела очень ровные отвесные стенки, на которых местами сохранилась глиняная обмазка. Вход располагался в северо-западной стороне. Пол глинобитный. В центре помещения в полу имела яма для опорного столба. Около южной стены располагалась площадка из материковой глины, в плане прямоугольная с закругленными углами, размерами 0,9 × 0,7 м. Края выделены валикообразным бортиком и укреплены вмазанными в глину камнями. Рядом находился небольшой очажок — два обгорелых камня, вмазанные в пол. К востоку от глинобитной площадки в полу у борта котлована имела небольшая ямка воронкообразной формы, видимо, для установки амфоры. Судя по заполнению, постройка имела сырцовые наземные стены.

Как подтип круглых землянок и полуземлянок можно рассматривать овальные в плане строения. Исследователи иногда определяют как овальные практически круглые постройки — например, открытую на Северо-Западном участке полуземлянку 1973 г. (без номера) размерами 3 × 2,7 м²¹, или раскопанную там же в 1976 г., полуземлянку № XX диаметром 2,3 × 2,2 м²².

Гораздо более четко форму овала имела землянка № 17 на Основном раскопе²³. Длина ее около 3,1 м, ширина 2,2 м, площадь около 6 м². Борты котлована вертикальные, обмазанные, возможно, и обожженные, при переходе к полу имеют небольшое закругление. Пол выявлен на глубине до 1,3 м от уровня древней полевки, глинобитная обмазка отсутствует — по мнению В.В. Лапина, вследствие того, что пол залегает в мергелевом горизонте.

В.В. Лапиным была выдвинута гипотеза, согласно которой овальные (круглые) землянки представляли собой постройки наиболее ранние в хронологическом и эволюционном отношении. По его данным, стратиграфические наблюдения на Основном раскопе показали, что овальные (круглые) сооружения во времени

предшествовали прямоугольным. Кроме того, сам тип овальной землянки на протяжении истории своего существования не остается неизменным, а эволюционирует в направлении типа четырехугольной землянки²⁴.

На наш взгляд, стратиграфические наблюдения исследователя малоубедительны. Только в одном случае можно действительно быть уверенным, что овальная постройка предшествовала прямоугольной: овальная землянка № 17 была обнаружена после снятия нескольких горизонтов (общей толщиной около 0,1 м) глинобитного пола четырехугольной землянки № 16²⁵. В других же случаях картина недостаточно ясная. Например, по описанию В.В. Лапина, овальная землянка № 29 была прорезана и частично разрушена четырехугольным помещением № 28²⁶. Но, как выясняется, границы между заполнением помещений № 28 и 29 были не определены, дифференцированы с запозданием, материал из них брался вместе, и лишь зачистка пола производилась отдельно²⁷. Вывод о хронологическом соотношении сделан, в конечном итоге, не на основании действительно стратиграфических наблюдений, а в связи с находкой стреловидной монеты малых размеров при зачистке пола землянки № 29: «Монеты этого типа, древнейшие в Северном Причерноморье, выходят из обращения к началу V в. до н. э., поэтому находка эта очень показательна для датировки землянки. Помещение № 28 на основании значительного количества материала датируется уже V в. до н. э. Таким образом, и в данном случае овальная землянка по времени предшествует четырехугольному земляночному помещению»²⁸. Как известно, точные хронологические рамки бытования монет-стрелок еще не установлены. Кроме того, при засыпании котлованов землянок и полуземлянок очень часто туда из культурного слоя попадали фрагменты керамики и другие предметы более раннего времени. Опираясь лишь на факт находки одной монеты-стрелки невозможно уверенно решить, какое из двух помещений предшествовало во времени другому. Что касается утверждения исследователя, что еще две овальные землянки № 21 и 30 предшествовали четырехугольной землянке № 31, то оно вообще никакими аргументами не подкреплено²⁹. Стратиграфические наблюдения В.В. Лапина не находят подтверждения и в материалах Северо-Западного участка, где открыты круглые и овальные строения, относящиеся не только к начальному, но и к заключительному этапу земляночного строительства: например, постройки № VII и XIX датировались Л.В. Копейкиной второй половиной VI в. до н. э.³⁰, а полуземлянка 1965 г. (без номера) по утверждению К.С. Горбуновой существовала не ранее первой четверти V в. до н. э.³¹

В качестве интересного примера постройки типа, эволюционирующего от овальных к прямоугольным, В.В. Лапин приводит землянку № 26³². Длина ее 3 м, ширина 2 м, заглубленность в материке до 1 м. На уровне полевки пятно плана имеет ярко выраженную эллипсовидную форму, глубже стенки выравниваются, и на уровне пола землянка приобретает подпрямоугольное пятно плана, лишь с несколько большим, чем обычно, закруглением углов.

С нашей точки зрения, данная постройка не может служить примером и уникальным доказательством существования эволюционирующего типа. Как отмечает сам исследователь, «землянка частично, с востока и запада, нарушена ямами с заполнением VI в., сверху перекрыта каменной стеной 105-а, вследствие чего раскрыта не полностью»³³. Вероятнее всего, дело объясняется просто тем, что верхняя часть бортов котлована осыпалась, была размыта атмосферными осадками или повреждена каким-то другим образом.

Таким образом, В.В. Лапину не удалось доказать эволюцию березанских землянок и полуземлянок от одного планировочного типа к другому. Оба типа, как свидетельствуют факты, сосуществовали на поселении вплоть до начала массового строительства наземных сырцово-каменных домов.

Вплоть до настоящего времени не потерял определенную актуальность вопрос о существовании так называемых «ям-жилищ». Как известно, в 1931 г. О.А. Артамонова открыла яму грушевидной формы довольно больших размеров (глубина 2 м, диаметр устья 2,50 м и диаметр широкой части 3,40 м) со следами очага на дне. Сооружение было интерпретировано как жилище³⁴. М.Ф. Болтенко интерпретировал соответственным образом еще одну яму, раскопанную в 1946 г.³⁵ Размеры ее исследователь не указал. Судя по чертежу, как отметила С.И. Капошина, «нельзя себе представить, чтобы такая небольшая яма могла служить жилищем. Ее размеры соответствуют часто встречающимся в архаических слоях Ольвии мусорным ямам; при этом следует учесть, что в яме, открытой в 1946 г., не было и не могло быть очага, так как размеры ее этого не допускали»³⁶. Мнение о жилом назначении так называемых ям-жилищ на Березах и других античных поселениях было в свое время убедительно опровергнуто В.Д. Блаватским и В.В. Лапиным³⁷. Казалось бы, вопрос исчерпан. Однако, в недавней публикации Л.В. Копейкиной утверждается, что три ямы-жилища исследовались на Северо-Западном участке в 1975—1976 гг.³⁸ В ее описании наиболее сохранившееся сооружение представляло собой: «...круглое в плане углубление. Его стенки выкопаны в материковом грунте и ниже — в скальном. Дно тоже скальное. Стенки ровные с очень небольшим подбоем. Диаметр по горлу

2,8 м, по дну — 3 м. Можно думать, что первоначально глубина его равнялась 2,6 м. Углубление это было засыпано в несколько приемов. В самом низу залегал толстый слой чистого материкового грунта с незначительной примесью угля. Это заполнение настолько плотно, что нам удалось расчистить дно только наполовину. Выше почти на три четверти заполнения шел темно-коричневый грунт с большим количеством золы и фрагментов керамики второй четверти — середины VI в. до н. э.»³⁹.

Прежде всего, необходимо отметить, что по размерам это «жилище» не слишком отличается от раскопанных на участке хозяйственных ям, у которых часто «глубина 2 м и диаметр по дну 1,8—2 м»⁴⁰. Обратим внимание и на чистое материковое заполнение в нижней четверти углубления. Из этого следует, с нашей точки зрения, что раскопанная Л.В. Копейкиной «яма-жилище» на самом деле являлась хозяйственной ямой несколько больших, чем обычно, размеров, у которой горловина и верх стенок обрушились. Подобное, как известно, часто происходит с грушевидными и колоколовидными в разрезе ямами различных размеров. Если мы неправы и наше мнение неубедительно, указанную структуру все равно не следовало бы причислять к ямам-жилищам. В этом случае ее следовало бы интерпретировать как хозяйственную землянку и сравнить с несомненно земляночной постройкой № 5 на Бейкушском поселении, весьма близкой по размерам (первоначально диаметр котлована достигал 2,6 м, глубина — 2,26 м, пол был покрыт слоем камки; затем уровень пола был повышен на 0,15 м и обмазан слоем розовой глины, котлован расширен до диаметра 3,6 м)⁴¹.

Довольно сложной является проблема существования многокамерных землянок, очень существенная для характеристики березанского домостроительства. По В.В. Лапину, архаические землянки дают: «...при всем их разнообразии, стройный типологический ряд, завершающийся возникновением обычного наземного дома. Переход к такому дому прослеживается еще со второй половины VI в. до н. э.: землянки увеличиваются в размерах, план их усложняется, появляются коридорообразные помещения, землянки превращаются в многокамерные комплексы»⁴². В качестве примера раннего сооружения подобного переходного типа исследователь приводит землянку № 23⁴³. Пятно ее плана прямоугольное, длина около 4,5 м, ширина около 3 м, заглубленность в материке 0,6—0,9 м. Особенностью постройки является наличие четко прослеживаемого коридорообразного помещения шириной около 1 м, расположенного вдоль западной стены. На остальной площади землянки много нарушений и планировка неясна, хотя и прослеживается ряд неправильной формы ка-

мер. Пол коридора выше пола в помещениях на 0,3 м. Пол землянки почти не сохранился, так же как и внутренние стены, разделявшие землянку на ряд помещений; по аналогии с комплексом землянок № 25, 27, 28 можно думать (по мнению В.В. Лапина), что они были сырцовыми.

Прежде всего, обратим внимание на то, что принцип выделения «коридора» непонятен — возвышения вдоль одной из стен постройки известны и в других помещениях, например в землянке 1960 г. на раскопе II (шириной до 0,8 м и высотой 0,1 м вдоль южной стены), однокамерность которой у В.В. Лапина сомнений не вызвала⁴⁴. Площадь вышеописанной постройки № 23 составляла около 13,5 м², из которых около 4,5 м занимал «коридор». Что же это за «ряд камер», располагавшихся на остальной площади (часть которой, к тому же, должны были занимать гипотетические сырцовые стены)? Как известно, в дне котлованов многих полуземляночных построек поселений Нижнего Побужья встречаются различные углубления неясного назначения (например, в описанной выше хозяйственной постройке № 40 на Основном раскопе). Характерно, что «камеры» в землянке № 23 имели неправильную форму. О «ряде помещений», с нашей точки зрения, говорить в данном случае не приходится.

Утверждения В.В. Лапина о бытовании комплексов земляночных помещений еще менее доказаны. Судя по описаниям⁴⁵, приводить которые мы считаем излишним в связи с их большим объемом, речь идет о группах разновременных построек различной заглубленности, между собой не связанных. Недостаточная аргументированность выводов исследователя уже отмечалась в научной литературе⁴⁶. Следует оговориться: мы имеем в виду только реконструируемые В.В. Лапиным комплексы земляночных строений. В принципе же, существование многокамерных землянок и полуземлянок вполне возможно — нельзя исключать, к примеру, что уникально большая по площади для Березани постройка № 57 (34,5 м²) могла иметь какое-то внутреннее членение и состоять не из одного, а из нескольких помещений, аналогично многокамерным постройкам Елизаветовского городища, типологическая планировочная основа которых имела ярко выраженный неантичный характер. Такая возможность, однако, хотя и представляется вполне возможной, но остается неподтвержденной фактическими данными.

В настоящее время можно уверенно говорить лишь об однокамерных землянках и полуземлянках Березани, принадлежавших к двум параллельно существовавшим планировочным типам: прямоугольным и круглым.

Количественно преобладали прямоугольные. Площадь их варьировала от 4 до 15 м², в одном

случае достигая 34 м². Котлованы заглублялись на 0,4—1,5 м, чаще всего на 0,6—1,0 м. Борты котлованов иногда обкладывались или ремонтировались с помощью каменных стен, возможно, и глиноплетневых конструкций. Наземные стены в большинстве случаев не сохранились. Однако имеются фактические свидетельства о том, что они были каменно-сырцовыми или глиноплетневыми. Не исключена возможность и других способов их сооружения. Черепицы архаического времени на Березани не обнаружено. Крыши построек были, скорее всего, соломенными или камышовыми; возможно, они обмазывались глиной. Отдельные строения отличаются различными деталями: способом устройства входа, расположением и устройством очагов, наличием или отсутствием хозяйственных ям, канав и углублений, вырытых в полу, а также ниш в бортах котлованов. По своему назначению различаются жилые и хозяйственные постройки, хотя в большинстве конкретных случаев такое разделение весьма затруднительно.

Реже встречаются сооружения круглой формы (подтип: овал). Площадь большинства из них составляла 3—10 м², заглубленность обычно около 1 м, максимально, возможно, до 2,6 м (если раскопанная Л. В. Копейкиной «яма-жилище» являлась не хозяйственной ямой больших размеров, а землянкой). У большинства построек имелись, видимо, каменно-сырцовые или глиноплетневые стены. Крыши обычно конические, из соломы или камыша. У построек с ярко выраженным овальным пятном плана крыши, скорее всего, могли быть двускатными. Как и прямоугольные, круглые строения различаются способом устройства входа, наличием или отсутствием очага, глинобитного «столика» или возвышения, хозяйственных ям и углублений. Круглые постройки, видимо, являлись преимущественно хозяйственными. Хотя, как уже отмечалось, критерии для различения жилых и хозяйственных помещений не разработаны, некоторые соображения по этому поводу высказать можно. Малая площадь большинства строений данного типа в сочетании с круглой формой делает их весьма неудобными для размещения спальных мест. Мешает этому и центральный опорный столб, имевшийся в большинстве помещений, мешают и часто встречаемые разного рода углубления в полу. Однако утверждать, что все такие строения были хозяйственными, означало бы, несомненно, впадать в крайность.

НАЗЕМНЫЕ ПОСТРОЙКИ

Определенное представление о жилых домах Березани времени перехода к массовому наземному сырцово-каменному домостроительству дает раскрытый в 1960—1962 гг. дом I на Основном раскопе⁴⁷. Постройка находилась в северо-западной части раскопа у берегового об-

рыва. Примерно ее четвертая часть обрушилась в море. В доме раскрыто три помещения. Все помещения имеют полуподвальный характер.

Помещение 1 занимает северо-западную часть дома. Заглублено на 0,8—0,9 м. От северной и восточной стен, почти полностью разрушенных береговой осыпью, сохранились лишь угловые камни, позволяющие восстановить размеры помещения (3,65 × 2,4 м). Высота западной и южной стен до 0,7 м. Кладка постелистая. Помещение 4 занимает юго-восточную часть дома. Реконструируемая длина помещения составляла минимально 3,45 м, максимально — 5 м, ширина 2,6 м. Три стены помещения, кроме северной, сохранились на высоту до 1,2 м. Кладка стен постелистая из крупных плит, удовлетворительно отесанных и подогнанных. В северной части помещения зафиксирована лестница, от которой сохранились 5 ступеней, общей высотой 0,77 м. Нижняя ступень лестницы сложена из мелких камней, остальные — из плит крупных размеров. Под лестницей выявлена яма конца VI — начала V вв. до н. э., предшествовавшая строительству дома. В юго-восточном углу помещения была сооружена большая печь. Сохранившаяся длина ее (север—юг) — 0,85 м, ширина 1,25 м, высота 0,6 м, высота топчного отделения 0,3 м. Западная внешняя стенка печи толщиной до 0,1 м частично возведена из тонких известняковых плит, поставленных на ребро, частично глинобитная. В центре печи глинобитный столб диаметром до 0,2 м, поддерживавший ее плоский свод. Остатки глинобитного пода печи прослеживались на расстоянии 1,65 м к северу от стены 18, что дает возможность реконструировать размеры всего сооружения. По мнению В. В. Лапина, некоторые признаки позволяют считать, что западная половина печи кроме топчного отделения имела еще одно, верхнее, отделение, и что размеры и конструкция печи заставляют предполагать ее производственное назначение. В юго-западном углу помещения располагалась еще одна плохо сохранившаяся печь, размерами около 0,7 × 1 м и высотой 0,6 м. В помещении прослежено 5 последовательных наслоений глинобитного пола.

Юго-западное помещение № 6 имело сильно вытянутые пропорции и трапециевидное пятно плана. Длина его 5 м, наибольшая ширина 3 м. Каменные стены помещения сохранились на высоту 0,5 м; с сырцовой кладкой — на высоту около 1 м. В помещении прослежено несколько уровней пола, следов очага не замечено.

В реконструируемом виде дом имел четырехугольное пятно плана со сторонами 7 (северная), 9,5 (западная), 8 (южная и восточная) метров и площадью около 68 м².

В соответствии с реконструкцией, выполненной С. Д. Крыжицким при участии В. В. Лапина, постройка имела внутренний двор, вокруг ко-

торого П-образно располагалось 5 помещений, одно из которых служило протироном⁴⁸.

Яркая картина смены однокамерных землянок и полуземлянок многокамерными наземными сырцово-каменными домами прослежена на Северо-Западном участке⁴⁹. По данным Л.В. Копейкиной, в середине — начале третьей четверти VI в. до н. э. почти все грунтовые постройки на данном участке были засыпаны. Наиболее значительные полуземлянки, углубления и ямы были перекрыты довольно толстым слоем трамбовки из скальной крошки, глины и ракушечника. Сооружения второй половины VI — начала V вв. до н. э. имеют, как правило, четкую ориентировку: С—Ю, З—В. Возникают прямые широкие улицы, переулки. Одну из таких улиц, шириной 3,5 м, удалось проследить на расстоянии около 60 м. Она была покрыта вымосткой, которая состояла из нескольких слоев битых черепков и мелкого камня. Вдоль обочины улицы около стены прилегающего к ней дома проходил водосток, сложенный из хорошо отесанных и пригнанных плит. Данная улица, по мнению Л.В. Копейкиной, была одной из основных магистралей архаического поселения. Она пересекала его территорию с севера на юг, в непосредственной близости от западной границы жилой застройки. К западу от улицы открыты остатки только четырех архаических построек, а в северо-восточном направлении количество их возрастает, дома, как правило, имели прямоугольную форму и состояли из двух помещений. Иногда в блок здания входит и внутренний мощный дворик. Площадь отдельных зданий колеблется от 45 до 75 м². От домов сохранились только каменные кладки, служившие основанием для стен, выложенных из сырцового кирпича. В очень редких случаях были зафиксированы остатки глинобитных полов и печей.

Один из строительных комплексов, раскрытый в 1973—1974 гг., в описании Л.В. Копейкиной выглядел следующим образом⁵⁰. Он состоял из анфилады крытых помещений, вытянутых с севера на юг, которые с западной стороны объединяет единая стена длиной более 20 м. На его территории располагались, видимо, еще какие-то наземные постройки, от которых сохранились только обрывочные кладки. Здесь же было открыто несколько хозяйственных ям и колодец. С севера весь комплекс замыкает мощная орфостатная кладка, ориентированная с востока на запад, длиной около 15,5 м и шириной 1 м. С севера к ней примыкает еще один строительный комплекс общей площадью 180 м². Многочисленные остатки кладок, расположенных на разных уровнях, свидетельствуют о том, что здесь производились различные перестройки. В конечном варианте комплекс состоял из трех прямоугольных в плане помещений и внутреннего дворика, мощенного

мелким камнем. С трех сторон он был обнесен оградой, от которой сохранились кладки, служившие основанием для сырцовых стен, центральное место занимает здесь полуподвальное помещение, заглубленное в культурный слой на 0,6 м, размерами 4,2 × 3,6 м. Южная и восточная стенки облицованы двухрядной каменной кладкой, лицевой ряд которой выложен из крупных тщательно обработанных прямоугольных плит.

Западная и северные стены выложены из сырцовых кирпичей, размерами 0,3 × 0,1 м. Внутри помещения прослежены остатки глинобитного пола. Рядом с этим помещением открыто еще одно полуподвальное помещение того же времени, от которого сохранились восточная и северная стены. Восточная стена была облицована каменной кладкой из хорошо отесанных прямоугольных плит. Северная же стена сложена из сырцовых кирпичей на каменном цоколе.

Следует отметить, что принадлежащие Л.В. Копейкиной описания недостаточно четки и убедительны, чтобы ясно представить планировочные схемы раскопанных ею построек. Достаточно уверенно можно лишь утверждать, что дома состояли из двух и более помещений, включали в себя внутренние мощеные дворики, распространены были полуподвалы. Настоятельно необходимо проведение большой работы по планировочной и объемной реконструкции строительных объектов Северо-Западного участка, без которой наши знания о многокамерных наземных постройках Березани останутся несистематизированными и недостаточно четкими.

Вызывает определенные сомнения и мнение Л.В. Копейкиной о переходе к массовому наземному строительству на Северо-Западном участке в середине — начале третьей четверти VI в. до н. э. С одной стороны, утверждается, что грунтовые сооружения — полуземлянки, углубления, ямы — были на участке засыпаны в это время; с другой, сообщается, что землянки продолжают существовать во второй половине VI в. вплоть до V в. до н. э.⁵¹ Вероятно, исследователь несколько удревнил датировки наземных комплексов, и следует отнести время перехода от земляночного к наземному строительству на Северо-Западном участке ко времени не ранее последней четверти VI в. до н. э. В определенной мере этот вывод можно подкрепить тем, что в ряде случаев в заполнении открытых на участке полуземлянок преобладали материалы второй половины VI в. до н. э.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ

Создание типологии березанских хозяйственных ям в значительной степени затруднено тем, что во многих случаях установить форму ямы по сохранившейся документации затруднительно. К тому же исследователи ямы одной и той же формы часто именовали по-разному.

По В.В. Лапину, на Березани существовали ямы двух основных типов: банкообразные и плоские⁵². С нашей точки зрения, можно попытаться выработать более дробную типологию.

Значительную часть открытых на Березани ям можно назвать *грушевидными* (Э.Р. фон Штерн именовал их воронкообразными). Характерной особенностью является четко выделяемая узкая горловина, диаметром около 1 м и глубиной 0,4–0,6 м. Ниже стенки ям расширяются, диаметр достигает 1,5–2,5 м, а общая глубина — от 1,5 до 3,5 м. Одна из открытых Э.Р. фон Штерном ям была глубиной 4,26 м.⁵³ Дно обычно плоское или с небольшим понижением к центру. Стенки часто обмазывались глиной или обжигались. Характерной для Березани особенностью является то, что ямы часто вырубались в скале — в слое мергеля, залегающим под слоем лесса.

В качестве примера такого сооружения, относящегося еще к концу VII или началу VI вв. до н. э., опишем яму № 1, открытую на раскопе IV⁵⁴.

Диаметр горловины к моменту раскопок составлял 1,9 м, диаметр дна — 2,65 м. Глубина от древней дневной поверхности 2,35 м. Горловина ямы вырезана в полевке и тонком слое материкового лесса. Основная часть — в слое мергеля, залегавшем ниже. Стенки ямы прекрасно заглажены и промазаны тонким слоем очень твердой серой глины. Дно ровное, с небольшим уклоном в юго-западной части. По справедливому мнению исследователя, яма, видимо, предназначалась для хранения зерна.

Многие ямы той же формы имели несколько меньшие размеры. Например, открытая на Основном раскопе яма № 92 имела горловину, диаметром 1,05 м и высотой 0,6 м. Глубина ямы 1,50 м, диаметр в наиболее широкой части 1,50 м⁵⁵.

Яма № 143 на Основном раскопе имела глубину всего 0,7 м⁵⁶. Размеры горловины, в плане овальной, 0,65 × 0,5 м. Максимальный диаметр ямы 0,95 м. Стенки резко переходят ко дну. Небольшие размеры устья свидетельствуют, что сохранность ямы хорошая. Даже если верхняя часть горловины не сохранилась, первоначальная глубина ямы не могла превышать 1–1,10 м.

Определенный интерес представляет также яма № 95⁵⁷. Диаметр устья составлял 1,05 м. Высота горловины 0,6–0,7 м. Диаметр в наиболее широкой части, у дна, 1,6 м. Глубина в материке 1,6 м. Стенки ямы, подходя ко дну, слегка закруглялись. Нижняя часть ямы вырезана в слое мергеля. Дно ровное, покрытое тонким и плотным зольным слоем. Стенки ямы хорошо обожжены, особенно в нижней части, где приобрели качество печины. На дне обнаружена большая полигональная плита размерами 0,63 × 0,46 м. Возможно, она была связана с устройством входного отверстия. Предназначалась яма, скорее всего, для хранения зерна.

Многие ямы имеют в разрезе форму усеченного конуса. Основное их отличие от грушевидных заключается в отсутствии горловины (хотя нельзя исключать возможность того, что их просто не удалось проследить), а также в том, что стенки ям в разрезе не криволинейно выгнуты, а по прямой линии соединяют входное отверстие с дном. В качестве примера укажем на яму № 193 на Основном раскопе⁵⁸. Ее глубина достигала 1,8 м. Диаметр устья составлял 1,0 м, диаметр дна — 1,5 м. Наличие горловины не установлено. Стенки ям по прямой линии соединяли устье с дном.

Вероятно, *усеченно-конусовидные* ямы, так же как и грушевидные предназначались преимущественно для хранения зерна. Следует отметить, однако, что у известных нам экземпляров размеры в среднем несколько меньше, чем у грушевидных.

Имеются основания полагать, что существовали и ямы *цилиндрической формы*. Выделение этого типа сопряжено с определенными техническими трудностями. Во-первых, не вызывает сомнений, что иногда у грушевидных и усеченно-конусовидных ям горловины и верхние части стенок обрушивались, и яма приобретала цилиндрическую форму. Это происходило, скорее всего, в тех случаях, когда подобная яма некоторое время оставалась открытой и подвергалась воздействию атмосферных осадков. Во-вторых, иногда, по тем или иным причинам, не удается проследить верхние части ям, а нижние по форме оказываются близки к цилиндру.

Среди ям данного типа можно выделить два подтипа — *плоские* и *глубокие*. Факт их существования особых сомнений вызывать не может, поскольку известны экземпляры, которые не могут являться остатками ям другой формы — например, грушевидной. Плоские ямы, как известно, были выделены еще Э.Р. фон Штерном, который открыл их весьма много.

К плоским ямам можно отнести яму № 2 на раскопе III⁵⁹. Ее верхний и нижний диаметры равнялись 1,66 м. Глубина в материке 0,86 м. Вертикальные стенки под прямым углом пересекались с дном. Стенки облицованы. На дне лежал слой пережженного угля, толщиной 0,35 м. Вполне возможно, что яма имела какое-то производственное назначение.

К плоским ямам можно причислить ряд ям, в плане овальной формы — например, № 107–110, открытые на Основном раскопе⁶⁰. В материк они были углублены до 0,30 м. По мнению В.В. Лапина, реконструируемая глубина не могла превышать 1–1,2 м. В плане размеры ям составляли 1,3 × 1,05 м; 1,55 × 1,1 м; 1,7 × 1,2 м.

Среди глубоких ям следует отметить ямы № 191 и 192, прорезавшие одна другую⁶¹. Глубина ямы № 191 достигает 1,8 м, диаметр 1,9 м.

Яма № 192 имела глубину 2,3 м, диаметр 1,5 м. Стенки их вертикальны. Судя по соотношениям глубин и диаметров, эти ямы — особенно № 192 — вряд ли могли быть грушевидными или усеченно-конусовидными с обвалившейся верхней частью. Следует указать, что в заполнении ям обнаружены человеческие скелеты. Скорее всего, первоначально ямы имели какое-то хозяйственное назначение и лишь впоследствии были использованы для захоронений.

Среди открытых на Березани ям имеются также *воронковидные* в разрезе. В качестве примера можно привести яму № 100 на Основном раскопе⁶². Ее глубина от уровня полевки достигает 1,2 м. Диаметр верхней части 2,1 м, диаметр дна — 1,7 м. По утверждению В.В. Лапина, реконструировать или просто предполагать наличие у ямы горловины нет оснований. В этом случае яма сразу сооружалась с превышением диаметра устья над диаметром дна и наклонными ко дну стенками.

Несомненно, что хозяйственные ямы использовались в древности для различных целей. Установить их конкретно далеко не всегда возможно. Вообще, вопрос о назначении ям в научной литературе мало разработан. Однако можно достаточно уверенно полагать, что большинство ям грушевидной и усеченно-конусовидной или колоколовидной формы использовались для хранения зерна. За десятилетия раскопок на Березани они открыты в большом количестве. Относительно плотности их размещения определенный интерес представляют сведения В.В. Лапина, согласно которым на Основном раскопе в 1960—1971 гг. на площади около 2000 м² открыто 130 ям, что дает норму 15,5 м² на одну яму⁶³. Архаические ямы обычно располагались на территории, непосредственно прилегавшей к одновременным им жилым и хозяйственным постройкам. Иногда они устраивались и непосредственно внутри помещений, в полу. Вполне возможно предполагать, что на поселении существовали участки, занятые почти исключительно ямами — зернохранилища такого же рода, как открытое на поселении у Широкой балки близ Ольвии⁶⁴. В определенной мере об этом могут свидетельствовать раскопки Э.Р. фон Штерна на западном и северо-западном берегах острова⁶⁵. Однако существующая информация недостаточно ясна и полна, чтобы настаивать на нашем предположении.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

При изучении березанских материалов создается впечатление о сравнительно большом и разнообразном количестве производственных сооружений, функционировавших на поселении. Сведения о многих из них сохранились

отрывочные и не поддающиеся проверке. Так, в письме В.И. Гошкевича в Археологическую Комиссию от 22 августа 1912 г. упоминается об открытии во время военно-инженерных работ на острове ряда античных гончарных печей⁶⁶. Документально подтвердить или опровергнуть это сообщение возможности нет.

В ряде случаев четкая и убедительная интерпретация изучавшихся объектов своевременно проведена не была, и сейчас на основании сохранившейся документации их осмысление довольно затруднительно. Например, в 1908 г. Э.Р. фон Штерн на раскопе А раскопал круглое в плане сооружение, диаметром 2,04 м и окружностью около 6,6 м⁶⁷, выложенное из мелкого бутового камня на глине, высотой от дна 1,6 м. Сооружение интерпретировалось, возможно, как печка, поскольку внутри были видны следы огня или сильного обжигания. «Но, — здесь же писал Э.Р. фон Штерн, — нет внизу отверстия для топлива, нет дымохода. Возможно предположить, что это сооружение было башней...»⁶⁸. Окончательный выбор между двумя возможностями ученый так и не сделал. По В.В. Лапину, в данном случае речь идет о цистерне⁶⁹. Такая интерпретация противоречит указанию самого же В.В. Лапина на то, что цистерна должна иметь узкое и легко перекрываемое устье. Видимо, здесь сыграла немаловажную роль ошибка в определении диаметра — 1,02 м вместо 2,04 м. Кроме того, остается необъясненным указание Э.Р. фон Штерна на следы сильного обжига. Скорее всего, в 1908 г. была открыта постройка производственного назначения, конкретные функции которой мы сейчас определить не в состоянии.

Примерно так же обстоит дело с так называемым «крематорием», раскопанным Э.Р. фон Штерном в 1904 г.⁷⁰ Это была яма глубиной 3,55 м, диаметром устья 1,06 м и диаметром дна 2,44 м. На глубине 1,75 м имелся дымоход, прорубленный в скале по направлению к морю. Яма была заполнена золой и углями, найдены многочисленные кости рыб и животных, громадное количество обломков амфор, киликов, тарелок и других керамических изделий.

Если исходить из формы и размеров, данная яма могла в принципе являться зерновой. Однако, судя по наличию дымохода, сооружение предназначалось для каких-то иных целей. Э.Р. фон Штерн считал, что на дне устраивался костер для сжигания покойников и, следовательно, это был крематорий. Надо сказать, что в указанные годы исследователь вообще считал почти все раскопанные им ямы похоронными (через некоторое время он предпочел большинство из них интерпретировать как сорные). С нашей точки зрения, нет оснований считать данную конструкцию крематорием. Как известно, в архаическое время греки сжигали своих

умерших либо на открытых кострах, либо в мелких углублениях. В глубоких ямах трупосожжения не практиковались, поскольку труп в таких условиях лишь слегка обгорал. (Кроме того, в заполнении было найдено много костей животных и рыб, но ничего не сообщается о человеческих, на которые Э.Р. фон Штерн всегда обращал особое внимание). Наиболее вероятным, поэтому, представляется мнение В.М. Отрешко, согласно которому подобные конструкции (ямы с дымоходом) могли предназначаться для копчения рыбы и мяса ⁷¹.

В ряде случаев убедительной и ясной интерпретации исследуемых остатков препятствует как недостаточно хорошая их сохранность, так и неполнота современных представлений о характерных особенностях сооружений, предназначенных для той или иной цели. Так, в пределах дома II на Основном раскопе было открыто углубление, в плане треугольное с закругленными углами, имевшее гладкие обожженные стенки и пол. Сохранившаяся часть конструкций была обильно забита кусками печины, керамического шлака и угольками, сильно деформированными, необожженными, полубоженными или опшлякованными обломками глиняных изделий, среди которых можно было выделить ручки сосудов, днища амфор или конические грузила. Здесь же обнаружены в большом количестве мелкие кусочки бронзы, в подавляющей массе бесформенные, и некоторые керамические обломки, возможно, принадлежащие тиглям ⁷². В общем, характер сооружения сомнений не вызывает. Что касается конкретного назначения, то, по В.В. Лапину, с большой долей осторожности здесь можно усмотреть остатки гончарной печи, но не исключена и такая возможность, что печь была бронзоплавильной. Сделать выбор между этими интерпретациями мы не в состоянии.

Наиболее ясно и убедительно интерпретируются комплексы, связанные с железоделательным производством. Три из них раскопано на Основном раскопе, один (еще не опубликованный) во время работ экспедиции Гос. Эрмитажа (Я.В. Доманский) в 1983 г.

Комплекс I на Основном раскопе состоял из двух бассейнов ⁷³. Первый из них в значительной степени разрушен береговой осыпью и более поздними ямами. Размеры сохранившегося сегмента 2,55 × 1,1 м. Судя по нему, диаметр бассейна достигал 4 м. Дно было обмазано плотным глинистым составом и покрыто слоем спрессованного железного окисла толщиной до 0,5 м. Южнее, на расстоянии 1 м, расположен другой круглый бассейн диаметром 3,4 м, углубленный в материк на 1,1 м. Оба бассейна соединены между собой каналом шириной 0,2 м, имеющим уклон для стока в северный бассейн (перепад уровней — 0,08 м). Уровень дна в южном бассейне на 0,2 м

ниже, чем в северном. Таким образом, бассейны были устроены по принципу сообщающихся сосудов. Вероятно, они предназначались для первичной обработки железной руды.

Судя по керамическим находкам и стратиграфическим наблюдениям, комплекс относится к древнейшему периоду существования Березанского поселения, его функционирование прекратилось где-то в пределах первой половины VI в. до н. э.

Комплекс III состоял из большого круглого бассейна и примыкающей к нему с запада площадки ⁷⁴. Бассейн, диаметром 3,1—3,5 м, глубиной 1,2 м от уровня полевки, имел вертикальные стенки, слегка закругляющиеся ко дну. Сохранившаяся часть бассейна врезана, в основном в слой материкового лесса, у дна в мергель (приблизительно на 0,2 м). От площадки, примыкающей к бассейну, открыт лишь небольшой участок (большая часть ее разрушена или уходит под массив со стенами подвала). Площадка очень ровная и прочная, вероятно, обожженная, так как имела кристаллическую структуру и была покрыта плотным слоем железного окисла толщиной в несколько миллиметров. В северной части площадки — канальчик шириной до 0,15 м и глубиной около 0,08 м, ориентированный с запада на восток. В заполнении встречены угли, железные шлаки, куски железных криц. Судя по датирующему материалу, комплекс был разрушен несколько позже, чем вышеописанный.

Таким образом, материалы Березани дают представление о довольно разнообразной производственной деятельности населения, хотя конкретное назначение большинства открытых сооружений остается в значительной степени проблематичным.

КОЛОДЦЫ

За годы исследований на Березани открыто свыше десятка колодцев, которые были сосредоточены в северо-восточной части поселения. Причина такого их размещения, по мнению В.В. Лапина, объясняется тем, что в этой части острова водоносный слой, циркулировавший в слоях понтического известняка, оказывался наиболее доступным ⁷⁵. Глубина материковой шахты находилась в пределах 5 м, иногда гораздо глубже: на раскопе А в 1905 г. колодец был раскрыт Э.Р. фон Штерном до глубины 9,6 м, но полностью его исследовать так и не удалось. Э.Р. фон Штерн выделял два типа колодцев. К первому, наиболее многочисленному, отнесены сооружения с круглой в плане шахтой. Менее многочисленные колодцы второго типа (все-го два примера) имели шахту, в плане прямоугольную. Исследователь писал: «Очевидно, четырехугольные колодцы относятся ко второму

периоду заселения, в котором уже преобладало аттическое влияние»⁷⁶. В.В. Лапин, склоняясь в пользу гипотезы Э.Р. фон Штерна как весьма интересной в плане выявления основных архитектурных традиций на Березани, все же справедливо отметил, что материалов для широкого обобщения в настоящее время не хватает⁷⁷.

Архаические сооружения Березани являются одним из основных источников для изучения быта и хозяйственной деятельности, в более общем плане — материальной культуры и образа жизни древних обитателей поселения. На первом этапе существования Березани жилые и хозяйственные постройки представляли собой преимущественно небольшие по площади землянки и полуземлянки. Большинство из них относилось к типу прямоугольных в плане, что сближает Березань с Ольвией и отличается от рядовых сельских поселений Нижнего Побужья. Строительная база поселенцев выглядит весьма слабой, из чего можно сделать вывод о небольших хозяйственных возможностях и в целом о низком уровне экономического развития.

Жилища выглядят сравнительно бедно и однообразно, не позволяя проследить существенной социально-экономической дифференциации среди населения. Создается впечатление трудового по преимуществу образа жизни, скромного материального достатка основной массы переселенцев. Значительное число архаических зерновых ям можно рассматривать как существенное отличие Березани от Ольвии; разнообразие производственных сооружений, особенно железоделательные комплексы, выделяют Березань из массы архаических пунктов Нижнего Побужья (если не считать сезонное Ягорлыцкое поселение ремесленников). Видимо, хозяйственная деятельность березанцев была гораздо более разнообразной, чем у остальных греческих переселенцев в данном регионе: различные отрасли сельского хозяйства сочетались со многими видами ремесел и промыслов. Насколько это было связано с обособлением, выделением из массы населения профессионалов-ремесленников как социальной прослойки, мы не знаем.

На втором этапе, в результате довольно медленного и постепенного развития хозяйства, значительно возросшие возможности березанской экономики проявились прежде всего в массовом переходе от землянок и полуземлянок к наземному сырцово-каменному домостроительству. Следует обратить внимание на тот факт, что район Северо-Западного участка с широкой длинной улицей, отличными примерами каменных кладок и мощеных дворики, выглядит в целом более монументально и зажиточно, чем район Основного раскопа. Вероятно, к этому

времени социально-экономическая дифференциация населения начала проявляться в материальной культуре несколько ярче и резче, чем на предыдущем этапе. В целом же, состояние источников, относящихся к концу архаического периода, недостаточно удовлетворительное и широкие обобщения относительно березанских сооружений этого времени могут носить лишь предварительный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). — К., 1982. — С. 12, прим. 2, 3.
- ² Крыжицкий С.Д. Жилые дома... — С. 13.
- ³ Лапин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северо-причерноморской цивилизации. — К., 1978. / НА ИА ИАНУ. — Ф. 24. — № 58. — С. 105.
- ⁴ Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке) // СА. — 1981. — № 1. — С. 193.
- ⁵ Крыжицкий С.Д. Жилые дома... — С. 12.
- ⁶ Лапин В.В. Березань... — С. 113—114.
- ⁷ Лапин В.В. Березань... — С. 114—115.
- ⁸ Копейкина Л.В. Отчет о раскопках 1972 г. — С. 10—11.
- ⁹ Лапин В.В. Отчет о раскопках в 1966—1967 гг. ... — С. 18—20.
- ¹⁰ Лапин В.В. Березань... — С. 116—117.
- ¹¹ Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. — 1951. — № 10. — С. 114—124.
- ¹² Шарафутдинова Э.С. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобьяковской культуры) // СА. — 1973. — № 2. — С. 3—26.
- ¹³ Брашинский И.Б., Марченко К.К. Типы жилищ Елизаветовского поселения // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. — Л., 1974. — С. 40—42.
- ¹⁴ Лапин В.В. Березань... — С. 118.
- ¹⁵ Крижицкий С.Д., Русяева А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. — 1978. — Вип. 28. — С. 5—6.
- ¹⁶ Лапин В.В. Березань... — С. 129—130.
- ¹⁷ Крыжицкий С.Д. Жилые дома... — С. 12, прим. 4, 5.
- ¹⁸ Лапин В.В. Отчет за 1971 г.; Лапин В.В. Отчет за 1972 г.
- ¹⁹ Горбунова К.С. Отчет за 1965 г. — С. 4.
- ²⁰ Копейкина Л.В. Отчет за 1973 г. — С. 20—22.
- ²¹ Копейкина Л.В. Отчет за 1973 г. — С. 30.
- ²² Копейкина Л.В. Отчет за 1976 г. — С. 15.
- ²³ Лапин В.В. Березань... — С. 106—107.
- ²⁴ Лапин В.В. Березань... — С. 106—109.
- ²⁵ Лапин В.В. Березань... — С. 106—107.
- ²⁶ Лапин В.В. Березань... — С. 107—108.
- ²⁷ Лапин В.В. Березань... — С. 108.
- ²⁸ Лапин В.В. Березань... — С. 108.
- ²⁹ Лапин В.В. Березань... — С. 108.
- ³⁰ Копейкина Л.В. Отчет за 1973 г. — С. 20—22; Копейкина Л.В. Отчет за 1976 г. — С. 13.
- ³¹ Горбунова К.С. Отчет за 1965 г. — С. 4.
- ³² Лапин В.В. Березань... — С. 109.
- ³³ Там же. — С. 109.
- ³⁴ Артамонова О.А. Древнейшее поселение на острове Березань // КСИИМК. — 1940. — Вып. 5. — С. 49—54.
- ³⁵ Болтенко М.Ф. Розкопки на острові Березані в 1946 р. // АП. — К., 1949. — Т. II. — С. 31—38.
- ³⁶ Капошина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. — 1956. — № 50. — С. 234.
- ³⁷ Блаватский В.Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. — 1955. — Т. 24. —

С. 30; *Лапин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — С. 156—158.

³⁸ *Копейкина Л.В.* Особенности развития поселения... — С. 194—195.

³⁹ *Там же.* — С. 195.

⁴⁰ *Там же.* — С. 194.

⁴¹ *Русяева А.С.* Разведки и раскопки поселений близ Ольвии // АИУ за 1968 г. — К., 1971. — Вып. III. — С. 182.

⁴² *Лапин В.В.* Березань... — С. 122.

⁴³ *Лапин В.В.* Березань... — С. 122—123.

⁴⁴ *Лапин В.В.* Березань... — С. 114.

⁴⁵ *Лапин В.В.* Березань... — С. 124 и сл.

⁴⁶ *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома... — С. 20.

⁴⁷ *Лапин В.В.* Березань... — С. 133—140.

⁴⁸ *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома... — С. 16, рис. 4, 1, 4.

⁴⁹ *Копейкина Л.В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // СА. — 1975. — № 2. — С. 194 и сл.; *Копейкина Л.В.* Особенности развития поселения... — С. 197.

⁵⁰ *Копейкина Л.В.* Особенности развития... — С. 198.

⁵¹ *Копейкина Л.В.* Особенности развития... — С. 201; см. также: *Копейкина Л.В.* Отчет за 1973 г. — С. 20—22; *Копейкина Л.В.* Отчет за 1976 г. — С. 13; *Горбунова К.С.* Отчет за 1965 г. — С. 4.

⁵² *Лапин В.В.* Березань... — С. 199.

⁵³ *Фон Штерн Э.Р.* Раскопки на острове Березани // ОАК за 1906 г. — С. 58.

⁵⁴ *Лапин В.В.* Отчет за 1960 г. — С. 18.

⁵⁵ *Лапин В.В.* Отчет за 1969 г. — С. 18.

⁵⁶ *Лапин В.В.* Отчет за 1972 г. — С. 16.

⁵⁷ *Лапин В.В.* Отчет за 1960 г. — С. 20.

⁵⁸ *Лапин В.В.* Отчет за 1976 г. — С. 116.

⁵⁹ *Лапин В.В.* Отчет за 1960 г. — С. 4.

⁶⁰ *Лапин В.В.* Отчет за 1970 г. — С. 4.

⁶¹ [Данную ссылку восстановить не удалось].

⁶² *Лапин В.В.* Отчет за 1969 г. — С. 24.

⁶³ *Лапин В.В.* Березань... — С. 198.

⁶⁴ *Рабичкин Б.М.* Поселение у Широкой Балки... — С. 144 и сл.

⁶⁵ ОАК за 1908 г. — С. 91—93; ОАК за 1904 г. — С. 43.

⁶⁶ *Лапин В.В.* Березань... — С. 195.

⁶⁷ *Э.Р. фон Штерн* указал радиус строения — 1,02 м и, оговорившись, назвал его диаметром. Но при диаметре 1,02 м окружность не могла быть равной 6,6 м. Позднее В.В. Лапин этой ошибки не заметил, что повлияло на его интерпретацию сооружения как цистерны.

⁶⁸ *Лапин В.В.* Березань... — С. 206—207.

⁶⁹ *Лапин В.В.* Березань... — С. 206—207.

⁷⁰ ОАК за 1904 г. — С. 43.

⁷¹ *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома... — С. 20, прим. 44.

⁷² *Лапин В.В.* Березань... — С. 195—196.

⁷³ *Лапин В.В.* Березань... — С. 212—214.

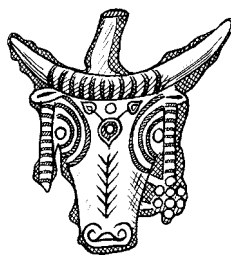
⁷⁴ *Лапин В.В.* Березань... — С. 215.

⁷⁵ *Лапин В.В.* Березань... — С. 210.

⁷⁶ ОАК за 1908 г. — С. 88.

⁷⁷ *Лапин В.В.* Березань... — С. 211.

1982—1983 гг.

ПРОБЛЕМА КАЛЛИПИДОВ

Как известно, вплоть до настоящего времени среди исследователей нет единства в решении вопроса — связаны или нет поселения Нижнего Побужья с упоминаемым Геродотом этносом каллипидов. Авторы многочисленных работ, преимущественно общего характера, следуют традиционной точке зрения и приписывают данные памятники каллипидам — одному из скифских племен (Ильинская, Тереножкин, 1986, С. 88; Граков, 1971, С. 61; Артамонов, 1974, С. 115; Ельницкий, 1977, С. 136 и сл.). Ряд археологов, работающих в Нижнем Побужье, все настойчивее утверждает, что указанные поселения принадлежали грекам, а каллипиды являлись ближайшим к ольвийской округе полукочевым племенем (Лапин, 1966, С. 148, сл.; Русева, Скржинская, 1979; Отрешко, 1981). Существует также мнение, что каллипиды представляли собой не самостоятельное племя, а варварскую прослойку в основанных эллинами населенных пунктах (Марченко, 1980; 1982; 1983). Поскольку первая точка зрения сложилась главным образом на основе интерпретации сообщения Геродота, а вторая и третья опираются больше на археологический материал, полученный при планомерном изучении Нижнего Побужья в последние десятилетия, представляется целесообразным проанализировать вновь письменный источник и сопоставить результаты этого анализа с данными археологии.

Основным литературным источником о ближайших соседях Ольвии в раннее время было и остается сообщение Геродота. По свидетельству Страбона [XII, 3, 21], о каллипидах и алазонах писали также Гелланик и Евдокс, однако их сведения до нас не дошли. Помпоний Мела [De Chorogr., II, I, 7] упоминает лишь о том, что западная граница каллипидов проходила по р. Асиак (совр. Тилигул).

Информация Геродота (IV, 17; 52; 81) сводится, как известно, к следующему. По берегам Гипаниса обитают скифские племена. Первыми от эмпория борисфенитов — каллипиды, являющиеся эллинами-скифами; выше их (т. е. севернее) — алазоны, еще выше — скифы-пахари. В земле алазонов Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу, затем промежуток меж-

ду ними расширяется, и обе реки поворачивают в разные стороны. Между Борисфеном и Гипанисом, на границе страны алазонов и скифов-пахарей, находится горький источник Эксампей, который портит воду Гипаниса. Алазоны, как и каллипиды, ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. В отличие от них, скифы-пахари сеют хлеб не для собственного пропитания, а на продажу.

Историкам понадобилось, во-первых, очертить примерные границы владений каллипидов и алазонов и для этого локализовать эмпорий борисфенитов и Эксампей; во-вторых, определить образ жизни и уровень развития хозяйства обоих скифских племен и, наконец, объяснить термин «эллыны-скифы».

На все эти вопросы исследователи дали ответ еще в прошлом веке. Эмпорий борисфенитов — это Ольвия, Эксампей — один из притоков Буга, р. Мертвовод или р. Синюха. Правда, В.В. Латышев считал, что, строго придерживаясь Геродотова текста, горький источник надо искать несколько выше этих рек, но тут же признавал, что в конечном итоге это не имеет принципиального значения. «Как бы то ни было, — писал он, — область каллипидов и алазонов должна была приходиться главным образом на нынешнюю Херсонскую губернию, а скифов-пахарей — на губернии Подольскую, Киевскую и северо-восточную часть Херсонской, еще и теперь отличающиеся своим плодородием» (Латышев, 1887, С. 20).

В наше время интересное исследование о местоположении Эксампея провел К.К. Шилик (Шилик, 1975, С. 81; 1976). Он отождествил Эксампей с Гнилым Еланцем, который впадает в Буг у Новой Одессы, в 135 км от моря, у вершины современного лимана. Граница между алазонами и скифами-пахарями проходила, по его мнению, по верховьям Гнилого Еланца, Мертвовода и далее на запад через Синюху и большую излучину Буга. Однако более убедительной представляется нам локализация Б.А. Рыбакова (Рыбаков, 1979, С. 36—37), отождествляющего Эксампей с притоком Синюхи — речкой Черный Ташлык, которая и являлась границей скифов-пахарей и алазонов.

Что касается эмпория борисфенитов, то некоторые современные учение склонны отождествлять его не с Ольвией, а с греческим поселением на о. Березань. Однако это не слишком кардинально меняет дело, поэтому независимо от того, Березань или Ольвию имел Геродот в виду, можно и сегодня с полным правом сказать, пользуясь словами В.В. Латышева, что «как бы там ни было», а каллипиды и алазоны занимали обширную территорию в Днепро-Бугском и Буго-Днестровском междуречьях к югу от большой излучины Южного Буга.

Для нас в данном случае главным является то, что занятая этими племенами территория, при всех расхождениях в локализации Эксампея и эмпория борисфенитов, разительно не соответствует границам распространения архаических поселений Нижнего Побужья, которые к северу от современного Николаева не распространяются.

Что касается образа жизни каллипидов и алазонов, очень важно установить, кем они были — оседлыми или кочевыми племенами? Это ключевой вопрос, и от правильности его решения зависит вся концепция.

Как известно, описание каллипидов и алазонов у Геродота [IV, 17] состоит как бы из двух частей: в первой части говорится, что оба племена вели одинаковый с остальными скифами образ жизни (τά μὲν ἄλλα κατὰ ταῦτα Σκύθησι ἑπασκέουσι), во второй — что они при этом занимались земледелием. Поскольку скифы, по Геродоту (IV, 2; 46), являлись кочевниками, промыслили скотоводством, а жилища свои устраивали на повозках, то и каллипидов с алазонами следовало бы признать такими же кочевниками. Вторая часть описания дает повод считать их земледельцами. Традиционная точка зрения исходит из второй части сообщения, на основе которой сделан вывод, что каллипиды и алазоны являлись оседлыми земледельческими племенами. Этому способствовал и термин «элины-скифы», свидетельствовавший, по общему мнению, об эллинизации каллипидов. Такой вывод представлялся ученым столь доказательным («сеяли хлеб...»), столь бесспорным, что некоторые ученые склонны были даже укорять «отца истории» в непоследовательности. Так, М.И. Артамонов, например, писал: «... приведенное указание на быт алазонов, будто бы одинаковый со скифским, выглядит довольно странно. Образ жизни алазонов не мог быть таким же, как у кочевых скифов, уже по одному тому, что они занимались земледелием» (Артамонов, 1949, С. 151).

С нашей точки зрения, традиционное представление об оседлом земледельческом образе жизни каллипидов и алазонов представляется неубедительным по следующим соображениям. Во-первых, упоминание о земледелии само

по себе не является достаточным доказательством оседлости. Земледелие может служить дополнительным источником существования и у кочевых скотоводов (Руденко, 1961, С. 2—15) и у охотников или рыболовов (Аверкиева, 1974, С. 74, 83, 92). Во-вторых, представляется неудачной сама технология интерпретации текста Геродота. Сначала, на основании второй части его сообщения, делается вполне определенный и окончательный вывод об оседлом земледельческом образе жизни данных племен (хотя Геродот говорит лишь о том, что они занимались земледелием). Затем, с разной степенью убедительности, предпринимаются попытки согласовать полученный результат с первой частью того же текста Геродота, где утверждается, что каллипиды и алазоны жили одинаково с остальными скифами.

На наш взгляд, чтобы понять сообщение Геродота, необходимо заменить утверждение, что каллипиды и алазоны живут одинаково с остальными скифами, на его же, Геродота, описание, как эти остальные скифы живут. Тогда мы получим следующее: каллипиды и алазоны, как и остальные скифы, не оседлые земледельцы, а кочевники, являются конными лучниками, средства к жизни добывают скотоводством, но в то же время сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. В общем, это достаточно четкое описание кочевников, в хозяйстве которых вспомогательную роль играло земледелие. Видимо, именно так понимали сообщение Геродота его античные читатели. По крайней мере, Страбон [XII, 3, 22] и, судя по его высказыванию, Деметрий Скепсийский считали алазонов кочевниками. Впрочем, в их распоряжении были и другие источники, нам недоступные. В любом случае, однако, это подтверждает высказанную выше гипотезу.

Следует обратить внимание на следующее. Каллипидов нельзя рассматривать изолированно от алазонов, тем более что граница между ними не указывается. По Геродоту, оба этих степных этноса вели один и тот же образ жизни, включая занятия земледелием. Описаны они Геродотом не по отдельности, а вместе, суммарно. Из этого, на наш взгляд, следует, что если алазонов признать полукочевниками, то полукочевниками следует признать и каллипидов. И наоборот: если каллипиды были оседлыми земледельцами, то таковыми же должны были быть и алазоны. В последнем случае земледельческими поселениями берега Гипаниса должны были быть покрыты от моря до Эксампея и дальше к истокам, поскольку севернее Эксампея обитали скифы-пахари.

Как известно, многолетние работы в степной зоне Причерноморья не привели к открытию поселений времени Геродота (Граков, 1951,

С. 134; Тереножкін, 1952, С. 117; Елагина, Погребова, 1959, С. 26,33; Погребова, Кондрацкий, 1960, С. 84; Іллінська, 1970, С. 28; Ильинская, Тереножкин, 1986, С. 60—90). Об алазонах, в частности М.С. Синицын еще три десятилетия назад писал, что они жили в той части Днестро-Бугского Причерноморья, где в VI—IV вв. до н. э. поселения отсутствовали (Синицын, 1959, С. 23). Б.Н. Граков в конечном итоге пришел к следующему выводу: «Земледелие, по-видимому, не мешало населению кочевать между севом и покосом, а молотба могла тянуться всю оседлую зиму. Недаром же эллины-скифы назывались еще каллипидами (т. е. «потомки прекрасноконных»), пахари сеяли хлеб не столько для себя, сколько для продажи грекам, а «алазоны» значит «бродяги». Погребения мужчин в огромном большинстве воинские, да еще и конные» (Граков, 1971, С. 39). И в другом месте: «Возможно, что и земледельческие племена степного Побужья и Поднепровья были полукочевыми. Их поселения практически почти неизвестны: чаще всего это ничтожный след на местах более древних поселений племен срубной культуры. Немного своей керамики и обломки греческих амфор — вот и все. Лишь по Бугскому лиману есть несколько поселений с каменными постройками у Широкой Балки, у Закисовой Балки, у Дидовой Хаты, у Варваровки около Николаева» (Граков, 1971, С. 61). В целом с данной характеристикой степных скифских «земледельческих» племен (если не приписывать им античные приольвийские поселения) трудно не согласиться.

Земледелие у каллипидов и алазонов имело, судя по Геродоту, натуральный характер. Предположение, что эти племена «сеяли хлеб, (не на продажу только, но и) для употребления в пищу», в то время как скифы-пахари «также сеяли хлеб, но не для собственного употребления, а только на продажу» (Латышев, 1887, С. 17, 20), выглядит неубедительно. Получается, что различие между племенами заключалось в том, что одни ели хлеб, а другие не ели. При этом существование хлебной торговли у каллипидов и алазонов домысливается. Исхода же из Геродота, можно лишь сказать, что их земледелие удовлетворяло — полностью или частично — собственные потребности, т. е. было натуральным. Производство же скифов-пахарей было товарным. Именно так и понимают информацию Геродота те современные исследователи, которые ищут скифов-пахарей в местах концентрации предметов греческого импорта, а не там, где отсутствуют находки зернотерок.

Язык, обычаи и религиозные представления этих племен были, судя по всему, такими же, как и у остальных скифов. Этническое единство всех скифов прослеживается на протяжении всего труда Геродота (Граков, Мелюкова, 1954, С. 39),

и никаких указаний, что каллипиды и алазоны говорили не на скифском языке или почитали каких-то иных, не скифских богов, не имеется. Интересно, что, по весьма квалифицированному мнению Д.С. Раевского (1977, С. 156—159), каллипиды и алазоны принадлежали, скорее всего, к варне жрецов, т. е. сосредотачивали в руках своих представителей отправление скифских культов — аналогично племени магов в Персии. Естественно, что к приольвийскому сельскому населению, духовная культура которого носила преимущественно греческий характер, подобные гипотезы приложены быть не могут.

Что касается определения «эллины-скифы», то сам Геродот не разъясняет его смысл и в последующем тексте не сообщает дополнительной информации к его пониманию. Это обстоятельство дает интерпретаторам полную свободу строить любые догадки и гипотезы. Наиболее распространенными в XIX в. были и остаются до сих пор две версии: ближайшие к Ольвии скифы ко времени появления в этих краях Геродота настолько смешались с греками, что образовалась новая этническая общность (А. Бек, Н. Надеждин, Э. Боннель, Ф.Г. Мищенко и др.); каллипиды были скифами, перенявшими эллинскую культуру (Г. Штейн, В.П. Юргевич, П.И. Люпер-сольский). В.В. Латышев совмещал оба объяснения, считая, что без родственных с греками связей целое племя скифов не могло поддаться влиянию эллинской образованности (Латышев, 1887, С. 17). Каллипиды, по его мнению, — это особое население побережья Гипаниса, возникшее в результате брачных связей эллинов со скифами и имевшее эллинскую культуру. Что же касается ольвиополитов, то «еще во времена Протогена (не говорю, уже о временах Иродота) они ясно сознавали свою противоположность варварам, считали себя (судя по ономастическим данным, вполне справедливо) истыми эллинами и резко отличали от себя посредством особого термина (*Μιξέλληνες*) народность, сложившуюся из смешения эллинов с варварами и жившую вне города» (Латышев, 1887, С. 172). Каким образом каллипидам удалось смешаться с греками, если ольвиополиты столь строго хранили свою этническую чистоту, осталось неясным. Правда, в противном случае было бы неясным, чем же ольвиополиты отличались от каллипидов.

Долгое время версия В.В. Латышева была самой распространенной, но впоследствии некоторые положения ее подверглись критике. Так, Б.Д. Блаватский считал, что «в эллино-скифах Геродота трудно видеть смешанное греко-скифское население, ибо тогда нужно допустить массовое переселение эллинов на обширную территорию Нижнего Буга в VI в. до н. э.» (Блаватский, 1954, С. 43, прим. 3). Этот же аргумент был использован и М.Ф. Болтенко, который

предложил собственное понимание Геродота. По его мнению, ионийцы с полным правом считали тех, кто живет оседло, сеет хлеб и овощи, не скальпирует врагов и не пьет их крови, полуэллинами, тем более что и этногонические легенды позволяли выводить их от эллинских героев (Болтенко, 1960, С. 53).

Наиболее детальный анализ данного термина принадлежит Н.В. Шафранской (1956, С. 37), которая пришла к следующим выводам. Во-первых, подобные двойные этникины действительно применялись для обозначения племенных групп, образовавшихся в результате смешения различных этнических элементов. К примеру, Диодор [V, 32] писал, что галаты из-за своего смешения с эллинами были названы эллиногалатами (*Ἑλληνογαλάται*). Однако подобные термины появляются лишь в эллинистическое время, из чего следует, что эллины-скифы Геродота, очевидно, племенного смешения не означали. Во-вторых, существуют аналогичные термины, носящие топонимический характер, когда двойной этникон, двойное название определяет не сложность этнического происхождения, а место поселения. Например, Аристарх Милетский [FGH, II, 98, 5] называл греческих и карийских солдат, поселенных Псамметихом I в Мемфисе, *Ἑλληνομεμφίται* и *Καρικομεμφίται*. В географическом смысле эллино-скифы Геродота могли обозначать либо скифов, живших на Ольвийской территории, либо эллинов, поселившихся на скифской земле. Последнее, по мнению Н.В. Шафранской, противоречит как словам Геродота, так и данным археологии, согласно которым поселения Бутского лимана имели скифский облик. Почему каллипиды не могли быть скифами, жившими на греческой территории, Н.В. Шафранская не объяснила. В итоге она пришла к выводу, что данный термин означает, очевидно, лишь особенно активное влияние греческой культуры на скифов-каллипидов (1956, С. 48).

Здесь будет уместным привести результаты анализа аналогичного термина «тавро-скифы», принадлежащего Э.И. Соломоник (1962, С. 155). По ее данным, в античной традиции наблюдается путаница в понимании этого термина. Одни авторы понимают под ним тавров в целом, поскольку те обитали в пределах Скифии; другие — тавров, смешавшихся со скифами; третьи — скифов, живших на Таврическом полуострове.

У Геродота, насколько мы можем судить, подобные определения носят по преимуществу уточняющий характер — в географическом, а возможно и в политическом смысле (четкую грань провести трудно). Например: *Μινύαι Ὀρχομένιοι* — орхоменские минийцы [I, 146], *Ἀρκάδες Ὀρχομένιοι* — орхоменские архады [IX, 28], *Ἀρκάδες Πελασγοί* — аркадские пеласты [I, 146].

Что же касается предположения, что Геродот хотел своими словами подчеркнуть эллинизацию каллипидов, восприятие ими какого-то ряда черт греческой культуры, то оно представляется нам маловероятным: описывая, к примеру, ливийские племена, он не называет адирмахидов египтяно-ливийцами или асбистов кирено-ливийцами, а просто указывает, что у первых обычаи большей частью египетские, а вторые в своих обычаях подражают киренцам [IV, 168; 170]. Поэтому мы считаем, что каллипиды были названы «эллинами-скифами» благодаря территориальному соседству или, не исключено, в силу каких-то политических связей с ольвиополитами.

Заслуживает отдельного рассмотрения точка зрения К.К. Марченко. Он пишет, что представление о каллипидах как о сильно эллинизированном земледельческом скифском племени следует признать неудовлетворительным «из-за отсутствия реальных археологических свидетельств, подтверждающих факт существования в районе Нижнего Побужья такого племени. В самом деле, как бы мы ни старались сейчас интерпретировать материалы архаических и классических поселений этого района, какое бы соотношение эллинских и варварских элементов в их культуре ни усматривали, нельзя не видеть между ними и Ольвией прямой причинно-следственной связи, ощущаемой буквально во всем: от сходства целого ряда элементов материальной культуры до взаимообусловленности их исторических судеб. Иными словами, можно думать, что буквально любое из ныне известных постоянных поселений позднеархаического времени появилось и функционировало здесь только в связи с появлением и функционированием в этом районе Березани и Ольвийского полиса» (Марченко, 1983, С. 76). С этим нельзя не согласиться. Сомнения у нас вызывает, однако, предложение исследователя понимать под каллипидами варварскую прослойку населения Нижнего Побужья, политически и экономически зависимую от эллинов (Марченко, 1982; 1983). Предполагается, также, что к середине V в. до н. э., в период запустения ольвийской округи, каллипиды сконцентрировались в предместье города.

Прежде всего, отметим, что площадь предместья составляла 10–15 га (Козуб, 1979, С. 7). Площадь застройки, судя по имеющимся у нас неполным данным (Козуб, 1967, С. 126–127; 1968, С. 135–137), была не выше, чем на сельских памятниках. Если планировочная структура предместья была аналогичной крупным периферийным поселениям, то здесь могло разместиться, например, около 1/3 обитателей Чертоватого-7. При плотности застройки, соответствовавшей средним населенным пунктам, предграды могло вместить жителей 5–8 таких

поселений как Большая Черноморка-2. Иными словами, если предположение К.К. Марченко справедливо, каллипиды составляли незначительную часть сельского населения Нижнего Побужья (примерно от 20 до 100 семей), непонятно почему привлекающую внимание Геродота и других авторов. Вопреки К.К. Марченко (1983, С. 77), трудно понимать «этнос» каллипидов не как племя, а как группу, прослойку населения, поскольку Геродотом [IV, 17] одновременно упомянут «*ἄλλο ἔθνος*» — «другой этнос» алазонов. Алазоны же никак не могли быть группой зависимого населения в окрестностях Ольвии, т. к. их владения простирались до Эксампея. И никак у обитателей ольвийского предграды не могло быть того же самого образа жизни, как у алазонов (за исключением земледелия) общего со всеми остальными скифами.

Вышесказанное делает гипотезу К.К. Марченко неубедительной. На наш взгляд, ему не удалось доказать, что сообщение Геродота имеет отношение к оседлому земледельческому населению Нижнего Побужья — хотя бы к какой-то его части, к проживавшим вместе с эллинами выходцам из различных племен причерноморской степи, лесостепи и Карпато-Дунайского бассейна.

Таким образом, каллипиды выглядят одним из степных скифских племен. Они, как и алазоны, вели полукочевой образ жизни и в какой-то мере занимались земледелием. Производство зерна носило у них, скорее всего, натуральный характер и было ориентировано на удовлетворение — полностью или частично — собственных потребностей, чем отличалось от земледельческого производства скифов-пахарей. Что же касается определения «эллины-скифы», то само по себе оно допускает различные толкования, из которых на сегодняшний день наиболее вероятным выглядит географическое. Не исключено также, что каллипиды находились с ольвиополитами в каких-то политических взаимоотношениях. Окончательно этот вопрос будет решен, видимо, лишь в случае появления каких-то новых сведений (желательно, эпиграфических).

В этом случае остается предположить, что каллипидам могли принадлежать многие памятники типа временных стоянок, открытые в Нижнем Побужье. Часть таких стоянок, расположенных неподалеку от аграрных поселений, могла быть оставлена греческими пастухами. Другие же принадлежать грекам вряд ли могли — например, временные пастушеские стоянки между Березанским и впадающим в него Сосицким лиманом. На юге подобные памятники доходят почти до моря — причем, в районе Березани, а на севере распространены вплоть до лесостепи. В этом варианте, Геродот имел полное основание начинать локализацию каллипидов от эмпория борисфенитов...

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. — М., 1974. — 348 с.
- Артамонов М.И. Этногеография Скифии // Уч. зап. ЛГУ. — 1949. — Серия ист. наук; Вып. 13. — № 85. — С. 129—171.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. — Л., 1974. — 156 с.
- Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. — 1954. — № 33. — С. 7—44.
- Граков Б.Н. О работе Степной скифской экспедиции // КСИИМК. — 1951. — Вып. 37. — С. 131—136.
- Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971. — 170 с.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. — М., 1954. — С. 39—93.
- Елагина Н.Г., Погребова Н.Н. Археологическая разведка по берегам Ингула // КСИИМК. — 1959. — Вып. 77. — С. 21—34.
- Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. — Новосибирск, 1977. — 256 с.
- Іллінська В.А. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. — 1970. — Т. 23. — С. 23—39.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия // Археология УССР. — К., 1986. — Т. II. — С. 43—128.
- Козуб Ю.І. Передмістя Ольвії // Археологія. — 1979. — Вып. 29. — С. 3—34.
- Козуб Ю.И. Раскопки на территории некрополя Ольвии // АИУ за 1965—1966. — К., 1967. — С. 126—130.
- Козуб Ю.И. Раскопки на территории некрополя Ольвии // АИУ за 1967. — К., 1968. — С. 135—139.
- Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — 239 с.
- Латышев В.В. Исследования об истории и государственном устройстве города Ольвии. — СПб., 1887. — 314 с.
- Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — 1980. — № 1. — С. 131—143.
- Марченко К.К. Ойкетты декрета в честь Протогена (ΠΡΕ², № 32) // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Тез. докл. конф. — Тбилиси, 1982. — С. 61—63.
- Марченко К.К. Еще раз к вопросу о каллипидах // ВДИ. — 1983. — № 1. — С. 67—80.
- Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. — 1981. — № 1. — С. 27—40.
- Погребова Н.Н., Кондрацкий Л.В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области // КСИИМК. — 1960. — Вып. 78. — С. 74—84.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977. — 216 с.
- Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводства // Материалы по этнографии. — М., 1961. — Вып. 1. — С. 3—16.
- Русяева А.С., Скржинская М.В. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. — 1979. — № 4. — С. 25—37.
- Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. — М., 1979. — 247 с.
- Синицин М.С. Населення Дністро-Бузького Причорномор'я скіфо-сарматського часу // МАПП. — Одеса, 1959. — Вып. 2. — С. 13—35.
- Соломонік Е.І. Про значення терміну «тавро-скіфи» // АП. — 1962. — Т. 11. — С. 153—157.
- Тереножкін А.І. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. — 1952. — Вып. 7. — С. 110—135.
- Шафранская Н.В. О миксэллинах // ВДИ. — 1956. — № 3. — С. 37—48.
- Шилик К.К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. — К., 1975. — С. 51—91.
- Шилик К.К. Географические аспекты сообщения Геродота о горьком источнике на Гипанисе // Эйрене: Тез. докл. XIV МКАСС. Ереван, 1976. — С. 502—504.

ЗЕМЛЯНКИ И ПОЛУЗЕМЛЯНКИ НА АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Одной из характерных черт античного домостроительства в Северном Причерноморье являлось широкое распространение приема заглубления в землю построек и отдельных помещений. Среди таких заглубленных в землю построек и помещений выделяются *землянки, полуземлянки, подвалы и полуподвалы*. Различия между ними наиболее четко сформулированы С.Д. Крыжицким, который исходил из характера несущих конструкций, их пространственного положения и общего принципа решения объемов (Крыжицкий, 1982, С. 12.)

Землянками, по классификации С.Д. Крыжицкого, следует считать сооружения, заглубленные ниже уровня дневной поверхности на всю высоту несущих стен, которыми являются борта котлована. Карниз кровли (в случае его наличия) размещается на уровне дневной поверхности или немного выше.

Полуземлянка — это сооружение, объем которого заглублен более чем на 0,3 м, а несущие стены выступают выше уровня окружающей дневной поверхности. Несущие стены образованы бортами котлована в сочетании с наземной конструкцией. Карниз кровли размещается выше уровня дневной поверхности, но на высоте, недостаточной для устройства нормального наземного входа.

Подвалы и полуподвалы отличаются от землянок и полуземлянок главным образом тем, что сочетаются с наземным этажом.

В Нижнем Побужье в архаическое время наиболее ранними и наиболее распространенными постройками являлись землянки и полуземлянки. Надо сразу сказать, что на практике эти термины обычно используются как синонимы. Дело в том, что постройки, которые без особых сомнений могут быть интерпретированы как землянки (по глубине котлована порядка 2 м), в Нижнем Побужье единичны. Что же касается остальных, заглубленных на 0,6—1,4 м, то их классификация зависит от характера наземных конструкций (стен и кровли), выяснить который в большинстве конкретных случаев крайне затруднительно. Поэтому и в данной работе землянки и полуземлянки будут рассматриваться суммарно с использованием термина «полуземлянка».

Подавляющее большинство, если не все заглубленные в землю архаические постройки Нижнего Побужья состояли из одного помещения. По форме в плане выделяются *четырёхугольные, круглые и овальные* строения.

Количественно преобладали четырехугольные полуземлянки. Они открыты на Березани, в Ольвии и на ряде сельских поселений Березанского, Днепровского и Бугского лиманов.

На Березани одна из хорошо сохранившихся построек этого типа открыта на раскопе II в 1960 г. (Лапин, 1978, С. 123—125). Полуземлянка имела в плане трапециевидную форму. Длина стен от 2,4 до 3,5 м, площадь около 8 м². Котлован заглублен в материк на 0,9 м. Его борта были, видимо, заглажены и побелены: местами сохранились следы извести. Возле южного борта находилась так называемая «лежанка» — площадка шириной до 0,8 м, приподнятая над полом на 0,1—0,2 м. Основанием для нее служили большие плоские камни, обмазанные сверху глиной. В северо-западном углу помещения размещался небольших размеров очаг (0,75 × 0,45), углубленный в пол на 0,06 м. В полу обнаружено несколько ямок, возможно, имевших какое-то конструктивное назначение. Постройка имела наземные стены, возведенные на бортах котлована. Сохранился небольшой участок восточней стены длиной 0,95 и шириной 0,6 м, имевший 3—4 ряда кладки высотой 0,25 м. Отметим, что остатки каменных наземных стен сохранились и у нескольких других березанских полуземлянок (Лапин, 1978, С. 115).

Об ольвийских постройках этого типа определенное представление дает раскопанная на участке АГД полуземлянка № 28 (Русяева, Рутковский, 1976/1). В плане ее форма близка к квадрату размером 4,05 × 3,95 м. Глубина котлована — 1,4 м от уровня поверхности древней почвы. С северо-востока в помещение вел вход, от которого сохранились три ступеньки, вырезанные в материковой глине. Длина их от 0,6 до 1,1 м, ширина от 0,30 до 0,45 м, высота до 0,4 м. Пол помещения глинобитный, со следами обмазки. В юго-восточном углу в прямоугольном углублении, размерами 1,2 × 0,8 м и глубиной от пола 0,25 м, помещался очаг. В северо-восточной части в полу вырыты два

углубления корытообразной формы, назначение которых неизвестно.

Аналогичные строения открыты и на сельских поселениях. Среди них — полуземлянка № 1 на Бейкуше (Русяева, 1968, С. 146—147). Она ориентирована по странам света, в плане квадратная, размерами $2,6 \times 2,56$ м. Котлован заглублен на 1,3 м. С северной стороны (возле северо-восточного угла) в помещение вела лестница из трех ступеней, вырезанных в материке. Длина ступенек от 1 до 1,6 м, ширина 0,3—0,5 м, высота до 0,3 м. В нижней ступеньке — небольшая ямка диаметром 0,2 м, видимо, от опорного столба. Для другого опорного столба в материковом борту котлована рядом с лестницей вырезано вертикальное углубление, полукруглое в плане, диаметром $0,7 \times 0,5$ м. Пол помещения обмазан желтой глиной. Южная часть пола покрыта густым слоем камки (морской травы), перетлевшей в светлую труху. В северо-восточном углу размещался очаг, от которого сохранилось скопление кусков обожженной глины. В восточной части в полу вырыто полукруглое углубление, видимо, хозяйственного назначения, размерами $1 \times 0,5$ м и глубиной 0,2 м, заполненное раковинами мидий.

С точки зрения конструктивных особенностей среди построек этого типа интересна полуземлянка «А» на раскопе № 4 поселения Широкая Балка (Рабицкий, 1951, С. 116). Она ориентирована по странам света, в плане прямоугольной формы, размерами $2,8 \times 2,5$ м. Котлован углублен на 0,9 м. В юго-западном углу находился вход — лестница из трех ступеней, вырезанных в материке. Пол обмазан толстым слоем глины. В северо-восточном и юго-восточном углах обнаружены две небольшие конусовидные ямки — неясно, для опорных столбов или для установки амфор.

Северной, западной и южной границами помещения служили материковые борта котлована. Восточная граница частично образована материковым бортом, а частично — врезанной в грунт каменной кладкой. В основании последней — два крупных блока, на которых были уложены пять рядов плоских камней на глиняном растворе. Длина кладки 2 м, ширина 0,5 м, высота 1,15 м — т. е. на 0,25 м выше материковых бортов, что может свидетельствовать о соответствующем характере наземных стен. Кладка прорезает более раннюю хозяйственную яму, от которой сохранилась восточная часть, находившаяся за пределами полуземлянки.

В свое время вышеописанный прием (замещение части материковых бортов кладкой) объяснялся как проявление местных негреческих традиций — тем более, что он был отмечен еще в двух постройках на том же сельском поселении (Рабицкий, 1951, С. 114—124). Думается, что

в действительности все определялось свойствами грунта.

Повсеместно в Нижнем Побужье материковый лесс достаточно прочен, что позволяло возводить наземные стены полуземлянок на бортах котлованов. В тех же случаях, когда грунт был нарушен более ранними постройками и хозяйственными ямами, поврежденные участки замещались каменными или сырцовыми стенами.

Так, на участке АГД в Ольвии во время функционирования полуземлянки № 5 ее южный борт был поврежден, а затем отремонтирован с помощью кладки из сырцовых кирпичей (Крижицкий, Русяева, 1978, С. 5—6). На Березани, по наблюдениям В.В. Лапина, сооружение в углубленных частях построек определялось нарушениями на этих участках материка более ранними полуземлянками и ямами (Лапин, 1978, С. 125—128).

Отметим, что при сооружении наземных и углубленных стен могла применяться и другая строительная техника, например, глино-плетневая. В качестве примера опишем березанскую полуземлянку № 57, открытую на раскопе «О» («Основной»). Она имела прямоугольную в плане форму, размерами $7,5 \times 4,6$ м и площадью $34,5 \text{ м}^2$. Глубина котлована до 1,1 м. От столбовой конструкции стен сохранились ямки диаметром около 0,2 м, расположенные в створе, с длиной шага 0,7—0,8 м. Они прослежены вдоль трех бортов котлована. В центре постройки находились две ямы для опорных столбов, поддерживавших кровлю, диаметром около 0,6 м и глубиной в полу 0,5 м. Расстояние между ними 1,75 м, расстояние до них от северной и южных стен — соответственно 2,5 и 3 м. В южной части помещения находились две очажные площадки (Лапин, 1978, С. 129—130).

На Бейкушском поселении аналогичную конструкцию имела полуземлянка № 2 (Русяева, 1968, С. 147).

Определить функциональное назначение отдельных построек в большинстве случаев очень трудно: сказывается и степень сохранности полуземлянок, и неразработанность соответствующих критериев. Тем не менее, не вызывает сомнений, что среди прямоугольных строений имелись как жилые, так и хозяйственные. Примером последних может служить полуземлянка «Б» на раскопе № 4 поселения Широкая Балка (Рабицкий, 1951, С. 114—15). В плане она прямоугольная, размерами $4,3 \times 2$ м, заглублена в материк на 1,2 м. Южной границей помещения являлся материковый борт котлована. Восточной и западной — служили каменно-сырцовые стены, пристроенные к бортам. В высоту сохранилось 14—16 рядов мелких камней, среди которых встречаются сырцовые кирпичи. Обе стены обмазаны слоем глины. Интересна кон-

струкция северной стены. В ее подошве лежал ряд камней средних размеров, подстилавших семь рядов стандартных сырцовых кирпичей, размерами $0,3 \times 0,09 \times 0,09$ м. Выше лежали 6—7 рядов мелких камней, уложенных на глине без соблюдения строгой горизонтальности каждого ряда. Крайняя западная часть этой стены плавно поворачивала на север, оформляя вход в помещение, устроенный в северо-западном углу. Сохранились три каменные ступени, верхняя из которых служила порогом.

Южную половину помещения занимала большая печь, размером $2,6 \times 2,2$ м. По вполне вероятному предположению Б.М. Рабичкина, она предназначалась для сушки зерна.

Прямоугольные полуземлянки, несомненно, хозяйственного назначения открыты также в Ольвии и на Березани (Крижицкий, Русяева, 1978, С. 11, 17—18; Лапин, 1978, С. 123—127).

Перейдем к рассмотрению построек круглой в плане формы.

Среди полуземлянок этого типа, открытых на Березани, отметим одну, исследованную в 1965 г., на Северо-Западном участке (Горбунова, 1965). Диаметр постройки около 3,5 м, котлован заглублен на 0,75 м. Следов входа не обнаружено. В южной части полуземлянки размещался очаг, вплотную примыкавший к борту котлована. Очаг в плане прямоугольный с закругленными углами, размером $0,7 \times 0,5$ м и высотой от пола до 0,35 м. К востоку от очага в пол были вкопаны две хиосские амфоры.

Из ольвийских построек опишем полуземлянку № 6 на участке АГД (Крижицкий, Русяева, 1978, С. 8—9). Ее диаметр 3,9 м, заглубленность около 1,5 м. Вход не обнаружен. Пол глинобитный, хорошо прослеживались четыре слоя глиняной обмазки. В восточной и западной частях помещения в борта врезаны небольшие ниши, в одной из которых находилась расписная самосская амфора. В южной части полуземлянки к борту примыкала четырехугольная в плане глинобитная площадка, размером $1,1 \times 0,75$ м и высотой от пола 0,35 м. Рядом с ней в полу вырыта ямка диаметром 0,5 м, глубиной 0,3 м, возможно, предназначенная для установки амфоры. В центре помещения находились две необработанные полигональные плиты, положенные одна на другую. Верхняя из них имела углубление диаметром 0,14 м и глубиной 0,05 м. Скорее всего, они предназначались для центрального опорного столба. Подобные строения хорошо известны и на сельских поселениях.

Вероятно, круглые постройки, главным образом, были хозяйственными, хотя, как уже отмечалось, критерии для отличия жилых помещений от хозяйственных разработаны плохо. Приведем некоторые соображения по этому поводу. Небольшая площадь таких построек в сочетании с

круглой формой делает их весьма неудобными для размещения спальных мест. Мешают этому и центральный опорный столб, имевшийся в большинстве помещений, и часто встречаемые хозяйственные ямы, и углубления в полу. Однако утверждать, что среди круглых построек жилые полностью отсутствовали, мы не можем.

На Березани и некоторых сельских поселениях открыты постройки, форма которых в плане приближается к овалу, встречаются они довольно редко, сохранность известных — плохая.

Для выяснения конструктивных особенностей подобных сооружений представляет интерес полуземлянка, раскопанная на поселении Закисова Балка-1 (Мазарати, Отрешко, 1987, С. 15—16). Частично она разрушена оврагом. Размеры сохранившейся части котлована $3,8 \times 3$ м. В полу были вырыты две ямы для опорных столбов. Одна из них, диаметром 0,25 м и глубиной 0,35 м, находилась в южной части помещения. Рядом лежало несколько камней, очевидно, предназначенных для укрепления столба. Другая ямка, диаметром 0,25 и глубиной 0,15 м, находилась в северной части помещения.

Возле северо-восточного борта в полу вырыта хозяйственная яма, частично разрушенная оврагом. Глубина ее от пола достигала 0,8 м, диаметр горловины — судя по сохранившейся части — 0,7 м, а диаметр дна — 1,2 м. Рядом с восточным бортом котлована в полу имелось углубление размером $1,1 \times 0,6$ м и глубиной 0,1 м.

Судя по заполнению, постройка имела наземные сырцовые или глинобитные стены. Крыша, скорее всего, соломенная, поскольку пол был перекрыт слоем пепла мощностью до 0,30 м. Размещение двух ямок от опорных столбов свидетельствует в пользу того, что крыша была двухскатной. Назначение постройки, скорее всего, хозяйственное.

Подведем некоторые итоги.

Приведенные описания показывают, что в архаическое время и на Березани, и в Ольвии, и на сельских поселениях Нижнего Побужья были распространены по преимуществу одни и те же типы полуземлянок.

Количественно преобладали четырехугольные постройки. Площадь их обычно составляла 6—14 м², в единичных случаях до 27, 34 и даже 64 м². Котлованы углублены на 0,4—1,5 м, чаще всего на 0,6—1,0 м. Борта котлованов иногда обкладывались или ремонтировались с помощью сырцово-каменных стен и, возможно, глино-плетневых конструкций. Наземные стены, сохранившиеся лишь в относительно немногих случаях, были каменными, сырцовыми и глино-плетневыми.

Черепицы на поселениях не обнаружено. Крыши построек были, скорее всего, соломенными или камышовыми, возможно, обмазанными глиной.

Отдельные строения отличаются друг от друга устройством входа, расположением и устройством очагов, наличием или отсутствием хозяйственных ям и углублений в полу, а также ниш в бортах котлована. По своему назначению различаются жилые и хозяйственные постройки.

Сооружения круглой формы встречаются несколько реже. Площадь большинства из них составляла 4–10 м², в единичных случаях до 20 м². Углублены они обычно на 0,5–1,0 м. У многих из них, очевидно, были каменно-сърцовые или глино-плетневые стены. Крыша обычно коническая, с использованием центрального опорного столба из соломы или камыша. Как и прямоугольные, круглые строения отличались друг от друга способом устройства входа, наличием или отсутствием глинобитных «лежанок» и «столиков», хозяйственных ям и углублений, очагов. В единичных случаях отопительные устройства имелись в бортах котлована.

Наименее изученными и, несомненно, наименее распространенными были овальные постройки. Площадь известных составляла 6–10 м², заглубленность 0,6–1,0 м. Наземные стены возводились из камня и глины, двухскатные крыши были соломенными или камышовыми.

Различия между отдельными постройками заключались в устройстве входа, наличии или отсутствии очага, хозяйственных ям и углублений.

Весьма интересен вопрос о структуре отдельных домохозяйств. Уже тот факт, что полуземлянки различались по своему функциональному назначению, и среди них имелись жилые и хозяйственные, приводит к мысли о принадлежности различным семьям не одной, а нескольких таких построек. Выделить отдельные жилищно-хозяйственные комплексы на материалах Ольвии и Березани оказалось невозможным. Во-первых, это связано с высокой плотностью застройки — по нашим подсчетам, на гектар территории этих населенных пунктов приходилось от 40 до 100 единовременных строений. Во-вторых, полуземлянки были сооружениями недолговечными, с периодом существования в среднем не более 10–15 лет (Крыжицкий и др., 1989, С. 31–36). Поэтому они постоянно разрушались и строились, перекрывая одна другую. Ключ к решению проблемы удалось подобрать на приольвийских поселениях, плотность застройки которых была в несколько раз меньше, чем в Ольвии и на Березани.

Основной интерес представляют результаты работ на поселении Чертоватое-7, расположенном в 5 км к северу от Ольвии.

Памятник существовал в последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. Его площадь

составляет около 50 га (Буйских, 1985, С. 8). В ходе инструментальной съемки 1983 г. в распаханной части поселения удалось локализовать и оконтурить более 70 изолированных скоплений с обильными выходами обломков керамики, золы и необработанных камней. Эти скопления, условно названные «пятнами», имели большей частью площадь 0,1–0,2 га (Буйских, 1987). Заложенные в ряде мест раскопы показали, что поселение действительно состоит из участков концентрации полуземлянок и ям, разделенных незастроенным пространством. Правда, видимые на поверхности «пятна» не совсем четко соответствуют местам такой концентрации (что, видимо, связано с перемещениями поверхностного грунта при вспашке).

Особый интерес представляют работы С.Б. Буйских в 1984 г. на «пятне» № 36 (раскоп IX). Здесь на площади 3375 м² было исследовано 57 объектов различного характера, в том числе 12 жилых построек, 38 хозяйственных ям и 7 других углублений в материке (Буйских, 1985, С. 9). Анализ полученных материалов, с привлечением результатов работ на других участках, позволил С.Б. Буйских прийти к выводу о том, что первичный жилищно-хозяйственный модуль (т. е., по сути, отдельное домохозяйство) состоял из 4–6 полуземлянок в окружении 10–12 зерновых и хозяйственных ям (Буйских, 1986, С. 26; Крыжицкий, Буйских, 1988; Крыжицкий и др., 1989, С. 31).

В определенной мере, хотя и с существенными отличиями, такая организация домохозяйств напоминает Старую Смирну (Байракли), где в позднегеометрическое время жилые дома сочетались с круглыми хозяйственными полуземлянками (Соок, 1958–1959).

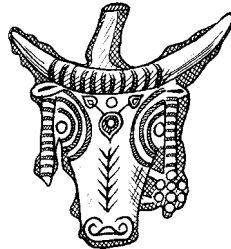
Причины, в силу которых полуземляночное домостроительство имело на начальном этапе доминирующий характер, несомненно, имели ситуационный, временный характер. И на Березани, и в Ольвии, и на ряде сельских поселений через 30–50 лет после основания полуземляночные комплексы сменяются наземными многокомнатными домами. Этот факт дает полное основание объяснить доминирование полуземлянок низким уровнем развития экономики; хозяйственными трудностями, которые испытывали греческие переселенцы при освоении новых территорий; невозможностью до поры до времени такого сосредоточения сил и средств, какого требовало капитальное домостроительство.

Процесс заселения Нижнего Побужья, основания все новых и новых населенных пунктов растянулся более чем на сто лет. И каждая группа переселенцев, жители каждого поселения повторяли в домостроительстве один и тот же путь.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских С.Б. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // ПИО: Тез. докл. семинара. — Парутино, 1985. — С. 8—10.
- Буйских С.Б. Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений ольвийской хоры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. конф. — М., 1986. — С. 26—28.
- Горбунова К.С. Отчет о полевых работах на о. Березань в 1965 г. / НА ИА НАНУ. — № 1965/29.
- Крижицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). — К., 1982. — 166 с.
- Крижицкий С.Д., Буйских С.Б. Структура архаичного поселения Нижнего Побужья // Археология. — 1988. — № 63. — С. 1—8.
- Крижицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с.
- Крижицкий С.Д., Русяева А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. — 1978. — № 28. — С. 3—26.
- Лалин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северо-причерноморской цивилизации / НА ИА НАНУ. — № 1978/58. — 322 с.
- Мазарати С.Н., Отрешко В.М. Полужемлянки и землянки // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. — К., 1987. — С. 8—17.
- Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. — 1951. — № 40. — С. 114—124.
- Русяева А.С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии // АИУ. — 1967. — Вып. 2. — С. 146—150.
- Русяева А.С., Рутковский А.Г. Отчет о раскопках на участке АГД (Ольвийская экспедиция) в 1976 г. / НА ИА НАНУ. — № 1976/1.
- Cook J. Old Smyrna // BSA. — 1958—1959. — № 53—54.

Около 1989—1990 гг.

НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ В АРХАИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Начало греческой колонизации Нижнего Побужья обычно связывают с появлением и существованием ионийского поселения на о. Березань, которое, по моим предположениям, было основано около 625 г. до н. э. (Отрешко, 1989). На протяжении примерно полувека Березань являлась единственным населенным пунктом в данном регионе. Хотя какая-то часть близлежащей сельской территории, несомненно, уже тогда эксплуатировалась жителями Березани, заселена она не была.

Массовый процесс освоения греками региона начинается со второй четверти VI в. до н. э. и к началу V в. до н. э. практически заканчивается. Берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов покрываются густой сетью сельских поселений. Ориентировочно во второй четверти VI в. до н. э. возникает и Ольвийское поселение.

В данной работе мы попытаемся определить ориентировочную численность архаического населения Нижнего Побужья, а также его распределение по микрорегионам.

Сделать это можно, в принципе по: 1) материалам поселений; 2) по материалам могильников. Для подсчета численности населения по материалам поселений необходимо сначала охарактеризовать плотность застройки и особенности домостроительства (этому посвящен I-й раздел), а также рассмотреть вопросы соотношения состава семьи и организации домохозяйства (II-й раздел). Что касается материалов некрополей, то из них будет рассмотрен лишь березанский, поскольку он практически полностью относится к архаическому времени. Ольвийский же некрополь, связанный с историей города протяженностью около тысячелетия, необходимо рассматривать в целом, и ограничиваться только архаическим временем невозможно. Поэтому в данном случае он будет опущен. Что касается сельских могильников, то из них исследован только Марицинский, связь которого с поселениями проблематична *.

* Далее, вплоть до раздела I «Плотность застройки» мы поместили текст, отсутствующий здесь, но имеющийся в другом варианте рукописи под названием «Некоторые вопросы палеодемографии Нижнего Побужья (VI—V вв. до н. э.)». Он выделен квадратными скобками и начинается со слов: «В античной археологии Нижнего Побужья... (С. Б.).»

[В античной археологии Нижнего Побужья вопросы палеодемографии являются одними из наименее изученных. Правда, в свое время были сделаны попытки суммарно определить демографический потенциал дотетской Ольвии. По В.Д. Блаватскому, он достигал десяти, самое большее пятнадцати тысяч человек (1953, С. 195). К близким результатам пришел Л.М. Славин, по подсчетам которого население города в V—II вв. до н. э. составляло примерно 10 тысяч жителей (Славин, 1958, С. 295). Позднее, при накоплении фактологического материала, появилась возможность дифференцированного подхода по отдельным хронологическим периодам. Так, численность населения архаической Ольвии С.Д. Крыжицкий и А.С. Русяева определили в интервале от 5800 до 10000 человек (Крыжицкий, Русяева, 1978, С. 24). В эллинистическое время, по С.Д. Крыжицкому, в городе могло проживать от 9 до 23,8 тысяч, вероятнее же всего 15—20 тысяч жителей (1982, С. 164). Помимо Ольвии, затрагивался вопрос и о количестве жителей Березани: В.В. Лапин предполагал, что здесь могло проживать около 1000 человек (1966, С. 124).

Однако все существующие разработки относятся лишь к двум населенным пунктам Нижнего Побужья — Ольвии и Березани. В целом же регион практически не рассматривался. Правда, существует высказанное В.Д. Блаватским мнение, что ольвийская сельскохозяйственная округа была невелика, и ее население вряд ли насчитывало более одной—двух тысяч человек (Блаватский, 1953, С. 195, прим. 3). Но это, в общем, чисто умозрительная оценка, и никакими конкретными разработками она не подкреплена.

Фактологическая база, предоставляющая определенные возможности для палеодемографических расчетов по Нижнему Побужью в целом, появилась лишь в последние годы в результате систематических полевых исследований (Крыжицкий и др., 1980, С. 3—17; 1989, С. 31—36). В частности, прояснилась картина активного освоения региона эллинскими переселенцами в архаическое время, когда помимо Ольвии и Березани были основаны многочисленные пе-

риферийные поселения. Позднее, в первой половине V в. до н. э., подавляющее большинство аграрных населенных пунктов свое существование прекратило. Предположительно, эллинское население Нижнего Побужья в это время сконцентрировалось в Ольвии и не исключено на Березани (Крыжицкий и др., 1989, С. 95).

В настоящее время в археологии существуют различные способы палеодемографических подсчетов [–]. Большинство из них к Нижнему Побужью VI–V вв. до н. э. не применимо, по крайней мере, на современном уровне знаний. К примеру, было бы малорациональным использование того или иного показателя плотности населения по отношению к Ольвии, Березани или сельскохозяйственным поселениям. В свое время, правда, этот метод был использован В.В. Лапиным — подсчитывая количество жителей Березани, он исходил из предположения, что плотность населения составляла около 100 человек на 1 га (Лапин, 1966, С. 124). Однако эта исходная посылка осталась неаргументированной — впрочем, при нынешнем положении дел она и не могла быть аргументирована. А при отсутствии соответствующих доказательств, с равным успехом можно было бы предположить как вдвое, так и втрое или впятеро большую плотность населения. Если же пытаться использовать какие-либо цифровые показатели заселенности региона в целом, то — по крайней мере, в варианте Нижнего Побужья — мы вообще впали бы в область безудержной субъективной импровизации. Несомненно, что наиболее перспективным для нас является взаимосвязанное использование двух методов, основанных на учете количества и размеров населенных пунктов, определении характера домостроительства, выяснении плотности единовременной застройки и средней площади отдельных построек. Первый метод предполагает наличие определенного соотношения между числом строений и количеством семей, типичных для данного общества. Второй метод основывается на зависимости между суммарной площадью единовременных построек («обитаемое пространство», «перекрытая крышей площадь пола») и общей численностью населения].

1. ПЛОТНОСТЬ ЗАСТРОЙКИ АРХАИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Под плотностью застройки подразумевается количество жилых и хозяйственных построек, единовременно приходящихся на единицу площади населенного пункта (при подсчетах, наиболее удобной единицей площади представляется гектар). В принципе, показатель плотности застройки может оказаться полезным для решения разных задач, может быть использован

в различных целях. Наиболее важными и интересными являются две из них.

Во-первых, данный показатель представляет определенную ценность сам по себе, поскольку существенным образом характеризует тот или иной населенный пункт. В научной литературе зачастую придается большое значение размерам памятника, в свое время именно этот признак был положен в основу типологии архаических поселений Нижнего Побужья (Крыжицкий и др., 1980; Рубан, 1981). Однако знание размеров населенного пункта само по себе, без учета плотности застройки, является недостаточным. Мало того, оно способно вводить в заблуждение: так, поселение Чертоватое-2, площадью около 70 га, может показаться более значительным пунктом чем Ольвия, которая во второй половине IV в. до н. э. занимала территорию лишь около 11,5–16,5 га (Крыжицкий, 1979, С. 120–121).

Во-вторых, определение плотности застройки во многих случаях оказывается необходимым для проведения палеодемографических подсчетов. Рассмотрим этот вопрос подробнее. В тех случаях, когда палеодемографические подсчеты базируются на материалах поселений, обычно представляется желательным знание количества домов, существовавших в тот или иной момент времени. При этом выбор методики зависит от характера домостроительства и способа застройки. Предположим, речь идет о населенном пункте, который был застроен сравнительно долговечными домами, сблокированными в кварталы. В таком случае, из его общей площади вычитается территория, занятая улицами, площадями, общественными сооружениями. Оставшаяся территория — собственно площадь жилой застройки — делится на площадь одного среднего дома (Крыжицкий, 1982, С. 47). При других условиях данная методика неприменима. Так, на архаических поселениях Нижнего Побужья постройки располагались на различном удалении друг от друга и были крайне недолговечны, т. е. постоянно одни из них прекращали свое существование, другие сооружались зачастую на ином месте. Датирующие материалы обычно не позволяют выявить действительно одновременные строения. В этом варианте представляется перспективным использование формальных методов для определения сначала плотности застройки, а затем, при необходимости, общего количества единовременных структур, бытовавших на поселении.

Плотность можно определить по формуле:

$$P = \frac{N}{S}, \text{ где}$$

P — показатель плотности застройки (количество единовременных структур на 1 га), N — количество единовременных построек, открытых на поселении или в раскопе; S — площадь поселе-

ния или раскопа. Понятно, что в подавляющем большинстве случаев приходится оперировать материалами отдельных раскопок, а не поселений в целом. Общее количество открытых построек обычно не совпадает с числом единовременных строений, поскольку продолжительность застройки участка обычно превышает период функционирования отдельно взятого строения. Количество единовременных построек определяется следующим образом:

$$\frac{N_1 \times T_1}{T} = N, \text{ где}$$

N_1 — общее количество построек, открытых в раскопе; N — количество единовременных из них; T — общая продолжительность застройки; T_1 — средняя продолжительность существования отдельного строения. В конечном рабочем виде формула приобретает следующий вид (Отрешко, 1985):

$$P = \frac{N_1 \times T_1}{S \times T}.$$

Помимо этого, представляет несомненный интерес своей наглядностью и показатель средних размеров территории памятника, которая приходилась на одну постройку или отдельный жилищно-хозяйственный комплекс (Крижицкий, Русаева, 1978, С. 5, 24). Эти данные можно получить делением 1 га на количество единовременных структур или комплексов на него приходящихся, либо по формуле:

$$S_1 = \frac{S \times T}{N_1 \times T_1}, \text{ где}$$

S_1 — площадь, приходящаяся на отдельную структуру или комплекс.

Сразу следует оговориться, что определение плотности застройки имеет смысл тогда, когда усредненные размеры отдельных строений на различных поселениях более или менее близки. В случае же чересчур больших отличий сравнение полученных цифр мало что дает. В этой ситуации может оказаться полезным показатель рациональности застройки, то есть суммированная «площадь пола» единовременных строений, размещенных на одном гектаре (Отрешко, 1985).

Как известно, вплоть до начала V в. до н. э. не только на периферийных памятниках, но и в Ольвии, и на Березани доминировали небольшие однокамерные полуземлянки. Площадь их составляла обычно 6—12 м² и, насколько мы можем судить по публикациям и по результатам собственных раскопок, на различных поселениях усредненная площадь строений была примерно одинаковой — порядка 9 м² на структуру (Крижицкий и др., 1980, С. 5; Копейкина, 1981, С. 193—195; Марченко, Доманский, 1981, С. 62—74; Мазарати, Отрешко, 1987, С. 8—17).

Известны, правда, и единичные более крупные сооружения, площадью 27 и даже 64 м². (Крижицкий и др., 1989, С. 49). Продолжитель-

ность существования отдельных полуземлянок, как единодушно отмечают исследователи, была невелика. Л.В. Копейкина писала, что на Березани «эти сооружения были, видимо, очень недолговечными. Поэтому границы их часто сливаются, иногда они перерезают, перекрывают друг друга» (Копейкина, 1981, С. 193). Такая же картина наблюдается и на других памятниках. По достаточно убедительному мнению С.Д. Крыжицкого и А.С. Русаевой, ольвийские полуземлянки функционировали обычно на протяжении 10—20 лет (Крижицкий, Русаева, 1978, С. 7). Весьма показательны результаты работ на поселении Старая Богдановка-2 (Марченко, Доманский, 1981, С. 62 сл.). Здесь на раскопе I была открыта серия из четырех разновременных построек (№ 5, 8, 3, 1), последовательно сменивших одна другую. Поскольку общая продолжительность застройки составляла примерно 60 лет (последняя треть VI — первая четверть V в. до н. э.), то каждому из этих строений соответствует в среднем промежуток времени около 15 лет. Судя по вышесказанному, мы не слишком удалимся от истины, предположив, что на различных поселениях Нижнего Побужья отдельные сооружения такого рода существовали в среднем около 15 лет.

Прежде чем перейти к конкретным цифрам, следует оговорить еще один важный момент. Предлагаемые подсчеты носят, естественно, относительный характер, что связано, во-первых, с возможными ошибками в определении средней продолжительности бытования полуземлянок и, во-вторых, с невозможностью совершенно точного установления хронологических рамок жизни поселений. Датировочный материал, которым мы располагаем, обычно определяется четвертью столетия, а зачастую и полувек. Поэтому, в принципе, нельзя исключать возможность и таких случаев, когда поселение существовало, скажем, около 10 лет, а датировочный материал охватывает половину века. Мы, конечно, несколько утрируем ситуацию, и на практике столь весомые хронологические ошибки нереальны. Тем не менее, к абсолютным цифрам, полученным в результате подсчетов, следует подходить достаточно осторожно. Однако, на наш взгляд, относительную картину они позволяют получить достаточно надежную.

Перейдем к конкретным подсчетам. Данные, полученные по крупным поселениям, сведены в таблицу 1.

Исходя из нее, результаты, полученные по Широкой Балке, Чертовому-2 и Чертовому-7 варьируют в диапазоне 11—50 единовременных построек на 1 га. Попробуем определить наиболее реальный показатель, характеризующий среднюю плотность застройки крупных поселений в целом.

Таблица 1. Плотность застройки крупных поселений.

Наименование поселения	Участок	Время, века до н. э.	N	T ₁	S, га	T	P
Широкая Балка	1949 г.	сер. VI — сер. V	8	15	0,06	100	20
Широкая Балка	1980 г.	сер. VI — сер. V	7	15	0,08	100	13,1
Широкая Балка	сумм.	сер. VI — сер. V	15	15	0,14	100	16
Чертоватое-2	сумм.	посл. треть VI — перв. четв. V	2	15	0,035	60	14,3
Чертоватое-7	II	1 этап: конец VI	5	15	0,10	15	50
Чертоватое-7	II	2 этап: перв. четв. V	2	15	0,10	25	12
Чертоватое-7	II	сумм.: конец VI — перв. четв. V	7	15	0,10	40	26
Чертоватое-7	VI	перв. треть V	—	—	0,0335	30	—
Чертоватое-7	VII	перв. треть V	5	15	0,07	30	35,7
Чертоватое-7	VI+VII	перв. треть V	5	15	0,1035	30	24,1
Чертоватое-7	IX	посл. четв. VI — нач. V	12	15	0,34	30	17,6
Чертоватое-7	II + VI + VII + IX сумм.	посл. четв. VI — перв. треть V	24	15	0,5435	60	11

Во-первых, исследователи во время раскопок стремятся сосредоточить силы на наиболее плотно застроенных участках. В конечном итоге, эта тенденция ведет к несколько искаженному представлению о памятнике, в нашем случае, к завышению показателя плотности застройки. Соответственно, для характеристики поселения в целом достовернее выглядят наименьшие из полученных цифр. Во-вторых, места наибольшей концентрации построек в пределах поселения со временем несколько перемещались. Поэтому суммарные данные по нескольким раскопам выглядят предпочтительнее, чем по каждому из них в отдельности. В-третьих, для наших целей небесполезны и общие соображения о структуре крупных населенных пунктов. Не вызывает сомнений, что зафиксированные на поселении Чертоватое-7 зольные пятна, площадью обычно 0,1–0,2 га, в общих чертах отражают размещение отдельных домохозяйств (Буйских, 1985, С. 8). В 1983 г. на площади вспашки в 34 га было зафиксировано 76 «кустов». На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на 1 га территории крупного поселения приходилось в среднем 2,2 домохозяйства. При плотности единовременной застройки, равной 11 постройкам на 1 га, на каждое домохозяйство должно было приходиться в среднем 5 полуземлянок. При плотности равной 50 постройкам на 1 га, каждый ойкопедон должен был бы состоять, усредненно, из 22–23 построек. Несомненно, меньшая цифра выглядит наиболее реально. Ведь, судя по имеющимся данным, отдельно расположенные сельские усадьбы (поселения малой площади, хутора) состояли из 3–6 построек (Отрешко, 1980; Рубан, 1981, С. 73), видимо, из 4–6 единовременных строений состояли «кусты» Чертоватого-7 (Буйских,

1987, С. 30 и сл.; Крижицкий, Буйских, 1988, С. 3–4). В определенной мере эти цифры можно подкрепить и такими соображениями. Хотя между однокамерным и многокамерным домостроительством имелись весьма существенные различия, было и нечто общее, определяемое бытовыми и хозяйственными потребностями. В первом случае отдельной семье принадлежал комплекс однокамерных строений, во втором — одна постройка, но состоявшая из комплекса помещений. Можно полагать, что жилая и хозяйственная площадь — количество помещений, необходимых для обеспечения одной и той же жизнедеятельности — в обоих случаях были примерно одинаковыми. В Северном Причерноморье рядовые многокамерные дома состояли обычно из 4–6 помещений (Крижицкий, 1982). Отсюда можно предположить, что при ином характере домостроительства отдельным семьям могло принадлежать соответствующее количество однокамерных строений. В конечном итоге, мы считаем, что отдельным домохозяйствам могло принадлежать от 3 до 7, в среднем порядка 5–6 полуземлянок. При соотношении 2,2 усадьбы на 1 га территории крупного сельского поселения, средняя плотность застройки этих памятников составляла около 11–13 построек на га. Суммируя все вышесказанное, в целом для территории крупных поселений наиболее реальным показателем следует признать 11 полуземлянок на 1 га. Что же касается цифры в 50 строений, полученной при подсчетах по раскопу II (первый этап) на Чертоватом-7, то она характеризует не памятник в целом, а лишь места наибольшей концентрации строительных остатков.

Перейдем к сельским поселениям средней площади. Результаты подсчетов сведены в

Таблица 2. Плотность застройки поселений средней площади.

Наименование поселения	Участок	Время, века до н. э.	N	T ₁	S, га	T	P
Б. Черноморка-2	I	сер. VI — нач. V	3	15	0,01	60	75
Б. Черноморка-2	II	сер. VI — нач. V	14	15	0,09	60	38,9
Б. Черноморка-2	I + II	сер. VI — нач. V	17	15	0,10	60	42,5
Лупарево-2	I + II	посл. четверть VI — перв. четв. V	6	15	0,0417	50	43,1
Старая Богдановка-2	I	1 этап: нач. посл. трети VI	3	15	0,062	15	48,4
Старая Богдановка-2	I	2 этап: конец VI — начало V	10	15	0,062	25	96,8
Старая Богдановка-2	I	1—2 этапы суммарно	13	15	0,062	40	78,6
Старая Богдановка-2	II + III + IV	1 этап: нач. посл. трети VI	1	15	0,145	15	6,9
Старая Богдановка-2	II + III + IV	1 этап: нач. посл. трети VI	7 *	15	0,145	15	48,3
Старая Богдановка-2	II + III + IV	2 этап: конец VI — начало V	2	15	0,145	25	8,3
Старая Богдановка-2	I—IV	1 этап: нач. посл. трети VI	4	15	0,207	15	19,3
Старая Богдановка-2	I—IV	1 этап: нач. посл. трети VI	10 *	15	0,207	15	48,3
Старая Богдановка-2	I—IV	2 этап: конец VI — начало V	12	15	0,207	25	34,8
Старая Богдановка-2	I—IV	1—2 этапы (суммарно)	16	15	0,207	40	28,9
Старая Богдановка-2	I—IV	1—2 этапы (суммарно)	22 *	15	0,207	40	39,8

* Землянка № 15 принята равной семи средним постройкам.

таблицу 2. Однако прежде, чем излагать и анализировать полученные данные, необходимо изложить некоторые исходные соображения, относящиеся к материалам поселения Старая Богдановка-2.

Во-первых, нам необходимо обосновать определение продолжительности строительных периодов. В 1976—1979 гг. на данном памятнике исследована площадь 2070,5 м² и открыто 22 строительных комплекса последней трети VI — первой четверти V в. до н. э. (Марченко, Доманский, 1981). Общая продолжительность существования поселения составляла около 60 лет. На этом протяжении К.К. Марченко и Я.В. Доманский выделяют три строительных периода. Последний из них (третий), выпадающий из наших подсчетов, характеризуется переходом к наземному многокамерному домостроительству, в частности, возводится крупный строительный комплекс № 14, площадью до 790 м². Время его сооружения исследователи относят к началу V в. до н. э. Следовательно, на первые два этапа приходится отрезок времени протяженностью около 40 лет. Второй этап несколько продолжительнее первого, к нему относятся постройки по стратиграфическим наблюдениям явно разновременные. Как пишут авторы раскопок, «срок жизни отдельных землянок и ям зачастую оказывался короче продолжительности самого периода» (Марченко, Доманский, 1981, С. 71). Таким образом, протяженность первого этапа можно примерно оценить в 15 лет, а второго — в 25 лет.

Во-вторых, при подсчетах плотности застройки возникают некоторые проблемы со

строительным комплексом № 15 — единственным сооружением первого периода, открытым за пределами раскопа 1. Размеры данной полуземлянки для Нижнего Побужья уникальны — около 64 м². Как уже говорилось, показатель плотности застройки имеет смысл при условии определенной близости в размерах построек. Конечно, площадь различных полуземлянок далеко не всегда одинакова и обычно варьирует от 6 до 12 м². Но на определенном количественном уровне мы можем эти относительно незначительные колебания игнорировать, поскольку они взаимокompенсируются. Что же касается полуземлянки № 15, то она по площади соответствовала целому комплексу из семи обычных строений, и таким различием пренебречь нельзя. Поскольку в наши задачи входит определение плотности застройки именно средними, а не уникальными структурами, мы считаем возможным и необходимым при подсчетах приравнять данное сооружение к семи обычным строениям. В таблице 2 приведены два варианта подсчетов: как без учета предложенного соотношения, так и с учетом его. Нам представляется, что второй вариант более адекватно отражает реальную ситуацию.

Проанализируем результаты подсчетов (см. табл. 2). Прежде всего, бросаются в глаза резкие отличия в плотности застройки отдельных участков на разных этапах (от 8,3 до 96,8). Объяснение этому нужно искать в структуре населенных пунктов. Судя по всему, поселения средней площади (как и крупные) состояли из разделенных свободным пространством усадеб, каждая из

которых представляла собой комплекс однокамерных построек и хозяйственных ям (землянку № 15 на Старой Богдановке-2 мы расцениваем как уникальный пример замещения такой группы строений одним большим сооружением). С течением времени в организации территории отдельных хозяйств явно происходили перемены, связанные с прекращением существования одних построек и сооружением других (обычно, на некотором расстоянии от предшествующих). Видимо, несколько смещались и общие границы усадеб (так, судя по публикации К.К. Марченко и Я.В. Доманского, на Старой Богдановке-2 на раскопе IV застройка началась лишь на заключительном этапе существования архаического поселения). Данные факторы и нашли отражение в колебаниях плотности застройки по различным участкам и периодам. Между тем, судя по относительной устойчивости плотности застройки населенных пунктов в целом, общее соотношение застроенной и незастроенной их территории существенно не изменялось. Не изменялась радикально и внутренняя структура подавляющего большинства усадеб, хотя численность входивших в каждую из них построек и могла несколько варьировать во времени. Собственно, одна из таких усадеб и была полностью или почти полностью исследована К.К. Марченко и Я.В. Доманским на раскопе I поселения Старая Богдановка-2. На первом этапе она, видимо, состояла из 3, а на втором — из 5–6 полуземлянок.

Таким образом, судя по результатам работ на Старой Богдановке-2, Большой Черноморке-2 и Лупарево-2, поселения средней площади обладали в общем устойчивой средней плотностью застройки (округленно $P = 40$), примерно в 4 раза превышающую плотность застройки крупных поселений.

Б е р е з а н ь. По данным В.В. Лапина, на Основном раскопе им было открыто свыше 70 полуземлянок, существовавших от начала VI по начало V в. до н. э. (Лапин, 1978, С. 114–116). Таким образом, общую продолжительность застройки можно определить примерно в 100 лет. Точное количество построек и размеры участка исследователь в тексте своей обобщающей работы не указал. Судя же по планам раскопа, им было исследовано 74 полуземляночных помещения на площади около 2700 м² (Лапин, 1978, табл. 2, 3). Плотность единовременной застройки в среднем составляла:

$$P = \frac{74 \text{ постр.} \times 15 \text{ лет}}{0,27 \text{ га} \times 100 \text{ лет}} = 41,1 \text{ постройки на га}$$

На Северо-Западном участке, по данным Л.В. Копейкиной (1981, С. 192–197), на площади около 2000 м² открыто 24 сооружения полуземляночного типа и 3 так называемые «ямы-жи-

лица» (вероятно, будет справедливее интерпретировать их как землянки). Большинство из них датируется первой половиной VI в. до н. э., некоторые продолжали существовать и во второй половине века. В середине — начале третьей четверти VI в. до н. э. почти все грунтовые постройки на участке были засыпаны и началось возведение многокамерных наземных комплексов. Следовательно, общая продолжительность земляночного строительства в этой части поселения определяется примерно в 50 лет (от начала первой половины по начало второй половины VI в. до н. э.). Плотность единовременной застройки в этом случае составляла:

$$P = \frac{27 \text{ постр.} \times 15 \text{ лет}}{0,2 \text{ га} \times 50 \text{ лет}} = 40,5 \text{ постройки на га}$$

Правда, на наш взгляд, Л.В. Копейкина излишне удревнила наземные многокамерные комплексы и тем самым сократила действительную продолжительность полуземляночного строительства. Однако, с другой стороны, насколько большим было в реальности число однокамерных строений на участке — в указанное Л.В. Копейкиной количество землянок и полуземлянок вошли «только те из них, границы которых легко прослеживаются, что позволяет установить их размеры и форму» (Копейкина, 1981, С. 193). Будем надеяться, что одна возможная неточность компенсируется другой.

Совпадение результатов, полученных по двум большим раскопам, дает основания полагать, что в целом средняя плотность застройки Березани однокамерными структурами составляла около 40 построек на га и соответствовала плотности застройки сельских поселений средней площади.

О л ь в и я. В настоящее время для определения плотности застройки мы можем воспользоваться, главным образом, результатами работ на участке АГД. По данным С.Д. Крыжицкого и А.С. Русаевой (1978, С. 3 сл.), к западу от Главной продольной улицы на площади около 850 м² было открыто 29 полуземлянок, к востоку от улицы на площади 50 м² — еще 2 полуземлянки. Всего 31 постройка на площади около 900 м². Общая продолжительность полуземляночного строительства составляла примерно 60 лет (середина VI — начало V в. до н. э.). В среднем плотность единовременной застройки составляла:

$$P = \frac{31 \text{ постр.} \times 15 \text{ лет}}{0,09 \text{ га} \times 60 \text{ лет}} = 86,1 \text{ постройки на га}$$

Мы получили усредненные цифры по архаическому периоду в целом. Однако, по утверждению исследователей, на АГД можно проследить два этапа строительства — «середина VI в. до н. э. и последняя четверть VI — начало V в. до н. э.», а открытые на участке полуземлянки хронологи-

чески подразделяются на две группы: «середины VI в. до н. э. (всего три объекта) и второй половины VI — начала V вв. до н. э.» (Крижицкий, Русяева, 1978, С. 4, 19). Видимо, было бы точнее распределить постройки по этапам следующим образом: 1) середина VI — рубеж второй и последней трети VI в. до н. э.; 2) последняя треть VI — начало V в. до н. э. Продолжительность первого этапа можно приблизительно оценить в 15 лет, второго — в 45 лет. В этом случае плотность единовременной застройки составляла:

$$P = \frac{3 \text{ постр.} \times 15 \text{ лет}}{0,09 \text{ га} \times 15 \text{ лет}} = 33,3 \text{ постройки на га (1 этап),}$$

$$P = \frac{28 \text{ постр.} \times 15 \text{ лет}}{0,09 \text{ га} \times 45 \text{ лет}} = 103,7 \text{ постройки на га (2 этап).}$$

Среди полуземлянок АГД имелись такие, например, как № 15, которые по сопровождающему материалу и стратиграфическим данным не удалось датировать в пределах более узких, чем вторая половина VI в. до н. э. Вполне возможно, поэтому, что на первом этапе в действительности существовало не 3, а 4 строения. Тогда плотность застройки на первом этапе составила бы 44,4 постройки на га, а на втором этапе — 100 построек на га.

По мнению авторов публикации, на каждую из единовременно существовавших полуземлянок АГД приходилось 35—45 м² территории поселения (Крижицкий, Русяева, 1978, С. 5, 24), что соответствует плотности застройки от 222 до 286 построек на га. Столь значительное расхождение с нашими результатами объясняется, видимо, следующим. Хотя исследователи и отметили недолговечность полуземлянок (10—20 лет), но тут же каким-то образом посчитали возможным единовременное существование 20—26 из 28 построек второго этапа. Мы полагаем, что использование формального метода позволило получить результаты более строго соответствующие исходным данным.

Помимо АГД, мы можем использовать результаты раскопок Центрального жилого квартала, расположенного к юго-западу от ольвийской агоры (Лейпунская, 1986, С. 29—33). По данным автора раскопок, в 1972—1977 гг. работы были доведены до материка на площади более 250 м², где открыто не менее девяти полуземлянок. Застройка началась не позднее середины VI в. до н. э. В начале V в. до н. э. полуземлянки прекращают свое существование, на их месте возводятся наземные сырцово-каменные дома. Таким образом, продолжительность полуземляночного строительства равнялась приблизительно 60-ти годам (середина VI — начало V в. до н. э.). Средняя плотность застройки составляла:

$$P = \frac{9 \text{ постр.} \times 15 \text{ лет}}{0,025 \text{ га} \times 60 \text{ лет}} = 90 \text{ постройки на га.}$$

Эта цифра очень близка результату, полученному по АГД применительно к архаическому

периоду в целом ($P = 86,1$). К сожалению, распределение полуземлянок Центрального квартала по этапам оказалось невозможным (Лейпунская, 1986, С. 30).

Таким образом, плотность застройки Ольвии в среднем по архаическому периоду ($P = 86 \div 90$) была в 2 раза выше, чем на Березани и на средних поселениях ($P = 40$), в 8 раз выше, чем на крупных сельских поселениях ($P = 11$). Если же разделение полуземлянок АГД по этапам достоверно и показательно, то на первом этапе плотность ольвийской застройки примерно соответствовала березанской ($P = 33 \div 44$), а на втором этапе возросла приблизительно в 2,5 раза ($P = 100 \div 104$).

Большое значение может иметь совпадение цифр, полученных в расчетах по второму этапу в раскопе I на Старой Богдановке-2 ($P = 96,8$) и на участке АГД в Ольвии ($P = 100$). Появилось основание для предположения, что в пределах отдельных жилищно-хозяйственных комплексов как на хоре, так и в Ольвии плотность застройки была примерно одинаковой (округленно $P = 100$). Если подтвердится, что вся Ольвия в последней трети VI в. до н. э. была застроена столь же плотно как АГД, это будет означать, что в указанное время свободное пространство между отдельными ойкопедонами было сведено до минимума; а различные жилищно-хозяйственные комплексы, размещавшиеся ранее на определенном расстоянии друг от друга, объединились в массивы (кварталы), разделенные отныне только улицами.

Количественный состав жилищно-хозяйственных комплексов построек Ольвии и Березани, к сожалению, достоверно неизвестен. Если предположить, что на архаических населенных пунктах всех типов домохозяйства состояли, разумеется, в среднем, из одного и того же количества строений, скажем, из пяти, то по показателям плотности застройки можно рассчитать ориентировочную плотность размещения ойкопедонов:

крупные поселения — 2,2 усадьбы на га ($P = 11$),
средние поселения — 8 усадеб на га ($P = 40$),
Березань — 8 домохозяйств на га ($P = 40$),
Ольвия: 1 этап — 8 домохозяйств на га ($P = 40$),
2 этап — 20 домохозяйств на га ($P = 100$).

II. СОСТАВ СЕМЬИ И РАЗМЕР ДОМОХОЗЯЙСТВА

Имеются все основания утверждать, что в каждом обществе существует достаточно устойчивая связь между численностью и половозрастным составом среднестатистической семьи — с одной стороны, и размерами и организацией домохозяйств — с другой. В конечном итоге, такая взаимосвязь определяется рядом факторов: демографических, хозяйственных,

климатических, культурных и т. д. Рассмотрим, как решался вопрос о такой взаимосвязи применительно к архаическому Нижнему Побужью в условиях доминирования в домостроительстве недолговечных однокамерных полуземляночных структур.

В свое время С.Д. Крыжицкий и А.С. Русяева предположили, что для архаического времени, когда основным типом построек являлись однокамерные полуземлянки, единственным реальным критерием для подсчета численности населения может служить лишь определение количества спальных мест (Крыжицкий, Русяева, 1978, С. 7). Одновременно предполагалось, что каждая полуземлянка была жилой, отдельным семьям принадлежало по одной постройке такого рода, и что средняя численность семьи составляла 3 человека (Крыжицкий, Русяева, 1978, С. 24).

Вероятно, размеры спального места — имеется в виду площадь пола, занимаемого телом лежащего человека (приблизительно 1,7 м, т. е. 0,85—1,2 м²) — можно рассматривать как показатель площади, минимально необходимой для человека [–]. Но это тот минимум, который крайне редко встречается в реальной жизни. Надо учитывать, что где-то должно было размещаться имущество, какая-то площадь необходима для производственной и бытовой деятельности. При рассмотрении этого вопроса следует, видимо, обратиться к этнографическим данным. Минимальная площадь пола, мне известная, отмечена у охотников и собирателей Калифорнии — 1,8 м² на человека, однако там же встречаются и более высокие нормы — 6,3 и даже 9 м² (Масон, 1976). Нельзя не отметить, что хозяйственная жизнь этих, да и других племен менее разнообразна, чем была у греков Нижнего Побужья, да и теплый климат позволял многие виды деятельности осуществлять на открытом воздухе, что в условиях Северного Причерноморья было весьма затруднительно. Р. Наррол, обработавший материалы по 18 этнографическим обществам, пришел к выводу, что численность населения в среднем соответствует 1/10 суммарной площади построек, т. е. на человека приходится в среднем 10 м² площади пола [–]. Надо сказать, что ряд исследователей подверг показатель Р. Наррола критике, считая, что его использование зачастую приводит к заниженной оценке населения. Видимо, этот показатель действительно нельзя использовать как универсальный, одинаково пригодный для всех обществ в различных регионах и на различной стадии развития. Насколько он пригоден к архаическому Нижнему Побужью, сказать трудно. Но сам факт его существования заставляет поставить некоторые ограничения для использования принципа «спальных мест».

Поскольку речь идет об античной цивилизации, для нас не лишено интереса, что на римского раба в Италии, по данным М.Е. Сергеевского и В.И. Кузищина, приходилось не менее 5 м² жилой площади (Сергеевский, 1958; Кузищин, 1990, С. 226—228). На раба в Галлии приходилось примерно столько же, а с учетом хозяйственных и производственных площадей даже больше (Белова, 1977, С. 90—92). Хотя жизненный уровень греков Нижнего Побужья в архаическое время и не был слишком высок, вряд ли их потребность в жилой и хозяйственной площади обеспечивалась в 5—8 раз хуже, по сравнению с римскими рабами. Поэтому мне представляется, что установление количества спальных мест позволяет определить лишь максимально возможную численность населения, на практике никогда не реализуемую. Показатель Р. Наррола явно ближе к реальности, но и его степень достоверности применительно к Нижнему Побужью остается неясной.

Предположение С.Д. Крыжицкого и А.С. Русяевой о том, что каждая или почти каждая полуземлянка была жилой (на наш взгляд), проверку временем не выдержало. По большому счету, оно было ошибочным с самого начала. Другое дело, что выяснить соотношение жилых и хозяйственных построек до сих пор достаточно уверенно не удается.

Сам по себе факт существования хозяйственных строений несомненен. Так, на Широкой Балке раскопана полуземлянка, почти полностью занятая печью для сушки зерна (Рабицкий, 1951, С. 114 сл.). На участке АГД в Ольвии полуземлянка № 15 на последнем этапе своего существования использовалась для хранения щебенки (Крыжицкий, Русяева, 1978, С. 11).

Весьма любопытна попытка К.К. Марченко и Я.В. Доманского выделить жилые (12 структур) и хозяйственные (7 структур) среди построек поселений Ст. Богдановка-2 (Марченко, Доманский, 1981, С. 62). Тем не менее, проблему выделения жилых и хозяйственных структур в общем можно считать пока скорее поставленной, чем решенной.

Важные результаты о структуре отдельных домохозяйств были получены при раскопках сельских поселений (Крыжицкий и др., 1989, С. 26—31). Они показали, что отдельные ойкопедоны состояли обычно из 4—6 однокамерных построек, рядом с которыми размещалось несколько хозяйственных ям. Наиболее наглядными явились работы на поселении Чертоватое-7 (Буйских, 1985; 1987; Крыжицкий, Буйских, 1988). Интересно отметить, что рядовые наземные дома в Северном Причерноморье состояли обычно также из 4—6 помещений (Крыжицкий, 1982). Видимо, количество помещений, необходимых для обеспечения жизнедеятельности

античной семьи было одинаковым и при земляночном, и при наземном домостроительстве.

Вернемся теперь к составу семьи. Первоначально, как уже говорилось, исследователи предполагали, что на 1 семью приходилась 1 полуземлянка (Крижицкий, Русяева, 1978). В соответствии с принципом «площади пола», количественный состав средней семьи определялся в 3 человека. В принципе, столь малочисленная средняя семья могла иметь место, но на протяжении исключительно нескольких лет, пока переселенцы не успели обзавестись детьми и — тем более — пока демографическая структура населения не приняла «нормальный» вид.

После того, как структура среднего домохозяйства (4—6 построек) была установлена с достаточно высокой степенью убедительности, к этим домохозяйствам снова был применен «принцип пола» и предположение, что в каждой постройке размещалось в среднем 3 человека (т. е. проблема соотношения жилых и хозяйственных структур оказалась несколько затушеванной). В результате, численность семьи была определена в 10—18 человек (Крижицкий, Буйских, 1988, С. 5; Крыжицкий и др., 1989, С. 37). Правда, исследователи не говорили прямо о семье, а указывали лишь количество людей (возможно, родственников), проживавших в одной усадьбе. Это и понятно, поскольку средняя семья в 18 человек практически никак не согласуется ни с этнографическими, ни с историческими данными. С другой стороны, трудно представить себе, что «усадьбы» конца архаического времени в массовом порядке принадлежали не одной, а нескольким семьям — каких-то экономических или социальных оснований для этого не видится. Кстати, если применить «площадь пола» к рядовым наземным многокомнатным домам, то получим примерно ту же цифру — 10—20 человек, иными словами, от применения данного принципа (по крайней мере, для наших целей) следует отказаться и остановиться на следующем: среднее домохозяйство состояло из 4—6 однокомнатных построек, среди которых имелись жилые и хозяйственные (по К.К. Марченко и Я.В. Доманскому, их соотношение на Ст. Богдановке-2 равняется 12 : 7) и принадлежало 1 семье. Численность же средней семьи приходится определять не по «площади спального места», а какими-то другими способами.

Определенный интерес в этой связи представляют эпиграфические данные. Я имею в виду найденное на Березани письмо на свинцовой пластине, написанное во второй половине VI в. до н. э., возможно — около 500 г. до н. э. (Виноградов, 1971, С. 82, 93; Яйленко, 1974, С. 136—137; 1976, С. 143). В нем упоминаются члены семьи автора письма некоего Ахиллора. Это сам Ахиллор, его жена и, по меньшей мере, трое

сыновей (Протагор и другие, количество которых не указано, но поскольку они упомянуты во множественном числе, их было не менее двух). Сюда же надо причислить некоего Эвневра или Геневра — явно зависимую личность, возможно раба, выполнявшего различные поручения Ахиллора. Не лишено интереса мнение исследователей данного эпиграфического документа, что Ахиллор являлся, скорее всего, представителем средних слоев ольвийских граждан.

В качестве адресата выступает некий Анаксагор. У него имелась жена. Другие члены семьи не упоминаются, но, возможно, что для этого просто не было повода. В момент написания письма во владении Анаксагора находилось имущество какого-то Матасия, в частности, рабы и рабыни. Поскольку и те, и другие упомянуты во множественном числе, то их было никак не менее четырех — не менее двух рабов и двух рабынь. Не совсем понятно, кем был Фортегесий. По мнению интерпретаторов письма — это вольноотпущенник, которого пытались вновь поработить. В этом случае, число зависимых в социальном отношении лиц, принадлежавших сначала Матасию, а затем Анаксагору, составлял не менее 5.

На наш взгляд, эти данные, хотя и случайные, вполне подкрепляют предположение о средней численности семьи в конце архаического периода примерно в 5—7 человек (включая рабов).

Совершенно ясно, что при таком варианте одной однокамерной постройки на семью было явно мало. В этой связи небезынтересно отметить, что среди имущества Матасия, которым завладел Анаксагор, упоминаются дома или постройки. Ю.Г. Виноградов по этому поводу пишет: «Абсолютно ясно, что все они жили действительно в большом городе, так как даже Матасий имел в нем несколько жилых построек и определенное число рабов» (Виноградов, 1971, С. 95). Вероятно, на самом деле факт владения одним лицом нескольких построек объясняется не особенностями пункта проживания (большой город или же малая деревушка), а характером домостроительства. Строились не многокамерные постройки, являющиеся комплексом помещений, объединенных под одной крышей, а комплексы небольших отдельно стоящих однокамерных строений. В этих условиях вполне естественно, что Матасий мог иметь несколько построек.

Можно подойти с позиций логико-демографических. Известно, что в Греции даже взрослые сыновья обычно продолжали жить вместе с отцом. Подтверждения этому имеются в литературных и эпиграфических источниках. Так, вместе с отцом проживали взрослые, женатые сыновья Перикла, имевшие уже собственных детей [Плутарх, *Перикл*, XXXVI]. Можно попытаться определить численность семьи при сле-

дующих допущениях: у каждой семьи имелся глава — взрослый мужчина (женщины, оставшиеся без мужа, попадали под опеку ближайших родственников). Мужчины в возрасте 40—70 лет обычно жили вместе с сыновьями, в том числе взрослыми в возрасте 20—40 лет. Иными словами, количество глав семей будет определяться — приблизительно — численностью взрослых мужчин в возрасте 20—40 лет.

Правда, могут быть колебания в определении доли, которую составляли мужчины указанного возраста относительно общего количества населения. Это, во-первых, соотношение взрослых мужчин и женщин, во-вторых, соотношение детских и взрослых возрастов.

Платон, к примеру, уверял, что женщин — «чуть ли не более, чем вдвое» больше, чем мужчин [Legg. 781B]. С точки зрения биологии человека, рождается среднестатистически 105 мальчиков на 100 девочек, но позднее, под влиянием различных социальных и медицинских факторов, соотношение полов может весьма значительно меняться в ту или иную сторону. Сведения Платона, на мой взгляд, отражают ситуацию, когда после походов Александра множество мужчин (наемников, торговцев и т. п.) хлынуло на Восток. Т. е. это не свойственная грекам вообще некая биологическая особенность, а ситуационное явление.

К сожалению, палеоантропологические определения материалов из античных некрополей практически отсутствуют и не могут достаточно достоверно прояснить картину. Небольшая серия из Херсонеса, согласно любезному сообщению Т.А. Назаровой, показывает почти равное количество взрослых мужчин и женщин, но статистическая достоверность ее не слишком велика. Видимо, вплоть до появления новых данных, условно можно принять численность взрослых мужчин и женщин одинаковой.

Соотношение взрослых и детских возрастов в значительной мере зависит от темпов прироста населения. Опять же, у нас нет оснований предполагать, что темп прироста превышал 0,001 %.

При этих условиях, численность семьи должна была составлять в среднем 5—5,5 человек. Если к этому прибавить некоторое количество рабов и зависимых лиц, то можно считать, что в среднем семья состояла из 6 человек, и принадлежала ей 4—6, т. е. в среднем 5 полуземляночных однокомнатных построек.

III. ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ АРХАИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

БЕРЕЗАНЬ

Поселение. В настоящее время площадь острова составляет примерно 30 га, в древности она была значительно больше. Так,

сравнение карт начала XIX и начала XX вв. показывает, что уменьшение северо-западного берега равно за 100 лет 23 м (Фабрициус, 1951, С. 57, прим. 59). В.В. Лапин, экстраполируя современные темпы разрушения острова на период протяженностью около 2 тыс. лет (начиная с конца I тысячелетия до н. э.) пришел к выводу, что размеры острова составят, по крайней мере, $2,5 \times 2,5$ км, т. е. около 6 км² или 600 га (Лапин, 1966, С. 131). Цифра, скорее всего, чрезвычайно завышенная. Главное, к тому же, в другом.

В настоящее время сохранившаяся часть поселения составляет около 10 га (Лапин, 1966, С. 124; Доманский и др., 1989, С. 59). Какую же площадь могло иметь поселение в VI в. до н. э.? По мнению В.В. Лапина, площадь архаического населенного пункта могла достигать 20 га. К сожалению, данная цифра осталась без разъясняющей аргументации, так что одному из ведущих исследователей памятника приходится верить на слово.

Как уже говорилось, плотность застройки полуземляночными однокамерными структурами составляла около 40 построек на га. Следовательно, на сохранившейся территории (порядка 10 га) могло размещаться около 400 единовременных жилых и хозяйственных структур. На территории порядка 20 га (думается, что площадь поселения ни в коем случае не могла превышать эту цифру) количество структур возрастет до 800. В первом случае, на сохранившейся территории памятника, могло размещаться до 80 домохозяйств и проживать около 480 человек. Во втором случае — до 160 домохозяйств и порядка 960 человек. Видимо, реальная численность населения не выходила за эти рамки.

Березанский некрополь. Строго говоря, материалы Березанского некрополя вплоть до настоящего времени должным образом не опубликованы и не проанализированы. Это относится как к результатам работ исследователей начала XX в. (Г.Л. Скадовского, Э.Р. фон Штерна), так и к материалам Березанской экспедиции Государственного Эрмитажа (К.С. Горбунова, Л.В. Копейкина, Я.В. Доманский, Ю.Г. Виногорадов, С.Л. Соловьев).

Тем не менее, доступная мне информация, содержащаяся как в опубликованных статьях ряда исследователей, так и в архивных источниках, позволяет — при всей ее противоречивости — сделать на ее основе ряд выводов демографического характера, причем — на мой взгляд — с достаточно высокой степенью надежности.

Прежде чем приступить к определению численности древнего населения, необходимо получить хотя бы ориентировочное представление о следующих основных моментах: 1) общее количество древних захоронений на некрополе; 2) продолжительность периода, на протяжении

которого эти захоронения совершались; 3) вероятная средняя продолжительность жизни древнего населения.

При выяснении этих моментов нельзя обойтись без рассмотрения как доступных археологических данных, так и точек зрения различных исследователей.

Наиболее ранние (по времени раскопок) и наиболее массовые археологические материалы, характеризующие березанский некрополь, происходят из раскопок херсонского помещика Г.Л. Скадовского. Он работал на Березани два года — в сезоны 1900 и 1901 гг. Отчет о его работе в 1900 г. хранится в Херсонском музее, копия отчета — в архиве Гос. Эрмитажа, план раскопа 1900 г. — в Одесском археологическом музее. По тому или иному поводу результаты его работ затрагивались — в той или иной степени — различными исследователями. При этом в ряде пунктов мнения последующих ученых весьма существенно не совпадают. Проблемы начинаются с определения численности (количества) погребений, раскрытых Г.Л. Скадовским во время его работ на Березанском некрополе.

Так, В.В. Лапин утверждает, что подсчет по дневнику Г.Л. Скадовского за 1900 г., хранящемуся в Херсонском музее, дал в конечном итоге следующую цифру — 432 погребения (Лапин, 1978, С. 263). В.М. Скуднова называет иную цифру: по ее данным, в копии дневника Г.Л. Скадовского, хранящейся в архиве Гос. Эрмитажа, описано 513 могил; ровно столько же — 513 могил — имеется и на плане раскопа (Скуднова, 1949, С. 1). Э.Р. фон Штерн и И.В. Фабрициус говорили о более чем 800 погребениях (фон Штерн, 1904; Фабрициус, 1951, С. 57). И.В. Фабрициус при этом ссылается на рукописную работу В.И. Гошкевича.

Последнюю цифру — свыше 800 погребений — упоминают и современные исследователи Березанского некрополя (Доманский и др., 1989, С. 38).

Я тоже думаю, что последняя цифра ближе к истине, и вот почему.

В.В. Лапин и В.М. Скуднова оперировали, насколько можно судить по тексту их работ, документацией Г.Л. Скадовского за 1900 г. (дневник и план раскопа). Таким образом, материалы работ сезона 1901 г. остались ими неучтенными. В.М. Скуднова по этому поводу пишет, что работы сезона 1901 г. были весьма непродолжительны (порядка двух недель) и, в силу этого, особых результатов дать не могли.

Я не уверен, что с утверждением В.М. Скудновой следует безоговорочно согласиться.

В сезон 1900 г. Г.Л. Скадовский вскрыл площадь порядка 1900 м² (Фабрициус, 1951, С. 57). На этой площади им обнаружены как минимум 432 (по В.В. Лапину) или 513 (по В.М. Скудновой) погребений. Иными словами, на каждые

4 м² территории некрополя приходилось по погребению. При этом плотность погребений на разных участках варьировала — местами они располагались один над другим, в несколько ярусов. Таким образом, нельзя полностью отвергать возможность — хотя бы гипотетическую — что при наличии определенной удачи Г.Л. Скадовский даже за две недели все же мог раскопать двести-триста погребений на, предположительно, небольшой площади. Косвенно в пользу такой возможности может свидетельствовать следующий факт.

В дневнике Г.Л. Скадовского за 1900 г. отмечено 300 номеров находок, а в фотоальбоме, хранящемся в архиве ЛОИА, их насчитывается свыше 500. По заданию Б.В. Фармаковского, съемку вещей из раскопок Г.Л. Скадовского, хранившихся в Херсонском музее, в 1907 г. сделал И. Чистяков. Но, как отмечает С.И. Капошина (Капошина, 1956, С. 217, прим. 3), «уже в то время номера вещей по альбому зачастую не совпадали с номерами вещей, заснятых Чистяковым». Спрашивается, как это могло произойти?

По достаточно квалифицированному и убедительному мнению В.В. Лапина по данному вопросу, работы Г.Л. Скадовского вполне соответствовали уровню развития археологической науки того времени (Лапин, 1966, С. 110). Иными словами, претензии к нему могут быть предъявлены с точки зрения современных методик и воззрений, но не с точки зрения элементарной неаккуратности. Так как же могли получиться столь досадные накладки? На мой взгляд, все станет на свои места, если допустить следующее. Во-первых, в сезон 1901 г., вопреки мнению В.М. Скудновой, Г.Л. Скадовскому действительно удалось открыть значительное количество погребений (этим и объясняется увеличение численности заинвентаризированных находок с 300 до свыше 500). Во-вторых, при нумерации погребений и находок Г.Л. Скадовский применил не сквозную, а погодовую систему (так, как в это время делал в Ольвии и такой специалист как Б.В. Фармаковский). Путаница же могла возникнуть в 1907 г., когда И. Чистяков смешал воедино результаты двух лет работы.

Возможно, эти рассуждения покажутся неубедительными. Но в мои задачи — в данном случае — отнюдь не входит выяснение всех сомнительных моментов, связанных с результатами работ Г.Л. Скадовского. В данном случае, речь идет лишь о том, какую цифру из фигурирующих в литературе признать за наиболее приближенную к реальности. В любом случае, невзирая на степень убедительности вышеизложенных соображений, нельзя не согласиться еще и со следующим: Э.Р. фон Штерн и В.И. Гошкевич были, несомненно, ближе к действительной ситуации, чем другие ученые, и цифра 800 с лиш-

ним погребений появилась у них не случайно. Я не собираюсь провозглашать эту цифру истинной в последней инстанции, но игнорировать ее, не принимать ее в расчет считаю попросту непозволительным.

Следующий момент, весьма интересный для демографической интерпретации результатов работ Г.Л. Скадовского, связан с так называемыми «кострищами».

Как показали еще В.М. Скуднова в своей неопубликованной работе (Скуднова, 1949) и С.И. Капошина в своей работе опубликованной и широко известной (Капошина, 1956), грунтовый некрополь Березани принадлежит, в массе, ко второй половине VI в. до н. э.

Этот вывод получил свое подтверждение в результатах последующих работ Березанской экспедиции Гос. Эрмитажа 60—80 гг. (Доманский и др., 1989).

Что же касается «кострищ» или «сожжений», то именно отсюда происходит подавляющее большинство образцов архаической восточно-греческой расписной керамики, датируемой концом VII — первой половиной VI в. до н. э., которая имеется среди находок Г.Л. Скадовского (Капошина, 1956, С. 222).

По мнению С.И. Капошиной, все открытые Г.Л. Скадовским кострища являлись остатками костров, на которых сжигали умерших. Обычно в земле делалось небольшое углубление, в котором и разводился костер. Зафиксировано несколько случаев, когда в небольших углублениях сохранялись остатки обгоревших деревянных брусьев диаметром 12—16 см. Все кострища, по видимому, имели круглую или округлую форму, так как Г.Л. Скадовский чаще всего отмечал их размеры по диаметру. Обычно указывается на наличие большого количества золы и угля, залегающих толщей в 0,08—0,22 м, изредка до 0,7 м. Погребение, по крайней мере иногда, совершалось на месте сожжения, так как в центре нескольких хорошо сохранившихся кострищ были найдены амфоры и урны с пеплом и обгоревшими костями. Среди золы и углей находился и погребальный инвентарь. Целые сосуды встречались довольно редко, но изобилие керамических обломков и разбитых сосудов постоянно отмечается в дневнике Г.Л. Скадовского. Однако захоронение пепла и остатков обгоревших костей производилось, очевидно, не только на кострищах. Как отмечает С.И. Капошина, в ряде случаев Г.Л. Скадовский фиксирует находки амфор с пеплом и обгоревшими остатками костей, не связывая их с кострищами (Капошина, 1956, С. 218). С другой стороны, отмечаются и случаи неполного сгорания — на одном из кострищ найден полуобгоревший череп. Величина кострищ различна. Их диаметры указаны не всегда, а, видимо, лишь в случаях особо хорошей

сохранности. Диаметры кострищ колеблются от 1,5 до 2,5 м.

Напротив, В.В. Лапин со свойственным ему гиперкритицизмом, утверждал, что «значительная (если не большая) часть раскопанных Г.Л. Скадовским «кострищ», давших как раз наиболее ранние материалы, не является сожжениями, как это полагали сам автор раскопок и последующие исследователи, а представляет собой обычные ямы или культурный слой, всегда насыщенный золой, углями, костями, керамикой» (Лапин, 1966, С. 109). Вместе с тем, он признает, что на березанском некрополе имелись и бесспорные кремированные захоронения. Причем, именно в этих случаях находок родосско-ионийской керамики не фиксируется. Иными словами, ранние кострища связываются им с поселением, существовавшим на месте грунтового некрополя (каковое предположение он сам называет «все же не бесспорным»).

Среди аргументации В.В. Лапина заслуживает внимания, на мой взгляд, лишь одно. Исследователь писал: «Если это действительно кострища, то почему их диаметры так малы (иногда меньше 1 м)? На таком костре покойника можно было подвергнуть сожжению только в сидячем или стоячем положении или сжигать его по частям. Если предположить, что после сожжения все остатки сгребались в небольшую кучу, следы сожжения на остальной площади все равно должны были остаться» (Лапин, 1966, С. 111).

Насчет «сидячего или стоячего положения» сказано, конечно, едко. Но откуда В.В. Лапин взял, что сожжению могли подвергаться останки исключительно взрослых мужчин и женщин, а на детей — в том числе и совсем маленьких — распространяться этот обряд никак не мог? Если же допустить возможность кремации детей, то небольшие размеры части кострищ получают вполне логичное объяснение.

Другие соображения В.В. Лапина опровержений, думаю, не требуют. Его настораживает мощность кострищ (до 0,7 м) на XII полосе, более подходящая для ям (Лапин, 1966, С. 110). Или — о графическом изображении кострищ на плане Г.Л. Скадовского: «Для человека незнакомого с дневником и имеющего дело только с планом Г.Л. Скадовского, не может даже возникнуть сомнений, что изображенные на нем темные кружки являются ямами» (Лапин, 1966, С. 10).

Таким образом, попытка связать кострища — в массе — не с некрополем, а предшествовавшим поселением, на мой взгляд, не удалась. Наиболее убедительна в данном случае старая точка зрения, восходящая к Э.Р. фон Штерну, согласно которой кострища принадлежат в подавляющем большинстве раннему некрополю, ко времени до массового распространения аттической керамики (т. е. до середины VI в. до н. э.).

Количество кострищ, или, точнее, количество сожжений, совершенных на участке работ Г.Л. Скадовского, поддается лишь крайне приблизительному определению.

На плане раскопа 1900 г., опубликованном В.В. Лапиным (Лапин, 1966, С. 112—113, вклейка), насчитывается свыше 70 кострищ, причем в восточной части полосы VI пятна сливаются в довольно большой массив. По данным И.В. Фабрициус: «Кострищ от трупосожжений Скадовский отмечает больше 100» (Фабрициус, 1951, С. 57). По мнению С.И. Капошиной, их было открыто гораздо больше, поскольку Г.Л. Скадовский часто говорит в своем дневнике о «множестве кострищ» (Капошина, 1956, С. 217).

Здесь следует обратить внимание на следующее.

Как справедливо отмечает С.И. Капошина, сожжения производились, по всей вероятности, на одном и том же месте, но в разное время (Капошина, 1956, С. 217). Этим объясняется тот факт, что во многих случаях отмечались наслоения одного кострища на другое, а порой прослеживались наслоения трех, пяти и семи кострищ, разделенных тонкими прослойками земли. Иногда удавалось проследить эти наслоения по признаку разной величины их диаметров. Иными словами, если на плане мы видим изображение одного кострища, то на самом деле в этом месте могло быть совершено и два, и пять, и семь трупосожжений. Кроме того, разрушенные кострища не входили в общую нумерацию, и в дневнике Г.Л. Скадовского содержатся такие заметки как: «еще ряд кострищ; много кострищ». Естественно, что оценить общее количество трупосожжений, совершенных на участке работ Г.Л. Скадовского можно лишь приблизительно, оценочно. Думаю, что оценка порядка 300—400 трупосожжений не будет завышенной.

Следующий вопрос — это проблема определения средней продолжительности жизни для новорожденных, половозрастной структуры и т. д.

К сожалению, антропологические определения пола и возраста умерших березанцев отсутствуют, причем остались необработанными не только материалы Г.Л. Скадовского или Э.Р. фон Штерна (что, в общем, простительно, учитывая общее развитие науки того времени), но и материалы из раскопок Березанской экспедиции Гос. Эрмитажа 60-х—80-х гг. нашего столетия (что, попросту говоря, весьма прискорбно). Таким образом, опереться на данные палеоантропологии в данном случае невозможно.

Можно использовать общетеоретические соображения следующего характера. Несомненно, что воспроизводство населения Березани архаического времени относилось к так называемому традиционному типу. Иными словами, для

этого населения должны были быть характерны высокий уровень рождаемости, высокая общая смертность, высокая младенческая смертность, небольшая средняя продолжительность жизни для новорожденных (скорее всего, в пределах от 20 до 30 лет).

Однако некоторые особенности погребального обряда древних березанцев дают возможность использовать для демографических целей археологические данные. Здесь надо отдать должное В.В. Лапину. Со свойственной ему придиристичностью и даже гиперкритицизмом (применительно к результатам работ других исследователей), он из материалов Г.Л. Скадовского отсеял все недостаточно ясное и сомнительное. Если в отношении общего количества захоронений он, на мой взгляд, заблуждался в сторону преуменьшения, то в отношении состава той бесспорной выборки, которая осталась, ему, глубоко уверен, верить можно.

Интересующие нас выводы В.В. Лапина сводятся к следующему.

Подсчет по дневнику Г.Л. Скадовского дал 432 бесспорных архаических погребения. Детские амфорные и урновые захоронения — 153 (т. е. 35,4 % от общего количества). Грунтовых захоронений насчитывается 235 (т. е. 54,8 % от общего количества), в том числе 34 безамфорных погребения детей (видимо, в возрасте до 10—12 лет). Помимо того, имелось 36 разрушенных погребений, 5 отдельных черепов, 4 кенотафа, в том числе 1 детский.

В сумме, количество детских захоронений — амфорных, урновых и грунтовых — составляет 187 (43,3 % от общего количества). Как утверждает исследователь, учитывая некоторое количество юношей среди погребенных взрослых, количество умерших, не достигших зрелости, должно составлять не менее 50 % (Лапин, 1978, С. 265).

Обычно, в некрополях как античного времени, так и других эпох и других культур (по сообщению А. Е. Кислого) детские погребения либо вообще отсутствуют, либо их количество настолько мало, что не укладывается ни в какие рамки демографической теории [—]. В этом отношении березанские материалы уникальны не только для Северного Причерноморья, но и для многих других территорий. Рассматривать причины этого явления с точки зрения погребальной практики мы здесь не будем, а обратимся к демографическим проблемам Березани.

Как известно, обряд погребения в амфорах, урнах или каких-либо иных, специально изготовленных для данной цели сосудах распространялся обычно на детей в возрасте до 1—2 лет. Амфорные и урновые погребения Березани составляют 35,4 % от общего числа погребенных. По любым модальным таблицам, такая

смертность выглядит чрезмерно большой для детей в возрасте до 1 года (ожидаемый уровень порядка 25 %, с возможными отклонениями в ту или другую сторону). Было бы соблазнительно объяснить столь высокий процент неполной демографической (половозрастной) структурой населения в условиях колонизации. Но это объяснение, будучи вполне пригодным для начального этапа колонизации выглядит весьма сомнительно для второй половины VI в. до н. э., когда половозрастная структура уже давно должна была бы быть устоявшейся, амортизированной. Следующая возможность — зависимость от крайне высоких темпов прироста населения. Полностью отрицать ее нельзя, но здесь нужны какие-то иные, дополнительные аргументы. Наиболее реальным представляется следующий вывод: обряд погребения в сосудах распространялся на детей в возрасте не до 1, а до 2 лет. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что иногда для трупов относительно больших размеров употреблялся не один сосуд, а две сложенные вместе амфоры (Фабрициус, 1951, С. 58). Если обратиться к модальным таблицам смертности, то в этом случае Березань достаточно хорошо соответствует уровню смертности при средней продолжительности жизни порядка 25 лет.

Что касается смертности в более старших детских и подростковых возрастах, то она несколько меньше модальной. Видимо, В.В. Лапин прав, утверждая, что часть подростков 13—15-летнего возраста была приплюсована Г.Л. Скадовским к взрослым, и что в целом смертность до возраста 15—20 лет составляла не менее 50 %.

Суммируя сказанное, можно достаточно уверенно утверждать, что средняя продолжительность жизни новорожденных на Березани архаического времени составляла около 25 лет. Высокая смертность — порядка 4 % в год — должна была сопровождаться такой же или чуть большей рождаемостью.

Перейдем теперь к рассмотрению материалов раскопок Березанской экспедиции Гос. Эрмитажа за период 1967—1987 гг. (Доманский и др., 1989, С. 38—60).

Определения антропологического материала ленинградскими исследователями не публиковались и, насколько мне известно, вообще не производились. Данных о половозрастном составе на основании сопровождающего инвентаря или каких-либо иных археологических наблюдений тоже нет. Зато в публикации этих исследователей приведены данные, о хронологическом распределении открытых ими погребений.

Ими выделяются три группы захоронений: I — труположения, II — детские захоронения в амфорах и урнах, III — трупосожжения.

I группа подразделяется на два типа — «а» и «б».

К типу «а» отнесено 38 погребений, из которых датированных 23. Хронологически они распределяются следующим образом:

вторая половина VI в. до н. э. — 20,
начало V в. до н. э. — 2,
середина V в. до н. э. — 1.

Остальные погребения безынвентарные и — по стратиграфическим соображениям — относятся к периоду от середины VI до середины V в. до н. э.

К типу «б» отнесено 64 погребения, из которых:

второй половины VI в. до н. э. — 24,
начала V в. до н. э. — 3,
первой половины V в. до н. э. — 4.

Остальные погребения безынвентарные, по стратиграфическим соображениям относятся к периоду от середины VI до середины V в. до н. э.

Детские погребения в амфорах и урнах (II группа) хронологически распределяются следующим образом:

первая половина VI в. до н. э. — 2,
вторая половина VI в. до н. э. — 3,
рубеж VI—V вв. до н. э. — 2,
первая половина V в. до н. э. — 1.

Трупосожжения (III группа) распределяются так:

вторая половина VI в. до н. э. — 4,
первая половина V в. до н. э. — 1.

Таким образом, основная масса погребений — до 90 % — относится ко второй половине VI — началу V вв. до н. э. Судя по публикации, «кострищ» с материалами первой половины VI в. до н. э. — как на участке Г.Л. Скадовского — экспедиции Эрмитажа открыть не удалось. К первой половине VI в. относится лишь одно детское погребение в амфоре. В целом, результаты ленинградских исследователей подтверждают основные выводы хронологического порядка, сделанные С.И. Капошиной (1956, С. 225—226).

Попробуем теперь на основе материалов погребального характера определить численность древнего населения Березани. Первым делом необходимо обратить внимание на следующее.

Точные границы березанского некрополя определить весьма затруднительно. Берега острова на протяжении как минимум двух столетий разрушаются морем. Во второй половине XIX в. к разрушению некрополя приложили руку и кладоискатели. В описании В.И. Гошкевича это происходило следующим образом: «Вбив в землю лом, прикрепив к нему конец веревки и обвязав себя другим концом ее, грабитель работал на весу... сбрасывая могильную землю прямо в море» (Фабрициус, 1951, С. 57). На плане раскопа Г.Л. Скадовского в прибрежной части отмече-

ны большие участки, поврежденные грабителями (Лапин, 1966, вклейка между С. 112—113). По данным И.В. Фабрициус сличение карт острова начала XIX и начала XX вв. показывает уменьшение берега в северо-западной части на 23 м за сто лет (Фабрициус, 1951, С. 57, прим. 59). Иными словами, даже в пределах территории, еще существовавшей в начале XIX в., некрополь мог достигать как минимум в два раза большей площади, чем к моменту начала работ Г.Л. Скадовского. Кроме того, останки древних березанцев встречаются и на поселении. Большинство безинвентарных погребений явно позднего и даже современного происхождения, но какая-то часть, несомненно, архаического времени. К примеру, В.В. Лапиным в 1975—1976 гг. была раскрыта яма с 9 мужскими скелетами, причем отмечаются пробоины в темени, следы режущих орудий на костях (Лапин, 1978, С. 281—282). Хотя идеи Э.Р. фон Штерна относительно «погребальных ям» давно опровергнуты, нельзя отрицать, что и среди его материалов, несомненно, имелись действительные захоронения (см., напр., ОАК за 1908 г., С. 92).

Таким образом, мы не можем подсчитать реальную численность населения, но можем получить некий ее нижний предел.

Если согласиться с интерпретацией «кострищ» как трупосожжений по преимуществу раннего периода и принять предложенную выше оценку их количества, т. е. 300—400 трупосожжений, то ежегодно в пределах исследованной части березанского некрополя должно было совершаться в первой половине VI в. до н. э. в среднем 6—8 трупосожжений. Тогда при продолжительности жизни для новорожденных порядка 25 лет, численность населения должна была составлять 150—200 человек. Поскольку значительная часть некрополя уничтожена, и количество трупосожжений, несомненно, было гораздо большим, то данную цифру следует рассматривать как минимум — т. е. население Березани в первой половине VI в. до н. э. составляло не менее 150—200 человек.

Для второго периода (вторая половина VI — начало V в. до н. э.) можно подсчитать два варианта численности населения — по минимуму и по максимуму.

По минимуму, общее количество открытых захоронений составляло порядка 600 (432 по В.В. Лапину + 122 из раскопок экспедиции Гос. Эрмитажа + несколько десятков, открытых в разные годы на территории поселения). В среднем, получается 10—12 захоронений в год. Численность населения — не менее 250—300 человек (это только на основании имеющихся материалов).

По максимуму, эта цифра возрастает примерно в 1,5 раза. Как уже говорилось, количество

погребений, открытых Г.Л. Скадовским, оценивалось в более чем 800. Возможно, в эту цифру Э.Р. фон Штерн и В.И. Гошкевич включали и 100 кострищ. За вычетом последних, остается свыше 700 погребений + материалы экспедиции Гос. Эрмитажа + захоронения на территории поселения. Итого, порядка 900 захоронений. Соответственно получается 15—18 захоронений в год и численность населения в 375—450 человек.

При вполне нормальном допущении, что к началу XX в. сохранилась лишь половина, а то и четверть территории некрополя, численность населения Березани для конца архаического периода вполне может быть оценена примерно в 1000 человек.

Последняя цифра привлекает меня не только потому, что совпадает (точнее, может подкрепить) результаты подсчетов по материалам поселения. Дело еще и в некоторых представлениях о процессе колонизации. Первопоселенцы должны были составлять не слишком малочисленную группу. Судя по другим колониям (например по Кирене в Ливии) первопоселенцев, должно было быть где-то около 150 мужчин, по крайней мере, потенциально глав семей. При средней семье из 6 человек, 150 семей дадут при формировании полновесной половозрастной структуры группу около 900 человек. К ним следует добавить некоторое количество рабов и иноземцев, присутствие которых на архаической Березани зафиксировано в эпиграфических источниках. Все эти соображения позволяют считать цифру 1000 человек наиболее реальной.

Ольвия

Поселение. Существуют различные мнения относительно размеров ее территории, заселенной в архаическое время. С точки зрения Л.В. Копейкиной, находки фрагментов архаической керамики на различных раскопах позволяют утверждать, что в конце этого периода территория Ольвийского городища была заселена почти полностью (Копейкина, 1976, С. 140). С.Д. Крыжицкий и А.С. Русева не согласны с этим выводом, считая, что ориентироваться надо на наличие культурного слоя и строительных остатков, а не на отдельные вещевые находки (1978, С. 20). Они справедливо отмечают, что отдельные вещи могли различными путями попадать на территорию, в архаический период не застроенную. Например, вполне естественно ожидать какое-то количество подобных находок в Нижнем городе — в промежутке между заселенной частью Ольвийского городища, находившейся в Верхнем городе, и берегом лимана, куда приставали и торговые корабли, и рыбацкие лодки. Мало того, здесь могли размещаться и отдельные постройки. Проанализировав данные, С.Д. Крыжицкий и А.С. Русева

пришли к выводу, что в архаическое время занятая жилой застройкой территория (за вычетом теменоса, агоры и площади улиц) составляла приблизительно от 8,7 до 15 га. С первой из этих цифр трудно не согласиться — это та территория, где строительные остатки и культурный слой зафиксированы в натуре. Вторая же цифра, на первый взгляд, кажется несколько преувеличенной. Действительно, судя по материалам раскопок Б.В. Фармаковского, территория архаического поселения могла достигать на севере района городских ворот и, соответственно, превышать достоверно установленную площадь 8,7 га. Однако остается недоказанным и, на наш взгляд, маловероятным то, что был застроен северо-западный угол Верхнего города. Поэтому мы считаем оптимальным определить территорию архаической Ольвии примерно в 12–15 га (без учета теменоса, агоры и площади улиц).

На территории порядка 9 га при плотности единовременной застройки порядка 40 структур на га могло размещаться около 360 полужемлянок или 72 домохозяйства. На втором этапе, когда плотность застройки резко возросла (до 100 структур на 1 га) — около 900 построек или 140 домохозяйств.

На площади порядка 15 га — соответственно от 600 до 1500 построек или от 120 до 300 домохозяйств.

Цифра в 72 домохозяйства на первом этапе заселения Ольвии представляется слишком маленькой. Ведь уже в то время у ольвиополитов хватало рабочих рук для сооружения, к примеру, древнейшего теменоса (Русяева, 1986, С. 50 сл.). В этом отношении данные, полученные по территории порядка 15 га, выглядят предпочтительнее.

В конечном итоге, наиболее реальными выглядят следующие цифры.

На первом этапе заселения Ольвии здесь проживало около 120 семей общей численностью около 720 человек. На втором этапе (конец архаического периода) — до 300 семей общей численностью около 1800 человек.

Гипотетически, здесь прослеживаются две возможности для объяснения столь быстрого роста численности населения.

Первая возможность сводится к тому, что на протяжении второй половины VI в. до н. э. в Ольвии наблюдался приток все новых и новых переселенцев. Однако такая возможность хоть и является вполне реальной, но вызывает некоторые сомнения. Обычно первопоселенцы старались не допускать быстрого размывания первоначального коллектива, а здесь в течение 15–20 лет количество семей увеличилось в 2,5 раза.

Вторая возможность сводится к тому, что общее количество семей было постоянным. Но на первом этапе семьи были представлены преимущественно молодыми мужчинами, которые уже

на месте обзаводились женами и детьми. В этом случае, на семью первоначально приходилось по 2 землянки, а состояла она из мужа, жены и, со временем, 2–3 детей. На втором этапе количественный состав семьи и размеры домохозяйства увеличивались.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

В настоящее время в Нижнем Побужье известно 107 пунктов архаического времени (Крыжицкий и др., 1990, С. 120). За вычетом временных сезонных стоянок рыбаков и пастухов, остается 88 стационарных поселений.

По своим размерам и структуре поселения подразделяются на три группы: 1) *малые* — хуторки — площадью обычно около 0,2 га; 2) *средние*, площадью 1–5 га; 3) *крупные*, площадью до 70 га (Крыжицкий и др. 1989, С. 23–25).

Количественно преобладали *малые поселения*, достаточно уверенно к этой группе можно отнести 45 пунктов. Судя по имеющимся данным, это были хутора или усадьбы, состоявшие из нескольких землянок и принадлежавшие явно отдельным семьям. Надо думать, нам известны не все поселения этого типа, существовавшие в древности. Ориентировочно их могло быть около 60 (небольшие размеры и размещение на некотором удалении от берегов лиманов затрудняют их обнаружение). На этих хуторах округленно могло проживать порядка 60 семей общей численностью около 360 человек.

Ко второй группе принадлежит 40 поселений *средних размеров*, суммарная площадь которых достигает 90 га. Сохранившаяся территория этих памятников варьирует от 1 до 8 га. Поскольку реальная площадь каждого памятника в отдельности вряд ли даже со временем сможет быть восстановленной, условно примем, что все они имели приблизительно одинаковую площадь.

Например, от поселения Викторовка-1 на Березанском лимане сохранилась лишь узкая полоска размерами 400 × 15–20 м (Капошина, 1956, С. 240; Рудык, 1957). Судя по памятникам, сохранившимся лучше, поселения имели в плане форму обычно овала или полуовала с соотношением размеров 1 : 1,5–2. На этом основании можно полагать, что в древности Викторовка-1 имела размеры порядка 400 × 150–200 м и площадь равную 5–7 га, из которых до 90 % уничтожено абразией берега лимана.

Мы не в состоянии провести ориентировочные расчеты по всем поселениям этой группы. Вероятно, в среднем действительная площадь превышала сохранившуюся и достигала примерно 5 га.

В этом случае, на каждом из поселений этой группы размещалось до 40 домохозяйств, общее количество семей достигало 1600, а суммарная численность населения — около 9600 человек.

Поселений *крупной площади* в настоящее время известно только 3. Их суммарная площадь составляет около 140 га. Учитывая весьма значительные разрушения берега в районе Чертоватого и Широкой Балки, реальная площадь памятников этой группы могла достигать 200 га. В этом случае суммарное количество семей, здесь проживавших, составляло около 400, а численность населения порядка 2400 человек.

Округленно, общую численность сельского населения Нижнего Побужья в конце архаического периода (конец VI — начало V в. до н. э.) можно определить в 12 тыс. человек (порядка 2000 семей).

В целом же, с учетом Ольвии и Березани, количество населения могло достигать 15 тыс. человек.

Одной из стоящих перед нами задач является соотношение численности сельского населения отдельных микрорегионов. Исходя из имеющихся археологических данных, с учетом степени разрушенности памятников и уровня исследованности территории, можно предложить следующую картину расселения:

Район Березанского лимана — до 300 семей (1800 человек).

Район правого берега Буго-Днепровского лимана — до 450 семей (2700 человек).

Район Аджигольской балки — до 250 семей (1500 человек).

Правый берег Бугского лимана к северу от Ольвии — до 600 семей (3600 человек).

Левобережье Бугского лимана — до 400 семей (2400 человек).] *

[На основании вышеизложенного, попытаемся определить наиболее вероятную численность населения Нижнего Побужья архаического времени, при условии доминирования однокамерного строительства. На Березани могло проживать от 80 до 160 семей, скорее всего — около 150 семей, общей численностью около 1000 человек. В Ольвии — от 200 до 300 семей, скорее всего — около 250 семей численностью до 1800 человек. На сельских поселениях — примерно 1600 семей численностью около 11200 человек. Всего в Нижнем Побужье, таким образом, могло обитать ориентировочно 2000 семей или 14000 человек.

Одной из стоящих перед нами задач является соотношение численности сельского населения отдельных микрорегионов. Если исходить из имеющихся археологических данных, с учетом

степени разрушенности памятников и уровня исследованности территории, то в районе Березанского лимана могло проживать до 300 семей (2100 человек); на правобережье Буго-Днепровского лимана к югу от Ольвии — до 350 семей (2450 человек); в районе Аджигольской балки — до 200 семей (1400 человек); на правобережье Бугского лимана к северу от Ольвии — до 500 семей (3500 человек); на левобережье Бугского лимана — около 250 семей (1750 человек).

При определении возможного резерва рабочей силы мы исходили из следующих соображений. В современном мире потенциально трудоспособные составляют от примерно 50 % населения в развивающихся странах до 65 % в развитых капиталистических государствах [–]. Низкий процент трудоспособного населения в развивающихся странах связан с высокой долей молодых возрастов (результат сочетания традиционной высокой рождаемости с уменьшающейся детской смертностью). Насколько известно, греческие семьи никогда не были особо многодетными [–]. Вероятно, в Нижнем Побужье могло быть трудоспособным до 60 % населения — столько, сколько в среднем сейчас по земному шару. Соотношение мужчин и женщин в разных обществах в разное время неодинаково — в современной Азии преобладают мужчины, а в Европе — женщины. По утверждению Платона, в Элладе женщин было вдвое больше, чем мужчин [Legg. 781B]. Скорее всего, диспропорция несколько преувеличена. Мы полагаем, что потенциально трудоспособные мужчины составляли около 25 %, а женщины — около 35 % населения. Естественно, имеются в виду свободные. Среди рабов, надо думать, процент трудоспособных был выше. Следующий вопрос — военный потенциал. Вероятнее всего, максимальная численность ополчения составляла до 20 % свободного населения. На основании вышеизложенного мы провели подсчеты, результаты которых сведены в таблицу 3.

Во избежание недоразумений надо сказать, что мы отнюдь не стремились к недостижимой, а потому обманчивой точности. Все полученные нами цифры необходимо рассматривать как ориентировочные. Тем не менее, даже с учетом всевозможных погрешностей, эти цифры весьма надежно отражают демографическую ситуацию в регионе. Из них следует, что *освоение греками Нижнего Побужья носило по преимуществу аграрный характер и выражалось в форме основания, прежде всего, сельских поселений*. Самым крупным пунктом Нижнего Побужья вплоть до последней трети VI в. до н. э. была Березань. В Ольвии, судя по исследованиям на участке АГД, в начале третьей четверти VI в. могло максимально проживать до 80 семей (560 человек) — цифра, скорее всего, преувеличенная. В последней тре-

* На этом рукопись «Население Нижнего Побужья в архаическое время» обрывается. Далее мы даем фрагмент текста из другой рукописи под названием «О численности населения Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э.», который как бы дополняет и развивает все предыдущее изложение. Он выделен квадратными скобками и начинается со слов: «На основании вышеизложенного...» (С. Б.).

Таблица 3. Население Нижнего Побужья в VI — начале V вв. до н. э.

Регионы Нижнего Побужья	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Березань	150	1050	150	900	225	315	540	180
Ольвия	250	1750	250	1500	375	525	900	300
Р-н Березанского лимана	300	2100	300	1800	450	630	1080	360
Правобережье Буго-Днепр. лимана	350	2450	350	2100	525	735	1260	420
Р-н Аджигольской балки	200	1400	200	1200	300	420	720	240
Правобережье Бугского лимана	500	3500	500	3000	750	1050	1800	600
Левобережье Бугского лимана	250	1750	250	1500	375	525	900	300
Сельское население в целом	1600	11200	1600	9600	2400	3360	5760	1920
Нижнее Побужье, в с е г о	2000	14000	2000	12000	3000	4200	7200	2400

П р и м е ч а н и я: I — количество семей, II — численность населения, III — количество рабов, IV — численность свободного населения, V — численность потенциально трудоспособных мужчин (свободных), VI — численность потенциально трудоспособных женщин (свободных), VII — численность свободного потенциально трудоспособного населения, VIII — максимальная численность военных формирований.

ти VI в. до н. э. население резко возрастает более чем в 3 раза. Ольвия обгоняет Березань. Интересно, что при этом застройка Ольвии приобретает необычно высокую для региона плотность. В это же время резко активизируется аграрная колонизация — осваивается правобережье Бугского лимана к северу от Ольвии, левобережье Бугского лимана, район Аджигольской балки. Растет население в районе Березанского лимана, новые поселения возникают на правобережье Буго-Днепровского лимана. Видимо, все эти процессы были взаимосвязаны.

В первой половине V в. до н. э. практически все периферийные населенные пункты были покинуты жителями. В наши дальнейшие задачи входит анализ демографической ситуации в регионе после окончательного завершения этого процесса. Во второй половине V в. до н. э. в Нижнем Побужье существовали только сама Ольвия, ольвийское предградье и поселение на острове Березань.

О л ь в и я. Определение размеров территории затруднено преимущественно потому, что значительная часть Нижнего города в настоящее время затоплена. Проанализировав имеющиеся данные, С.Д. Крыжицкий пришел к следующему: в V—IV вв. до н. э., учитывая теоретически возможные размеры Нижнего города, площадь Ольвии могла достигать 50—55 га, но, скорее всего, колебалась в пределах 44—47 га (Крыжицкий, 1979, С. 122; 1985, С. 68,88). Соотношение площади частной и общественной застройки, по А.Н. Щеглову, в северо-понтских городах равнялось примерно 5 : 1 (Щеглов, 1978, С. 80). По аргументированным подсчетам С.Д. Крыжицкого, площадь жилой застройки составляла от 50—55 % до 84 % территории городов. В V в. до н. э. она составляла в Ольвии, скорее всего, около 55 % — не столько из-за обилия общественных зданий, сколько из-за того, что вряд ли были застроены склоны между Верхним и Нижним го-

родом. К сожалению, дома интересующего нас времени изучены плохо. Несколько позднее, в IV—III вв. до н. э., встречаются постройки малой площади (100—200 м²), средней (200—300 м²) и большой (до 600 м²) (Крыжицкий, 1982, С. 163). Судя по общей тенденции развития, в V в. до н. э. дома средней и большой площади вряд ли существовали и, тем более, не могли получить сколько-нибудь широкого развития — их распространение, несомненно, связано с имущественным и социальным расслоением гражданства. Богатые или просто зажиточные лица могли увеличивать размеры своих домов за счет, скорее всего, приобретения участков своих менее удачливых сограждан. В V в. до н. э. основная масса ольвийских домов, вероятнее всего, имела площадь около 150 м² (Крыжицкий, 1982, С. 40). На основании вышеизложенного общее количество жилых домов в Ольвии можно определить примерно в 1600—1700. Рассмотрим средний состав семьи. Количество свободных вряд ли изменилось по сравнению с архаическим временем (6 человек). Численность рабов могла несколько возрасти, в какой-то мере об этом свидетельствует переход к многокамерному домостроительству, большой объем общественных работ — храмы, стены и т. д. Можно предположить, что на семью приходилось в среднем около 1,5 рабов. В этом случае население Ольвии насчитывало ориентировочно 12—13 тысяч человек (в том числе до 2,5 тысяч рабов). Судя по письму Артикона, в городе имелись семьи, не имевшие собственного жилья (Виноградов, 1971, С. 78). Вряд ли, однако, их количество было настолько велико, чтобы существенно изменить результаты проведенных подсчетов.

О л ь в и й с к о е п р е д г р а д ь е. По данным Ю.И. Козуб, оно было застроено однокамерными структурами, его территория достигала 10—15 га (Козуб, 1979, С. 7). Точные данные, на основании которых можно вычислить плот-

ность застройки, отсутствуют. Скорее всего, в этом отношении предместье не слишком отличалось от архаической Березани, сельских поселений средней площади и Ольвии в начале третьей четверти VI в. до н. э. При $P = 40$ здесь могло размещаться 400—600 единовременных построек (80—120 хозяйств). Состав семьи, если судить по характеру строительства, такой же, как в архаическое время. Соответственно, численность населения составляла примерно 560—840 человек. Вполне возможно, что эти цифры несколько преувеличены.

Б е р е з а н ь. Размеры территории, занятой поселением V в. до н. э. неизвестны. По утверждению В.В. Лапина, в начале V в. территория начинает увеличиваться (Лапин, 1966, С. 121). По данным Л.В. Копейкиной — наоборот, уменьшается (Копейкина, 1981, С. 192, 206). Чисто умозрительно можно предположить, что поселение занимало площадь около 5 га — примерно в 3—4 раза меньше по сравнению с архаическим временем. Вероятно, размеры домов и состав семей соответствовал ольвийским. В этом случае, при коэффициенте жилой застройки равном 55 % на поселении площадью 5 га могло размещаться 180 домов; при коэффициенте равном 84 % — 280 домов. Численность населения могла составлять от 1400 до 2100 человек.

Высокая степень условности проведенных подсчетов бросается в глаза. Тем не менее, они представляются нам необходимыми. Во-первых, они наглядно демонстрируют тот факт, часто забываемый, что изменение размеров населенного пункта само по себе еще не доказывает соответствующего изменения в численности населения. Население Березани могло увеличиться почти в два раза, а территория поселения одновременно уменьшиться в 3—4 раза. Существенную роль в этом сыграли радикальные изменения в рациональности застройки. При доминировании однокамерных строений на 1 га территории Березани ($P = 40$) приходилось около 360 м² «площади пола». При многокамерном строительстве — как минимум 2000 м² «площади пола». В результате развития домов по вертикали, этот коэффициент мог повыситься еще в несколько раз.

Во-вторых, даже приблизительные подсчеты показывают сравнительную малочисленность обитателей ольвийского предградья. Уже сам по себе этот факт делает маловероятным предположение К.К. Марченко о размещении здесь своего рода резервации каллипидов — по его мнению, массива разноэтничных, подвергшихся эллинизации варваров, которых ольвиополиты сохраняли в качестве резервуара рабочей силы для дальнейшего расширения хоры полиса (Марченко, 1982, С. 135—136). Скорее, в предградье сосредоточивались семьи людей вроде

известного по эпиграфическим данным Артикона, людей — по разным причинам лишенных возможности иметь жилье непосредственно в Ольвии.

Третье, и самое главное: проведенные расчеты со всей несомненностью утверждают возможность и необходимость предположения о концентрации в Ольвии и частично на Березани жителей архаических поселений Нижнего Побужья.] *

[Сам факт гибели данных поселений в первой половине V в. до н. э. в настоящее время сомнений не вызывает, поскольку основывается на результатах весьма многочисленных раскопок и разведок (Крыжицкий и др., 1989, С. 22; 1990, С. 42—43). Однако вопрос о причинах данного явления особо пристального внимания исследователей не привлекал. В настоящее время имеется лишь высказанное в краткой форме мнение о том, что население ольвийско-березанской периферии в силу каких-то причин сконцентрировалось в Ольвии, а частично, возможно, и на Березани (Крыжицкий, Русяева, 1978, С. 24; Крыжицкий и др., 1980, С. 7; 1990, С. 42).

Нельзя не отметить, что аналогичным был ход мысли у исследователей более раннего времени применительно, правда, не ко всему региону, а к конкретным населенным пунктам. Так, в начале 50-х гг. Б.М. Рабичкин предполагал, что гибель поселения у Широкой балки связана с переселением его обитателей в Ольвию (Рабичкин, 1951, С. 124). Несколькими десятилетиями ранее Э.Р. фон Штерн связывал с переселением жителей в Ольвию запустение Березани в V в. до н. э. (Штерн, 1913, С. 105—117). Во всех случаях, начиная от Э.Р. фон Штерна и до наших дней, никакими серьезными доводами такой ход мысли не аргументировался. Дело ограничилось крайне сжатыми, тезисными по форме объяснениями, что предполагаемое переселение было связано то ли с невозможностью успешно конкурировать с ольвийской торговлей (применительно к Березани и поселению у Широкой балки), то ли с усилением военно-политической активности кочевых скифских племен (применительно к региону в целом), то ли вообще даже установле-

* На этом фрагмент рукописи «О численности населения Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э.» обрывается. После него мы разместили фрагмент из другого варианта рукописи, озаглавленной — «Демографическая ситуация в Нижнем Побужье в архаическое и классическое время», практически аналогичный этому же пассажу в еще одной рукописи — «К палеодемографии Ольвийского государства в VI—V вв. до н. э.». По смыслу он полностью стыкуется с предыдущим, продолжает его и как бы служит заключением ко всей работе «Население Нижнего Побужья в архаическое время». Он выделен квадратными скобками и начинается со слов: «Сам факт гибели данных поселений...» (С. Б.).

нием над Ольвией протектората скифов (Виноградов, 1980, С. 107; 1983, С. 400).

В настоящее время мнение о концентрации в Ольвии обитателей греческих поселений района Днепровско-Бугского лимана постепенно получает все большее распространение и популярность. Тем не менее, не только причины такого переселения не осмыслены, но никем не высказано никаких веских аргументов в пользу самой возможности такого массового переселения. Между тем, необходимость такой аргументации несомненна...]

ЛИТЕРАТУРА

- Белова Н.Н. Рабство в римской Галлии // Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. — М., 1977. — С. 86—119.
- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953. — 206 с.
- Буйских С.Б. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // ПИО. — Парутино, 1985. — С. 8—10.
- Буйских С.Б. О раннеантичных поселенческих структурах в Нижнем Побужье // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. — М., 1987. — С. 30—36.
- Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. — 1971. — № 4. — С. 74—100.
- Виноградов Ю.Г. Перстень царя Скила // СА. — 1980. — № 3. — С. 92—109.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. — М., 1983. — Т. 1. — С. 366—420.
- Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги археологических экспедиций. — Л., 1989. — С. 33—60.
- Капошина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. — 1956. — № 50. — С. 211—254.
- Козуб Ю.И. Передмістя Ольвії // Археологія. — 1979. — Вип. 29. — С. 3—34.
- Копейкина Л.В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // ХКААМ. — М., 1976. — С. 131—142.
- Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на острове Березань в архаический период // СА. — 1981. — № 1. — С. 192—208.
- Крыжицкий С.Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1979. — С. 119—125.
- Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. — К., 1982. — 166 с.
- Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. — К., 1985. — 191 с.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б. Структура архаического поселения Нижнего Побужья // Археологія. — 1988. — Вип. 63. — С. 1—8.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990. — 136 с.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // ИААСП. — К., 1980. — С. 3—18.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. — 1978. — Вип. 28. — С. 3—26.
- Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. — М., 1990. — 270 с.
- Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — 240 с.
- Латин В.В. Березань и проблемы генезиса античной севернопричерноморской цивилизации. — К., 1978 / НА ИА НАНУ. — Ф. 24. — № 58. — 438 с.
- Лейтунская Н.А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972—1977 гг.) // Ольвия и ее округа. — К., 1986. — С. 29—47.
- Мазарати С.Н., Отрешко В.М. Полудземлянки и землянки // КНООАВ. — К., 1987. — С. 8—17.
- Марченко К.К. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. — 1982. — № 3. — С. 126—136.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. Античное поселение Старая Богдановка-2 // АСГЭ. — 1981. — Вип. 22. — С. 62—74.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете археологии). — Л., 1976. — 191 с.
- Отрешко В.М. Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка // АИУ 1978—1979 гг.: Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. — Днепропетровск, 1980. — С. 103.
- Отрешко В.М. О плотности застройки населенных пунктов Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э. // ПИО. — 1985. — С. 62—63.
- Отрешко В.М. О датах основания Истрии и Борисфена // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. к 90-летию Б.Н. Гракова. — Запорожье, 1989. — С. 109—110.
- Рабичкин Б.М. Поселения у Широкой Балки // КСИ-ИМК. — 1951. — Вип. 40. — С. 114—124.
- Рубан В.В. Типы античных памятников Правобережья Бугского лимана // АПАИ УССР: Тез. докл. Респуб. конф. молодых ученых. — К., 1981. — С. 73.
- Рудык Ф.С. Древнее поселение Викторівка-I (VI—III вв. до н. э.) // МАСП. — 1957. — Вип. 1. — С. 63—66.
- Русяева А.С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — 1986. — № 2. — С. 25—64.
- Сергеев М.Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. — М.; Л., 1958.
- Скуднова В.М. Некрополь Березани. 1949 г. / НА ИА НАНУ. — Ф. 17. — № 69. — 48 с.
- Славин Л.М. Ольвия как город в VI—IV вв. до н. э. // СА. — 1958. — Т. 28. — С. 276—297.
- Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья УССР. — К., 1951. — Вип. 1. — 131 с.
- Штерн Э.Р. О пробных раскопках на острове Березань // ЗООИД. — 1904. — Т. 25. — С. 97—100.
- Штерн Э.Р. Раскопки на Березани // ОАК за 1909—1910 гг. — СПб., 1913. — С. 105—117.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978. — 158 с.
- Яйленко В.П. К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора // ВДИ. — 1974. — № 1. — С. 133—152.
- Яйленко В.П. Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора // ВДИ. — 1975. — № 3. — С. 133—150.

1988—1990 гг.

ПРОТОГЕН (размышления к проблеме)

В.В. Латышев писал, что трудно определить, сколько денег Протоген одолжил Ольвии, а сколько подарил... (Латышев, 1887, С. 110).

Думаю, с этим утверждением согласиться нельзя, по крайней мере, во всем его объеме.

Основополагающим моментом здесь является определение особенностей документа. Каждому известно, что подавляющее большинство людей не является ни ангелами чистой воды, ни исчадиями ада. Но каждый из людей в различных ситуациях будет изображаться по-разному. В памфлете иначе, чем в панегирике; в эпитафии иначе, чем в судебном приговоре. В почетном декрете иначе, чем в объективизированной биографии в стиле Плутарха.

Здесь мы имеем дело с почетным декретом, задачей которого является акцентирование внимания на тех действиях человека, которым можно придать благородный, общественно полезный характер. Все прочее — в соответствии с законами жанра — должно либо изображаться как нечто естественное, либо вообще замалчиваться.

Протоген — финансист, и описанная в декрете деятельность его связана с различными финансовыми операциями. В чем же благодарные сограждане видели его заслугу, в каких поступках?

Начнем если не с конца, то с середины декрета (IPE, I², № 32).

1. Народ считал полезным деянием поддержку курса ольвийской валюты. В эпизодах 8д и 12д особо подчеркнуто, что, дав городу займы золотом, Протоген получил медью из 400. Оно и понятно, поскольку в период войн и неурожаев полис, скорее всего, не страдал обилием привозной золотой монеты. Но, если этот момент считался достойным упоминания, достойным акцентирования, то как быть с теми эпизодами, где он — этот момент — отсутствует? По-моему, ответ должен быть однозначен: если упоминание о возврате займа медью по фиксированному курсу отсутствует, значит, Протоген в данном эпизоде как дал золото, так и взял золотом.

2. Народ считал выражением «благосклонности» отказ от взимания процентов. Этот момент особо подчеркнут в эпизодах 4г, 8г, 9г и т. д. Особенно показателен 8 эпизод: во время голода при жреце Плистархе Протоген обещал

на закупку хлеба 1 000 золотых и немедленно принес и дал из того числа 300 золотых на год. Совершенно понятно, что остальные деньги (1000—300=700 золотых) были ссужены городу под проценты. Стало быть, взимание процентов считалось делом вполне законным и естественным, и если в каких-то эпизодах отказ от процентов не упомянут особо, значит, они должны были быть уплачены.

3. С точки зрения ольвиополитов, сам факт представления кредита полису (со всеми вытекающими отсюда долговыми обязательствами) рассматривался как услуга. Вот, например, эпизод 9, когда во время голода при жреце Плистархе Протоген продал городу 2500 медимнов зерна: «между тем как другие, предложившие хлеб в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он оказал снисхождение на год». В чем суть эпизода? «Другие» совершили простую торговую сделку — дали хлеб и получили деньги, а Протоген положенную ему сумму одолжил на год. Тут, конечно, возможны возражения — мол, суть благодеяния не в этом, а в отказе от процентов. Точно так же и в 8 эпизоде можно предположить, что суть услуги не в предоставлении 1000 золотых, а в условиях займа (300 золотых без процентов, возврат ссуды медью).

Но вот эпизод 12в — о финансировании строительства оборонительных стен: «вследствие того, что подрядчики сделали расчет на наличные деньги, сберег для города немалую сумму».

Или эпизод 6: предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, «из которых были вовремя удовлетворены многие скиптроносцы и немало даров было выгодно для царя».

Иными словами, вовремя предоставленная ссуда была выгодна городу, поскольку выплата процентов Протогену была явно предпочтительней риска столкновения с Сайтафарном, толпой саев или возможности остаться без хлеба и вина.

О том, что простое предоставление ссуд казалось услугой, можно судить и по декрету в честь сыновей Апполония (НО, № 28—29).

Да и вообще понятно, что финансовые услуги государству — даже тогдашнему, античному —

дело весьма рискованное, поскольку дать деньги было гораздо проще, чем получить их обратно.

Если мы рассмотрим эпизод со строительством оборонительных стен при угрозе галатского нашествия, то увидим, что заслуги Протогена сводятся к двум пунктам: а) финансирование строительства, б) организация строительства. Финансирование производилось в долг, так что «издержав на обе стены 1500 золотых и выдав большую часть этой суммы золотом, получил медью из 400».

Любопытным представляется эпизод 2, когда Протоген выкупил заложенные у иноземца священные сосуды. Когда Полихарм уже понес сосуды к мастеру, а у архонтов не было денег, Протоген сам выкупил сосуды. Может возникнуть мысль, что наш герой сделал городу подарок, но так ли это?

Рассмотрим ситуацию. Архонты заложили иноземцу Полихарму сосуды. Поскольку сосуды оказались невыкупленными, они перешли в собственность иноземца. Тот получил право распоряжаться ими по своему усмотрению (хотя они и были «священными») и понес их к мастеру на переделку. Поскольку в последний момент Протоген сам выкупил сосуды, юридически они уже перешли в его собственность. Возможны три варианта.

1. Оставить сосуды у себя. Такой поворот дел выглядит нереальным — бессмысленным и вредным для имиджа.

2. Подарить городу, но об этом уже было упомянуто. В конце концов, даже хлеб во время голода он не дарил, а продавал (пусть и по сниженной цене). Кроме того, подарить выкупленные священные сосуды означало предоставить в руки архонтов безотказную палочку-выручалочку: посеять в умах магистров мысль, что они и в дальнейшем могут добывать деньги подобным образом и не заботиться об их возврате, все равно Протоген в силу патриотических и религиозных побуждений не даст пропасть священным реликвиям.

3. Самый реальный. Протоген оказал услугу тем, что не дал пропасть священным сосудам, причем, не только вовремя предоставив для этого денежные средства, но и проявив личную активность — «сам» отправился их спасать. Что же касается затрат, то город, конечно, должен был их вернуть.

Проценты: дал отсрочку на год и отказался от процентов... Ну, а если произошла задержка с выплатой долгов? Я так думаю, что через условленный срок — через год — рост процентов должен был начаться.

Таким образом, современники Протогена (сограждане) выглядят людьми, существовавшими в условиях достаточно развитого денежного хозяйства (рыночной экономики). Они прекрас-

но понимали разницу между золотыми статерами — международной (интерлокальной) валютой того времени, позволявшей осуществлять различные финансовые и торговые операции где угодно — и ольвийской медью, рассчитанной только на внутривойсковой рынок. Чтобы далеко не ходить: из декрета в честь сыновей Аполлония (НО, № 28—29) известно, что некий херсонесит выдал Ольвии заем в 3 000 золотых. Представим себе, что он предложил бы ту же сумму херсонесской медью?

Ольвиополиты прекрасно понимали права заимодавца: право не давать денег, право на возврат долга, на возврат долга в соответствующей валюте, право на взимание процентов и т. п. Поэтому, когда заимодавец отказывался от какого-либо из своих прав в пользу полиса или отдельных граждан, это рассматривалось — по крайней мере, официально — как оказание услуги, что мы и видели.

Ведь в Ольвии, даже в условиях кризиса, права частной собственности признавались (я тут не беру в возможность различного рода революционные ситуации). Об этом свидетельствует эпизод с галатами и скирами, когда некоторые граждане и иноземцы покинули город, а другие — жажиточные — не хотели делать ничего из того, что народ считал необходимым и к чему их приглашал.

Естественно, что если народ просит предоставить заем (с обещанием возврата и под проценты) и никто не хочет, а Протоген выделяет необходимые средства для постройки крепостных стен — то чем это не услуга?

(Здесь необходимо добавить рассуждения Демосфена, Платона, Аристотеля, Цицерона с Атикком).

(Три года он управлял городом, засчитывал излишки — чего не было себе в уплату за долги и очистил город от долгов и процентов). А сколько было долгов? За стены он получил. Значит 300 золотых? Не так много. Чтобы вернуть себе 300 золотых, не стоило тратить три года. В другом эпизоде он предложил 1500 в счет будущих доходов (когда был избран членом коллегии Девяти). Исходя из этого, можно полагать, что за три года можно было бы вернуть 4500. Но это преувеличение. Он предложил сразу обеспечить ту статью, на которую деньги все равно бы пошли, и своим займом всего лишь чего-то сэкономил... Значит, реально на покрытие долгов он мог собрать меньше, на уровне процентов — ну, скажем, за полгода.

А что же тогда получается? Скажем, 18 % годовых — или 12 % — от 6 до 9 % за полгода = $4500 \times 0,06 (!) = 270$ золотых!

А 9 % — $4500 \times 0,09! = 405$ золотых!

Если это покрутить, то можно доказать, что ставки составляли 18 % годовых, что Протоген

очищал город от 300 своих золотых + от нескольких сот чужих! Последнее самое главное.

Ведь нельзя же предположить, что на протяжении приблизительно 20 лет Протоген был единственным из тех зажиточных граждан, кто рисковал давать деньги в займы родному государству.

В конечном итоге, мы выяснили то отношение эллинистических олигополитов к проблеме частной собственности, к проблемам финансирования государства, которое позволяет нам в дальнейшем перейти к реконструкции развития общеэкономического и финансового кризиса Ольвийского государства. В основе этого кризиса, как явствует из Декрета, лежали постоянные войны и неурожаи. Но я бы не меньшее значение придал плохому управлению полисом — некомпетентности, корыстности и продажности властей. Впрочем, начнем по порядку.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Исходными позициями является следующее:

1. Если Декрет сообщает читателям, что Протоген «дал» некую сумму, это означает предоставление займа, а отнюдь не подарок.

2. Если Декрет умалчивает о том, что Протоген отказался от взимания процентов, это означает, что заем был предоставлен под определенную процентную ставку.

3. Если Декрет умалчивает о том, что ссуда была возвращена медью, значит, условия займа предусматривали возврат денег таким же золотом, каким и был предоставлен (в той же валюте, в какой был предоставлен).

4. Учитывая общую сумму средств, предоставленных Протогеном, и размеры Ольвийского бюджета, а также тот факт, что никакое, даже фиктивное погашение долгов за три года не могло сравниться с размерами предоставленных сумм, приходится признать, что предшествующие займы — до трехлетнего управления Протогеном финансами — были уплачены, за исключением разве что последних 300 золотых. Ибо трудно предположить, что 1500 золотых, потраченных на сооружение оборонительных стен, были возвращены (хотя бы и медью), а гораздо более старый долг в 200 золотых за хлеб при жреце Иродоре так и остался висеть тяжким грузом на городских финансах.

Теперь рассмотрим развитие событий по эпизодам:

ЭПИЗОДЫ

Сторона А

1. Когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и потребовал даров по случаю проезда,

а общественная казна была пуста, Протоген по просьбе народа:

а) дал 400 золотых.

2. Когда архонты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму за 100 золотых и не могли их выкупить, Протоген сам выкупил эти сосуды,

а) уплатив 100 золотых.

3. Когда архонты с Димоконтом во главе дешево купили вина на 300 золотых, но не могли уплатить эту сумму, Протоген по просьбе народа:

а) дал 300 золотых.

4. При жреце Иродоре, когда случился голод и хлеб продавался по 5 медимнов за золотой, и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших запасы, Протоген:

а) первый выступил и

б) обещал дать 2000 медимнов по 10 медимнов за золотой,

в) и между тем, как другие немедленно получили плату, он оказал снисхождение на год,

г) и не взимал никаких процентов.

5. При том же жреце, когда явились во множестве саи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его стесненным обстоятельствам, он выступив:

а) предложил 400 золотых.

6. Будучи избран членом коллегии Девяти, он:

а) предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых были вовремя удовлетворены многие скиптроносцы, и немало даров было выгодно приготовлено для царя.

7. Когда отдано было на откуп снаряжение посольства в резиденцию царя по постановлению, по которому откупщики должны были получить от города 300 золотых, и взял на откуп Конон, но, вследствие того, что архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей, отказались (Конон и его товарищи) от откупа и вследствие этого было три переторжки и в третий раз откуп остался за Формионом, то Протоген, увидев, что город подвергается большим неприятностям, сам, явившись в собрание:

а) дал эти 300 золотых.

8. Когда при жреце Плистархе снова случился сильный голод и хлеб продавали по 1½ медимна за золотой, но было очевидно, что будет дороже (как и стал вскоре же медимн по 1½ золотого), и потому народ испугался и считал необходимым сделать закупку хлеба, а для этого приглашал зажиточных оказать услуги, Протоген:

а) первый, когда состоялось собрание,

б) обещал на закупку хлеба 1000 золотых,

в) которые незамедлительно принес и дал,

г) из того числа 300 без процентов на год, и,
д) дав всю сумму золотом, получил медью из 400.

9. Тогда же Протоген:

а) первый же обещал 2500 медимнов пшеницы,

б) из которых 500 дал по 4 и 1/6 медимна (за золотой), а 2000 по 2 и 7/12 медимна (за золотой),

в) между тем как другие, предложившие хлеб в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он оказал снисхождение на год и

г) получил деньги без всяких процентов,

д) и вследствие этой услужливости Протогена городу было доставлено много денег и немало хлеба.

10. Когда царь Сайтафарн явился на ту сторону за дарами и архонты, созвав Народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив:

а) дал 900 золотых.

11. Когда же послы Протоген и Аристократ взяли эти деньги и явились к царю, то царь, недовольный дарами, разгневался и выступил в поход (конец надписи обломан и роль Протогена в этом эпизоде недостаточно ясна — видимо, ему пришлось дать еще некую сумму).

Сторона В

12. Когда перебежчики сообщили о готовящемся нападении Галатов и Скиров, а наибольшая часть города со стороны реки не была окружена стеной (здесь я пропускаю большой кусок текста декрета), когда многие иностранцы и граждане покинули город, а многие приготовились его покинуть, между тем как никто из зажиточных не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, Протоген:

а) обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее 1500 золотых,

б) тотчас принеся в собрание 500 золотых в виде залога, отдал все работы на откуп через глашатая и,

в) вследствие того, что подрядчики сделали расчет на наличные деньги, сберег для города немалую сумму,

г) когда же многие подрядчики отказались от работ, Протоген сам произвел работы для города и не причинил никакого ущерба народу и,

д) издержав на обе стены 1500 золотых и выдав большую часть этой суммы золотом, получил медью из 400.

13. Когда город платил фрахты частным лицам, возившим камни, вследствие того, что казенные суда были испорчены и не имели ничего из оснастки, он предложил и их починить и:

а) издержав на все это 200 золотых,

б) немедленно сдал отчет, за что народ его увенчал.

14. Окончил постройку прясла стены, что у башни Посия, на что:

а) предложил 100 золотых.

15. Приняв на себя общественное управление и должность казначея, и распоряжаясь самыми важными городскими доходами, он:

а) никого из откупщиков податей не выгнал из имения и ни у кого не отчуждал ничего из имущества, но —

б) одним простил долги, другим дал отсрочки столько времени, сколько они желали, и

в) не взыскал никаких процентов.

16. Распоряжаясь большею частью общественных сумм, он:

а) в течение трех лет непрерывно всем управлял честно и справедливо, сдавая отчеты в установленные сроки,

б) а излишки доходов за время своего управления засчитывал себе в уплату за долги — хотя в действительности этого не было, и

в) освободил город от долгов и очистил от процентов.

17. Когда все в городе находилось в упадке вследствие войн и неурожаев, и средства совершенно истощились, он:

а) согласился на месячные отсрочки, а затем

б) простил должникам их долги, хотя долги ему и его отцу простирались до 6000 золотых.

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИСОМ: ОТКУПЩИКИ, ПОДРЯДЧИКИ И ПРОЧИЕ

Рассматривая кризис Ольвийского полиса — экономический, хозяйственный, финансовый, политический и социальный — исследователи ограничиваются обычно констатацией объективных моментов: «неурожаи и войны». С неурожаев, действительно, спрос невелик, ибо кто мог тогда (да и кто может сегодня) всерьез управлять климатом? Поставить на место кочевых вымогателей — саев или справиться с наводящими на всех ужас галатами и скирами — тоже задача не из легких. Это можно рассматривать как некие объективные моменты природного и исторического (общего) характера. Но что происходило в самой Ольвии, как вели себя власть имущие (с учетом, что обладание богатством — это тоже обладание властью).

Вот архонты договариваются о покупке дешевого вина, а денег у них нет. Почему? Ведь должны же они были на что-то рассчитывать? Суть происходившего Декрет не раскрывает.

В другом эпизоде, когда речь идет об организации посольства к царю, составители текста декрета мимоходом отметили: «архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков». Очень мило.

Отдается на откуп снаряжение посольства в резиденцию царя. Издаётся постановление (кем? народным собранием?), по которому откупщики должны были получить от города 300 золотых. Свои услуги предложил Конон со товарищами, которые согласились взять на откуп организацию посольства — но денег у архонтов нет, они у откупщиков податей. Конон и товарищи отказываются. Далее происходит три переторжки, в третий раз откуп остался за Формионом. Время идет, а денег по-прежнему у архонтов нет. В конце концов, деньги дает Протоген, увидев, что город может подвергнуться большим неприятностям. И понятно почему. Сайтафарну может надоест ожидание того счастливого момента, когда архонты разберутся с откупщиками, и он вполне способен двинуться в поход (как это он собирался сделать в эпизоде № 11).

Так что же из себя представляют откупщики податей? Что же это была за группа людей (социальная прослойка?), на которую никто не мог найти управы — ни народ, ни городские магистраты, и которую, в конце концов, привел в чувство только Протоген, когда принял на себя общественное управление и должность казначея и стал распоряжаться самыми важными городскими доходами (эпизод № 15).

Явно, не способен был найти управу народ, не могли (или не хотели?) найти управу городские магистраты?

В жизни, как отдельных людей, так и государств часто бывают непредвиденные события. Скажем, в сельском хозяйстве: вдруг начнется эпизоотия и погибнет скот, или неведомо откуда налетит саранча и уничтожит посевы. Из другой оперы: неожиданно нападут пираты, разграбят побережье, захватят людей и заставят полис платить выкуп и отступные.

Но здесь ведь все не так. О необходимости платить дань саям было, вне всякого сомнения, известно заранее, о необходимости посылать посольство — тоже. Заранее — за полгода или за год — было известно, когда именно нужно будет посылать посольство. Стало быть, и откупщики податей заранее знали, когда нужно вносить очередные платежи в казну.

В некоторых случаях неопределенность заключается лишь в сроках. Сайтафарн мог потребовать дары по случаю проезда в июле, а мог в августе. Галаты могли появиться в январе, а могли в феврале (ведь лед покрывал поверхность Бугского лимана не круглый год).

Ну, а что касается посольства, то здесь неожиданность исключена.

Система сбора налогов через откупщиков податей известна давно и хорошо. В античных полисах — это чуть ли не единственная система. С тем или иным успехом она использовалась в Европе чуть ли не до Нового времени.

ГОРОДСКИЕ ВЛАСТИ

Тацит в свое время писал о необходимости излагать историю «без гнева и пристрастия» [Tac. Hist. I, 1]. В данном случае он совершенно точно обозначил те пределы, тот идеал, к которому должен стремиться честный, добросовестный исследователь. Но это — лишь идеал (или — это не менее, чем идеал), который сам Тацит, будучи человеком, а не бездушной машиной, в полной мере достичь не смог.

Составители официальных документов, таких как почетные декреты, подобных задач перед собой ставить не могли, и не ставили. Это не означает, что официальные документы необходимо рассматривать, как пустую болтовню или прямую ложь (наподобие индийских надписей того же времени, где любой мелкий царек именовал себя владыкой всех четырех стран света и т. п.). Факты, я думаю, излагались достаточно точно, но вот вопрос — какие факты и как излагались. Все прекрасно знают, что древние греки являлись народом (совокупностью племен, полисов) прекрасно искусственным в политической борьбе. Все они, а не только афиняне, достаточно четко осознавали свои интересы, понимали значение пропаганды и агитации, полным ходом пользовались различными способами для достижения своих целей.

Думать, что декрет в честь Протогена — это нечто сверхъестественное, это некий идеал, предвосхитивший на столько-то лет требования Тацита насчет абсолютной, нечеловеческой объективности — просто глупость.

Думаю, что каждое слово выверено здесь ничуть не менее чем в постановлениях ЦК КПСС или пресс-релизах Белого Дома. Ни при каких условиях Декрет не мог иметь целью беспристрастное изложение фактов, без учета воздействия этих фактов на читателя.

Ну, а кроме всего прочего, мы знаем, как один и тот же факт можно по-разному подать. Пример: можно сказать, что Г.К. Жуков и А.М. Василевский выиграли Сталинградскую битву, уточняя и детализируя идею И.В. Сталина. А можно заявить, что они сделали это вопреки воле Верховного главнокомандующего, или же в тот отрезок времени, когда тот, растерявшись и сникнув, пустил дела на самотек... Факт налицо — 6-я немецкая армия разгромлена, десятки тысяч солдат во главе с Паулюсом взяты в плен. Но подать это можно по-разному. Вот и посмотрим теперь, как подаются события в Протогеновском декрете.

Среди ольвийских магистратов чаще всего упоминаются архонты. Подойдем к делу чисто формально и опустим моменты, когда они прямо не фигурируют, хотя и подразумеваются.

1. Когда архонты заложили священные сосуды и не могли их выкупить, Протоген выкупил их сам.

2. Когда архонты во главе с Демоконтом дешево купили вина, но не могли уплатить, Протоген по просьбе народа дал необходимые 300 золотых.

3. Когда было отдано на откуп снаряжение посольства в резиденцию царя, а архонты не могли заплатить необходимые долги, и было три переторжки, то Протоген пришел и заплатил нужную сумму сам.

4. Когда Сайтафарн явился на ту сторону за дарами, и архонты объявили, что в казне нет никаких сумм, Протоген заплатил.

Итак, архонты упоминаются четыре раза, и каждый раз в качестве ни на что не способных мартышек. По их вине город чуть было не лишился священных сосудов — причем из-за мизерной суммы в 100 золотых (но это — выкуп, а наличными они получили не более 80). Они не в состоянии контролировать ситуацию — вино купили, а где взять деньги не знали. Надо снаряжать посольство к Сайтафарну, а выжать деньги из откупщиков не могут. То ли дело Протоген, который с легкостью и даже с душевной широтой выжал при удобном случае из тех же откупщиков все, что только было можно (в силу необходимости приняв на себя некоторые тяготы власти).

Обратим внимание и на следующее. В некоторых кризисных ситуациях архонты как бы вообще отсутствуют в природе. Народ о чем-то просит Протогена, тот чего-то обещает народу. В других ситуациях архонты вдруг появляются на арене, но только для того, чтобы в бессилии развести руками. В одном случае бездарный вождь назван по имени — «архонты во главе с Демоконтом».

Абсолютно сходные ситуации: степняки требуют денег, а денег нет. В одном случае, подчеркивается бессилие Демоконта со товарищами; в другом — просто архонтов, хотя, наверное, современники знали о ком идет речь. А еще в ряде случаев архонты отсутствуют, и фигурирует просто «народ». Это что случайность? Издержки стиля? Или же сведение политических счетов?

Прокрутим ситуацию еще раз. Вот проходят слухи о нашествии галатов и скиров. Все в панике. Кто-то бежит из города, кто-то проникается «изменническими настроениями». Протоген выделяет деньги, объявляет через глашатая подряд на работы по укреплению обороны... А где же городские власти, где архонты, члены коллегии Девяти и все прочие? Их нет. А почему? Их что, действительно не было? Или же о них — поименно — не сочли нужным упоминать?

А вот другой случай: купили партию вина на 300 золотых, а уплатить не смогли.

Кто купил? Архонты во главе с Демоконтом. А ведь, казалось бы, все должно быть наоборот. Тыкать пальцем надо было в тех, кто не смог орга-

низовать оборону города и консолидировать различные слои населения, а не в тех, кто подзалетел на дешевой торговой операции или чего-то не вышло с копеечной суммой за священные сосуды.

Я так думаю, что если бы Демоконт был протогоновским другом, то в него бы — без особой нужды — тыкать пальцем не стали. С другой стороны, если бы во время нашествия галатов во главе полиса стояли «вредные» люди, их бы указали поименно.

Отсутствие упоминания архонтов в целом ряде эпизодов, в соответствии с нормами политической игры, должно говорить о том, что затрагивать этих людей было нежелательно. Обобщенное упоминание «архонты» — в соответствии с теми же нормами — указание (намека, достаточно прозрачный), что при случае их имена можно и вспомнить. Упоминание Демоконта — что он и, по древним традициям, его род враждебны.

В целом же получается пропаганда, суть которой в доказательстве того положения, что Протоген сделал для полиса (оказался полезнее полису), чем вся эта свора архонтов и прочих, причем свои благодеяния он мог оказывать, исключительно общаясь с народом напрямую, либо игнорируя законные власти, либо идя им наперекор, либо принимая на себя тяжкую ответственность.

Прямо мозолит глаза противопоставление архонтов и народа. Архонты чего-то не сделали (не смогли сделать или не захотели), и это делает Протоген — но не по просьбе архонтов, а по просьбе народа. Вывод напрашивается сам собой. Вспомним Писистрата и прочих «защитников народа». Подготовка к тирании.

КАКИЕ СТЕНЫ СТРОИЛ ПРОТОГЕН?

По мнению граждан понтийской Ольвии, принявших 20 числа неизвестного месяца неизвестного года почетный декрет в честь Протогена, сына Гиеросонта, одной из заслуг этого выдающегося деятеля было строительство двух участков крепостной стены и ремонт пяти башен оборонительной линии города. Точно датировать время этого события пока еще никому не удавалось. Уверенно можно говорить только о верхней и нижней хронологических границах — между 250 и 175 гг. до н. э. По большому счету это не так уж и плохо, если учесть, что палеографические, археологические и исторические основания для датировки между собой практически не согласуются. Впрочем, для целей данной работы уточнение месяца и года в пределах указанных хронологических границ практического значения не имеет.

Существенно другое. Протоген жил и действовал в весьма смутные времена для греков, рас-

севшихся по берегам моря, «как лягушки вокруг болота» [Plato., Phaed., 190B]. Войны и неурожаи привели экономику в упадок, состояния большинства граждан превратились в ничто (IPE, I², № 32B). Вследствие беспринципности, коррупции и некомпетентности властей (поскольку городские финансы шли большей частью на погашение процентов по долгам), отдельные граждане чувствовали себя вполне уютно. Они — при желании — были способны сделать то, чего не в состоянии было сделать государство: выплатить из своего кармана «дары» соседним кочевникам, обеспечить неимущих сограждан продовольствием (хлебом и вином), построить вокруг города крепостные стены.

Именно такими возможностями и обладал ольвийский гражданин Протоген. Почетный декрет сообщает: «Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки, именно вся гаванная часть и прилежащая к прежнему рыбному рынку, до того места, где герой Сосий, не была окружена стеною, а перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно также боясь жестокости галатов, и когда вследствие этого многие впали в отчаянье и приготовились покинуть город, а вместе с тем в стране случилось и много других печальных событий ... народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних лет оберегаемое, подпало власти врагов, и, между тем, как никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, Протоген обещал сам выстроить обе стены и наперед предложить все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее 1500 золотых» (пер. В.В. Латышева).

Каковое обещание он и выполнил. Помимо того, «отстроил он и пришедшие в ветхость башни, именно обе башни у больших ворот: Кафигитерову, придорожную, и Епидавриеву; также исправил житницу и построил пилон у места выставки товаров. Еще же, когда город платил фрахты частным лицам, возившим камни, вследствие того, что казенные суда были испорчены и не имели ничего из оснастки, он предложил и их починить, и, издержав на все это 200 золотых, немедленно сдал отчет, вследствие чего народ, и прежде часто награждавший его венцами, увенчал и тогда за сдачу отчета. Еще же, когда оставалось не оконченным прясло (стены), что у башни Посия по направлению к верхней части города, народ пригласив его, попросил окончить и это, четвертое по счету прясло, и Протоген, не желая отказываться ни от каких услуг, взял на себя и эту постройку, на которую предложил 100 золотых» (пер. В.В. Латышева).

Итак, перед нами стоят следующие задачи: вычислить вероятный объем строительных работ, проведенных Протогеном; локализовать на плане Ольвии участки крепостных стен и башни; вычислить если не количество, то тоннажность транспортных судов, задействованных для перевозки камня, соотнести объем проделанных работ с общим трудовым потенциалом Ольвии.

Получается нечто вроде технико-экономического обоснования на проведение строительных работ. При этом чуть ли не все задействованные факторы мы способны вычислить с достаточно большой точностью, по крайней мере, в достаточно узких пределах, ничуть не уступающих допустимым пределам при проведении современного строительства. Чрезвычайно важным представляется тот факт, что все эти параметры жестко между собой увязаны, что позволяет производить тщательные корреляции.

Начнем с участков крепостных стен.

Объем финансирования нам известен: 1500 золотых было потрачено на строительство в полном объеме двух участков стены вдоль лимана: еще 100 золотых — на завершение строительства четвертого прясла стены, что у башни Посия по направлению к верхней части города. Соотношение стоимости работ — 15 : 1, вероятно, таким же было и соотношение в объемах строительства (хотя здесь возможны и некоторые колебания — в одном случае могли превалировать затраты на непосредственно строительные работы, в другом — на добычу и перевозку камня; колебания эти представляются, однако, малосущественными).

Когда мы определяем объем финансирования в том или ином денежном выражении под тем или иным названием, то само по себе указание этого факта ничего никому не дает до тех пор, пока мы не выясним, что все это означает в реальности — иными словами, пока мы не определим покупательную способность данной суммы денег относительно различных видов и услуг, включая стоимость необходимой рабочей силы.

Античные источники — литературные и эпиграфические — в большинстве случаев информируют нас о ценах в серебряных драхмах, поскольку в большинстве государств денежные системы строились на использовании в качестве основного монетного материала серебра (реже — электра, золота и меди — малоазийские полисы, Египет, Рим).

По единодушному мнению специалистов-нумизматов, упомянутые в Протогеновском декрете «золотые» представляли собой статеры, чеканные по аттической весовой системе — весом порядка 8,5 г (Карышковский, 1988, С. 94—95; Анохин, 1989, С. 48—49г.). Причем это был не ольвийский чекан, а монеты Филиппа, Александра, Лисимаха и т. д.

При соотношении стоимости золота и серебра как 1 к 10, установившемся после Александра, один золотой статер соответствовал 20 аттическим серебряным драхмам (= эгинским или родосским). Таким образом, 1500 золотых, истраченных на строительство в Ольвии двух участков стены вдоль лимана, соответствовали 30000 аттических драхм (или 300 минам, или 5 талантам). В декрете говорится, что Протоген, давая золотом, получал медью из расчета 400 медных за золотой (значит, драхма стоила 20 медных монет ± колебания курса). Это дает некоторые возможности для сравнения цен с государствами, где в основе монетной системы лежала медь (Египет, Рим), хотя, в силу слишком большой удаленности, использование такой возможности вряд ли необходимо. Но чем черт не шутит? Особенно Египет...

Существует мнение (Латышев, 1887, С. 98), согласно которому строительство оборонительной линии вдоль лимана, «конечно же», не могло быть осуществлено в течение одного года. Однако, сама ситуация говорит о другом. Либо прибрежная часть города должна была быть укреплена до зимы, либо все это строительство попросту не имело смысла.

Примеры достаточно быстрого строительства оборонительных систем хорошо известны в истории материковой Греции.

Это — строительство стены через Истм, во время похода Ксеркса. Второе — восстановление стен Афин после победы над персами. В изложении Фукидида это выглядело следующим образом. Спартанские «послы приглашали афинян не возводить стен, а лучше помочь лакедемонянам скрыть обводные стены во всех городах, где только они были за пределами Пелопонеса. Не открывая перед афинянами целей своих и опасений, лакедемоняне заботились будто бы о том, чтобы варвары в случае вторичного нападения не могли бы опереться на какой-либо укрепленный пункт». Фемистокл отправился в Спарту отвлекать внимание «до тех пор, пока стена не будет выведена до надлежащей высоты, достаточной для обороны. В то же время, он советовал, чтобы поголовно все афиняне, находившиеся в городе, мужчины, женщины и дети, занялись сооружением стен, не щадили бы ни частных, ни общественных построек, которые могли бы быть полезны делу, и не останавливались перед разрушением их [Фукидид, I, 90].

«Вот каким образом афиняне в короткое время укрепили свой город. Что сооружение производилось второпях, можно видеть еще и теперь. Именно в нижних частях сложены камни различного характера, кое-где даже не прилаженные один к другому, но сложены так, как их сюда приносили отдельные люди. В стену вложено много плит с надгробных памятников и много

камней, обработанных для других целей. Во всех частях города окружность стены была увеличена против прежней, и ввиду этого второпях пускали в дело все без разбору» [I, 93].

Еще один пример — восстановление Длинных стен в Афинах и укреплений вокруг Пирея. В 404 г до н. э. спартанцы, одержав победу в Пелопонесской войне, потребовали, как водится, много чего разного, в том числе и уничтожения данных оборонительных сооружений. Под присмотром Лисандра «стены были скрыты при общем ликовании под звуки исполняемого флейтистами марша; это день считали началом свободной жизни для греков» [Ксенофонт, 2, 2, 22—23]. Спустя 12 лет Конон восстановил эти укрепления на деньги, предоставленные персами (Фарнабазом). Он «восстановил большую часть стены, причем работа эта производилась как его экипажем, так и нанятыми за плату плотниками и каменщиками; он же выдавал деньги и на все прочие нужды. Над постройкой других частей стены работали, кроме самих афинян, Беотия и другие государства, добровольно присоединившиеся к ним» [Ксенофонт, 4, 8, 10].

По Диодору: «В это время Конон, адмирал царского флота, прибыл с флотом из 80 триер в Пирей и предложил гражданам восстановить окружавшие город стены... Наняв за плату большое количество мастеров и дав им в помощь весь свой экипаж, он в короткое время выстроил большую часть стен. Фиванцы также прислали пятисот мастеров и каменщиков, равно как и некоторые другие государства» [XIV, 85, 2—4].

Если воспринимать всю эту информацию всерьез и дословно, то Конон восстановил около 20 км оборонительных стен (Длинные + вокруг Пирея), и привлек к этому делу примерно 20 тыс. человек (экипаж 80 триер — порядка 16000 + 500 фиванцев + неведомое, но вряд ли слишком большое количество афинян и других).

Иными словами, приходится порядка одного человека на метр протяженности стены. С учетом, что какая-то часть людей должна была работать в каменоломнях и на доставке.

Вернемся, однако, к Ольвии и Протогену. В пределах отпущенных сумм — 1 500 золотых = 30000 драхм = 180 000 серебряных обол — Протоген мог нанять до 2000 человек на месяц, т. е. обеспечить концентрацию людей из расчета 1 человек / 1 метр оборонительной стены на протяжении 2,5—3 месяцев.

Таким образом, относительно быстрое строительство оборонительной линии вдоль лимана можно признать — в первом приближении — вполне возможным и даже несомненным. Но здесь — как, видимо, и в любом другом деле наиболее интересными являются не общие оценки, опирающиеся на разного рода аналогии, а конкретные детали.

Декрет в честь Протогена сообщает, что галаты и скиры составили союз и собрали *большие силы*... Выдающийся германский военный историк Г. Дельбрюк, оценивая аналогичные ситуации, вполне справедливо говорил, что оценивая силы одной стороны, мы, не обладая достаточно достоверной информацией, вправе исходить из оценки сил стороны другой [–].

В Ольвии в конце эллинистического периода насчитывалось порядка 20000 — максимум (на мой взгляд, это преувеличено) 25000 жителей (Крыжицкий, 1982, С. 164). Иными словами, в условиях общей мобилизации мужского населения всех призывных возрастов, Ольвия могла выставить от 4 до 6 тыс. бойцов (фантастический максимум), из которых порядка 60 % в полевом бою были практически небоеспособны, в силу возраста, степени обученности, вооружения, психологии и так далее.

Галаты и скиры, невзирая на всю свою свирепость, напасть на Ольвию поодиночке не рискнули. Стало быть, речь идет о племенах, которые могли выставить максимум по паре тысяч бойцов — правда, в силу своей дикости несколько более готовых к человекоубийству, чем греческие земледельцы и ремесленники.

ХЛЕБ

В Декрете несколько раз упоминаются цены на хлеб.

1. При жреце Плистархе хлеб продавался по $1\frac{2}{3}$ медимна за золотой.

2. При нем же произошло подорожание — «и встал вскоре же продаваться медимн по $1\frac{2}{3}$ золотого».

Тогда же Протоген обещал 2500 медимнов, из которых:

3. 500 медимнов дал по 4 и $1\frac{1}{6}$ медимна за золотой.

4. 2 000 — по 2 и $7\frac{1}{12}$ медимна за золотой.

5. При жреце Иродоре хлеб продавался по 5 медимнов за золотой.

6. А Протоген продал 2000 медимнов по 10 медимнов за золотой.

Каждому, вероятно, понятно, что медимн и золотой выступают здесь в качестве показателей меры объема с одной стороны, и валютного показателя с другой ...

Медимн зерна приблизительно соответствует современному мешку. Предположим, что золотой соответствует современному доллару (хотя, понятное дело, это очень далеко не так). Теперь представьте себе, что Вы пытаетесь купить за доллар 2 и $7\frac{1}{12}$ мешка зерна. При каких условиях это возможно? На практике, только при тех, когда условная мера объема кратна 12 (в большинстве современных стран предпочитают десятичную систему, когда считают не дюжинами, а десятками, и кратность соответствует не 12, а 10).

Представить себе, что хлеб продавался пайками по 2 и $7\frac{1}{12}$ медимна — я имею в виду реальную, бытовую ситуацию — просто смешно. Или же за этим что-то кроется — отдельный паек в размер 3 и $1\frac{1}{12}$ медимна. Но, скорее всего, медимн выступает некоей условной мерой веса, приведенной в соотношении к золотому. Это с одной стороны.

С другой стороны, разного рода общие сообщения можно тут приводить бесконечное количество. Но все они, в конечном итоге, обладают свойством малой убедительности и большой сомнительностью. Лучше уж перейти к аналогиям, к примерам античной практики. Вот, например, Демосфен в речи «Против Формиона по делу о займе» говорит о тяжелом времени, обращаясь к афинянам, «когда одни из вас, живущие в городе, получали установленную меру ячменной муки в Одеоне, а живущие в Пирее получали в верфи хлеб по оболу и в Большом портике ячменную муку по установленной мере в полгектея и в давке» [Демосфен. XXXIV, 37]. Полгектея как раз и является $1\frac{1}{12}$ медимна. Думаю, что и в ольвийских случаях (эпизодах) при продаже хлеба объемы измерялись в полгектеях, иначе такие цифры, как $7\frac{1}{12}$ объяснить трудно. При таком варианте, как целые медимны, так и их части — $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{6}$ — легко пересчитываются в полгектеи ($1\frac{1}{12}$ медимна). Другое дело, сколько таких полгектеев выдавалось каждому гражданину за раз. Но об этом — потом.

Теперь перейдем к золотым статерам. В различных ситуациях за один золотой можно было купить (по пунктам):

1. $60\frac{1}{12}$ — т. е. 60 полгектеев,

2. $120\frac{1}{12}$ — т. е. 120 полгектеев,

3. $20\frac{1}{12}$ — т. е. 20 полгектеев,

4. ?

5. $50\frac{1}{12}$ — т. е. 50 полгектеев,

6. $31\frac{1}{12}$ — т. е. 31 полгектей.

Итого: 20 — 31 — 50 — 60 — 120 полгектеев за золотой.

Пункт 4 был пропущен, поскольку заслуживает специального рассмотрения.

«И стал вскоре же медимн по $1\frac{2}{3}$ золотого» (эпизод 8). Совершенно ясно, что дать продавцу $\frac{2}{3}$ золотого никто из покупателей неспособен (при условии, что речь идет о реальных монетах). Единственное, что можно — это заплатить 5 золотых и получить 3 медимна. Но вряд ли ситуация предусматривала покупку хлеба исключительно такими порциями — учитывая чрезвычайную дороговизну продукта и сильную нищету населения, дело обстояло, скорее всего, прямо наоборот (купля-продажа мелкими порциями). С другой стороны, сколько же можно было выручить за полгектея?

$12\frac{1}{12}$ медимна стоили $20\frac{1}{12}$ золотого.

$1\frac{1}{12}$ медимна стоила $20\frac{1}{144}$ золотого = $\frac{5}{36}$ золотого.

Итого: стоимость 1 полгектея (а как мы договаривались, реальной единицей измерения был именно он) составляла:

$1/20 - 1/31 - 1/50 - 1/60 - 1/120$ золотого.

Не могли покупать хлеб исключительно партиями по 3—10 медимнов (используя статеры Филиппа или Лисимаха). Вполне понятно, что в реальной жизни, покупая 1 полгектей зерна, люди не могли пользоваться золотыми статерами, а должны были использовать какие-то иные монеты, находившиеся в определенном соотношении (с точки зрения покупательной способности) с золотыми. В Декрете Протогена упоминаются только золото и медь. В принципе, конечно, между золотом и медью должен был быть (или же возможен) плавающий курс. Мы видим, однако, что Протоген как в эпизоде 8 получил «медью из 400», так и в 12 эпизоде согласился на то же (хотя между эпизодами и был хронологический разрыв в несколько лет).

Как мы видим, концы с концами здесь не вяжутся. И медимны, и золотые выступают здесь как условные расчетные единицы, а отнюдь не те меры веса и конкретные монеты, которыми пользовались в реальной жизни. Попробуем повторить путь размышлений с самого начала.

При жреце Иродоре случился голод, и 5 медимнов зерна отдавали за золотой. Понятное дело, что большинство ольвиополитов не покупали зерно партиями по 5 медимнов (а был ли у большинства из них вообще какой-либо золотой в наличии?).

Однако исходя из соотношения золотых и медных монет $1 / 400$ (курс, по которому возвращал свои деньги Протоген), гражданин Ольвии мог купить медимн зерна по цене $1 / 5$ золотого или за 80 медных монет. С гектеями дела обстояли несколько хуже, поскольку 80 ни на 6, ни на 12 не делится. Так что надо либо предполагать существование какой-то более мелкой фракции медной монеты (о чем в декрете не упоминается), либо иной курс денег.

Для пояснения. Мы знаем, что в Афинах цена на зерно колебалась — ну, скажем, от 5 драхм за медимн до 11. Но в Афинах из серебра чеканились не только драхмы, но также их фракции — оболы и далее. Единство металла гарантировало устойчивость соотношения между основной счетной (одновременно реальной монетной) единицей и фракциями. Здесь же ситуация иная — счетные единицы в золоте, а реальные деньги — медь. Колебания курса столь же естественны, как и колебания курса где-нибудь в Российской империи в XIX веке, когда серебро шло по одной цене, а ассигнации по другой (цитата из К. Маркса насчет биметаллизма).

Попытаемся свести концы с концами. Предположим, что полгектея зерна стоили 6 медных монет. В этом случае, медимн должен был сто-

ить 72 медных монеты. Или же сто из 7 монет, т. е. медимн оценивался в 84 медные монеты. В первом варианте 1 золотой соответствовал 360 медных, во втором — 420 медным монетам.

Нет, тут надо начинать с самого начала, т. е. установить соотношение различных реальных / условных денежных единиц.

ДОЛЖНИКИ, ДОЛГИ И ПРОЦЕНТЫ

Начнем с процентов. Афинские ораторы (Демосфен, Лисий и др.) сообщают нам о существовании различных процентных ставок в зависимости от ситуации — 9, 12, 18 % годовых. Существовали в Афинах еще и некие «морские» проценты — порядка 36 — но они были обусловлены какими-то малопонятными для нас взаимными обязательствами. Аристотель пишет, что в судах разбирались дела, связанные с неуплатой 12 % долга. Видимо, 12 % годовых (= 1 % в месяц).

По утверждению Декрета, долги частных лиц Протогену и его отцу Гиеросонту простирались до 6000 золотых. Народ, совершенно обнищавший в результате войн и неурожаев, сначала попросил Протогена отсрочить уплату помещенных процентов, а вскоре — вообще простить долги. Стало быть, взимание процентов производилось ежемесячно.

Теперь рассмотрим ситуацию пристальнее. Сумма долгов частных лиц указана в золотых. А какими денежными знаками могли уплачиваться проценты?

Ежемесячная выплата должна была составлять 1 % от суммы долга. Для того чтобы должник расплачивался золотыми статерами, необходимо, чтобы его долг был кратен 100 золотым. Поскольку общая сумма долгов частных лиц составляла, по данным Декрета, 6000 золотых, то ежемесячная выплата процентов золотыми статерами возможна лишь при условии, весьма незначительного количества должников: 60 человек, занявших по 100 золотых, 30 человек — по 200, 20 человек — по 300 золотых. Даже в античные времена, такие деньги в долг любому желающему не давались; займы чем-то обеспечивались.

Вот мы и имеем первый из возможных вариантов: численность должников Протогена исчислялась немногими десятками людей — от 20 до 60. При этом оные должники должны были обладать достаточно большим имуществом, чтобы гарантировать возврат займа.

Скажем сразу, этот вариант не проходит. Не стал бы трехтысячный контингент ольвийских граждан настоятельно просить Протогена то об отсрочке месячных процентов, то о кассации долгов только для того, чтобы помочь 20—60 не самым бедным из своих сограждан.

Описанная в Декрете ситуация возможна лишь тогда, когда в должниках оказалось бы достаточно большое количество граждан — может быть даже поголовно (не все граждане, но почти все семьи). В таком случае совершенно иной выглядит средняя сумма долга, приходящегося на одного гражданина.

Предположим, что в должниках ходило порядка 1–2 тыс. ольвиополитов. Суммарная сумма долга — 6000 золотых. Суммарная сумма месячных процентов 60 золотых. Но поскольку эти деньги — и долги, и проценты — распределялись на 1–2 тыс. должников, то никто из них не мог выплачивать проценты золотыми статерами. Если человек был должен, к примеру, 4 статера, то ежемесячные проценты составляли $4/100 = 1/25$ статера и, понятное дело, выплачивались медью.

Всего ежемесячно Протоген получал порядка 24000 медных монет (если принять курс «из 400»).

Понятно, что в этих условиях он был материально заинтересован в определенной стабильности денежного курса. При быстрой инфляции деньги могли терять в цене быстрее, чем он успевал превратить их в золото или вложить в дело. Правда, как финансист иногда он мог и поиграть на колебаниях курса.

Интересно, что его займы городу все время кратны 100 золотым. Конечно, нельзя исключать возможности округления цифр составителями декрета. Но скорее, дело в процентной ставке. Одалживая полису 100 золотых, он имел полное право получать каждый месяц 1 статер в счет процентов. Без всяких там перерасчетов в медь (за исключением тех случаев, когда добровольно на это соглашался).

Еще о частных долгах. 3 статера кажется нам незначительной суммой лишь на фоне тех сотен и тысяч, которыми оперировал Протоген. На деле же — это 60 серебряных аттических драхм, т. е. примерно трехмесячный заработок афинского ремесленника или воина-наемника. В Ольвии жизнь была явно дешевле, а заработки ниже. Даже в условиях голода при Иродоре за 3 статера можно было купить до 30 медимнов зерна (= 1560 литров, т. е. более тонны весом). Этого количества вполне достаточно для обеспечения хлебом семьи из 6 человек на протяжении года. В нормальные же времена зерно должно было стать дешевле. А хлеб — это основной вид продовольствия, основа питания греков и римлян.

Протоген получал в год в виде процентов с частных долгов примерно 720 золотых (= 14400 аттических драхм = почти 2,4–2,5 таланта серебром). Причем, получал их в ольвийской меди, а уже затем, судя по всему, менял на золото. Займы полису — в золоте, за исключением эпизода со строительством стен, когда часть суммы — ме-

дью. Общая сумма долгов частных лиц достигала 20 талантов серебром.

САИ, САЙТАФАРН И БЮДЖЕТ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА

Декрет в честь Протогена описывает пять случаев, когда этот выдающийся гражданин помог ольвийскому полису в выплате дани степным кочевникам. Протоген выделил следующие суммы:

1. Для царя Сайтафарна, прибывшего в Канкит и требовавшего даров «по случаю проезда» — 400 золотых.

2. Для саев, которые явились за получением даров «во множестве» — 400 золотых.

3. Заем полису в счет будущих доходов, за счет которого «были вовремя удовлетворены многие скиптроносцы и немало даров было выгодно приготовлено для царя» — не менее 1500 золотых.

4. На снаряжение посольства в резиденцию царя — 300 золотых.

5. Когда царь Сайтафарн явился «на ту сторону за дарами» — 900 золотых.

В совокупности, мы получаем сумму в 3500 золотых, а возможно, и больше, поскольку в последнем случае царь оказался недоволен дарами, разгневался и выступил в поход. Вероятно, чем кончились дальнейшие события этого конфликта, излагалось на несохранившейся части стелы. Скорее всего, Протогену пришлось выделить еще какие-то деньги (что, естественно, увеличило бы указанную выше сумму его затрат).

По мнению специалистов-нумизматов, в частности В.А. Анохина и П.О. Карышковского (Карышковский, 1988, С. 94–95; Анохин, 1989, С. 48–49), под золотыми в позднеэллинистическое время подразумевались статеры, чеканные по аттической системе, весом 8,5 г. Это могли быть монеты Филиппа, Александра, Лисимаха и др. т. е. Протогеном было отдано около 30 кг чеканного золота. В пересчете на более привычные — по крайней мере, в трудах античных авторов — серебряные деньги, это не менее 70000 аттических драхм или около 12 талантов (по весу — около 300 кг серебра). Правда, эти суммы не были выделены единовременно.

Среди получателей даров мы видим царя Сайтафарна, скептухов-скиптроносцев и просто саев. Царь и скептухи получали дары независимо друг от друга. Это явствует из третьего эпизода, когда за счет предоставленного царем займа были вовремя удовлетворены многие скиптроносцы, и немало даров было выгодно приготовлено для царя. Здесь, по моему, различие между удовлетворением скептухов и выплатой дани царю проведено достаточно четко. Что касается саев, которые явились во множестве, то здесь налицо некоторая вероятность того, что под ними

подразумеваются те же люди, которые в другом эпизоде именуются скиптроносцами. Этому, на мой взгляд, противоречит как их коллективное появление, так и некое чрезмерное множество. Скорее, это могли быть люди, занимавшие в сарматском обществе более низкое положение, чем скиптроносцы, но способные, тем не менее, причинить достаточно серьезные неприятности ольвиополитам.

Взимание дани кочевниками носило, скорее всего, смешанный регулярно-эпизодический характер. О том, что часть дани уплачивалась регулярно, в достаточно четко установленные сроки, может свидетельствовать, во-первых, прямое указание в третьем эпизоде, когда многие скептухи были удовлетворены «вовремя». Во-вторых, об этом может свидетельствовать отправка посольства с дарами в ставку царя.

Об эпизодических дополнительных поборах имеется прямое указание: в первом эпизоде Сайтафарн требует даров «по случаю проезда». Сюда же, вероятно, можно причислить и появление саев «во множестве».

Самый интересный вопрос, это в какую сумму ориентировочно обходились ольвиополитам дары степнякам?

Даже при условии фиксированной регулярной дани, здесь наверняка были достаточно существенные колебания в зависимости от размеров эпизодических поборов. Скажем, царь мог «проезжать» мимо, а мог и не проезжать, будучи занят какими-либо другими делами, например, войной с кем-нибудь. Достаточно существенно и то, что дары, по крайней мере, при посольствах в ставку, состояли не только из звонкой монеты, но и чего-то другого: из дорогого оружия, сосудов, украшений. В декрете указывается, что благодаря займу, заранее предоставленному Протогеном, немалые дары для царя удалось приготовить выгодно. Таким образом, колебания в затратах были, но в каких пределах?

Цифры, указанные в декрете, весьма различны, и эти различия не всегда поддаются однозначному истолкованию. Скажем, прибыв в Канкит, Сайтафарн удовлетворился четырьмя сотнями, а оказавшись «на том берегу», оказался недоволен 900-ми, разгневался и выступил в поход. Существует точка зрения, что этот гнев был вызван задолженностью (Латышев, 1887, С. 96). Мол, ольвиополиты задолжали 400 монет за прошлый год, а на следующий год должны были отдать деньги за два года плюс проценты. Такая возможность не исключена, но выглядит странно. Прирост 100 монет на 400 — это 25 % годовых, что по античным меркам не так уж и мало — у античных авторов, например, у Демосфена, обычно фигурируют 10—12—18 %. К тому же, ольвиополиты, выпросив годовую отсрочку, должны были знать, что от них требуется. В

другом варианте, 400 золотых — это и есть фиксированная годовая дань, и, прибыв в Канкит, Сайтафарн не нуждался в таком аргументе, как «дары по поводу приезда». Третье, когда Протоген, став членом коллегии Девяти, предложил 1500 золотых в счет будущих доходов, он, будучи явно неплохим финансистом, никак не мог иметь в виду замораживание средств на ближайшую пятилетку. Его идея, думается, проста: выделить деньги на приобретение даров и т. п. заранее, чтобы не впасть в панику в последний момент. Причем сам он, будучи магистратом, мог контролировать их использование. Иными словами, 1500 золотых предполагалось использовать в течение года. Если Сайтафарну из этих денег полагалось всего 400, то это выглядит просто как неуважение к его власти и достоинству. Любой правитель предпочитает брать деньги сам, чтобы потом самому распределять какую-то их часть среди нижестоящих. А в этом варианте свыше 75 % ольвийской дани проходило мимо царя.

Поэтому мне кажется более вероятным следующий вариант. Сумма в 900 золотых приблизительно равнялась или, скорее, несколько превышала фиксированную ставку дани в звонкой монете. Но вдобавок полагались какие-то действительные подарки, а вот ими-то ольвиополиты не запаслись. Это не удивительно, поскольку ольвийские финансы управлялись из рук вон плохо — Протоген недаром позднее потратил три года на приведение их в относительный порядок, прижимая откупщиков налогов и т. д. Предположительно можно реконструировать следующую картину: сумма дани составляла, скажем, 800 золотых плюс, очевидно, дорогие подарки или вещи. Но произошла какая-то накладка, и в последний момент власти заняли у Протогена 900 золотых (т. е. сумму дани плюс денежную компенсацию за отсутствующие подарки). Ну, а Сайтафарн в итоге обиделся.

В любом случае, для определения размеров дани необходимо исходить из размеров предварительного займа в 1500 золотых, уже потом используя цифры из других эпизодов. Ведь не надо забывать, что Протоген при всем его богатстве никак не мог, да и не стремился, подменить своим кошельком государственную казну. В каждом эпизоде он начинает отдавать деньги только тогда, когда ситуация становится абсолютно критической. Именно такие моменты по необходимости и описывает почетный декрет. Обо всех иных ситуациях, когда полис обходился без его помощи, декрет, естественно, умалчивает. Так, Протоген только раз оплатил посольство в ставку царя. Значит ли это, что на всем протяжении его жизни было лишь одно посольство?

Итак, вернемся к займу в 1500. Из этих сумм были удовлетворены многие скептухи, и было

выгодно приготовлено немало даров для царя. Но декрет отнюдь не утверждает, что этих денег оказалось достаточно для полного расчета со степняками. Напротив, непосредственно вслед за описанием этого эпизода говорится, что было отдано на откуп посольство в ставку царя, финансировать его снова пришлось Протогену, поскольку архонты не могли заплатить необходимые 300 золотых, которые были у откупщиков податей. По мнению В.В. Латышева, эти два события относятся к одному году (Латышев, 1887, С. 100). Итак, сумма затрат должна была быть не менее 1800 золотых, а в случае экстраординарных поборов достигать и более крупных сумм до 2500, а может быть и 3000 золотых.

Что касается ольвийского бюджета, то для понимания его структуры интересна структура трат Протогена на общественные нужды.

Общая сумма его прямой материальной помощи родному городу — я имею в виду деньги и товары (хлебом) — составила не менее 7800 золотых. Я в данном случае вел подсчеты иначе, чем В.В. Латышев (1887, С. 113) *, а вслед за ним и другие ученые, включая А.С. Русяеву (Русяева, 1993, С. 19–20) (поскольку учитывал только прямые затраты, а не отказ от возможной прибыли — при продаже хлеба по относительно низким ценам, отказ от взимания процентов и т. д.).

Из общей суммы в 7800 золотых Протогеном потрачено:

1. На выплату дани степнякам — 3500 золотых, т. е. около 45 %;
2. На смягчение продовольственных проблем — 2 400 золотых, т. е. около 31 %;
3. На оборонное строительство и сопутствующие нужды (ремонт транспортных кораблей) — 1800 золотых, около 24 %;
4. На выкуп священных сосудов — 100 золотых.

Конечно, структура расходов Протогена не могла в точности совпадать со структурой расходов государства. В конце концов, оборонитель-

* По В.В. Латышеву, Протоген истратил на пожертвования городу и его народу более 15000 золотых (1887. — С. 113) (С. Б.).

ные стены строились не каждый год, равно как не каждый год и был такой голод, как при жреце Плистархе. Но у города были и другие расходы — например, выплата процентов по долгам, различные военные расходы, да и затраты на продовольствие (хлеб, вино).

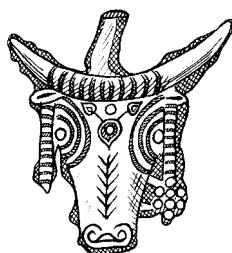
В любом случае, городской бюджет не мог исчисляться сотнями золотых, поскольку Протоген счел возможным выделить под будущие доходы 1500, да и такая сумма за строительство стен была ему возвращена, хоть и медью. С другой стороны, при городских доходах в десятки тысяч, архонты не закладывали бы за сотню священные сосуды. Таким образом, можно утверждать, что городские доходы не превышали несколько тысяч золотых, из которых от двух до трех тысяч уходила на дань кочевникам.

Но это только одна сторона вопроса. Чтобы несколько смягчить впечатление об ужасной эксплуатации греков кочевниками, я в двух словах затрону Протогена. Почему он мог приходить на помощь полису? Хотел — потому как патриот, а между тем долг частных лиц его отцу и ему достигал 6000 золотых. И хотя, в конце концов, по просьбе народа эти долги были прощены, они висели на гражданах не один год, а может быть и не один десяток лет (можно считать, два поколения). При вполне приемлемом уровне годовых — 18 % Протоген получал в качестве процентов порядка 1000 золотых в год. К этому надо добавить его займы городу, которые далеко не всегда были беспроцентными. Так что хорошо зарабатывали не только степняки.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — К., 1989. — 128 с.
Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. — К., 1988. — 167 с.
Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. — К., 1982. — 167 с.
Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887. — 314 с.
Русяева А.С. Протоген Ольвийский // Археология. — 1993. — № 2. — С. 14–24.

Между 1993—1996 гг.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ ОЛЬВИИ ДОРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Нижнее Побужье, расположенное в самой северной части греческой ойкумены, в течение почти тысячи лет являлось одним из наиболее интенсивных районов распространения достижений античной цивилизации в рамках понтийского бассейна. Здесь, в низовьях Южного Буга, располагался греческий полис — Ольвия, оказавший заметное влияние на исторические судьбы древнего населения Северного Причерноморья VI в. до н. э. — III в. н. э. На протяжении всего этого времени Ольвийское государство, основанное выходцами из Ионии, включало в себя, как и большинство других эллинских полисов, не только собственно город, но и прилегающую к нему сельскохозяйственную территорию — хору.

Проблема определения границ Ольвийского государства возникла одновременно с археологическим открытием местоположения самой Ольвии в 1794 г. (П.С. Паллас, П.И. Сумароков) и введением в научный оборот первых ольвийских эпиграфических и нумизматических документов в первой половине XIX в. Уже один из первых отечественных исследователей Ольвии — П.И. Кешпен считал, что Ольвийское государство имело свое «пространство» с близкими и дальними окрестностями, не сомневаясь в принадлежности к нему рядовых античных поселений Нижнего Побужья (Тункина, 1991, С. 99).

Тесную связь с городом многих поселений, расположенных по берегам близлежащих лиманов — Бугского, Днепровского и Березанского — предполагал в дальнейшем целый ряд исследователей конца XIX — начала XX вв.: А.С. Уваров, И.А. Стемпковский, Н.И. Надеждин, П.В. Беккер, Ф.К. Брун, И.П. Чирков, Н.Н. Аркас, В.Н. Ястребов, В.И. Гошкевич и др. Однако археологические работы на приольвийских поселениях не производились, и проблема исторической интерпретации земель, окружавших Ольвию, не получила широкого освещения ни в фундаментальном труде В.В. Латышева по истории Ольвии (Латышев, 1887), ни в работах Б.В. Фармаковского (Фармаковский, 1909, Pharmakovsky, 1915), с именем которого связано начало систематического и планомерного изучения ольвийского городища и его некрополя.

В силу этого, вплоть до недавнего времени, жизнь сельской округи Ольвии представлялась весьма схематично, опираясь на те свидетельства, которые дает литературная традиция в отношении Средиземноморья. Что касается археологических источников, то только в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. были осуществлены первые активные работы по выявлению, картографированию и изучению сельских поселений ольвийского окружения (Синицын, 1950; Славин, 1955). Тогда же была предложена первая сводная археологическая карта античных памятников, расположенных в округе Ольвии, насчитывавшая всего около 50-ти поселений (Штителъман, 1956, С. 256, рис. 1).

Среди них в крайне незначительной степени было исследовано всего 10. Первые стационарные работы на поселениях разного времени — от архайки до позднеантичного времени включительно — связаны с именами таких исследователей как Л.М. Славин, Ф.М. Штителъман, Б.М. Рабичкин, М.С. Синицын, П.Н. Шульц, А.П. Манцевич, С.И. Капошина. Наиболее значительные раскопки были осуществлены только на поселении VI—V вв. до н. э., у Широкой Балки (Рабичкин, 1951), поселении V—III вв. до н. э. у Закисовой Балки (Штителъман, 1958) и на городище первых веков н. э. у с. Козырка (Бураков, 1962).

В результате этих работ к концу 60-х — началу 70-х гг. в литературе наметилась следующая картина развития сельской округи Ольвии (Штителъман, 1956; Славин, 1976), по которой, первые античные поселения возникли в Нижнем Побужье еще в VII—VI вв. до н. э., большая часть поселений относится к IV—III вв. до н. э., а некоторые из них продолжают существовать и в первые века нашей эры. По этой же схеме, на поселениях обитало смешанное греко-варварское (с преимуществом варварского) население, которое имело интенсивные торговые отношения с Ольвией, носившие постоянный характер.

На качественном новом уровне работы по комплексному изучению территории, прилегающей к Ольвии, развернулись в 1970—80-е гг. (Крыжицкий и др., 1980). Только к этому времени проблема территории, организации, статуса, социально-экономического и культурного потенциала

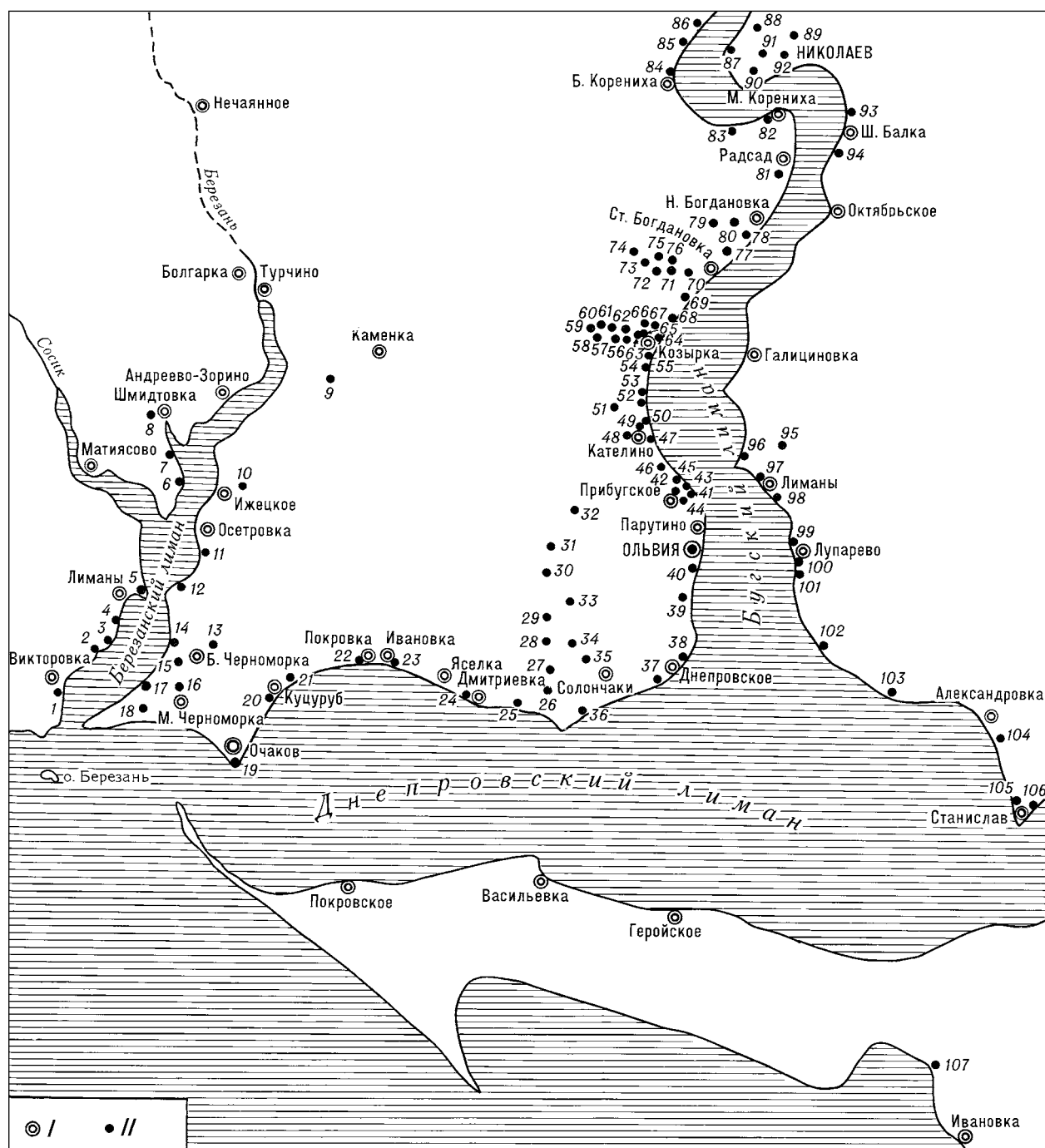

Рис. 1. Архаические поселения Нижнего Побужья: I — современные населенные пункты; II — поселения VI — первой трети V вв. до н. э. (по: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, 1990, С. 11, рис. 4).

хоры Ольвии, ее подлинного места в историческом развитии полиса была, наконец, осознана исследователями в полном объеме, что и привело к ощутимой интенсификации исследований.

Работы последних двадцати пяти лет (1971—1995), проводившиеся в Нижнем Побужье Институтом археологии НАН Украины (С.Д. Крыжицкий, А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, В.В. Рубан), включали в себя осуществление сплошного разведочного обследования Ольвийской сельской округи с дальнейшим поэтапным углубленным изучением поселений различных хронологических групп. Они позволили значи-

тельно изменить и уточнить существовавшие ранее представления о характере развития Ольвийской сельской округи, открыть многие десятки новых поселений, проследить более глубокую взаимосвязь между этапами существования города и окружавших его поселений; получить надежные свидетельства об их этнокультурной принадлежности, в подавляющем большинстве — грекам. К раскопкам Нижнебугских античных сельских поселений позднее подключился коллектив российских коллег (Я.В. Доманский, К.К. Марченко, Ю.А. Виноградов, Н.В. Головачева, Е.Я. Рогов).

Накопленные за эти годы новые археологические данные позволили ликвидировать диспропорцию в изучении собственно города (где были открыты оборонительные сооружения, теменос, агора и жилые кварталы) и его сельскохозяйственной округи. Назревшая необходимость в получении наиболее полного и достоверного представления о культуре населения Ольвийского государства в целом (то есть, и города, и сельских поселений), определила постановку двух основных задач в современном исследовании региона: 1) создания сводной аннотированной археологической карты античных сельских поселений Нижнего Побужья всех этапов их существования — с VI в. до н. э. по III—IV вв. н. э. включительно; 2) обобщения значительного накопленного материала по развитию типов поселений, их поселенческих структур, характеру домостроительства, основным категориям материальной культуры, хозяйственной деятельности населения, эволюции этносоциального состава, духовной культуры и идеологических представлений античного сельского населения Нижнего Побужья. Обе эти задачи были поставлены киевскими археологами в отношении Ольвийского полиса впервые в антиковедении. Первая из них была решена в книге «Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта)» (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990), куда вошли данные о более чем 300-х поселениях хоры Ольвии. Вторая важная задача в значительной степени получила воплощение в коллективной монографии «Сельская округа Ольвии» (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989).

Основываясь на этих фундаментальных исследованиях, с учетом суммы данных, накопленных ранее, динамика жизни на сельской округе Ольвии представляется теперь в следующем виде.

А Р Х А И К А. В последней трети VII в. до н. э. милетянами было основано древнейшее в Северном Причерноморье Березанское поселение (Борисфен), которое в конце VII — начале VI вв. до н. э. являлось единственным населенным пунктом в этом районе. Вероятно, контингент переселенцев с самого начала был организован в гражданскую общину — полис (Крыжицкий, Отрешко, 1986, С. 9—11). Демографическая ситуация в регионе, характеризующаяся отсутствием местного оседлого населения, благоприятствовала расселению ионийцев и эксплуатации разнообразных природных ресурсов. В начале VI в. до н. э. к востоку от Березанского поселения появляется ремесленный центр на берегу Ягорлыцкого залива, представлявший собой, по-видимому, обширный сезонный поселок березанских ремесленников (Островерхов, 1978, С. 14—15).

Возникновение первых сельских поселений в низовьях Березанского лимана (Викторовка,

Большая Черноморка-II, Бейкуш, Очаков и др.) относится к первой — второй четверти VI в. до н. э. Располагаясь рядом с Березанью (рис. 1, № 1, 14, 17, 19), эти поселения первоначально, вероятно, составляли ее хору. Во второй четверти — середине VI в. до н. э., наряду с дальнейшим развитием основанных поселений, в Нижнем Побужье появилась серия новых населенных пунктов. Начинается массовый процесс освоения греками региона. Поселения распространяются по правому берегу Днепровского лимана, начинается заселение Бутского лимана, где основывается Ольвия, а затем — Широкая Балка (рис. 1, № 40) и, вероятно, Закисова Балка-I (рис. 1, № 39). Статус Ольвии начального этапа неясен, возможно, это был один из подчиненных березанцам периферийных пунктов (Отрешко, 1990, С. 14).

Освоение региона активизируется в конце второй трети VI в. до н. э. Видимо, именно в это время Ольвия становится центром полиса, включавшего в свой состав и Березань (Крыжицкий, Отрешко, 1986, С. 12). Цепочка античных сельских поселений по правому берегу лимана достигает широты г. Николаева, в это же время осваивается и левый берег Бутского лимана. Начиная с этого этапа, античный полис в Нижнем Побужье правомерно именовать Ольвийским, а его хору — ольвийской, а не березанской (Рубан, 1988, С. 17).

Освоение сельской территории, вероятно, происходило стихийно — какие-либо ощутимые признаки регламентации этого процесса отсутствуют. К концу последней четверти VI в. до н. э. происходит официальное закрепление статуса хоры в общепризнанных границах нижнебутского региона. К поселениям, возникшим в это время, относятся такие хорошо исследованные памятники как Чертоватое-II (рис. 1, № 44), Чертоватое-VII (рис. 1, № 46) (раскопки С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, В.В. Рубана), Старая Богдановка-II (раскопки Я.В. Доманского, К.К. Марченко) (рис. 1, № 69). Уровень социально-экономической жизни населения хоры и города в это время мало отличается. Он характеризуется преимущественно углубленными в землю жилищами и достаточно стандартным набором вещественного инвентаря — амфорная тара, простая гончарная посуда, лепная керамика, столовая посуда (аттическая, родосско-ионийская, хиосская, самосская, клазоменская, коринфская), терракоты, граффити, орудия труда, предметы быта, украшения, оружие и др.

Новая серия сельских поселений появляется в Нижнем Побужье в начале V в. до н. э. Не исключено, что их возникновение связано не только с притоком переселенцев извне, но и с процессом т.н. внутренней колонизации. В это время полностью заселяется северная часть пра-

вобережья и восточного берега Бутского лимана, а также происходит расселение от береговой линии вглубь степи — вдоль склонов крупных обводненных балок. На этом этапе (первая треть V в. до н. э.) Ольвийская хора достигает своих максимальных размеров за весь архаический период (рис. 1) и переживает расцвет.

Аграрная зона Ольвии претерпевает не только значительные территориальные изменения, но и существенные преобразования. Повсеместно прослеживается переход от преобладавшего ранее земляночного домостроительства к наземному сырцово-каменному. В это время активно происходит начавшаяся с конца последней четверти VI в. до н. э. дифференциация в типологии сельских населенных пунктов, среди которых выделяются три основные группы: 1) *небольшие хутора* (0,5 га); 2) *поселения средних размеров* (от 2—3 до 5—8 га); 3) *крупные поселения* (площадью 50—80 га). Отмечены также сезонные стоянки пастухов и рыбаков. Все стационарные поселения имели т.н. «кустовую» структуру, включавшую в себя разное количество жилищно-хозяйственных ячеек — первичных модулей (Буйских, 1986). Каждый такой модуль состоял из жилого ядра (3—5 полуземлянок), 10—12 зерновых ям, 1—2 цистерн и ряда подсобных сооружений (Буйских, 1987, С. 33). Небольшие хутора включали в себя в среднем 1 модуль («домохозяйство»), на поселениях средних размеров их количество варьировало от 4—6 до 10—16 единиц, а на крупных поселениях могло достигать до 100—160. Специфика «кустовых» структур объясняется массовостью и социальной однородностью состава переселенцев из Малой Азии. Она была закономерным типом поселений этапа колонизации так же, как и полуземлянки — закономерным типом жилища на этом этапе (Крыжицкий, Буйских, 1988, С. 6).

На сельской территории велась самая разнообразная хозяйственная деятельность. Природные условия были очень благоприятны для развития в Нижнем Побужье многоотраслевого сельского хозяйства, включавшего растениеводство, животноводство, первичную обработку растительного и животного сырья, а также различные сопутствующие промыслы. Имеющиеся данные позволяют говорить о металлообработке, деревообработке, домашнем гончарстве, обработке шерсти и ткачестве, обработке кости. Уже на раннем этапе колонизации начал формироваться местный рынок, обслуживавшийся монетами-стрелками, а затем дельфинчиками. Для архаического времени мы вправе констатировать также развитие хорошо налаженных торговых связей как внешнего, так и внутреннего характера.

В духовной культуре населения сельской округи начала VI — начала V вв. до н. э. не сущест-

вует каких-либо принципиальных черт, отличающих ее от духовной жизни таких, несомненно, эллинских центров как Ольвия и Березань. Это прослеживается в повсеместном распространении в регионе греческого языка, письменности, религиозных представлений.

Архаический этап развития сельской округи Ольвии завершается к концу первой трети V в. до н. э. с прекращением жизни на подавляющем большинстве поселений и сосредоточением населения хоры в районе Ольвии. Во второй трети V в. до н. э. возделываемая сельская территория полиса сокращается до минимальных пределов, необходимых для обеспечения сельхозпродуктами (в первую очередь, зерном) только его жителей. Мнение, согласно которому жизнь на поселениях оборвалась в результате миграционного потока скифов (Марченко, 1980, С. 142—143) или даже установления над Ольвией скифского протектората (Виноградов, 1983, С. 400), археологическими данными не подтверждается (Буйских, 1986а, С. 21). Несмотря на значительное сокращение хоры, город в это время экономически развивается. Причины коллапса хоры логичнее объяснять социально-экономическими, а не военно-политическими причинами — процессом завершения формирования Ольвийского полиса, интенсивными работами по строительству его городского центра, реорганизацией сельского хозяйства греков Нижнего Побужья, стремлением упорядочить стихийно сложившуюся сельскую округу (Крыжицкий и др., 1989, С. 94—95). Исходя из этого, становится понятным дальнейшее развитие хоры — ее пространственно-структурное развитие в IV в. до н. э. происходит на базе четкой регламентации и целенаправленности (Крыжицкий, Отрешко, 1986, С. 15; Буйских, 1986а, С. 21). Именно на рубеже V—IV вв. до н. э. с развитием города, потенциала приольвийской хоры V в. до н. э. стало не хватать, и полис предпринял меры для ее расширения.

К Л А С С И К А (последняя треть V в. до н. э. — вторая треть IV в. до н. э.) — является временем реколонизации хоры, ее вторичного, но уже целенаправленного освоения. Уже в последней трети V в. до н. э. на побережье Бутского лимана возле Ольвии начинают возникать первые новые поселения с наземным сырцово-каменным домостроительством, а также наиболее ранние в регионе одиночные индивидуальные усадьбы (Крыжицкий и др., 1989, С. 99, 150; Буйских, 1990, С. 51). Наибольшее распространение этот процесс приобретает на рубеже V—IV вв. до н. э. — в первой четверти IV в. до н. э., когда сельская округа вновь достигает границ большой хоры архаического времени. В течение первых двух третей IV в. до н. э. возникает целый ряд урбанизированных поселений с развитым

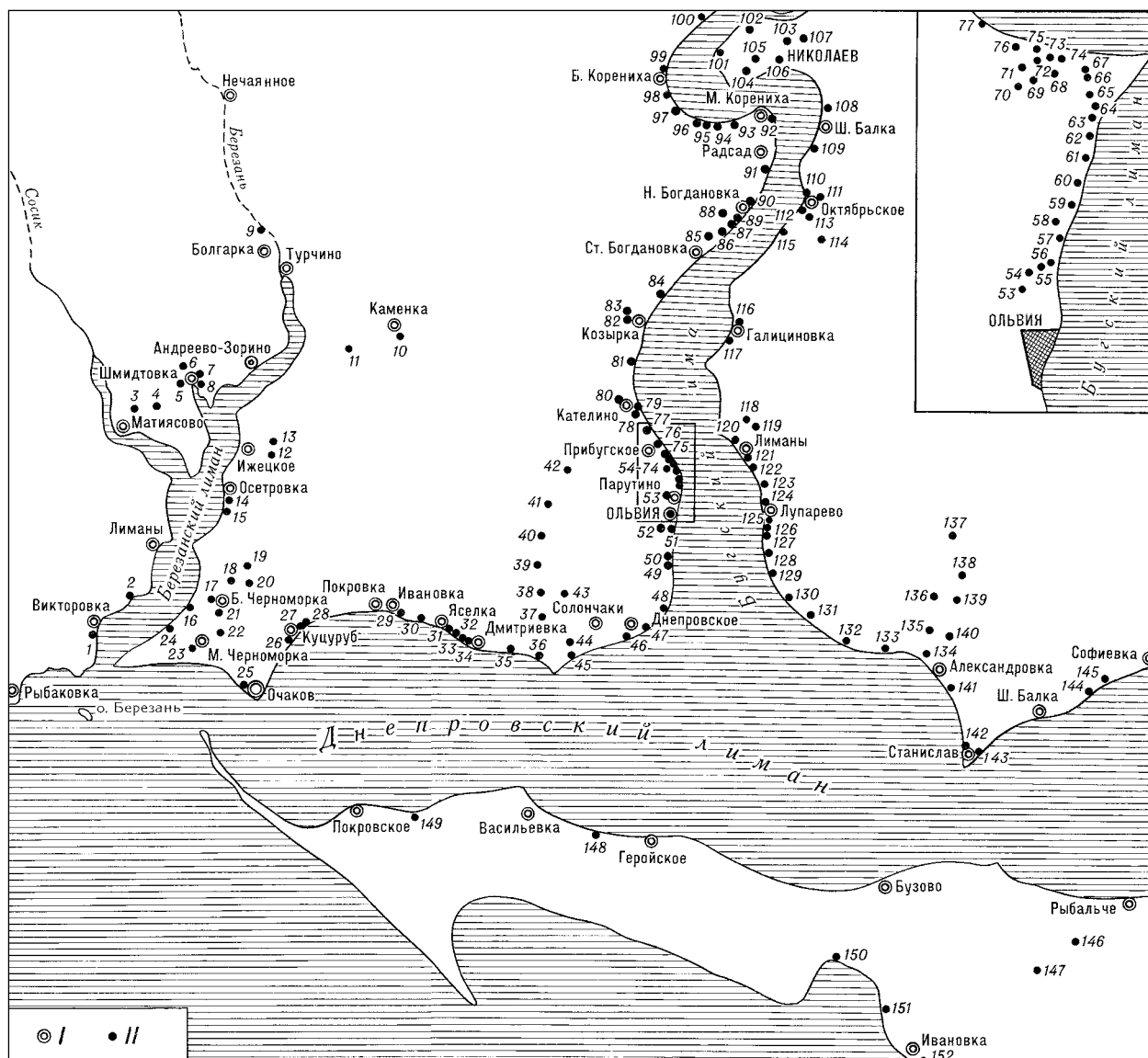

Рис. 2. Ольвийская хора этапа классики — эллинизма: I — современные населенные пункты; II — античные поселения и усадьбы (по: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, 1990, С. 45, рис. 9)

каменным домостроительством на местах прежних архаических поселений либо на новых местах.

Очевидно, именно в связи с реколонизацией региона, происходившей в значительной мере за счет внутренних ресурсов Ольвийского государства, наряду с урбанизированными поселениями и усадьбами, существует и большое количество сельских поселений, где используется экономически наиболее доступный тип жилищно-хозяйственных построек — полужемляночный. В то же время, наличие синхронных углубленных в землю жилищ, наземных каменных домов и усадеб свидетельствует о сложной социальной стратификации населения сельской округи в это время (Крыжицкий и др., 1989, С. 100).

Естественный ход ольвийской истории, процесс плавного развития экономики сельской округи и постепенного расцвета был прерван около 331 г. до н. э. Жизнь на поселениях обрывается

в связи с вторжением в Нижнее Побужье македонской армии под предводительством Зопириона и разорением сельской территории Ольвии (Славин, 1976, С. 181; Рубан, 1985, С. 36). Вскоре, после ликвидации последствий агрессии, хора возрождается. Начинается следующий этап в истории сельской округи Ольвии — эллинистический.

ЭЛЛИНИЗМ (последняя треть IV — середина I вв. до н. э.). Большинство поселений ольвийского окружения восстанавливается, причем в относительно короткие сроки. Появляются поселения и на ранее необитаемых местах — в верховьях Березанского лимана, на правом берегу Днепровского лимана, на Кинбурнской косе, вдоль склонов протяженных степных балок — Аджигольской (правый берег Бугского лимана) и Александровской (его левый берег). Особенно плотное расположение населенных пунктов наблюдается в районе Ольвии. Рост демографичес-

кого потенциала Ольвийской хоры в раннеэллинистическое время весьма очевиден (Рубан, 1988, С. 43).

Отличительной чертой этого времени является возникновение на хоре памятников нового типа — больших отдельно стоящих усадеб. Территория хоры достигает наибольших пределов (рис. 2). Расширение сельскохозяйственной округи Ольвии как жизненно важной и необходимой базы полиса, было результатом значительной экономической активности государства в последней трети IV — первой половине III в. до н. э. (Крыжицкий, 1989, С. 100). Эллинистическая периферия Ольвии не только раздвинула свои границы, но и внутри нее происходит процесс освоения новых площадей. Так, количество новых населенных пунктов на правом берегу Бугского лимана к северу от Ольвии с 20 поселений, существовавших в классический период, теперь возрастает до 35 (Крыжицкий и др., 1990, С. 75). С восстановлением поселений после похода Зопириона увеличивается и их площадь.

Среди сельских памятников этого времени выделяются следующие две основные категории: 1) *неукрепленные поселения*, площадью 1—4 га, с наземными сырцово-каменными домами, блокирующимися в отдельные кварталы, разделенные улицами; 2) *прямоугольные в плане, отдельно стоящие усадьбы-виллы — коллективные*, с одним-двумя дворами, площадью 1200—20000 м² и *индивидуальные*, площадью до 600 м² (Krijitsky, Bouskich, 1991, Р. 40—41), в некоторых частях хоры зафиксированы аграрные *агломерации*, включавшие в себя серию отдельных усадеб либо поселения и усадьбы с наличием общего некрополя (Рубан, 1985, С. 39). Как и в предыдущее время, существуют сезонные пастушеские и рыболовецкие стоянки, а также пункты металлообработки, приближенные к источникам сырья (Гилея). Полис переживает этап максимального экономического и политического развития города и хоры. Возделываемая под зерновые культуры территория в это время могла ежегодно составлять в сельской округе Ольвии около 400 м², что позволяло получать в среднем 30—55 тысяч тонн зерна при количестве сельского населения 30—40 тысяч человек (Крыжицкий, Щеглов, 1991, С. 54). Второй важной отраслью хозяйства населения Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. было животноводство. Вспомогательную роль играли различные промыслы, среди которых ведущим было рыболовство.

Высокий уровень развития торговли прослеживается по большому количеству привозной керамики и других изделий как ольвийского производства, так и производства различных центров Причерноморья и Средиземноморья. Широкое распространение монет на поселениях и усадьбах хоры свидетельствует о товарно-

денежном характере торговли (Рубан, Урсалов, 1986, С. 50). Материальная культура памятников сельскохозяйственной округи в целом аналогична ольвийской, являлась рустифицированным вариантом материальной культуры Ольвии (Крыжицкий и др., 1989, С. 151). Разнообразные эпиграфические (в первую очередь, многочисленные граффити, в т. ч. с антропонимами) и археологические материалы (терракоты, букрании, лабрисы, гермы и др.) свидетельствуют о том, что духовная жизнь населения Ольвийской хоры IV—III вв. до н. э. носила преимущественно эллинский характер (Крыжицкий и др., 1989, С. 145).

Среди наиболее ярких памятников сельской округи V—III вв. до н. э., исследовавшихся в разные годы, следует назвать Закисову Балку (рис. 2, № 50) (Ф.М. Штителъман); Козырку-2 (рис. 2, № 84); Куцуруб-1 (рис. 2, № 28) (Я.В. Доманский, К.К. Марченко), Чертоватое-2 и 7 (рис. 2, № 74, 77) (В.В. Рубан, В.М. Отрешко, С.Б. Буйских), коллективную усадьбу № 1 в урочище Дидова Хата (рис. 2, № 96) (В.В. Рубан), Глубокую Пристань (рис. 2, № 145) (С.Б. Буйских). Какой-либо специально организованной системы обороны, характерной для сельских округ других северо-причерноморских и аттических центров, памятники сельской округи Ольвии в это время не представляют. Ведущим типом населенного пункта, как и в архаическое время, оставалось неукрепленное поселение. Это, по-видимому, можно объяснить относительно стабильным военно-политическим положением Ольвии в последней трети IV — первой половине III в. до н. э.

Ситуация меняется в конце второй четверти — середине III в. до н. э., когда большинство поселений и усадеб хоры прекращает свое существование в результате вторжения галатов из Придунавья (Крыжицкий и др., 1989, С. 100). Положение усугубилось значительным изменением природно-климатических условий — наступлением длительного засушливого периода середины III — начала I вв. до н. э. в Причерноморье и связанного с ним упадка экономики (Иевлев, 1989). Ольвия теряет большую часть своей сельской округи, лежащей к западу от Гипаниса. На этом этапе территория ее аграрной зоны резко сокращается — после галатского нашествия возобновление жизни на разоренных поселениях не предпринималось. Во второй половине III — середине II в. до н. э. населенные пункты продолжают существовать лишь на небольшой полосе восточного берега Бугского лимана (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1989, С. 76).

Внешнеполитическая обстановка в Нижнем Побужье продолжает оставаться нестабильной и напряженной, и в середине II в. до н. э. в ре-

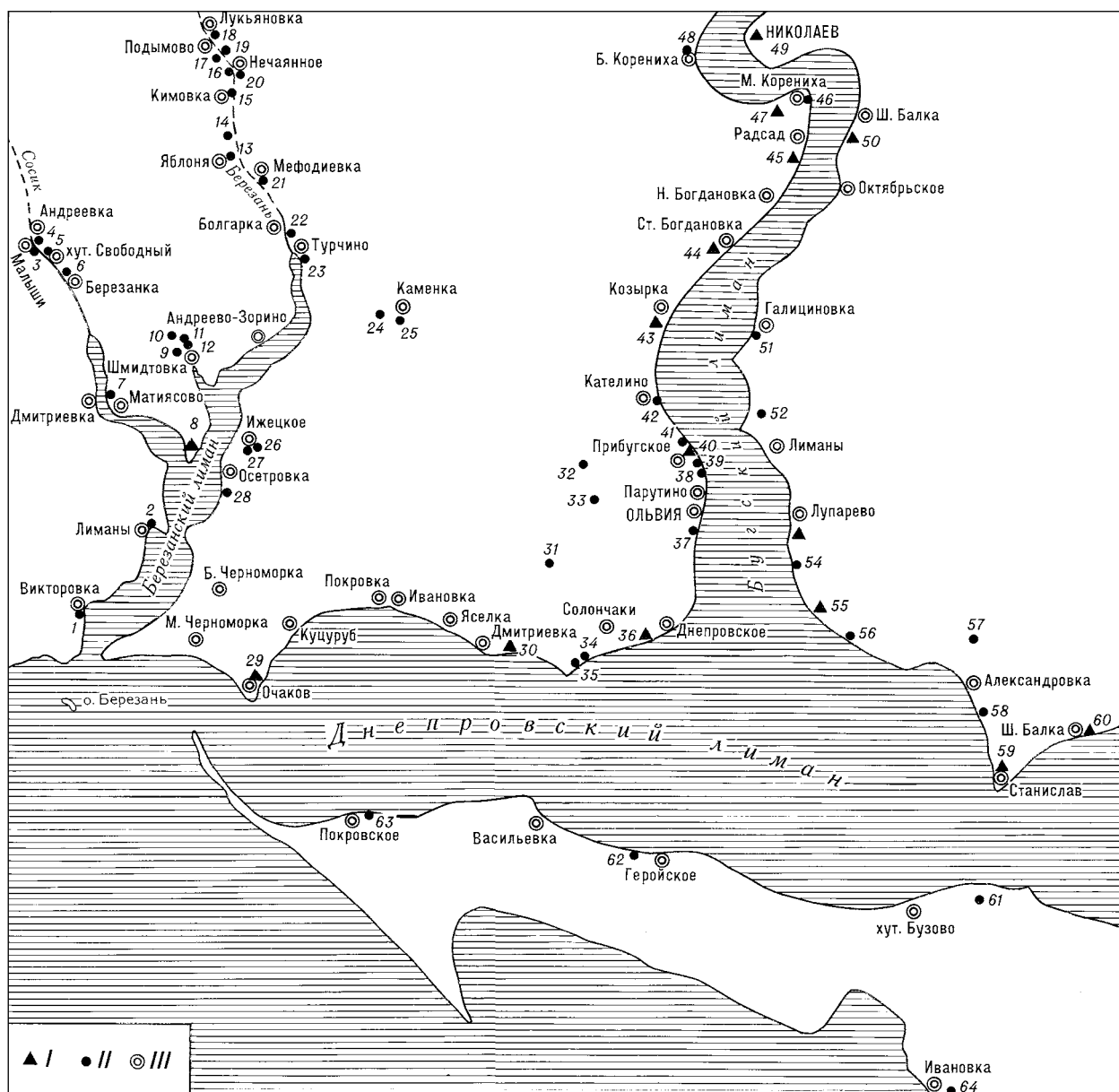

Рис. 3. Нижнее Побужье в первые века нашей эры: I — городища; II — неукрепленные поселения; III — современные населенные пункты (по: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, 1990, С. 78, рис. 14)

зультате нового варварского натиска гибнут и поселения нижнебугского левобережья. Во второй половине II в. до н. э. — первой половине I в. до н. э. военно-политический и экономический кризис полиса еще более усугубляется. На территории бывшей аграрной зоны Ольвии не прослеживается никаких следов оседлой жизни. Значительно сократившееся население города, очевидно, ограничивалось в это время обработкой земли лишь в непосредственной близости от Ольвии.

Полный упадок аграрной зоны и в целом затяжной кризис Ольвийского государства завершается в результате опустошительного похода гетского царя Буребисты около 55 г. до н. э. (Крыжицкий и др., 1990, С. 76), служащим рубежом в истории доримской и римской Ольвии. Таким образом, современные представления (Крыжиц-

кий и др., 1989, С. 20–22, 99–101; Крыжицкий и др., 1990, С. 120–121; Рубан, 1985, С. 47) об истории освоения греками Нижнего Побужья позволяют наметить следующую хронологическую схему эволюции античных сельских поселений региона доримского времени:

I этап — раннеархаический (последняя треть VII — первая четверть VI вв. до н. э.). Основание Березанского поселения. Возникновение ремесленного центра на берегу Ягорлыцкого залива.

II этап — среднеархаический (вторая четверть VI — середина VI вв. до н. э.). Возникновение хоры Березани в низовьях Березанского лимана. Постепенное распространение поселений до устья Бугского лимана.

III этап — позднеархаический (последняя треть VI — первая треть V вв. до н. э.). Центр полиса перемещается в Ольвию. Хора значительно рас-

ширятся, полностью охватывая берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов. В конце этапа функционирование сельских поселений прекращается.

IV этап — раннеклассический (вторая треть V в. до н. э.). Период реформ и переустройства экономики полиса. Демографический потенциал сельской округи сосредотачивается в Ольвии и ее предместьях.

V этап — высокая классика (последняя треть V в. до н. э.). Начало процесса планомерного возрождения хоры, возникновение новых поселений и первых наиболее ранних усадеб.

VI этап — поздняя классика (первая — вторая треть IV в. до н. э.). Массовая реколонизация хоры и ее набирающий силу экономический расцвет. В конце этапа — временное прекращение жизни на поселениях в результате похода Зопириона около 331 г. до н. э.

VII этап — раннеэллинистический (последняя треть IV в. — первая половина III вв. до н. э.). Активное восстановление хоры. Время ее наивысшего расцвета, наибольшего территориального охвата региона и плотности заселения. Массовое распространение поселений урбанизированного облика и усадеб. В середине III в. до н. э. — утрата значительной части хоры, связанная с галатским нашествием.

VIII этап — среднеэллинистический (вторая половина III — первая половина II вв. до н. э.). Характеризуется кризисом и упадком хоры, вызванным военно-политическими, экономическими и природно-климатическими факторами. Аграрная зона сохраняется лишь на левобережье Бугского лимана.

IX этап — позднеэллинистический (вторая половина II — середина I вв. до н. э.). Территория земледельческой округи приходит в полное запустение. Обработка земли происходит лишь непосредственно близ Ольвии. Жизнь в городе и на хоре обрывается в связи с гетским нашествием около 55 г. до н. э.

Возрождение сельской округи Ольвии относится примерно к рубежу эр — концу первой четверти I в. до н. э. — началу первой четверти I в. н. э. (Крыжицкий и др., 1980, С. 155). В развитии хоры римского времени прослеживаются два основных этапа, рубеж между которыми приходится примерно на середину II в. н. э. Второй этап, заканчивающийся около середины — третьей четверти III в. н. э., являлся временем наивысшего расцвета хоры в первые века н. э. Подробное рассмотрение динамики развития хоры римского времени не входит в задачи настоящего доклада. Однако следует подчеркнуть — несмотря на то, что регион осваивается примерно в тех же границах (рис. 3), что и в доримский период, плотность расположения поселений в это время неизмеримо меньшая.

Наблюдаются и серьезные структурные изменения — впервые за всю историю государства поселения специально укрепляются, имея довольно развитую фортификацию (Буйских, 1991) и разное функциональное предназначение.

Жизнь хоры на протяжении всей истории Ольвийского государства была тесно связана с жизнью города — этапами его расцвета, кризиса и упадка (Славин, 1959; Крыжицкий и др., 1994). В первую очередь, это подтверждается самой динамикой античного сельского расселения в Нижнем Побужье: из 323 ныне известных памятников — 107 архаические (рис. 1), 152 классико-эллинистического времени (рис. 2) и 64 первых веков н. э. (рис. 3) (Крыжицкий и др., 1990, С. 120). Таким образом, как и в городе, наивысший расцвет сельской округи приходится на период классики — эллинизма, когда можно предполагать сплошное использование аграрной прибрежной зоны Нижнего Побужья. Значительно меньшее количество поселений в первые века н. э. свидетельствует о снижении экономического и сокращении демографического потенциала государства в целом. Все эти колебания отражали особенности исторического развития Ольвии и ее сельской округи на протяжении целого тысячелетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских С.Б. Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений ольвийской хоры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. конф. — М., 1986. — С. 26—28.
- Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI—II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа. — К., 1986а. — С. 17—28.
- Буйских С.Б. О раннеантичных поселенческих структурах в Нижнем Побужье // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. — М., 1987. — С. 30—36.
- Буйских С.Б. Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. — Херсон, 1990. — Ч. 2. — С. 51—52.
- Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). — К., 1991. — 140 с.
- Бураков А.В. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії // АП. — 1962. — Т. 11. — С. 49—96.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. — М., 1983. — Т. I. — С. 366—420.
- Иевлев М.М. Палеогеографические условия Нижнего Побужья в конце V — начале I вв. до н. э. // Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — С. 96—97.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б. Структура архаического поселения Нижнего Побужья // Археология. — 1988. — Вып. 63. — С. 1—8.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990. — 136 с.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // ИААСП. — К., 1980. — С. 3—18.

Крижицький С.Д., Крапівіна В.В., Лейтунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 18—44.

Крижицький С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. — К., 1986. — С. 3—17.

Крижицький С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. — 1991. — № 1. — С. 46—56.

Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887. — 314 с.

Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — 1980. — № 1. — С. 131—143.

Островерхов А.С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения (VII — середина V вв. до н. э.): Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. — К., 1978. — 17 с.

Отрешко В.М. Ольвийская хора VI—V вв. до н. э.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — К., 1990. — 17 с.

Рабицкий Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. — 1951. — Вып. 40. — С. 114—124.

Рубан В.В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. — К., 1988. — 26 с.

Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. // ВДИ. — 1985. — № 1. — С. 26—46.

Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии

догетского времени // ВДИ. — 1986. — № 4. — С. 31—58.

Синицын М.С. Следы древнейших поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Южного Буга // НЗОП. — 1950. — Т. 9. — С. 51—66.

Славин Л.М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення // АП. — 1955. — Т. 5. — С. 127—150.

Славин Л.М. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры // ХКААМ. — М., 1976. — С. 180—186.

Славин Л.М. Периодизация исторического развития Ольвии // ПИСПАЭ. — М., 1959. — С. 86—107.

Тункина И.В. П.И. Кеппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье: Тез. докл. II чтений памяти проф. П.О. Карышковского. — Одесса, 1991. — С. 98—99.

Фармаковский В.В. Ольвия. — М., 1915. — 36 с.

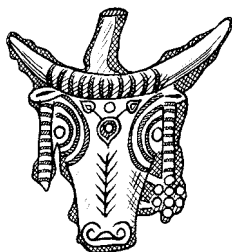
Штительман Ф.М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. — 1956. — № 50. — С. 255—272.

Штительман Ф.М. Поселення біля Закисової Балки // АП. — 1958. — Т. 2. — С. 131—143.

Krijitsky S.D., Bouskich S.B. La dynamique d'aménagement du territoire rural d'Olbia // Territoires des cités grecques. Table Ronde. 'Ecole Française d'Athènes. — 1991. — P. 40—42.

Pharmakowsky B. Olbia 1901—1908. Fouilles et trouvailles // ИАК. — 1909. — Вып. 33. — С. 103—136.

Март 1996 г.

**II ОЛЬВИЯ В КОНТЕКСТЕ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**
(статьи, специально присланные для сборника
IN MEMORIAM VALERIY OTRESHKO)

ЗАМЕТКИ О РАССЕЛЕНИИ ИОНИЙСКИХ ГРЕКОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Расселение как научный термин принадлежит преимущественно к понятийному инструментарию социально-экономической географии. Вместе с тем, его применение в археологии и древней истории более чем оправдано, поскольку в принципе эти научные дисциплины исследуют те же виды жизнедеятельности человека, но иными методами. Расселение рассматривается и как совокупность его элементов в определенный момент времени, и как процесс, развивающийся во времени и пространстве. Расселение или его археологические остатки отражают специфику жизнедеятельности отдельных индивидов или общества в целом — его экономический уклад, политическое устройство, культуру и массу более частных вопросов. Поэтому изучение археологических форм расселения должно быть неременным атрибутом более полного воссоздания конкретной исторической картины. При этом может быть использовано практически неограниченное количество разнообразнейших видов источников, включая, в частности, нумизматические и архитектурные.

1. ДРЕВНЕЙШИЙ ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ

История заселения ионийскими греками Северо-Западного Причерноморья представляет особый интерес для отечественного антиковедения. Именно в этом регионе появились первые очаги античной цивилизации в Восточной Европе и отсюда начался процесс ее взаимодействия с культурами древних народов Украины. Ранние этапы расселения ионийцев в Северо-Западной Понтиде, несмотря на значительные достижения в их изучении во второй половине XX в., все еще содержат много дискуссионных вопросов. Если общая картина колонизации приобрела довольно ясные очертания, то отдельные нюансы этого процесса требуют дальнейших исследований.

Одним из аспектов изучения нумизматического пространства ионийских полисов Северо-Западного Причерноморья архаического периода, который может пролить свет на особенности их политической организации, является зарождение собственных денежных систем. Как известно, ко времени появления первых ионийских

поселений в рассматриваемом регионе (середина — вторая половина VII в. до н. э.) монета в качестве универсального платежного средства была уже изобретена. Возникнув в Лидийском царстве, монетный чекан быстро проник в экономику греческих полисов, а вместе с колонистами идея товарно-денежного хозяйства перекочевала и на берега Понта Евксинского.

Поэтому древнейшими деньгами в Северо-Западном Причерноморье оказались электро-вые статеры городов эгейского побережья Малой Азии, а вскоре также ионийской колонии Кизика, основанного на Принцевых островах в Мраморном море. Малоазийские монеты чеканились по милетской весовой системе. Статеры имели 14 г электра, а более мелкие номиналы обладали весом в 1/3, 1/6, 1/2, 1/48 и даже в 1/98 статера. Кизикины были тяжелее милетских статеров и весили 16 г (Карышковский, 1988).

Судя по археологическим данным, основание эллинских колоний на Понте Евксинском объективно создавало новые рынки сбыта продукции высокоразвитого ремесла и сельского хозяйства метрополии. В свою очередь, осваивая природные ресурсы иной климатической зоны, сами колонии становились поставщиками необходимых для метрополии продуктов сельского хозяйства, промыслов и сырья. С появлением греков на черноморском побережье начали вовлекаться в их торговлю и варварские племена глубинных районов континента. Таким образом, уже на раннем этапе истории ионийских полисов Причерноморья здесь сложился многоплановый рынок, охватывавший огромные по тем временам географические пространства от Восточного Средиземноморья на юге до Восточноевропейской Лесостепи на севере.

Вместе с тем, в причерноморских полисах формировались и внутренние рынки с широкой розничной торговлей, удовлетворявшей ежедневные текущие потребности населения. Об этом свидетельствует раннее появление разменных денег из дешевого металла — бронзы, так называемых монет-стрелок*. Начало их эмиссии не позже 600 г. до н. э. определяется

* Литература о стреловидных деньгах собрана в моей диссертационной работе (Рубан, 1988).

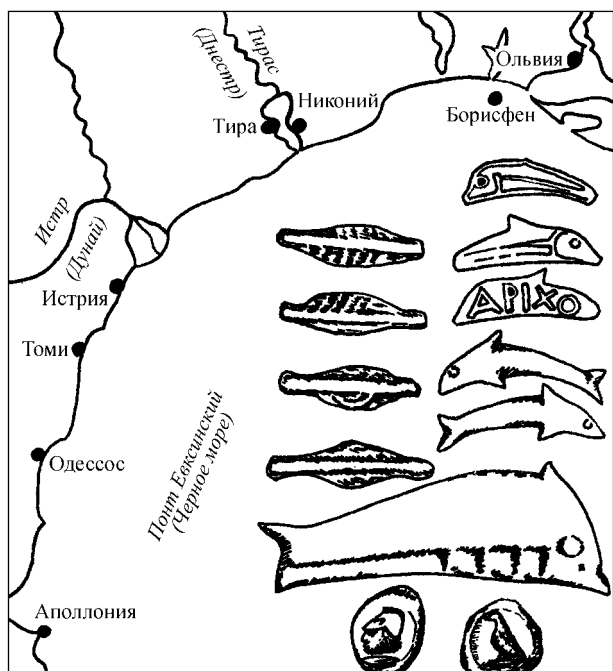

Рис. 1. Ионийские колонии западной части Понта Евксинского; монеты-стрелки и монеты-дельфины

датировкой античных поселений на территории Южного Прибужья, на которых они постоянно встречаются при раскопках (Рубан, Урсалов, 1986). Кроме поселения на острове Березань и его окрестности, стрелообразные денежные знаки выявлены в районах Нижнего Днестра, Подунавья и далее к югу, вдоль Левых Понта в Истрии, Томах, Одессосе и Аполлонии (рис. 1).

Впервые факт однообразия местных денег в перечисленных греческих колониях Понта оценил В.В. Лапин (Лапин, 1966), усмотрев в нем «некую территориальную общность».

Исследуя эволюцию нумизматического пространства в Нижнем Побужье, мне пришлось изучить непростую проблему монет-стрелок в

целом, в результате чего появилась концепция о валютном союзе ионийских полисов западной части Понта Евксинского. К слову сказать, со своими взглядами на этот счет неоднократно я знакомил Валерия Михайловича Отрешко и не встретил с его стороны никаких принципиальных возражений. Сейчас приходится лишь сожалеть, что этот талантливый археолог столь скоропостижно покинул нас.

Действительно, наличие единой денежной единицы в ионийских колониях Левых Понта от устья Днестра на севере до Бургасского залива на юге трудно объяснить как-то иначе, нежели существованием валютного союза на раннем этапе их истории. А это, в свою очередь, ставит вопрос о нумизматическом отражении более широких союзнических отношений этих городов, о чем пока молчат письменные источники. Возможно, их позднейшей реминисценцией являются объединения западнопонтских полисов римского периода во главе с городом Томы (Stoian, 1962).

Но как бы там ни было, возможность реконструкции политической организации, вытекающую из нумизматических источников, следует искать в особенностях исторического развития малоазиатской метрополии, так как колонисты имели обычай копировать общественно-политические и религиозные институты своей прежней родины.

А своеобразие истории малоазиатских греческих полисов заключалось в их непосредственном соседстве с древневосточными монархиями — сначала Лидийским царством, затем империей Ахеменидов. Ощущая давление своих могущественных соседей, двенадцать ионийских полисов западного побережья Малой Азии и прилегающих островов создали военно-политический союз — Панионион.

Логически поэтому предположить, что копируя культы и общественное устройство метро-

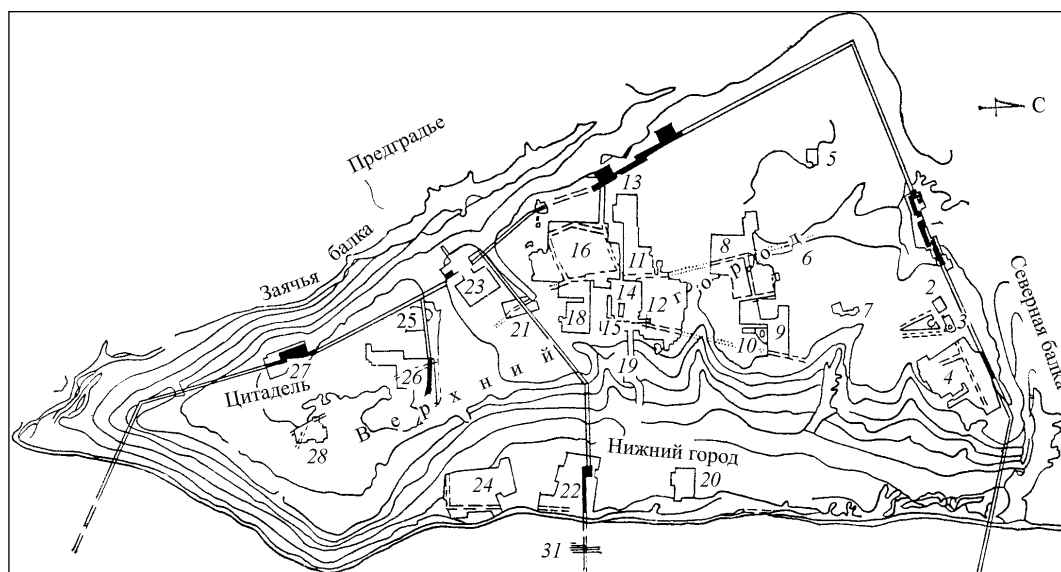

Рис. 2. План Ольвии (по С.Д. Крыжицкому)

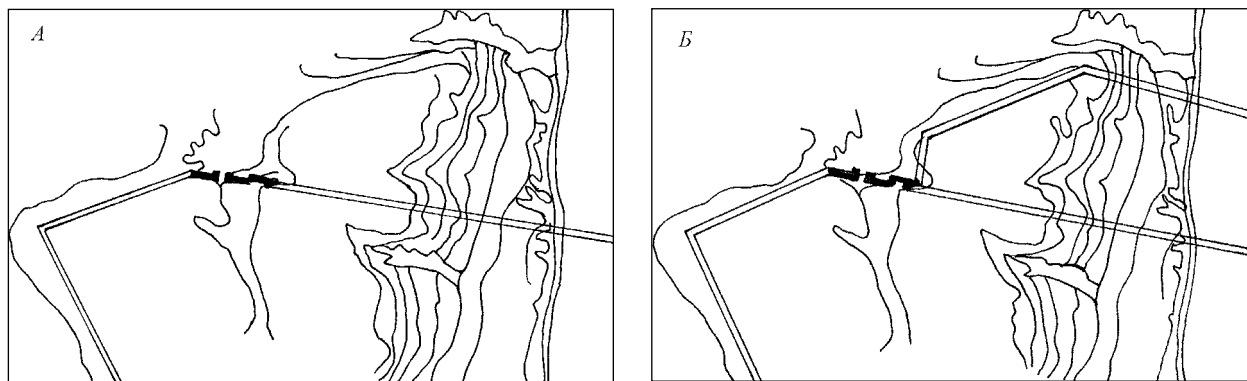

Рис. 3. План оборонительных стен северной части Ольвии: А — в V в. до н. э., Б — в IV—II вв. до н. э.

полии, черноморские ионийцы также основали политический союз по образцу малоазийского Паниониона. Тем более, что для создания Левопонтийского союза имелись не менее веские причины, чем на прежней родине колонистов. На Понте Евксинском они оказались среди безбрежного моря варваров, с которыми еще предстояло налаживать отношения.

Но создав собственный Панионин, понтийские ионийцы пошли гораздо дальше своих бывших земляков метрополии. Если города малоазийского Паниониона пользовались лишь единой весовой монетной системой, но не имели общей валюты, то Левопонтийский Панионин отметил тесный характер своих внутренних взаимоотношений эмиссией унифицированных денег.

Эта мысль находит себе подкрепление в том, что и малоазийские полисы пришли в конце-концов к валютному союзу во время восстания против персов в начале V в. до н. э. (Казаманова, 1969, С. 92). Впоследствии история античной Греции знала немало валютных союзов, создание которых диктовалось как экономическими, так и политическими интересами.

Введению общей валюты способствовало также единообразие экономики ионийских колоний в ранний период их истории, основанных в весьма близких природно-географических условиях и осваивавших аналогичные природные ресурсы. Однако с течением времени в Левопонтийском союзе наметились сепаратистские тенденции. Первую трещину он дал с образованием Ольвийского полиса вскоре после середины VI в. до н. э. В это время в Нижнем Побужье была проведена денежная реформа. Вместо бронзовых монет-стрелок был начат выпуск монет-дельфинов, которые эмитировались вплоть до конца следующего столетия, наряду с появившимися тогда круглыми ольвийскими монетами общеэллинского образца. В других полисах Левого Понта продолжали придерживаться старой традиции, пока и там в V в. до н. э. не перешли на круглые деньги каждого отдельного города.

В чем причина выхода из валютного союза сначала Ольвии, а затем и окончательного его распада? Несомненно, что в этом процессе сыграло роль много факторов и сам вопрос подлежит дальнейшему изучению. Но несомненно также и другое. С дальнейшим развитием полисов и усложнением их хозяйственной структуры неизбежно должны были формироваться локальные особенности различных сфер их жизнедеятельности. И, прежде всего, дифференциация проявлялась в экономике, которая накладывала отпечаток на политические интересы.

2. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ОЛЬВИИ

Важнейшим системообразующим элементом расселения древних греков в Северо-Западном Причерноморье являлся город. На украинском побережье рассматриваемого региона известно четыре античные урбанизированные структуры различной величины и разного политического статуса — это Тира, Никоний, Борисфен и Ольвия, которая была крупнейшей из них. Археологическое изучение Ольвии длится уже более двух столетий, и сейчас она наиболее исследована из перечисленных центров. Однако ставшие уже традиционными представления об исторической топографии Ольвии все еще нуждаются в уточнениях, а под час и в существенных корректировках. Так, например, в течение последних десятилетий устоялось мнение о том, что северная оборонительная стена на всем протяжении Верхнего города простиралась по прямой линии вдоль южного борта Северной балки, а прерывалась она приблизительно посередине Северными воротами, как это представлено на рис. 2 (Крыжицкий, 1986, С. 303, рис. 105).

Между тем, ряд наблюдений над стратиграфией и сохранившимся микрорельефом этой части городища позволяют предложить несколько иную реконструкцию северной фортификационной системы города и проследить ее эволюцию на протяжении классического и эллинистического периодов.

На склоне от Верхнего города к Нижнему давно известна заплывшая траншея, начинающаяся от современной водопроводной скважины и тянущаяся в восточном направлении до берегового клифа. Происхождение этого рва было выяснено в 1968 г. в процессе охранных раскопок в прибрежной зоне северной части Нижнего города. Стратиграфия западного борта раскопа показала, что траншея образовалась в результате выборки оборонительной стены (Крыжицкий, 1971, С. 142—146), сооруженной не позднее первой половины V в. до н. э. Об этом свидетельствуют находки надежно датированной керамики: к югу от некогда существовавшей здесь стены найдены материалы позднеархаического времени, а к северу, то есть с ее внешней стороны, отмечены находки IV—II вв. до н. э. *

К этому следует добавить, что еле заметные следы траншеи от той же выборки обнаружены в 1989 г. и в Верхнем городе, где она тянется в западном направлении от скважины в сторону Северных ворот. А наличие фундаментов оборонительной стены в подводной части Нижнего города, находящихся в створе выборки, было установлено физическими методами геоморфологом К.К. Шиликом (Шилик, 1975, С. 51—91).

О локализации Северных ворот следует сказать отдельно. Точное местонахождение, раскопанных еще в начале XX века Б.В. Фармаковским их остатков, впоследствии было забыто. Попытки отыскать их фундаменты Ольвийской экспедицией Института археологии АН УССР в 1970-е годы закончились безрезультатно. Поэтому их графическое размещение в створе традиционно реконструируемой северной оборонительной стены чисто условно. С таким же успехом их можно нарисовать и в другом месте.

Более того, особенности микрорельефа в этом месте с большей вероятностью позволяют предполагать их местонахождение южнее. И это представляется более логичным, поскольку в таком случае они вписываются в створ стены V в. до н. э., от которой в настоящее время остались следы выборки.

Таким образом, учитывая изложенные наблюдения и соображения, фортификационную систему северной части Ольвии V в. до н. э. можно представить в следующем виде (рис. 3а).

Предлагаемая реконструкция подтверждается и тем, что территория к северу от реконструируемой стены не входила в V в. до н. э. в городскую черту и использовалась в качестве некрополя (Книпович, 1940, С. 92—106). Стало быть, эти стены фигурируют в известном рас-

сказе Геродота о скифском царе Скиле [Herod. IV, 78—80].

В IV в. до н. э., когда Ольвия вступила в период наивысшего расцвета, территория города была расширена в северном направлении вплоть до Северной балки. На месте некрополя началось строительство жилых кварталов, остатки которых раскрыты на участке II (Славин, 1940, С. 9—82). Вдоль южного борта Северной балки была сооружена новая оборонительная стена, ориентированная на северо-восток. В северо-восточной оконечности Верхнего города под тупым углом стена меняла направление к востоку, о чем свидетельствуют явные следы ее выборки. Следовательно, в точке пересечения линий стен V в. и IV—II вв. до н. э. должен находиться восточный предел города, затопленный сейчас водами лимана. А северные ворота при таком варианте реконструкции должны были получить дополнительную защиту с фланга (см. рис. 3б).

В заключение нелишне отметить, что обоснованная здесь схема реконструкции эволюции городской фортификационной системы северной части Ольвии согласуется с последовательностью этапов исторического развития полиса в целом, прослеживаемой по археологическим (Рубан, 1985), нумизматическим (Карышковский, 1988; Рубан, Урсалов, 1986) и эпиграфическим данным (Виноградов, 1989).

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. — М., 1989. — 288 с.
- Казаманова А.Н. Введение в античную нумизматику. — М., 1969. — 303 с.
- Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северно-Западного Причерноморья в античную эпоху. — К., 1988. — 167 с.
- Книпович Т.Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища. // СА. — 1940. — № 6. — С. 92—106.
- Крыжицкий С.Д. Раскопки участка «Берег» в Ольвии в 1968 г. // АИУ в 1968. — К., 1971. — Вып. III. — С. 175—179.
- Крыжицкий С.Д. Ольвия // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 2. — С. 304—310.
- Ларин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — 239 с.
- Рубан В.В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. // ВДИ. — 1985. — № 1. — С. 26—46.
- Рубан В.В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время). Рукопись канд. дисс. / НА ИА НАНУ. — К., 1988. — Ф. 12. — № 684. — 232 с.
- Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. — 1986. — № 4. — С. 31—58.
- Славин Л.М. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. — К., 1940. — С. 9—82.
- Шилик К.К. К палеогеографии Ольвии // Ольвия. — К., 1975. — С. 51—91.
- Stoian I. Tomitana. — Bucuresti, 1962. — 224 P.

* Участком раскопа, о котором идет здесь речь, руководил автор этих строк, поэтому данные о датированной керамике приведены по личным наблюдениям.

НЕВІДОМА ПРАЦЯ СЕРГІЯ ДЛОЖЕВСЬКОГО З ІСТОРІЇ ОЛЬВІЇ

Якщо вірити покажчикові І.Г. Шовкопляса та Н.Г. Дмитренко¹, вся література про археолога С.С. Дложевського — лише три некрологи, що з'явилися у світ в 1930—1931 роках². Проте це не зовсім так. Був іще один некролог, важливий тим, що разом з переглядом його життєвого шляху у ньому вміщено бібліографічний список праць вченого. Тут зареєстровано найбільше — 57 його праць — археологічних, мовознавчих, а також перекладних³. У покажчику І.Г. Шовкопляса й Н.Д. Дмитренко зафіксовано лише дев'ять його робіт. М. Семенів мав на руках автобіографію С.С. Дложевського та його трудовий список, який він «перевірив, виправив неточності й доповнив його». Останнім часом з'явилася іще одна довідка про С.С. Дложевського у словнику Г.Г. Мезенцевої⁴.

Сергій Степ(ф)анович Дложевський народився 22 вересня 1889 в Кам'янці-Подільському. Помер після важкої хвороби 24 жовтня 1930 року⁵. Був археологом і мовознавцем. Син вчителя Кам'янецького духовного училища, онук священника. Вихованець Кам'янець-подільської гімназії (закінчив 1905 р. з золотою медаллю), Київського університету, при якому його було залишено 1912 р. для підготовки до професорського звання, учень А.І. Сонні. Удосконалював свої знання у Ляйпцігському університеті, у Київському склав магістерський іспит і став приват-доцентом, а пізніше доцентом Київського російського університету й професором Київського українського державного університету на кафедрі класичної філології. Таким чином, педагогічну працю у вищій школі С.С. Дложевський розпочав у Києві, де викладав також на вечірніх Вищих жіночих курсах. 1920 р. він переїхав до Одеси. Директор Одеського державного історико-археологічного музею (1920—1930), краєвий інспектор охорони пам'яток матеріальної культури (з 1920), уповноважений Укрнауки у справах охорони Ольвії, де після смерті Б.В. Фармаковського (1928) керував розкопками⁶, член правління Одеської філії ВУНАС, член Українського бібліографічного товариства в Одесі. В Одеському ІНО С.С. Дложевський був професором (на кафедрі мовознавства), проректором (1924), деканом факультету соцвиховання (1925—26) і головою

літературно-лінгвістичної предметової комісії. Також був професором Одеського політехнічного інституту (1925), головою бюро Одеської комісії краєзнавства при ВУАН.

1925 р. С.С. Дложевського як директора Одеського археологічного музею і кількох його співробітників арештували⁷. Усіх їх влада звинувачувала у переховуванні майна буржуазії⁸. Фактично Одеський музей було надовго закрито. 3 жовтня 1925 р. на засіданні Президії Укрнауки розглядалось питання: «44. Про необхідність відкриття Одеського музею (т. Дубровський)⁹. Ухвалили: Доручити т. Дубровському скласти проект відношення до Прокурора Республіки про прискорення відкриття Одеського музею»¹⁰. 14 листопада Укрнаука повернулася до цього питання: «19. Про необхідність делегування комісії до Одеси для обслідування справи закриття Археологічного музею (т. Яворський¹¹). Ухвалили: «Визнати необхідним делегувати комісію до Одеси для обслідування справи закриття Історико-археологічного музею. Склад комісії доручити намітити тов. Яворському»¹². Звичайно, державна машина як могла гальмувала цю справу. Кореспондент київської газети намагався переконати читачів, що ніхто так не клопочеться за музейні коштовності, як більшовики, аби тільки не заважали музейники: «В (одесском) археологическом музее, — писала газета, — прокуратурой раскрыты крупные систематические злоупотребления, в результате которых оказались расхищенными редчайшие ценности — польские и греческие монеты, подлинные портреты гетманов и другие предметы, имевшие большую музейную ценность. Начавшееся в спешном порядке предварительное следствие выяснило (sic), что во главе музея стоял проф. С.С. Дложевский, в прошлом преподававший в киевской гимназии союза русских людей, ярый монархист. В Одессе он появился в 1919 г. при эвакуации белых из Киева. Вместе с ним работали бывший генерал-майор, комендант очаковской крепости Милисавлевич¹³, бывший бессарабский помещик владделец нескольких домов и заводов Драгоев¹⁴ и скрывшийся от учета бывший белый офицер Оксман¹⁵. Все эти лица, ничего общего с археологией не имев-

шие, занимая ответственные посты в музее, разбазаривали экспонаты его, способствуя вывозу многих ценностей из пределов республики. Следствием установлено, что музей был превращен этой компанией в 1919—20 году в хранилище имущества бежавшей буржуазии»¹⁶. Нам, далеким нащадкам, нескладно розібратися, хто тут насправді «не мав нічого спільного» з гуманітарними науками і українськими сховищами¹⁷.

Професор С.С. Дложевський брав участь у першій археологічній нараді в Києві (1925) та археологічному з'їзді у Керчі (1926), був делегований на перший міжнародний археологічний з'їзд у Берліні тощо. З 1 січня 1926 р. було організовано крайову інспектуру охорони пам'яток у Києві (Ф. Ернст), Харкові (С. Таранушенко), Дніпропетровську (П. Козар) та Одесі (С. Дложевський)¹⁸. Український комітет охорони пам'яток культури при Укрнауці існував у Харкові, — очолював його В. Дубровський. Згідно обіжника Укрнауки від 5 квітня 1926 року, у віданні Одеської інспектури були Одеська, Херсонська, Миколаївська, Першомайська, Зінов'ївська, Криворізька та Мелітопольська округи¹⁹.

Всеукраїнський археологічний комітет ВУАН (ВУАК) 10 жовтня 1928 року обрав С.С. Дложевського своїм дійсним членом. Він також був дійсним членом Державного археологічного інституту Німецької республіки. Мешкав він (1928) в Одесі на вул. Пастера, 42, пом. 32²⁰.

Незадовго до смерті вчений повідомляв, що відкрив оселю часів римських впливів в околицях с. Біляївки на долішній течії Дністра й мав намір детальніше її дослідити, а також про потребу організувати Бозьку експедицію²¹.

На певному етапі наукова діяльність С.С. Дложевського увійшла в орбіту організаційних заходів М.С. Грушевського. Як відомо, на початку березня 1924 року Великий українець повернувся з еміграції до Києва. Прагнучи активізувати краєзнавчі й регіональні дослідження на місцях, у системі своїх майбутніх «Історичних установ» М.С. Грушевський ВУАН заснував відповідний керівний центр. Наслідком його перших організаційних заходів після повернення на батьківщину саме й було рішення Спільного зібрання від 21 липня 1924 року про створення трьох комісій порайонних досліджень України — Комісії Старого Києва, Старого Чернігова й Комісії історії Запоріжжя²². Як зазначено у «Звідомленні» УАН за 1924 рік, «кожна з таких комісій становить організаційний осередок, що має своїм завданням зв'язатися з місцевими дослідниками даного району та розгорнути, можливо, всебічну працю над його дослідженням»²³.

Вийшли у світ збірники праць цих комісій:

— 1926 року як 22-й том «Записок УНТ» і 45-й том «Збірників Історично-філологічно-

го відділу» — «Київ та його околиця в історії і пам'ятках» (478 с.),

— 1928 року як 23-й том «Записок» і 95-й том «Збірників» — «Чернігів і Північне Лівобережжя» (532 с.),

— «Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва» (401 с.).

На звороті першої сторінки обкладинки шостої книжки «За сто літ» (Х.; К., 1930) вміщено оголошення від Державного видавництва України про продовження «Записок» УНТ:

Т. 34. Збірник Полудневої України (друкується).

На третій сторінці обкладинки це видання рекламується ширше:

Друкується збірник «Полуднева Україна», що являється продовженням видання серії «Київ та його околиця» та «Чернігів і Північне Лівобережжя».

Далі зазначалося: «Містить такі статті» і йшов перелік:

«Тутковський Павло Аполлонович, акад. Передісторична природа Степової України. — С. 1—6.

Дложевський Сергій Степанович (1889—1930). Ольбія: Хроніка досліджень та їх наслідки. — С. 7—37 [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15293—294. Машинопис, 1929].

Макаренко Микола Омелянович (1877—1938). Забуті й занехаяні: (Про дерев'яні вироби скитської доби). — С. 38—65.

Варнеке Борис Васильович (1874—1944). Перехід грецьких колоній Чорномор'я під владу римлян та його наслідки. — С. 66—78 [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15285—86. — 1928. — 38, 20 арк.].

Пархоменко Володимир Олександрович (1880—1942). Тмутаракань: Перегляд зв'язаних з нею питань. — С. 79—88.

Пархоменко Володимир. Степовики нашого Півдня Х—ХІІІ вв. — С. 89—94 [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15318. Машинопис. — 1932. — 9 арк.].

Загоровський Євген Олександрович (1885—1938). Італійські колонії на північному Причорномор'ю ХІІІ—ХV віків. — С. 95—149.

Петрунь Федір Євстафійович (1894—1963). Українські степи за ранньої татарської та за литовської доби. — С. 150—160.

Крип'якевич Іван Петрович (1886—1967). Полуднева Україна в часи Хмельниччини [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15298. — 1932. — 99, 38 арк.].

Кравцов Дмитро Овсійович (1898—1982). Московські ратні люди на Запоріжжю в кінці ХVІІ в. [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15297. — 23 арк.].

Рябінін-Скляревський Олександр Олександрович (1878). Запорізькі заколоти та керуюча верства коша ХVІІІ століття [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15323. — 1932. — 82, 117 арк.].

Гавриленко Тодор Матвійович (1899—1939). Історична традиція на колишнім Запоріжжі [Машинопис без початку: НБУ ІР, Х, 15289].

Копержинський Кость Олександрович (1894—?). Становище театру на Полудневій Україні [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15296. — 1930. — 43 арк.].

Геринович Володимир Олександрович (1883 — не раніше 1948). Економічна роль Чорного моря і її значення для політичної кон'юнктури Сходу Європи в другій половині XVIII стол. [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15292. — 22 арк.].

Варнеке Олександр Борисович (1904—?). До історії становища робітництва в Донбасі в першій половині XIX ст. [Рукопис: НБУ ІР, Х, 15287—8. 14, 12, 12 арк.]

Та інші статті».

Від свого великого вчителя класика української бібліографії Федора Пилиповича Максименка я маю фрагмент верстки цього збірника, друку якого було заборонено. Українські патріоти у друкарні, поки це було ще можливо, встигли набрати лише десять зошитів. Верстка починається від 1-ї сторінки і обривається сторінкою 160-ю. Федір Пилипович відтворив текст титулу (атрамент, перо, ватман), датуючи верстку 1930 роком. На доданій бібліографічній картці до року він поставив у дужках знак питання. Тим часом деякі рукописи (І. Крип'якевича, В. Пархоменка, Н. Полонської-Василенко та О. Рябініна-Склярєвського) датуються 1932 роком, отож дату треба уточнити.

Серед матеріалів збірника «Полуднева Україна» у колишньому рукописному відділу ВБУ (тепер ІР НБУ) зберігаються деякі оригінали. Крім зазначених, це:

Герасименко Володимир Якович (1895). Українська журналістика 80—90 рр. в Одесі [Х, 15290. — 42 арк.].

Геринович Володимир Олександрович (1883 — не раніше 1948). Дністерський торговельний шлях від кінця XVIII ст. до імперіалістичної війни [Х, 15291. — 30 арк.].

Покровський Олександр Іванович (1873—?). Стислий нарис історії Рішельєвського ліцею [Х, 15321. — 4 арк.].

Полонська-Василенко Наталія Дмитрівна (1884—1973). Втікачі в Південній Україні кінця XVIII ст. [Х, 15322. — 1932. — 54 арк.].

Шевченко С.Ф. Боротьба за торговельні шляхи на терені сучасної Зінов'ївщині [Х, 15325—6. — 69 арк.]²⁴.

Дещо із зазначених статей було надруковано. Вшановуючи світлу пам'ять свого найкращого друга Валерія Отрешка, я публікую статтю С.С. Дложевського, яка досі лишалась невідома.

ПРИМІТКИ

¹ Шовкопляс І.Г., Дмитренко Н.Г. Археология Украинской ССР: Библиографический указатель, 1918—1980. — К.: Наукова думка, 1989. — С. 22.

² Пам'яті С.С. Дложевського // Хроніка археології та мистецтва. — К., 1931. — Ч. 3. — С. 95; С.С. Дложевсь-

кий // Червоний Схід. — 1930. — № 6. — С. 244—245; Шульц П.Н. Дложевский Сергей Степанович // Сообщения ГАИМК. — 1931. — № 1. — С. 32.

³ Семенів М.М. Професор С.С. Дложевський // Зап. Укр. бібліограф. тов-ва в Одесі. — 1930. — Ч. 4. — С. 85—90. До списку не увійшли офіційні звіти, наприклад, музейні, що їх С.С. Дложевський видавав як директор музею тощо.

⁴ Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України: Енцикл. словник-довідник. — Чернігів, 1997. — С. 75.

⁵ Некролог у «Хроніці» вказує 23 жовтня (Пам'яті С.С. Дложевського. — С. 95).

⁶ Дубровський Василь. Історично-культурні заповідники та пам'ятки України. — Х.: ДВУ, 1930. — С. 59.

⁷ У виданні «Одеський мартиролог» (Т. 1—2. Одеса, 1997—99) імені С.С. Дложевського немає. Зафіксовано розстріл Клавдії Костянтинівни Дложевської 1894 року народження (Одеський мартиролог. — Одеса, 1997. — Том 1. — С. 180).

⁸ Токарь Х. Панама в Одесском археологическом музее // Киевский пролетарий. — 1925, 12 декабря. — № 148. — С. 3.

⁹ Дубровський Василь Васильович (19 травня 1897, Чернігів. 23 квітня 1966, Річмонд, Вірджинія, США) — історик України, зокрема укр. селянства XVIII—XIX ст., тюрколог. Науковий співробітник Науково-дослідчої кафедри історії української культури ім. акад. Д.І. Багалія (1925—1933) та Всеукраїнської наукової асоціації сходознавства (1925—30). Проф. Харківськ. ІНО. Заарештований у листопаді 1933. У червні наступного року опинився у таборі на БАМ'і, де пробув до 1938. Залишив спогади (2-й Відділ БАМЛАГ'у ГПУ—НКВД. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1965. — 81 с.). З відступом советів професор Харківського університету, голова харківської «Просвіти». 1943 виїхав до Німеччини, 1956 — до США. Тв.: Чергові завдання сучасного музейного будівництва на Україні (Укр. музей. — К., 1927. — Зб. 1. — С. 13—26), Нариси з історії Чернігівської Троїцько-Іллінської друкарні в першій пол. XIX ст. (Бібліологічні вісті. — 1927. — № 1, 3—4 і окремо), Селянські рухи на Україні після 1861 р.: Чернігівська губ., 1861—1866 (1928), Пропащі справи з архіву Генерального Військового Суду (Зб. наук.-досл. кафедри іст. укр. культури. — 1930 — Т. X.), Життя й діла Феодосія Углицького (вид. 2: X., 1930). Див.: Биковський Л.У. Василь Дубровський // Укр. історик. — 1966. — Ч. 9—10. — С. 92—97; Бульбенко Ф. Проф. Василь Васильович Дубровський // Наша Батьківщина. — Нью-Йорк, 1966, 15 липня. — № 133—134. — С. 7; Бульбенко Ф.П. Професор Василь В. Дубровський // Свобода. — 1966, 18 травня. — Ч. 91. — С. 2; 19 травня. — Ч. 92. — С. 2, 4; Короткий життєпис проф. Василя Васильовича Дубровського // Церква й життя. — 1966, липень—серпень. — Ч. 4 / 55. — С. 26—27; Коваль О., Матяш І. Дубровський В.В. // Українські архівісти: біобібліогр. довідник. — К., 1999. — Вип. 1. — С. 126—129.

¹⁰ ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 5. — № 720. Арк. 32. Головував Матвій Яворський, присутні були Палладін, Соколовський, Балаїн, Дубровський, Ковалівський.

¹¹ Яворський Матвій Іванович (1885, с. Корчмин Сокальського повіту на Львівщині — 3 листопада 1937, Сандормох) — історик, академік УАН. 10 березня 1931 у Ленінграді на підставі телеграми харківського ГПУ був заарештований. Перебував на Соловках. Розстріляний до 20-літнього ювілею більшовицького режиму (Підгайний С.О. Українська інтелігенція на Соловках: Спогади 1939—41. — Новий Ульм: Прометей, 1947. — С. 57—60; Касьянов Г.В. Академік М.І. Яворський: доля вченого // УДЖ. — 1990. — № 8 (353). — С. 75—86; Рубльов О.С.

Лідер «істориків-марксистів» України // Репресоване краєзнавство. — С. 293—304; Розстрільний список Соловків // Літ. Україна. — 1992, 30 липня. — № 30. — С. 8; Ленинградский мартиролог. 1937—1938. — СПб., 1998. — Том 3. — Люстр. 157).

¹² ЦДАВО України. — Ф. 166. — Оп. 5. — № 720. — Арк. 69. Головував знову Яворський, були присутні Ряппо, Палладін, Багалій, Красуський, Соколовський.

¹³ Милосавлевич Костянтин Милошевич (нар. 3 травня 1852, Митровиця, Сербія) — з 1917 співробітник Одеського археологічного музею, у 1919—1920 його директор, потім зав. нумізматичним кабінетом (Укр. музей. — К., 1927. — Зб. I. — С. 199; Наука и научные работники СССР. — Л., 1928 — Ч. VI. — С. 255; див.: Вісник Одеської комісії краєзнавства. — С. 32).

¹⁴ Драгоев Андрій Костянтинович (нар. 20 листопада 1864, Бесарабська губ. 1928) — інженер-технолог, бібліотекар Одеського державного історико-археологічного музею, 1919—1928 (Наука и научные работники СССР. — Л., 1928. — Ч. VI. — С. 114; див.: Вісник Одеської комісії краєзнавства. — С. 29).

¹⁵ Оксман Емануїл Григорович (3 січня 1899, м. Вознесенськ Херсонської губ. 21 січня 1961, Москва) — аспірант Одеського державного історико-археологічного музею (1925—1929). Консультант ОДНБ з питань української етнографії та української літератури. Заарештований 22 жовтня 1930 за звинуваченням в антисоветській агітації та розголошенні таємних відомостей, засуджений на 10 років. Достроково звільнений 1934. Вдруге ув'язнений 18 вересня 1937. Відбув 10 років на Колимі. Не в змозі повернутись до Одеси, працював у геологічній експедиції у Калузькій обл. Реабілітований 8 січня 1990 (Наука и научные работники СССР. — Л., 1928. — Ч. VI. — С. 289; Вісник Одеської комісії краєзнавства. — С. 33; Зленко Г.Д. Бібліограф «Геродота Південної України» // Вісник Книжкової палати. — 2001. — № 2. — С. 22—24). Архівіст та історик літератури Юліан Григорович Оксман (1895—1970) — його брат. Див.: Малинова Г. Оксман Ю.Г. // Українські архівісти: бібліогр. довідник, XIX ст. — 1930-ті рр. — Вип. I / Упор. О.М. Коваль, І.Б. Матяш, В.С. Шандра. — К., 1999. — С. 259—260.

¹⁶ Токарь Х. Панама в Одесском археологическом музее. — С. 3. Я. Бердичевський згадує про Х. Токаря: «В РСДРП вступив на фронті (где-то в [19] 15—16 гг.), с трудом разбирая по складам кириллицу, но его счас-

тьє заключалось в том, что он дал рекомендацию в партию в [19] 18 году Никите Хрущеву — это держало Токаря на плаву всю его жизнь. Мне выпало немалое «счастье» слышать его ... ни на что не похожий сленг, смесь неких звуков (ему еще выпало плохо произносить шипящие, сонорные, не говоря уже о дрожащих) ..., — он не только не умел, но, уверен, и не хотел учиться никакому языку или письму» (лист до мене від 5 січня 2002).

¹⁷ Білокінь С.І. Музей України (збірка П. Потоцького): доба, середовище, загибель. — К., 2002. — С. 76—78.

¹⁸ Дубровський В. Охорона пам'яток культури в УСРР // Охорона пам'яток культури на Україні. — Х., 1927. — С. 6.

¹⁹ Охорона пам'яток культури на Україні. — Х., 1927. — С. 156.

²⁰ Джерела: ДАМК. — Ф. 16. — Оп. 464. — № 3221; Укр. музей. зб. I. — К., 1927. — С. 199; Наука и научные работники СССР. — Л., 1928. — Ч. VI. — С. 110; Пам'яті С.С. Дложевського // Хроніка археології та мистецтва. — К., 1931. — Ч. 3. — С. 95; Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук, 1924—1930: Хронол. розпис змісту / Упоряд. Л.О. Жирнова; Наук. ред. Г.Д. Зленко. — Одеса, 1999. — С. 28.

²¹ Пам'яті С.С. Дложевського. — С. 95.

²² В «Історії» УАН під 21 липня 1924 року значиться заснування комісії Полудневої України (Історія Національної Академії Наук України, 1929—1933: документи і матеріали. — К.: НБУВ, 1998. — С. 496). У реєстрах протоколів Спільного зібрання зазначено, що академіки затвердили три комісії при Історичній секції — Комісію Старого Києва, Комісію Старого Чернігова та Комісію історії Запоріжжя (Історія Національної Академії Наук України, 1924—1928: документи і матеріали... — С. 90).

²³ Історія Національної Академії Наук України, 1924—1928... — С. 91.

²⁴ Пор.: Зміст збірника «Полуднева Україна». 20 жовтня 1932 // НБУ. ІР. Х, 15295. — 1 арк.; Листування в справі збірника «Полуднева Україна» та варіанти змісту збірника, 1929—32 // НБУ. ІР. — 34 арк.

ОЛЬБІЯ

(Хроніка досліджень та їх наслідки)

Сергій Дложевський

ОЛЬБІЯ

(Хроніка досліджень та їх наслідки)

Північне Побережжя Чорного моря Степової України приваблює численних дослідників надзвичайною глибиною свого історичного життя. В античну добу це—самостійна дільниця Східної та Геленсько-Римської цивілізацій, які зав'язують якраз отут дуже своєрідне очко своїх взаємовідносин. Стародавня Ольбія, тепер ще здебільшого заховані під землею городище (понад 30 гектарів площі) та некропіль (біля 300 гектарів), організовані кілька років тому задля кращих умов наукового дослідження у Державний Заповідник (35 кіл. від м. Миколаєва), є одна з найважливіших точок розвитку цієї своєрідної високої цивілізації. Відступаючи щодо своєї ролі, як центру, в розвитку чорноморської культури перед Пантікапеем—столицею Боспорської держави, Ольбія щодо наукової вартості, як джерела, стоїть понад Пантікапеем тому, що їй пощастило майже від самого початку на плянове й систематичне досліджування.

Давньогеленська Ольбія,—певне, один з пізніших кроків вивчення Йонійцями Чорного моря¹. Про те, що вона *χώρα Μιλήσιων* говорять нам і літературні² джерела і одноголосно запевнює зміст археологічних даних; нещодавно наші³ відомості про це збільшилися на безпосереднє епіграфічне джерело, що свідчить про наявність споконвічних побутово або «юридично» оформлених зв'язків метрополії Мілету зі своєю колонією—Ольбією.

Звичайно приймається датування, що Ольбію засновано приблизно у середині 7-го сторіччя до нашої ери, археологічні дані покищо не заперечують цю відомість. На цей же⁴ приблизно час припадає складання

¹ Порівн. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, сс. 63—64.

² Порівн. античний матеріал у Bilabel, *Die jonische Kolonisation*. Leipzig, passim, 1920, сс. 23—26 та в Латышева, *Исследования об истории и государственном строе города Ольвии*. 1887, с. 38. Ростовцев, *Скифия и Босфор*. Ленингр. 1925.

³ «Milet» *Ergebnisse der Ausgrabungen herausg.* Th. Wiegand, Berlin, 1914, Heft III, A. Rehm с. 289, напис № 136—до 326 р. до христ. ери; текст і рос. переклад напису див. «Вісник Од. Комісії Краєзнавства» № 1, 1924, с. 14, український переклад див. замітку С. Дложевського «Територія Південної України...—Ольбія та Мілет» у місячн., «Східний Світ», № 2, 1927. В останні часи С. Жебелев, *Милет и Ольвия*, «Извест. Акад. Наук СССР», 1929 і окремі видбит.

⁴ Датування це базується на ототоженні назв «Ольбія» та «Борістен». Для «Борістену» ж хронограф Евсебій дає дату—Олімпіада 33,2, краще 33,4=647/6 рік до хр. ери. Таким чином точна дата заснування Ольбії нігде взагалі не згадується. Але

знову, після Кімерійців, в басейні низового Дніпра та Богу певної держави з переважно місцевим покищо нам дуже мало відомим населенням, що в ній ролю організаторів відіграють Скити. Вони виступають тут, як повоювателі-номади, в цей час з іранською культурою і в значній мірі з іранською національністю. Без наявності міцно організованого в економічному відношенні «Hinterland'u» — запілля Греки, що жили в нашій країні, переважно лише як організація купців-продавців, не мали б чого засновувати тут свої колонії. Події трохи пізніших часів нам показують, що фази життя Ольбії так само, як й інших грецьких колоній побережжя, цілком залежали від того, у якій мірі налагоджено було економічне життя її запілля. Руїна господарства державних організацій у запіллі в степу безпосередньо викликала занепад та й навіть зникнення грецьких колоній.

Мілетці, що добре вивчили усі береги Чорного моря, шукаючи сировини, можливо, у першу чергу риби, знайшли на високому березі Богу, або справедливніше сказати, Бозького лиману, надзвичайно сприятливе для їх торговельних завдань місце, ще до них використане для людської оселі, назву якої⁵ «народна етимологія» Геленів потім евфемічно перетворила в «Ольбію» — «щасливе місто»⁶. Щоби зміцнити свої зв'язки з місцевими торговельними організаціями, що продавали Грекам рибу, хліб, худобу, футра, рабів й т. ін., Ольбія, великий⁷ центр, мала своїх агентів по су-

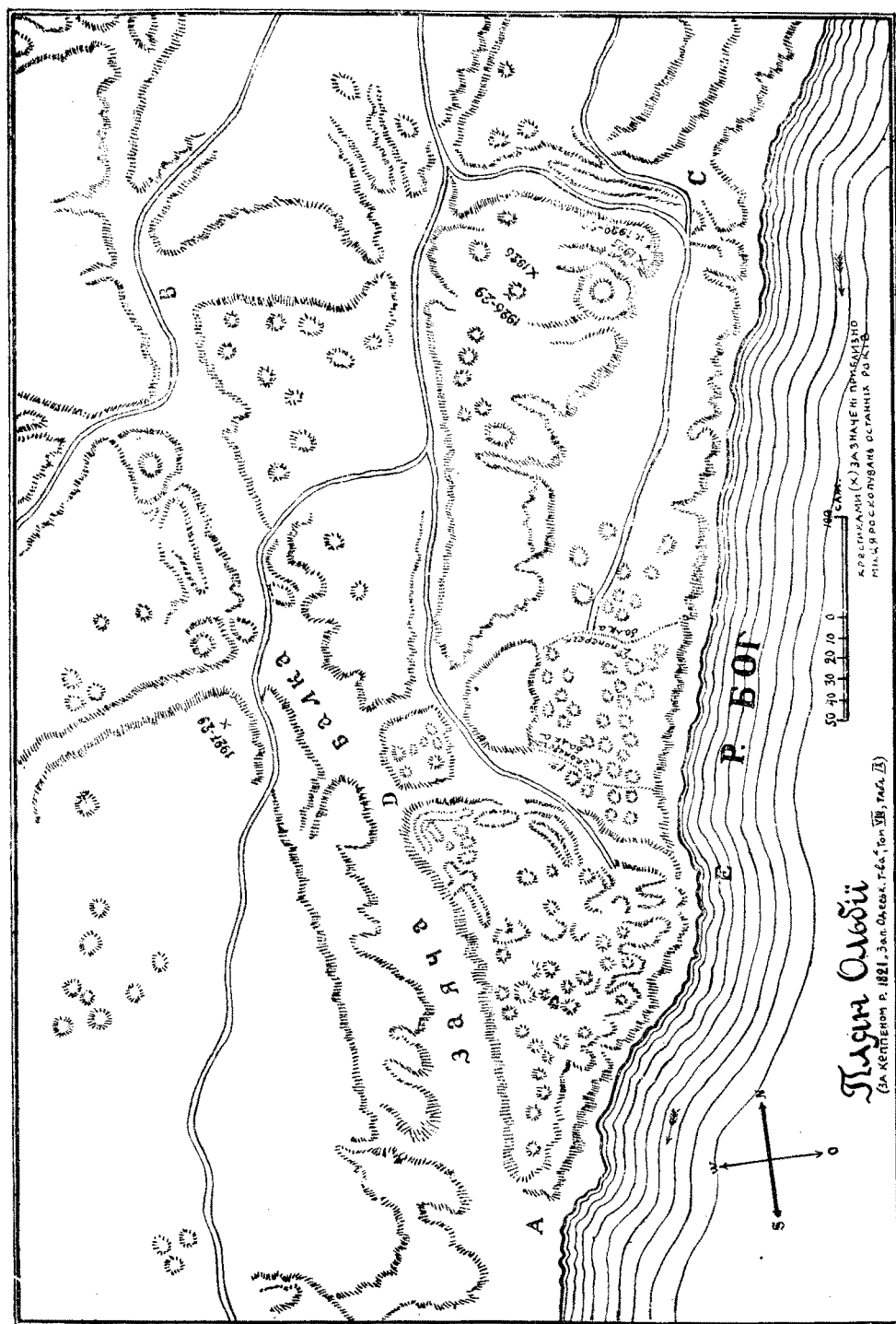
дійсно «Ольбія» прозивалася також і «Борістеном». Борістен, очевидно, був назвою усього району низових течій, або лиманів, Богу та Дніпра, і людьми, не дуже зацікавленими в деталях місцевої топоніміки, переважно зайнятими купцями, як сказав колись А. Böckh «quasi e longinquo spectantibus», ця назва могла вживатися і для окремих поселень цього району — на о. Березані, що, певне, спеціальної назви зовсім не мав, та для Ольбії. Античні джерела утворюють враження, що Ольбія — пізніша назва; ймовірно, що Ольбія більш місцева назва, що потім зробилася популярною, а з початку відома лише «людям близьким», що мали постійні стосунки з Ольбією; про точну хронологічну дату для Борістена див. Eusebi, *Chroniconum Canonum quae supersunt*, ed. A. Schöne, Berlin, 1866, с. 88. Про заснування Ольбії під час напущання Мідян на західному, очевидно, побережжі Малої Азії говорить т. зв. Псевдо-Скіми в. 805 і далі; це вже приблизно 1-а половина 6-го сторіччя до хр. ери. Думки про заснування Ольбії у 7-му сторіччі до хр. ери, крім Евсебія, базувалися досі переважно на даних невеличких розкопів р. 1908 на північ від 1-ої поперечної «балки», див. «Отчет» за 1908 р. с. 69 далі та *Archäologisch-Anzeiger*, 1909, с. 163, на даних розкопів р. 1926 та на відкритті «полігональної стінки» р. 1903.

⁵ Про обмежений (*kapitallos*) характер геленської торгівлі у догеленістичний період порівн. останню думку Hasebrock'a, *Stadt und Handel in alten Griechenland*, Tübingen 1928 і про пізнішу торгівлю з Понтом А. Кацевалов, *Торговля хлебом греческих колоний северного Черноморья*, Харків, 1927. «Зап. катедри історії культури» і окр. відб.

⁶ Порівн., напр., спробу акад. М. Я. Марра пояснити слово «olbia» з яфетично-місцевого корня — «olp» = «urb» = «місто» в «Извест. Акад. Наук СССР», стор. 663—672, стаття «Ольвия и Альба Лонга».

Друга назва Ольбії «Βορυσθένης» теж догрецька місцева назва освідомлена Греками певне, як «Βορρᾶς» — північний вітер та «σθένος» — сила. Є певні натяки на те, що це кімерійсько-тракійсько-фригійське, або коротко кажучи, тракійське слово: за Стефаном Бізантійським словом «Βορυσθένης» прозивався у давні часи також Гелеспонт (Латyšев, *Scythica et Caucasica*, т. I стор. 256, рядок 25—28), чоловіче ім'я Βορυσ відомо на Північн. побережжі Мал. Азії — Пафлагонія з Синопою (див. Граков в Б., *Древнегреческие клейма с именами Астиномов*, Москва, 1929 с. 26 та 164); таким чином здавалося би, що «Βορυσ» корінна частина слова, σθ — суфіксальна. Чи взяли Греки це слово від місцевого населення (Тракійців?) чи воно має ірано-скитську оболонку, покищо не ясно.

⁷ Про грошові знаки Ольбійців, їх зміст та хронологію можна дізнатися в Бурачкова, *Общий каталог монет*. Одеса. 1884 (старий твір, можна користуватися

сідніх невеличких оселях, утворюючи таким чином містечка з мішаним місцево-скитсько-грецьким населенням. Ми маємо від античних географів відомості про назви таких містечок так на берегах Бога, як Дніпра та Дністра; вивчати їх археологічною методою почав був небіжчик В. Г. Гошкевич,⁸ тепер цю працю щодо берегів Богу починає продовжувати Миколаївський Археологічний Музей.

Максимальна площа самого городища Ольбії, тобто Ольбії геленістичної доби (з кінця 4-го сторіччя до половини 1-го сторіччя до христ. ери), як його намічав в 50-х роках 19-го сторіччя гр. О. С. Уваров і потім блискуче виявив своїми розкопами Б. В. Фармаковський, складає трьохкутника (АВС див. плян), східній бік (АС) якого то обривається просто кручею до Богу, то тепер похило, в геленські часи теж круто, відступає від берега, залишаючи прибережну смугу піщаної землі, яку Бог то підмиває, то знову намулює; південно-західній бік відзначається т. зв. «Заячою балкою» (АВ), північний же відділяється (ВС) від землі сучасного с. Парутина т. зв. Північною Балкою. Обидві ці балки, що ближчі до берега Богу, то глибші, сприяли, особливо щодо їх глибших частин біля річки, неприступності кам'яних міських стін, що їх збудували понад ці балки наприкінці четвертого сторіччя або початку 3-го до хр. ери Греки, а потім південні кінцівки перебудували для себе Римляни (на пляні по лініях АД та ДЕ) в добу розквіту тут римської влади при Северах — приблизно кінцедь 2-го початок 3-го сторіччя христ. ери. Значити точно площу, яку займала найдавніша Ольбія йонійської доби (з полов. 7-го сторіччя (?) до другої третини 6-го сторіччя до христ. ери) і дальшої з нею, як її прозиває Б. В. Фармаковський, архаїчної (з другої третини 6-го сторіччя до половини 5-го сторіччя — початок атенського впливу на Ольбію) покищо не можна, так само ми маємо лише в найостанніші часи і дуже непевні натяки на те, де саме на цій площі знаходилося⁹ догеленське поселення Ольбії; проте ж розкопами останніх років стверджено наявність Ольбії йонійського періоду і на захід від т. зв. «Зевсового Кургану». Рештки оселі, що могли б бути від цих часів на долині біля пристані (причальний, здається стовп мабуть цієї пристані пізніших часів з каменя переховується в Одеському Історично-Археологічному Музеї), повинні були б бути підриті Богом і, певне, звалитися у воду¹⁰. У добу 3-го періоду свого життя, за Б. В. Фармаковським, — клясичного (з полов. 5-го сторіччя приблизно до кінця

лише критично), Pick'a, Die antiken Münzen von Dacien und Mösien, Bd. I, Berlin, 1898; Bd. I, Halbb. I Taf. VII—XII та Halbb. II Abt. I, с. 918; Minns'a, Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, сс. 482—487, Б. В. Фармаковського в «Изв. И. Арх. Комиссии», вип. 8, сс. 63—66, вип. 13, сс. 231—237, у відповідній частині Catalog of greek coins of the British Museum; про т. зв. «рибки» див. статтю Голубцова в «Изв. И. Арх. Ком.», вип. 51, с. 68 і дальші. Гарним вступом до проблеми Ольбійської нумізматики буде розвідка О. М. Зографа, Ольвийские монеты из раскопок 1926 г., що тепер друкується у виданнях Одеськ. Істор.-Археол. Музею і Кадевалова, I. I, сс. 2—3.

⁸ Також Ebert, пор. його статтю й подану там бібліографію в «Reallexicon für Vorgeschichte» під словом «Maritzyn». В. Г. Гошкевич, Древние городища низового Днепра. 1913, Херсон. Порівн. також матеріал в М. Лагути, Історичні місця, пам'ятники старовини та мистецтва на Миколаївщині. Миколаїв, 1928, сс. 12—20.

⁹ Порівн. дані дільниці «З» біля т. зв. Сигнальної Станції, яку дослідив І. І. Мещанінов під час розкопів р. 1928.

¹⁰ На жаль обміри решток кам'яних споруджень, можливо, стін, що захищали пристань, які можна було бачити у воді біля правого берега Бога, переведені В. Ч. Деренкіним р. 1913, досі не побачили світу. Морське відомство улітку р. 1929 пере-

4-го сторіччя до хр. ери) розмір площі міста повинен був поступово поширюватися до вкриття усієї поверхні вищезгаданого великого трикутника (АВС); ранньо-геленістичний культурний період (з кінця 4-го сторіччя до кінця 2-го сторіч. до христ. ери)—це Ольбія доби її найбільшого поширення, а може й дійсного розквіту, Ольбія з мідними кам'яними мурами, що оточують більш менш усю площу великого трикутника (АВС) з півдня, заходу і півночі. В цей період і дальший змінюються джерела Ольбійської культури, вона вступає у жваві стосунки з Олександрією, пізніше з Пергамом, а також з представником транзитної торгівлі тих часів з Родосом (3-є—2-е сторіччя). Приблизно оцю ж саму територію займає Ольбія і під час дальшого, менш сприятливого для неї пізньогеленістичного періоду, що охоплює першу половину 1-го сторіччя, так би мовити Мітрідатову добу, до гетського погрому. Вже у другій половині 3-го сторіччя різко збільшуються вимоги Скитів, що під натиском Сарматів—їх же іранських родичів, тільки трохи іншої культури та чистіших¹¹ расово, концентруються на правобережжі Дніпра, будують в Криму сильну державу, і, як маємо нам Ольбійський декрет на пошану Протогена, великі маси номадів товчуться під мурами¹² Ольбії, а нарешті наприкінці цієї доби в наслідок кельтських, германських, тракійських і сарматських рухів розтають і самі господарсько-державні організації Скитів на Дніпрі—життєва артерія Ольбії. По гетському погрому, коли після бурхливого з'явлення Сарматів на арені Чорноморських¹³ степів знову встановлюється на деякий час відносна рівновага в придніпровських степах, виникає потреба в геленській Ольбії, і напівзаміла Ольбія відроджується, але відроджується з самого початку християнської ери і в період римської доби, відповідно до скромніших тепер переважно стратегічних завдань у значно меншому обширі (приблизно трикутник АДЕ плян до т. зв. 2-ої поперечної балки, що у північному від нього напрямку).

Ототожнити територію давнього городища й некрополю, що прилягають з півдня до с. Іллінського-Парутина з давньогеленською колонією-Ольбією, про місце якої нам розповідають досить заплутано грецькі та римські географи, а в першу чергу й досить точно Геродот (+ біля 425 р. до хр. ери)¹⁴ та Діон Кокцейн Хрїсостом (2 пол. 2-го сторіччя—1 пол.

вело між іншим обслідування Богу при Ольбійському березі; ніби виявилось, що і тепер у віддаленні на 10 метрів від сучасного берега городища йде вузька довга смуга з каміння 40 м. завдовжки. Креслення цього повинен бути переданий до матеріалів Ольбійської експедиції.

¹¹ Inscriptions orae septentrion. Ponti Euxini (IOSPE) I² № 36.

¹² Rostovzeff, Iranians and Greeks, с. 119—129.

¹³ Про хронологічні дати цієї події та інші моменти див. Л а т ы ш е в, сс. 145—160; також Minns, Scythians and Greeks. Cambridge 1913, с. 464; погром цей припадає на 50-ті роки 1-го сторіччя до хр. ери. Пор. Л а т ы ш е в у «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1896, січень, с. 14 далші. Гетський погром спричиняє занепад Ольбії майже на ціле сторіччя—з пол. 1-го стор. до хр. ери до полов. 1-го сторіччя хр. ери, де так зв. «грековарварський період»—відірваність Ольбії від Греції і продовження скитсько-сарматівського впливу. Далі йдуть римські періоди існування Ольбії—1—з полов. 1-го сторіччя до пол. 2-го сторіччя хр. ери—початок зростання римського впливу, 2-й період—з пол. 2-го стор. до пол. 3-го стор. хр. ери—розквіт римської влади в Ольбії, 3-й період—останній—з кінця 3-го стор. по початок 4-го сторіччя—занепад римського впливу і кінець античної Ольбії (маловідомий нам), як «поліса».

¹⁴ Порівн. поданий в Латишова І. І. с. 24—28 матеріал і особливо ж міркування Ростовцева щодо античних джерел в «Скифия и Босфор», увесь 1-й розділ. Клясичні

2-го сторіччя хр. ери), що самі повинні були бути в Ольбії, пощастило російському академікові П. Паласові підчас його мандрівки на південь р. 1794 і через п'ять років після нього російському ж мандрівникові П. Сумарокову. Це відбулося незадовго від того часу, коли в Одесі під впливом французьких емігрантів пробудилося зацікавлення античною старовиною переважно Криму. Акад. Латишов у цитованій праці про Ольбію подає декілька описів цього часу Ольбійського городища та некрополю. Речинець цих¹⁵ описів слід доповнити ще одним дуже цікавим, що є, здається, для цієї доби—кінця 18-го сторіччя найранішим з усіх,—з рукопису де-Воляна. Рукопис цей переходується у «Военно-Учетном Фонде в составе Военного отделения Московского Центрархива»¹⁶. Де-Волян, ретельний співробітник Дерібаса і будівник Одеського порту, подає цікаві вказівки щодо зовнішнього вигляду Ольбійського терену (т. зв. «Сто могил») у році 1791-му. Він чув про Ольбію та інші вказівки античних географів, але не наслідуються ототожнити з нею оглянуте ним з боку Широкої Балки, що ще далі на південь від Заячої, городище. Цікаво примітити, що

місця про Ольбію з Геродота кн. 4-ої—§ 17 (про торжище... Борістенітів), 18 (про Ольбіополітів), 53 (про Борістен і Гіпаніс), 78—79 (про браму і башти Ольбії); з Діона Хрисостома (ср. Dindorfii, t. II, op. XXXVI, c. 48—54, 56 (вражіння Діона від Ольбійців) влучно подані Латишовим у його «Известия древн. писателей греч. и латинск. о Скифии и Кавказе» (Scythica et Caucasica), том I, СПб, 1890.

¹⁵ I. I., сс. 29—33.

¹⁶ Власноручну виписку з рукопису де-Воляна ласкаво передав у моє розпорядження проф. Ф. О. Петрунь, який вивчав цей рукопис в цілому. Він же натрапив на плян Ольбії приблизно тих самих часів, що заслуговує уваги. Зроблена проф. Петрунем виписка подається цілком зі збереженням ортографії оригіналу:

Военно-Учетный Фонд в составе Военного отделения Московского Центрархива.

(За правописом рукопису).

Отдел V — 75 = 15106 = 18364.

De Volant 1791.

Rapport Relativement à la situation géographique et topographique de la province Ozov ou Jedissan communément appelée le step d'Oczakovic. Pour servir à l'explication des cartes et plans levées par Ordre suprême etc.

[Ctop. 168]. Balke latérale Chiroka. En entrant dans l'embouchure du Bog le premier objet intéressant est la petite vallée Chiroka et tout près l'endroit qu'on nomme Stomohile (Cent monticules) ou il existe sans contredire des ruines d'une ville ancienne, et qui doit avoir été considérable en la jugeant par les fragments des socles enterrés etc. que l'on rencontre; une partie de cet endroit doit avoir subie une résolution triste probablement par quelque tremble—[далі с. 169] ment de terre une partie des ces ruines été jettée dans la rivière ou bien le travail des courants et brisées de l'eau ait miné successivement de gros morceaux dans le lyman. On pense plutôt pour l'effet du tremblement de terre qu'une grande partie de cette place ait été engloutie; on trouve quantité des entrées dans des espèces des spelonques ou caves contenant un air très mauvais, et habitées par les loups etc. [на полях: Ruines de Stomohile] les socles des batimens, que l'on trouve sur le sommet des hauteurs, ont été ruinés par nos soldats apparemment dans l'espérance d'y trouver quelque chose circonstance qui empêche de juger de quelle sorte des batimens y étaient.

La quantité de monticules qui entoure à la distance de 4 à 5 verstes ces ruines put se porter au nombre de [с. 170] 2 à 300, la plus part l'un près de l'autre, de differante épaisseur, et hauteur et forme, dont la plus resistée est en forme conique ou pain de sucre, de 7 pieds de hauteur jusqu' à 24 et 28 pieds. Les monticules sont la tout conforme aux autres que l'on trouve en grande quantité isolé dans le step. On trouve partout de ces monticules (nommé chez les russes Kourgani aussi Mohiles) dans l'étendue du step de la Tartarie Européenne, et jusque dans les landes incultes des bruires de la Westphalie, le long des frontières des province de République des Pays-bas, et des Ardennes absolument de la même forme. On sait que ces monticules ne sont autre chose

де-Воляннів опис має деякі спільні, ще й до того другорядні випадкові, риси (напр., спогади про печери, вовків, «вонючий город») з описом р. 1794 підполковника А. Майєра, уривки з якого подає Латишов. Опис А. Майєра, очевидно, пізніший.

Археологічне дослідження Ольбії до часів революції залежало у значній мірі від волі власників цієї землі Кушельових-Безбородьків, а потім Мусін-Пушкіних, тим більше,¹⁷ що городище й найбільша частина некрополю цілком лежало на поміщицькій землі; тільки досить тонка північна і північно-західня смуга некрополю була вкрита південним краєм с. Паругина, цвинтарем та селянськими наділами. Гр. О. С. Уваров¹⁸ двічі р. 1848 та р. 1853 побував у Ольбії, дуже ретельно вивчав властивості сучасної поверхні цього терену, зробив і досі цікаві підсумки своїх спостережень і склав цінний план дальших досліджень Ольбії. Сам він робив тільки розвідки. Не так обережно стояла справа з дослідженням Ольбії р. 1873, коли Археологічна комісія склала умову на переведення розкопів¹⁹ на поміщицькій землі з її власницею — Мусін-Пушкіною і доручила переведення цих розкопів своїм членам І. Е. Забєліну, що досліджував переважно городище, і В. Г. Тізенгаузену, який звернув увагу спочатку на некропіль. Маючи у своєму розпорядженні дешеву військову робочу силу, дослідники цього року розкопали велику територію переважно канавами в 3 аршини завширшки й 3 аршини завглибшки, а іноді й 2 арш. «Траншеї Забєліна» ще і досі видно на території городища й некрополю, ще й тепер можна було б, дивлячись на окопи висипаної землі, скласти їх план. Траншеї ці йдуть частенько у цікавих та важливих напрямках, але ніколи не сягають ґрунту — материкового рівня, ки-

que des monumens des anciens peuples nomades qu'ont demeuré ou passé ici et qui après ont inondé l'Europe habitée dans le 5-me et 6-me siècle; il n'est pas de notre sujet de traiter l'histoire de cette provin—[дані с. 171] ce, mais on croit de devoir avancer quelque légère supposition, de nos ruines et de cette grande quantité de monticules qui l'entoure et cela parce que le labyrinthe des opinions qui existent jusqu'à present laisse les curieux toujours en suspend; les uns en font une Olvia, des autres un Ozoñ, une Julia alba un Aksiatys et caetera et personne n'est tombé sur le Strapenor, Strapenopolis ou Boristhenopolis de Strabon et de Ptolemée qui doit avoir été sur la pointe saillante ou un cap regardant vers l'est à l'endroit ou le Ipanis (Bog) et le Boristhenes (Dnestre) confluent, ce qui repond parfaitement à notre situation.

Ces auteurs appelloient déjà de leur tems cette place Polis Ellenis ou ville dont l'origine se perd dans l'antiquité. Quand aux monticules ou Kourgans qui donnent à present le nom à cette place, personne ne contestera pas qu'ils ne soient pas des [с. 172] ouvrages plus modernes, et fait par une sorte considerable des Schytes ou Gothes qui peut être étoient les destructeurs de la ville; mais ayant trouvé la place à le gaie tant par rapport au pasturage étendu, pour leur bestiaux, que le step leur fournissoit que l'abondance des poissons du lyman, ils s'y ont établi avec leurs chefs ou roix, dont ces monticules ont apparence d'être les monumens d'enterremens.

¹⁷ Крім цього північно-східній ріжок Ольбійського плато понад Північною балкою у 80-х роках відійшов до Військового відомства, що поставило тут Оптичний телеграф і влаштувало тут садибу з баштою. Терен цей спеціально охоронявся й до р. 1924 був неприступний для археолог. досліджень. Тепер в одій садибі (т. зв. Сигнальна станція) — головні приміщення для археологічної експедиції; цікавий план р. 1805 земель Кушелева-Безбородька з тереном Ольбії знайшов у Ц. Архіві РСФРР проф. Ф. О. Петрунь.

¹⁸ «Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря», СПб, 1851, сс. 31—138 з «Собранием карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России», вып. 1, 1851, те ж французькою мовою — Recherches sur les antiquités de la Russie Meridionale, Paris, 1855.

¹⁹ Див. «Отчет Имп. Арх. Комиссии за 1873 год», СПб, 1876, сс. XVII—XXXI.

даючи під собою культурні шари. Шукаючи поодиноких «музейних речей» дослідники цього року не звертали слушної уваги на те, що розкопували, відмічаючи в дуже загальних рисах наявність решток фундаментів, цистерн, що частенько такі не давали дослідникам «ничего примечательного». Друковані матеріали цієї експедиції ніяк не дають ясного уявлення про пророблену того літа роботу. Заборона майже на тридцять років (до 1902 р.) од Мусін-Пушкіної переводити розкопи на її землі таким чином може й була на користь справі наукового дослідження Ольбії тому, що затримала розкопи на цьому терені, поки вдосконалювалися методи археологічного дослідження на Заході і в нас, та знайшовся талановитий представник наукової археологічної методи Б. В. Фармаковський. Правда, за цей час територію некрополю, більше селянську, менше поміщицьку, грабували самі парутинські селяни, особливо р. 1899, коли на с. Парутино впав недорід²⁰.

Розкопи Ольбії в межах селянської землі Археологічна Комісія доручала в р. 1894 вчителю з тодішнього м. Єлисавету В. М. Ястребову, що дослідив 28 поховань (III—II стор. до хр. ери) при західній околиці села біля²¹ цвинтарю; р. 1896 перший раз, ще до свого відрядження до Константинопільського Археологічного Інституту (1898—1901), працював тут Б. В. Фармаковський, продовжуючи розроблення ділянки Ястребова; р. 1900—го Ю. А. Кулаковський досліджував поховання²² по вулицях та деяких садибах південної частини с. Парутина.²³ Р. 1901 знов поновляє, тепер вже на довгий час — до смерги своєю працю Б. В. Фармаковський, але й цей раз ще в межах селянської землі.

Дослідження ним некрополю південного краю с. Парутина гарно завершилося відкриттям кам'яного ховального спорудження з коробовим півциліндровим склепінням — чудовий зразок римської²⁴ архітектури в Ольбії

²⁰ З грабіжницьких розкопів селян особливо цього року склалася надзвичайно цінна колекція Ольбійської старовини заможного Німця з м. Миколаєва Фогеля, за продана потім у Німеччині з аукціону тому, що Держ. Ермітаж не погодився заплатити Фогелеві запропоновану ним дуже приступну для такої колекції ціну. Ілюстроване видання каталогу для цього аукціону зробив авторитетний археолог J. Böhlau, Sammlung A. Vogell-Grichische Altertümer südrussischen Fundorts. Versteigerung zu Cassel in der Gewerbehalle durch Max Cramer, Cassel, 1908; надзвичайно важливе для студіювання Ольбії видання, що робиться бібліографічним раритетом. Архітектурні рештки Ольбії найбільш постраждали від грабіжницького вивозу каміння з античних будівель, напр., під час перебування тут Турок, що будували свою фортецю Очаків. Турецька монета Ахмета III-го (1703 — 1730) знайшлася у грабіжницькій ямі, що сягала аж до 4-го шару розкопів у низовому городі р. 1909 (див. Отчет И. Арх. Ком. за 1909 — 10 рр., стор. 7). У горішньому шарі розкопів р. 1929 на захід від «Зевсового кургану» знайдено кілька монет татарських джучидської династії старшого сина Чингіс-хана (13 сторіччя), що свідчить до певної міри про наявність тут в ці часи й Татарів.

²¹ «Отчет И. А. Комиссии за 1894 г.», СПб, 1895, сс. 11—12 та «приложение IV-е» (звіт самого Ястребова) с. 98—103.

²² 44 поховання (з кінця V стор. до хр. ери по перші стор. хр. ер.) див. «Отчет И. Арх. Комиссии за 1896 г.», СПб, 1898, с. 79—81 та «Приложение V» (звіт самого Фармаковського), с. 200—211.

²³ 22 склепіння й 17 звичайного типу поховання (V—II до хр. ери), див. «Отчет И. А. Комиссии за 1900 г.», СПб.

²⁴ Б. В. Фармаковський, Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, «Изв. И. Арх. Ком.» вип. 3, 1902, сс. 1—20; про некропіль цього ж року див. «Отч. И. Арх. Ком.» за 1901 г. СПб, 1903, сс. 2—22 — досліджено 86 поховань з IV стор. до хр. ери по III стор. христ. ери.

2—3 сторіччя хр. ери, певне, часів розцвіту римської влади в Ольбії, що збудував для себе й для своєї дружини—Арети ще при житті впливовий громадянин Ольбії Гевресібій. Старі думки про те, що під курганами висипами в Ольбії можуть зберегатися рештки храмів або бант, були таким чином спростовані.

Розкопи некрополю р. р. 1894—1901 вже виявили в загальних рисах ті відомості, що потім уточнялися й поглиблювалися на протязі 20-го сторіччя, а саме: дві форми ховання—трупопоховання і відоме ольбійцям ще з Йонії улюблене в йонійський й до певної міри в архаїчний період—трупопалення з певними варіантами ритуалу, а також три головних види ховальних споруджень: ґрунтове або краще колодяжне—старіша і взагалі простіша форма²⁵, підбойне—пізніша з кінця 6-го сторіччя, і склепінне з дромосом (коридорним підступом) переважно земляне, рідше з каміння—найпізніший тип, природній для заможних поховань геленістичної та римської доби не раніш 4-го сторіччя до хр. е. Крім цього для Б. В. Фармаковського стало ясным, що крайньою межею, за яку ніколи не переходило місто, була Північна Балка (лінія ВС плану), навпаки ж, як з'ясувалося потім, некропіль архаїчного періоду йшов через Північну Балку далі на південь тереном городища геленістичних періодів, захоплюючи північний край пізнішого міста (північн. край трьохкутника АВС) тоді саме, коли місто ще не сягало так далеко на північ, тобто у йонійську, архаїчну і певне у першу половину класичної доби, тобто до кінця 5-го сторіччя до хр. ери, підчас йонійського, а потім атенського впливу на Ольбію. Синтетичної праці, де були б зроблені усі можливі висновки щодо властивостей²⁶ Ольбійського некрополю на підставі величезного здобутого ним матеріялу Б. В. Фармаковський не встиг зробити, захопившись городищем, і тому оброблення матеріялу з некрополю є одною з великих чергових проблем.

1902 р. був зворотним моментом для дослідження Ольбії. Цього року Археологічна Комісія склала остаточну умову з поміщиком с. Парутина О. О. Мусін-Пушкіним на право переводити дослідження на його землі в обсязі 60-ти десятин, і в такий спосіб Б. В. Фармаковський міг²⁷ розпочати вивчення найцікавішої для науки частини Ольбійського терену—

²⁵ Про випадки поховання у кам'яному ящику див. «Отч. И. Арх. Ком.» за 1902 р., СПб. 1904, с. 4; про дитячі поховання в урні—«Отч. И. Арх. Ком.» за 1913—15 р.р. Петр. 1918, с. 29; в амфорах—«Отч. И. Арх. Ком.» за 1909—1910, с. 89; про поховання опалених кісток в амфорах—«Отч. И. Арх. Ком.» за 1913—15 г. с. 37; про найдавнішу форму трупопалення див. «Отч. И. Арх. Ком.» за 1908, с. 69.

²⁶ Найбільше підсумкових думок щодо Ольбійського некрополю подає Фармаковський у своїх: Раскопках некрополя в древней Ольвии в 1901 г. «Изв. И. Арх. Ком.» вып. 8, 1902, сс. 1—69. Тепер систематично за 3-х річним планом вивчає дані всіх розкопів некрополю, що провадились з дозволу, або з відома Арх. Комісії, а потім Академії Історії Матер. Культури «Коллектив по изучению Ольвийского некрополя при греко-римском разряде Акад. Истории Матер. Культуры». За його даними до 1915 р. у Ольбії розкрито: 640 ґрунтових поховань, 350 підбойних, 263 склепінних, 14 курганів, 3 кострища, 41 яма (з них 15 з трупопаленням), 21 неясного типу. У 421-му похованні (майже 50% усіх поховань) кістяки зорієнтовані на схід; склепіння були ближче до міста. Скорчених кістяків констатовано 6.

Освітлення деяких рис поховань Ольбійського некрополю є в E. Bruck, Totenteil und Seelgerät im griechischen Recht, München, 1926.

²⁷ Між іншим терен городища і частина некрополю належать до т. зв. «невдобої землі», і тому переважно правили за пасовисько, а не заорювалися.

городища за певним багаторічним пляном. Від р. 1902 по 1914 включно і від р. 1924 по р. 1926 вивчав він структуру Ольвійського городища, і поруч з цим щороку продовжувалися також розкопи некрополю. Наслідки праці своєї за цей довгий період докладно описав він у відповідних публікаціях²⁸.

Плян відомого дослідника полягав у тому, щоб 1) встановити точно межі давнього городища (начорно пророблено за р.р. 1901—1909), 2) виявити головніші напрямки внутрішньої структури цього городища, 3) перейти потім до детального вивчення поодиноких дільниць Ольвійського міста; щодо некрополю, то тут малося на меті з'ясувати його межі, внутрішній план і між іншим виявити його найархаїчнішу частину, що почала була намічатися — принаймні з 6-го сторіччя до х. е. далеко на заході некрополю, приблизно продовжуючи в цьому напрямку лінію Північної Балки.

Розшуки меж міста розпочалися рр. 1902—3 з горішньої його частини, т. б. мовити, з Ольвійського плато, але йшли помалу через відкриття чудової могили-поховання, розкішного будинку біля нього й під ним і дуже архаїчної (йонійського періоду певне) стіни, складеної²⁹ з полігонального каміння. Зевсовий курган перестав бути «Зевсовим», — він ховав під собою колись тіло дуже заможного Грека—приблизно сучасника відомого вже Гевресібія (кінець II-го поч. III стор. хр. ер). Те саме кам'яне склепіння з дромосом тільки з арочними перекриттями по надходами проти прямокутних в Гевресібія й трохи гіршої техніки будування.

²⁸ Див. «Отч. Н. Арх. Ком.» за 1902 г., СПб, 1904, сс. 2—27; Отч. за 1903 г. СПб, 1906, сс. 2—20; Отч. за 1904 г. СПб, 1907, сс. 1—41; Отч. за 1905 г. СПб, 1908, сс. 1—35; Отч. за 1906 г. СПб, 1909, сс. 1—50; Отч. за 1907 г. СПб, 1910, сс. 1—66; Отч. за 1908 г. СПб, 1912, сс. 1—84; Отч. за 1909—10 г., СПб, 1913, сс. 1—105; Отч. за 1911 г., Птгр 1914, сс. 1—25; Отч. за 1912 г. Птгр 1916, сс. 1—35; Отч. за 1913—1914 г., вкл. Птгр 1918, сс. 1—51; Отчет о раскопках в Ольвии 1924 г., сс. 43—70; Отчет о раскопках в Ольвии 1925 г., сс. 171—199, «Ольвийская экспедиция» (попередня інформація про розкопи р. 1926) сс. 309—314—надруковано в «Сообщениях Гос. Академии Истории Матер. Культуры» т. I, Ленингр. 1926. Звіт Б. В. Фармаковського про розкопи Ольвії р. 1926 зараз надруковано в Одесі; крім цього стисло, але дуже яскраво у його ж статті «Ольвия», Москва, 1915, 364 с., ще стисліше у 4-му додатковому томі «Энциклоп. Словаря Брокгауза и Ефрона», 1906 р., а потім з додатками у 2-му виданні цього ж словника під словом «Ольвия» 1916 р. Звітно-синтетичного змісту щодо Ольвії ще ось які праці: Фармаковського—Excavations of Olbia—у «Journal of hellenic studies», т. XVI, 1896, с. 314 далші; серія періодичних звідомлень «Archäologische Funde in Russland» для «Jahrbuch d. Deutschen Archäologischen Instituts», t.t. XIX до XXIX (1904—1915 p.p.) в «Anzeiger» цього місячника; Раскопки некрополя древн. Ольвии 1901 г.—«Изв. Н. Арх. Ком.» вып. 8, сс. 1—113. Раскопки в Ольвии в 1902—3 г.—«Изв. Н. Арх. Ком.» вып. 13, 1906, сс. 1—306; Olbia 1901—1908—Fouilles et Trouvailles—«Изв. Н. Арх. Ком.» вып. 33, 1909, сс. 103—136 (доповідь на міжнародньому 2-му конгресі класичної археології у Каїрі); Е. В. Дізь, Ольвія—у журн. «Гермес», СПб, 1914 № 1 та 2 (коротенько); E. Minns l.l. сс. 451—489. (Статті Б. В. Фармаковського, зв'язані з окремими речами з Ольвії тут не подаються). Важливі сторінки про Ольвію в праці Ebert'a, Südrussland im Altertum, Leipzig, 1921, сс. 186—217; 218—243, 260—282; тут же гарно класифіковані вказівки щодо фахової літератури, сс. 396—406, далі E. Stern, Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarz-Meergebietes, «Hermes», 50, 161—224, 1915; він же, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres..., Klio, IX, 1909, сс. 139 далі; він же, Kulturleben und Geschichte des Schwarz-Meergebietes, «Deutsch. Monatschrift für Russland», 1912, № 5 (мені неупи-ступна).

²⁹ Докладніше про могилу та будинок див. Фармаковський в «Изв. Н. Арх. Ком.», вып. 13, сс. 1—98, про полігональну стіну «Звіт про розкопув. Ольвії р. 1926», Одеса, 1929.

Могила цю видно здалека, первісна її височина поза 14 метрів—37 м. Висип цей був стягнутий поясом-кренідою з оброблених рустикою кам'яних плит (стрільців та ребірників³⁰ — кордон на ребро), розтягнутих певне з якого давнішого спорудження — міських геленістичних стін. За римської доби місцевість, де стоїть могила — «Зевсовий курган», знов, як в архаїчну добу опинилася далеко за межами міста, що відступила на південь (АДЕ), і тому тут можна було знов ховати.

Висип цього кургану накривав догетські геленські культурні шари³¹ Ольбії — у найвищому зараз же під висипом знайшлися великі рештки чудового геленістичного будинку — садиби полов. 2-го сторіччя до хр. ери, що існував аж до Гетів, з трьома портиками, фасадом на схід, з трьома дворами — одним парадним з вимосткою мозаїчного характеру з кольорових камінців, йонічними колонами, з частковою надбудовою другого поверху, так би мовити — мезоніну, з коморами та льогами. Будинок цей становить цікаве кільце еволюції геленістичного будинку поміж ранішим (т. зв. «прієнським» III-го стор. до хр. ери) і пізнішим (т. зв. «делоським» кінця 2-го сторіччя до хр. ери), стоячи якраз найближче до типу геленістичного будинку, що його подає римський архітектор 1-го стор. хр. ери Вітрувій (De architectura кн. 6, розд. 7). Крім цього ця будівля виявляє й деякі невеличкі місцеві особливості щодо даху, входу і інш. — наслідок певне бажання чулих Геленів акомодуватися до свійських умов життя. Особливі підмурівки — «субструкції», на яких споруджено геленістичну будівлю, прорізали ще два бідніші, хронологічно близькі, теж геленістичні шари (прозиваються тут V й VI-й) і в одній точці наштовхнулися й використали шматок архаїчної — власне йонійської — полігональної стінки, покищо найраніший відомий нам пам'ятник ольбійського будівництва. Варт нагадати ще про рештки стінки з прямокутних кам'яних брусків, що її ще й тепер можна добре бачити по західньому обрізу цієї ділянки тоді саме, коли загальний вигляд усієї геленістичної будівлі тепер вже дуже невиразний. Стінка ця від приміщення старішої якоїсь будівлі середини 3-го сторіччя до х. ери (т. зв. тут 6-го шару), збереглася ще у 2-му сторіччі тому, що її використали для споруджень вище описаного великого геленістичного будинку — садиби пол. 2-го стор до хр. ери.

Реконструкції плану цього геленістичного будинку сприяло, між іншим те, що фундаменти цієї будівлі, як це частенько трапляється у Ольбії, були покладені на т. зв. субструкції з глини та попелу, що гарно стоять у ґрунті. Це засіб зміцняти³² ґрунт під фундаментами, до якого

³⁰ Рештки фундаменту певне такої ж креніди біля могили Гевресібіа, здається, надбав Ф. Ф. Камінський — вчений охоронець Ольбії й постійний учасник експедицій, розчищаючи поверхню місцевості навкруги цієї могили р. 1927.

³¹ Б. В. Фармаковський, підчас роботи нумеровав культурні шари за порядком їх виявлення на кожній окремі ділянці, тому культурні шари майже кожної з них мають свою нумерацію; в процесі самої роботи інакше і не може бути. Але ж практично надзвичайно важно, щоб хронологічно тотожні культурні шари Ольбії на усіх ділянках мали тотожні номери, тобто треба мати таблицю уніфікованої нумерації культурних шарів по усіх ділянках. Надзвичайно практично важливу спробу уніфікованої нумерації, але може передчасно аж надто деталізованої, культурних шарів Ольбії, орієнтуючися на дані останніх розкопів, подає Б. В. Фармаковський на с. 152 «Сообщений Гос. Ак. Истор. Мат. Культ.» т. I. Таблиця ця містить у собі 12 культурних шарів від I-го, найпізнішого для Ольбії римського — 1-ої третини 4-го стор. хр. ери до 12-го йонійського — другої третини 7-го стор. до хр. ери.

³² Докладно про Ольбійські субструкції напр. як ґрунт під фундаментами див. Б. В. Ф а р

Ольбійці звикли ще в Малій Азії. Тут же вони його пристосували до місцевих неприємностей — осувів та розколювання нашого льосу. По всіх культурних шарах Ольбії, що не стоять на непорушеному ґрунті-материку, фундаменти солідних будівель кладуться на глибокі субструкції (ще часом кажуть «ольбійський бетон») з, найчастіше, правильних прошарків з трамбованої глини та попелу з вугіллям, інколи з додатком жорстви. Тільки низька техніка будівництва часів занепаду забувала про цей чудовий засіб.

Розшуки міських стін, як певної межі міста, що провадилися роками 1904 й 1905-м, дали яскраві наслідки. Значні рештки стін були констатовані по лінії АВ пляну понад кручею Заячої Балки на східньому її боці. Культурні шари, розкриті в зв'язку з виявленням стіни, належали до 4-х періодів — 1-й з них, бідний культурними рештками, характеризує певне останні часи існування античної Ольбії початку 4-го сторіччя хр. ери, 2-й репрезентується підземною частиною башти, що гарно зберігається й досі, башти, що поставили Римляне в зв'язку з будівництвом міцних стін взагалі (по лінії АД и ДЕ пляну) задля влаштування римської цитаделі³³ (АДЕ) підчас найбільшого зміцнення тут римської влади — кінця 2-го й половини 3-го сторіччя хр. ери. Досліджена частина великої римської стіни складається переважно з кам'яних тесаних прямокутних брусків, що ними Римляне заповнили поруйновані частини давнішої геленістичної стіни 4-го періоду, додавши до відреставрованої в такий спосіб стіни ще охоронну башту понад кручею. Крім солідної римської стіни місцями можна було спостерігати тоненьку стінку з дрібного каміння, що йшла краєм геленістичної стіни, використовуючи її як фундамент. Це рештки «дуже низенької та слабенької» (πάυρὸς τειχεῖον καὶ ἀσθενές) стіни, що оточувала занепаду згорнуту Ольбію часів, коли її відвідав Діон Хрїсостом — 1-е стор. хр. ери. 4-й шар лежить на материку — це рештки величезної міської стіни кінця 4-го — початку 3-го стор. до хр. ери. Вона стоїть на ольбійських субструкціях, упертих в материк, і складається з великих кам'яних плит-фундаменту та з лицьової та внутрішньої облямівки — з гарних тесаних квадратної кладки плит, покладених «кордон на ребро» насухо; поміж облямівками була звичайна бутова кладка на глині; завширшки ця стіна пересічно — 3,50 м. Відбувши геленістичні часи, це величезне спорудження хоч і поруйноване, ще могло бути корисним і для усієї римської доби. Багато рештків її знищено певне вже в новіші часи через грабіжницький вивіз каміння. Спроба знайти рештки такої ж стіни понад східним краєм цитаделі понад Богом дала негативні наслідки (лінія АЕ пляну). Розкопи безпосередньо на схід від стіни дали рештки міських споруджень — фундаментів, кам'яних ринв, карнизів, колон тощо. Простежена на 50 м. у за-

маковського — «Отч. II. Арх. К.» за 1909—1910, с. 77; про утримання ґрунту під субструкціями — «Отч. II. А. К.» за 1907, с. 43; про техніку кладки, с. 52 в «Отч. II. Арх. Ком.» за 1908.

³³ В зв'язку з «римською цитаделлю» виникало раніше питання, чи не був цей трьохкутничок (АДЕ) акрополем Ольбії — «городом», з якого й навколо якого розвинулася оселя. «Акрополем» у строгому розумінні терміну ця місцевість бути не могла, тому, що вона не найвища й не панує над останньою територією, крім того Ольбія взагалі не була суворо типовим грецьким містом, і зовсім не мала акрополю. Мідно тримаючися за великі досягнення своєї високої культури, Гелени з властивою їм гнучкістю й чулістю були певне не від того, щоб розумно акомодуватися й до побуту місцевого населення й до підсоння й до простору чорноморського степу. Minns I.I. с. 454 думає за акрополі на місці римської цитаделі.

хідньому напрямку (лінія АДЕ) геленістична стіна уривається (прибл. точка Д), цей факт стимулював Б. В. Фармаковського пошукати її продовження у східньому від неї напрямку (лінія ДЕ). Розкопами р. 1905³⁴ встановлено дійсно наявність міцної стіни, що йшла північним краєм трикутника АДЕ пляну (лінія ДЕ). Стіна ця приблизно однакової будівельної техніки з баштою р. 1904 з колосальних вапнякових плит на глині, поставили її Римляне, скориставшись з старих будівельних матеріалів, між іншим з розібраної частини геленістичної стіни, тоді ж, коли й башту, тобто при Северах, як це можна бачити зі змісту культурних ям, що понад ними стала стіна. Ями ці переховуючи в собі рештки матеріальної культури від римської доби аж до архаїчної, перемішаними поміж собою, свідчать нам про те, що життя тут не припинялося, і кожний культурний період будувався на тому самому рівні, цілком знищуючи або асимілюючи з собою попередній період. На південь від стіни поміж іншими рештками римського будівництва виявилися солідні фундаменти, врізані у материк, якоїсь великої будівлі. З огляду на те, що якраз тут знайшлося досить епіграфічних решток, зв'язаних своїм змістом з храмом Аполлона Простата—Заступника, Б. В. Фармаковський гадав, що відкриті фундаменти могли належали до підвальних споруджень цього храму римських часів. Дослідження дальшого 1906 р. (і потім р. 1924) в цій місцевості дали ще великі вапнякові плити, блок велетенської дорійської півколони, йонійської анти, рештки «субструкцій» з глини та поцелу, запевнюючи, що тут в північно-західній частині цитаделі Римляне в кінці II-го—III-го сторіччя дійсно були збудували величезний храм на місці храму геленських часів.

Роботи р. 1906 продовжували розкриття римської стіни далі на схід (лінія ДЕ), а також досліджували культурні рештки на північ та на південь від неї, що так само, як і район стіни з баштою понад Заячою Балкою, розподіляються поміж чотирма періодами. В 1-му горішньому шарі знайшлися, між іншими, відомі кістяні платівки з рельєфною оздобою—знаменитий пам'ятник партянського мистецтва, у 2-му русіні приміщення з дерев'яною підлогою і рештками розмальованого тинку (2—3 стор. хр. ери). Простежувалася також далі брукована плитками, певне, головна вулиця римської цитаделі, що йшла від воріт у західній частині стіни ДЕ у південно-східньому напрямку. Три траншеї, прорізані цього року на захід від «Зевового кургана» й близько на захід від сараю, де переховується тепер інструментарій для розкопів, констатували наявність незначних рештків геленістичних періодів і склепінного поховання римської доби, тобто місцевість на захід від сараю входила до складу території міста догетської Ольбії і залишалася поза межами його у римську добу³⁵.

Р. 1907 приніс важливі матеріали для з'ясування північної межі міста і напрямку геленістичної міської стіни. Розкопи переводилися біля південного боку Північної Балки (ВС) приблизно проти ву-

³⁴ На некрополі р. 1904 відкрито геленістичний курган з гребінним нахиленим склепінням, що вкривав своїми крисами ще 36 поховань; р. 1905 на весні в зв'язку з риттям Мусін-Пушкіним канави-межі відкрито 45 поховань, улітку ще 66—від 6-го стор. до хр. ери до перших сторіч хр. ери, з них 32 ґрунтових, 4 підбойних, 9 склепінних з доручення Б. В. Фармаковського, під доглядом М. Мішеніна.

³⁵ На некрополі р. 1906 розкрито 106 поховань з 6 стор. до хр. е. по перші сторіччя хр. ери, переважають поховання V—III стор. до хр. ери.

лиці, що виходить з с. Парутина, наприкінці якої зараз стоїть ідальня археологічної експедиції. Вони виявили насамперед чотири горішніх культурних шарів. 1-й шар (друга пол. 1-го стор. до х. ери) та 2-й (перша половина 1-го стор. хр. ери) мають нам мізерне животіння Ольбії у перші сто років після гетського погрому — місто, здається, все було в руїнах, нова форма його ще не визначилась, а зруйновані будівлі перестроювалися хаотично, між іншим і по таких місцях, що потім повинні були залишитися поза межами зменшеного терену міста відродженої Ольбії. Починаючи з 2-го сторіччя, коли життя міста набуває певної форми, тут на місці цих мізерних будівель вже ховають — це порожнє місце; 3-й шар (II—I стор. до х. ери) становлять рештки солідніших будинків на субструкціях певне околичного кварталу догетської Ольбії, те ж саме, певне, становлять рештки 4-го шару (пол. 3-го стор. до хр. ери) на материку. Розкопи трохи далі на північ від згаданих ділянок показали довгу смугу велетенських субструкцій до 5 метрів завширшки, це були субструкції тої самої геленістичної стіни, відкритої вперше понад Заячою Балкою р. 1904. Тут же знайдено, спеціально оброблені рустами або гладко, розкидані плити від облямівки. Спостерігаючи взаємовідносини технічної обробки окремих плит, Б. В. Фармаковському пощастило прийти до думки, що стіна тут збочувала, утворюючи охоронну башту для міської брами. При східному фасаді башти, тобто поза містом, (в 1-й полов. 3-го сторіччя до хр. ери), знайшло собі місце поховання з кам'яним склепінням³⁶, збудованим коли башта вже стояла. Трохи на південь від геленістичної стіни розкрита величезна канава до 6 м. завглибшки. Здається, це було спорудження охоронного характеру раніших часів, засипаних тоді, коли воно стало непотрібним, тобто коли були збудовані кам'яні стіни на субструкціях. Інвентар засипу цієї канави вказує на часи від половини 4-го сторіччя до половини 3-го сторіччя, як на термін засипання канави, а поруч з цим і на приблизний термін, коли будувалися міські стіни³⁷. Розкопи дальшого 1908-го року, продовжуючись далі на схід по лінії геленістичних стін, що понад Північну Балку, розгорнули цілком картину головної північної брами Ольбії з її складними охоронними спорудженнями. Брама була фланкована двома баштами й мала двоє дверей, перед воротами знадвору була велика площа. Площа уся охоронялася ще двома баштами (піргідіями). Біля східної башти, здається, був ще один вхід у місто. Структура брами з баштами нагадує такі ж спорудження Мілету і Мантінеї приблизно того ж часу. Площа перед брамою й головний шлях були виbrukовані кам'яними тесаними плитками, напрямом цієї магістралі залишився той самий, що був в часи існування канави, та залишився і тепер. Від міських будинків стіни відділялися вулицею

³⁶ В одному з цих поховань, що перерізують культурні шари, з склепінням знайшлась монета Валеріана Старшого (253 р. хр. ери), мабуть найпізніша, відома нам, певна дата існування Ольбії. Зникнення античної Ольбії, як такої, наприкінці 3-го стор. відповідає і теоретичним міркуванням, відома знахідка візантійської монети Юстіна II (565—578) певне цілком випадкова, Готам антична Ольбія, як торговельний пункт, потрібна не була. 248-й рік хр. ери, на який вказує латинський напис з Ольбії на здоров'я імператора Пипіпа-Араба (JOSPEI² № 167) можна вважати найпізнішою цілком певною датою хронології Ольбії.

³⁷ На некрополі р. 1907 розкрито могилу—курган 1-ої половини 3-го сторіччя, кілька поховань під його крисами VI—IV стор. до хр. ери і два поховання геленістичної доби на захід від Заячої Балки.

3,50 м. завширшки. Розкриті тут культурні шари (4) цілком відповідають тим, що були відкриті минулого року, тільки ті шари (1 й 2) після гетських часів, що вкривають собою головну вулицю геленістичної доби, природньо, лежать тут низько, далеко ближче до материка, ніж по інших точках цього району. Місцевість з колишньою брамою та баштами дуже підлегла для грабіжницького розтягання каміння й, коли б не наявність субструкцій та тонка аналіза дослідника, що використав усі можливості злиденного матеріалу, цей важливий факт життя Ольбії залишився б нам невідомим. На жаль підчас імперіалістичної та громадянської війни зникли й ті незначні рештки, що їх розкрито р. 1907. і місце це не дає тепер ніяких натяків на те, що було тут колись. А тимчасом з будівництвом цих геленістичних стін розвивається, здається, максимальний добробут Ольбії, перед цими стінами й брамою мусів зупинитися ватажок Олександра Македонського Зопіріон (р. 331 до хр. ери), як про це трафаретно для аналогічних криз геленських міст-полісів розказує з чийхсь слів, певне, від Ефора через Помпея-Трога римський письменник пізніх часів Макробій³⁸. Захистили свою волю Ольбійці від тяжкої руки Оле-

³⁸ Сам Макробій (біля 400-го р. хр. ери) природньо дати походу Зопіріона не дає, вона його не цікавить: *Saturnalia* I, 11, 33 *Borysthenitae obpugnante Zopyrione servis liberatis data que civitate peregrinis et factis tabulis novis hostem sustinere potuerunt*» хронологічні дати можна вивести з матеріалу, що подають про Зопіріона історики Юстин (3 стор. хр. ери) та Курдій Руф (1 стор. хр. ери),—перший дає натяки на 331 р. до хр., другий на 326. В останні часи акад. С. О. Жебелев І. І. подає нові домисли на користь дати Юстина, він же звертає увагу на статтю Лекривена з *Daremborg-Saglio, Dictionnaire des antiquités*, VI, 13 який показує, що в римському праві «*tabulae novae*» можуть зазначати тільки нові «списки винуватих», а не «нові списки громадян», як хотілося розуміти цей вираз Б. В. Фармаковському, «Сообщения», т. 1, 198 далі: нема також жадних даних гадати, що «*tabulae novae*» чийсь невдалий переклад іншого виразу, що стояв в грецькому оригіналі. Але й при єдиному можливому значенні «*tabulae novae*» — «нові списки винуватих» думка Б. В. Фармаковського, здається, залишається ймовірною—поширення громадянства на чужинців, ослаблення кредиторів й т. інше це все заходи проти заможних, пануючих елементів, що в той час ще якраз могли залишатися атеніфільськими після періоду впливу Атен. Яскравий приклад засобів, що вживали грецькі міста під час критичних для їх незалежності моментів, напр., облоги, дає нам напис з Ефесу (біля 85 до хр. ери *Dittenberger — Hiller v. Gärtringen Sylloge*³ № 472 *εὐγεγραμμένους... ἀπὸ λογιστῶν... πάλιν εἶναι ἐντιμους καὶ ἡκιστοὺς αἰτῶντας κατὰ αὐτῶν ἐκγραφεὶς καὶ ὀφειλόμενα* (читай: *εὐγεγραμμένους... та «εὐγεγραφεὶς»...* — засоби цілком тотожні. Відомості про похід Зопіріона аналізує Латишев І. І. сс. 61 — 66.

Наші відомості про соціальний лад і розвиток державного устрою Ольбії надзвичайно плянні та відривчасті. Ольбійці, мабуть, принесли перші організаційні форми свого життя з Мілету. На жаль ми дуже мало знаємо про структуру Мілетського поліса так в часи заснування Ольбії, як і потім (порівн. матеріал, поданий Bilabel'em І. І. сс. 118—134; невідомо мені, які підсумки зробив в цьому напрямку А. Glynn Durham «*History of Miletos*», London. 1915, що базує свою працю на злобутках великих розкопів в Мілеті Німців під керуванням Th. Wiegand'a, розкішно виданих Управл. Берлінських Музеїв—«*Milet - Ausgrabungen*». В часи заснування Ольбії (пол. 7-го — початок 6-го стор. до хр. ери?) аристократична республіка в Мілеті на деякий час руйнується тиранією. Можливість існування в Ольбії в ранішу добу її існування тиранії припускає також Rostovtzev, І. І. В усякому разі в часи Геродота, а ще більше в 4-му сторіччі і пізніш, Ольбійці у відомих нам джерелах говорять про свою республіку в атенізованих термінах, звичайних для геленського демократичного ладу. Найвищий юридично орган в Ольбії—народне зібрання—*ἐκκλησία*, що стоїть під більшим або меншим впливом ради (*βουλή*), що складається, певне, з впливових заможніших елементів громадянства і функціонує через свій спеціальний орган—комісію синедрів (*συνεδροι*), термін цей тільки іншого змісту є, між іншим, в Мілетській конституції. Виконуючу владу мали різні магістрати, звичайно, колегіального типу—п'ять архонтів, шість стратегів, фінансова колегія дев'яти, ще

ксандра, що мав на меті заступити для Ольбії місце занепалих Атен, не тільки стінами, але й внутрішньою так би мовити революцією. «Нові списки» Макробія, що мусили спричинити ослаблення заможних кредиторів-визискувачів, на думку Фармаковського, зазначають знищення в Ольбії старих організуючих атенофільських заможних елементів громадянства. Однак в перемозі Ольбійців далеко не останню роль відіграли й скитські сили, і похід Зопіріона, можливо, був етапом суперництва македонської влади й Скитів.

Новою точкою терену городища, дослідженою цього (1908) року³⁹, була площа коло підосви горбка, що стоїть майже в центрі плато

менш відома колегія семи, що здається, відала храмові скарби; п'ять агораномів. Крім цих звичайних для республіки магістратів ще згадується довічна посада даря (βασιλεύς) з виключно сакральними функціями, за ім'ям якого спочатку, як і по деяких інших геленських республіках, велася місцева хронологія (потім за ім'ям першого архонта), надзвичайна посада найвищого скарбника, що її посідає відомий Протоген, не зовсім ясна посада мілетського походження — ἐπιρῆνιος — місячника, певне, посада короткого терміну тривання з фінансовими функціями; напис на честь Агатохла, знайдений р. 1924, певне дозволяє додати до Ольбійської магістратури ще посаду скарбника (ταμίης), текст напису див.: Sergius Dłozewski, Agathocles... evocatus honoatur, Supplementum epigraph. graecum, vol. III, Leyden, 1928 № 584. Майже уся ця термінологія захищається й для римських часів Ольбії. Правда, під трафаретною оболонкою цих термінів важко примітити, як розвиток життя змінював їх конкретний зміст. Ольбійська республіка має за увесь час існування аристократичні риси: відсутність жеребування, належність ініціативи внесення справ до народного зібрання магістратам, припустимість повторного посідання виборних посад, звязаність цих посад з великими матеріальними видатками, приступними тільки для багатіїв. Здається фактична влада в Ольбії завжди була в руках кількох родин щасливих комерсантів вкупі з найзаможнішими місцевими землевласниками, а тому знаменитий декрет на пошану Протогена розкриває справжню картину олігархічного ладу Ольбії принаймні для цих часів занепаду, що починається, — неймовірно багатства однинь і глибоку злиденність решти громадської маси. Ми не знаємо також, як конкретно здійснювався той чудесний симбіоз Греків та Скитів, що дав такі гарні наслідки для розвитку культури. Найясніший, здається, той факт, що Ольбія сплачувала завжди скитським державним організаціям певний викуп-податок, що в гарні для неї часи не був тяжким. В Ольбії нема метеків, це показує, що особливий стан цієї колонії дозволяв їй ліберальніше ставитися до абияких чужинців, що бажали мати зв'язки з Ольбією. Ольбія з легкістю інкорпорує місцеві певне заможні комерційні й землевласницькі елементи скитські, тракійські (про іранські—скитські та сарматські прізвиська в Ольбії див. M. Vasmer, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven I, «Iranier in Südrussland», Leipzig, 1923, стор. 11—12, особливо 29—57, спеціально про тракійські ймення Ольбійських громадян говорить G. Mateescu, Nomi traci nel territorio scito-sarmatico, Ephemeris Dacoromana—annal. d. scuola romana di Roma, т. II, 1924, Roma, стор. 223—227). Симбіоз Ольбійців зі Скитами набув, очевидно, якоїсь нової, більш примусової, форми з часів Скілура (кін. 3-го стор. до хр. ери), коли б'ють Ольбійську монету з прізвиськом цього даря (пор. Орешников, О монетах скифских царей с именем города Ольвии—Записки И. Русского Арх. Общества, т. IV, стор. 14—24, 1890, й дій самий стан, перерваний, певне, Мітрідатом, поновлюється ще раз в 1-му стор. хр. ери (монети Фарзоя та Інісмет). Римляни починають цікавитися північним побережжям Чорного моря ще за часів боротьби їх з Мітрідатом, накладаючи поступово на цю місцевість свою руку—за Антоніна Пія (138—161 хр. ери) в Ольбії навіть стоїть частина римського легіону, а з Септимія Севера Ольбія прилучається до складу римської провінції Низової Мізії на правах stipendiarii (stipendiarii), зберігаючи природно свій аристократично-олігархічний унутрішній лад; Римляни у своїй політиці спиралися на римофільські заможні елементи Ольбійської громади (φιλορωμαί, φιλοστράτηγοι й т. ін.). Про можливість наявності в Ольбії Євреїв та єврейського молитовного дому (προσέχη) порівн. Р. Эрлих, Ольвийская надпись JOSPEI² 176, надрук. у «Доклады Академии Наук СССР», 1928, № 6, сс. 124—27.

³⁹ На некрополі р. 1908 розкрито 25 поховань геленістичної доби, поміж ними три з кам'яним склепінням.

поміж т. зв. 1-ою та 2-ою поперечними балками; перша відділяє його від цитаделі, друга від північної частини городища. Розкопи показали, що життя тут не припинялося від йонійської доби до найпізніших римських періодів, а 2-а поперечна балка була північною межею околиці римського міста, околиці, що виходила за межі цитаделі, знаходячись під її прикриттям. Життя цього місця уміщається у шість культурних нашарувань—два горішні римські з рештками пітосів і цем'янки, 3-й і 4-й хронологічно дуже близькі—геленістичні з рештками будівель на субструкціях та цистерною, 6-й шар відзначається цікавою, вирізаною у материк у ямою одночасною з рештками будівлі на материк у. Яма з трупопаленням в межах міста, здається найархаїчніша форма поховання, досі була нам добре відома лише з о. Березаня.

Дослідженням в р.р. 1902—1908 розв'язана була начорно перша частина загального плану—проблема меж міської території, таким чином Б. В. Фармаковський був спроможний приступити до спеціальної детальної розробки порівнюючи великої й судильної ділянки цієї території. Такою він обрав, я хотів би прозвати, «Ольбійський Поділ»—«низовий город»—прибережну частину міста понад Богом біля гаданої геленської пристані. Загальний намір розкопів цих років ішов понад берегом з півня на північ, земля викидалася вагонетками у Бог, утворюючи тепер міцну греблю, що захищає розкопані ділянки від води. Вивчення Ольбійського Подолу зайняло рр. 1909—1914, розкривши цілі квартали геленістичного міста з вулицями й водостоками. Досліджений в рр. 1909—1914 терен формується тим, що Ольбійське плато, яке в південній частині кручею обривається понад Богом, тут, на схід від 1-ої та 2-ої поперечних балок, відступає від води—тепер похило через осип льосу та накопичення культурних рештків, за античних часів круто, утворюючи затишний куток на долині, що з усіх боків, крім східного, де тече Бог, захищався високими краями плато. Прибережний куток цей зв'язувався з горішніми частинами міста лише нагірною дорогою, що йшла похилістю у одному місці плато. В найдавніші часи ця прибережна смуга була приблизно рівною, а не похилою догори, на захід, як тепер, та ширшою ніж зараз, підмиваючися зі східного боку щорічно Богом; тому край її поступово звальюється у Бог. Так, здається, завалилася пристань та її охоронні спорудження, що ніби й тепер намічаються у воді. Тут античне життя повинно було тривати невинно з моменту з'явлення йонійців, а, певне, ще й до них. Але ж розкопи показали, що життя найдавніших періодів—йонійського, архаїчного й класичного переходило майже на одному рівні, трохи вищому від рівня Богу, й, таким чином, класичний (V—IV стор. до хр. ери) культурний шар (тут він прозивається 8-м) знищив те, що було перед ним аж до незначних керамічних рештків, випадково замішаних до класичного шару. Класичний культурний період будувався тут, як і попередні тепер зниклі, безпосередньо на самому прибережному піску. Класичний шар зберігся теж мало, репрезентований все ж таки решткою гарної стінної кладки з тесаних кам'яних брусків. Майже на одному рівні з ним 7-й й 6-й шари, останній з рештками неправильних субструкцій й басейном, що ним довгий час користувалося й пізніше життя, підмуровуючи догори його боки. Витягування каміння у турецьких та в пізніших часах, що від нього так постраждала ольбійська старовина, практикувалося й тут, але розкопи доводять, що грабіжницькі ями не сягають глибше

4-го культурного шару (найранішого римського). Найкраще розгорнулися квартали геленістичного (тут прозивається 5-м) шару (2-е стор. по 1-у пол. 1-го стор. до хр. ери), що мусів загинути від гетського погрому. Тут знайдено рештки двох геленістичних будівель, подібних до тої, що відрита була біля «Зевсового кургану» тільки трохи пізнішого (делоського) типу кінця 2-го сторіччя до хр. ери. Одна з них, що більш на південь, складається з брукованого кам'яними плитками двору з портиками з усіх чотирьох боків, що мають по чотири й по п'ять колонок, навколо двору купчасті житлові й службові приміщення. Посеред двору стоїть жертовник⁴⁰ з рештками приладдя для триніжка, можливо, — вівтар Аполлонові⁴¹ — головному мілетському богові; біля критих сіней кімната, де

⁴⁰ Подібність плану цієї будівлі до плану пританейону геленістичних часів в йонійському ж місті Прієні доводила Б. В. Ф-ого до думки ототожнити цю будівлю з пританейоном, так би мовити, — будинком Виконавчого Комітету Ольбії. Епіграфічні джерела частенько згадують про будівлі громадського значіння в Ольбії — приміщення для Ради, храм Аполлона, храм Зевса, спеціальне місце для народного зібрання, гімнасіум і т. інш. На жаль досі не вдалося ототожнити ніяких археологічних решток з такими вказівками написів. Найпевніше стояла справа з рештками гаданого храму Аполлона Простата, але й на місці цього храму після написів, зв'язаних з Аполлоном, р. 1924 знайшовся тут саме напис (на честь Агатохла-евоката), що говорить не про храм Аполлона, а про храм Зевса. Є вказівки і про театр в Ольбії (напр. JOSPE, 12 № 26), але поки що ніяких решток його не знайдено. В Ольбії є ще недосліджених два-три місця, де завдяки властивостям поверхні міг би бути влучно споруджений театральний амфітеатр. Коли по дослідженні цих точок тут не виявляється рештки театру, доведеться припустити, що в Ольбії театру з міцними кам'яними спорудженнями зовсім не було (порівн. Б. Варнеке, Театры в греч. колониях Сев. Побережья Черного моря. — «Извест. Тавр. Общества Истор., Арх. Этнограф.», т. I (58), 1927, с. 28. Симферополь. Ного ж, Из культурной жизни греческих колоний в Черном море. Там же, т. II сс. 136—41. 1928.

⁴¹ Істоту своєї системи релігійних уявлень Ольбійці принесли разом з календарем з метрополії — Мілету, — принаймні майже усі культи, відомі для Мілету, можуть бути з певною ймовірністю констатовані й для Ольбії (пор. матеріал, поданий для Мілету Vilabel'єм I, I. сс. 80—97), а саме: Аполлона, Зевса, Гермеса, Діоніса, Асклепія, (Посейдона), Деметри, Артеміді, Гекати (свято — *τριάχτια*) Атени, (Афродіти); цікаво також, що дикли богів Мілетський і Ольбійський покривають один одного навіть в деяких спеціальних деталях, напр., культ кабірів в Мілеті та Ольбії так само, як і культ Ахіла Понтарха. Певне були в Мілеті й відомі для Ольбії культи Кібелі, Діоскурів, Геракла, який потім, можливо, в наслідок політичних причин зникає (Тихи) (Геліуса). Але інкорпоруючи до свого громадянства певні фракійські, іранські, а може й ще які місцеві елементи, Ольбійці, здається, прищепили собі і деякі місцеві культи, амальгамувавши їх геленською оболонкою. В напрямку виявлення цих місцевих елементів в культі Ольбійців й розвиваються сучасні наукові інтереси. Так, певне, з часом головніший в Ольбії та районі її впливу культ, зв'язаний з архонтами й спеціальними святкуваннями — агонами, Ахіла Понтарха, що витиснув культ Посейдона, вкриває собою культ примітивного, варварського божества (докладно про культ Ахіла Понтарха — И. Толстой, Остров Белый и Таврика, Петрогр. 1918; з рецензією на нього Ростовцева в «Изв. Арх. Ком.», вип. 65, 1918, сс. 177—197 і порівн. також міркування А. Соболевського, Русско-скифские этюды «Изв. отд. русск. языка и словесности Росс. Акад. Наук», т. т. 26-й и 27-й; про релігію Ольбійців взагалі див. трохи перестарілу розвідку G. Hirt, Ольвийские культи, переклад з англ. Н. В. Латипова в «Извест. И. Арх. Ком.», вип. 27, 1908, сс. 75—144; ще M. P. P. s, I, I, сс. 475—479. При малоазійсько-іранські риси популярного в Ольбії культу Кібелі говорить розвідка М. Ростовцева, La culte de la grande deesse et les amazones en Russie, «Revue des etudes grecques» 1921 р. ювілейне число, мені неприступна, суть її розказана в Rostovtzev'a, I, I, сс. 33—34. Місцевим богом є і т. зв. Борістен, образ голови якого з іранськими рисами частенько трапляється на ольвійських монетах з кінця 4-го сторіччя. Римляне приносять з собою нову екзотику — культи Сараніса, Ізиди, що згадуються в напису (JOSPE 12 № 184) разом з Гігією — богинею здо-

знайдено, як чимало разів у Ольбії, теракотову статуетку Кібели, кімната, долівку якої оздоблено бруком з круглячків, розташованих за певним визерунком, обрамлених тинком малинового кольору. Будівля ця, що має сліди перерібки, виходила на вулицю, бруковану плитками на підсипці з черепків та товченої жорстви, з укритим плитками ж водостоком. Р. 1911-го у тому ж шарі трохи далі на північ відкриті були рештки також геленістичної будівлі з двором і житловими та службовими приміщеннями, але без жертовника. Не всі частини будівлі стояли на одному рівні, а тому долішні деякий час сполучалися з горішніми сходами. 4-й шар належить до початкової римської доби, дуже поруйнований будівництвом 3-го шару. 3-й шар, крім рештків приватних будівель, переховував в собі ще напис, зв'язаний з часами Олександра Севера, і стосується до 2-го—3-го стор. хр. ери. Два горішні (2 та 1-й), що становлять, може, один культурний шар тільки на трохи різних рівнях, при самій сучасній поверхні, повинні належати до найпізніших часів існування античної Ольбії, тобто до 3-го, може ще й до початку 4-го стор. хр. ери.

Роком 1914 на довгий час закінчуються розкопи на городищі,—р. 1915⁴² через брак робочої сили в зв'язку з мобілізацією можна було переводити лише невеличкі розкопи на некрополі.

Імперіялістична й громадянська війна припинили на дев'ять років роботу Б. В. Фармаковського в Ольбії. З р. 1918 терен Ольбії залишається без догляду, серед селян йдуть чутки, що «археологія вже не повернеться», й це сприяє тому, що знову поновлюються спроби грабіжницьких розкопів, правда, не в такому великому масштабі, як р. 1899; в цей же час гине, напр., знайдена селянами й перепалена на вапну мармурова постань лева атенської роботи IV—III стор. до хр. ери; р. 1920 в Ольбії трапляються випадкові розкопи, переведені випадковою людиною, на долинні безпосередньо на північ від розкопів Б. В. Фармаковського рр. 1909—1914 і по різних точках некрополя. Триваючи лише одно літо, вони не встигли зіпсувати переведену тут роботу, але наслідки цих розкопів залишаються для науки мертвими. Р. 1923 Ольбія перетворюється в державний український Заповідник, вживаються реальні заходи для його охорони, і цим підготовлюються сприятливі умови для поновлення систематичного дослідження Ольбії заходами Б. В. Фармаковського р. 1924.

Археологічні дослідження в Ольбії за після революційні часи відзначаються тим, що 1) вони поступово переходять виключно у відання Нар.

ров'я й Посейдоном. Розшуканий р. 1927 в с. Парутині votivний напис пізнеримських часів згадує разом з Діонісом і Семелу—«Διονύσιον (так!) καὶ Σεμῆλιν»... Два рази говорять нам Ольбійські документи (напис 4-го стор. до х. е. і графіто на кілікові приблизно тої ж доби) про «добраго духа» (ἀγαθὸς δαίμων)—своєрідне божество геленської релігії первісно хтонічного значіння, відоме й по інших місцях Геллади (див. Б. В. Фармаковський, сс. 137—38 в «Изв. И. Арх. Ком.» вып. 42, 1911); віійскові Тракійці, що стояли у Ольбії, молилися, між іншим, «тракійському кінникові» (про «тракійського кінника» див. Ростовцев, Святилище фракийських богів и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре—«Изв. И. Арх. Ком.», вып. 40, 1911, сс. 17—18).

⁴² На некрополі в рр. 1909—10 розкрито 107 поховань, з них архаїчних і класичних 62, геленістичних 27, римської доби—1, нез'ясованої доби—17; роками 1913—1915 розкрито 190 поховань переважно архаїчної та класичної доби (6—5 стор. до хр. ери), а також ділком пограбований великий курган з цікавим кам'яним склепінням, т. зв. «Половцової». Р. 1909 на західньому схилі в південній частині Заячої балки намітилися рештки невеличкого хутірка, зайнятого вже за геленістичної доби некрополем.

Комісаріату Освіти України і щороку збільшується участь в них українських учених сил, 2) зміцнюється принцип колективізації роботи—р. 1928-го брали участь в експедиції до сорока наукових співробітників УСРР й РСФРР, 3) вживаються спеціальні технічні засоби для збереження розроблених дільниць.

1924 р. Б. В. Фармаковський з запрошення Укрнауки утворив невеличку експедицію, що мала на меті закруглити роботу довійськових часів. На городищі розкриті були дві точки—на схід від римської стіни (лінія ДЕ) з рештками римських будівель, що стояли на материку, зруйнувавши таким чином усі раніші культурні рештки, і на південь від стіни на місці гаданого храму Аполона Простата; на некрополі закінчено дільницю, розпочатку р. 1915, де обслідувано 14 поховань від середини 6-го сторіччя до римської доби. Тоді ж переведено додаткові обміри, потрібні для складання генерального плану території Заповідника городища й некрополя), на жаль, начисто неготового ще й досі.

1925 р. знаменував початок виконання нової частини загального плану дослідження Ольбії. Роботою в рр. 1902—1908 була з'ясована конфігурація геленістичних стін кінця 4-го—початку 3-го сторіччя до хр. ери. Залишалося відкритим питання, де ж раніші стіни, жадних рештків яких не констатовано під геленістичними мурами, дежкі на тязи ж на існування стін давнішої Ольбії—архаїчної доби дають нам відомі місця з Геродота (IV, 78—79). Відкриття архаїчних стін Ольбії привело б, природно, і до відкриття найдавнішої частини Ольбійського міста, Ольбії йонійської та архаїчної доби на ольбійському плато. Логічні міркування доводили, що шукати «Геродотівських стін» треба в південному напрямку від Північної Балки (лінії ВС). Під таким поглядом р. 1925 розроблена була маленька дільниця (312 кв. м.) в садибі колишньої Сигнальної Станції—північно-східній куток ольбійського плато до р. 1924, як сказано вище, неприступний для археологічних досліджень. Висновки вийшли ось які: територія міста Ольбії йонійської, та класичної доби не сягала поза південну межу садиби Сигнальної Станції, тобто не йшла поза дорогу з Парутина біля Станції до Богу. Оселі, рештки яких знайдено на терені садиби (1-й шар), належать до геленістичної доби і виникли тут певне лише за наявності міського муру геленістичної доби. Глибший—другий культурний шар належить до найранішого періоду геленістичної доби—кінець 4-го—3-є сторіччя, горішній—перший шар до пізнішої геленістичної доби аж до гетського погрому (II стор.—пол. 1-го стор. до хр. е.). Геленістичні культурні шари криють собою некропіль, що був тут, починаючи, певне, з давніших часів до середини 4-го сторіччя, поки ще не було тут ні стін, ні разом з ними будівель. В римську добу терен цей був далеко поза межами міста. Таким чином проблема архаїчних стін розв'язана була в цьому році негативно, й треба було продовжувати розшуки далі в південному напрямку. Некропіль цього року через брак коштів нерозроблювався.

Ювілейний 1926 р.—тридцятирічної роботи Б. В. Фармаковського в Ольбії відзначився підвищенням асигнуванням на розкопи, з ухвали Укрнауки, що дало можливість підняти розміри роботи майже до довійськових часів. Розшуки «геродотівських» стін цього року продовжувались у північній частині території городища, але значно далі на південь від розкопів р. 1925, в районі, близькому до

Ольбія

27

«Зевсового кургану»—у західно-північному напрямку від нього і на захід поблизу сторожки заповідника та сараю з інвентарем. Обидві досліджені точки показали відсутність тут «геродотівської» стіни і привели до висновку, що для них залишається місце лише на лінії садиби сучасної фотографічної лабораторії, або зовсім ближче до «Зевсового кургану»; не

Загальний вигляд головної ділянки розкопів р.р. 1926—1928.

виключається також можливість, що в часи Геродота й раніш Ольбія не мала зовсім кам'яних стін, а земляні й дерев'яні спорудження для охорони своєї території. Не принісши нових даних щодо архаїчних стін Ольбії, розкопи цього року ствердили, що досліджена територія переходить в собі, порівнюючи з попередніми дослідженнями в Ольбії, яскравіше виявлені йонійський, архаїчний і класичний періоди існування Ольбії, і що досі дуже мало відома й дуже важлива для історії культури картина найдавнішої античної Ольбії може розгорнутися якраз отут. Ділянки, що в західно-північному напрямку від «Зевсового кургану» дали виразно виявлені три шари—два геленістичного періоду й один класичного періоду з гарними рештками облямівки з тесаних вапнякових плит, від четвертого архаїчного шару, де на тонкому насипу, а де й на материк, залишилися незначні рештки. Ділянки ці розкрили нам щодо долішнього шару рештки або того району давнього міста, який прилягав до «Геродотівських стін», якщо вони були, або коли ці стіни йшли на південь від цього місця рештки околиці-передмістя, що вже виходили поза межі міської стіни

(προαστείου). Якраз долішні шари: йонійський, архаїчний і класичний вперше досить гарно розкрилися на великій ділянці, розкопаній на захід від «Зевсового кургану»; крім цього виявилось, що ділянка ця становить західний бік міського кварталу, який прилягає до широкої вулиці міста, певне до магістралі, що йде з півночі, можливо від північної брами, на південь, перекреснюючися майже під прямим кутом з другою вулицею—зі сходу на захід. Магістраль ця існує на цьому місці з архаїчного—4-го за Б. В. Фармаковським періоду Ольбії і є гарним показником античного міського упорядкування, першими фахівцями в якому були Мілетці⁴³.

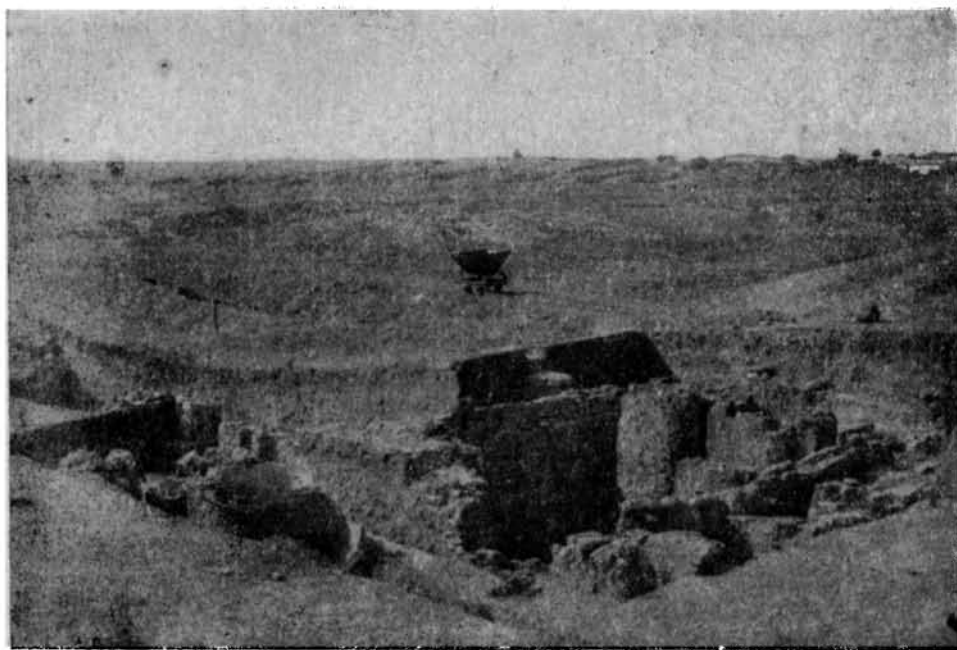
Розчистка полігональної стінки біля «Зевсового кургану», відкритої р. 1903, що належить до йонійського періоду, з одинадцятьма рядками вальків, можливо, субструкційного характеру, виявила рештки ще одної стінки, на яку теж переходять вальки, архаїчного періоду.

На некрополі досліджено 10 поховань при північно-західній межі некрополю переважно класичної та ранньо-геленістичної доби, серед них найцікавіше—місце трупопалення з 90 амфорами навкруги (5—4 стор. до хр. ери).

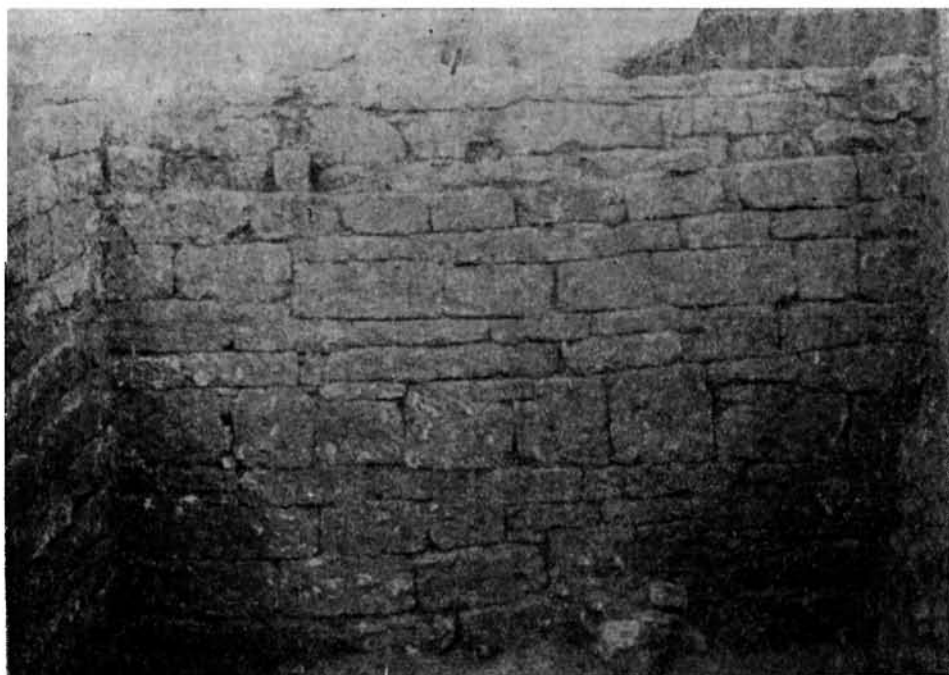
Б. В. Фармаковському довелося бути останній раз в Ольбії літом р. 1926. Розкопи дальших років (1927 р.—хворість Фармаковського і 1928 р. смерть його) провадилися під керівництвом Наукової Ради, головою якої був автор цієї статті. Плян роботи р. 1927 і принаймні п'яти дальших років підказувався наслідками, здобутими в попередньому році. Було ясно, що терен на захід від Зевсового кургану біля сараю з інвентарем повинен би був зберігати в собі найдавніші культурні шари Ольбії, представлені до недавнього часу по інших ділянках її лише дуже фрагментарно. Він дає блискучу перспективу при продовженні далеко на схід до Зевсового кургану ув'язати увесь величезний архітектурний комплекс, що відкриється, з рештками найдавнішої архітектури—полігональною стінкою, з'ясувавши таким чином її справжню роль в історії будівництва Ольбії. Крім цього на підставі розкопів р. 1926 виходило, що життя тут не йшло так інтенсивно, як, скажемо, на поверхні цитаделі, й таким чином складалися сприятливі умови для того, щоб зберігалася послідовність культурних шарів. Нарешті розкриття великої вулиці що гарно збереглася, при наших дуже фрагментарних відомостях з царини давньогрецького «урбанізму»—міського планування та добровпорядкування висуває також довгу низку цікавих питань.

Розкопи р. 1927 взяли східний квартал, що прилягає до головної вулиці з тротуарами, у тлі якого покладені кругляки—такий засіб мостити вулиці у давній Греції спостерігається перший раз. Ділянка ця теж дає деякі натяки на п'ять культурних шарів, встановлених Б. В. Фармаковським р. 1926, від йонійського до пізньогеленістичного-передгетського, але ясно репрезентований у ньому ранньо-геленістичний, до якого належать решки фундаментів великої будівлі, збудованих на високих субструкціях, з багатьма приміщеннями господарчого значіння, в одному з них залишаються ще досі три латаних пітоса (величезні глиняні діжки), середній поміж ними містив в собі цілу вагонетку землі. Ця ранньо-геленістична будівля використала, як для підвального приміщення зі сходами, матеріал будинку класичного періоду—кам'яні бруски, деякі з них русто-

⁴³ Про геленське міське будівництво нові відомості див. E. Fabricius, Städtebau der Griechen. Pauly—Wissowa RE. 1982—2016, 1929, там же бібліографія проблеми.

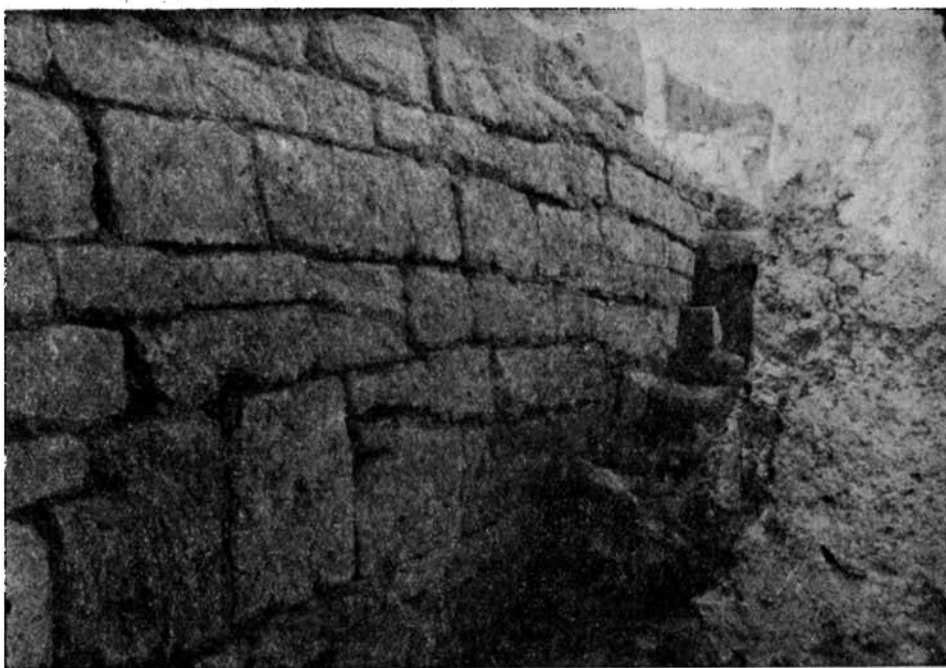
Розкопи Ольбії р. 1927. Загальний вигляд розкопів.

Розкопи Ольбії р. 1927. Рештки стін підвального приміщення геленістичного будинку.
Три горішніх рядки каміння—рештки фундаменту самого будинку.

Вигляд підвального приміщення, відкритого р. 1927, для якого частково використана була стінка ранішої доби.

Рештки стіни перебудованої за класичної й геленістичної доби з прибудованими до неї геленістичними сходами розкопів р. 1927.

вані, а частково у долині не тільки матеріал, а й рештки самої стіни, що була збудована у класичний або навіть у архаїчний період. Ранньо-геленістичний шар лежав майже під самою сучасною поверхнею, тому рештки пізньогеленістичного шару — останнього, здається, періоду античного будівництва на цій площі майже зовсім знищено. До п'ятого—йонійського шару можна було віднести лише кілька фрагментів кераміки та одну досить непевну кладку фундаменту.

На некрополі цього року, по обслідуванні недовіршеної частини ділянки р. 1926 перейшли розроблювати зовсім нову ділянку на захід від Заячої балки, дуже близько від неї, — на розі схрещення двох доріг — до Заячої та до Широкої балки. Місцевість ця на горбку, близько до міста геленського й римського часу, певне біля дороги, що мусіла була йти з античного міста на захід, повинна була бути улюбленим місцем для заможних поховань. Розкопи ствердили цю думку, розкрито було 14 поховань, з них переважають склепінні земляні поховання дуже глибокі, з дромосами, заможні, в свій час добре відомі, а тому й більш або менш пограбовані особливо щодо валютних цінностей, все ж такі знайдено декілька й золотих речей; склепінні поховання перерізують або сусідують з мілкішими колодяжними похованнями — всі вони належать або до геленістичної або до римської доби. Серед досліджених точок була одна — певне жертвна яма (βέδρον).

Розкопи р. 1928 продовжували розкриття ділянки р. 1927 у різних напрямках⁴⁴, виявляючи поступово вигляд східного кварталу головної вулиці, а також обидва боки її самої.

Загальний вигляд з півночі частини розкопів р. 1927—1928 біля повітки з інвентарем експедиції.

⁴⁴ Звідомлення про розкопи рр. 1927—28 готується до друку. Стаття ця ілюструється кількома фотознімками рр. 1927—29, як ще досі не публікованими.

Роботами цього року ще більше розкрилася величезна будівля ранньо-геленістичної доби покищо з кількома коморами й підвалом з кам'яними сходами та зерновим льохом-ямою. Рештки цієї будівлі цікаво відрізняються від відкритих раніш тим, що вони не знищують цілком долішніх старіших культурних шарів. Так, дуже гарно видно й тепер, як стіна підвалу геленістичної будівлі у своїй долішній частині становить стінку якогось чотирикутного приміщення

Рештки архаїчної стіни, перебудованої за класичної й геленістичної доби, розкопів р.р. 1927—28.

архаїчного (4-го) періоду. Багато також уваги вділено на детальне вивчення унікального значіння вулиці, що обслуговувала кілька культурних періодів й, здається, можливо, кілька разів перебудовувалася різними засобами. На некрополі продовжувалося вивчення тої ж самої ділянки, що й р. 1927, розкрито 21 поховання—переважно з земляними склепіннями та дромосами так само або геленістичної або римської доби. Крім цього р. 1928 на території городища розроблювалася ще зовсім нова ділянка у двох точках садиби кол. Сигнальної Станції на схід від башти. Перша точка, ближча до башти, вражає глибиною залягання своїх культурних шарів,—рівень материка йде тут на глибині 8,24—8,34 метра. Після тонких горішніх певне двох геленістичних шарів йдуть грубі шари попелу з вугіллям, трамбованої глини та безпосередньо понад материком залягає дуже грубий шар з череп'ям виключно товстостін-

Ольбія

33

ного посуду типу гостродонних амфор. Робити остаточні висновки ще зовсім передчасно до розкриття ширшої площі, у всякому разі надзвичайно глибоке залягання материка в цьому місці притягає особливу увагу щодо дальшого розроблення цієї ділянки. Кілька десятків метрів на схід від цієї ділянки одночасно з нею розкопувалася теж зовсім нова ділянка на території садиби кол. Станції на північно-східньому її розі трохи відступаючи від сучасного краю Північної балки. Розпочаті роботи доводять,

Загальний вигляд геленістичної будівлі у садибі кол. Сигнальної станції розкопів р. 1928.

що за архаїчного періоду принаймні до пол. 5-го стор. до хр. ери тут був некропіль, геленістичний період застав тут або сам зробив велике нівелювання ґрунту із значною виїмкою землі і глибоким зниженням природнього рівня материка. На цьому глибоко зниженому рівні й будується тут геленістичне місто. 1928 р. розпочали відкривати дуже гарно збережений квартал геленістичного міста кількох будівельних періодів,—виявлено кілька камер великої геленістичної будівлі, з огляду на супровідні знахідки, можливо, храму. Квартал цей має тенденції продовжуватися далі на схід. Таким чином, розкопи цього року вказують на надзвичайну насиченість культурними рештками терену садиби кол. Сигнальної Станції, яких не надібали розкопи р. 1925.

Експедиція р. 1929, що працювала під тим самим керівництвом та по тих самих ділянках території городища, що й два останніх роки, про-

„Полуднева Україна“—3.

Загальний вигляд геленістичної будівлі на території садиби кол. Сигнальної станції, розкопи р. 1928.

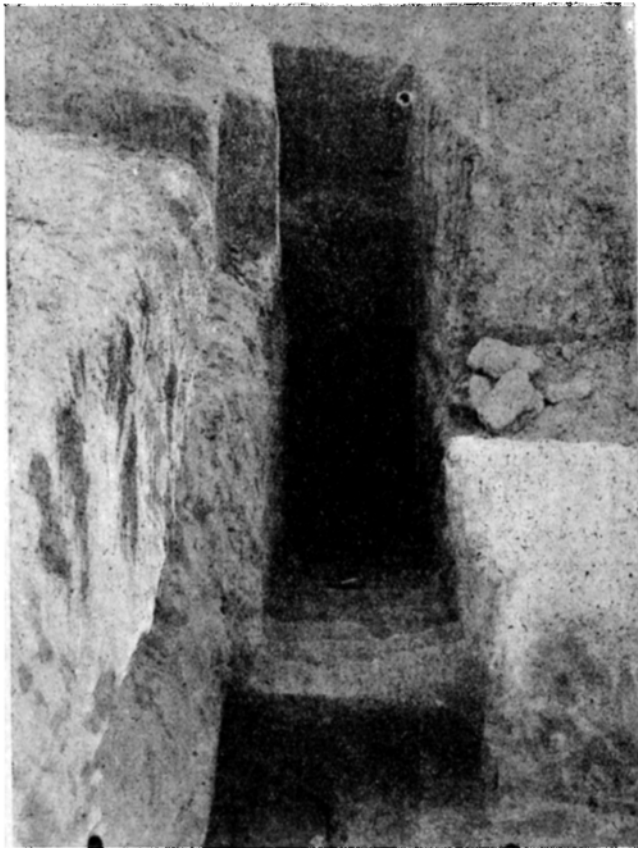
Частина Західного тротуару одної з головних вулиць Ольбії розкопів р. 1928.

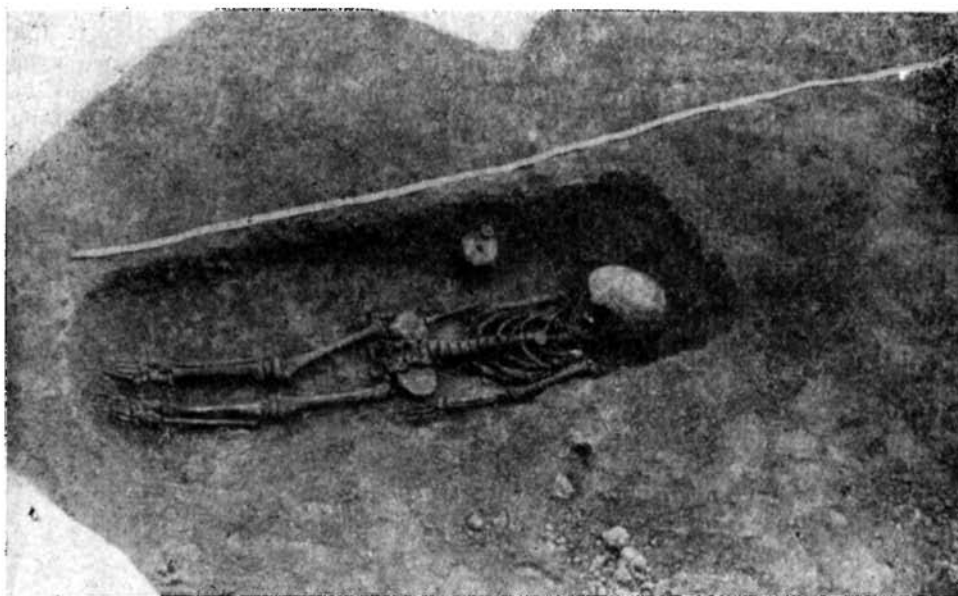
довжувала складне розроблення східного та західного кварталів і спеціальне дослідження прошарків мостовиння головної вулиці. Цього року зробилося цілком ясним, що головний будівельний масив східного кварталу ранньогеленістичного періоду врізається у рештки раніших двох періодів клясичного та архаїчного, частково знищуючи їх, частково використовуючи безпосередньо, або як будівельний матеріал. Цього року розкопано ще одно чудової збереженості підвальне приміщення цього же великого будинку. На західному кварталі, де рештки фундаментів цього року не дали такої систематичної картини, як на східному, виявився надзвичайно цікавий комплекс горнів—ливарницька майстерня—сторінка з так нам маловідомого індустріального життя геленістичної Ольбії. Біля печей, що гарно збереглися—рештки шлаку та грудки плавленої бронзи. Продовження дослідження вулиці дало можливість встановити кілька послідовних шарів вимосток з амфорного череп'я.

Геленістичний квартал у садибі Сигнальної Станції у північно-східньому куті Ольбійського плато, що прорізав некропіль раніших періодів, у одній точці виявив цього року свою межу, виходячи на вузьку бруковану плитками вулицю. Здобуті тут знахідки все більш направляють думку до того, що тут був геленістичний храм, від якого залишилися господарчі спорудження—льохи, комори. У римські часи тут вже міста не було й поверх захованих у землю геленістичних руїн йшла відкрита тепер околична дорога, можливо, гостинець, що спускалася до Богу.

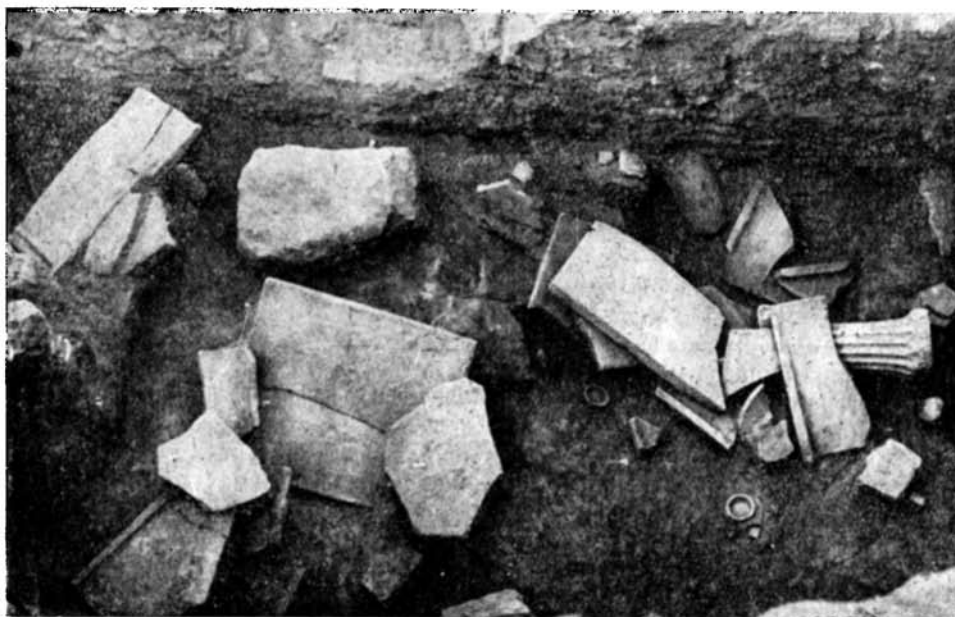
Найближчим завданням розкопів Ольбії є дальша розробка терену, розпочатого р. 1926 головним чином на схід аж до т. зв. «Зевсового кургану», що повинен виявити найдавніший культурний шар життя Ольбії, все ж таки й досі нам мало відомий, і разом з тим з'ясувати архітекто-

Вхід (дромос) до ховальної камери зі склепінням геленістичного поховання розкопів р. 1928.

Дитяче поховання, 5-го сторіччя до Хр. ери в районі садиби коз. Сигнальної станції розкопів р. 1928.

Вигляд одної камери гелепістичної будівлі на території садиби коз. Сигнальної станції розкопів р. 1928.

нічну ролю «полігональної» стіни — одної з кінцевих точок розроблення цієї великої дільниці. Разом з цим, певне, кинеться й яскравіший промінь на ще не остаточно ясну проблему заснування й найбільшого розквіту Ольбії. Як можна бачити з цього короткого огляду, Ольбію великими площинами, що єдині тільки й можуть давати підвалини для більш менш твердих висновків, копано ще мало. Розкопи ведуться ноступовим темпом, що й забезпечує пильність дослідження⁴⁵, й залишається ще величезне та надзвичайної відповідальності поле для наукової роботи українських археологів.

⁴⁵ Рямці моєї статті не дозволяють систематично зупинитися на окремих об'єктах великого й малого мистецтва, що тисячами рідко в цілому вигляді, часо-густо в менш або більш фрагментованому, щороку здобуваються в Ольбії розкопами. Свого власного місцевого напрямку в мистецтві, так само як і в царині науки й літератури (див. А. Кацевалов, Деякі дані про науку і літературу в грецьких колоніях півн. побережжя Чорного моря. «Східний світ», № 5, сс. 192—202, 1928. Харків), Ольбійці утворити не спромоглися, ба й не в тому полягало завдання їх перебування на північних берегах Чорного моря. Зміна економічно-політичних впливів на Ольбію точно відповідає зміні впливів на велике й мале мистецтво Ольбії — іонійський вплив метрополії замінюється згодом на атенський; політичний занепад Атен робить в Ольбії повітря вільнішим, й ми знаходимо в той час в Ольбії речі, що яскраво нам свідчать про жваві зв'язки Ольбії з різними культурними центрами геленського світу, особливо ж з Олександрією та Пергамом. Проте ж в Ольбії знайдено чимало шедеврів античного мистецтва, що оздоблюють музеї: Ермітаж, Одеський Історично-Археологічний, Миколаївський Історично-Археологічний, де з р. 1925 концентруються матеріали розкопів після революційних часів, Московський Музей Мистецтв і деякі Музеї великих центрів Західної Європи, і були темою окремих публікацій. Найважливіші знахідки під час розкопів описувалися Б. В. Фармаковським щороку у відповідних «Отчетах И. Арх. Ком.» та «Известиях Арх. К.». Крім цього він же та інші археологи окремим цікавими знахідкам (керамічним, скульптурним, ювелірним та інш.) присвячували спеціальні розвідки, напр. Б. В. Фармаковського, Обломки рельефа глиняной чаши из Ольвии. «Изв. И. Арх. Ком.», вып. 3, 1902. Ольвийская реплика Афины - Девы Фидия. «Изв. И. Арх. Ком.», вып. 14, 1905. Ольвийские древности из коллекции Романченко. «Изв. И. А. Ком.», вып. 42, 1911. Две мраморные стелы из Ольвии. «Изв. И. Арх. Ком.», вып. 58, 1915. Архаический курок из Ольвии. «Сообщ. Гос. Ак. Истор. Матер. Культуры», т. I, Ленингр. 1926. Мраморная головка Диониса из Ольвии, там же, і ін.

Частенькі знахідки в Ольбії ливарницьких форм, особливо для оздоб т. зв. «тваринного стилю», є свідками того, що місцеві ольбійські золотарі були спроможні задовольнити й замовлення скитського смаку. Про шляхи розвитку «тваринного стилю» див. капітальну працю Б. В. Фармаковського, Архаический период в России — Памятники греческого архаического и древне-восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря... «Материалы по археологии России», Петгр. 1914, вып. 34, з додатком тепер думок Г. Боровки, сконцентрованих останньо в його творі «Scythian Art», London Ben Brothers, 1927. Ініціатива ленінградського Інституту Археологічної Технології замовити на керамічному заводі декоративні амфориски з зразків взятої р. 1926 по кількох точках Ольбійської сучасної глини дада певні, нажаль, досі неопубліковані наслідки — гарний міцний посуд густо червоного кольору. Інакше оцінював ольбійську глину Е. Ф. Штерн — див. Archäolog. Anzeiger, 1900, с. 151. Але ж мати свої власні фабрики черепиці та ганчарного посуду взагалі Ольбії не довелося, — вона не спромоглася витримати конкуренції щодо великих амфор з Родосом, а також у меншій мірі з Тазосом, Синопою, Гераклеєю, Херсонесом та Кнідосом. Черепицю для будівель Ольбії, як і усе Північне побережжя Чорного моря, одержувала виключно з Синопи, див. про це усе дуже докладний твір Б. Гракова, Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов Москва, 1929. В сучасний мент у с. Парутині ганчарство також не прищиплюється.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ V — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IV вв. до н. э.

Современные сведения о социально-политической истории Ольвийского полиса второй половины V — первой половины IV вв. до н. э., на наш взгляд, характеризуются *крайней схематичностью и противоречивостью* в интерпретации событий и к настоящему времени наиболее полно представлены концепцией, предложенной Ю.Г. Виноградовым (Виноградов, 1989, С. 120—121). В соответствии с нею, Ольвия в V в. до н. э. находилась под скифским протекторатом и управлялась тиранами, в том числе греческими; *на рубеже V—IV вв. до н. э. тирания была ликвидирована* и в полисе установилась демократия. Также, на базе нумизматических аналогий В.А. Анохиным (Анохин, 1989, С. 33) выдвинута гипотеза о реставрации олигархического режима в Ольвии в середине IV в. до н. э. Безусловно, «при существующих ныне источниках нельзя проследить, какие государственные изменения происходили каждые пять-десять-пятнадцать лет» (Крыжицкий и др., 1999, С. 358), и сведения об истории Ольвии в указанный период однозначно нуждаются в дальнейшем пополнении, как новыми гипотезами, так и новыми фактами.

Поскольку в работе одного из соавторов на основе *генеалогии и просопографии элитных родов Ольвии* моделированы некоторые новые данные о социально-политической истории полиса в IV—I вв. до н. э. (Николаев, 2008), целью данной статьи является интерпретация *отдельных эпизодов социально-политической истории Ольвии* начиная с середины V до н. э. по первую половину IV в. до н. э. на базе указанных материалов по генеалогии и просопографии элитных родов.

Предполагается, что около середины V в. до н. э. и несколько ранее, Ольвия находилась под контролем сыновей скифского царя Ариапифа — сводных братьев Скила, Орика (Ариха), Октамасада (вернее его наместника Эминака). Очередность контроля над Ольвией Орика и Эминака является предметом дискуссии (Болтрик, 2001, С. 32), также проблематична и сама гипотеза Ю.Г. Виноградова о скифском протекторате над Ольвией (Крыжицкий, 2001, С. 21—35; Крыжицкий, 2007, С. 18—23).

В соответствии с условной реконструкцией Ю.Г. Виноградова, около 440—430 гг. до н. э.,

«нарастающая тенденция к усилению скифского протектората в Ольвии вдруг резко обрывается... и власть снова переходит целиком в руки греческих тиранов» (Виноградов, 1989, С. 118.). Признавая, что о личности и происхождении греческого тирана *информация отсутствует*, тем не менее, на основе материалов, касающихся элитного клана *Аристократидов* (Николаев, 2008), а также синхронных событий, произошедших в Милете, возможно построение соответствующей гипотезы. Почему тиран отождествляется нами именно с представителем рода Аристократидов, подробно будет обосновано ниже. Здесь отметим несколько важных моментов. Первый — род Аристократидов *отсутствовал* в Ольвии на рубеже V—IV вв. до н. э. и в первой половине IV в. до н. э., что может быть связано с изгнанием (выселением)? тирана. Второй — клан Аристократидов *представительно* появляется в Ольвии с 344⁺² г. до н. э. (Николаев, 2008, С. 136), что *синхронно* гибели поселения Панское-1, по мнению ряда исследователей, служившего тирану *убежищем* (Шеглов, 1986, С. 166—171; Sceglov, 1987, С. 244—247). Заметим также, что вся история клана Аристократидов подтверждает его *мощнейший экономический потенциал* (Николаев, 2008, С. 136), характерный для большинства известных тиранических родов.

Наша гипотеза о происхождении тирана сводится к нескольким следующим вариантам. Тиран — выходец из знатного и могущественного рода Аристократидов, восходящего к древним ольвийским родам, либо прибывших в Ольвию мольпов в результате падения Милета в начале V в. до н. э. (Русяева, 1992, С. 195). Возможна и несколько иная версия. Известно, что около 440 г. до н. э. в результате острой борьбы при содействии Афин в Милете была установлена демократия, и противники ее были изгнаны (Крыжицкий и др., 1999, С. 360). В Ольвию в это время могла прибыть *группа изгнанников* — представителей недемократического режима (Русяева, 1994, С. 49), — среди которых были и Аристократиды. Основу для такого переселения предоставлял декрет об исополитии Милета и Ольвии, повторная фиксация которого выполнена около 326⁺²/8 г. до н. э. (Milet I. 3, № 136 = Syll³, 286; Виноградов, 1989, С. 169; Ни-

колаев, 2008, С. 209). Обратившись к эпонимному каталогу Милета (Miletos, I. 3, № 132) действительно можно обнаружить, что в 432—431 гг. до н. э. должности эпонимов исполнили Критобул и Алкмеонид Аристократовы, после чего представители этого рода никогда более не присутствуют в этом каталоге. То, что Ольвия в указанное время действительно открывала свои ворота для *сторонников недемократических режимов* (при этом находясь в сфере интересов Афин?) убедительно доказано Ю.Г. Виноградовым; факт переселения в Ольвию изгнанников из Синопы — тирана Тимесилея и его брата Теопрота — зафиксирован почетным декретом (Виноградов, 1981). Не исключено, что еще до прибытия изгнанников из Милета в Ольвии представители рода Аристократидов уже присутствовали как первопоселенцы; обладая исключительными правами, они и посодействовали переселению своих родственников. Увеличение клана за счет прибывших способствовало усилению его позиций. Таковы возможные варианты происхождения и истоков могущества Аристократидов в Ольвии. Конкретные действия, вероятно, Аристократидов по обретению тиранической власти в Ольвии также нам неизвестны¹, однако, учитывая что вся дальнейшая история этого клана подтверждает его *мощнейший экономический потенциал*, можно предположить, что *переход* единоличной власти от скифского протектора к греческому тирану был достигнут, вероятнее всего, какими-либо *экономическими* методами. Безусловно, отсутствует информация том, правил ли тиран несколько десятков лет до рубежа V—IV вв. до н. э. единолично, или тиранов за этот период было несколько.

Заметим, что возвышение союза мольпов в Ольвии (Русява, 1994, С. 194) предполагается синхронно прибытию милетских мольпов-изгнанников. Подтверждением этому является наша датировка последней третью — четвертью V в. до н. э. группы памятников ольвийских мольпов (Николаев, 2008, С. 202), на чем мы остановимся подробнее в связи с рассмотрением вопроса о взаимоотношении тирана с союзом мольпов. По утверждению П.О. Карышковского, тираны опирались на аристократические объединения, в частности, мольпов (Карышковский, 1984). Известная группа надписей ольвийских мольпов (НО, № 56, 57, 58, 59, 167) традиционно датируется серединой — третьей четвертью V в. до н. э. на основе палеографии (Карышковский, 1984; Виноградов, 1989; Русяева, 1992). Заметим, однако, что такая датировка содержит противоречивые моменты. Например, издатели каталога «Надписи Ольвии» относят указанные памятники суммар-

но к V в. до н. э., однако при описании, в частности, памятника НО, № 59 отмечают схожесть шрифта и орфографии с декретом НО, № 2, который его издатели датируют концом V в. до н. э. При описании памятника мольпов НО, № 56, Е.И. Леви (Леви, 1956, С. 106) замечает, что не оставляет сомнений принадлежность надписи к V—IV вв. до н. э. и среди эпиграфических памятников Северного Причерноморья этот памятник наиболее сходен по буквенным начертаниям с ольвийским декретом о проксении (IOSPE I², № 20) в честь Хейригена Метродорова, который, как известно, датируется началом IV в. до н. э. (Виноградов, 1989, С. 146) Приведенные примеры указывают на то, что датировка памятников ольвийских мольпов традиционными методами действительно должна относиться суммарно к V в. до н. э. По нашему мнению, которое базируется на предположении об участии в религиозном союзе мольпов представителей богатейших ольвийских родов Дионисиев (НО, № 167; НО, № 58), Пантаклов-Клеомбратов (НО, № 58), Боспорихов (НО, № 56; № 57) и Протогенов-Геросонтов-Геродоров (НО, № 59), и определяется проведенными генеалогическими расчетами, (Николаев, 2008, С. 236) перечисленные надписи датируются несколько более поздним временем: последней третью — четвертью V в. до н. э. Кроме того, один из косвенных аргументов в поздней датировке этих памятников состоит в том, что они образуют непрерывный хронологический ряд с последующими памятниками Леократидов-Евресибидадов (Николаев, 2008, С. 202), т. е. хронологическая лакуна между установкой на теменосе памятников мольпов и памятников тираноборцев (см. ниже) в действительности отсутствует.

Мы разделяем мнение А.С. Русяевой о том, что свержение тирании было инициировано высшими аристократическими кругами Ольвии (Русяева, 1992, С. 207). При этом, одним из вероятных вариантов интерпретации посвящения мольпов золотого венца Аполлону (НО, № 167), носящего неофициальный характер, и по технике исполнения находящегося на грани между лапидарными надписями и граффити (Белецкий, 1975, С. 107), может быть начавшееся ограничение прав союза мольпов со стороны тирана (Николаев, 2008, С. 202); дальнейшие события связаны с обострением ситуации и свержением тирании. Отметим важную информацию Е.И. Леви (Леви, 1985, С. 88) о том, что часть ранних посвященных надписей не оказалась погребенной при реконструкции теменоса, т. е. они *продолжали стоять на теменосе* и в эпоху эллинизма. Это является достаточно убедительным подтверждением того, что конкретные лица, бывшие мольпами, после свержения тирана — айсимнета (?) — *стали жрецами Дельфиниона*, и, следовательно, им не было смысла уничтожать свои посвященные надписи от имени

¹ Гипотезы о становлении тирании представлены П.О. Карышковским (Карышковский, 1984) и Ю.Г. Виноградовым (Виноградов, 1989, С. 113).

Рис. 1. Базы памятников ольвийских тираноборцев (?): 1 — род Леократидов-Евресибиадов; 2 — предположительно, род Дионисиев (НО, № 66); 3 — род Пантаклов-Клеомбротов (IOSPE I², № 160).

союза мольпов (Николаев, 2008, С. 202). Заметим, что предлагаемая гипотеза не противоречит мнению А.С. Русяевой о том, что мольпы служили и жрецами Дельфиниона (Русяева, 1979, С. 13). Очевидно, что союз мольпов не стал после победы демократии какой-либо тайной или малоактивной организацией (Русяева, 1992, С. 195), а был действительно ликвидирован. Именно отсутствие с начала IV в. до н. э. надписей союза мольпов подтверждает, что тираном мог быть айсимнет. Таким образом, суть событий, произошедших в Ольвии на рубеже V—IV вв. до н. э., по нашему мнению, состоит в том, что лица, бывшие при власти до переворота, устранив начавшего притеснять их лидера-тирана, остались при власти и позднее (Николаев, 2008, С. 202).

Итак, около 401⁺² г. до н. э. в Ольвии произошло, инициированное, вероятно, высшими аристократическими кругами, свержение тирании под руководством некоего выходца из знатного рода Леократидов-Евресибиадов. Сподвижником тираноборца (А. Русяева, М. Русяева, 2004, С. 79; Николаев, 2008, С. 156) является представитель рода Пантаклов-Клеомбротов, Гекатеон Гикесиев (IOSPE I², № 160), упомянутый, вероятно, в посвящении мольпов (НО, № 58). Возможно, что в числе сподвижников был и член союза мольпов, выходец из рода Дионисиев, Аполлодор, сын Дионисия, дедикант посвящения мольпов (НО, № 167); связь Дионисиев и Леократидов-Евресибиадов наблюдается на протяжении веков.

Отдельный вопрос касается восстановления имени тираноборца. Известное предположение Ю.Г. Виноградова о том, что тираноборца звали Евресибий (Виноградов, 1989, С. 147) было подвергнуто, как стало очевидным, слишком жесткой критике в работе одного из соавторов (Николаев, 2008, С. 62), где на основе генеалогических расчетов предложено такое имя тираноборца как Сириск и дата свержения тирана определена в 401⁺² г. до н. э. Вместе с тем, существует предположение (Виноградов, Крапивина, 1995, С. 75) о том, что в 392—389 гг. до н. э. ольвиополиты

еще находились под властью тирана, откуда решение вопроса об имени тираноборца однозначно переносится в разряд спорных. Однако ниже в указанной публикации авторы отмечают, что «неизвестно, также, сохранялся ли еще в Ольвии (392—389 гг. до н. э. — прим. авт.) тиранический режим, либо Евресибий совершил уже свой бескровно-славный *coup d'état*. Важно отметить, что ...ольвиополиты в данном акте стоят на первом месте как полностью суверенная община ...» (Виноградов, Крапивина, 1995, С. 76). Отсюда можно заключить, что авторы статьи не настаивают на предположении о существовании тирании в 392—389 гг. до н. э. Фактически, на основании синхронизации каталога ольвийских эпонимов IOSPE I², № 201 (Николаев, 2008, С. 62) расчетный период активной деятельности Сириска лежит в диапазоне 425⁺²—385⁺² гг. до н. э. (пик — 405⁺² г. до н. э.), а его сына Евресибия — соответственно, в 395⁺²—355⁺² гг. до н. э. (пик — 375⁺² г. до н. э.). В пользу имени Сириска указывает также то, что его сподвижником был Гекатеон Гикесиев (А. Русяева, М. Русяева, 2004, С. 79) из рода Пантаклов-Клеомбротов, период активной деятельности которого определен в диапазоне 430⁺²—390⁺² гг. до н. э. (пик — 410⁺² г. до н. э.) (Николаев, 2008, С. 156). Исследование математической модели каталога эпонимов Ольвии показывает, что предположение о начале ведения каталога, которое совпадает с годом демократического переворота (Рубан, 1982, С. 39) в 392—389 гг. до н. э., нереально, исходя из простых математических расчетов (Николаев, 2009). Также, следует отметить, что развиваемая Ю.Г. Виноградовым гипотеза о необычайной популярности в последующее время имени Евресибий, которая возникла, якобы на основе лидерства этой личности в свержении тирании (Виноградов, 1989, С. 147), не имеет достаточного обоснования (Русяева, Крапивина, 1992, С. 24—25; Николаев, 2008, С. 64—65).

Интересен факт, что такое важное историческое событие для Ольвии, как окончательная победа демократии, не нашло отражения ни в одном декрете (Крыжицкий и др., 1999, С. 360). По нашему мнению, вероятной причиной отсутствия декретов является то, что «окончательная победа демократии» представляла собою нечто вроде дворцового переворота, когда от власти был устранен тиран, но все его окружение осталось. Об этом свидетельствуют, как указано выше, посвящения мольпов, которые продолжали стоять на теменосе. События же, связанные со свержением тирании в Ольвии, вероятно, были увековечены постановкой статуй. Тираноборцу из рода Леократидов-Евресибиадов была установлена статуя, текст которой восстановлен Ю.Г. Виноградовым (Виноградов, 1989, С. 141.). Сподвижником этого тираноборца выступает Гекатеон Гикесиев из рода Пантаклов-Клеомбро-

тов (А. Русяева, М. Русяева, 2004, С. 79; Николаев, 2008, С. 156), которому также была установлена статуя (IOSPE, I², № 160) его сыном, Гикесием Гекатеоновым, посвященная Зевсу Элевтерию, в период близкий к 386⁺²—376⁺² гг. до н. э. По нашему предположению памятник по случаю свержения тирана мог быть поставлен в первой четверти IV в. до н. э. и в честь какого-то лица из клана Дионисиев²; фрагментом базы такого памятника может быть камень НО № 66. Заметна близость шрифта надписей IOSPE, I², № 160 и НО № 66, но, к сожалению, для полноценного сопоставления информации явно недостаточно; также, возможно восстановление сохранившихся букв фрагмента НО № 66 так, что три первые принадлежат финальной части патронима дедиканта (...ΙΟΥ), а четвертая и пятая буквы (ΔΙ...) являются начальным слогом имени божества Диониса, а не характерным именем представителя Дионисиев (см., например, памятник IOSPE, I², № 165), поэтому, строго говоря, предположение о принадлежности фрагмента НО № 66 к роду Дионисиев весьма возможно, но относится к разряду недоказуемых.

Обратимся к судьбе тирана. Существует предположение о том, что в начале IV в. до н. э. группа оппозиционеров, скорее всего, добровольно выехавших из Ольвии, основала, по неоднократно апробированной в греческой истории модели (Виноградов, 1990, С. 61), собственный центр власти на окраине хоры — поселение Панское-1. История исследования этого вопроса pro et contra приведена в монографии В.М. Зубаря (Зубарь, 2004, С. 21—37). Казалось бы, синхронность событий по ликвидации тираннии и началу повсеместного возрождения ольвийской хоры позволяет утверждать, что тиран мог выехать на любой другой периферийный объект. Вместе с тем, обратившись к конкретным материалам по истории знатных ольвийских родов (Николаев, 2008, С. 202) отметим, что предположение о факте изгнания (выезда?) тирана из Ольвии действительно подтверждается отсутствием в ней мощнейшего клана Аристократидов в первой половине IV в. до н. э. Очевидно, выезд этот носил достаточно цивилизованный характер и Аристократиды забрали с собою все свое состояние. По крайней мере, для строительства (?) форта Панское-1 требовались немалые средства³. Во-вторых, достаточно резкое появление

клана Аристократидов в Ольвии в 344⁺² г. до н. э. (Николаев, 2008, С. 204) синхронно прекращению «ольвийского периода» в жизни поселения Панское-1 и его гибели в пожаре. Отсюда можно полагать, что Аристократиды примерно через полвека вернулись в Ольвию, спасаясь от опасностей. Безусловно, их возврату предшествовали какие-либо контакты и соглашения с Леоократидами-Евресибиадами, которые контролировали ситуацию в Ольвии в этот период. Именно факт отсутствия клана Аристократидов в полисе в первой половине IV в. до н. э. и его появление, синхронное прекращению жизни ольвиополитов на Панском-1 и являются важнейшими аргументами, отождествляющими тирана с Аристократидами.

Переходим к интерпретации событий в Ольвии после ликвидации тираннии, в том числе, доказательству отсутствия Аристократидов в Ольвии в первой половине IV в. до н. э. Близко к 401⁺² г. до н. э. относится начало ведения эпонимного каталога (IOSPE, I², № 201) путем ежегодного назначения эпонима из числа жрецов Дельфиниона. Установлена особенность назначения на эту должность, которая была, вероятно, напрямую связана с благосостоянием того или иного родового клана — эпонимные квоты. Иерархия знатных родов Ольвии (эпонимные квоты) такова: Аристократиды — 13 лет, Пантаклы-Клеомброты, Никераты, Аристокритиды-Сократиды — 11 лет, Каллиники (?) — 9 лет, Протогены-Геросонты-Геродоры — 8 лет. Существует предположение о том, что род Дионисиев имел какую-то специальную квоту, 100 лет. Вероятно, первым эпонимом каталога (IOSPE I² № 201) является Сириск, сын такого-то.

та, поселение Панское-1 было основано сторонниками демократии, укрывшимися от власти тирана. Однако вся дальнейшая история политического развития Ольвийского полиса, как и дальнейшая судьба поселения Панское-1 не согласуются с подобным утверждением. Не вступая в дискуссию о возможной колониальной экспансии ольвиополитов в Северо-Западном Крыму, мы предполагаем, что одной из вероятных причин основания поселения Панское-1 была необходимость создания резервной базы для последующего выноса собственной колонии. Эта база была создана параллельно с процессом внутренней колонизации полиса — восстановлением т. н. «большой хоры». Необходимость создания форпоста в Крыму, вероятно, определялась укреплением молодого и амбициозного Херсонесского государства с его возможными территориальными претензиями на Северо-Западный Крым (такой сценарий действительно имел место в середине IV в. до н. э.), либо потенциальной угрозой со стороны степи. Иной вопрос состоит в том, что в результате политических перипетий в Ольвии форт Панское-1, вероятно, утратил свое изначальное предназначение и стал своеобразным «осиным гнездом» для политической оппозиции.

² Как установлено (Николаев, 2008, С. 201), около 93 % персонифицированных лапидарных памятников эллинистической Ольвии изданы Дионисиями, Леоократидами-Евресибиадами, Пантаклами-Клеомбротами, Протогенами-Геросонтами-Геродорами, Аристократидами и Никератами.

³ Вопрос об основании форта Панское-1 является дискуссионным. По мнению С.Ю. Сапрыкина (Сапрыкин, 1991, Р. 238), на основании графитто с именем Леоокра-

В первой половине IV в. до н. э. на политическом и религиозном олимпе полиса преобладает олигархический род Леократидов-Евресибиадов и, вероятно, менее значимый род Пантаклов-Клеомбров, что подтверждается следующими документами: надпись на базе статуи тираноборца (Виноградов, 1989, С. 141), посвящение башни (?) Зевсу Освободителю Евресибием Сирика (Русяева, Крапивина, 1992), посвящение Гикесия Гекатеонова за отца (IOSPE I², № 160), посвящение Зевсу Освободителю Леократом Евресибиевым (Русяева, Крапивина, 1992), посвящение Леократа Евресибиева Аполлону Врачу (НО, № 65). На основании монетных легенд предполагается исполнение эпониматов в первой половине IV в. до н. э. родами Батаков, Аристокритидов-Сократидов, Агатинов, Метродоров, Афенодоров, Дионисиев. *Обилие и преобладание* памятников Леократидов-Евресибиадов в первой половине IV в. до н. э. в Ольвии в сочетании с аргументами о демократизации общества, приведенными Ю.Г. Виноградовым (Виноградов, 1989, С. 140 и др.), а также замечанием А.С. Русяевой о том, что одного из деятелей демократического движения, Евресибия Сирика славят *не демос*, но его родня (Русяева, 1994, С. 49), является подтверждением того, что в полисе действительно установилась *олигархическая* демократия. Информация о роде Аристократидов в Ольвии в рассматриваемое время *отсутствует*. Обоснуем это утверждение фактами. Во-первых, какие-либо эпиграфические памятники Аристократидов, относящиеся к первой половине IV в. до н. э. неизвестны. По нумизматическим коллекциям 40–350 гг. до н. э. просматривается единственный тип с легендой **ΑΡΙΣΤ** (Анохин, 1989, монета № 37), который на основе характерных родовых имен теоретически можно отнести как к Аристократам, так и к Аристокритидам-Сократидам. Мы склоняемся в пользу последних; исполнение Аристокритидами-Сократидами (или Дионисиями) должности монетного магистрата подтверждают также легенды Посей(доний) или Посейдиш, расшифровывающиеся как их *характерные родовые имена* (Николаев, 2008, С. 251) и не имеющие отношения к Аристократам.

Первое упоминание о клане Аристократидов в Ольвии в IV в. до н. э. начинается с эпонимата 344⁺² г. до н. э. Аристократа Аристонова⁴, после чего этот клан *однозначно* доминирует в эпонимном каталоге IOSPE I², № 201 исполняя эпонимные должности в 344⁺², 343⁺², 333⁺², 331⁺², 315⁺², 314⁺², 311⁺², 305⁺², 293⁺², 292⁺² гг. до н. э.; вероятно, способ обретения власти Аристократами с

344⁺² г. до н. э. представляет собою покупку многолетних эпонимных квот. Выпуск первых золотых статеров полиса и лоббирование знаменитого декрета о деньгах, предположительно, также связано с Аристократами. Соответственно, первые лапидарные надписи Аристократидов появляются в Ольвии со второй половины IV в. до н. э.: декрет о деньгах Каноба Фрасидамова (IOSPE I², № 25), посвящение Дионису от жреца Фрасибула (IOSPE I², № 166), постамент статуи Аристана Аристократова (IOSPE I², № 277). Итак, сопоставляя время гибели поселения Панское-1 и представительное появление Аристократидов на политическом и религиозном олимпе Ольвии можно сделать вывод о том, что они «вернулись» (Николаев, 2008, С. 203) *Мощь* клана Аристократидов, в частности, самая большая эпонимная квота (13 лет), является еще одним аргументом в том, что именно из этого рода происходил ольвийский тиран. Бесспорно, у нас нет никаких оснований отождествлять с родом Аристократидов ольвийского тирана греческого происхождения по имени Павсаний, который, по предположению Ю.Г. Виноградова (Виноградов, 1989, С. 112), правил в первой половине V в. до н. э.

Укажем на мирный характер сосуществования мощнейших кланов в первые десятилетия после возвращения Аристократидов, поскольку Леократиды-Евресибиады по-прежнему присутствуют (эпониматы 330⁺² (?), 318⁺², 312⁺², 295⁺² гг. до н. э.) в эпонимном каталоге (IOSPE I², № 201) и выпускают весьма значительное количество лапидарных памятников (IOSPE I², № 172, НО № 71, НО № 113, НО № 168) (Николаев, 2008, С. 205). Показателен памятник лапидарной эпиграфики — надпись ольвийских стеностроителей — датируемый 329⁺² г. до н. э., (Денисова, 1984.; Николаев, 2008, С. 43), в котором указаны имена враждующих *впоследствии* кланов Аристократидов (Феокл Аристонов) и Дионисиев (Дионисий Посейдишпов), что нами интерпретируется как *временное* их сплочение перед лицом македонской угрозы.

События середины IV в. до н. э. — возвращение на политическую арену Ольвии клана Аристократидов — не прошли мимо внимания исследователей. Однако интерпретация этих событий несколько отличается от предложенной на этих страницах. Так, В.А. Анохиным на основе изменений в монетных выпусках высказано предположение, подкрепленное нумизматическими аналогиями из Самоса и Херсонеса, о *реставрации* олигархического строя в Ольвии около 350 г. до н. э. (Анохин, 1989, С. 33); эта идея, в общем, поддержана в исследовании А.С. Русяевой (Русяева, 1994, С. 45), но без каких-либо новых материалов, подтверждающих олигархический переворот. При этом, надо отметить, что ссылка

⁴ Учитывая *незыблемую* традицию (Николаев, 2008, С. 32) называть внука именем деда, можно предположить, что ольвийский тиран, проживая на два поколения ранее эпонима 344⁺² г. до н. э. Аристократа Аристонова, носил *такое же имя*.

В.А. Анохина на известную яму (которых сейчас известно уже несколько), где были погребены убиенные, в том числе камнями, не является реальным обоснованием реставрации олигархического режима около 350 г. до н. э. Если по гипотезе В.А. Анохина допустить приход к власти олигархов путем конфликта, связанного с казнями, то мы наблюдали бы исчезновение какого-либо клана из каталога (IOSPE I², № 201) в рассматриваемое время. Представляются более надежными нумизматические наблюдения В.А. Анохина. Однако события середины IV в. до н. э. в Ольвии должны интерпретироваться не как *реставрация* олигархического режима, но как приход к власти, наряду с Леократидами-Евресибиадами, еще одного олигархического клана — Аристократидами, которые, вероятно, взяли под свой контроль монетное дело, что и проявилось в изменении типов монет. Можно предположить, что Аристократидами в 344⁺² г. до н. э. было достигнуто какое-то экономическое соглашение с Леократидами-Евресибиадами. Возвращение Аристократидов в Ольвию является отправной точкой в развитии внутриполисного конфликта знатных родов (Николаев, 2008, С. 204). Вместе с тем, новое звучание приобретает идея В.А. Анохина о том, что Зопирион начал свой поход на Ольвию именно из-за *политических* причин (Анохин, 1989, С. 33); по крайней мере, формальным *поводом* для начала такого похода могла послужить, вероятно, широко распространившаяся информация о том, что в Ольвию *вернулись* сторонники тирании.

Рассмотрим некоторые «слабые места», имеющиеся в предложенной нами реконструкции. Во-первых, если достаточно убедительно доказан факт отсутствия Аристократидов в Ольвии в первой половине века и их появление в 344⁺² г. до н. э., *синхронное* гибели поселения Панское-1, то факт их *присутствия* в Ольвии во второй половине V в. до н. э. только *косвенно* вытекает из приведенных ольвийских материалов и каталога милетских мольпов (см. выше). В рассматриваемое время в Милете происходили сложные и неоднозначно трактуемые исследователями (в том числе в части хронологии) процессы, частично отраженные при исследовании союза мольпов П.О. Карышковым (Карышковский 1984, С. 46). Заметим, что изгнание сопровождалось конфискацией имущества, а, как мы знаем, Аристократиды являлись богатейшим ольвийским родом (Николаев, 2008, С. 136). Это замечание означает то, что из нескольких вероятных сценариев (см. выше) *появления* клана Аристократидов в Ольвии и *обретения* им экономического могущества, предшествующего захвату тиранической власти, мы не можем выбрать предпочтительный.

Во-вторых, не поддается однозначной интерпретации графитто Леократа из Панского-1

(Виноградов, 1989, С. 149). С этим графитто связывается вопрос о *взаимоотношениях* элитарных кланов Аристократидов и Леократидов-Евресибиадов в начале — первой половине IV в. до н. э. Неясно, были ли в составе лиц, выехавших из Ольвии при ликвидации тирании, *вместе с Аристократидами* выходцы из клана Леократидов-Евресибиадов — «отщепенцы» (по предположению одного из авторов этой статьи — И.А. Снытко), либо графитто Леократа характеризует *последние годы* существования «ольвийского» этапа этого поселения (середина IV в. до н. э.), для которого уже характерно появление *мирных контактов* между ольвиополитами и представителями политической оппозиции. (Напомним, с предполагаемого момента выезда оппозиции до гибели поселения Панское-1 прошло около 50-ти лет). В связи с этим, укажем, что находка одной ольвийской монеты 300—280 гг. до н. э. на этом памятнике (Кутайсов, 2002, С. 143), говорит только о *наличии* связей Панского-1 с Ольвией, но не о *хронологии* этих связей. Контакты с Ольвией *около середины века* подтверждаются также и находкой графитто — своеобразной выписки из ольвийского декрета НО, № 5, *terminus post quem* которого установлен издателем четвертым—третьим десятилетиями IV в. до н. э. (Виноградов, 1990, С. 59). Однако контакты с Ольвией *около середины века* и так *очевидны*, учитывая факт «возвращения» в Ольвию Аристократидов. Таким образом, графитто Леократа, является документом, который характеризует остающиеся неизвестными для нас *глубинные* отношения ольвийских олигархических кланов Аристократидов и Леократидов-Евресибиадов в начале — первой половине IV в. до н. э.

В заключение приведем некоторые соображения о просопографии рода Аристократидов. Отметим, что имя эпонима 431 г. до н. э. из милетского каталога, Критобула Аристократова, в Ольвии встречается только единожды на рубеже IV—III вв. до н. э. на весовых гирях (Krapivina, 2005, Р. 127) — агораном Критобул. Как установлено (Николаев, 2008, С. 215), в этот период Аристократиды приближались к пику своего могущества в Ольвии и исполнение должности агораном представителем Аристократидов более чем вероятно, учитывая, что родственник признаков в Ольвии являлся определяющим при назначении на какую-либо должность. Поэтому, с учетом *созвучных имен* Фрасибул (IOSPE, I², № 166) и Фрасидам (IOSPE, I², № 25; НО, № 72) список характерных имен рода Аристократидов, приведенный в монографии (Николаев, 2008, С. 250), мы предположительно дополняем именем Критобул.

Таков, по нашему мнению, наиболее реальный сценарий некоторых эпизодов социально-политической истории Ольвии от второй поло-

вины V до середины IV в. до н. э., воссозданный с учетом материалов по генеалогии и просопографии знатных ольвийских кланов. Заметим, что этот сценарий, как и сценарии наших предшественников, остается в значительной степени дискуссионным. Впереди Ольвию ждали испытания, связанные с македонской осадой, кратковременным триумфом радикальной демократии, возрождением олигархии (примерно с 224⁺² г. до н. э.) и постепенным обострением политического противостояния клана Аристократидов против Леократидов-Евресибиадов и Дионисиев (Николаев, 2008, С. 248). Это противостояние завершится около 260⁺² г. до н. э. *damnatio memoriae* памятника рода Дионисиев от Никодрома Дионисиева своему сыну (IOSPE, I², № 186), разрушением памятника работы Стратонида Аполлону Врачу от Леократа (НО, № 65), изгнанием Леократидов-Евресибиадов и Дионисиев и установлением на несколько десятилетий власти Аристократидов в Ольвии. Этой власти суждено было пройти через испытания, описываемые в декретах в честь Протогена (IOSPE, I², № 32) и Антестерия (Виноградов, 1989, С. 192; НО, № 67), в том числе голодом (НО, № 72). Правление одного из главнейших ольвийских кланов, из которого, как мы старались показать, вышел тиран, *навсегда завершилось* около 230-х гг. до н. э., после победоносного возвращения из Эгеиды экономически окрепших Дионисиев и Леократидов-Евресибиадов. Материальным свидетельством поражения Аристократидов является осквернение Дионисиями декрета в честь Антестерия, который они уложили в замоост двора собственного дома (E₁₀—E₁₄). Таким образом, на протяжении достаточно длительного отрезка ольвийской истории мы являемся свидетелями борьбы мощнейших аристократических кланов; при этом Леократиды-Евресибиады, Дионисии и, вероятно, их союзники Пантаклы-Клеомброты *дважды* низвергали Аристократидов: первый раз на рубеже V—IV вв. до н. э. и второй раз — около 230-х гг. до н. э. После этого, вплоть до гетского разгрома, ситуацию в Ольвии контролировали уже Дионисии, Леократиды-Евресибиады и породнившиеся с ними Никераты, а также Пантаклы-Клеомброты, Протогены-Геросоны-Геродоры и некоторые другие малозначимые рода (Николаев, 2008, С. 220).

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. — К., 1989. — 128 с.
- Белецкий А.А. Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950—1967 гг., хранящиеся в Киеве // Ольвия. — К., 1975. — С. 92—117.
- Болтрик Ю.В. Поиск усыпальниц Ариапифа и его сыновей // Ольвия та античний світ. — К., 2001. — С. 29—31.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I в. до н. э. — М., 1989. — 283 с.
- Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э.: проблема политического устройства // ВДИ. — 1981. — № 2. — С. 65—90.
- Виноградов Ю.Г. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1990. — С. 51—63.
- Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. — Севастополь, 1995. — С. 69—78.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. — М., 1983. — Т. 1. — С. 366—419.
- Денисова В.И. Новый эпиграфический документ из Ольвии // СА. — 1982. — № 1. — С. 95—104.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. — К., 2004. — 312 с.
- Карышковский П.О. Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. — К., 1984. — С. 42—50.
- Книпович Т.Н., Леви Е.И. Надписи Ольвии (1917—1965). — Л., 1968. — 198 с.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейтунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — К., 1999. — 681 с.
- Крыжицкий С.Д. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI—V вв. до н. э. // Античный мир и варвары на Юге России и Украины. — Москва; Киев; Запорожье, 2007. — С. 8—23.
- Крыжицкий С.Д. Ольвия і скіфи у V ст. до н. е. // Археологія. 2001. — № 2. — С. 21—35.
- Кутайсов В.А. Северо-Западный Крым в V — первой половине IV вв. до н. э. // Северное Причерноморье в античное время. — К., 2002. — С. 140—146.
- Леви Е.И. Ольвийская агора. // МИА. — 1956. — № 50. — С. 35—118.
- Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. — Л., 1985. — 152 с.
- Николаев Н.И. Политическая и культовая элита Ольвии IV — I вв. до н. э. — Николаев, 2008. — 263 с.
- Николаев М.И. Математична модель каталогу жерців-епонімів Ольвії. — Миколаїв, 2009. — у друці.
- Рубан В.В. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. — 1982. — № 39. — С. 30—40.
- Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. — К., 1979. — 172 с.
- Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992. — 253 с.
- Русяева А.С., Русяева М.В. Ольвия Понтийская. — К., 2004. — 227 с.
- Русяева А.С. Ольвійська демократія // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 44—57.
- Русяева А.С., Крапивина В.В. До історії Ольвії IV—I ст. до н. е. // Археологія. — 1992. — № 4. — С. 17—33.
- Снытко И.А. Ольвия и Херсонес. К проблеме межполисных взаимоотношений в IV — начале III вв. до н. э. — в печати.
- Щеглов А.Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. — Л., 1986. — С. 166—171.
- Krapivina V.V. Bronze Weights from Olbia // The Cauldron of Ariantas. BSS, 1. — Aarhus. — 2003. — P. 117—130.
- Saprykin S. Chersonesos Taurike: new evidence on greek siti-state in the Western Crimea // Proceeding of the first international congress on the Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. — Amsterdam, 1991. — Vol. 1. — P. 229—244.
- Scegllov A.N. Un' etablissement rural en Crimee: Panskoje-1 (Fouilles de 1969—1985) // DHA. — 1987. — № 13. — P. 239—273.

ПОЛИС БАРБАРОН В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ *

В своем описании Восточного Причерноморья Псевдо-Скилак в 180 стадиях вверх по реке Фасис помещает «*πόλις μεγάλη βάρβαρον*», откуда была Медея [Ps.-Scyl., 81]. Это единственное у него упоминание подобного варварского образования для всего Причерноморья и относится к числу очень редких упоминаний варварских городов для того же региона у ранних греческих авторов (до эллинистической эпохи).

Наиболее информативным источником по урбанистическим образованиям местных племен Причерноморья является «Анабасис» Ксенофонта. Отмечая населенные пункты, которые ему пришлось проходить на его пути из глубин Азии и находясь уже на подходах к Трапезунту, в среде племен, являющихся непосредственными соседями колхов и, очевидно, находящихся в генетическом родстве с ними, он определяет их несколькими разными способами¹. Наиболее часто встречается *κώμη*, но Ксенофонт использует также такие дефиниции, как *πόλις*, *πόλισμα*, *χωρίον*. В частности, полисом являлся город дрилов [V, 2, 27], город моссиников, включающий в себе акрополь и целую систему укреплений [V, 4, 15]. Ксенофонт дает даже имена некоторых таких полисов, как, например, столица скифинов Гимниас [Γυμνιάς — V, 7, 18] или столица моссиников Метрополис [Μητρόπολις — V, 4, 15]. Различаются между собой и сами эти полисы: мы встречаем в тексте *πολις οἰχουμένη* (богатый и плотно населенный город), *πολις μεγάλη* (большой город — вспомним Псевдо-Скилака) и *πολις οἰχουμένη χαί μεγάλη χαί εὐδαίμων* (плотно населенный, большой и богатый город) — таким является, например, Гимниас, в котором находился правитель страны (*χώρας ἀρχων*).

Πόλισμα засвидетельствована у халибов [V, 7, 17] и, вероятней всего, является укрепленным поселением². Очевидно, поселение такого же типа подразумевается и под *χωρίον*. В одном месте полис и хорион являются синонимными понятиями [V, 4, 31]. Хорионы могут существовать отдельно [V, 4, 31; V, 5, 2], но также являться частью сложной системы укреплений [V, 5, 23]. Один из хорионов страны дрилов является в то же время и ее столицей [V, 1,

3—7], внутри которой находилась цитадель [V, 1, 17]. В то же время в стране Таохов находился хорион, не являвшийся, по словам Ксенофонта, городом и в котором не было даже зданий [IV, 7, 2], т. е. являлся временным убежищем-крепостью.

Обращаясь к более ранним источникам, следует отметить сведения урартских источников, повествующих о походе Сардури II против Колхи в 750—748 и 744—742 гг.³ В них упоминаются города Колхи, «Царский город» Илдамуша, а также крепости отдельных правителей (царских наместников) страны. В данном случае мы также наблюдаем дифференцированность дефиниций, которая довольно хорошо коррелирует с картиной, которую дает нам Ксенофонт.

Сводя воедино сведения урартских источников и сообщения «Анабасиса», можно представить себе некую иерархию поселений: простые сельские поселения (*κώμη*), укрепленные населенные пункты (*πόλισμα*, *χωρίον*), города (*πόλις*) и наконец столицы (*μητρόπολις*) или «царские города».

В отношении Северного Причерноморья из ранних источников у нас имеется лишь одно сведение Геродота, а именно сообщение о полисе Гелон в области Будинов [Herod., IV, 108].

В какой мере данная картина, вырисовывающаяся из письменных источников, отражается в археологических реалиях, или же, какие именно урбанистические образования могли приниматься греками за полисы? Те области Юго-Западного Причерноморья, по которым проходил Ксенофонт, археологически не исследованы, поэтому мы не знаем, к поселениям какого именно типа относилось определение «полис».

Более информированы мы относительно поселений Колхиды. Вместе с тем, возвращаясь к сведениям Псевдо-Скилака, следует отметить, что несмотря на важность его указания на существование в Колхиде, наряду с эллинскими полисами, местного большого города, у него, к сожалению, нет никаких намеков ни на структуру этого города, ни на внешний его облик. Во многом дискуссионна и проблема его локализации.

Обычно *πόλις μεγάλη* Псевдо-Скилака отождествляют с Кутаиси или Кутайей (*Κυταίς*, *Κυταία*) более поздних сочинений⁴, а указанное

* Вариант статьи см.: Kvirkevelia G. Polis barbaron in the Black Sea area in archaic and classical periods // Pont Euxin et Polis. — Besançon. — 2005. — P. 33—40.

им расстояние от устья реки Фасис, 180 стадиев, т. е. 35 км, считают ошибкой переписчика⁵. В районе современного города Кутаиси зафиксирован целый ряд поселений VIII—V вв. до н. э. (Баноджа, Чогнари, Парнали, Годогани и т. д.)⁶, археологически, к сожалению, совершенно не изученных. В самом Кутаиси в результате археологических раскопок разных лет, в том числе и моих, были также открыты слои поселения VIII—V вв. до н. э., остатки металлургического производства⁷. В тоже время, существующие археологические данные совершенно недостаточны для того, чтобы предполагать наличие какого-либо крупного экономического или политического центра в районе Кутаиси, и эта картина существенно расходится с положением, вытекающим из указаний древнегреческих источников, начиная с эллинистической эпохи⁸ (причем сама эллинистическая эпоха в данном регионе в археологических памятниках представлена в наиболее слабом виде). Данное противоречие, возможно, когда-нибудь и будет разрешено будущими археологическими исследованиями, пока же ни один из известных нам памятников не подходит под определение *πόλις μεγάλη βαρβαρον*.

В научной литературе существуют и другие точки зрения по поводу локализации этого города. В частности М.П. Инадзе, в основном склоняясь к указанной выше точке зрения об отождествлении его с Кутайей, в тоже время считает допустимым, что Псевдо-Скилак под городом Медеи подразумевал какой-либо другой городской центр, расположенный вдоль рионской речной магистрали, причем недалеко от побережья⁹. Наконец, существует точка зрения Г. Григолия, который локализовал «большой варварский город» в урочище Намарну в междуречье Риони и Пичори, чье местоположение довольно точно совпадает с расстоянием, указанным Пс.-Скилаком¹⁰. Этот памятник был открыт еще в 1968 году, но археологические раскопки здесь были произведены позднее, в 1980—1984, 1986 и 1988 гг. С геоморфологической точки зрения это группа искусственных холмов, среди которых по своей величине выделяется центральный холм диаметром до 160 м, окруженный вокруг рвом, ширина которого колеблется от 55 до 80 м. Вокруг центрального холма расположены еще четыре возвышенности разных размеров. Вся группа, судя по результатам разведок 1968 года, также опоясана рвом шириной 4—5 м. В результате раскопок зафиксированы культурные слои, охватывающие период от начала эпохи поздней бронзы вплоть до раннеэллинистического периода. Самый верхний культурный слой относится уже к раннехристианскому времени. Для слоев античного времени характерно довольно значительное количество импортной керамики, среди которой выделяются амфоры самосского круга, фрагменты чернолаковых киликов и скифосов¹¹. Исследованные жилища представляли собой деревянные конструкции, обмазанные глиной, археологически

логически обычно представленные кучами обожженной глиняной обмазки — картина характерная для всех поселений Колхиды предантичной и античной эпох. Намарну по своей планировке, масштабам, усилиям по устройству оборонительных рвов и сравнительно большому количеству (для поселений внутренней Колхиды) импортной керамики выделяется среди обычной массы колхидских поселений, что и дало нам основание включить его (в докладе, представленном на IX Ванском симпозиуме) в число возможных центров перераспределения, через которые греки и осуществляли свои многообразные контакты (не только торговые) с местным населением¹².

Намарну не является единственным поселением подобного рода в Восточном Причерноморье. Значительным памятником является Пичорское поселение в Северо-Западной Колхиде (Гальский р-н Абхазии), занимающее площадь до 10 га. В его центре возвышается главный искусственный холм, окруженный еще 11 такими же искусственными возвышениями, расположенными двумя концентрическими крутами вокруг центрального. Каждое из подобных возвышений и вся система в целом окружена рвами. Археологическими раскопками, которые велись здесь, начиная с 1981 года, на центральном холме зафиксировано 8 культурных слоев, начиная со второй половины III тыс. до н. э. вплоть до IV—III вв. до н. э.¹³

В противоположном углу черноморского побережья Колхиды находится поселение Намчедури. Оно представляет собой обширную систему поселений общей площадью до 100 га, главенствующее положение в которой занимает холм Намчедури, расположенный на правом берегу р. Очхамури. Искусственный холм был окружен рвом и частоколом с внутренней стороны рва. На некоторых участках в частокол были встроены срубные четырехугольные в плане башни. Жизнь на этом поселении продолжалась непрерывно с середины II тыс. до н. э. до II в. н. э.¹⁴ Считается, что Намчедури в VII—VI вв. до н. э. представлял собой акрополь обширного поселения¹⁵. Можно назвать еще целый ряд других поселений, например Кулеви.

Таким образом, еще к предколониационному периоду как на побережье Колхиды, так и во внутренней ее части образовался целый ряд поселений, по своей топографии выделяющихся из остального комплекса, что, по мнению О.Д. Лордкипанидзе, указывает на определенную социальную и политико-правовую дифференциацию, изоляцию отдельных родов-гегемонов от остального общества¹⁶.

Картина становится еще более контрастной в античное время.

В VI—IV вв. до н. э. Колхида достигает пика своего развития, о чем свидетельствуют открытия в Вани и Саирхе. На основании этих данных вполне успешно были решены проблемы существования стратифицированного общества и го-

сударства в Колхиде, причем предполагается, на основании сведений Страбона [Strabo, XI, 2, 18], определенное деление страны на отдельные административные единицы¹⁷.

Наиболее информативна в этом отношении картина, археологически фиксируемая в Ванском регионе¹⁸.

Кроме самого Вани, поселения VIII—VII вв. до н. э. зафиксированы в Даблагоми, Сулори, Мтисдзири и Шуамта. Археологическая ситуация на всех перечисленных памятниках примерно одинакова: деревянные постройки, обмазанные глиной, керамика общеколхидских типов, металлические изделия. В основном те же традиции продолжают и в VI—IV вв. до н. э. На некоторых поселениях зафиксированы следы производства железа. В Мтисдзири обнаружены остатки деревянного крепостного сооружения, датируемого концом V — первой половиной IV вв. до н. э. Считается, что данный пункт служил целям осуществления контроля над коммуникациями, ведущими в Вани¹⁹.

Большой интерес представляют аристократические погребения, открытые в Даблагоми и Мтисдзири, однако тем более красноречиво выглядит разница с подобными погребениями из Вани. На фоне выявляемой перераспределительной системы с центром в Вани (особенно четко прослеживаемой на основании импортного материала), вполне определенно можно говорить об иерархии поселений и, соответственно, о некой иерархии среди региональной аристократии.

Археологическая ситуация в Саирхе во многом подтверждает приведенную картину. Здесь, также как и в Вани, открыты погребения представителей местной власти, которые в составе богатого инвентаря содержали также и предметы греческого импорта, в том числе и металлическую посуду²⁰. Знаменательно, что параллели с Ванским регионом прослеживаются и по линии иерархизированности погребений местных элит. В селе Итхвиси зафиксированы погребения представителей аристократии более низкого уровня²¹.

Таким образом, по археологическим материалам Колхиды вполне подтверждаются сведения древнегреческих авторов (а именно, Ксенофонта и Псевдо-Скилака) о существовании на этой территории городов и даже определенной иерархии между ними.

Не менее интересна и археологическая картина по Северному Причерноморью.

Археологические памятники догреческого (предскифского) периода на территории лесостепной полосы междуречья Днестра и Буга представлены открытыми поселениями, укрепленными «городищами» и погребальными комплексами (последняя стадия т. н. чернолесской культуры и переходной, жаботиновский этап)²². Городища не отличаются масштабными размерами. Как правило, они располагаются в естественно укрепленных

местах, на мысах рек. Ядро подобных поселений составляют укрепленные места до 40—100 м в диаметре, окруженные рвами, земляными насыпями и деревянными стенами. Впечатляет Чернолесское поселение до 1,5 км в диаметре, окруженное тройной линией укреплений²³, а также Суботовское городище, на котором зафиксированы следы бронзолитейного производства²⁴.

С VII в. до н. э. в лесостепной зоне происходят радикальные изменения. В бассейнах рр. Тясмин и Рось, а также в междуречье Роси и Ирпеня к VI в. до н. э. появляется целый ряд городищ. Обычно их размеры ограничиваются 16—20 га, но в долине каждой из больших рек возникает городище, значительно превосходящее остальные как по величине занимаемой территории, так и по сложности планировки²⁵. В бассейне р. Тясмин это Матронинское городище (площадь — 200 га), а в долине р. Рось — Трахтемировское (500 га). В Побужье выделяется Немировское городище (110 га). Но наиболее впечатляющее по своим масштабам городище расположено на правом берегу Днестра в бассейне р. Ворсклы. Это известное Бельское городище, занимающее огромную территорию площадью 4020,6 га. Высота земляных валов в ряде мест достигает до 7,5—9 м, а глубина рвов — 5,5 м. В этот очень мощный укрепленный комплекс входит три городища и девять отдельных жилых районов. На городище зафиксированы остатки крупного ремесленного производства. Считается, что население этого комплекса достигало 40—50 тыс. человек. Оно определяется в качестве политического, экономического и культового центра Левого Приднепровья и идентифицируется рядом ученых с тем самым городом Гелоном Геродота, о котором мы уже упоминали в самом начале²⁶.

В планировке названных городищ в целом ряде случаев выделяется акрополь. Система укреплений состоит из валов, рвов и дополнительных деревянных конструкций. На крупных городищах фиксируется также существование специальных культовых построек (Матронино, Пастырское, Трахтемирово, Бельское). Именно вокруг названных центров расположены и наиболее богатые погребения аристократического характера с богатым инвентарем, в состав которого входят и греческие изделия.

В степной зоне Причерноморья, а именно в районе Нижнего Поднепровья к концу V в. до н. э. возникает первое, хорошо укрепленное скифское городище, которое, по мнению исследователей, вскоре превращается в ремесленный, торговый и политический центр Скифии²⁷. Каменское городище занимает площадь в 12 км². Со стороны степи городище защищено валами и рвами. В его юго-восточной части находилась цитадель площадью до 30 га. Довольно существенную характеристику Каменского городища представляют остатки металлургического про-

изводства, связанные чуть ли не со всеми раскопанными строениями.

В начале V в. до н. э. возникает другое скифское городище в дельте Дона — Елизаветовское, площадью до 55 га, укрепленное мощной системой рвов и валов. На территории городища выявлено более двух десятков строительных комплексов, представленных землянками и полуземлянками²⁸. Считается, что это городище совмещало несколько функций и было: а) крупным центром оптовой торговли в дельте Дона; б) центральным поселением Подонья и Северо-Восточного Приазовья; в) административным центром того же региона, сезонной, а возможно и постоянной резиденцией племенной верхушки; г) убежищем на случай войны²⁹.

Таким образом, можно постулировать то обстоятельство, что часть поселений в среде местных племен Причерноморья греками воспринималась в качестве полисов, что, естественно, отражало не их социальные и политические особенности, а некие другие черты и особенности, выраженные, скорее всего, в их внешнем облике, а также в тех функциях, которые они выполняли в отношении подчиненной им территории. И это обстоятельство, на наш взгляд, находит убедительное подтверждение в археологических данных, приведенных выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ მიქელაძე თ. ქსენოფონტის ანაბაზისი. თბ., 1967. — С. 53—54; Микеладзе Т.К. К истории местного населения Юго-Восточного Причерноморья // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья; Цхалтубо-Вани, 1985. — Тбилиси, 1988. — С. 197—198.

² Микеладзе Т.К. Указ. соч. — С. 198.

³ Меликишвили Г.А. Урартские клинописные надписи. — М., 1960. — С. 278—282.

⁴ Подр. см.: Лордкипанидзе О.Д. К вопросу о первом упоминании г. Кутаиси в письменных источниках // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани, 1985. — Тбилиси, 1988. — С. 150—171; მ. ინაძე, სავაჭრო ურთიერთობათა ისტორიიდან ძველ კოლხეთში, კავკასიურ-აღმოსავლური კრებული, II. თბილისი, გვ. 93

⁵ Каухчишвили Т.С. Сведения греческих писателей о Грузии, 1. — Тбилиси, 1967. — С. 36 (на груз. яз.).

⁶ Лордкипанидзе О.Д. Античный мир и древняя Колхида. — Тбилиси, 1966. — С. 42—43 (на груз. яз. с рус. и англ. рез.); Гамкрелидзе Г.А. Древние поселения Центральной Колхиды. — Тбилиси, 1982. — С. 17—18 (на груз. яз. с рус. рез.).

⁷ Лордкипанидзе О.Д. Указ. соч. — С. 42—44; Berdzenishvili D., Kvirkvelia G., Lanchava O. De nouveaux materials pour l'histoire ancienne de Koutaissi, Sur les traces des Argonautes. Actes du 6^e symposium de Vani (Colchide) 22—29 Septembre 1990. — Paris, 1996. — P. 338—339.

⁸ Подр. см.: Лордкипанидзе О.Д. К вопросу о первом упоминании... — С. 150 сл.

⁹ Инадзе М.П. Греческая колонизация Восточного Причерноморья. — Тбилиси, 1982. — С. 21 (на груз. яз. с рус. и франц. резюме); Инадзе М.П. Древнеколхидское общество. — Тбилиси, 1994. — С. 59, сноска 4 (на груз. яз. с рус. и англ. рез.).

¹⁰ Григолия Г. О локализации «Большого Колхидского

города», Дзеглис Мегобари // Друзья памятников культуры. — 1973. — 33. — С. 50—58.

¹¹ Папуашвили Р., Папуашвили Н. Раннехристианские памятники на холмах Намарну, Гурия. — III. — С. 107—118 (на груз. яз. с рус. и англ. рез.).

¹² Kvirkvelia G. Greek trade with indigenous societies of the northern and eastern Black Sea areas, Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical periods: historical perspective of the Silk Road // The 9th International Symposium on the ancient history and archaeology of the Black Sea area; 20—23 September 1999, Vani. — Tbilisi, 1999. — P. 55—56.

¹³ Барамидзе М.В. Пичорское поселение // Причерноморье в VII—V вв. до н. э. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья; Вани — 1987. — Тбилиси, 1990. — С. 234—239; Baramidze M.V., Djibladze L.V. Le site de Picori: chronologie et periodization // Sur les traces des Argonautes. Actes du 6^e symposium de Vani (Colchide); 22—29 Septembre 1990. — Paris, 1996. — P. 241—345.

¹⁴ Микеладзе Т.К., Хахуаишвили Д.А. Древне-Колхидское поселение Намчедури. — Тбилиси, 1985.

¹⁵ Там же. — С. 9; Лордкипанидзе О.Д. У истоков древнегрузинской цивилизации. — Тбилиси, 2002. — С. 137 (на груз. яз.).

¹⁶ Лордкипанидзе О.Д. Указ. соч. — С. 137.

¹⁷ Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида (Миф и археология). — Тбилиси, 1979. — С. 56—59; Лордкипанидзе О.Д. У истоков древнегрузинской цивилизации... — С. 159—160; ср.: Инадзе М.П. К вопросу о скептухиях Колхидского царства // Сообщения АН Грузии. — 1961. — XXV. — 6. — С. 783—789.

¹⁸ Подр. см.: Kvirkvelia G. La region de Vani aux VIIIeme — Veme siecles // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources ecrites et archeologie. — Paris, 1990. — P. 253—256.

¹⁹ Гамкрелидзе Г.А. Древние поселения Центральной Колхиды. — Тбилиси, 1982. — С. 132—133 (на груз. яз. с рус. и англ. рез.).

²⁰ Надирадзе Дж. Саирхе. Древнейший город Грузии. — Тбилиси, 1990.

²¹ Гаюшидзе Ю. Итхвисское погребение // Вестник Государственного Музея Грузии. — 1968. — XXV. — В. — С. 31—46.

²² Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). — К., 1975. — С. 56—72; Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1977. — С. 204—205.

²³ Мелюкова А.И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 24.

²⁴ Павленко Ю.В. Раннеклассовое общество. Генезис и пути развития. — К., 1989. — С. 219.

²⁵ Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. — Москва, 1967. — Вып. В1—4. — С. 9 сл.; Петренко В.Г. Локальные группы скифообразной культуры в лесостепи Восточной Европы // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 68—69.

²⁶ Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1983.

²⁷ Граков Б.Н. Каменское городище на Нижнем Днепре // МИА. — 1954. — № 36.

²⁸ Брашинский И.Б., Марченко К.К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. — 1978. — № 2. — С. 204—220; Брашинский И.Б., Марченко К.К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. — 1980. — № 1. — С. 211—218.

²⁹ Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С. 61.

БЫЛА ЛИ ХЕРСОНЕССКО-ОЛЬВИЙСКАЯ ВОЙНА В СЕРЕДИНЕ IV в. до н. э.?

В изучении античных северо-причерноморских древностей во второй половине XX столетия едва ли не главным достижением является тот прогресс, который достигнут в изучении аграрной истории региона. Для Херсонесского государства это направление в исследованиях выразилось в разностороннем изучении его т. н. «ближней» хоры на Гераклеяском полуострове и дальней хоры в Северо-Западной Таврике. Исследование памятников херсонесской хоры находится сейчас в таком состоянии, что от археологического изучения отдельных памятников есть возможность перейти к комплексному изучению процесса организации хоры. Такие исследования включают и выяснения межполисных проблем, возникавших в древности, и путей ликвидации различного рода конфликтов.

Необходимо подчеркнуть, что, говоря об организации херсонесской хоры, мы исходим из того, что в каком бы регионе Крыма эти действия не разворачивались, они всегда носили общегосударственный характер. Создание мощной аграрной структуры затрагивало коренные интересы полиса, являлось основой его экономического процветания и благосостояния его граждан. Не случайно основные события не только экономической, но и политической жизни Херсонесского государства в классическое и раннеэллинистическое время разворачивались в основном на херсонесской хоре или были с ней связаны. На наш взгляд, именно по этой причине государство осуществляло строгий контроль за всем тем, что происходило на херсонесской хоре, начиная с самых первых шагов в ее организации.

В изучении процесса внедрения херсонесситов в западные области Крыма наряду с явным прогрессом пока еще много неясного. Вероятно, для установления херсонесского владычества в этом регионе Крыма применялся весь комплекс необходимых методов — от дипломатических акций до открытых военных действий. Мы не склонны безоговорочно принимать факт существования какой-то «неизвестной войны» между Херсонесом и Ольвией около середины IV века до н. э. за обладание всей территории Северо-Западного Крыма (Scegllov, 1982, Р. 244—247). В первой половине IV в. до н. э. херсонесситы,

очевидно, не только мирятся с существованием здесь ольвийских поселений, но и (судя по ольвийской проксении, дарованной херсонесситу, сыну Пирралиона) активно осуществляют через них торгово-обменные операции (Золотарев, 1991, С. 30—31). Однако позднее, в результате утраты ольвийского влияния, поселение Панское-1 (первоначально ольвийское) было захвачено херсонесситами (Scegllov, 1987, Р. 246). Специально подчеркнем, что среди многочисленных эллинских памятников этого региона, «ольвийский» горизонт прослежен пока только на поселении Панское-1. Нет сомнения в том, что ольвийский форт¹ после военного разгрома и пожара становится херсонесским поселением. Но с какими событиями следует связывать этот слой пожара? А.Н. Щеглов и Ю.Г. Виноградов видят в пожаре результат военного столкновения Ольвии и Херсонеса за господство в Северо-Западной Таврике (Vinogradov, 1997, S. 484—492). Между тем весь комплекс источников не позволяет столь определенно говорить об охлаждении ольвийско-херсонесских отношений (и тем более военном столкновении) ни в предшествующее, ни в последующее время (Золотарев, 1989, С. 30—31; Буйских, 1997, С. 18—19; Кутайсов, 2001, С. 77—80).

Мы предлагаем несколько иную реконструкцию событий, развернувшихся около середины IV века до н. э. вокруг поселения Панское-1, в результате которых Ольвию сменяет здесь Херсонес.

По мнению некоторых исследователей, основанном на резком увеличении в этот период погребений в степной части Крыма, скифское население этого региона в первой половине IV века до н. э. увеличилось в пять—шесть раз (Ольховский, Храпунов, 1990, С. 51). Среди многочисленных исследованных погребений известны не только могилы рядовых скифов, но и богатые погребения скифской знати (Манцевич, 1957, С. 155—158). Здесь, вероятно, располагался

¹ Справедливости ради отметим, что В.А. Кутайсов предлагает связывать появление поселения Панское-1 в его первоначально «ионийском» облике с деятельностью Керкинитиды, не приводя, правда, для этого сколько-нибудь веских аргументов (Кутайсов, 2001, С. 77—80).

один из т. н. «царских курганов» (Чаяновский) (Shcheglov, Katz, 1991, P. 97—122). В первой половине IV века до н. э. этот район Причерноморской степи включается в зону активных скифских кочевий. Произошедший в степной Таврике «демографический взрыв» не мог не сказаться на характере греко-варварских отношений в этом регионе. Активизировав свою политику в Степном Крыму, скифы сталкиваются с противодействием их экспансионистским намерениям со стороны эллинов. На этой почве разгорается вооруженный конфликт между стремящимися укрепиться в крымской степи скифами и противостоящим им греческим земледельческим населением. В результате греко-варварского военного конфликта в Степном Крыму, четырехбашенный ольвийский форт был сожжен скифами и после разгрома оставлен ольвиополитами. Воспользовавшись ситуацией, херсонеситы захватили бывшие ольвийские владения и закрепились здесь. Если наша реконструкция событий, происходивших в середине IV века до н. э., на поселении Панское-1 верна, то для признания херсонесско-ольвийской войны реальным событием не остается решительно никаких аргументов.

По-иному происходило подчинение Херсонесом Керкинитиды. Около середины IV века до н. э. в Керкинитиде проводится капитальная реконструкция системы оборонительных сооружений, отвечающая всем известным тогда принципам античной полиоркеттики (Кутайсов, 1992, С. 82—83). Естественно предположить (как это делает В.А. Кутайсов), что укрепление крепостных сооружений было инспирировано вероятностью военного захвата Керкинитиды Херсонесом. Однако археологические источники не позволяют напрямую связывать стеностроительные мероприятия в Керкинитиде этого времени с военным противостоянием двух полисов. Вряд ли подчинение Керкинитиды было результатом военных действий херсонеситов или каких-либо иных сил, хорошо владеющих современной тогда передовой греческой военной техникой штурма городов с мощными крепостными системами. Здесь (в Керкинитиде) не прослеживаются разрушений оборонительных стен, не выявлены следы пожаров, штурма или осады. Но закономерен вопрос: против кого в таком случае были возведены эти мощные стены керкинитского полиса? Нам представляется, что ответ на этот вопрос следует искать в истории не эллинского населения Таврики, а во внутренних изменениях, происходивших в этот период в варварской его части. Напомним, что Керкинитиды только что освободилась от скифского протектората и, видимо, продолжала как бы «по инерции» ощущать скифское давление, хотя и не столь сильное как прежде.

Вполне вероятно, что именно для обеспечения безопасности от скифов и была возведена новая система обороны Керкинитиды. Не исключено, что на этом этапе помощь Керкинитиде оказывал Херсонес. Херсонесско-керкинитский военный союз (около середины IV в. до н. э.) наносит окончательный удар скифскому диктату над Керкинитидой (Рогов, 1999, С. 138—139). Эта значимая совместная военная победа над варварами была отмечена в Херсонесе и в Керкинитиде специальным парадным монетным выпуском с единым сюжетом оборотной стороны — сценой терзания львом быка, весьма популярной в скифском искусстве. Заимствование сцены «благого» терзания одновременно монетариями двух соседних полисов — явление исключительное. Этот уникальный сюжет, по мнению А.Н. Зографа, находит аналогии в золотых бляшках из Чертомлыка (Зограф, 1927, С. 396). Он единственный раз появляется в нумизматике городов Северного Причерноморья и никогда более не используется античными монетариями. Заимствованный для совместного монетного чекана в скифском зверином стиле весьма популярный в скифском искусстве сюжет должен был точно указывать — над кем одержана победа херсонесско-керкинитским союзом.

Равноправный союз двух соседних полисов оказался недолгим. После устранения скифской опасности и потери Ольвией контроля за частью территорий Северо-Западного Крыма, только независимая Керкинитиды мешала выполнению захватнических планов честолюбивых херсонеситов. Мы не знаем, как действовал механизм покорения Керкинитиды. Не исключено, что херсонеситы использовали здесь популярную у эллинов тактику подчинения соперника, ранее с успехом примененную против Гераклеи Понтийской афинским навархом Ламахом во времена его понтийской экспедиции (Доманский, 1974, С. 44—46). Разрушив хору керкинитского полиса и создав угрозу голода в нем, херсонеситы могли заставить граждан Керкинитиды заключить с ними неравноправный политический союз (симполитию), лишив на первых порах независимости городскую общину, а затем полностью подчинив ее херсонесскому полису. Впоследствии особая роль Керкинитиды в составе Херсонесского государства выражалась в предоставлении ей в особых случаях кратковременного права чеканки собственной монеты. С подчинением Керкинитиды Херсонес полностью завоевывает земли Северо-Западного Крыма. Завершение процесса создания мощного Херсонесского государства было ознаменовано массовой чеканкой на херсонесском монетном дворе нового специального парадного выпуска монет типа квадрига-воин (Зограф, 1951, Т. XXXV, № 10).

Итак, весь комплекс существующих сегодня источников об ольвийско-херсонесских взаимоотношениях в середине IV века до н. э. весьма красноречиво рисует нам картину и характер этих контактов. Они дают возможность моделировать ход этих процессов так, как было изложено выше. В таком случае, приняв предложенную выше реконструкцию событий, происходящих в середине IV века до н. э. в Северо-Западном Крыму, для признания херсонесско-ольвийской войны реальным событием не остается решительно никаких аргументов.

ЛИТЕРАТУРА

Буйских С.Б. К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н. э. // ХАМ. — Севастополь, 1997. — С. 16—19.
 Доманский Я.В. К предыстории Херсонеса Таврического // АМА. — Саратов, 1974. — Вып. 2. — С. 37—46.
 Зограф А.Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // РАИМК. — Л., 1927. — Вып. V. — С. 379—396.
 Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. — 1951. — Вып. 16. — 264 с.

Золотарев М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V—II вв. до н. э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье; I Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. — Одесса, 1989. — С. 30—31.
 Золотарев М.И. Міжполісні відносини в Північному Причорномор'ї в кінці V — першій половині IV ст. до н. е. Херсонес, Боспор та Ольвія // Археологія. — 1991. — № 4. — С. 28—34.
 Кутайсов В.А. Керкинитида. — Симферополь, 1992. — 192 с.
 Кутайсов В.А. Ольвия и Северо-Западный Крым // Ольвия та античний світ. — К., 2001. — С. 77—80.
 Манцевич А.П. Ритон Талалаевского кургана // История и археология древнего Крыма. — К., 1957. — С. 155—173.
 Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. — Киев; Симферополь, 1990. — 148 с.
 Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. — СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. — № 3. — С. 116—144.
 Chtcheglov A. Polis et chora: Cite et territoire dans le Pont-Euxin. — Paris, 1992. — 302 p.
 Shcheglov A.N., Katz V.I. A Fourth-Century b.c. Royal Kurgan in the Crimea // MMJ. — 1991. — № 26. — P. 97—122.
 Vinogradov Yu.G. Die Olbiopoliten in der Nordwest-Tauris // Pontische Studien. — Mainz am Rhein, 1997. — S. 484—492.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОХОД ЗОПИРИОНА

Александр Македонский проявлял на удивление постоянный интерес к Скифии¹. Когда в 336 г. он встал во главе Македонии, его первым военным предприятием был поход во Фракию на трибаллов в следующем году.² Причиной похода Арриан считал желание Александра обезопасить свой тыл от иллирийцев и трибаллов перед Восточным походом, но это маловероятно, так как в то время они обитали далеко от Македонии. Определив место обитания трибаллов, мы сможем уточнить и цель похода Александра на них. Из не очень ясных показаний Геродота и Фукидида следует, что в V в. до н. э. трибаллы располагались на Среднем Дунае — примерно к северу от Софии, вследствие чего ряд исследователей вел сюда маршрут Александра. Однако упоминание Птолемеем острова Певки, на котором укрылась часть трибаллов во главе с царем Сирмом и который Александр не сумел взять, склоняло других исследователей к мнению о пребывании трибаллов в это время на Нижнем Дунае, по соседству с Малой Скифией³. О пре-

бывании трибаллов на Нижнем Дунае прямо свидетельствует Страбон [VII, 3, 8], излагающий данные Птолемея: обрушившись на трибаллов, Александр увидел, что их земля простирается до Истра и острова Певки; последний, как сказано, определенно локализуется Географом в дельте реки. На нижнедунайскую локализацию трибаллов указывают и их войны с Атеем [Front. II, 4. Polyaeu. VII, 44, 1] и Филиппом — победив Атея в Добрудже, македонец утратил добычу в сражении с трибаллами.

Поскольку трибаллы обитали по соседству с Малой Скифией, можно заключить, что походом на них Александр повторил поход Филиппа в Добруджу, и если он считал первоочередной задачей поход сюда, это означает, что он придавал большое значение акции своего отца. Причина первого военного похода Александра за несколько сот километров именно сюда вряд ли связана с соображениями безопасности тыла Македонии и потому естественно думать, что эта акция была продолжением военной кампании Филиппа, случившейся тремя годами ранее и окончившейся поражением от трибаллов. Согласно Орозию [III, 13, 4 = SC, 2, p. 399] в войне Филиппа с Атеем принимал участие и Александр, но Плутарх [Alex. 9, 1] сообщает, что он был оставлен отцом в Македонии полновластным владыкой. Причиной же выступления Филиппа в 399 г. было нарушение Атеем договора об оплате услуг присланного ему отряда и о наследовании скифского царства: теснимый истрианами, Атей запросил помощи у Филиппа, обязавшись «сделать его в будущем наследником скифского царства» [Trogus, Hist. p. 81 Seel. Iust., IX, 1, 3 = SC, 2, p. 51—52, 59—60]. По-видимому, разбив

¹ Эта статья — часть подготовленной нами к печати работы «Очерки этнической и политической истории Скифии в V—III вв. до н. э.» (В. Я.). (Статья В.П. Яйленко по просьбе С.Б. Буйских была прислана для данного издания весной 2003 г. Пока сборник готовился к печати, работа, о которой он упоминает, была им опубликована под указанным названием в книге «Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор» (Москва; Киев; Запорожье, 2007. — С. 61—118). В этой связи см. также: Яйленко В.П. Очерки этнической истории Скифии в IV в. до н. э. // Античная цивилизация и варвары. — М., 2006. — С. 149—170; Яйленко В.П. Реплика по поводу «отклика» критика на «Очерки этнической и политической истории Скифии в V—III вв. до н. э. // Древности Боспора. — М., 2008. — Т. 12, Ч. II. — С. 604—609 (С. Б.).

² Наиболее подробный рассказ об этом походе дал Арриан [An. I, 1—4], который назвал своим источником сочинение Птолемея — участника этого похода и весьма достоверного писателя [FGH 138 F 1]. Птолемей упоминает и Страбон в своем сообщении об этом походе, параллельном рассказу Арриана [Strabo, VII, 3, 8 = FGH 138 F 2].

³ Литература о локализации трибаллов (Фол, 1975, С. 9 сл.; Gerov, 1981/2, S. 485 f.; Hammond, Griffith, 1988, P. 36). Позицию первой группы исследователей вполне представляет Т. Спиридонов, отождествивший Певку с островком Беленой на Среднем Дунае, неиз-

вестным в древности (Spiridonov, 1977, P. 225 sq.). Подобного рода решение вопроса о Певке противоречит показаниям Страбона, который излагает сведения Птолемея о попытке Александра взять Певку и в то же время ясно локализует остров в дельте Истра [VII, 3, 8 и 15]. Наконец, Птолемей упоминает Певку как один из островов на Истре [у Арриана, I, 2, 2], что приложимо только к дельте реки. Точку в этом вопросе ставит указание Птолемея, что на помощь Александру для захвата Певки пришли корабли из Византии — проход этих кораблей до Среднего Дуная немыслим ввиду сильного течения реки.

царских скифов, Филипп на правах наследника погибшего Атея присоединил Малую Скифию к своим владениям, но поражение от трибаллов свело на нет успех в Добрудже, которую к тому же царские скифы частью покинули. На наш взгляд, Александр как наследник Филиппа прежде всего решил восстановить свои права на скифское наследство и отомстить трибаллам за поражение, нанесенное македонцам. Именно это, мы полагаем, было причиной труднообъяснимого чем-либо иным похода Александра в Малую Скифию.

Нижнедунайская кампания была успешна. Разбив трибаллов на правом берегу Дуная, Александр переправился на левый берег, где взял город гетов. Местные племена запросили мира, в том числе царь трибаллов Сирм. Александр заключил мир со всеми племенами и двинулся на запад, на иллирийцев. Как был решен вопрос о скифском наследстве, источники умалчивают и это, очевидно, означает, что он не был решен, ибо одна часть царских скифов откочевала в Бужакские степи между низовьями Дуная и Днестра, другие продвинулись еще дальше на днепровское Левобережье (см. прим. 9). Поскольку сам Александр вскоре отправился в Восточный поход домогаться персидского царства, решить побочный вопрос о скифском наследстве он, на наш взгляд, задумал посредством похода части своих сил во главе с Зопирионом вглубь Скифии.

Зопирион был наместником Александра во Фракии и на Понте. Время его похода на скифов и гибели войска определяется в источниках по-разному⁴. По нашему мнению, обоснованному в полном варианте этой работы, данные пролога XII книги «Истории» Трога и Юстинова эпитама этой книги, поддержанные последовательностью правления наместников Фракии, свидетельствуют, что гибель Зопириона и его войска датируется 331 г. При этом очевидно, что Зопирион выступил в поход в конце весны или начале лета, т. е. в соответствии с обыкновением, как диктуют погодные условия Северного Причерноморья; поскольку же войско, согласно источникам, погибло вследствие бури и на море, следует заключить, что катастрофа произошла осенью (см. прим. 17).

Сообщение Трога о походе Зопириона в сокращении Юстина [XII, 2, 16] свелось к следующему: «оставленный Александром Македонским в должности наместника Понта Зопирион, считавший, что он будет бездейственным, если ничего не предпримет, собрал 30-тысячное войско и начал войну со скифами, но погиб со всем

войском, понеся наказание за необдуманно начатую войну с неповинным народом»⁵. Одни исследователи восприняли объяснение Трога, считая, что Зопирион предпринял поход на свой страх и риск, другие видели в нем акцию по охранению северных пределов македонской державы. Ю. Белох ввел поход в контекст глобальных замыслов Александра: установить связь между Бактрией и Македонией через Северное Причерноморье и Фракию. Д. Пиппиди отмечал дипломатические контакты пребывавшего в Средней Азии Александра с хорезмийским царем Фарасманом, что было необходимо Македонцу для обеспечения пути из Бактрии в Понт (Beloch, 1925, S. 44 f.; Pippidi, 1971, P. 77)⁶.

На наш взгляд, цель похода Зопириона может быть определена на основании ряда факторов: пристального внимания пребывавшего в Центральной Азии Александра к Северному Причерноморью, большой численности отправленного в Скифию войска, похода самого Александра в Добруджу и нерешенности вытекающего из договора Филиппа и Атея вопроса о скифском наследстве. Об интересе Александра к Северному Причерноморью мы узнаем, начиная с поздней осени 331 г., когда к нему прибыло первое из череды скифских посольств, о котором сообщает флотоводец Александра Неарх: земля за Персидой «далее к северу холодная и облачная ...», какие-то послы с Евксинского Понта, проделав очень небольшой путь, встретились с идущим по Персиде Александром, и он удивился (этому), они же поведали ему о краткости пути» [FGH 133 F 1 = Arr., Ind. 40, 2—5]. Значительны, во-первых, время прибытия посольства, во-вторых, место его отправления. Одержав победу при Гавгамелах 30 сентября 331 г., Алек-

⁵ Гибель Зопириона с 30-тысячным войском упоминалась Трогом еще несколько раз [аруд Iust., II, 3, 4. XII, 1, 4. XXXVII, 3, 1. Curt., X, 1, 43]. Орозий [Hist. III, 18, 1 и 4] дал парафразу эпитама Юстина. Все эти сообщения, как сказано, восходят к Трогу, который в свою очередь использовал данные одного из историков Александра. С.А. Жебелев счел преувеличением известие о 30 тысячах воинов (Жебелев, 1953, С. 44), однако, как справедливо замечено, ничем не смог обосновать свой скепсис (Виноградов, Карышковский, 1983, С. 24, прим. 120). Напротив, у Юстина (значит у Трога) цифра 30 тысяч фигурирует дважды и в разных местах [XII, 2, 16. XXXVII, 3, 2], что свидетельствует о присутствии ее и в источнике Трога. Само присутствие сообщений о гибели Зопириона у разных авторов обусловлено крупными масштабами катастрофы.

⁶ Ю.Г. Виноградов и П.О. Карышковский (1983, С. 33 сл.) полагали, что по первоначальному замыслу Александра Зопирион должен был выступить навстречу ему для соединения в Скифии. Критику гипотез Ю. Белоха, Д. Пиппиди и др. о стратегическом значении похода Зопириона см.: (Iliescu, 1979, S. 101 f.; Фол, 1975, С. 53).

⁴ Это породило разноречивые мнения исследователей, принимавших одну или другую дату, либо комбинировавших их различным образом, см. литературу (Виноградов, Карышковский, 1983, С. 22—24).

сандр прошел в Персиду глубокой осенью; поскольку Зопирионово войско погибло осенью (см. ниже), очевидна связь обоих событий по времени, т. е. посольство прибыло сразу после гибели Зопириона. Согласно Неарху, послы явились с Евксинского Понта; в 329 г. Александр направил ответное посольство к скифам *supra Bosporon* (см. ниже); налицо соответствие Боспора и Евксина. Связь между временем и местом обоих событий — гибелью Зопирионова, т. е. Александра, войска и прибытием к нему посольства скифов — указывает и на их причинную обусловленность: посольство прибыло вследствие постигшей Александра катастрофы в Скифии. Отсюда можно заключить, что «краткий путь», о котором говорили послы с Евксина, был путем не по Персиде (македонцев вел тут проводник-ликийец) [Plut., Alex. 37], а путем в Скифию, на тамошних врагов Александра, как мы полагаем, царских скифов. Заинтересованность других скифов в союзе с македонским царем явствует из следующих их посольств.

В 331 г. Македонец не мог сразу направить в Скифию, так как предстоял завершающий этап разгрома Дария, однако, как показывают дальнейшие события, он лишь отложил этот вопрос до завоевания непокоренных еще среднеазиатских областей Персидской империи. Именно после завоевания Бактрии и Согды в 329 г. в ставку Александра на Сыре (где-то между Канкой и Ходжендом) явилось второе известное нам посольство «европейских скифов». В обратный путь со скифскими послами в европейскую Скифию, в ту ее часть, что расположена «над Боспором», отправился один из «друзей» Македонца — Берда со свитой. Он, по словам Аристовула, «под предлогом заключения дружеского союза» должен был «ознакомиться с природными условиями скифской земли, количеством населения, с обычаями скифов и их боевым вооружением»⁷. Разведывательный характер миссии Берды — установление маршрута в Скифию, численности и вооружения скифов,

природных условий страны — определенно свидетельствует о замышлявшемся Александром походе в Скифию, для чего ему и понадобился обмен посольствами. При этом поход замышлялся уже в 330 г.: будучи в Гиркании, Александр планировал вторжение в области севернее Согды, за Танаис — Сыр-Дарью [Strabo, XI, 11, 6]. Это, собственно, и был планировавшийся в 329 г. поход в европейскую Скифию, поскольку из-за ошибочного отождествления Танаиса-Сыра с Танаисом-Доном в греческой географической мысли (Танаис считался границей Азии и Европы) Боспор Киммерийский мыслился расположенным поблизости от Согды. (Страбон вполне разъяснил, что именно вследствие этой путаницы огромный регион между Танаисом-Доном и Каспием не был завоеван македонцами во время Восточного похода Александра [XI, 7, 4]). Целью согдийского похода Александра был выход к Яксарту — Сыру: именно поэтому, перейдя Окс (Аму Дарья), он уже от городка бранхидов в области Наутака (где-то между Оксом и Зерафшаном) двинулся на Танаис (Аристовул у Курция [VII, 5, 36]), где задумал основать город в качестве базы для дальнейших завоеваний за Согдом: «он уже выбрал место на берегу Танаиса для основания города, оплот против уже покоренных местностей и тех, которых он намеревался достигнуть» [Curt., VII, 6, 13]).

Поскольку Зопирион ходил походом на скифов Северного Причерноморья, мы вправе заключить, что планировавшийся Александром поход на них же мыслился реваншем за поражение Зопириона, т. е. Александрова войска, в том смысле, что царь планировал лично достигнуть того, в чем не преуспел его фракийский наместник. Этой стратегической целью всей скифской кампании Зопириона и последующих планов Александра, на наш взгляд, было решение вопроса о наследовании власти над царскими скифами, легитимно полученной Филиппом по договору с Атеем, но не реализованной им вследствие поражения от трибаллов. Попросту говоря, для Александра это был юридически обоснованный повод к дипломатическому и военному вторжению в Скифию с целью присоединения ее к своей империи, тем более что Македонец уже стал персидским царем, наследником Ахеменидов, на одного из которых, Дария Старшего, те же царские скифы подняли оружие, не подчинившись его власти.

Помимо того факта, что Филипп действительно претендовал на власть над царскими скифами, поставив это условием помощи Атею, и что после гибели Атея он стал *de jure* властителем царских скифов, в пользу нашей гипотезы о стремлении Александра реализовать эту власть *de facto* приведем следующие данные. Как мы упоминали, царские скифы после 339 г. частью

⁷ [Apud Arr., An. IV, 1, 2. Curt., VII, 6, 12]. Эти сообщения Арриана и Курция параллельны и потому заимствованы из одного источника. Арриан черпал сведения о походе Александра на Танаис-Сыр (прием скифских послов и отправление Берды — эпизод рассказа об этом походе), как обычно, из сочинений Птолемея и Аристовула [ср. An. III, 30, 7. IV, 3, 5]. Курций в рассказе о походе на Танаис пользовался данными Аристовула, что явствует из полного совпадения его слов *inde processit ad Tanaim amnem* [VII, 5, 36] с *ἐνθεν δὲ ἐπὶ τὸν Τάναϊν ποταμὸν προΐει* у Арриана [An. III, 30, 7], ссылающегося тут на Аристовула. Это указывает, что общим источником рассказа Арриана и Курция о сношениях Александра в Согде с посольствами европейских скифов и о посольстве Берды был Аристовул [его фрагменты — FGH 139]. Сведения Аристовула считаются весьма надежными.

остались в Добрудже, частью осели в Дунайско-Днестровском междуречье, частью вернулись в Нижнее Поднепровье. Но именно в эти области и пошел походом Зопирион — он напал на борисфенитов [Macr., Sat. I, 2, 33] и направился «к гетам», но погиб в буре на море [Trogus apud Curt., X, 1, 44] у буджакского побережья (об эпизоде с гетами см.: Яйленко, 1990, С. 259). Таким образом, военная кампания Зопириона действительно была обращена против царских скифов, удалившихся из Добруджи и тем самым из-под власти Филиппа и Александра в Гетику и на Борисфен. Поход Александра в Добруджу и на нижнедунайское Левобережье спустя 3 года после кампании отца, затем Зопириона — спустя еще 5 лет в области, занятые теми же царскими скифами, — все три похода, совершенные на протяжении 8—9 лет, выявляют упорное стремление Филиппа и Александра добиться победы над царскими скифами, стремление, вполне объяснимое лишь претензией Филиппа на царскую власть над ними.

Понятно, что набор Зопирионом 30-тысячного войска не был бы осуществлен без санкции Александра, который отправился в Восточный поход с чуть большим войском⁸. Ввиду этого нет оснований вместе с Трогом усматривать в развязывании скифской кампании личные амбиции Зопириона — все изложенное свидетельствует, что поход на царских скифов в Северное Причерноморье был задуман Александром для осуществления своего формального права на верховную власть над ними. Это обычный для великого Македонца образ действий — обозначив формальным поводом для Восточного похода месть персам за поругание греческих святынь, он не стремился к уничтожению Дария, но хотел силой оружия принудить его к легитимной передаче себе царской власти над Персидской империей.

Выявление такой стратегической цели похода Зопириона позволяет заключить, что те «европейские скифы», которые прислали в 329 г. посольство к Александру в ставку на Сыре и к которым он отправил с разведывательными целями ответное посольство Берды, были противниками царских скифов (басилидов). Судя по географическому указанию Курция [VII, 6, 12. VIII, 1, 7: посольство отправлено к европейским скифам «над Боспором» — *supra Bosporon*], эти скифы обретались у северного побережья Меотиды. Со слов Анонима эфоровского круга мы знаем, что в это время над Меотидой обитали

сарматы и агафирсы, а на основании ряда данных заключили, что последние находились в состоянии войны с вернувшимися в нижнеднепровское Левобережье базилидами⁹.

На наш взгляд, эти данные и предоставляют ключ к разгадке того странного обстоятельства, что какие-то «европейские скифы» прислали посольство за тысячи километров в ставку Александра на Сыре (и еще раньше в Персиду): у македонцев и агафирсов был общий противник — базилиды. При появлении Зопириона в Скифии агафирсы были его естественными союзниками, а после его неудачи они сразу же обратились напрямую к Александру (первое посольство к нему в Персиду) и поддерживали далее сношения с ним, прислав второе известное нам посольство примерно через полтора года.

Поскольку заяксартские саки выказали враждебность, Александр предложил на военном совете перенести войну на их территорию, причем изложение Курция [VII, 7, 10 sq.] ясно свидетельствует, что переход Танаиса-Сыра считался переходом из Азии в Европу, т. е. конечная цель похода — соединение азиатских и европейских владений македонцев (из речи Александра: «между нами течет одна река, перейдя которую мы продвинемся с оружием в Европу. И подлежит ли вообще оценке, что мы, покорив Азию, воздвигнем победные трофеи как бы на другом материке и враз одной победой соединим то, что разделено природой на громадном пространстве»). Таким образом, Александр хотел сам разбить саков и войти в Европу, почему и предписал союзным европейским скифам не переходить Танаис. Однако второе скифское посольство наверняка разъяснило царю его географическое заблуждение — Танаис-Сыр и Та-

⁸ По данным Аристовула, у Александра было 30000 пехоты и 3000 всадников, с чем примерно согласуются сведения Птолемея, насчитавшего 5000 конных воинов; учитель Александра Анаксимен насчитывал 5500 всадников и 43000 пехотинцев [Plut., Mor. 327d-e]. См. также: (Шахермаир, 1986, С. 86).

⁹ В полном варианте этой работы мы устанавливаем, что сведения Плиния [N. H., IV, 84, 88] и Мелы [Geogr., II, 2; 4; 11] о народах Скифии восходят к одному источнику послеефоровского времени, т. е. третьей четверти IV в. до н. э., которого мы именуем Анонимом (возможно, это Philippi Teopompa). По данным IV книги «Всеобщей истории» Эфора, сохранным Псевдо-Скимном [стт. 841—852, 874—885 = SC, 1, P. 89—90] и безымянным автором «Перипла Черного моря» [Ps.-Arr., Per., 75 = SC, 1, P. 281—282], восстанавливается этногеография Скифии по состоянию на середину IV в. до н. э. (Эфор довел свой труд до событий 340 г.). Данные Эфора и Анонима близки, но различаются в деталях. По Эфору, в Нижнем Поднепровье обитают агафирсы, но отсутствуют царские скифы (во главе с Атеем они в это время обитали в Добрудже), у Анонима в Поднепровье наряду с агафирсами фигурируют базилиды (царские скифы), т. е. в 3-ей четверти века они вернулись в свой родовой домен. Поскольку он был занят агафирсами, мы предполагаем, что возвращение базилидов сюда после поражения 339 г. от Филиппа, сопровождалось войнами, вследствие которых многие греческие центры Причерноморья от Боспора до Истрии обстроились тогда оборонительными стенами.

наис-Дон разные реки. Поэтому для предварительного сбора разведанных о путях и природе земли противника, сюда и был послан Берда.

Царь европейских скифов принял переданные им предложения Александра, о чем сообщил через новых послов, сопровождавших Берду в обратный путь (третье посольство). Берда вернулся примерно через полгода, зимой 329/8 г., и Александр принял его и послов в Маракаде (Самарканде)¹⁰. Александр дружески общался со скифскими послами, но ничего конкретного не предложил, так как доставленные Бердой сведения показали бесперспективность немедленного похода в европейскую Скифию — она оказалась удаленной и бедной страной.

О переменах в ближайших планах Александра — отказе от немедленного похода в европейскую Скифию — свидетельствует и эпизод с хорезмийским царем Фарасманом, который прибыл к нему в Мараканду с полуторатысячной конницей в то же время, что и Берда со скифскими послами. Ежели Александр захочет подчинить народы у Понта, предложил Фарасман, он готов сам быть проводником и заготовить необходимый для войска провиант. Александр похвалил Фарасмана и заключил с ним договор о дружбе и союзе, сказав, что сейчас ему, Александру, неподходящий момент для похода к Понту — он озабочен предстоящими индийскими делами, но, овладев всей Азией, вернется в Грецию, «откуда через Геллеспонт и Пропонтиду со всей морской и сухопутной силой пройдет внутрь Понта» [Arr., An. IV, 15, 4–6]. Так, план вторжения в Северное Причерноморье был временно отложен до завершения индийской кампании.

Таким образом, во все свое пребывание в Центральной Азии Александр выказывал пристальное внимание к Северному Причерноморью, причем в источниках оно проявляется со времени получения известия о гибели Зопирионова войска.

По завершении Восточного похода, уже в Вавилоне Александр вновь вернулся к скифским делам. В числе послов различных варварских народов, прибывших в 324 г. к нему в Вавилон, вновь были посланцы европейских скифов [ib., VII, 15, 4]. Царь обдумывал в это время планы

новых кампаний — то ли через Сирию, Карфаген и Нумидию перейти Гибралтар и, пройдя Испанию, Италию и Эпир, вернуться домой, то ли выступить к Евксинскому морю, к скифам и Меотиде [Curt., X, 1, 17–18. Arr., An. V, 27, 7. VII, 1, 1–3]. Что этот регион Понта по-прежнему интересовал Александра и именно в связи с походом на скифов, показывает его распоряжение об отправке из Гиркании морской экспедиции во главе с Гераклидом на Каспий, которая была призвана установить акваторию этого моря — соединяется ли оно с Понтом Евксинским или с Восточным океаном, простирающимся до Индии [ib., VII, 16, 1–2]. Поскольку все планы Александра относительно Северного Причерноморья, как мы видели, связаны с замыслом похода на скифов, данное мероприятие было не просто сбором географической информации, а призвано выяснить возможность морской экспедиции в Скифию через Каспий. Напомним в связи с этим, что по получении известия о гибели Зопирионова войска именно в Гиркании у него определенно проявился план личного похода в Скифию, вероятно, возникший ранее в Персиде (см. выше). Поскольку, как сказано, позднее он планировал вторжения в Скифию через Евксин, распоряжение об экспедиции Гераклида было поиском оптимального маршрута в европейскую Скифию.

Как видно, планы похода в Скифию — сначала личного броска в Малую Скифию, затем в собственно Скифию посредством экспедиции Зопириона, после гибели которого снова появляется замысел личного похода туда — не оставляли Александра с первого и до последнего годов правления. Это свидетельство большой важности скифского вопроса для него. Через дипломатические связи он заключил договор о дружбе и союзе с неким скифским народом, в котором мы усматриваем агафирсов. Договор о союзе всегда предполагает наличие общего врага — отсюда обдумывавшиеся в Вавилоне замыслы Александра о походе в Скифию, на так и непокоренного противника. И у скифского союзника Македонца планы в отношении общего противника не диктовались временными тактическими соображениями — несмотря на смену царей их политика осталась прежней. Скорее всего, в 324 г. послы именно этого союзного скифского народа вновь предстали перед Александром в Вавилоне.

Александр совершил величайший подвиг, покорив половину ойкумены, положив к своим ногам Балканы, грандиозную Персидскую империю и часть Индии. Но в Скифии он не преуспел, несмотря на такие серьезнейшие мероприятия, как отправка большого войска Зопириона, личный выход к Сыр-Дарье для предполагавшегося вторжения в европейскую Скифию, дипломатические контакты с частью скифов и Фарасманом,

¹⁰ Излагаемые ниже сообщения о возвращении Берды и последовавших решениях Александра в основной своей части вновь параллельны у Арриана [An. IV, 15] и Курция [VIII, 1, 7; 9–10], следовательно, вновь восходят к Аристову (см. прим. 7). Ф. Якоби не включил в число фрагментов Аристову рассказ о посольстве Берды, однако задачи посольства — сбор сведений о стране предполагаемого противника — вполне соответствует роли Аристову в штабе Александра: одной из его функций был сбор сведений о дорогах и природных условиях [ср. Arr., An. III, 28, 5; 30, 7. VI, 22, 4–8. VII, 20].

с которыми были заключены договоры о союзе. Противник в Скифии остался непобежденным, поэтому Помпей Трог с полным основанием утверждал, что покорить скифов удалось только Митридату Евпатору [fr. 35 Seel]. Удивлением первой победой над скифами проникнут и херсонесский декрет в честь полководца Митридата Евпатора Диофанта: «поневоле приняв битву, он обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, свершив тем самым то, что первым трофеей победы над ними поставил Митридат Евпатор» (IOSPE, I, 352. 8—9). И это были царские скифы.

Обратимся теперь в связи с походом Зопириона к вопросу об Александровых алтарях в Скифии. Согласно Аммиану Марцеллину [XXII, 8, 40], в Гилее, на Днепровском Левобережье, стоят алтари Августа и Александра Великого, Птолемей [Geogr. III, 5, 12] и Орозий [I, 2, 5] упоминают алтари Александра на Танаисе-Дону. Историчность этих сообщений не подлежит сомнению: Александр действительно в соответствии с обычаем ставил победные алтари богам. Так, он поставил алтари Зевсу, Гераклу и Афине на реке Пирам после победы при Иссе [Curt., III, 12, 27], на Танаисе-Сыре, обратив в бегство тамошних саков [Plin., N. H. VI, 49]. По завершении индийской кампании он воздвиг на реке Гифас 12 алтарей «в качестве знака благодарности богам, приведшим его к стольким победам, и в качестве памятника своим деяниям» [Arr., An. V, 29, 1—2]. Эти алтари представляли собой башнеобразные сооружения. «Когда алтари были сооружены ему, (Александр) в соответствии с обычаем совершил жертвоприношение на них и устроил состязания — гимническое и конное». Ставили алтари и полководцы; так, военачальник Селевка и Антиоха I Демодамант, перейдя Танаис-Сыр, воздвиг посвященный Аполлону Дидимейскому алтарь [Plin., N. H. VI, 49]. Полководцы сооружали алтари, как и трофеи, от имени своих царей, которым принадлежали их победы (тот же алтарь Демодаманта на Сыре; ср. также IOSPE, I, 352. 9: полководец Митридата Евпатора Диофант ставит трофеи от имени царя).

Птолемей помещает донские алтари «у поворота реки Танаис» [l. c.], упоминание которого исключает предположение В. Томашека о смешении Птолемеем Танаиса-Дона с Танаисом-Сыром, на котором, как сказано, Александр поставил алтарь (Tomaschek, 1896, Sp. 339), поскольку ряду авторов хорошо известен «поворот» именно Танаиса-Дона [Strabo, II, 4, 6 etc.]. Таким образом, алтари Александра располагались на Дону, и упомянутый поворот локализуется в соответствии с сообщением Географа о «поворотах» Танаиса и Ра [Geogr. V, 8, 13], т. е. в месте наибольшего сближения течений Дона

и Волги у Калача и Волгограда. Таким образом, алтари Александра размещались в районе указанной излучины Дона. В IV в. до н. э. здесь обитали сарматы. В Скифии были два сподвижника Александра — Берда и Зопирион. Первый был послом, а не полководцем, и прибыл не к сарматам, но к «европейским скифам», жившим «над Боспором». Остается Зопирион, и ниже мы покажем, что есть основания предполагать, что во время скифского похода он достиг Дона, где и поставил алтари Александра. Теперь обратимся к алтарю Александра в Гилее.

Аммиан Марцеллин [XXII, 8, 40] сообщает, что «в его (Борисфена) лесистых пределах лежит город Борисфен, Кефалонес и алтари, посвященные Александру Великому и Цезарю Августу». По упоминанию «лесистых пределов» реки Борисфен и городу Борисфену, т. е. Ольвии, алтари локализуются в Гилее (выше берега Нижнего Днепра безлесны, [Herod., IV, 19]). Гилея была священной зоной Ольвии. Сообщение Марцеллина об алтаре Августа в ольвийской сакральной зоне вполне исторично, ибо в Ольвии был внедрен культ этого императора — в частности, ему посвящена новопостроенная стоя (IOSPE, I, 181). По аналогии можно думать, что и алтарь (или алтари) Александра тоже был воздвигнут за какие-то благодеяния царя городу. Поскольку нам известно о походе его полководца Зопириона в Скифию, исследователи логично увязывали с ним воздвижение алтарей Александра (Diehl, 1937, Sp. 2422. Ельницкий, 1961, С. 106).

Упоминание Марцеллином рядом алтарей Александра и Августа означает, что, по меньшей мере, еще в I в. н. э. алтари стояли в Гилее. Столь долгое существование алтаря Александра, возобновленного вместе с самим городом на рубеже новой эры после гетского разгрома первой половины I в., само по себе свидетельствует о важности благодеяний македонского царя, настолько значительных, что еще спустя три столетия ольвиополиты считали необходимым поддерживать культ благодетеля. Какого рода было благодеяние, возможно, позволяет догадываться группа из 8 надписей раннеэллинистического времени, связанных с сооружением оборонительных стен и посвященных Зевсу Элевтерию и Сотеру (Яйленко, 1990, С. 262 сл.). В строительных надписях посвящение отдельных частей фортификационной системы божеству до II в. до н. э. крайне редко. Не исключено поэтому, что под Зевсом Освободителем указанных ольвийских посвящений подразумевается Александр Великий, который провозгласил себя сыном Зевса-Аммона. К примеру, Антиоха I почитали под именами Сотер и Аполлон Сотер (Бикерман, 1985, С. 227). Ранее вопреки *opinio communis* мы пришли к выводу, что полководец Александра Зопирион вовсе не осаждал Ольвию,

но, напротив, действовал в ее интересах (Яйленко, 1990, С. 249 сл.). Рассмотрим теперь дополнительно вопрос о походе Зопириона.

Скифский поход Зопириона упоминает ряд авторов, но их сообщения однотипны — они повествуют о гибели его войска. Из событий собственно похода упоминается лишь нападение на борисфенитов: «При нападении Зопириона борисфениты, освободив рабов и наделив гражданскими правами чужеземцев, а также пересмотрев долговые списки, сумели выстоять против врага»¹¹. Так как ольвиополиты порой именуются в источниках борисфенитами [Herod., IV, 53, 78 etc.], данное сообщение Макробия традиционно связывали с Ольвией. Мы, однако, обратили внимание на ряд обстоятельств, которые противоречат отождествлению Ольвии и борисфенитов Макробия. Отсылая читателя за подробностями к своей работе, кратко суммируем наши доводы.

1. Сомнительно отражение 30-тысячной армии Зопириона таким небольшим городом, как Ольвия. К примеру, многим более сильные Византий и Перинф едва выдержали осаду 30-тысячного же войска Филиппа только с помощью военных отрядов, флотов, оружия, денег и продовольствия Афин, Персии, Хиоса, Родоса, Коса [Diod., XVI, 74 sq.]. Борисфениты же, по Макробию, обошлись лишь мобилизацией внутренних ресурсов, которые, заметим, были незначительны — число ее граждан не превышало полутысячи, причем мужчин было ок. 300 (Яйленко, 1990, С. 281; 1998, С. 118). Кроме того, Зопирион располагал флотом, а прилегающая к лиману часть ольвийского городища не имела в то время сплошной оборонительной стены, что свело бы на нет шансы города в борьбе с против-

ником. 2. Тридцатитысячное войско Зопириона, буде оно осаждало Ольвию, не могло не оставить пожарищ и разрушений на городище и в хоре. Приводившиеся раскопщиками Ольвии, убежденными в осаде ее Зопирионом, примеры разрушения зданий на поверку оказываются связанными с коренной перепланировкой и перестройкой города в последней четверти IV — первой четверти III вв. до н. э., когда город достиг своего наибольшего благополучия. Особенно показательно в этом отношении отсутствие слоев с пожарищами. Лишь на Западных воротах имеются следы пожара, но он ввиду широкой датировки сопутствующего материала может быть обязан не одному Зопириону. 3. Усмотренная П.О. Карышковским и Ю.Г. Виноградовым связь между словами Макробия *factis tabulis novis* «пересмотрев долговые списки» и восстановленным ими в Каллиниковом декрете выражением [ἀποκοπήν τῶν χρη]ῶν того же значения безосновательна ввиду грамматической ошибочности их конъектуры: кассация долгов в греческом языке выражается фразеологизмом, т. е. выражением с твердо фиксированным порядком слов — *χρεῶν ἀποκοπή*. 4. При враждебных отношениях македонян и ольвиополитов сооруженный Зопирионом в Гилее алтарь Александра был бы разрушен ввиду конечной неудачи похода. Однако этот алтарь (или алтари) стоял еще более трех столетий спустя на своем месте. 5. Упоминающие Зопириона источники говорят о его походе на скифов, а не на греков¹². Также Макробий говорит не о греках и не об Ольвии, а о борисфенитах.

Ввиду этих обстоятельств и поскольку в источниках, начиная с Геродота [IV, 18 etc.], скифы — обитатели Нижнего Поднепровья именуются борисфенитами, мы пришли к выводу, что поход Зопириона был направлен против скифов Нижнего Поднепровья¹³.

¹¹ [Macr., Sat. I, 2, 33: Borysthenitae, oppugnante Zopyrione, servis liberatis dataque civitate peregrinis, et factis tabulis novis, hostem sustinere potuerunt]. По вероятной мысли Д. Ашерри, это сообщение восходит к историкам похода Александра (Asheri, 1969, P. 36). Глагол *oppugnare* в заметке Макробия может иметь два значения: «нападать» на противника, страну и «осаждать, штурмовать, брать приступом» — о городе, укреплении. В своей работе мы отметили оба эти значения (Яйленко, 1990, С. 250, прим. 4), но подсознательно восприняли всеобщее мнение, что речь идет об осаде города. Теперь корректируем свою точку зрения: поскольку Макробий говорит не о городе, а просто о борисфенитах, предпочтительней первое значение глагола (нападение на борисфенитов, т. е. скифов-кочевников) и потому нет оснований подразумевать осаду города борисфенитов. По ключевому для нашей трактовки эпизода с борисфенитами вопросу — возможны ли в кочевом обществе такие мероприятия, как отпуск рабов на волю, снятие долгов и предоставление чужеземцам равных прав, мы привели различные данные о подобных мерах у скифов и главным образом у кочевников средневековья, более освещенных источниками (Яйленко, 1990, С. 254 сл.).

¹² [Trogus apud Iust., II, 3, 4. XII, 1, 4; 2, 16. XXXVII, 3, 1. Oros., Hist. III, 18, 4]. У Орозия — парафраза эпитомы Юстина, Курций и Юстин пересказывают Трога (о зависимости Курция от Трога свидетельствует то, что из 12 фрагментов «Истории» последнего 11 представлены у Курция). Курций [X, 1, 44] говорит о походе на гетов, и эта замена скифов гетами вполне объясняется тем, что войско Зопириона окончательно погибло в гетской пустыне (см. ниже).

¹³ Фронтальную критику изложенных положений предприняли Н.А. Гаврилюк и Е.В. Черненко (1991, С. 65 сл.), но их критика существенна лишь в части, относящейся к скифской археологии Нижнего Поднепровья. Справедливы их замечания, что Знаменское городище не может быть «акрополем» Каменского городища, что Лепетихское и Любимовское городища возникли не ранее II в. до н. э. Однако это не меняет сути нашего утверждения о направленности похода Зопириона против нижнеднепровских скифов, так как критики сами признают, что в регионе были крупные укрепленные скифские городища IV в.

Тогда же Ю.Г. Виноградов опубликовал графито с поселения Козырка-2 близ Ольвии, в котором упоминался некий Зопирион и в котором издатель опознал македонского полководца (Виноградов, Головачева, 1990, С. 15 сл. Vinogradov, 1997. S. 323 f.). К сожалению, издатель по существу уклонился от анализа палеографии надписи, сосредоточив внимание лишь на вопросе об употреблении в Ольвии лунарной сигмы, представленной в данном памятнике. Между тем характер письма и формы букв надписи определенно указывают на III в. до н. э., следовательно, упоминаемый ею Зопирион не может быть полководцем Александра, погибшим в 331 г. (Яйленко, 2000, С. 185 сл.). Почему в Ольвии появилось имя Зопирион, отнюдь не частое в IV в. до н. э. в античной ономастике в целом, позволяет понять наш вывод о том, что поход Зопириона был направлен против скифов, а не против Ольвии: сохраняя благодарную память о македонском полководце, ольвиополиты употребляли его имя в мемориальных целях (ib.)¹⁴.

Вывод И. Тулумакоса о том, что и на Боспоре люди получали имена в честь выдающихся сподвижников Александра Великого, свидетельствует о дружественных отношениях боспорян и македонцев. Незадолго до 328 г. Перисад I вел войну со скифами [Ps.-Dem., XXXIV, 8], как раз около времени похода Зопириона, откуда следует, что проезд Берды и скифских послов осенью 329 г. через Боспор указывает на дружественные и даже союзные отношения Боспора с теми скифами, которых представляли послы, и что у них были общие враги. Имея в виду эти обстоятельства, можно заключить, что дружественная позиция Ольвии и Боспора в отношении Македонии, война Перисада со скифами, союзные отношения Александра с другими скифами, наконец, поход Зопириона против царских скифов — звенья одной цепи, войны части скифов, греческих государств Северного Причерноморья и Македонии против царских скифов. Можно думать, что возвращение последних в Поднепровье дестабилизировало не только агафирсов, но все Северное Причерноморье: и скифский мир, и греческие государства. Это была война за сохра-

нение той взаимовыгодной системы отношений, которая сложилась в регионе в отсутствие царских скифов на протяжении первой половины IV в. до н. э. и которая положила тут начало расцвету греческого и скифского миров. Александр вмешался в эту войну, преследуя собственную цель — включение Скифии в свою державу посредством подчинения царских скифов, ключевой туземной силы региона, к которым у него были легитимные претензии династического характера, и поход Зопириона был направлен на реализацию оружием этих претензий.

Уяснив цели и общую ситуацию вокруг похода Зопириона, реконструируем по возможности основные вехи его военной кампании. Поскольку он располагал флотом (см. ниже), скорее всего войско прибыло из Фракии по морю — самому удобному способу перемещения из Западного Причерноморья в Северное. К примеру, именно по морю доставлены римские войска из Нижней Мезии на азиатский Боспор во время мятежа Митридата, сына Аспурга [Tac., Ann. XII, 7]. Так как в связи с походом Зопириона фигурирует Гилея (тут поставлен алтарь Александра), следует думать, что флот прибыл в Ольвию (нам неизвестны гавани в Гилее), откуда переправился на левый берег Днепровского лимана, в Гилею. Тогда эта сакральная зона ольвиополитов, согласно Эфору [FGH 70 F 158 = SC, 1, P. 89], была занята скифами. Понятно, что ольвиополиты были заинтересованы в освобождении Гилеи от захватчиков, так что и одного этого обстоятельства достаточно для заключения ими союза с Зопирионом. С другой стороны, известие о его войне с борисфенидами подразумевает скифское приднепровское население (повторим, что после Геродота борисфенидами называют не конкретное скифское племя, а туземное приднепровское население вообще [Menander ap. Schol. in Dion Per., v. 311. Propertii Eleg. II, 7, 17. Honor., Cosmogr. A 38]). Эти обстоятельства ставят точку в вопросе о направлении похода македонского полководца — он был предпринят против скифов, о чем и сообщают наши источники; мы полагаем, конкретно против царских скифов.

Судя по сооружению в Гилее алтаря Александра, она была очищена от скифов. Одно это обстоятельство делало скифов-борисфенидов союзниками соседних царских скифов. Вряд ли стоит думать, что 30-тысячное македонское войско ограничилось операциями против борисфенидов и, не сумев разбить их, убралось восвояси. Обширные земли борисфенидов и царских скифов простирались от Нижнего Днепра до Азовского моря и Танаиса, а на север — более чем на 300 км вдоль Днепра [Herod., IV, 18, 20]; (Доватур и др., 1982, С. 240 сл.). У них было достаточно пространства для применения уже опробованной в войне с Дарием тактики широкого манев-

до н. э. Наряду с Каменским городищем — это расположенная неподалеку от него Первомаевка 2 (пл. 1,7 га с укрепленной частью и предградьем) и Глубокая Пристань на Днепровском лимане площадью в 10 га и фортификационными сооружениями (Буйских, 1989, С. 23; Былкова, 1991, С. 71).

¹⁴ Недавно И. Тулумакос указал на обычай давать имена в честь знаменитых деятелей, просматриваемый в антропонимике Боспора, Херсонеса и Ольвии; в Ольвии это имена Анаксимен, Анаксимандр, Геродот, на Боспоре в числе прочих известны имена приближенных Александра Македонского — Роксана, Селевк, Пердикка, Филота, до времени Александра тут неизвестные (Touloumakos, 1996, S. 258).

ра — изматывающего заманивания противника вглубь пустынной страны, при этом наводя на земли враждебных себе скифов, и не давая генерального сражения [Herod., IV, 120—131]; (Черненко, 1987, С. 82). На применение такой тактики может указывать воздвижение Александровых алтарей в излучине нижнего Дона — следовательно, царские скифы привели их на край Скифии. И в войне с персами царские скифы вкуче с сарматами заманивали врага до Танаиса [Herod., IV, 120]. Сам факт воздвижения алтарей здесь, в земле сарматов, должен быть трактован так же, как и алтари Гилеи — поскольку память об алтарях сохранялась долго (видимо и сами алтари), сарматы в этой войне были дружелюбны Зопириону. Вероятно, совместно они нанесли тут поражение царским скифам, в ознаменование которого воздвигли алтари. На наш взгляд, достижение Зопирионом нижнего Дона находит косвенное подтверждение в легендарной традиции позднеантичного времени о походе Александра в Скифию.

Рассказ об этом содержится в принадлежащей Юлию Валерию латинской версии сочинения Псевдо-Каллисфена «Жизнь и деяния Александра» и так называемом «Дорожнике Александра». Сюжет рассказа неисторичен — Александр в Скифии не был, однако все остальное представляет собой рецепции подлинных событий. Даже сама локализация действия в Скифии обусловлена обстоятельствами действительного свойства — упомянутыми выше инициативами и планами македонского царя относительно этой страны, а также военной кампанией там его полководца, деяния которого по закону жанра историко-художественной биографии приписаны позднейшей традицией Александру (так, в пассаже о скифах в анонимном сочинении позднеримского или раннесредневекового времени, основанном на юстиновом сокращении Трога, скифам приписана победа над Александром, хотя в параллельном тексте Юстина говорится о победе скифов над полководцем Александра Зопирионом [Pompeius Trogus, 1956, P. 47, cf. P. XIV sq.]. Мы упоминали планы Александра пройти в Евксин к скифам и Меотиде. В рассказе Валерия и «Дорожнике» присутствуют те же Евксин, Меотиды и народы Северо-Западного Причерноморья.

В латинской версии «Жизни Александра», составленной неким Юлием Валерием в конце III или начале IV в. н. э. [I, 48—49 = SC, 1, P. 901, n. 1 (ВДИ, 1949, № 3, С. 268)], сообщается: опустошив Боттию, Олинф и Халкидику, Александр «направил путь к Евксину и подчинил себе все города его побережья. Совершив затем по установленному обычаю жертвоприношение Конному Нептуну, он двинулся к Меотийскому озеру, довольно суровому и малодоступному

вследствие холода». В греческом тексте «Жизни Александра» говорится лишь о том, что царь от Халкидики «пришел к Евксинскому Понту и подчинил себе все ближайшие города» [I, 44 = SC, 1, p. 901], поэтому сообщение о принесении жертвы Посейдону и дальнейшем продвижении до Меотиды взято Валерием из других источников. Один из них — какой-то интерпретатор сочинения Птолемея. Так, в рассказе египетского царя о походе Александра на трибаллов, переданном Аррианом [An. I, 4, 5], говорится о жертвоприношении царя Зевсу Спасителю, Гераклу и Истру за победу над гетами (упоминание не этих богов, а Конного Посейдона указывает, что Валерий пользовался не сочинением Птолемея, а каким-то посредником). Таким образом, в рассказе Валерия отражены реальные события похода Александра к дельте Дуная — подчинение тамошних городов и народов (см. выше), а также совершение им жертвоприношения. По-своему исторично и упоминание Конного Нептуна: Александр неоднократно устраивал жертвоприношения с конными ристаниями (см., из ряда примеров, упоминавшееся выше устройство алтарей и жертвоприношений на реке Гифасе по окончании индийской кампании с конными состязаниями), которые, естественно, учреждались во имя Конного Посейдона¹⁵. Сообщение о походе на Меотиду заимствовано Валерием или его источником из рассказов о планировавшемся Александром походе к Евксину и Меотиде, о котором мы вели речь выше. Таким образом, в версии Валерия соединены события гетского похода Александра и его планы похода на Евксин, Меотиду и скифов.

Близкую картину дает и составленный около 340 г. н. э. в связи с походом императора Констанция «Дорожник Александра». Повторив известные нам из сочинения Арриана (= Птолемея) данные о движении Александра на трибаллов через Гем, Филиппополь и гору Орбел к устью Дуная [An. I, 1, 5 sq.], автор «Дорожника» продолжает тему Валерия: «затем, имея море по правую руку, воюя по Евксину, перейдя Меотиду, уже на обратном пути (Александр) напал на гетов, победил их в сражении, в тот же день вернувшись к своим» [Itinerarium Alexandri, XVI, ср. SC, 2, P. 311]. Сообщение о походе на Меотиду заимствовано не у Валерия (рассказы обоих источников не идентичны), а из рассказов о планировавшемся Александром походе к Евксину и Меотиде. Следовательно, и в «Дорожнике» реальное событие гетского похода Александра контаминировано с его планом похода на скифов че-

¹⁵ Жертвоприношение Зевсу, Гераклу и Истру на Дунае могло быть учреждено Александром также во исполнение обета отца, Филиппа, который намеревался воздвигнуть тут же, при устье Дуная, статую Геракла [Just., IX, 1, 10].

рез Евксин и Меотиду. Однако поражение гетов автор «Дорожника» помещает после нашествия на Меотиду, что противоречит действительности. Поскольку прямое измышление событий не свойственно ни Валерию, ни автору «Дорожника», такой маршрут Александра может быть объяснен тем, что оба автора или их источники следовали повествованию о походе Зопириона, который действительно двигался сначала из Западного Причерноморья на восток до Борисфена и Танаиса-Дона (сооружение там алтарей), затем в обратном направлении. Повествование «Дорожника» о продвижении Александра от Меотиды к гетам буквально повторяет действительное движение Зопириона на гетов из Северного Причерноморья, рассказом о котором мы завершим данный очерк. Пока же отметим, что сообщения Валерия и автора «Дорожника», по видимому, содержат рецепции повествования о походе Зопириона, восходящего к одному из историков Александра. Что такое повествование действительно существовало, показывают сообщения Трога и Макробия о разных событиях этого похода. По мысли Д. Ашери, рассказ о походе Зопириона содержался в сочинении Клитарха или Онесикрита (см. прим. 11).

Итак, изложенное позволяет наметить основные вехи похода Зопириона. Прибыв в Гилею, он очищает ее от скифов, водружает тут алтарь Александра, затем движется к Меотиде, проходя землю царских скифов и дружественных агафирсов (такое расположение базилидов и агафирсов дал Аноним, см. прим. 9 и [Plin., N. H. IV, 88]). В земле сарматов у излучины нижнего Дона он наносит поражение (или ряд поражений) противнику, вновь ознаменовав это воздвижением Александровых алтарей, и преследуя его, движется в обратном направлении, подобно Дарию. Как персидская армия была измотана дальним и длительным продвижением ввиду умелой тактики царских скифов [Herod., IV, 130–131], так и войско Зопириона подошло к Борисфену ослабленным. Здесь полководец не сумел разбить местное скифское население — борисфенинов; возможно, к этому эпизоду или какому-либо следующему относится сообщение Трога о поражении, нанесенном войску Зопириона скифами у Юстина [XII, 2, 16]. Однако это не было решительным поражением — войско сохранилось, поскольку полководец пошел далее на гетов: он отвел войско к морю и посадил его на корабли, что следует из пролога к XII книге «Истории» Трога: «Зопирион погиб с войском на море» [Hist. Phil., fr. 90 Seel: Zopyrion in ponto cum exercitu periit]¹⁶. Катастрофа произошла

у гетского (ныне Буджакского) побережья, что следует из сообщения Курция Руфа: «Во время похода к гетам наместник Фракии Зопирион был погублен со всем войском внезапно разразившейся бурей и грозой»¹⁷. Вероятно, Зопирион намеревался высадиться на буджакском побережье, где находились прибрежные города Кремниск и Эполий, Страбон упоминает здесь гавань [VII, 3, 15]. Не преуспев в войне с приднепровскими базилидами и борисфенинами, он, видимо, намеревался покорить тех Атеевых скифов, которые кочевали между низовьями Днестра и Дуная. Они вкуче с остатками добруджских скифов подразумеваются в сообщении Плутарха о том, что в начале Восточного похода Александра «иллирийцы склонялись к возмущению, а часть скифов угрожала замышлявшим недоброе соседям» [Mor. 327c]. Напомним в связи с этим, что после похода Александра к дельте Дуная и заключения мира с тамошними народами Нижнедунайское Левобережье мыслилось анклавом Македонского царства (см. выше). Указанные обстоятельства вполне поясняют причины, которые привели Зопириона к Буджакскому побережью.

Несмотря на конечную неудачу, поход Зопириона имел большое значение для исторических судеб Северного Причерноморья. Судя по войне с Перисадом полтора—два года спустя, поначалу после ухода македонцев базилиды еще продолжали военные акции против врагов. Однако очень скоро, по истечении считанных лет, народы Скифии и греческие государства Северного Причерноморья вступают в полосу наивысшего расцвета. Это означает, что базилиды более не располагали возможностями для дальнейшей дестабилизации региона — борьба с 30-тысячным войском Зопириона измотала и их. Это ускорило мир в регионе, подведший Скифию к расцвету, и в этом заключается важнейшее значение похода Зопириона для Северного Причерноморья в целом. И то, что *rex Scythica* рухнула всего столетие спустя, также, вероятно, было отзвуком военных действий армии Зопириона, ослабивших скифов.

¹⁶ Оба сообщения Трога заимствованы из повествования о походе Зопириона, содержавшегося, как мы предположили, у одного из историков Александра.

¹⁷ [Curt., X, 1, 44]. Это сообщение также заимствовано Курцием из XII книги «Истории» Трога (см. прим. 12). Буря такой силы более характерна для осеннего времени, с чем согласуется получение Александром известия о гибели Зопириона после битвы при Гавгамелах в ноябре или декабре 331 г. (Дройзен, 1890, С. 215), как мы предположили, в Персиде при встрече скифского посольства.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман Э. Государство Селевкидов. — М., 1985. — 264 с.
- Буйских С.Б. Исследования в ур. Глубокая Пристань // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1989. — С. 23—24.
- Былова В.П. Нижнее Поднепровье в IV—II вв. до н. э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991. — С. 69—75.
- Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В. Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. — Кишинев, 1990. — С. 15—30.
- Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О. Каллиник, сын Евксена // ВДИ. — 1983. — № 1. — С. 21—39.
- Гаврилюк Н.А., Черненко Е.В. «Скифский поход» Зопириона // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991. — С. 65—69.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шитова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — М., 1982. — 455 с.
- Дройзен И.Г. История эллинизма. — М., 1890. — Т. 1. — 606 с.
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. — М., 1961. — 224 с.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье. — М.; Л., 1953. — 388 с.
- Фол А. Тракия и Балканите през ранноеллинистическата епоха. — София, 1975.
- Черненко Е.В. Скифо-персидская война. — К., 1987. — 117 с.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. — М., 1986. — 384 с.
- Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика. Политика. Культура. — М., 1990. — С. 249—309.
- Яйленко В.П. Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. — М., 1998. — С. 90—129.
- Яйленко В.П. Дискуссионные вопросы истории и эпиграфики античного Северного Причерноморья // РА. — 2000. — № 3. — С. 181—192.
- Asheri D. Leggi greche sul problema dei debiti // Studi classici e orientali. — 1969. — Т. 18.
- Beloch J. Griechische Geschichte. — B.; Lpz., 1925. — Bd. 4.
- Diehl E. Olbia // RE. — 1937. — Bd. 17.
- Gerv B. Zum Problem der Wohnsitze der Triballer // Klio. — 1981/2. — Bd. 63. — H. 2.
- Hammond N.G.L., Griffith G.Th. A History of Macedonia. — Oxf., 1988. — Т. 3.
- Iliescu V. Bemerkungen zum pontisch — orientalischen Plan Alexanders des Grossen // Проблемы античной истории и культуры. — Ереван, 1979. — Т. 1.
- Pippidi D.M. I greci nel basso Danubio. — Milano, 1971.
- Pompeius Trogus. Fragmenta. Collegit O. Seel. — Lipsiae, 1956.
- Spiridonov T. La marche d'Alexandre le Grand en Thrace antique et les tribus entre Stara Planina et le Danube // Thracia. — Serdicae, 1977. — Т. 4.
- Tomaschek W. Arae Alexandri // RE. — 1896. — Bd. 2.
- Touloumakos J. Historische Personennamen und Geschichtsbewusstsein in den griechischen Staedten des Bospornischen Reiches // Hellas und der griechische Osten. — Saarbrucken, 1996.
- Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. — Mainz, 1997.

О ХРОНОЛОГИИ ПАНТИКАПЕЙСКИХ СТАТЕРОВ

Хронология пантикапейских статеров имеет немаловажное значение не только для нумизматики Боспора, но и для скифоведения. М.И. Ростовцев в целом ряде курганов нижнеднепровской группы отметил штампованные бляшки, более или менее грубо воспроизводящие тип пантикапейских статеров и других боспорских монет. Наиболее показательными в этом отношении он считал бляшки из кургана возле Огуза, где имеются не только два типа бородатой головы сатира, но и оборот монет данного типа — грифон с копьем на колосе (Спицын, 1906, табл. XIV, 6, 21, 22). В Деевом кургане представлен как бородатый тип, так и безбородая голова юного сатира (Спицын, 1906, табл. XIII, 1, 5, 13). Два типа, воспроизводящих бородатого сатира пантикапейских монет, представлены в 1-м Мордвиновском кургане (Лесков, 1974, С. 46, рис. 36), по одному — в Верхнем Рогачике (ОАК 1913—1915, С. 135, рис. 221) и в кургане в окрестностях Никополя (ДП VI, 1907, табл. V, 530), в Чертомлыке (ДГС, Атлас, табл. XL, 7; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, С. 115—117, № 212/22) и в центральном погребении Александрополя (ДГС, Атлас, табл. VIII, 3).

Как он отметил, ни одна из бляшек не является точной копией монет, но все они воспроизводят изображения сатиров с золотых и серебряных пантикапейских монет одного стиля и одного времени от середины до конца IV в. до н. э., приблизительно эпохи Александра (Ростовцев, 1925, С. 442—444). Позднее М.И. Ростовцев датировку пантикапейских статеров определял в пределах второй половины IV — первой половины III вв. до н. э., по времени существования Нижнеднепровской группы царских скифских курганов, позднейшим из которых является Александропольский (Rostowzew, 1931, S. 393—409, 430). Впоследствии он вернулся к датировке в пределах IV в. до н. э., временем незадолго до Александра (Rostovtzeff, 1934, P. 219—220).

Следует отметить, что далеко не все сопоставления монетных типов бляшек М.И. Ростовцева можно принять. С пантикапейскими статерами можно сопоставить только бляшки с изображениями грифона и бородатой головы влево из кургана возле Огуза (рис. 1, 10А) и, со

значительно меньшей степенью достоверности, бляшку с бородатой головой влево из 1-го Мордвиновского кургана. Для остальных упомянутых типов гораздо более точным представляется сопоставление И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, а вслед за ними А.Ю. Алексеева, для бляшек из Чертомлыка с монетами Филиппа II Македонского (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, С. 115—117, № 212/22; Зограф, 1951, табл. XI, 1), справедливого и для всех остальных случаев, где тип Филиппа воспроизведен в различной степени стилизации, вплоть до слабо узнаваемой. Эту серию дополняет бляшка из Татьяниной Могилы (Мурзин, Полин, Ролле, 1993, рис. 4, 5). Разумеется, при таком сопоставлении подавляющее большинство бляшек этого типа, за исключением наиболее стилизованных (Александрополь), должны датироваться временем Филиппа, а не последними двумя—тремя десятилетиями IV в., как это предлагает А.Ю. Алексеев.

Д.Б. Шелов принял наблюдения М.И. Ростовцева в части сопоставления со статерами и пришел к заключению, что оригиналами для этих бляшек послужили статеры поздних типов — от 3-го до 5-го, что точнее определить невозможно (Шелов, 1956, С. 140).

Н.А. Онайко, в свою очередь на штампованных золотых бляшках из 1-го Мордвиновского и Мелитопольского курганов, кургана возле Огуза также видела изображения, заимствованные с пантикапейских статеров. Мелитопольские бляшки она сопоставляла с изображениями сатира на статерах, датирующихся не позднее начала последней четверти IV в. до н. э., а именно с 3-м и 4-м типами статеров 330—315 гг. до н. э., а по сравнительно мягкой трактовке лица этого божества — с монетами более раннего времени (Онайко, 1970, С. 49, табл. XLI, № 494ж; Лесков, 1974, рис. 36; Спицын, 1906, табл. XIV, 21; Зограф, 1951, табл. XL, 9, 10; Шелов, 1956, табл. III, 31, 32). А.Ю. Алексеев мелитопольские бляшки по характерной особенности — вздернутой бороде сатира — сопоставил со статерами 4-го и 5-го типов последней трети IV в. до н. э. (Алексеев, 1987, С. 35). И хотя Д.Б. Шелов действительно писал, что такая трактовка бороды характерна для двух последних типов (Шелов, 1956, С. 101), однако эта

Рис. 1. Статеры 1-го типа: 1 — коллекция Кочубея. Вес 9,025 г (Кене, 1857, Pl. III, 2); 2 — коллекция Бурачкова. Вес 9,0 г (Бурачков, 1884, табл. XIX, 28); 3 — клад из Принкипо. Вес 9,15 г (Regling, 1931, Taf. IX, 166); 4 — коллекция Гиля. Вес 9,1 г (Гиль, 1892, табл. IV, 19); 5 — Пуленцовский клад. Вес 9,05 г. Одесса. ОАМ НАНУ, инв. № 52210 (Greek, 2002, № 145); 6 — Мюнхен. Вес 9,02 г (Lanz, 1995, № 107); 7 — Британский музей (Seltman, 1966, Pl. XXXIX, 12); 8 — Вена. Вес 9,13 г. Kunsthistorisches Museum, инв. № 28.500 (Gold, 1993, № 154). Гекты: 9 — коллекция Бурачкова. Вес 1,5 г (Бурачков, 1884, табл. XX, 61); 10 — Британский музей. Вес 1,47 г (Анохин, 1986, № 92). 10А — Курган возле Огуза. Штампованная бляшка (Спицын, 1906, табл. XIV, 21)

деталь свойственна преимущественно 4-му типу (рис. 4). У сатиров на статерах 5-го типа борода пышная, но укороченная, и говорить о ее вздернутости не приходится (Зограф, 1951, табл. XL, 11; Шелов, 1956, табл. III, 33; Анохин, 1986, табл. 3, 115) (рис. 4; 5). Такая же укороченная, можно сказать приподнятая, борода изображена у сатиров на статерах 1-го типа (рис. 1). И бляшки из Мелитопольского кургана в точности воспроизводят бороду и общий тип сатира статеров именно 4-го типа, о чем также свидетельствует упрощенная линейная трактовка волос на затылке (рис. 4, 41). Бляшки с изображением сатира из кургана возле Огуза (рис. 1, 10А) и 1-го Мордвиновского кургана по отсутствию венка сопоставимы со статерами 1-го типа.

Грифон монетного типа на колесе на бляшках из кургана возле Огуза, по мнению Н.А. Онайко, как по форме бляшки, так и по типу грифона и размеру колеса, подражает ранним боспорским статерам 1—3-го типов (Онайко, 1970, С. 49—50, табл. XLI, № 500к; Зограф, 1951, табл. XL, 7—9). Н.А. Онайко также совершенно справедливо видела изображения грифона монетного типа и на бляшках из женского захоронения Толстой Могила и на перстне из Красноперекоского кургана № 22 на Херсонщине. Форма передней лапы и трактовка фигуры указывают на те же типы статеров (Онайко, 1982, С. 254; Мозолевский, 1979, С. 131, рис. 113, 8; 115; Лесков, 1974, С. 82, рис. 70). Тот же грифон представлен на бляшках из кургана Татьяна Могила (Мурзин, Полін, Ролле, 1993, рис. 4, 9). Следует уточнить,

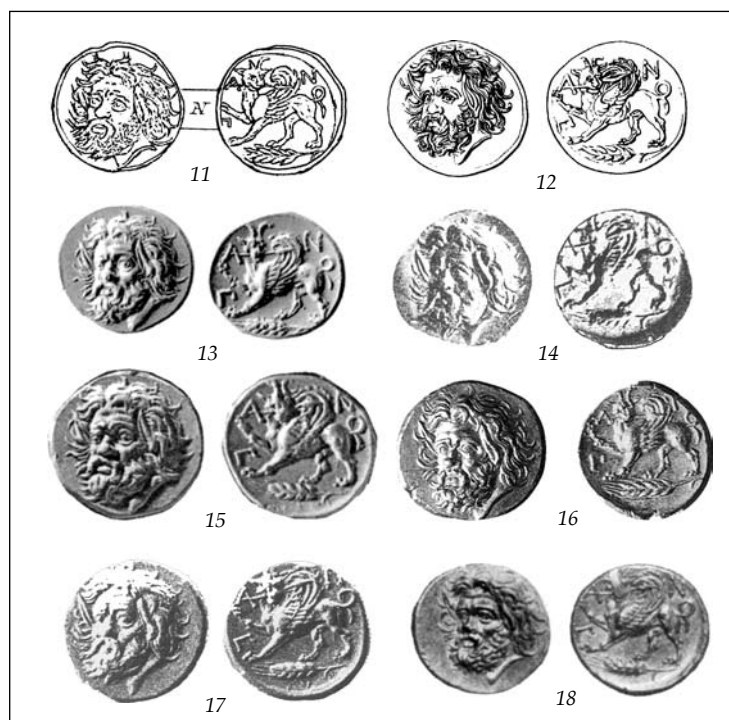
что изогнутая вниз передняя поднятая лапа грифона характерна именно для 3-го типа пантикапейских статеров (курган возле Огуза — рис. 3, 29), изогнутая вверх — для 1-го и 2-го типов (Татьянина Могила — рис. 3, 30).

В курганах Скифии известно и несколько находок пантикапейских статеров в составе перстней. Два таких перстня найдены в Рыжановском кургане в XIX ст. Д.Б. Шелов видел в них монеты, изъятые непосредственно из обращения, и датирующиеся этим временем (Шелов, 1956, С. 140). Б.Н. Граков по неточным рисункам соотнес эти статеры с 3-м типом 330-х гг. IV в. до н. э. (Граков, 1968, С. 109—110), что неверно. М. Мильчарек по оригиналам определил принадлежность обоих статеров из перстней к 4-му типу по Д.Б. Шелову — 330—315 гг. до н. э. Он также поддержал датировку рыжановских монет Д.Б. Шелова временем их обращения и соответственно датировал курган после 330 г. до н. э. (Mielczarek, 1987, P. 102).

В 1995 г. при доисследовании Рыжановского кургана в том же впускном захоронении был обнаружен еще один перстень с боспорским статером (рис. 4, 40), который, по мнению С.А. Скорого и Я. Хохоровского, принадлежит к 4—6-му, или к 4-му и 5-му, или к 5 и 6-му типам, которые по Д.Б. Шелову датируются 330—315 и 315—300 гг. до н. э., а согласно В.А. Анохину, соответственно 314—310, 310—304 и 304—294 гг. до н. э. Для Центрального захоронения Рыжановского кургана получен ряд радиоуглеродных дат, которые, по мнению авторов раскопок, в целом для кургана дают дату 270 ± 12 гг. до н. э. Разуме-

Рис. 2. Статеры 2-го типа: 11 — Пуленцовский клад. Коллекция Кочубея. Эрмитаж. Вес 9,05 г (Кене, 1857, Pl. III, 1); 12 — Пуленцовский клад. Эрмитаж (ДБК, С. 148, табл. LXXXV, 2); 13 — коллекция Гиля. Вес 9,1 г (Гиль, 1892, табл. IV, 20); 14 — клад из Принкипо. Вес 9,2 г (Regling, 1931, Taf. IX, 165); 15 — Лондон. Вес 9,1 г (Анохин, 1986, № 97); 16 — Пуленцовский клад. Вес 9,05 г. Одесса. ОАМ НАНУ, инв. № 52146 (Greek, 2002, № 147); 17 — коллекция Уварова. Вес 9,08 г (Орешников, 1887, табл. II, 371); 18 — Берлин. Вес 9,1 г (Regling, 1924, S. 35)

ется, такая дата основного погребения еще более омолаживает датировку впускного погребения. Большие расхождения в датировках монет, импортной керамики с радиоуглеродными датировками привели авторов раскопок к целому ряду революционных выводов (Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj, 1996, S. 257, fot. 4, рис. 11; Скорый, 1998, С. 124; Chochorowski, 1999, S. 37—40; 2000, S. 44—45). Еще один такой же перстень был обнаружен в 1975 г. в кургане № 92 у С. Марьевка Томаковского р-на Днепропетровской обл. (раскопки Н.Н. Чередниченко). Здесь в перстне использован пантикапейский статер 5-го типа (рис. 5, 43), который, по хронологии В.А. Анохина, должен датироваться 310—304 гг. до н. э. (Chochorowski, 1999, S. 37).

Таким образом, важная роль пантикапейских статеров в датировании позднейших курганов скифской знати является совершенно очевидной. Поэтому представляется необходимым уточнение хронологии статеров, что также возможно и на основе материалов курганов Скифии второй половины IV в. до н. э.

Изучение пантикапейских статеров началось вскоре после их открытия в начале XIX в. (ДБК, 148, табл. LXXXV, 1; Спасский, 1846, С. 13, № 20—21; Кене, 1857, С. 340—341, 346). С самого начала была определена их датировка в пределах IV в. до н. э. или около 350 г. А. Бертье-Делагард в целом считал золотую чеканку Пантикапея достаточно кратковременной и первоначально относил ее к 350—320 гг. до н. э. При взвешивании он, вслед за Б. Кене и Х.Х. Гилем, обнаружил несколько статеров и в единственном экземпляре половинный номинал, чеканенных по атти-

ческой системе в облегченном весе. Он отметил единство их чекана со статерами типов 3—5 по современной типологии и пришел к выводу о том, что после появления на международном рынке колоссальной массы золотых монет Филиппа II, а в особенности — Александра Македонского, Пантикапей быстро прекратил свою собственную чеканку золотых монет тяжелого веса, ограничившись пробными выпусками по новой аттической системе при Александре Великом. Колоссальные убытки, понесенные городом при перечеканке золотых монет Александра в собственные, по его мнению, привели к кризису монетного дела, который Боспор переживал на протяжении III в. до н. э. Позднее он датировал всю золотую серию Пантикапея в пределах второй половины IV в. до н. э., относя золотые, чеканенные по аттической системе, к концу IV в. до н. э. (Бертье-Делагард, 1911, С. 31—33, 51—53; 1913, С. 82—86, № 139—140).

К. Реглинг при изучении клада из Принкипо, найденного на Принцевых островах в Мраморном море в 1930 г., разработал типологию и хронологию пантикапейских статеров. В составе клада из 207 золотых монет найдены 160 кизикинов, 4 статера Лампсака, 16 статеров Пантикапея и 27 статеров Филиппа II Македонского¹.

¹ По количеству монет в этом кладе в отечественной литературе иногда указываются ошибочные цифры. А.Н. Зограф в одном случае назвал 17 пантикапейских статеров, в другом — 16 статеров только 3-го типа и по одному 1-го и 2-го (Зограф, 1935, С. 186, № 2; 1951, С. 173). Л.А. Казаменова правильно назвала 16 пантикапейских статеров, но указала 273 статера Филиппа II Македонского (Казаменова, 1969, С. 141).

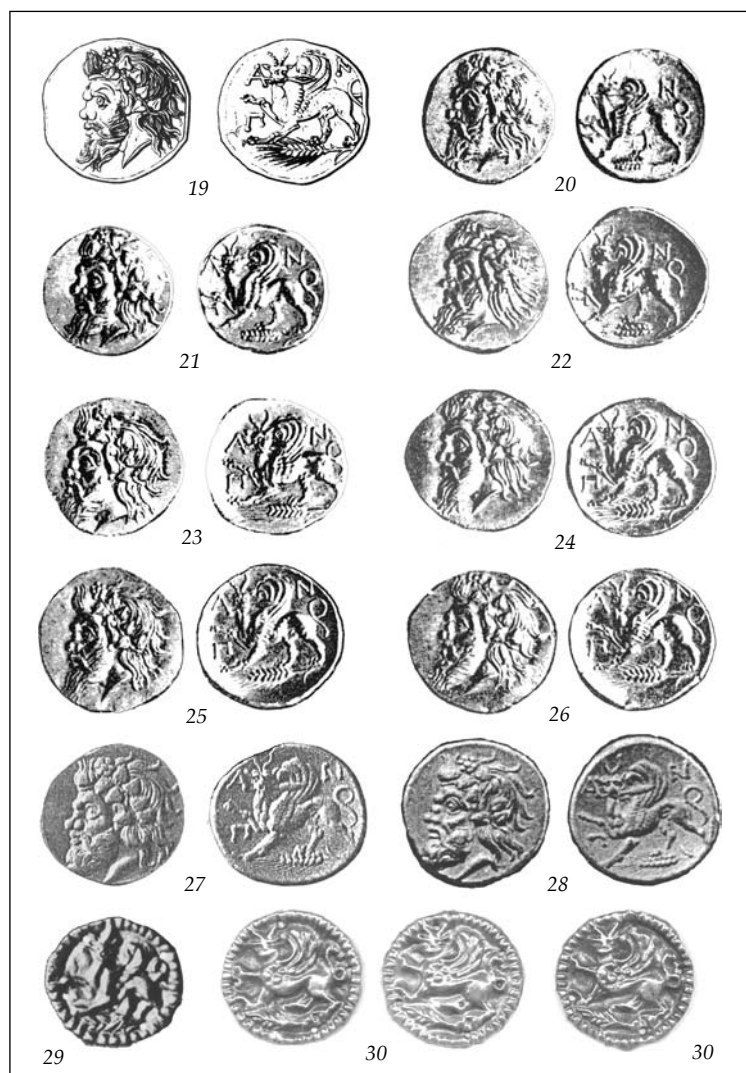

Рис. 3. Статеры 3-го типа: 19 — Плитовая гробница в Катерлесе 1835 г. возле Керчи. Вес 9,06 г. Эрмитаж. Инв. № ГЭ № 632 (ДБК, табл. LXXXV, 1; Анохин, 1986, № 102); 20–26 — клад из Принкипо, вес в пределах 9,14–9,2 г (20 — Regling, 1931, Taf. IX, 167; 21 — Regling, 1931, Taf. IX, 168; 22 — Regling, 1931, Taf. IX, 169; 23 — Regling, 1931, Taf. IX, 170; 24 — Regling, 1931, Taf. IX, 171; 25 — Regling, 1931, Taf. IX, 174; 26 — Regling, 1931, Taf. IX, 178); 27 — коллекция Уварова. Вес 8,34 г (Орешников, 1887, табл. II, 384); 28 — Москва. Вес 8,37 г. ГИМ, инв. № ГИМ 382 (Фролова, 2002, табл. VII, 6); 29 — курган возле Огуза (Спицын, 1906, табл. XIV, 22); 30 — курган Татянина Могила (Мурзин, Полін, Ролле, 1993, рис. 4, 9)

Он отметил значительную редкость типов статеров Филиппа, найденных в кладе в Принкипо, и отнес их к последним годам чеканки Филиппа. Поэтому, при отсутствии в его составе монет Александра Великого, этот клад мог быть зарыт в 335 г., не позднее 334 г. до н. э.

Четырнадцать пантикапейских статеров из клада в Принкипо принадлежали к 3-му типу, до этой находки известному всего по двум экземплярам из Эрмитажа и ГИМа. Эти статеры К. Реглинг датировал временем, непосредственно предшествовавшим зарытию клада. По степени потертости единственный статер с фасовым изображением он выделил в качестве наиболее раннего 1-го типа и, соответственно, отнес к промежуточному 2-му типу статер с профильным изображением сатира без венка с волосами, уложенными длинными параллельными прядями. Он также обобщил информацию обо всех известных на то время статерах и разработал их стройную классификацию и хронологию.

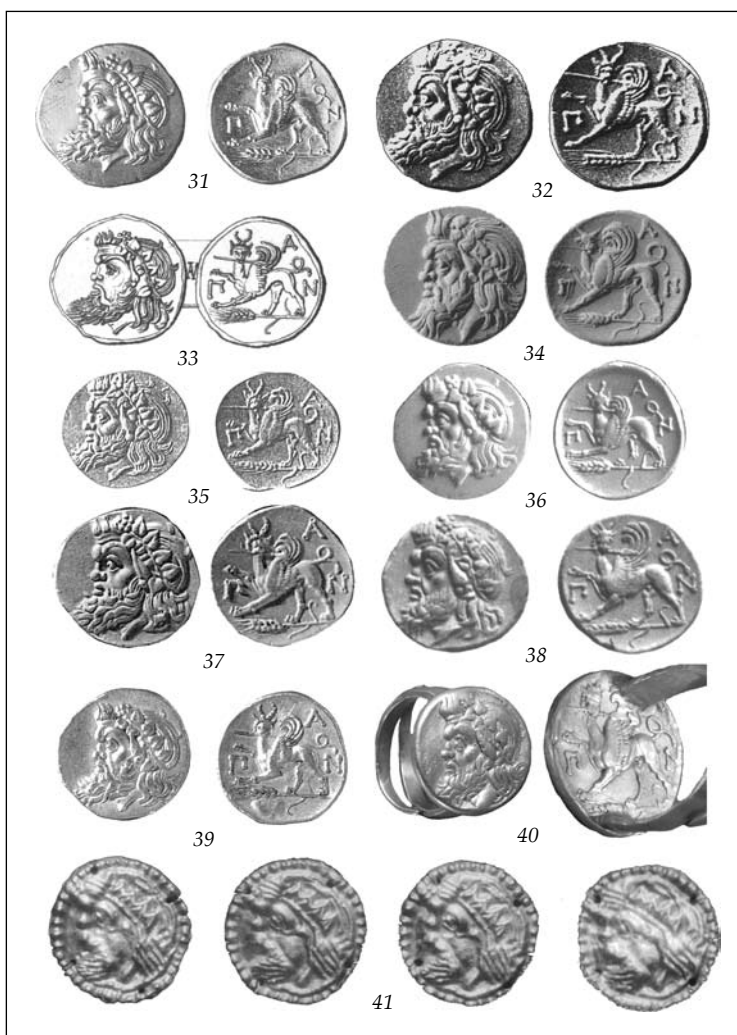
Лицевые стороны статеров 3-го типа из Принкипо в изображении сатира демонстрируют удивительное разнообразие деталей причесок и

венков (рис. 3, 20–26), плотно сближающих их с одной стороны со статерами 2-го типа, и с другой стороны — со статерами 4-го типа. К. Реглинг вслед за Э. Миннзом полагал, что золотая чеканка Пантикапея началась только после появления золотых монет Филиппа, как считалось в то время — в 356 г. до н. э., и датировал 1-й тип пантикапейских статеров временем незадолго до 350 г. до н. э., тип 2 — вскоре после 350 г., тип 3 — незадолго до 335 г., тип 4 — около 330 г. Тип 5 с его вариантами переходных изображений тесно примыкает к типу 4. Выпуск 5-го типа, отчеканенного штемпелем «σ» в аттическом весе, как он полагал вслед за Е.С.Г. Робинсоном, прекратился в 320–300 гг. до н. э.

К. Реглинг описал также и известные на то время поддельные пантикапейские статеры. Один из них, известный как подделка или новодел (Кене, 1857, С. 346, № 25) Беккера, подражает 4-му типу. Более многочисленны подделки, подражающие 3-му типу, которые К. Реглинг назвал «русским» типом поддельных статеров. Они отличаются тем, что сатир здесь имеет человеческое ухо и эти подделки отчеканены в

Рис. 4. Статеры 4-го типа: 31 — Одесса. Вес 9,06 г. ОАМ НАНУ, инв. № 52143 (Greek, 2002, № 146). 32 — коллекция Уварова. Вес 9,06 г (Орешников, 1887, табл. II, 369); 33 — коллекция Бурачкова. Вес 9,0 г (Бурачков, 1884, табл. XIX, 47); 34 — коллекция Гиль. Вес 9,06 г (Гиль, 1892, табл. IV, 21); 35 — коллекция Гиль. Вес 9,08 г (Гиль, 1895, № 43); 36 — Британский музей. Вес 9,1 г (Minns, 1913, Pl. V, 16); 37 — Берлин. Вес 9,09 г (Анохин, 1986, № 109); 38 — Британский музей (Seltman, 1966, Pl. XXXIX, 13); 39 — Москва. Вес 9,06 г. ГИМ (Фролова, 2002, № 600); 40 — Рыжановский курган. Вес статера 8,60 г. Фонды ИА НАНУ, инв. № 3—4395 (Scythian, 1999, № 94). 41 — Мелитопольский курган. **Штампованные бляшки (МИДУ)**

аттическом весе как в золоте, так и в серебре². Третий вариант подделок, соответствующий типам 3—4, имеет безобразный рисунок головы с тем же человеческим ухом, шишка внизу на лбу преувеличена, пучок волос спереди имеет вид лиры, на обороте грифон стройностью и рисунком головы напоминает скорее оленя чем льва, «п» оформлено как «П» (Regling, 1931, S. 1—2, 29—32, 33, прим. 2, 38—39, 42, прим. 2, 43).

А.Н. Зограф принял разработки К. Реглинга, но при этом внес некоторые изменения в типо-

логию и датировки пантикапейских статеров. Необычно высокий вес пантикапейских статеров (около 9,1 г) дал основания А.Н. Зографу доказывать независимое и более раннее возникновение пантикапейской золотой чеканки. В типологии К. Реглинга А.Н. Зограф поменял местами первые два типа. По А.Н. Зографу, 1-й тип (сатир в профиль без венка — рис. 1, 1—7) и 2-й тип (сатир в фас без венка — рис. 2, 11—18) приходятся на время между 370 и 340 гг. и датируются, соответственно, концом 370—360 гг. и 360—340 гг. Он отметил плавный переход 1-го во 2-ой тип, возможность их единовременного обращения, на что указывают экземпляры обоих типов из Эрмитажа, оборотные стороны которых биты одним штемпелем. Хотя А.Н. Зограф и написал, что «с хронологической схемой Реглинга, начиная с 3-й группы, можно в полной мере согласиться», даты К. Реглинга для поздних типов он изложил с существенными отступлениями. Так, он несколько расширил датировку 3-го типа до 340—330 гг. Если 340 г. в качестве ранней границы типа вполне вытекает из датировки клада из Принкипо, то 330 г. в качестве поздней границы типа выглядит уже натяжкой. Еще менее

² Х.Х. Гиль такой золотой статер из своей коллекции считал сомнительным. Позднее в Королевском мюнц-кабинете в Берлине он обнаружил идентичный экземпляр, но изготовленный из серебра, а в мюнхенской коллекции — такой же золотой статер, но другого штемпеля, после чего окончательно пришел к выводу о поддельности всех этих монет. Как полагал Х.Х. Гиль, образцом для этих подделок послужил статер из собрания А.С. Уварова, на котором, в отличие от перечисленных, сатир имеет козлиные уши, как на всех подлинных пантикапейских статерах (Гиль, 1895, С. 222, № 44, Pl. XIX, 44). Поддельный экземпляр с человеческим ухом приведен у Л.А. Казамазовой в качестве иллюстрации 3-го типа пантикапейских статеров (Казамазова, 1969, табл. L, 16).

Рис. 5. Статеры 5-го типа: 42 — коллекция Micher. Вес 9,07 г (Ditrich, 1959, 86—87, № 101); 43 — Марьевка, курган № 92, МИДУ, инв. № КИМ/МК, № AZS—3100 (Gold, 1993, № 155); 44 — Нью-Йорк. Вес 9,05 г (Анохин, 1986, № 115). **Статеры 6-го типа:** 45 — коллекция Гиля. Вес 8,35 г (Гиля, 1892, № 22); 46 — коллекция Гиля. Вес 8,35 г (Гиля, 1892, № 23); 47 — Лондон. Вес 8,58 г (Анохин, 1986, № 116). **Полустатер:** 48, 49 — Эрмитаж, инв. № ГЭ 635 (Анохин, 1986, № 119; Бурачков, 1884, табл. XX, 61)

оправданно отнесение 4-го (рис. 4, 31—40) и 5-го (рис. 5, 42—44) типов к последней четверти IV в. до н. э., поскольку теснейшая связь 3—5 типов считается безусловной. Выпуск статеров 5-го типа по аттической системе весом 8,55 г он отнес к последнему десятилетию IV в. до н. э., когда монеты Александра окончательно вытеснили с рынка кизикины. Таких статеров очень немного и, как установил К. Реглинг, все они биты одним штемпелем лицевой стороны (рис. 5, 45—47). По мнению А.Н. Зографа, они были последними накануне кризиса денежного обращения Пантикапея, переживавшегося городом с начала III в. до н. э. и выразившегося, прежде всего, в отсутствии монет из драгоценных металлов (Зограф, 1951, С. 171—177).

А.Н. Зограф высказал предположение о наличии еще и 6-го типа пантикапейских статеров по единственной монете из коллекции князя А.А. Сибирского, отличавшейся упрощенностью рисунка, что, по его мнению, свидетельствовало о ее принадлежности уже к III в. до н. э. (Зограф, 1951, С. 173, 177). Однако сатир на этом статере имеет человеческое ухо, что указывает на поддельность монеты (Карышковский, 1964, С. 139, прим. 44). В целом различные существенные неточности в цитировании создают впечатление, что А.Н. Зограф знакомился с исследованиями К. Реглинга в процессе личной переписки и не имел в своем распоряжении опубликованного варианта работы.

Д.Б. Шелов принял типохронологию К. Реглинга с поправками А.Н. Зографа и предложил некоторые уточнения для позднейших типов, более близкие к датировкам К. Реглинга, но не-

сколько растянутые во времени, что противоречит констатации Д.Б. Шелова типологической близости трех последних типов, свидетельствующей о сравнительно небольшом временном промежутке, в который все они должны укладываться. Это противоречие отразилось в расхождениях между датировками в тексте книги и в таблицах. В тексте кратковременная чеканка 4-го типа отнесена к 320-м гг. Выпуск 5-го типа пантикапейского золота отнесен к последнему десятилетию IV в. до н. э. В таблицах приведены следующие даты: 1-й тип — 375—360 гг., 2-й тип — 360—340 гг., 3-й тип — 340—330 гг., 4-й тип — 330—315 гг., 5-й тип — 315—300 гг. Д.Б. Шелов предполагал необходимость выделения в особый 6-й тип группы пантикапейских статеров с облегченным весом 8,55 г, которые типологически относятся к последнему 5-му типу и также должны датироваться последним десятилетием IV в. до н. э. Совместно со статерами 6-го типа, который он также считал последним выпуском пантикапейского золота, согласно Д.Б. Шелову чеканились и мелкие золотые номиналы: полустатер с безбородым молодым сатиром в венке на лицевой стороне и протомой грифона на обороте, известный по уникальному экземпляру из Эрмитажа (рис. 5, 48—49), и столь же редкие золотые гекты с той же символикой (рис. 1, 9—10). Д.Б. Шелов также полагал, что завершение золотой чеканки на рубеже IV—III вв. до н. э. предшествовало началу кризиса монетного дела на Боспоре в III в. до н. э. (Шелов, 1956, С. 93—96, 107, сл., 125, сл., 139, табл. на С. 114, табл. III).

П.О. Карышковский поддержал выделение Д.Б. Шеловым позднейшего 6-го типа панти-

капейских статеров аттического веса и предложил уточнения датировок трех последних типов: 4-й тип должен датироваться 330—315 гг. (скорее первой половиной этого периода), 5-й тип — временем правления Евмела (310/309—304/303 гг.), а 6-й тип (аттического веса) — первыми годами правления Спартока в пределах 303—294 гг. до н. э. (Карышковский, 1957, С. 277). Позднее П.О. Карышковский подробнее остановился на датировке 6-го типа статеров и более решительно отнес его к годам правления Евмела (310/9—304/3 гг. до н. э.), со значительно меньшей вероятностью датировки первыми годами правления его преемника Спартока (Карышковский, 1964, С. 137).

На основе работ К. Реглинга, А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова и П.О. Карышковского установилось общее представление о начале хронологической последовательности типов монет и окончании золотой чеканки Боспора в пределах IV в. до н. э. Это принял и В.А. Анохин, полагавший, что где-то во второй половине IV в. до н. э. прекращается чеканка кизикинов, уступивших свое место золотым статерам Александра Македонского, судьбу которых должен был разделить и пантикапейский статер (Анохин, 1971, С. 13). В итоговой работе по монетному делу Боспора в сущности повторяются все эти положения, но предложенная хронология выпусков пантикапейского золота категорически им противоречит. По мнению В.А. Анохина, все предшествующие хронологии отличались отсутствием исторического подхода, который автор увидел в необходимости соотнесения отдельных выпусков с конкретными боспорскими правителями, последовательно сменявших друг друга с 379 по 283 гг. до н. э.

Согласно В.А. Анохину первые два выпуска приходится на правление Левкона I и осуществлялись в 379—369 и 369—359 гг. Третий выпуск после 15-летнего перерыва состоялся уже при Перисаде I в 344—334 гг., и при нем же, после 20-летнего перерыва, в 314—310 гг. — четвертый выпуск. Пятый выпуск, по В.А. Анохину, приходится на правление Евмела в 310—304 гг. Золотые монеты аттического веса, наиболее поздние, В.А. Анохин разделил на два последовательных самостоятельных выпуска, которые отнесены уже к правлению Спартока III в 304—294 гг. (статеры) и 294—284 гг. (полустатеры). Таким образом, по В.А. Анохину, семь выпусков боспорского золота охватывают 379—284 гг. до н. э. — без малого 100 лет.

Его стремление снабдить каждого из последующих правителей собственными золотыми монетами почти до начала денежного кризиса на Боспоре (по Анохину) 275 г. до н. э., привело к необходимости введения 15—20-летних перерывов между выпусками, а также выведения

за пределы общепризнанного периода существования пантикапейской золотой чеканки в пределах IV в. до н. э. статеров и полустатеров аттического веса и разделения их на два отдельных последовательных выпуска, что представляется весьма искусственным (Фролова, 1988, С. 134; 1992, С. 209). В отступление от традиции В.А. Анохин гекту объединил со статерами 1-го типа, по-видимому, вслед за А.Л. Бертье-Делагардом (Бертье-Делагард, 1913, С. 83, № 118), что и составило по В.А. Анохину первый золотой выпуск Пантикапея. Такое объединение вполне логично, поскольку вес гекты (1,48—1,5 г) является кратным по отношению к статерам тяжелого веса, а прическа сатира весьма близка изображению на статерах 1-го типа (рис. 1, 1—10).

Выведение пантикапейских золотых монет аттического веса в III в. до н. э. представляется необоснованным. Такое запоздалое приведение Пантикапеем собственных монет в соответствие с общепринятыми стандартами — более чем через 30—40 лет после массового появления на Боспоре статеров Филиппа Македонского и Александра Великого и выхода из обращения кизикинов — выглядит настолько удивительным, что требует серьезных обоснований, которые в работе отсутствуют (Анохин, 1986, С. 32—36, 41—42, 54—55, табл. IV). В.А. Анохин, учитывая датировку П.О. Карышковского начала кризиса денежного обращения на Боспоре около 275 г. (Карышковский, 1964, С. 137—138), попытался механически заполнить образовавшуюся лакуну с существующей хронологией пантикапейских статеров соответствующими выпусками золотых монет, для чего понадобилось неоправданно растянуть всю чеканку во времени и выделить в отдельный выпуск полустатеры. Но начало надчеканки медных монет еще в конце IV в. до н. э., указывает на начало кризиса уже в это время и такое растягивание хронологии статеров является неоправданным (Фролова, 1992, С. 213).

Представляется безосновательным упрек В.А. Анохина в адрес предшественников в отсутствии историзма в подходе к решению хронологии пантикапейских статеров. Именно на нем, с учетом находок кладов и отдельных монет, и построена вся типология и хронология пантикапейского золота. Стилистический анализ изображений на первых пантикапейских статерах позволил Б. Кене определить их более ранний возраст в сравнении со статерами Филиппа Македонского. Открытие Б. Кене, Х.Х. Гилем и А.Л. Бертье-Делагардом монет с весом по аттической системе позволило исторически ограничить время финала всей серии пантикапейского золота в пределах IV в. до н. э. Руководствуясь именно историческими соображениями, А.Н. Зограф обосновал независимость пантикапейской золотой чеканки и определил

ее начальную дату. Клад в Принкипо позволил К. Реглингу определить основополагающую для всей серии боспорских статеров датировку 3-го типа и разработать обоснованную типологию и хронологию. Ряд уточнений, в том числе и исторического плана, сделанных А.Н. Зографом, Д.Б. Шеловым и П.О. Карышковским, привели к созданию вполне достоверной типохронологической схемы. Многочисленные профессиональные нумизматические наблюдения А.Л. Бертье-Делагарда, К. Реглинга, А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова, П.О. Карышковского по единству чеканов 1-го и 2-го типов, 1-го и 3-го типов, близости последних четырех типов и в том числе монет аттического веса, отвергать которые нет ни малейших оснований, поскольку им нечего противопоставить, показывают их плотную сопряженность во времени при отсутствии каких-либо интервалов. Поэтому на сегодняшний день представляется более обоснованной хронология боспорских статеров в пределах IV в. до н. э. (Фролова, 1988, С. 133—135; 1992, С. 209—211) с внесением некоторых уточнений.

Недавно появилась работа, являющаяся по замыслу автора полным каталогом пантикапейских статеров (Фролова, 2002а). Такая работа должна быть итоговой, вносящей ясность и детализацию многих вопросов, достаточно бегло освещенных предшественниками. Но, к сожалению, на наш взгляд, этого не случилось. Прежде всего, удивляет заявление о том, что хронологическая классификация пантикапейских статеров не нуждается в каких-либо исправлениях. Такое откровение в устах специалиста по боспорской нумизматике выглядит, по меньшей мере, странно, поскольку хорошо известно, что обоснованной является только датировка 3-го типа, а все остальные являются производными от нее с различной степенью достоверности. При анализе этой работы Н.А. Фроловой я не даю ссылки на страницы, поскольку ее текст насчитывает всего лишь 6 стр. (!), а структура — отсутствие сплошной нумерации монет — максимально затрудняет этот процесс. Поэтому даются ссылки только на изображения статеров на таблицах.

Прежде всего, смущает общее количество статеров, учтенных Н.А. Фроловой. Списки реально существующих статеров по группам дополнены данными о статерах, в свое время взвешенных А.Л. Бертье-Делагардом, местонахождение многих из которых на сегодняшний день неизвестно, а также монетами, известными только по изображениям в различных каталогах без весовых характеристик. Ценность дополнения списка данными А.Л. Бертье-Делагарда крайне сомнительна. Ни один из статеров коллекции Эрмитажа не совпадает по весу с данными А.Л. Бертье-Делагарда. Также не совпадают его весовые

данные с реальными весами статеров 1-го, 2-го и 4-го типов Одесского археологического музея, статера 4-го типа из мюнц-кабинета в Берлине. Сомнения по этому поводу высказывал еще К. Реглинг (Диамант, 1971, С. 86; Greek, 2001, P. 73, № 145—147; Beschreibung, 1888, S. 9, № 11; Regling, 1931, S. 32, Anm. 10).

Коллекция Великого князя Александра Михайловича с вошедшими в нее собраниями Х.Х. Гиля и А.М. Подшивалова, насчитывавшая наиболее значительное количество пантикапейских статеров, а также уникальную гекту — 26 экз. (!!!), разошлась по зарубежным собраниям. Многие из статеров в современных зарубежных коллекциях, а также время от времени появляющиеся в аукционных каталогах, наверняка происходят из нее и коллекций других российских собирателей, вывезенных за рубеж, в том числе и самого А.Л. Бертье-Делагарда. Но неверные весовые данные А.Л. Бертье-Делагарда не позволяют идентифицировать монеты его же списка, с реально существующими сегодня не только в зарубежных, но и в отечественных собраниях. А.Л. Бертье-Делагард, К. Реглинг и В.А. Анохин приводят данные о 12—17 статерах 1-го типа и 14—17 статерах 2-го типа. Н.А. Фролова называет соответственно 32 и 28 статеров тех же типов. Такое внезапное увеличение количества этих очень редких монет совершенно недостоверно, поскольку сведений о новых находках подобных статеров не имеется с 1930 г. Тогда было найдено 2 экз. 1-го и 2-го типов в кладе на о. Принкипо. Сведения же о находках всех остальных статеров этих типов уходят вглубь 19 в. и в основном связаны с Пуленцовским кладом.

В то же время в каталоге, за исключением неполных сведений по кладу из Принкипо, не учтена сводка К. Реглинга, которая по оценке А.Н. Зографа являлась корпусом по статерам поздних типов из европейских собраний (Regling, 1931, S. 35—38; Зограф, 1951, С. 173).

При некритическом суммировании всех сведений, когда-либо появлявшихся в литературе, происходит произвольное умножение общего числа в целом чрезвычайно редких монет. Так, А.Л. Бертье-Делагард на 1913 г. учел 81 статер, 1 полустатер и 2 гекты (Бертье-Делагард 1913, С. 82—83, 86). К. Реглинг в 1931 г. с дополнением из Принкипо располагал сведениями о 99 статерах, 1 полустатере и 2 гектах (Regling K, 1931, S. 31—37). В.А. Анохин на 1986 г. имел информацию о 86 статерах, 1 полустатере и 1 гекте. Н.И. Фролова учла 119 статеров, 1 полустатер и 2 гекты. Если добавить еще 8 статеров из различных зарубежных каталогов коллекций и аукционов, 3 в перстнях из Рыжановского кургана и 1 такой же из Марьевки, а также 7 статеров из Принкипо, не учтенных Н.А. Фроловой, их общее число дойдет до 140, что не подтверждается

информацией о новых находках на территории Северного Причерноморья за последние 100 лет (Gold, 1993, S. 364, № 154; Lanz, 1995, № 107; Otto, 1928, S. 258, № 3734; Seibal, 1988, S. 15, № 26A; Auction, 1912, S. 20, № 237; Barron, 1911, S. 42, № 438; Miller, 1963, S. 161, № 79; Ditrich, 1959, S. 167, № 101; Анохин, 1986, С. 141, № 115,116). Несомненно многократное дублирование информации, что совершенно недопустимо, поскольку создается ложное представление о постоянном росте объема источника, чего на самом деле нет. В этой связи весьма поучителен пример К. Реглинга, проследивавшего судьбу каждой конкретной монеты по смене их владельцев и дальнейшему их прохождению по различным аукционам. Такая работа безумно сложна, требует колоссальных затрат времени, но она необходима для получения полноценного достоверного корпуса пантикапейских статеров.

Опорной для Н.А. Фроловой является типология К. Реглинга с уточнениями А.Н. Зографа, Д.Б. Шелова и П.О. Карышковского. Однако ее практическая реализация у Н.А. Фроловой во многом ей противоречит. Группировка статеров 1-го и 2-го типов не вызывает возражений, поскольку эти типы отличаются весьма выразительными особенностями изображений как лицевых, так и оборотных сторон. Но в списке 1-го типа не удалось отыскать статер, изображенный на табл. I, 14. В списке 2-го типа дважды учтен статер Одесского музея — в первый раз с неизвестным весом, во второй — по списку А.Л. Бертье-Делагарда с неправильным весом 9,1 г вместо реального 9,05 г.

Странности с типологией начинаются в 3-м типе. Для Н.А. Фроловой остались неизвестными отличия лицевой стороны 3-го типа от всех последующих. На первых трех типах лицо сатира сохраняет вполне человеческий облик, в отличие от более поздних. Достаточно реалистично переданы и волосы прически, борода и усы. Также неизвестным осталось для Н.А. Фроловой и то, что схема оборотной стороны одина для первых трех типов. Вероятно поэтому в 3-й тип совершенно неправомерно зачислен ряд статеров 4-го типа (Фролова, 2002, табл. IV, 3, 8—12). Отличия оборотной стороны 3-го типа от 1-го и 2-го состоит в том, что начиная с него окончание передней поднятой лапы изображается согнутым вниз. Главной же новацией 3-го типа в сравнении с предыдущими является появление венка на голове сатира (рис. 3, 19—28).

Не меньше странностей и с 4-м типом. По мнению Н.А. Фроловой, лицевая сторона этого типа отличается от трех предыдущих только «густотой бороды и количеством листьев в венке». Для оборотной стороны вообще какие-либо отличия не отмечены. По-видимому, такое поверхностное знакомство с предметом позволило

ей поместить три статера 3-го типа из клада в Принкипо в свой 4-й тип (табл. V, 5—7). Обнаружение в этом кладе каких-либо типов, помимо 1—3-го, которые выделил К. Реглинг и подтвердили А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов, могло бы явиться открытием первостепенной важности, если бы не было результатом элементарной ошибки. Статеры из клада в Принкипо вообще учтены в работе лишь частично. По одному отнесено к 1-му и 2-му типам, четыре — к 3-му, три — к 4-му, а семь — вообще не упоминаются ни в одной из групп. Ошибочно отнесены к 4-му типу статеры 5-го типа (табл. IV, 6, 9, 12; V, 9).

В то же время ряд статеров 4-го типа ошибочно отнесен к 5-му типу (табл. V, 12, 13; VI, 1—6).

В этой связи следует подробно охарактеризовать 4-й тип. Лицевая сторона — профиль сатира в венке влево, что по схеме совпадает с 3-м типом. Но, начиная с 4-го типа, сатир изображается во все более гротескной манере с характерным наростом на лбу, выделенными надбровными дугами, выразительным шишкообразным носом, толстыми губами, выпученными глазами и действительно с более пышной вздернутой длинной бородой. Если на всех предыдущих типах прическа сатира представляет собой вполне реалистичную копну волос, более или менее уложенную, то здесь волосы над венком изображены схематично в виде параллельных дуговидных полос с двумя завитками сверху. Резко выделен хохолок сверху спереди. Грива на затылке изображена крупными схематичными локонами. Листья и остальные детали венка на статерах 4—6-го типов более крупные. Решительно отличается от первых трех типов схема расположения легенды на оборотной стороне. Если у первых трех типов буква А находится слева от головы грифона, а буква N — между крылом и петлей хвоста грифона, то в 4-м типе буква А располагается между крылом и петлей хвоста, а буква N — ниже хвоста грифона. Особое внимание при этом нужно обратить на букву А. В 4-ом типе она расположена правее крыла, непосредственно над петлей хвоста или вблизи от нее (рис. 4, 31—40). По-видимому, только незнанием таких деталей можно объяснить появление в 4-м типе Н.А. Фроловой статеров 3-го (Фролова, 2002а, табл. V, 5—7) и 5-го типа (Фролова, 2002а, табл. IV, 6, 9, 10, 12; V, 9).

Предельно простым является определение статеров 5-го типа, которые, по мнению Н.А. Фроловой, «отличаются от первых групп по стилю изображений». Кроме стиля изображений для лицевой стороны особенностью именно 5-го типа является беспорядочная «многоэтажность» расположения петельчатых завитков пышных локонов на затылке сатира и укороченность бороды в сравнении с 4-м типом (рис. 5, 42—44). Для оборотной стороны очень

характерным является расположение буквы А над верхним окончанием крыла грифона или в непосредственной близости справа. Есть также и характерная именно для этого типа статеров разновидность изображения колоса (Фролова, 2002а, табл. VI, 7), правда, характерная лишь для одного штампа. Поэтому к 5-му типу неправомерно отнесены статеры 4-го типа (Фролова, 2002а, табл. V, 11—13; VI, 1—6, 8).

Уверенно проделано выделение группы статеров 6-го типа по их характерному весу, выдержанному по аттической норме. Вопросы вызывает великолепный статер, помещенный на табл. VII между № 1, 3 и 2, 4, не имеющий своего собственного номера. Разыскать ссылки на него в тексте не удалось. По всем признакам, в зависимости от веса, он принадлежит к 5-му или 6-му типу.

После декларации Н.А. Фроловой о приверженности общепринятой типо-хронологической схеме очень странным и внезапным выглядит появление VII группы. Нигде в тексте нет ни малейших упоминаний о ней, не дается ее характеристика и не определяется датировка. Сомнительная честь ее выделения приписывается П.О. Карышковскому, который никогда и нигде не выделял подобную группу. Такой группы или типа для пантикапейских статеров вообще не существует. Эта группа, выделенная Н.А. Фроловой, выглядит очень странно, поскольку в нее включены статеры аттического веса, но типологически разные. Нет необходимости останавливаться на статерах 3-го типа аттического веса из коллекций Гиля и Монтегю с изображением сатира с человеческим ухом (Фролова, 2002а, табл. VII, 3, 7), по меткому определению К. Реглинга — «русского» типа поддельных статеров. Для подтверждения их подлинности Н.А. Фролова привела наблюдение Х.Х. Гиля об их сходстве со статером из коллекции А.С. Уварова, где сатир имеет козлиное ухо. Но ведь Х.Х. Гиль, безупречно доказавший фальшивость статеров с сатиром с человеческим ухом, на основании этого сходства полагал, что статер А.С. Уварова послужил образцом для фальшивомонетчиков (Гиль, 1895, С. 222). Остальные статеры этой фантастической группы Н.А. Фроловой принадлежат к 3-му типу, но аттического веса (Фролова, 2002а, табл. VII, 4, 6) и 6-му типу, для которого аттический вес является нормой (Фролова, 2002, табл. VII, 5, 8).

Полустатер и гекты Н.А. Фролова по типу изображений на обороте протомы грифона, колоса и букв ПАН относит к концу IV в. до н. э. и традиционно связывает со статерами 6-го типа аттического веса (Фролова, 2002а, С. 287). В.А. Анохин вполне логично отделил гекту от заключительного выпуска и соотнес ее с 1-м типом статеров.

Н.А. Фролова проделала также распределение статеров по штемпелям внутри типов. Эта чрезвычайно важная кропотливейшая работа во многом оказывается бесплодной, поскольку крайне низкое качество приведенных иллюстраций в большинстве случаев не позволяет понять индивидуальные особенности этих штемпелей, а также провести сравнение между ними. Обесценивает эту работу и бесконечная путаница в распределении статеров 3—5-го типов. Кроме того, не проведено перекрестное сравнение для оборотных сторон между типами 1—3, которое крайне необходимо, поскольку давно уже для ряда статеров 1-го и 2-го типов установлено единство штампа. Нельзя исключать возможность существования общих штампов этих типов и с 3-м типом, поскольку, как уже отмечалось, 1—3-й типы отличаются единой схемой оборотной стороны. К. Реглинг отмечал чрезвычайное сходство штемпелей оборотной стороны для двух экземпляров из клада в Принкипо своих 2-го и 3-го типов (1-го и 3-го типов по А.Н. Зографу). По-видимому, только незнание с оригиналами и работа с гипсовыми отливками и фотографиям не позволили ему высказаться по этому поводу более определенно (Regling, 1931, S. 31, № 166 и 167). Крайне необходимо также проведение сравнения штемпелей лицевых и оборотных сторон и между типами 3—6, которое является решающим для решения вопросов их абсолютной хронологии.

В целом работа Н.А. Фроловой представляет собой полезную сводку сведений о статерах, требующую дальнейшего скрупулезного критического анализа. Наконец-то стали доступными сведения о статерах ГИМа, ГМИИ, Эрмитажа, некоторых зарубежных собраний. Однако постоянные ошибки в распределении статеров по 3—6 типам, выделение мифического 7-го типа статеров делают ее непригодной для использования в качестве серьезного нумизматического определителя.

В этом плане большое значение для решения проблем хронологии пантикапейского золота имеет работа Е. Похитонова (Pochitonov, 1968). Помимо некоторых неприемлемых идей автора по истории Боспора периода Александра Македонского, в статье содержатся ценные соображения по датировке клада из Принкипо и общей хронологии чеканки пантикапейских статеров.

К. Реглинг в свое время в датировке клада исходил из датировки статеров Филиппа. Все экземпляры клада К. Реглинг отнес к наиболее поздним образцам чеканки Филиппа и, на основании отсутствия в кладах монет Александра, отнес зарытие клада к 335 г., не позднее 334 г. до н. э. Е. Похитонов, на основании частоты упоминаний в аукционных каталогах, определил наиболее массовые серии статеров Филиппа и

совершенно логично предположил их поздний возраст. Это позволило ему разделить все выпуски статеров Филиппа на ранние и поздние, отличающиеся расположением имени и типом лицевой стороны. Согласно Е. Похитонову, все статеры Филиппа из Принкипо принадлежат к ранним типам. Однако он исходил из начала золотой чеканки Филиппа в 356 г. и на этом основании датировал время зарытия клада около 350 г. до н. э. Еще А.Н. Зограф обращал внимание, что чеканка Филиппа началась позднее начала его правления — не ранее 352, а возможно, и в 348 г. до н. э. (Зограф, 1951, С. 174). Ч. Селтмен датировал начало золотой чеканки Филиппа временем после разгрома Олинфа (после 348 г.), а наибольшей массовости его выпуски достигли к году его смерти в 336 г. Он также считал статеры Филиппа из Принкипо ранними, но при этом принимал дату клада по К. Реглингу 335/334 гг. (Seltman, 1960, P. 201). По современным данным, начало золотой чеканки Филиппа относится к 342 или даже 340 г. до н. э. (Карышковский, 1988, С. 76). Поэтому, уточнение даты К. Реглинга клада из Принкипо возможно лишь в пределах 342/340—335 гг., вероятно, несколько ближе к 340 г. до н. э.

Е. Похитонов также обратил внимание на следующий момент. Мощнейшая в сравнении с пантикапейской электрова чеканка Кизика под давлением массового появления статеров Александра Македонского быстро прекращается к 330 г. до н. э., а Боспор, как ни в чем не бывало, продолжает чеканить свое тяжелое золото еще в течение 30 лет, что выглядит крайне сомнительным. На основе этого, а также уточнения датировок сопутствующих монет из клада он предложил свою хронологию боспорской золотой чеканки в пределах 380—330 гг. (Pochitonov, 1968, S. 51—58). Если начальная дата пантикапейской чеканки определена Е. Похитоновым на основе неверной даты начала чеканки Филиппа и не может быть принята, то конечная дата заслуживает всяческого внимания.

Все известные клады с боспорскими статерами ранних типов: с острова Принкипо, Таманский 1844 г.³ и Пуленцовский 1845 г. — включали статеры трех первых типов (Ашик, 1848, С. 17—19; Кене, 1857, С. 340; Regling, 1931, S. 35, сл.; Зограф, 1951, С. 172; Шелов, 1956, С. 132; Диамант, 1971, С. 85).

Д.Б. Шелов рассматривал это как свидетельство длительности совместного обращения всех трех типов (Шелов, 1956, С. 132). Можно оценить эти факты и иначе: совместное — да, длительное — нет. Из расхищенного многочисленного

Пуленцовского клада, насчитывавшего более 70 золотых монет, сохранилось 17 пантикапейских статеров, в том числе 11 с головою сатира в фас и 6 — в профиль. Два из последних шести имели плющевые венки. А.Н. Зограф отметил вероятное сосуществование первых двух типов на основе единства штампа оборотной стороны (грифон). Кроме того, идеальная сохранность статеров двух первых типов с оборотной стороной одного штампа из Пуленцовского клада⁴, два из которых хранятся в Одесском археологическом музее, при совместном их пребывании в составе клада со статерами третьего типа, не менее удивительная сохранность статеров в кладе из Принкипо⁵ недвусмысленно указывают на близость во времени чеканки 1—3-го типов. На то же указывает единый тип оборотной стороны с характерным расположением букв у статеров 1—3-го типов. Кроме того, для двух статеров 1-го и 3-го типов из клада в Принкипо К. Реглинг отметил чрезвычайную близость штампа оборотной стороны (Regling, 1931, S. 31, 34, ff., № 166 и 167; Зограф, 1951, С. 173, прим. 2, табл. XL, 7—9; Диамант, 1971, С. 86, рис. 1).

С другой стороны, К. Реглинг отметил близость и наличие общих элементов изображения в 3-м и 4-м типах, очень тесную сопряженность 4-го и 5-го типов, в том числе и со статерами аттического веса (Regling, 1931, S. 32, 35—38), что принял Д.Б. Шелов и что дало ему основания относить все три типа к достаточно узкому временному промежутку (Шелов, 1956, С. 95). К. Реглинг, А.Н. Зограф, Д.Б. Шелов и П.О. Карышковский вслед за Б. Кене, Х.Х. Гилем и А.Л. Бертье-Делагардом уверенно определили монеты аттического веса в качестве позднейшего, завершающего боспорскую золотую чеканку, выпуска. Все это свидетельствует о теснейшей сопряженности во времени, скорее даже частичной синхронности, типов 4-го, 5-го и 6-го.

Заключительный этап пантикапейской золотой чеканки представлен только одним кладом, найденным на территории Грузии, возле Кутаиси, «где-то в Сванетии» в 1901 г. (Regling, 1931, S. 36, 38; Дундуа, 1987, С. 53). Клад известен лишь

³ Как установила И. В. Тункина, сведения о Таманском кладе 1844 г. ошибочны и речь идет о все том же Пуленцовском кладе 1845 г. (Тункина, 2002, С. 270).

⁴ По сведениям И.В. Тункиной многие монеты Пуленцовского клада попали в Эрмитаж, где имеются все три разновидности пантикапейских статеров из клада (Тункина, 2002, С. 270). Это справедливо в отношении монет 1-го и 2-го типа, но единственный имеющийся в Эрмитаже экземпляр 3-го типа пантикапейских статеров (ГЭ, № 632), легко опознаваемый по характерному смещению штампа обеих сторон, происходит из плитовой гробницы 1835 г. в Катерлесе в Керчи (ДБК С. 148, табл. LXXXV, 1; Фролова, 2002а, С. 289, табл. III, 1).

⁵ Заключение К. Реглинга о потертости статера 2-го типа из клада в Принкипо представляется преувеличенным при взгляде на великолепную фотографию (Regling, 1931, S. 38, Taf. IV, 165).

частично⁶. Информация о нем поступила в два приема. Известно, что 21 монета являлась пантикапейскими статерами 5-го типа полного веса, а из последующих 10 монет известен оттиск, принадлежавший позднему боспорскому статеру аттического веса 6-го типа.

Д.Б. Шелов установил, что появление на боспорском рынке статеров Филиппа II Македонского еще не вызвало вытеснения кизикинов и, соответственно, пантикапейских статеров (Шелов, 1949, С. 95—98), что подтверждается составом клада из Принкипо, где наряду с 27 статерами Филиппа присутствовали 160 кизикинов, и Пуленцовского клада, где также отмечено 4 кизикина (Зограф, 1951, С. 173). По данным В.К. Голенко, в Керченском кладе кизикинов 1834 г. были найдены и пантикапейские статеры, хотя другими источниками это не подтверждается (Голенко, 1977, С. 39; Ашик, 1849, С. 93—94). На Тамани в 1866—1867 гг. были найдены пять кизикинов и три пантикапейских статера неустановленного типа, которые, по мнению Д.Б. Шелова, являлись кладом (Герц, 1870, С. 45—46; Шелов, 1949, С. 96). Таким образом, при всей ограниченности данных, вырисовывается достаточно надежный хронологический контекст. В составе кладов, в которых найдены пантикапейские статеры, встречены только кизикины, лампсакины и статеры Филиппа Македонского.

В свою очередь, кизикины упоминаются в документах третьей четверти IV в. до н. э. (псевдо-Демосфен), а в кладах на территории Малой Азии, Болгарии, Румынии и Северо-Западного Причерноморья встречаются только с монетами Филиппа Македонского, и неизвестны в комплексных находках с монетами Александра Великого и Филиппа Арридея (Regling, 1931, S. 24—27; Булатович, 1980, С. 52, сл., табл. 2 и 3; 1982, С. 104). В кладе из Саида (Сидон, Финикия), зарытого около 310 г. до н. э., присутствовали несколько тысяч статеров Александра Великого, отдельные монеты Киоса, Родоса и Пнитагора Саламинского, а также единственный пантикапейский статер 1-го типа (Бертье-Делагард, 1911, С. 33). Наличие пантикапейского статера 50-летней давности, монеты тяжелого веса, давно уже вышедшего из употребления, в кладе, зарытом около 310 г., можно рассматривать как случайный анахронизм. Но красноречивее другой факт: отсутствие в нем кизикинов, широко обращавшихся в Причерноморье и Эгейском бассейне в предшествующее время (Карышковский, 1958, С. 136; 1988, С. 72; Булатович, 1976,

С. 98—106), что, несомненно, является хронологическим показателем.

Все это указывает не только на прекращение чеканки кизикинов в третьей четверти или даже ближе к середине IV в. до н. э. (Карышковский, 1958, С. 136; 1977, С. 15; 1988, С. 65; Булатович, 1980, С. 52; 1982, С. 103), но и на время выхода кизикинов из обращения к концу 330—320-х гг., как и полагал Д.Б. Шелов, считавший, что массовое появление статеров Александра Македонского в это время вызвало исчезновение кизикинов из денежного обращения античного мира, в том числе и на Боспоре (Шелов, 1949, С. 95—98; 1954, С. 69; Зограф, 1951, С. 41). И, в свою очередь, прямо указывает на время прекращения боспорской золотой чеканки, попыток приведения ее в соответствие с аттической весовой нормой и выхода пантикапейских статеров из обращения в интервале 330—320 гг. до н. э.

В свое время А.Л. Бертье-Делагард датировал окончание золотой чеканки Пантикапея временем Александра — 330 гг. до н. э., что связывал с появлением на международном рынке массы золотых монет Филиппа, а в особенности статеров Александра. Позднее он расширил эту дату на всю вторую половину столетия, полагая, что Пантикапей прекратил свою собственную чеканку, ограничившись пробным выпуском золотых по новой аттической системе в конце IV в. до н. э., за чем непосредственно последовал кризис монетного дела Пантикапея, длившийся на протяжении III в. до н. э. Такая причинно-следственная цепочка событий была принята всеми исследователями (Бертье-Делагард, 1911, С. 33, 51—53; 1913, С. 82—86, № 139—140; Зограф, 1951, С. 175; Шелов, 1949, С. 95—98; 1956, С. 137—138; Анохин, 1971, С. 13).

П.О. Карышковский отнес последний выпуск пантикапейского золота к правлению Евмела (310/309—304/303 гг. до н. э.). Он полагал, что осуществление монетной реформы — переход к аттической весовой системе — вполне гармонирует со всем тем, что известно об этом правителе. За неполных 6 лет царствования Евмел освободил от пиратов Понт со стороны южного берега Крыма и Кавказского побережья, оказывал постоянные услуги южным причерноморским городам — Синопе, Византию и др., принял 1000 переселенцев из Каллатии, присоединил значительную часть соседних варварских земель, задумал покорить все племена, окружавшие Понт, но смерть помешала завершить планы [Diod., XX, 25] (Гайдукевич, 1949, С. 73—75; Карышковский, 1961, С. 116; 1964, С. 137).

Но ведь это только одна сторона медали. Еще при Перисаде I около 330 г. до н. э. Боспор вел кратковременную войну с неким скифским царем, что известно из речи Демосфена [Demos., Phorm., XXXIV, 8]. Насколько продолжитель-

⁶ А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов разделяли его на два клада, найденных «в бывш. Кутаисской губ. и в Сванетии» (Зограф, 1935, С. 187, № 8,9; Шелов, 1956, С. 132—133), в отличие от К. Реглинга, полагавшего, что речь, скорее всего, может идти об одном кладе, найденном в районе Кутаиси.

ной и серьезной была эта война, неизвестно, но она вызвала застой в торговле и расстроила на некоторое время экономическую жизнь Боспора⁷. Правда, гораздо более губительными для боспорских финансов, по мнению Д.Б. Шелова, были междоусобные войны сыновей Перисада, в которых братья использовали наемные армии и контингенты союзных скифских войск. Войны эти должны были стоить весьма дорого и могли в короткий срок опустошить государственную казну. Д.Б. Шелов привел расчеты В.Д. Блаватского, касающиеся общего бюджета Боспорского государства того периода. При всей гипотетичности и приблизительности приводимых цифр, эти вычисления показывают, что доходная часть бюджета почти целиком должна была поглощаться расходами на содержание армии и флота. Но у В.Д. Блаватского речь шла об обычной боспорской армии, которую имел Сатир в момент борьбы с Евмелом. Как справедливо отметил Д.Б. Шелов, Евмел также имел армию, сражавшуюся за него небескорыстно, а также, по-видимому, наемников. К этому следует добавить и немалые расходы на подарки союзникам Сатира и Евмела, а затем — Евмела и Притана (Шелов, 1956, С. 136, 149—150; Блаватский, 1953, С. 201—204). Иными словами, Евмел, пришедший к власти в результате кровопролитной войны, несомненно, к этому моменту не был обременен ничем, кроме долгов. Дальнейшая деятельность этого правителя также отличалась необычайной, но весьма дорогостоящей, активностью.

П.О. Карышковский соглашался с тем, что военные расходы периода междоусобицы ощути-мо отразились на состоянии казны боспорских владык, но при этом не считал, что к моменту воцарения Евмела она могла быть опустошена. Подтверждение этому он видел в сообщении Диодора о том, что Евмел по воцарении возобновил беспопщинность, которой пользовались жители Пантикапея прежде, и освободил граждан от податей (Карышковский, 1960, С. 117; 1961, С. 116—117). Однако не следует переоценивать бескорыстие Евмела. Не бывает беспопщинных и безналоговых государств (Брашинский, 1958, С. 130, сл.). Несомненно, речь может идти только об освобождении от пошлин каких-то определенных категорий населения или некоторых видов торговых операций, а также упразднении наиболее обременительных налогов. И не следует забывать, что основной доход боспорские правители получали от хлебного импорта. Также нужно уточнить, что, по сведениям Диодора,

Евмел обещал освободить от всех податей, а выполнил ли обещанное и в какой мере, об этом можно только догадываться [Diod., XX, 24—25]. Постоянная военная и политическая активность Евмела несомненно была настолько «затратной», что вполне могла перекрывать с лихвой все государственные доходы.

Разумеется, речь не идет о полном отсутствии золота в казне Боспора в этот период, в чем совершенно прав П.О. Карышковский. Имеются в виду свободные запасы металла, необходимые для обеспечения золотой чеканки. Ими-то Евмел, скорее всего, и не располагал. Да и не было необходимости выпуска дорогостоящей собственной золотой монеты (по мнению большинства исследователей — из привозного золота, тех же статеров Александра и др., что связано с их переплавкой, неминуемыми потерями металла при этом и расходами на чеканку новых монет), когда рынок был наполнен золотыми монетами Александра Македонского и его эпигонов. П.О. Карышковский сам видел вероятную причину отказа боспорских правителей от выпуска собственной золотой монеты в рискованности этого мероприятия в период широкого распространения в мире общепризнанной монеты Александра (Карышковский, 1960, С. 121; 1961, С. 119). В целом вопрос о необходимости собственной золотой чеканки в этот период и финансовых возможностях Евмела для ее обеспечения имеет отрицательный ответ.

П.О. Карышковский установил последовательность этапов боспорского денежного кризиса. Он показал, что чеканка серебряных монет в Пантикапее продолжалась и во втором десятилетии III в. до н. э., что позволило отнести начало денежного кризиса к рубежу первой и второй четвертей III в. до н. э. Однако надчеканка медных монет, начавшаяся в начале III в. или даже в конце IV в. до н. э., свидетельствует о начале кризиса уже в это время (Карышковский, 1964, С. 137—138; Шелов, 1981, С. 32—33; Фролова, 1992, С. 213). Прекращение золотой чеканки Боспора предшествовало кризису и было связано с коренным изменением ситуации на мировом денежном рынке в результате колоссального наплыва золотых монет Александра Македонского в 330—320 гг. до н. э.

С учетом всего изложенного, хронология чеканки пантикапейских статеров может быть представлена следующим образом. К. Реглинг относил начало пантикапейской чеканки золотых монет ко времени незадолго перед 350 г., под влиянием чеканки золотых статеров Филиппа Македонского, начавшейся, как в то время предполагалось, в 356 г. до н. э. На сегодняшний день начало македонской золотой чеканки относится к 342 или к 340 г. до н. э. Поэтому начало пантикапейской чеканки, возникшей, как до-

⁷ По мнению П.О. Карышковского, это, как он назвал, столкновение со скифами отнюдь не имело таких катастрофических последствий для боспорской торговли, как это стремился изобразить обвинявшийся Демосфеном Формион (Карышковский, 1958, С. 133; 1961, С. 116).

казал А.Н. Зограф, ранее македонской, может быть отнесено ко времени около 350 г. до н. э., как и предполагал К. Реглинг, или даже в пределах 350—340 гг. до н. э. При такой датировке может и не иметь особого значения перестановка 1-го и 2-го типов, произведенная А.Н. Зографом, поскольку он установил идентичность штампа оборотной стороны для ряда статеров 1-го и 2-го типов, хранящихся в Эрмитаже. То же установлено и для двух экземпляров из Одесского музея (Диамант, 1971, С. 86, рис. 1) (рис. 1, 5; 2, 16). А.Н. Зограф полагал, что между этими типами нет резкой временной грани и предполагал их сосуществование (Зограф, 1951, С. 176). Это свидетельствует также о том, что первые два типа составляли единый выпуск, чеканившийся непрерывно. Поэтому последовательность типов лицевой стороны могла быть и обратной, т. е. именно такой, как предполагал К. Реглинг: 1-й тип — сатир в фас и далее профильные типы. При такой последовательности значительно более объяснима близость штампов оборотных сторон статеров 2-го и 3-го типов по Реглингу (1-го и 3-го по Зографу), отмеченная для статеров из Принкипо (Regling, 1931, S. 31, № 166 и 167). При датировке начала чеканки около 350 г. до н. э. становится более понятными и объяснимыми общий тип оборотной стороны типов 1—3 и их встречаемость вкладах.

А.Н. Зограф, отрицая зависимость возникновения пантикапейской золотой чеканки от македонской, полагал, что она началась под влиянием золотой чеканки Лампсака, начавшейся, по его данным, во втором десятилетии IV в. до н. э. Однако сопоставление это достаточно противоречивое, поскольку, по мнению А.Н. Зографа, Пантикапей по примеру Лампсака выбрал лишь тип металла для своего статера — высокопробное золото, но по стоимости приравнял его к кизикину, имевшему совершенно иной состав металла (Зограф, 1951, С. 174—175). Но в этом случае примером для подражания мог быть и не Лампсак, который согласно Ч. Селтмену начал чеканить золотую монету с 394 г. до н. э. (Seltman, 1960, P. 181). В первой половине — середине IV в. до н. э. существовало достаточное количество и других примеров золотой чеканки для подражания (Карышковский, 1961, С. 118).

Д.Б. Шелов поддержал дату начала чеканки, предложенную А.Н. Зографом, и дополнительно подтвердил ее стилистической близостью головы сатира на 1-м типе золотых статеров к изображению той же головы на первых выпусках пантикапейского серебра начала IV в. до н. э. Отсюда выстраивалась логическая цепочка из изображений на монетах Фанагории начала IV в. и Пантикапея конца V в. до н. э., что, по мнению Д.Б. Шелова, составило непрерывный ряд выпусков, не позволяющий отодвигать нача-

ло золотой чеканки Пантикапея в середину IV в. до н. э. (Шелов, 1956, С. 94—95).

Стилистическая близость заключается в изображении на обоих типах монет профиля бородатого сатира влево. Но если на серебре это изображение передано в упрощенно-обобщенной манере, то на 1-м типе золотых статеров помещен чуть ли не портрет конкретного сатира с высокой степенью реализма (если понятия портрета и реализма применимы к сатиру). Монеты «лучшего времени греческого искусства», «золотые статеры, являющиеся триумфом монетной чеканки Пантикапея» (ДБК, С. 148, табл. LXXXV, 1; Minns, 1913, S. 629). Такие характеристики изображений на первых боспорских золотых даже приблизительно нельзя отнести к уровню изображений на серебряных монетах. Поэтому, такая стилистическая близость — это все же еще не единство, а различий вполне достаточно, чтобы допустить около 20—30 лет разницы между ними. В противном случае выглядят довольно странными единство штампа оборотных сторон ряда экземпляров первых двух типов статеров (по сути, единый выпуск, в процессе осуществления которого заменен один из пришедших в негодность штемпелей) и постоянная встречаемость вкладах первых трех типов для монет, которые, если принимать датировку А.Н. Зографа и Д.Б. Шелова, чеканились на протяжении более 40 лет. В последнем случае придется предполагать чрезвычайно высокие тиражи выпусков, что не подтверждается общим количеством известных пантикапейских статеров.

Для статеров 3-го типа по датировке вклада из Принкипо достаточно надежной является датировка в пределах 340—335 гг. Датировка статеров 4-го типа около 330 г. до н. э., предложенная К. Реглингом, представляется вполне логичной и обоснованной. Она находит блестящее подтверждение в находках золотых штампованных бляшек монетного типа с изображением сатира со статеров 4-го типа в захоронении Мелитопольского кургана (рис. 4, 41), которое по комплексу амфор и чернолаковой керамики датируется в пределах конца 340 — первой половины 330 гг. до н. э. (Монахов, 1999, С. 405), что, с одной стороны, подтверждает датировку К. Реглинга, с другой — указывает, что 330 г. может являться заключительной датой для статеров этого типа.

Совершенно неожиданное решение по хронологии 3—6 типов пантикапейских статеров предполагают статер из коллекции А.С. Уварова и чрезвычайно близкий ему статер из ГИМа (Орешников, 1887, С. 52, № 384, табл. II, 384; Фролова, 2002, табл. VII, 6). Эти статеры — по весу 8,34 и 8,37 г — принадлежат к группе статеров аттического веса. Но по типологическим признакам они принадлежат к 3-му типу пантикапейских статеров (рис. 3, 27—28). И хотя эти статеры

послужили образцом для изготовления серии поддельных «русских» статеров с изображением сатира с человеческим ухом, ни А.В. Орешников, ни Х.Х. Гиль, ни А.Л. Бертъе-Делагард не имели ни малейших сомнений в их подлинности.

Более того, А.Н. Зограф со ссылкой на Б. Кене писал о том, что из двух пантикапейских статеров Пуленцовского клада с профильным изображением сатира с венком 3-го типа один находился в собрании А.С. Уварова. Ссылка А.Н. Зографа на каталог коллекции А.С. Уварова неточна: № 385 — это мелкая серебряная монета. Единственный статер в собрании А.С. Уварова, соответствующий 3-му типу, имеет номер № 384 (Зограф, 1951, С. 173, прим. 2; Орешников, 1887, С. 52, № 384, табл. II, 384). Э.И. Диамант без всяких разъяснений относил эту ссылку к статеру № 369 уваровского собрания, который принадлежит к 4-му типу, допуская также принадлежность к Пуленцовскому кладу и статеров № 371 и 379 1-го и 2-го типов, и почему-то абсолютно обошел молчанием интересующий нас № 384 (Диамант, 1971, С. 84, прим. 4, 86, прим. 20). Находка в составе Пуленцовского клада статера 4-го типа имела бы важнейшее значение. Однако Б. Кене отметил однотипность оборотной стороны всех пантикапейских статеров Пуленцовского клада, прежде всего, по расположению букв легенды ПАН, что однозначно указывает именно на статер № 384 А.С. Уварова аттического веса, типологически соответствующий 3-му типу (Кене, 1857, С. 346, № 23).

В этом случае возникает предельно интересная ситуация. По манере изображения лица сатира уваровский статер и его аналог из ГИМа близки к поздним типам статеров и на этом основании должны быть отнесены к позднейшим образцам 3-го типа. Их вес 8,34 и 8,37 г показывает, что переход к аттической весовой системе в пантикапейской золотой чеканке начался еще в конце существования 3-го типа. Таким образом, выходит, что практически одновременно наряду со статерами 3-го типа тяжелого веса должны были чеканиться и статеры тяжелого веса 4-го и 5-го типов. Об одновременности чеканки статеров тяжелого веса 4-го и 5-го типов свидетельствуют статеры из коллекции Micher и Марьевского кургана, лицевая сторона которых отчасти соответствует 4-му типу по типу бороды сатира, но усложненной многоэтажностью локонов на затылке уже сходна с 5-м типом. Обратная сторона по расположению букв легенды — буква А над крылом грифона — полностью повторяет схему статеров 5-го и 6-го типов (рис. 5, 42—43). А уже в конце завершения чеканки 3-го типа чеканкой статеров этого же типа, но уже в аттическом весе, одновременно происходила и чеканка статеров 4-го и 5-го типов аттического веса. Статеры 5-го типа аттического веса хорошо извест-

ны. Это статеры, в свое время выделенные в отдельный 6-й тип пантикапейских статеров (рис. 5, 45—47) и полустатер (рис. 5, 48—49), известный по единственному экземпляру. Для полноты картины не хватает только статеров аттического веса 4-го типа.

И такой статер существует. Пантикапейский статер из перстня в Рыжановском кургане, найденный в 1995 г., относится к 4-му типу, о чем свидетельствуют длинная пышная вздернутая борода и характерное оформление прядей прически на затылке сатира на лицевой стороне, а также расположение буквы А справа от крыла грифона над петлей хвоста на оборотной (рис. 4, 40). Этот статер изготовлен иным вариантом штемпеля, нежели статеры из рыжановских перстней, найденных в 1887 г., но все того же 4-го типа. Но самое любопытное, его вес по данным пробирного анализа составляет 8,60 г (инв. книга, С. 125, № 3—4395)⁸. Впускное погребение Рыжановки по керамическому комплексу датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, 1999, С. 413—414).

При доисследовании Рыжановского кургана в 1995—1998 гг. были получены археологические материалы, полностью решающие проблему датировки памятника. Однако авторы раскопок по радиоуглеродному датированию образцов древесины из центрального захоронения предпочли для него дату 270 ± 12 гг. до н. э. На наш взгляд, анализ археологических материалов для подтверждения радиоуглеродной датировки проведен несколько тенденциозно (Chochorowski, Grigor'ev, Skoryj, 1996, S. 257; Chochorowski, Skoryj, Grigor'ev, Rydzewski, 1997, S. 77—89; Скорый, 1998; Chochorowski, Kovaljuch, Skripkin, 1998; 1999; Chochorowski, 1999, S. 37—40; 2000, S. 44—45).

А.Ю. Алексеев уже совершенно справедливо указал на невероятность предлагаемой датировки, поскольку в обеих могилах кургана абсолютно отсутствуют вещи, которые хотя бы приблизительно соответствуют этому времени. Либо для ее подтверждения придется коренным образом менять все современные представления о хронологии многих эталонных категорий изделий, включая и греческие, для чего оснований нет. В то же время пересчет опубликованных данных таблиц радиоуглеродных датировок по соответствующей программе, проделанный А.Ю. Алексеевым, дал принципиально иные значения радиоуглеродных датировок в пределах третьей — начала четвертой четвертей IV в.

⁸ К сожалению, такое раздельное определение веса не было сделано при апробировании перстня из Марьевки. Однако его общий вес (12,55 г), в сравнении с Рыжановским (11,44 г), при несколько большей массивности шинки, все же указывает на то, что в Марьевском перстне статер тяжелого веса свыше 9,0 г.

до н. э., что полностью соответствует датировке С.Ю. Монахова. Тем не менее, А.Ю. Алексеев, с учетом своих представлений о хронологии скифских курганов второй половины IV в. до н. э., предлагает датировку вещевого набора Рыжановского кургана в пределах 315—285 гг. до н. э. (Алексеев, 2001, С. 71—72). Однако и эта датировка представляется слишком поздней, поскольку не соответствует датировке находок. В свое время А.Ю. Алексеев обратил внимание на изображения на щитке третьего перстня, соответствующие символике на монетах Филиппа II и Александра Македонского (Алексеев, 1992, С. 155). Ту же дату в пределах третьей четверти IV в. до н. э. дает весь керамический комплекс кургана, как из старых, так и новых находок⁹, и на ту же дату указывают пантикапейские стате-ры из перстней.

Судя по наличию статеров 3-го, 4-го и 5-го типов, отчеканенных как в традиционном для пантикапейских статеров тяжелом весе около 9,1 г (соответственно рис. 3, 19—26; 4, 31—39; 5, 42—44), так и по облегченной аттической весовой норме — около 8,5 г (соответственно рис. 3, 27—28; 4, 40; 5, 45—47), финал чеканки пантикапейских статеров был достаточно кратковременным и бурным и продолжался в течении буквально нескольких лет после 330 г. до н. э.

Все приведенные наблюдения, подчеркивающие непрерывность чеканки, сопряженность и сосуществование различных типов статеров во времени заставляет вспомнить Б. Кене, синхронизировавшего пантикапейские стате-ры аттического веса со статерами Филиппа и Александра (Кене, 1857, С. 346, № 25); первоначальное мнение А.Л. Бертье-Делагарда о непродолжительности всей пантикапейской золотой эмиссии в пределах 350—320 гг.; окончания пантикапейской чеканки временем Александра, что предполагал и Е. Похитонов (Pochitonov, 1968, S. 51—58), и в целом ограничить время пантикапейской золотой чеканки и выхода из обращения пантикапейских статеров пределами тех же 330—320 гг. до н. э. Из этого следует, что каждый из выпусков отнюдь не продолжался в течение 10—15 лет, а все они следовали один за другим на протяжении около 30 лет, отчасти или в большей части сосуществуя друг с другом.

Общее небольшое количество реально существующих пантикапейских статеров (до 100 экз.), единство штампов оборотной стороны 1-го и 2-го типов, 1-го и 3-го типов, лицевой 6-го типа, небольшое количество штампов, использованных для чеканки каждого из типов, очень высокая для такого небольшого количества известных

монет повторяемость штампов¹⁰ свидетельствует о достаточно скромном объеме пантикапейской чеканки. А.К. Марков привел очень интересные данные по этому вопросу. Хотя и неизвестны подлинные греческие монетные штемпели, считается, что греки изготавливали их из довольно мягкого материала — железа или бронзы, которые не могли служить для изготовления большого числа монет, при чекане быстро сбивались и должны были постоянно обновляться. Среди парфянских тетрадрахм Фраата IV известны монеты, отчеканенные в одном месяце двумя разными штемпелями. В коллекции Кольба в Вене отмечены 1491 вариант монет римского императора Тацита и 510 вариантов Флориана. Первый из этих императоров царствовал один год (275—276 г. н. э.), второй — только три месяца (276 г.). А.К. Марков отмечал, что вообще древние монеты одного и того же штемпеля столь же редко встречаются, сколь часто попадаются варианты (Марков, 1901, С. 50—51). Конечно, масштабы римской чеканки несопоставимы с пантикапейской. Известно также, что римляне уже применяли стальные штампы, что позволяло получить значительно большее число монет. А.Н. Зограф писал о высокой производительности штемпелей римского времени, которая измерялась не десятками, а многими сотнями изготовленных ими монет (Зограф, 1951, С. 33). Но даже при такой высокой технологии монетного дела цифры А.К. Маркова красноречиво свидетельствуют о быстром износе монетных штампов и что долговечные штемпеля, все же, являлись исключениями, а не правилом.

Конечно, как справедливо считает Н.А. Фролова, объем золотой чеканки определить невозможно (Фролова, 1988, С. 134), но все же можно в какой-то мере представить себе порядок объема пантикапейской чеканки в сравнении с другими. Необычайно массовая чеканка Александра, на порядок ниже золотая чеканка Филиппа, затем очень массовая, но все же, по-видимому, значительно уступавшая по объему электрова чеканка Кизика с одной стороны. И с другой стороны — золотая чеканка Пантикапея, все стате-ры

⁹ Подробно об этом в подготовленной к печати статье: Полин С.В. О датировке Рыжановского кургана.

¹⁰ По подсчетам Н.А. Фроловой в 1-ом типе лицевая сторона 3 экз. отчеканена штемпелем «А», 2 экз. — штемпелем «В», 3 экз. — «Г», 2 экз. — «Е», оборотная сторона — 3 экз. штемпелем «а», 2 экз. — штемпелем «д». Во 2-м типе — лицевая сторона: 3 экз. — штемпелем «А», 3 экз. — «Б», 2 экз. — «Г». В 3-м типе — 2 экз. отчеканены одной парой штемпелей. В 4-м типе — лицевая: штемпель «А» — 5 экз., «Б» — 2 экз., «В» — 3 экз., «К» — 3 экз., оборотная: штемпель «а» — 2 экз., «в» — 2 экз., «д» — 3 экз., «с» — 2 экз. В 5-м типе — лицевая: штемпель «З» — 2 экз., оборотная: штемпель «г» — 2 экз. (Фролова, 2002а, С. 288—291). Полагаю, что таких совпадений будет намного больше при перекрестном сопоставлении штемпелей между группами.

которого считаются весьма редкими, а полустатер и гекта — вообще уникальны. За ней можно поставить разве что только городскую золотую чеканку IV в. до н. э. в Ольвии, известную всего по нескольким монетам.

Для сопоставления объема чеканки Кизика и Пантикапея можно привести и иные факты. Все археологические находки золотых монет Пантикапея (ДБК, С. 146, LXXXV, 1; Спасский, 1846, С. 13, № 21), а также находки в кладах в Северном Причерноморье сделаны на протяжении 1835—1904 гг. В это же время появились и все известные на сегодняшний день пантикапейские статеры в различных коллекциях мира. Последняя находка клада пантикапейских статеров, уже в 1930 г., сделана на территории Турции (о. Принкипо). То есть, за последние сто лет на территории Северного Причерноморья не обнаружено ни одного нового экземпляра. Находки пантикапейских статеров за пределами Боспора известны наперечет: около 30 статеров в упомянутых одном или двух кладах в Грузии, 16 экз. в кладе в Принкипо и 1 экз. в кладе в Сидоне в Финикии. В то же время, находки кизикитов в Северном Причерноморье, в том числе и на Боспоре, а также на Балканах и в Малой Азии продолжают входить до настоящего времени и подчас в значительных количествах (Булатович, 1976; 1995; Абрамов, Болдырев, 2001).

Видимо, в целом чеканка пантикапейских статеров все же была достаточно скромной по объему и уже, прежде всего, по этой причине статеры в основном оставались монетами внутреннего обращения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. из Патрея // БФ. — СПб. — 2001. — Ч. 1.
- Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. — 1987. — № 3.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. — К., 1991.
- Алексеев А.Ю. Скифская хроника. Скифы в VII—IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк. — СПб., 1992.
- Алексеев А.Ю. Греческие амфоры из Краснокутского кургана // РА. — 2001. — № 4.
- Анохин В.А. Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V—IV вв. до н. э. // НИС. — 1971. — Вып. 4.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. — К., 1986.
- Ашик А. Боспорское царство. — Одесса, 1848. — Ч. 2.
- Ашик А. Боспорское царство. — Одесса, 1849. — Ч. 3.
- Бертье-Делагард А. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. // НС. — М., 1911. — Т. 1.
- Бертье-Делагард А. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС. — М., 1913. — Т. 2.
- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953.
- Брашинский И.Б. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV в. до н. э.) // ВДИ. — 1958. — № 1.
- Булатович С.А. Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье // МАСП. — 1976. — Вып. 8.
- Булатович С.А. Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-западном Причерноморье // ИААЮЗУ. — К., 1980.
- Булатович С.А. О классификации и хронологии электровых монет Кизика // НАП. — К., 1982.
- Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. — Одесса, 1884. — Ч. 1.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. — М.; Л., 1949.
- Герц К. Археологическая топография Таманского полуострова. — М., 1870.
- Гиль Х.Х. Новые приобретения моего собрания // ЗРАО. — 1892. — Т. V. — Вып. 3—4.
- Гиль Х.Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. // ЗРАО. — 1895. — Т. VII. — Вып. 3—4.
- Голенко К.В. Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // ИКАМ. — М., 1977.
- Граков Б.Н. Легенда о скифском царе Арианте (Геродот, кн. IV, гл. 81) // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968.
- Диамант Э.И. Новые данные о Пуленцовском кладе золотых монет // НИС. — 1971. — Вып. 4.
- Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. — Тбилиси, 1987.
- Зограф А.Н. Античные золотые монеты Кавказа // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 110.
- Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. — 1951. — № 16.
- Казаменова Л.А. Введение в античную нумизматику. — М., 1969.
- Карышковский П.О. Рец.: Д.Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. — М., 1956. // СА. — 1957. — № 1.
- Карышковский П.О. Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н. э. // ВДИ. — 1958. — № 3.
- Карышковский П.О. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. // ЗОАО. — 1960. — Т. 1 (34).
- Карышковский П.О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья (7—9) // ВДИ. — 1961. — № 4.
- Карышковский П.О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья (10, 11) // ВДИ. — 1964. — № 1.
- Карышковский П.О. К вопросу об обращении статеров лисимаховского типа в Причерноморье // НС. — Тбилиси, 1977.
- Карышковский П.О. Монеты Ольвии. — К., 1988.
- Кене Б.В. Описание музея князя В.В. Кочубея. — СПб. — 1857. — Т. 1.
- Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. — К., 1974.
- Марков А.К. Древняя нумизматика. — СПб., 1901. — Ч. 1.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. — Саратов, 1999.
- Мурзин В.Ю., Полин С.В., Ролле Р. Скифский курган Тетянина Могила // Археология. — 1993. — № 2.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. — Вып. Д1—27. — М., 1970.
- Орешиников А.В. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. — М., 1887. — Вып. VII.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. — Л., 1925.
- Скорый С.А. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // MSROA. — 1998. — Т. XIX.

Спасский Г. Босфор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями. — М., 1846.

Спицын А.А. Сергозские курганы // ИАК. — 1906. — Вып. 19.

Тункина И.В. Неизвестные архивные материалы о Пуленцовском кладе // БФ. — СПб., 2002. — Ч. 1.

Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI—II вв. до н. э. // ВДИ. — 1988. — № 2.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н. э. — середины IV в. н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. — М., 1992.

Фролова Н.А. Античные монеты // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. — М.: ГИМ, 2002.

Фролова Н.А. Каталог золотых статеров Пантикапея IV в. до н. э. // ДБ. — М. 2002а. — Вып. 5.

Шелов Д.Б. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. — 1949. — № 2.

Шелов Д.Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. // МИА. — 1954. — № 33.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VII—VI вв. до н. э. — М., 1956.

Шелов Д.Б. Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. // СА. — 1981. — № 2.

Auction Griechischer, Römischer und Byzantinischer Münzen. — München, 1912.

Barron Persy. Griechische und Römische Münzen. Aus dem Besitze des Rev. Persy Barron (Whyteleafe) und eines bekannten englischen Gelehrten. — München, 1911.

Beschreibung der Antiken Münzen zu Berlin. — Berlin, 1888. — B. I.

Chochorowski J. Rings with Panticapaeum staters from the Great Ryzhanowka barrow // ZN. — Krakow, 1999. — T. III/IV.

Chochorowski J. Problems of the chronology of the Great Ryzhanowka kurgan // Geochronometria. JMAAC. — 2000. — Vol. 49.

Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryzanowce na Ukrainie // MSROA. — 1996. — T. XVII.

Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V. Subkalibrowane datowanie radiowęglowe grobowca «ksiecia» scytyjskiego z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MSROA. — 1998. — T. XIX.

Chochorowski J., Kovaljuch N., Skripkin V. Nowe dane do chronologii radiowęglowej kurhanów grupy ryżanowskiej // MSROA. — 1999. — T. XX.

Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J. Centralny pochówek Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego // MSROA. — 1997. — T. XVIII.

Ditrich K. Antike Münzen aus Olbia und Pantikapeum. — Praha, 1959.

Gold aus Kiev. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums. — Wien, 1993.

Greek and cypriote antiquities in the archaeological museum of Odessa. — Nicosia, 2001.

Lanz H. Auktion 74. Münzen der Antike, 20 november 1995; Numismatik Lanz. — München, 1995.

Mielczarek M. Gold Panticapaeon Coins set in rings found in the Great Ryzhanovka barrow (Ukraine) // Archeologia. — 1986. — XXXVII. — 1987.

Miller M. Münzen des Altertums. — Berlin, 1963.

Minns E.H. Scythians and Greeks. — Cambridge, 1913.

Otto Helbingnacht. Münzauktion, 8 November 1928. — München, 1920.

Pochitonov E. Nove datovani pokladu antickich minci z nalezu na ostrove Prinkipo r. 1930 // Numismaticky Sbornik. — Praha, 1968. — № 10.

Regling K. Die antike Münze als Kunstwerk. — Berlin, 1924.

Regling K. Der Griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. — 1931. — XLI.

Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. — Berlin, 1931.

Rostovtzeff M. A Gold Necklace and a Gold Armlet from S. Russia // ESA. — 1934. — IX.

Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine. — New York, 1999.

Seibal J. Anticke mincovni umeni. Moravske museum v Brne. — Brno, 1988.

Seltman C. Greek coins. — London, 1960.

ПАМЯТНИКИ РАННЕАНТИЧНОЙ ГЛИПТИКИ ИЗ ОЛЬВИИ

*Геммы малы, признаю,
но они побеждают столетья!*

С. Рейнак

Как известно, научные интересы так рано покинувшего этот мир нашего друга и коллеги В.М. Отрешко были весьма разнообразны. Неоднократно он обращался и к вопросам искусствоведческого и религиоведческого плана (Отрешко, 1977, С. 40—44; 1979, С. 80—87; Островерхов, Отрешко, 1986, С. 61—66; 1994, С. 107—115). Поэтому наш небольшой экскурс в область истории ольвийской глиптики в данном контексте представляется вполне уместным.

Наряду с письменными источниками и нумизматикой, *глиптика* является одним из наиболее информативных источников по истории античного Причерноморья. Она позволяет проследить идеологические воззрения населения, экономические и культурные контакты того или иного центра в различные исторические периоды, а в ряде случаев фиксировать наличие, уровень развития и специфику местного ювелирного мастерства (Furtwängler, 1900; Книпович, 1926; Захаров, 1928; Максимова, 1926; 1937; 1956; 1957; 1962; AGDS, 1969; Джавахишвили, 1972; Неверов, 1971; 1973; 1976; 1978; 1978а; 1981; 1983; 1988; Dimitrova-Milceva, 1980; Щербакова, 1986; Клейман, Коциевский, 1991 и др. работы).

В античном мире изделия, которые составляют предмет исследования современной науки *глиптики* — геммы и перстни, выполняли три предназначения: служили амулетами, печатями и украшениями. Иногда одно из этих предназначений преобладало, но чаще всего эти три оказывались неразрывно слитыми в одном изделии. Геммы носили на запястье, на шее или у пояса. Перстни надевали на пальцы рук. У знатных греков и римлян это был обязательный атрибут туалета и не только. По верованиям древних, все предметы, имевшие форму круга (о его особых свойствах см.: Бобринский, 1902; Топоров, Мейлах, 1992, С. 18—19; Бауэр, Дюмонтц, Головин, 2000, С. 42) обладали чрезвычайными магическими свойствами, были надежной преградой от действий злых демонов и защитой от многих болезней и житейских невзгод (Чурсин, 1927, С. 83—84; 1929, С. 26; Рыбаков, 1981, С. 242; Фрэзер, 1986, С. 233—235). Выбор перстня, геммы или медальона с изображением того или иного божества или символа, а также материала, из ко-

торого они изготавливались¹ [Plin., N.H., XXVIII, 19—20; Кай Плиний Секунд, 1819; Плиний, 1918, С. 85]; (Супрычев, 1980; 1984; Ферсман, 1954; 1975), было делом личным и сугубо интимным. Поэтому в отличие от монет, изображения на которых фиксируют в основном официальный пантеон того или иного города, глиптика часто помогает исследовать специфику народных верований и суеверий (Неверов, 1983, С. 5—9, 30; Островерхов, 1990).

Хотя геммы, медальоны, перстни, а также их оттиски на различных глиняных изделиях, довольно часто находят в Ольвии (Кибальчич, 1910, С. 8—15; Kibaltchitch, 1910, р. 8—15²; Максимова, 1926, С. 4—6; 1937, С. 253—254; 1956; Захаров, 1928), однако, в отличие от Боспора (Максимова 1957; 1962; Никулина, 1964; Корпусова, 1983, С. 61—64; Коровина, 1987; Финогенова, 1978; 2001; Neverov, 1995 и мн. др.), Херсонеса Таврического (Щербакова, 1986), Никония и Тиры (Клейман, Коциевский, 1991; Батизат, Островерхов, 2001; 2002; Бруйко, Островерхов, 1993; 1997; Островерхов, Батизат,

¹ У древних народов также существовала стойкая вера в особые самостоятельные сверхъестественные свойства некоторых материалов как неорганического, так и органического происхождения: глины, металлов, самоцветов, их искусственных заменителей — стекла, «египетского фаянса» и т. д. Эти верования возникли еще на заре человеческой истории, но особенно популярными стали в античное время и времена средневековья. У греков существовала большая литература по этому вопросу — так называемые лапидарии, фрагменты которых в довольно большом количестве дошли до наших дней. Подобные верования в Нижнем Побужье были широко распространены на протяжении всей античной эпохи (Неверов, 1981; Русева, 1992, С. 167).

² № 27, 32, 35, 38, 40—42, 44, 46, 52—54, 60, 64, 66, 69—70, 72, 75, 80, 82, 86, 90—94, 96, 107, 109, 114, 116, 146, 148, 151, 155—157, 175, 177, 179—180, 184—185, 195, 197, 202, 209, 213, 221—225, 240, 251—252, 257, 261, 263—264, 268, 270, 294, 301, 339—340, 346—347, 349, 357, 371, 378, 396, 401, 403, 411—413, 415, 419, 427. В настоящее время эта коллекция хранится в ГИМе (Москва). В корпус гемм, составленный А.А. Захаровым (1928), она не вошла. К сожалению, многие экземпляры в издании А.А. Кибальчича, воспроизведены нечетко. К тому же их довольно беглое и часто непрофессиональное описание, не дает полного представления о том или ином изделии.

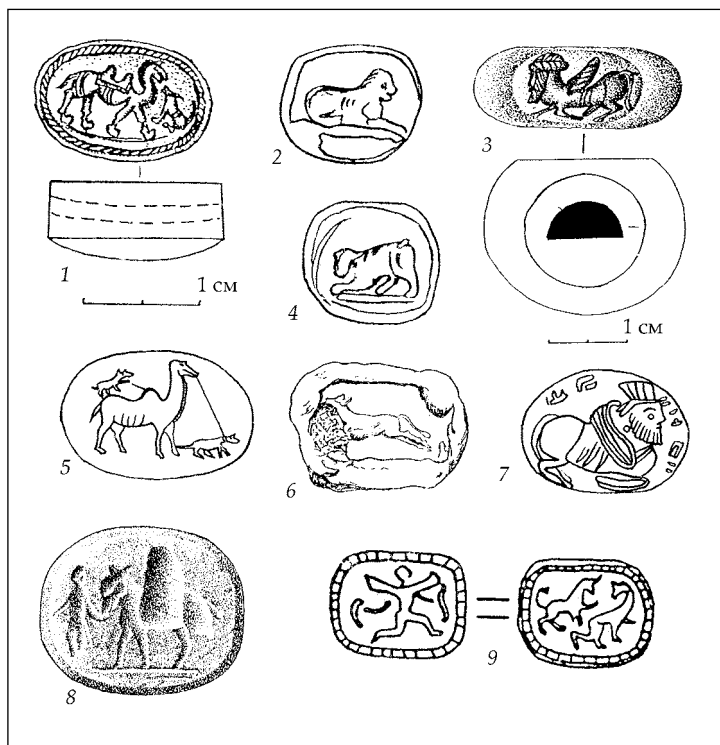

Рис. 1. Памятники раннеантичной глиптики из Ольвии и аналогии к ним (1—9)

2002; Островерхов, Охотников 1997; 1998; 2001), о-ва Левке (Змеиног) (Охотников, Островерхов, 1993, С. 62—69), некоторых скифских (Болтрик, Островерхов, 1989, С. 24—25; 1992, С. 16—17; Березова, 2001, С. 41—52; Островерхов, Редина, 1991), позднескифских (Высотская, 1980; Сымонович, 1967) и сарматских (Дзиговский, Островерхов, 2000, С. 120—130), памятников Восточного Причерноморья (Джавахишвили, 1972) и ряда городов Западного Понта (Димитрова-Милчева, 1980; Dimitrova-Milceva, 1980 и др.), эта категория материала редко подвергается специальному изучению и используется в обобщающих трудах по истории этого города (Крапивина 1989; Скржинская, 1986, С. 180—181; Скржинська, 1987, С. 292—293; Большаков, Ильинская, 1988; Русяева, 1992, С. 167; Охотников, Островерхов, 1993; Островерхов, Охотников, Редина, 1994; Буйских, Островерхов, 1997, С. 69—70). В связи с этим, как нам представляется, в настоящее время назрела острая необходимость создания Свода ольвийской глиптики.

В данной заметке делается первая попытка обобщить данные о раннеантичных печатях, найденных в различные годы в Ольвии и на Березани. Как и в других регионах античного Причерноморья, на территории Ольвийского полиса эта категория изделий была известна еще с архаического времени. В употреблении здесь были металлические перстни, а также каменные геммы и их стеклянные реплики — так называемые литики³. Геммы репрезентированы скарабеоидами, то

есть изделиями, воспроизводящими внешний вид священных египетских жуков — скарабеев, и «ахеменидскими» цилиндрическими печатями-пронизиями. Большинство известных нам образцов ольвийских перстней и гемм — *инталии*. В истории античной глиптики *камей* появились довольно поздно. Как стабильное явление, они начинают проявлять себя лишь на рубеже поздней классики и раннего эллинизма (Неверов, 1988).

В оформлении раннеантичных гемм и перстней исследователи выделяют два направления: «восточно-греческое» и «греко-персидское» (Никוליца, 1969; 1994). Если в первом видят в основном продукцию восточногреческих центров, то в отношении второго, единого мнения нет. Одни ученые (Furtwängler, 1900) отстаивают точку зрения эллинского авторства этих печатей. Другие, настаивая на их персидском происхождении, в то же время признают определенное влияние на формирование мастерства авторов этих произведений, восточногреческого искусства (Книпович, 1926; Максимова, 1937; 1956). В ольвийской коллекции, как и на Юге Восточной Европы в целом, доминируют произведения глиптики, выполненные в традициях греческого искусства, хотя изредка встречаются и «греко-персидские» печати.

Сюжеты, встречаемые на ранних ольвийских геммах и печатях, условно можно распределить на три большие группы: 1) изображения реаль-

³ В специальной отечественной литературе литиками называются все без исключения античные стеклянные реплики гемм и недекорированные вставки в перст-

ни. Термин происходит от древнегреческой кальки одного из древнеегипетских названий стекла — *λίθος χυτή* или же *λίθινα χυτά* [«растекающийся камень», «плавленный камень»] (Dero, 1981, Р. 84—85; Щапова, 1983, С. 63; Сапожникова, Островерхов, 1991, С. 87).

ных и мифологических животных; 2) человеческие лица и фигуры; 3) многофигурные мифологические и аллегорические сцены.

Анималистическая тематика в древней глиптике всегда занимала одно из ведущих мест. Изображения различных животных были одним из главных жанров уже на ближневосточных и эгейских геммах IV—II тыс. до Р. Х. (Неверов, 1983, С. 26). Не менее популярной эта тематика была и в античное время. Это вызывалось не только тем, что древние любили окружающую их природу. Для многих архаических и раннеклассовых обществ была характерна такая форма общественного сознания, в которой вся природа, все космические и социальные силы выступали в звериных обликах (Бессонова, 1983, С. 77). В полной мере это касается и эллинов, у которых антропоморфный и зооморфный символизм существовали и дополняли друг друга (Кагаров, 1913; Лосев, 1957; Nilsson, 1974—1976).

Геммы и перстни с анималистическими сюжетами у населения Ольвии также пользовались большой популярностью на всем протяжении истории города. Как и в других областях раннеантичного искусства, а также глобального по своим масштабам евразийского звериного стиля, на памятниках ольвийской глиптики широко представлены изображения хищников, травоядных и мифологических животных. В таком специфическом наборе образов отражалась присущая многим древним образам троичная или дуалистическая модель мира, соотносимая с тремя уровнями космической модели. Здесь средствами зооморфного кода выражалась идея о четкой трехчленной вертикально проецируемой системе: *птицы — копытные — хтонические животные*. Птицы связывались с небом, копытные — с реальным земным миром, а хтонические животные — с подземным царством (Бессонова, 1983, С. 77; Раевский, 1985, С. 111).

Среди хищных животных, на произведениях глиптики, находимых на территории Ольвийского полиса, особенно часто воспроизводился образ льва. Одними из наиболее ранних произведений этого жанра являются два ионийских серебряных перстня с изображениями львов, происходящие из некрополя Ольвии позднеархаического времени. На одном из них щиток в виде картуша, на втором — ромбовидный щиток, украшенный по углам электровыми гвоздями. Последний перстень имеет типичную для позднеархаических и раннеклассических перстней форму: массивную, расширяющуюся книзу «стремявидную» дужку и узкий, листовидный щиток. На одном из перстней зверь показан с поднятым хвостом, на другом — животное готовится к прыжку. На этих изделиях прослеживаются все характерные черты позднеархаического искусства глиптики: «эвритмии», главными

Рис. 2. Сердоликовый цилиндр V—IV вв. до н. э. из Ольвии с изображением лани

из которых были ритм, симметрия и равновесие (Максимова, 1956, С. 438—439. рис. 1; Неверов, 1983, С. 36; Скржинская, 1987, С. 180—181).

На территории Ольвийского полиса изображения львов продолжают встречаться и на произведениях глиптики классическо-раннеэллинистического времени. Так, на одном из стеклянных скарабеоидов V—IV вв. до Р. Х. (ИИМК, Ол-2779/135; Ол-1969. Раск. E-VIII, пом. IX) изображена *профильная фигурка лежащего льва* (рис. 1, 2).

В раннеантичное время геммы с изображением львиных фигурок в различных вариациях были широко распространены как в Средиземноморье (Beazley, 1920, P. 68. — № 82), так и на северных берегах Черного моря. Их в значительных количествах находят на Боспоре (ДБК, 1848. Атлас, табл. XVI, № 88, 11; ОАК за 1859 г., С. IX; ОАК за 1860 г. Атлас, табл. IV, 11; ОАК за 1882—1888 г., С. CLXX; Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, С. 70—71, 157—159, табл. IV, 6; ГЭ, PAN, № 1906/3; 1913/32 и др.), в скифских (Островерхов, 1996, С. 367. рис. 1, 1; Островерхов, Охотников, 1996, С. 165—169, рис. 9, 5) и меотских (Галанина, 1980, С. 42, 98, кат. № 33) памятниках. Довольно большим количеством экземпляров в ольвийской коллекции глиптики представлены изображения копытных. Они представлены ланями, горными козлами, быками и конями.

Крайне интересным является сердоликовый «ахеменидский» цилиндр с изображением лани (рис. 1, 6; 2) в схеме «вытянутого галопа». Поджарое тело животного имеет удлиненные пропорции, тонкую высокую шею и длинный хвост. Изображение передних ног сбито. Но по композиционному построению фигуры животного, можно предположить, что они были выкинуты вперед. Задние — откинута назад. На голове изображены небольшие рожки и уши. Цилиндр был найден при раскопках ольвийской агоры (ИИМК, Ол. 1953, раск. E, № 1182/22)⁴. Подоб-

⁴ В отчете Т.Н. Книпович, гемма названа обломком цилиндрической пронизи, изготовленной из серовато-розового камня, с резным изображением (НА ИА НАНУ. — 1953/5. — № 2010. — С. 17, рис. 5).

ные печати обычно датируются V—IV вв. до Р. Х. В Северном Причерноморье они встречаются относительно редко и часто носят следы вторичного использования (Неверов, 1983, С. 110—111; Неверов, 1983, С. 70—73).

Близкой аналогией изображению на ольвийском цилиндре является печать с изображением «летающего» горного козла, опубликованная А. Фуртвенглером (Furtwängler, 1900, Taf. XI, 21; Никулина, 1969, табл. 1, 16). К этому же времени и стилю, очевидно, следует отнести и ольвийский, почти округлый (диаметр 0,9 см) сердоликовый скарабеоид из собрания Т.В. Кибальчича с изображением «летающего», или приносимого в жертву горного козла с подогнутыми под туловище конечностями (Kibaltchitch, 1910, № 32).

Во всех перечисленных случаях, изображения, несомненно, выполнены восточно-греческими мастерами. В этой связи нельзя также обойти вниманием близкое сходство изображения лани на анализируемой гемме и этого же животного на *костяной заготовке*, происходящей из Ольвии (Капошина, 1950, С. 51, рис. 14; Островерхов, 1984, С. 65, рис. 1, 4). Вполне возможно, что публикуемый цилиндр был также изготовлен ольвийскими художниками, одновременно хорошо знакомыми с ионийским анималистическим искусством и в то же время греко-скифским искусством звериного стиля, вернее, его ольвийским ответвлением (ольвийской школой).

В собрании Т.В. Кибальчича (Kibaltchitch, 1910, № 71) хранился также двухсторонний, великолепной работы сапфировый скарабеоид (1,1 × 0,6 см). Он был приобретен коллекционером в Херсоне. Это дает основания предполагать, что гемма происходит из Ольвии или Березани. Изображение на одной из сторон полностью уничтожено. На другой — помещено профильное изображение спокойно стоящей лошади перед яслями. Вверху читается надпись ОН. По форме, размерам и стилю исполнения, скарабеоид можно датировать второй половиной V или же IV в. до Р. Х. В этой связи следует напомнить, что лошади было одним из излюбленных мотивов в творчестве Дексамена Хиосского. Одна из его гемм с изображением скачущей лошади, вырезанная на пестрой желто-коричневой яшме, хранится в Эрмитаже. Другая, изготовленная из такого же камня, но с изображением спокойно стоящего животного, — в Бостонском музее⁵. А на халцедоновой гемме из Парижской Национальной библиотеки, мастер вырезал коня, на которого напал грифон (Неверов, 1973; 1983, С. 42—43, рис. 3, 12—13). Манеру резчика или его ближайших последователей: выразитель-

ность силуэта, виртуозная моделировка формы и тончайшие штрихи алмазной иглы — мы узнаем и на гемме, купленной в Херсоне.

Из раскопок Ольвии (ИИМК, Ол. 2943/122) происходит литик-скарабеоид, изготовленный из прозрачного янтарно-желтого стекла, с изображением бодающегося быка (рис. 1, 4. Оттиск). Аналогичная реплика (1,4 × 1,0 см), числящаяся как найденная в Ольвии, хранилась и в коллекции Т.В. Кибальчича (Kibaltchitch, 1910, № 40). Этот мотив был широко распространен в раннеантичной глиптике (AGDS, 1969, № II, 171; Furtwängler, 1900, № IX, 19; XXIV, 72; XXV, 22, 28; XXVIII, 65, 72; XXIX, 53—54; XLI, 11). Считается, что он был заимствован резчиками печатей из монетного дела. Одними из наиболее ранних являются изображения бодающегося быка на фурийских стateraх, выпускавшихся ≈ 412 г. до Р. Х. (Tier- und Pflanzenbilder..., 1889, Taf. III, 46). Скарабеоиды с подобными изображениями, и особенно их стеклянные реплики, довольно часто встречаются в античных (Kibaltchitch, 1910, № 30, 36, 263; ГЭ, РАН, 1873/164) и скифских (Болтрик, Островерхов, 1989; Островерхов, Редина 1991) памятниках Северного Причерноморья.

Одним из излюбленных сюжетов в античной глиптике было изображение копытных (главным образом горных козлов) у мирового дерева (Furtwängler, 1900, Taf. III, 26; XVII, 68). В античное искусство этот мотив пришел с востока. Он связан с идеей упорядоченного, организованного пространства, «определявшей в течении долгого времени модель мира человеческих коллективов Старого и Нового Света» (Раевский, 1985, С. 97, 114—115). В Восточной Европе геммы с подобными сюжетами в различных вариациях известны с позднеархаического времени, но особенно популярными стали в V—IV в. до Р. Х. Их находят не только в городах Северного Понта, но и в Скифии (Неверов, 1983; Островерхов, 1996, С. 365, рис. 1, 3; Островерхов, Охотников, 1996, С. 166, рис. 9, 1—2).

Из Ольвии происходит прекрасной работы аметистовый скарабеоид с изображением вздыбленного козла с большими рогами у ветвистой пальмы. Линия почвы обозначена горизонтальной линией (Kibaltchitch, 1910, № 53). Судя по форме, размерам и стилю изображения, инталию также следует отнести к работе восточно-греческих мастерских и датировать V—IV в. до Р. Х.

В связи с восточными влияниями в Ольвии, значительный интерес представляет редкий перстень, изготовленный из халцедона-сапфирина (ОАМ, № А—52406). Он поступил в Одесский музей в 1924 г. и числится как найденный в Ольвии.

Каменные и стеклянные перстни, копирующие свои металлические аналоги, появились

⁵ Бостонскую гемму один из крупнейших знатоков античной глиптики А. Фуртвенглер охарактеризовал следующим образом: «Это — больше, чем шедевр, это — чудо глиптики!» (Furtwängler, 1900, Bd. III, S. 45).

еще в классическое время, но широкое распространение получили в эллинистическую и римскую эпоху (Младенова, 1963, С. 307, № 1000; Сорокина, 1966; Haevernick, 1969). Судя по форме, ольвийский перстень следует относить к раннеэллинистическому времени.

На щитке перстня помещено профильное изображение божества типа «крылатого кентавра». Чудовище имеет непомерно большую человеческую голову, украшенную пышной ухоженной бородой и тюрбаном, конское туловище с крыльями, и большой крупом с хвостом. Непропорционально короткие ноги поджаты в жертвенной позе под туловищем. Хотя стиль изображения на перстне выдает в нем работу «восточно-греческого» мастера позднейшего классического времени, сам образ, очевидно, взят из персидского или же «греко-персидского» искусства (рис. 1, 3).

Кентавры (*Κένταυροι*) — миксантропические существа, полулюди-полукони, обитатели гор и лесных чащ, с одной стороны, отличающиеся буйным нравом и неводержанностью, а с другой, выступающие воспитателями многих древнегреческих героев [Pind., Pyth., II, 21—48; Apollod. I, 2, 4; II, 5, 4; Ovid., Met., XII, 210—235; Paus. III, 18, 10, 15], — распространенные персонажи во многих древних мифологиях. Они выступали действующими лицами не только в древнегреческих, но и во многих ближневосточных мифах (Dimezil, 1929; Carnoy, 1936, P. 99—113; Isard, 1939). О древности этого сюжета на Востоке свидетельствует, например, изображение кентавра на келермесском серебряном ритоне (Максимова, 1956, С. 229; Раевский, 1985, С. 96—97, рис. 6).

Образ кентавра был одним из самых распространенных в античном и ближневосточном искусстве. Геммы, перстни, погребальные «кулоны» (Кубышев, Островерхов, 1997, С. 71—74, рис. 1, 2) и другие изделия с изображением кентавров, пегасов и ихтиокентавров (*ιχθυοκένταυρος*, *κένταυροτρίτων*), а также их восточных аналогов, хорошо известны по находкам в Тире, Херсонесе, Пантикапее и Восточном Причерноморье (Kibaltchitch, 1910, № 18, 73; Furtwängler, 1900, Taf. XI, 18—20; Островерхов, Батизат, 2002, С. 117—118, рис. 1, 5—6). Некоторые из гемм имеют восточные (рис. 1, 7) и греческие надписи. К этому же кругу памятников примыкают инталии из Парижской Национальной библиотеки с изображением крылатого быка и Эрмитажа с изображением фантастического существа типа сфинкса (Никулина, 1969, табл. 1, 18, 20).

Интересна и ольвийская коллекция глиптики с изображением антропоморфных богов. Одним из самых ранних образцов гемм подобного плана является сердоликовый овальный скарабеоид с двухсторонним изображением. Его размеры 1,8 × 1,4 см (Kibaltchitch, 1910, № 107, 109).

На одной из сторон помещено плоскостное, словно графическое, изображение спокойно стоящего воина, выполненное в архаизирующем стиле. Об этом свидетельствуют не только угловатость и статичность фигуры, но и ракурс ее изображения. Туловище изображено строго в профиль, а голова на $\frac{3}{4}$ к зрителю. Одет воин в длинный, ниже колен, парадный плащ. Его голову украшает коринфский шлем с гребнем. В правой руке он держит круглый щит. В левой поднятой вверх руке — копье, заброшенное за шею. Между ногами прослеживается изображение какого-то предмета, возможно, змеи.

В раннеантичной глиптике подобные изображения хорошо известны (Furtwängler, 1900, Taf. XV, 23, 29—30, 37, 43, 47, 52; XVI, 13, 41). Встречаются они и в Северном Причерноморье (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, С. 158, табл. IV, 7), в том числе и Скифии (Островерхов, Охотников, 1996, С. 167, рис. 10, 1). Довольно близкой аналогией ольвийскому изображению является раннеэтрусская гемма из собрания Эрмитажа, датируемая концом VI или самым началом V в. до Р. Х. (Неверов, 1983, С. 57, рис. 4, 6; Neverov, 1981) ⁶.

Длительное время в подобных сюжетах видели изображение воинов. Г. Келер усмотрел в них изображение Агамемнона — вождя греков под Троей. Однако, как установили современные знатоки античной глиптики (Неверов, 1983, С. 57), это изображение Афины. В отличие от поздних изображений богини, где эгида покрывает лишь ее плечи, она спускается ниже колен и украшена оторочкой, которая, вероятно, имитировала золотые кисти:

*Сотня искусно сплетенных кистей на эгиде висела,
Чистого золота: каждая кисть — в гекатомбу ценною!*

[Hom., II, II, 466—468].

На обратной стороне геммы в стиле искусства высокой классики, изображена профильная голова бородатого Геракла или же Зевса Олимпийского, влево. Все это позволяет датировать гемму не позже первой половины — середины V в. до Р. Х.

Самым началом V в. до Р. Х. датируется ионийский электровый перстень, на щитке которого изображена угловатая фигурка девушки с протянутыми руками. Девушка изображена с большой головой и крупным «неклассическим»

⁶ Привлечение в качестве аналогий раннеэтрусских гемм нам представляется вполне оправданным. Ведь об этрусской глиптике еще на рубеже XX века А. Фуртвенглер писал: «Теперь выявляется ее двойная высокая значимость, во-первых, потому, что многие находки греков дошли до нас только в ее переработках, а затем — потому, что это самое лучшее и совершенное, чего вообще смог достичь художественный дух этрусков» (Furtwängler, 1900, Bd. III, S. 170).

носом. Обычно сюжет этого перстня интерпретируют как изображение девушки, играющей в мяч. Однако, по мнению О.Я. Неверова (1983, С. 36—37), на гемме изображена Даная, к которой спускается с небес Зевс в виде капель золотого дождя. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что в ряде случаев подобные изображения сопровождаются именем Данаи.

В классическое время на юге Восточной Европы широкое распространение получили каменные геммы и литики-скарабеоиды с изображением женских и мужских лиц.

В ольвийской коллекции женские мифологические образы репрезентированы двумя типами. На первом (напр., ГЭ. Ол. № 11567) из них воспроизводится полуфасовое изображение головы молодой женщины или девушки с крупным ожерельем на шее. Крупные черты лица, какая-то особенная грубоватость и полнокровность самого типа лица, далекого от классического идеала красоты, прическа с пробором, облегаяющая голову, массивный подбородок и толстая короткая шея выдают руку мастера, близкую к ионийскому направлению в искусстве. Подобные изображения были широко распространены в раннеантичной глиптике (Furtwängler, 1900, Taf. IX, 40; XXIV, 46; XXV, 35; XXVI, 11, 16, 23; Panofka, 1852. Taf. IV, 4). Подобные литики-скарабеоиды встречаются и в скифских курганах Нижнего Поднепровья (Болтрик, Островерхов, 1989, С. 24; Островерхов, Охотников, 1996, С. 167. рис. 10, 5).

Близкими к этому типу являются изображения богинь на золотом перстне начала V в. до Р. Х., хранящемся в Эрмитаже, и девушки-купальщицы, стоящей у лутерия, из ГИМа в Москве. По мнению О.Я. Неверова (1978, № 1; 1983, С. 37), оба перстня были изготовлены в ионийских мастерских и передают образ Афродиты.

В классическое время в античном мире (Panofka, 1852, Taf. III, 37; LVIII, 46; LXV, 23; Furtwängler, 1900, Taf. IX, 38; XIII, 2; XX, 50; XXVI, 20, 27; XXXII, 35—36, 38; XXXIII, 1—2, 21; XLVII, 47—48; Walters, 1926, № 579; AGDS, 1969, II, № 319—322), в том числе Восточной Европы (Kibaltchitch, 1910, № VI, 188, 190, 192—193; XVI, 450—457; XVII; Граков, 1954, С. 109; Неверов, 1983, С. 108) и конкретно в Ольвии (Kibaltchitch, 1910, № VI, 175, 177, 184—185; ГЭ. Ол. № 1811), широкое распространение получили каменные скарабеоиды и их стеклянные реплики с профильным изображением вытянутого женского лица с классическим профилем, украшенного пышной прической типа «*λάμπδιον*» («факелок»). Уши украшают длинные подвески или серьги. По мнению О.Я. Неверова, этот сюжет мастерами глиптики был заимствован из нумизматики. Так, близкие изображения встречаем в драмах Коринфа второй половины V в. до Р. Х.

Широкое распространение подобных изображений как в Средиземноморье, так и на северных берегах Черного моря, свидетельствует о том, что на них воспроизводится образ одной из Великих богинь. Скорее всего, это Артемида.

Среди мужских персонажей следует отметить находку в Ольвии овального (1,4 × 1,2 см) литика-скарабеоида из глухого синего стекла с изображением профильной головы Аполлона (Kibaltchitch, 1910, № 221). Подобная стеклянная реплика найдена в кург. 17 некрополя Танаиса (ИАК, 1913, Вып. 35, С. 118. рис. 26; ГЭ. Т. Е. 1909/47). Оба изделия датируются IV в. до Р. Х.

Особую группу двухсторонних *камей* позднеклассического и раннеэллинистического времени составляют двухсторонние подвески с изображением мужских и женских лиц в фас. В мужских лицах исследователи обычно усматривают Зевса-Баала, в женских — Деметру-Тиннит. Подобные украшения отпрессовывались в двухсторонних формах чаще всего из прозрачного синего (кобальтового), зеленого, бирюзового или глухого черного стекла. В немецкой специальной литературе они получили название «*Doppelköpfen*» («Двойная голова»). Ареал распространения подобных изделий охватывает практически всю античную ойкумену. Хорошо они известны и в Восточной Европе (Haevernick, 1968; Алексеева, 1978, С. 62, 74, табл. 34, 12—17; Бидзия и др., 1977. рис. 19, 14; Островерхов, 1985, С. 101), в том числе и Ольвии (Островерхов, 1990). Т.Е. Хеверник считала, что родиной подобной продукции был Карфаген. С тех пор это мнение прочно укрепилось и в отечественной литературе.

Длительное время в античном искусстве, и особенно в нумизматике и глиптике, существовали строгие запреты на изображение лиц смертных людей на тех изделиях, где веками изображались лишь боги. В V—IV вв. до Р. Х. этот запрет осмеливались нарушать лишь самые смелые и свободолюбивые художники. В монументальном искусстве это был Фидий. В глиптике — Дексамен Хиосский (Ернштадт, 1925). В различных музеях мира хранится несколько десятков подписных, а также приписываемых этому мастеру гемм и перстней. Большая часть из них найдена в Северном Причерноморье — на Боспоре и в Никонии. И это не удивительно. Ведь, по мнению ряда компетентных исследователей, Дексамен длительное время работал на северных берегах Черного моря (Evans, 1898; Максимова, 1962, С. 190—191. рис. 2; Неверов, 1973; 1983, С. 70—71; Neverov, 1995, P. 72, Pl. XI, 4; Diehle, 1967, S. 44, Abb. 1; Vickers, 1975, Pl. XVII, b—d; Островерхов, Охотников, 1998, С. 53—54).

Находки раннеантичных портретных гемм известны также и в Ольвии. Одна из них хранилась в коллекции Т.В. Кибальчица (Kibaltchitch,

1910, № 207). Скарабеоидная сапфировая инталия размером 1,0 × 0,9 см была приобретена покупкой в Одессе. По словам продавца, она была найдена в Ольвии. На гемме с большим реализмом изображена профильная голова пожилого «философа» с большим лысым лбом и бородой, вправо. Она выполнена в лучших традициях школы Дексамена Хиосского и может датироваться второй половиной V в. до Р. Х.

В подборке предметов глиптики, найденных на территории Ольвийского полиса, известны и изделия с изображением мифолого-аллегорических сюжетов. В античном искусстве они появились еще в архаическое время (Неверов, 1983, С. 34—35). Одна из наиболее ранних скарабеоидных гемм подобного рода была найдена при раскопках Г.А. Скадовского на Березани. Она бегло определена Б.А. Тураевым (1911, С. 81, № 7), как «гемма с изображением на обеих сторонах»⁷, позже переиздана А.О. Большаковым и Ю.И. Ильиной (1988, С. 58—59, рис. 4) и проинтерпретирована С.Б. Охотниковым и А.С. Островерховым (1993).

Оба рисунка выполнены эскизно и обрамлены штриховым ободком. Подобные ободки и плетенки являются одним из характерных признаков гемм позднеархаического и частично раннеклассического времен. Они как бы замыкают изображение и усиливают декоративную узорчатость резьбы (Неверов, 1983, С. 35).

На одной стороне инталии помещено изображение крылатого антропоморфного существа, находящегося в окружении змей. Одну из них божество держит в руке. На другой стороне, как полагал Б.А. Тураев, изображено два коня или же конь и лев. Однако, судя по трактовке лап, хвостов и голов животных, здесь, скорее всего, мы имеем дело с грифонами (рис. 1, 9). Близкое по стилю изображение видим на гемме из скифского кургана № 13 (V в. до н. э.) у с. Большая Знаменка в Нижнем Поднепровье (Отрощенко, Рассамкин, 1985, С. 49—53. Вклейка; 1985, С. 242; Островерхов, Охотников, 1996, С. 163—164, рис. 9, 10). Стилистические аналогии березанским изображениям находим на некоторых навкратийских фаянсах (Naukr., I, № 140—141, 145). В божестве со змеями мы усматриваем одного из паредров Змееной богини — Геракла или же Ахилла.

В 1924 г. в ОАМ поступил великолепной работы скарабеоид, выполненный из халцедона-сапфирина. В Каталоге Э.Р. фон Штерна (Va/1296; ОАМ, № А—52404) указывается, что гемма была найдена в Ольвии и подарена музею

неким Посковым. О ранней дате (V в. до Р. Х.) изделия свидетельствует плетенка, окаймляющая изображение. На плоской стороне печати рукой умелого мастера в лучших традициях «восточногреческого» направления в искусстве глиптики, помещена композиция: двугорбый верблюд идет вправо, перед ним сидит лающая собака (рис. 1, 1).

Раннеантичные геммы с изображениями верблюдов на северных берегах Черного моря встречаются относительно редко. Так, на инталии из Анапы (Kibaltchitch, 1910, № 282) изображен груженный товарами верблюд с погонщиком. А в подборке (Furtwängler, 1900, Taf. XXV, 55) воспроизведена гемма из копенгагенского собрания с изображением верблюда и двух собак. Одна из них идет впереди и исполняет роль проводника. К ее ошейнику прикреплен длинный поводок, конец которого держит в зубах верблюд. Вторая собака сидит на спине у верблюда. В одной из ее лап — палица или плеть (рис. 1, 5).

Семантически близким к этим геммам является и изображение на стеклянной отливке из скифского кургана 21/2 (340—320 гг. до Р. Х.) у с. Гюновка в Нижнем Поднепровье (Болтрик, 1990, С. 42, рис. 9). На выпуклой стороне скарабеоида изображен погонщик с мулом или ослом. На спине животного размещены тюки с товарами. На голове мужчины головной убор типа тюрбана. Левой рукой он ведет на поводу животное. Правая — откинута назад. Этим приемом резчик пытался показать движение (рис. 1, 8).

Как нам представляется, в данном случае мы имеем дело с религиозно-мифологическими композициями. В архаическое и классическое время верблюды и ослы на северных берегах Черного моря были экзотическими животными (Цалкин, 1960, С. 50). В то же время, верблюды и собаки занимали важнейшее место в зороастризме. Так, верблюд считался одной из инкарнаций Веретрагны — иранского бога войны и победы. Даже само слово «заратуштра» по различным версиям этимологически может обозначать следующее: «имеющий старых верблюдов», «тот, кто ведет верблюдов» или же «лицо, обладающее верблюдами».

Собаки играли особую роль в погребальном культе зороастрийцев. Они считались проводниками душ умерших в загробный мир. Присутствие собак при умирающем символизировало уничтожение всего грязного, порочного и безнравственного. Как полагали верующие, взгляд собаки был способен прогнать «насу» и злых духов (Абаев, 1956; 1974; Boyce, 1979; Бойс, 1987; Дорошенко, 1982).

Геммы с зороастрийскими сюжетами и ранее встречались в некрополях античных городов Северного Понта. Наиболее наглядным из

⁷ К сожалению, материал, из которого был изготовлен скарабеоид, а также его размеры, эти исследователи не сообщают.

них является литик-скарабеоид с двусторонним изображением, происходящий из некрополя Нимфея. Он был найден в погребении первой половины V в. до Р. Х., которое, как предполагают, было личной печатью знатного воина и хозяина крупных стад скота. На лицевой стороне скарабеоида в реалистическом плане изображена корова с теленком. На обратной стороне — крылатый солнечный диск Ахурмазды — верховного божества зороастрийского и ахеменидского пантеонов. Обе эмблемы повторяются на монетах малоазийского города Тарса 420—380 гг. до Р. Х. (Силантьева, 1959, С. 56, рис. 24, 2; Неверов, 1983, С. 108; Neverov, 1995, Р. 72—73, № 15., Pl. XII, 3). Подобные воззрения в раннеантичное время фиксируются и на территории Ольвийского полиса (Буйских, Островерхов, 1994).

О распространении зороастрийских воззрений среди населения античных городов Северного Понта, возможно, свидетельствует и наличие в ряде некрополей Боспора (Сорокина, Сударев, 2001; 2002, С. 284; Соловьев, 2002, С. 102) захоронений, выполненных по так называемому обряду выставления. Главной его особенностью было оставление на определенный срок тела умершего в безлюдном месте для растерзания его дикими животными и птицами с последующим захоронением останков, как правило, состоявших из отдельных костей и (или) частей тела (Воусе, 1979; Бойс, 1987; Дорошенко, 1982).

В настоящей публикации мы ограничились постановкой проблемы, затронув лишь незначительный пласт доступных материалов. Но, как нам представляется, и он достаточно показательно свидетельствует о том, что в конце VI—IV вв. до Р. Х. на территорию Ольвийского полиса поступала как дорогая, так и более дешевая продукция «восточно-греческих» и «греко-персидских» камнерезных мастерских, локализуемых в городах по побережью Малой Азии, на прибрежных островах и в Ликии, в местах резиденций некоторых персидских и местных правителей (Никulina, 1969, С. 112). Часть печатей, и особенно литики-скарабеоиды, могла производиться в северопричерноморских мастерских резчиками-штемпелями и ювелирами, работавшими на местных монетных дворах. Оборудование мастерской резчика было достаточно портативным, мастера глиптики в древности были достаточно мобильным отрядом художников (Неверов, 1973, С. 51, 107—108; 1983, С. 45, 108—109; Островерхов, Охотников, 1997, С. 231).

В плане потребления изделий глиптики Ольвийское государство на всем протяжении своего существования, очевидно, мало в чем уступало Боспору и городам Западного Понта, геммы и перстни которых традиционно репродуцируются как в отечественных, так и зарубежных изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // *Archiv orientální*. — Praha, 1956. — Т. XXIV. — F. 1.
- Абаев В.И. Миф и история в Гетах Зороастра // *Историко-филологические исследования*. — М., 1974.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ*. — М., 1978. — Г1—12. — Т. 2.
- Батизат Г.В., Островерхов А.С. Литик-скарабеоид с изображением «хоровода» мышей из Никония // *Ольвия та античний світ*. — К., 2001.
- Батизат Г.В., Островерхов А.С. Новые памятники эллинистической глиптики из Нижнего Поднестровья // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья* (V тыс. до н. э.—V век н. э.). — Тирасполь, 2002.
- Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. — М., 2000.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — К., 1982.
- Березова С.А. Персні із скіфських пам'яток в колекції Музею історичних коштовностей України // *Музейні читання*. Матер. наук. конф. — К., 2001.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки // *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. — К., 1977.
- Бобринский А.А. О некоторых символических знаках, общих первобытной семантике всех народов Европы и Азии. — М., 1902.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М., 1987.
- Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // *СА*. — 1990. — № 4.
- Болтрик Ю.В., Островерхов А.С. Сюжеты на литиках-скарабеоидах из скифских памятников Поднепровья и Подунавья // *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР*. — К., 1989.
- Болтрик Ю.В., Островерхов А.С. Литик-скарабеоид из скифского кургана у с. Большая Белозерка // *Киммерийцы и скифы: Тез. докл. конф.* — Мелитополь, 1992.
- Большаков А.О., Ильина Ю.И. Египетские скарабеи с острова Березань // *ВДИ*. — 1988. — № 3.
- Бруйко И.В., Островерхов А.С. Литик-скарабеоид из Никония // *ДП (КС ОАО)*. — Одесса, 1993.
- Бруйко И.В., Островерхов А.С. Геммы из некрополя Никония римского времени // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. — Одесса, 1997.
- Буйских С.Б., Островерхов А.С. Кабаний клык с зооморфным изображением из Глубокой Пристани // *Проблеми скифо-сарматської археології Северного Причерномор'я*. — Запорожжє, 1994.
- Буйских С.Б., Островерхов А.С. Навкратийский скарабей из античного святилища на Бейкушском мысу // *Чобручський археологічний комплекс і питання взаємодії античної і варварської культур*. — Тирасполь, 1997.
- Высотская Т.Н. Геммы Усть-Альминского некрополя // *ВДИ*. — 1980. — № 1.
- Галанина Л.К. Курджипский курган. — Л., 1980.
- Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // *МИА*. — 1954. — № 36.
- Димитрова-Милчева А. Антични геми и камеи от Националния археологически музеи в София. — София, 1980.
- Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Перстень-печать из сарматского погребения у с. Михайловка // *Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я*. — Одеса, 2000.

- Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. — М., 1982.
- Ерништадт Е.В. К вопросу о стиле резчика Дексамена // ИРАИМК. — 1925. — Вып. 4.
- Захаров А.А. Геммы Государственного исторического музея // Труды СА РАН. — М., 1928.
- Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. — СПб., 1913.
- Кай Плиний Секунд. Естественная история ископаемых тел, переложенная на русский язык, в алфавитном порядке, и примечаниями, дополненная трудами В. Севергина. — СПб., 1819.
- Капошина С.И. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. — 1950. — Т. XXXIV.
- Кибальчич Т.В. Южнорусские геммы (неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в Южной России). — Берлин, 1910.
- Клейман И.Б., Коцевский А.С. Геммы из Тире // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. — К., 1991.
- Книпович Т.Н. «Греко-персидские» резные камни Эрмитажа. — Л., 1926. — Вып. III.
- Коровина А.К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. — 1987. — Вып. 8.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. — К., 1983.
- Крапивина В.В. Залізний перстень з Ольвії // Археологія. — 1989. — № 3.
- Кубышев А.И., Островерхов А.С. Стекланные погребальные «кулоны» раннеэллинистического времени из Северного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс. — Тирасполь, 1997.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеша // МАР. — 1894. — № 13.
- Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. — М., 1957.
- Максимова М.И. Античные резные камни Эрмитажа. — Л., 1926.
- Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. — 1937. — № 1.
- Максимова М.И. Резные камни // АГСП. — М.; Л., 1956.
- Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. — 1956. — Вып. XXV.
- Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. — 1957. — № 4.
- Максимова М.И. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. — 1962. — № 103.
- Младенова Я. Предметы от стекла и алабастра от некрополя на Аполония // Аполлония. Разкопки в некрополя на Аполония през 1947—1949 г. — София, 1963.
- Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. — Л., 1971.
- Неверов О.Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. — Л., 1973.
- Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. — Л., 1976.
- Неверов О.Я. Античные перстни (VI в. до н. э. — V в. н. э.). Каталог выставки. — Л., 1978.
- Неверов О.Я. Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // М.М. Кобылина. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. — М., 1978.
- Неверов О.Я. Магические амулеты императорской эпохи // Искусство и религия. — Л., 1981.
- Неверов О.Я. Геммы античного мира. — М., 1983.
- Неверов О.Я. Фрагмент ахеменидского цилиндра из Херсонеса // СГЭ. — 1983. — Вып. 49.
- Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. — Л., 1988.
- Никулина Н.М. Перстни из Фанагории // СА. — 1964. — № 3.
- Никулина Н.М. К вопросу о «восточно-греческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V—IV вв. до н. э.) // ВДИ. — 1969. — № 3.
- Никулина Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V—IV вв. до н. э. — М., 1994.
- Островерхов А.С. Образ птицы в ольвийской школе звериного стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. — К., 1984.
- Островерхов А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. — 1985. — № 3.
- Островерхов А.С. Стеклянные геммы на Юге Восточной Европы (V—III вв. до н. э.) // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Луганск, 1990.
- Островерхов А.С. Стеклянные уплощенные подвески из Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. — Херсон, 1990. — Ч. 2.
- Островерхов А.С. Торговля стеклянными бусами на Юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996.
- Островерхов А.С., Батизат Г.В. Новые материалы к корпусу глиптики из Тире // Северное Причерноморье в античное время. — К., 2002.
- Островерхов А.С., Отрешко В.М. Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986.
- Островерхов А.С., Отрешко В.М. Костяной амулет с поселения Чертоватое VII под Ольвией // ДП (КСОАО). — Одесса, 1994.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. Раннеантичные стеклянные геммы из Северного Причерноморья // Мир Ольвии. Материалы чтений к 90-летию Л.М. Славина. — К., 1996.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. Бронзовый перстень раннеэллинистического времени из Тире // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. Портретный литик-скарабеоид из Никония // Древнее Причерноморье. IV чтения памяти П.О. Карышковского. — Одесса, 1998.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б. Глиптика Никония и его окружи // Ольвія та античний світ. — К., 2001.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Материалы к корпусу раннеантичной глиптики из Ольвии // Ольвия-200. — Парутино, 1994.
- Островерхов А.С., Редина Е.Ф. Литик-скарабеоид из скифского кургана Мрежната Могила // Тез. II обл. ист.-краевед. конф. — Одесса, 1991.
- Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка-2 в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины. — К., 1977.
- Отрешко В.М. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // ПДКСР. — К., 1979.
- Отрошенко В.В., Рассамкин Ю.Я. Скарби тринадцатого кургану // Наука і суспільство. — 1985. — № 12.
- Отрошенко В.В., Рассамкин Ю.Я. До таємниць Геродотової Скіфії // Наука і культура. Альманах. — 1985. — Вип. 19.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). — К., 1993.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С. Скарабеоид с Березани // ДП (КСОАО). — Одесса, 1993.

- Плиний Старший. Об искусстве / Пер. с введением и примечаниями Б.В. Варнеке. — Одесса, 1918.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. — М., 1985.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.
- Сапожникова Г.В., Островерхов А.С. Технология производства литиков-скарабеоидов // Древнее Причерноморье: II чтения памяти П.О. Карышковского. — Одесса, 1991.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи некоторых боспорских городов. — МИА. — 1959. — № 69.
- Скржинская М.В. Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. — К., 1986.
- Скржинська М.В. Антична гема із Ольвії // Наука і культура. Україна. — 1987. — Вип. 21.
- Соловьев С.Л. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // БФ. — СПб., 2002. — Ч. 1.
- Сорокина Н.П. Стекланные перстни из Прикубанья в собрании ГИМ // Труды ГИМ. — 1966. — Вып. 40.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI—V вв. до н. э. (постановка вопроса) // ДБ. — 2001. — № 4.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // БФ. — СПб., 2002. — Ч. 1.
- Супрычев В.А. Самоцветы. — К., 1980.
- Супрычев В.А. Занимательная геммология. — К., 1984.
- Сымонович Э.А. Две геммы из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // ВДИ. — 1967. — № 2.
- Топоров В.Н., Мейлах М.Б. Круг // МНМ. — 1992. — Т. 2.
- Тураев Б.А. Скарабеи с острова Березани // ИАК. — 1911. — Вып. 40.
- Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. — М., 1954.
- Ферсман А.Е. Занимательная минералогия. — М., 1975.
- Финогенова С.И. Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет // ВДИ. — 1978. — № 2.
- Финогенова С.И. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. — 2001. — № 2.
- Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. — М., 1986.
- Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. — Махачкала, 1929.
- Цалкин В.И. История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА. — 1960. — № 53.
- Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). — М., 1983.
- Щербак В.С. Античные печати Херсонеса как исторический источник: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1986.
- Beazley J.D. The Lewes House collection of ancient gems. — Oxford, 1920.
- Boyce M. Zoroastrians: Their Beliefs and Practices. — London, 1979.
- Carnoy A. Le concept mythologique du gandharva du centaure // Muséon. — 1936. — Vol. 49.
- Deroy L. Liinguistique et histoire du verre antique // Ann... du 8e CAIHV. — Liège, 1981.
- Diehle E. Eine Gemme des Dexamenos // Berliner Museen. — N. F., 1967.
- Dimezil G. Le problème des centaures // Etude de mythologie comparée indo-européenne. — Paris, 1939.
- Dimitrova-Milceva A. Antike Gemmen und Kameen aus dem Archaeologischen Nationalmuseum in Sofia. — Sofia, 1980.
- Evans A. The Athenian Portrait-Head by Dexamenos of Chios // RA. — 1898.
- Furtwängler A. Die antiken Gemmen. — Berlin, 1900. — Bd. 1—3.
- Isard A. Le centaure dans la légende et dans l'art. — Thèse; Lyon, 1939.
- Haevernick Th.E. Doppelköpfen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. — Rostock, 1968. — H. 7/8.
- Haevernick Th.E. Hellinistische Glasfingerringe // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. — Mainz, 1969. — Jrg. 16.
- Kibaltchitch T.W. Gemmes de la Russie Meridionale. — Mars, 1910.
- Mely de F. Les Lapidaires de l'antiquité. — Paris, 1902. — Vol. III.
- Neverov O. Die Sammlung Etruskischer Glyptik in der Ermitage // Studi Etruschi. — 1981. — Vol. XLIX. — Ser. III.
- Neverov O.J. Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // Archeologia. — Warszawa, 1995. — T. XLVI.
- Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. — München, 1976. — Bd. 1.; 1974. — Bd. 2.
- Panofka T. Gemmen mit Inschriften in den Königl. Museen zu Berlin. — Berlin, 1852.
- Tier- und Pflanzbilder auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. — Leipzig, 1889.
- Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. — Oxford, 1979.
- Walters H.B. Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. — London, 1926.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОЛЬВИИ

Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАНУ является своеобразным музеем под открытым небом. Это касается прежде всего строительных остатков. Сохранить их, донести до будущих поколений неповторимость этого античного памятника — одна из главных задач заповедника. Вот почему после открытия сооружения в результате раскопок наступает очередь сохранения того или другого строения уже как музейного экспоната путем консервации и реставрации. На протяжении многих лет в Ольвии использовались разные методы и материалы для проведения консервационно-реставрационных работ (Беляев, Кудренко, 1994, С. 103—105). И сегодня признано наиболее целесообразным проводить консервацию с частичной реставрацией. В последние годы консервация в Ольвии проводилась по технологии, разработанной для Ольвии Московским химико-технологическим институтом им. Д.И. Менделеева. Эта технология позволяла избегать перекладки стен, а закреплять их с помощью специальных консервантов и введением противоусадочных и пластифицирующих добавок с последующей гидрофобизацией и биоцидной обработкой поверхности кладок. К сожалению, в настоящее время мы не имеем этих консервантов и поэтому все чаще приходится делать перекладку. Следует также подчеркнуть, что анализ структуры камня-известняка, из которого построены греческие дома, и известняк, который добывается сегодня, относится к одной локальной группе, а поэтому при реставрации можно использовать как первый, так и второй вид известняка. Это также дало нам основание использовать при восстановлении кладок цементный раствор. Как показал десятилетний опыт работы, его использование не имеет негативных последствий.

Остановимся на некоторых особенностях реставрации в Ольвии. На протяжении уже более чем столетних археологических исследований здесь открыты городские кварталы, улицы, оборонительные сооружения, выявлена планировка застройки города и отдельных домов. Выделены периоды в истории города. Прослежены перестройки отдельных домов, техника кладки, ис-

пользованные при этом материалы и тому подобное. Степень сохранности домов различна. Все это необходимо учитывать при проведении реставрационных работ. Так, неоднократные перестройки домов ставят вопрос, что сохранить, а от чего отказаться. Приходится в каждом конкретном случае действовать по-разному. Если в доме кладки того или иного периода очень плохой сохранности и не могут быть восстановлены, тогда реставрируем то, что лучше сохранилось. И, наоборот, в доме, где в хорошем состоянии стены, или помещения разных периодов и они требуют незначительных реставрационно-консервационных работ, то в данном случае мы оставляем сооружения обоих периодов. В качестве примера можно привести дом Е-5, в котором поздняя перегородка (хорошей сохранности) разрушила одну из стрельчатых ниш более раннего периода. Здесь была восстановлена ниша и оставлена перегородка (Беляев, Кудренко, 1994, С. 107—108).

Как указывалось выше, раскопки в Ольвии проводятся более ста лет, поэтому в заповеднике параллельно осуществляется и реставрация давно раскопанных объектов и тех, что были открыты во время современных раскопок. При реставрации первых мы опираемся на архивные материалы, литературу, а также на реконструкцию того или иного дома, сделанную исследователем. Основной принцип, которым мы руководствуемся в данном случае, — это воссоздание планировки дома. Даже когда не все кладки сохранились до настоящего времени, но они зафиксированы на фото, в чертежах, то их следует восстановить. Другое дело, когда эти работы проводятся непосредственно в процессе раскопок или сразу после них. Здесь вместе с исследователями решается, что законсервировать, а что отреставрировать. Этот метод, на наш взгляд, наиболее перспективный и дает неплохие результаты.

Несколько слов о технологии реставрации. Здесь мы главным образом действуем на основе изучения методов античных мастеров. Наш опыт показал, что греческие строители при постройке домов использовали глинистый раствор. Камни тщательно подгонялись друг к другу, для чего их

поверхность старательно обрабатывалась с помощью обрубки. Нередко камни уложены насухо и закреплялись раствором с тыльной стороны, с последующей забутовкой мелкими камнями. Потом это заполнялось раствором из глины. Фундаментом домов в Ольвии часто служили слоевые основания или кладки подвальных помещений сооружений более раннего времени.

Исходя из вышеизложенного, мы используем следующие методы при реставрации. Для избежания усадки кладки делаем неглубокий фундамент, который закрепляем цементным раствором, и на нем восстанавливаем кладку стен. В процессе сооружения кладки мы стремимся использовать такие камни, которые по фактуре, форме, размерам, по возможности соответствовали древним, последнее достигается с помощью обрубки. Кладка делается насухо. Кроме того, что камни держатся за счет своей тяжести и тщательной подгонки друг к другу, с тыльной стороны они закрепляются цементным раствором. Затем делается забутовка из нескольких слоев, каждый из которых закрепляется раствором. Таким образом, кладка делается монолитной. Для предотвращения разрушения от погодных условий необходимо, чтобы она имела замкнутую форму.

Каждый участок городской застройки Ольвии имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при реставрационных работах. Так, участок НГС расположен вдоль береговой линии северной части Нижнего города. Здесь выявлено несколько древних оползневых расщелин, которые являются безусловной угрозой для культурного слоя городища (Крыжицкий, Крапивина, 1995, С. 28, 29). В процессе исследований прослежено три террасы, на которых расположены кварталы городской застройки. Активное строительство в северной части Нижнего города началось с IV в. до н. э. Основная застройка относится к середине IV — середине II в. до н. э. В ней прослеживаются не менее пяти строительных периодов (Крыжицкий, Крапивина, 1995, С. 29). Особенностью этого участка является то, что здесь нет слоевых оснований, нередко стены предыдущего строительного периода органично включались в более поздние (Лейпунская, Самойлова, 1994, С. 75). В позднеэллинистическое время на данной территории произошли какие-то природные катаклизмы, которые привели к деформации кладок и грунта. Появились вертикальные трещины в стенах и горизонтальные — в грунте. Возможно, это связано с оползнем, произошедшим около середины — конца эллинистического периода. Одним из последствий этого были разрушения в подвальных помещениях дома НГС-1. Дом построен в III в. до н. э., а подвальные помещения относятся к дому IV в. до н. э., т. е. они были использованы как фунда-

мент. Один из этих подвалов отличался очень высоким качеством кладки. Он был прямоугольной формы 5,6 × 4,5 м, высота стен — 1,5 м. Они были сложены насухо из тщательно обработанных плит квадратной и прямоугольной формы. Полностью сохранилась западная стена. Южная стена была сильно деформирована и выпнулась дугой, швы между камнями разошлись, некоторые камни разрушились. От северной стены сохранилась только ее западная оконечность.

Реставрация этого подвала проводилась следующим образом. Камни южной стены были сняты ряд за рядом и пронумерованы. Ряд обозначался римскими цифрами, а камни арабскими. После этого камни были положены в старом порядке насухо, ряд за рядом. Отдельные разрушенные камни заменены другими, аналогичными по форме и фактуре. С тыльной стороны была сделана забутовка из камней на цементном растворе, что позволило укрепить стену, не нарушая внешнего вида. Северная стена была также восстановлена. Учитывая, что камни от нее почти не сохранились, для реставрации были использованы другие, близкие по форме и фактуре. Этот подвал является одним из примеров реставрации, когда почти полностью удалось воссоздать построенное из античных материалов.

Интерес представляет также дом НГС-8. По мнению исследователей, в его строительстве можно выделить два периода, первый из которых относится к концу V — началу IV вв. до н. э. Почти все строительные остатки этого периода не сохранились или настолько разрушены, что не могут быть отреставрированы. В более удовлетворительном состоянии были строительные остатки эллинистического времени, которые и стали объектом консервации с частичной реставрацией. В подвальном помещении 343 были разрушены все четыре угла, в стенах были вертикальные трещины вследствие оползней. Углы были восстановлены из камней, по форме аналогичных камням стен. Потом во всех стенах сделана зачистка швов и расщелин и заполнение их специальным консервантом. Высота стен до 2 м, длина 1,5 м. В подвалах 351, 397 сделана консервация кладок путем заполнения швов специальным химическим составом. В подвале 353 докомпанована разрушенная часть западной стены и полностью восстановлена северная стена, а потом сделана их обработка специальным консервантом.

Следует остановиться еще на двух примерах, которые подчеркивают разнообразность способов консервационно-реставрационных работ. В доме НГС-9, в подвале 410 для сохранения южной стены сделана каменная отмостка шириной 0,3 м и высотой 0,25 м на фундаменте глубиной 0,25 м. В этом доме восстановлена лестница. Для этого пришлось заменить несколько разрушенных камней на другие, которые были соответственно

подогнаны и установлены на растворе. Для укрепления лестницы с восточной и южной стороны были сделаны подпорные стены, и таким образом, сооружение стало монолитным, способным противостоять разрушительным природным условиям.

Кроме непосредственной реставрации домов, в Ольвии проводится вспомогательная реставрация. Имеется в виду сооружение подпорных стен. Это касается, главным образом, той части города, которая расположена на склонах берега. Террасирование склонов осуществлялось еще в древности. Оно преследовало цель увеличение территории города. Исследователи указывают, что эта тенденция зародилась еще в эллинистическое время, но особенно широкое распространение получила в первые века н. э. (Крапивина, 1993, С. 16). Террасирование представляло целую систему специальных сооружений. Оно требовало строительства подпорных стен. Порой это выполняли стены домов, расположенных на нижней террасе. Террасы соединялись между собой лестницами (Крапивина, 1993, С. 17). Сооружение подпорных стен и террасирование способствовало защите берега от размыва водами лимана. Сейчас подпорные стены делаются для того, чтобы сохранить отдельные сооружения, планировку улиц, сам ландшафт Ольвии. Это особенно касается участка Р-25.

Он занимает склон террасы, и поэтому дома здесь построены с учетом рельефа местности. Нередко стены домов расположены на подпорных стенах террасы, которые использовались как фундамент. Это ярко видно на примере так называемого Южного дома, который относится к концу II — третьей четверти III вв. н. э. В его планировке использован равнозначно-параллельный принцип, с последовательной иерархической системой расположения помещений на разных уровнях. Дом раскопан еще не полностью. А поэтому проводились только необходимые консервационные работы для будущей полной реставрации. Целью наших работ было не только сохранения остатков данного объекта, но и сохранения планировки квартала. Так, в помещении 1 восстановлена северная стена длиной 5 м и высотой 1,5 м. Сооружение этой стены способствовало не только восстановлению планировки дома, но и помогло сохранить часть улицы, которая проходила за этой стеной. На Р-25 пришлось построить несколько подпорных стен. Так, для сохранения переулка с вымосткой 430 в направлении с запада на восток построена северная подпорная стена длиной 9,5 м и высотой от 1,5 м до 2 м. Для предотвращения размыва грунта с южной стороны подпорной стены сделана каменная отмостка длиной 3,5 м. На восточном конце переулка в направлении с севера на юг в переплет с северной подпорной стеной

сооружена на фундаменте восточная подпорная стена длиной 2,8 м и высотой 2 м. Восточная подпорная стена соответствует границам переулка II—III вв. н. э. Для предотвращения дальнейшего разрушения террасного склона между северным концом восточной стены Южного дома и южным концом восточной подпорной стены построена соединительная подпорная стена длиной 4,5 м и высотой 0,4 м. Как видим, для сохранения строений и планировки квартала пришлось сделать несколько подпорных стен, которые, на наш взгляд, более-менее органично вписались в существующую систему подпорных стен, построенных в свое время античными мастерами.

Интересным объектом консервации была винодельня конца II — первой половины III вв. н. э. Она состояла из давяльной площадки размером 4,5 × 3,5 м, которая была покрыта цемянкой, а в центре ее находился камень, возможно часть рычажно-винтового пресса. С северной стороны давяльной площадки располагался резервуар для сбора сусла глубиной 1,35 м. С северной и восточной стороны края давяльной площадки были разрушены. Для сохранения винодельни с ее восточной стороны сделана подпорная стена из четырех рядов камней, а сверху был выложен пятый ряд из красной плинфы в уровень с поверхностью давяльной площадки, которым отделялся новодел. Длина восточной подпорной кладки 3,5 м, высота 0,7 м, ширина 0,6 м. Фундамент глубиной 0,2 м. С запада также построена подпорная стена длиной 3,5 м, высотой 1,5 м, шириной 0,5 м. Фундамент глубиной 0,2 м. С северной стороны от дна резервуара до уровня давяльной площадки построена стена, а также восстановлены три другие стены резервуара. Таким образом, благодаря проведенным мерам, винодельня приобрела почти первозданный вид.

Свои особенности имеет реставрация в центральной части Верхнего города. Эти кварталы раскапывались несколько десятилетий тому назад. Проводилась и частичная реставрация главным образом путем сплошного покрытия цементным раствором открытых кладок и установкой контрфорсов, которые со временем разрушились. Поэтому необходимо было провести реставрацию снова, используя современные способы. Попробуем проиллюстрировать это на примере дома А-3 на участке АГД.

Дом А-3 был открыт и исследовался Л.М. Славиным на протяжении нескольких лет. Во время раскопок удалось проследить остатки семи помещений, которые позволяли установить планировку дома и периоды его постройки: 1-й — конец IV в. до н. э., 2-й — середина — конец III в. до н. э., III—II в. до н. э. (Славин, 1962, С. 24—29). Детальную реконструкцию дома предложил С.Д. Крыжицкий, согласно которой дом А-3 имел форму прямоугольника с П-образным расположением

восьми крытых помещений (Крыжицкий, 1971, С. 32). В объемном отношении дом был одноэтажный, безордерный. Последовательность развития внутренней планировки восстанавливается только в общих чертах, поэтому С.Д. Крыжицкий не исключал и другие варианты реконструкции. Однако мы при реставрации исходили именно из этой реконструкции, так как другие варианты принципиальных изменений не вносят, и, кроме того, современное состояние строительных остатков позволяет реставрировать его на основе реконструкции С.Д. Крыжицкого. Цель наших работ состояла в том, чтобы путем реставрации оставшихся кладок, докомпоновки тех частей объекта, которые не сохранились, полностью восстановить планировку дома А-3. Перед началом наших работ его остатки представляли собой следующую картину.

Полностью сохранилось помещение 1. В помещении 2 осталась южная стена и южный конец западной стены (три нижних ряда кладки). От северной стены осталась только ее восточная часть, но очень деформированная. Восточная стена этого помещения, как и помещений 3, 4, 6 не сохранились. В помещении 3 сохранилась северная стена, но некоторые камни разрушились. Южная стена, которая является смежной с помещением № 2, сохранилась частично. От западной стены к моменту наших работ ничего не осталось, но во время раскопок был открыт ее северный конец. В помещении № 4 осталась северная наземная стена и в плохом состоянии южная, которая граничит с помещением № 3. В помещении № 6 были южная стена и южный конец западной стены. Восточная стена не сохранилась. В северной стене, которая является общей для помещений № 6, 7, сохранилось несколько камней нижнего ряда. В помещении № 7 осталась южная стена, однако частично ее требовалось переложить. Восточная стена этого помещения, смежная с помещением № 6, сохранилась частично, а западная стена была полностью разрушена. В помещении № 8 стены сохранились хорошо, за исключением северной. Из приведенного описания состояния дома А-3, несмотря на отсутствие многих его частей, видно, что он может быть отреставрирован с точки зрения восстановления его планировки, так как необходимым минимумом для реконструкции античного дома являются его общие габариты, пятна плана, место входа, размеры и место положение двора (Крыжицкий, 1971, С. 32). Все это есть в нашем случае. Кроме того, наличие южной части восточной стены и частично северной дает возможность восстановить эти стены. А западная часть помещения № 8, которая сохранилась, дает возможность восстановить западную стену помещения № 7, так как в целом это западная стена дома.

Реставрация этого дома осуществлялась следующим образом. По всей длине восточной час-

ти дома был заложен фундамент глубиной 0,3 м, на котором сделана кладка стены в один или два ряда в зависимости от рельефа местности. Кладка однофасадная. Общая длина 15,5 м, ширина 0,55 м, высота 0,55 м. В помещении № 2 восстановлена западная стена длиной 5,7 м, шириной 0,5 м, высотой 0,5—0,8 м и северная длиной 5 м, высотой 0,5—0,7 м. В помещении № 3 сделана восточная часть северной стены. Как указывалось выше, западная стена не сохранилась. Поэтому мы восстановили ее исходя из реконструкции С.Д. Крыжицкого (Крыжицкий, 1971, С. 33, рис. 16), согласно которой она находилась на одной линии со стеной, которая разделяла помещения № 6 и 7. В помещении № 6 восстановлена северная стена, в помещении № 7 северная и западная, а также разрушенная часть южной стены. В помещении № 8 сделана перекладка северной стены.

В результате проведенной работы была полностью воссоздана планировка дома А-3. При этом мы стремились подобрать камни, которые по форме и размерам соответствовали камням древней кладки. После перекладки стен все швы были заполнены консервантом, что способствовало дополнительному укреплению кладки.

Из изложенного выше мы видим, что реставрационно-консервационные работы в Ольвии требуют различных подходов к объектам реставрации в зависимости от их состояния, расположения, характера кладки, времени раскопок. В нашей практике мы проводим реставрацию как остатков домов, открытых давно, так и тех, что исследовались в настоящее время. В обоих случаях это проходит в тесном контакте с археологами и дает неплохие результаты. Сейчас можно сказать, что отреставрированные дома выдержали проверку временем, во всяком случае, десятилетний период их существования после реставрации говорит сам за себя. На основании этого можно сделать вывод, что методика и технология реставрации каменных сооружений в Ольвии в целом отвечает современным требованиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Біляев О.С., Кудренко А.І. Про методику консервації і реставрації кам'яних будівельних залишків // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 103—105.
- Крыжицкий С.Д., Крапивина В.В. Археологические исследования в Ольвии в 1995 году // Тезисы доповідей І обласної наукової краєзнавчої конференції. — Миколаїв, 1995. — С. 28—29.
- Лейтунская Н.А., Самойлова Т.Л. Раскопки в Нижнем городе Ольвии (1985—1993, предварительные итоги) // Ольвия-200. — Николаев, 1994. — С. 75.
- Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э. — К., 1993. — 184 с.
- Славін Л.М. Ольвійські квартали центральної частини верхнього міста // АП УРСР. — 1962. — Т. II. — С. 3—32.
- Крыжицкий С.Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. — К., 1971. — 143 с.

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ АНТИЧНОЙ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ (на примере Нижнего Побужья и Европейского Боспора)

Предыстория вопроса. В 1965—1966 гг. А.Н. Щеглов и В.В. Лапин почти одновременно и независимо друг от друга возродили старую гипотезу С.Д. Пападимитриу, согласно которой остров Березань в античную эпоху соединялся с материком длинной песчаной перемычкой. Со временем процессы абразии подточили берега Березани; ее площадь уменьшилась и стала недостаточной, чтобы защитить эту перемычку от волн; море постепенно смыло ее, и Березань из полуострова превратилась в остров (Пападимитриу, 1910; Щеглов, 1965, С. 107—110; Лапин, 1966, С. 128—136; см. также: Шилик, 1978). А.Н. Щеглова эта гипотеза заинтересовала как хороший пример дополнения археологических наблюдений данными геоморфологии — впоследствии именно этот подход и был развит в его новаторской (теперь уже, скорее, хрестоматийной) работе, посвященной археологии херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (Щеглов, 1978). В.В. Лапину она была нужна как дополнительный аргумент в пользу другой гипотезы, согласно которой греческая колония на острове Березань в архаическую эпоху была вовсе не островным эмпорием без хоры, существовавшим за счет торговли с окрестными варварами, но типичным аграрным поселением, территориально связанным с материковыми районами и имевшим там собственную сельскохозяйственную округу. И в том, и в другом случае смысл геоморфологической реконструкции сводился к вопросу: «имела ли Березань в античную эпоху собственную хору, отличную от хоры Ольвии?» Однозначно ответить на него тогда было невозможно, поскольку планомерное исследование территории Нижнего Побужья широкими площадями в то время только начиналось (историографию см.: Рубан, 1983; Русяева, 1998).

В 1973 г. В.М. Отрешко принял участие в разведочных работах Периферийного отряда Ольвийской экспедиции в Нижнем Побужье (Бураков, Буйских, Отрешко, 1974, С. 253), а в 1975 г. впервые высказал предположение, что в архаическую эпоху в Нижнем Побужье действительно существовали не одна, а две системы сельских поселений, граница между которыми проходила в точке слияния Березанского и Сосицкого лиманов.

Согласно его реконструкции, все сельские поселения, расположенные к северо-востоку от этой границы, входили в аграрную зону Ольвии, а все поселения к юго-западу от нее образовывали сельскую округу Березани (Отрешко, 1975; 1976). Гипотеза эта была принята в литературе, и время от времени она упоминается в обобщающих работах, иногда со ссылкой на В.М. Отрешко и А.Н. Щеглова (Крижицкий, 1982, С. 74; Марченко, 1984, С. 41), иногда со ссылкой на одного В.В. Лапина (Виноградов, 1983, С. 379—380).

Впрочем, ни А.Н. Щеглов, ни В.В. Лапин вопросом о границах между Ольвией и Березанью специально не занимались, а сам В.М. Отрешко обосновывал их выделение довольно бегло и несколько необычным способом. По его наблюдению, все поселения южной группы располагались в однотипных местах — «на высоких коренных берегах лимана, часто на мысах», причем размещены они были таким образом, что «с каждого поселения были видны почти все остальные и Березань» (Отрешко, 1976, С. 32). Обоснование само по себе было довольно слабым, тем не менее, он оказался прав: последующее уточнение хронологии памятников Нижнего Побужья показало, что поселения, выделенные им в отдельную «Березанскую группу», действительно являлись в среднем более ранними, чем те, что располагались северо-восточнее и территориально тяготели к античной Ольвии. Первые возникли в пределах второй четверти VI в. до н. э.; вторые стали появляться на четверть века позднее (Крижицкий, 1982, С. 74). Эта разница в хронологии хорошо согласовывалась с тем фактом, что Нижнее Побужье имело два городских центра, и что первое поселение (вероятно, «Борисфенида» Евсевия) было основано приблизительно на полвека раньше второго (собственно, Ольвии, или «Ольвии Геродота». См.: [Helm, 647 BC; Her. IV, 18; 78—79]; (Блаватский, 1968; Копейкина, 1973; Виноградов, 1983, С. 367). Естественным было предположить, что более раннему из двух городских центров соответствовала и более ранняя сельская округа (рис. 1).

Этот пример показывает, что интуиция В.М. Отрешко заслуживает более серьезного отношения, и много лет спустя, когда я применил

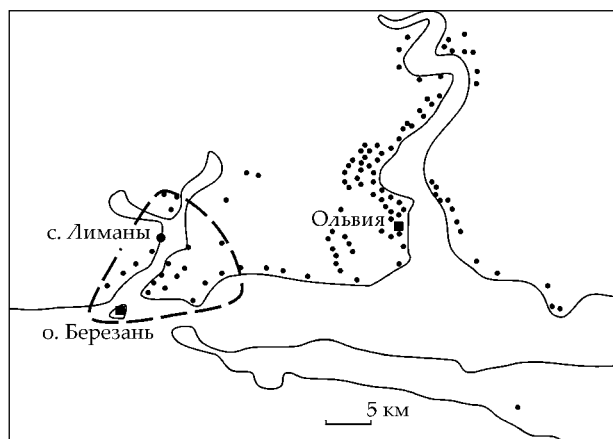

Рис. 1. Примерная граница сельской округа Березани (по В.М. Отрешко, 1975, 1976)

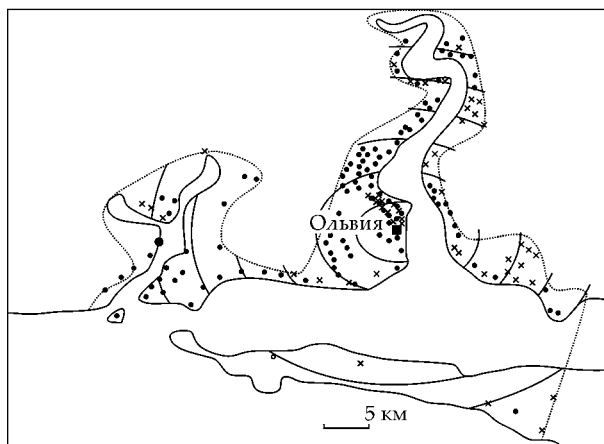

Рис. 2 а. Сельские поселения Нижнего Побужья (точками обозначены поселения, возникшие в VI в. до н. э., крестиками — все более поздние)

к региону Нижнего Побужья некоторые географические приемы районирования, я невольно оглядывался на эту его прошлую догадку и пытался оценить, насколько далеко интуиция археолога может в подобных ситуациях опережать имеющиеся факты. Результаты этой проверки и составляют содержание предлагаемой работы. Метод изобретен автором работы и собственной предыстории не имеет, хотя центральная идея метода известна давно и послужила источником для построения нескольких сильных прогностических моделей в теоретической географии и в археологии поселений (в географии см.: Бунге, 1967; Изард, 1967; Хаггет, 1968, 1979; Чорли, Хаггет, 1971; Мерфи, 1972; Тойн, Ньюби, 1977; в археологии: Trigger, 1967; Chang, 1968; Clarke, 1972, 1977; Wagstaff, 1987, и др.; см. об этом также: Монгайт, 1976, С. 110—149; Crumley, 1979).

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

В основу анализа был положен прием, заключающийся в том, чтобы выдвигать правдоподобные предположения о причинах и механизмах пространственной организации сельской округи изучаемых колоний, а затем последовательно пытаться эти предположения опровергнуть. В англоязычной философской литературе такой прием часто называют «методом фальсификации предположений» (в противоположность методу «верификации», предполагающему скрупулезную подборку аргументов в пользу защищаемой гипотезы). Если какие-то из предположений не поддаются такой фальсификации, то они далее рассматриваются как рабочие гипотезы и служат основой для выдвижения и проверки каких-то других гипотез. Этот метод не строг и не всегда приводит к однозначному ответу, но его обычно и применяют там, где нет однозначного соответствия между непосредственными наблюдениями и их содер-

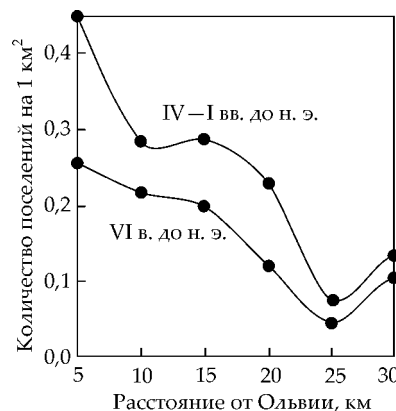

Рис. 2 б. Оценка плотности размещения сельских поселений на разных расстояниях от Ольвии

жательной интерпретацией — например в археологии, особенно в тех случаях, когда археолог переходит от рассуждений о стратиграфии и хронологии памятника к вопросам о его месте и значении в прошлой политической, экономической и демографической истории изучаемого региона (Salmon, 1982, P. 34 etc.).

Для работы были использованы опубликованные карты с полным списком найденных здесь поселений (Крыжицкий и др., 1989, рис. 3, 35). Хронологические рамки устанавливались в соответствии с исторической реконструкцией, сделанной авторами монографии (Крыжицкий и др., 1989, С. 20—22). Согласно этой реконструкции, динамика освоения региона была приблизительно такова. Не ранее середины VII века была выведена первая греческая колония на полуостров Березань. Около середины VI века на правом берегу лимана основывается Ольвийское поселение. На протяжении VI века колонисты осваивают левый берег Березанского лимана до места его слияния с Сосикой, а также правый берег Бугско-Днепровского лиманов до широты Ольвии. В первой половине столетия появляется первое и пока единственное ремесленное по-

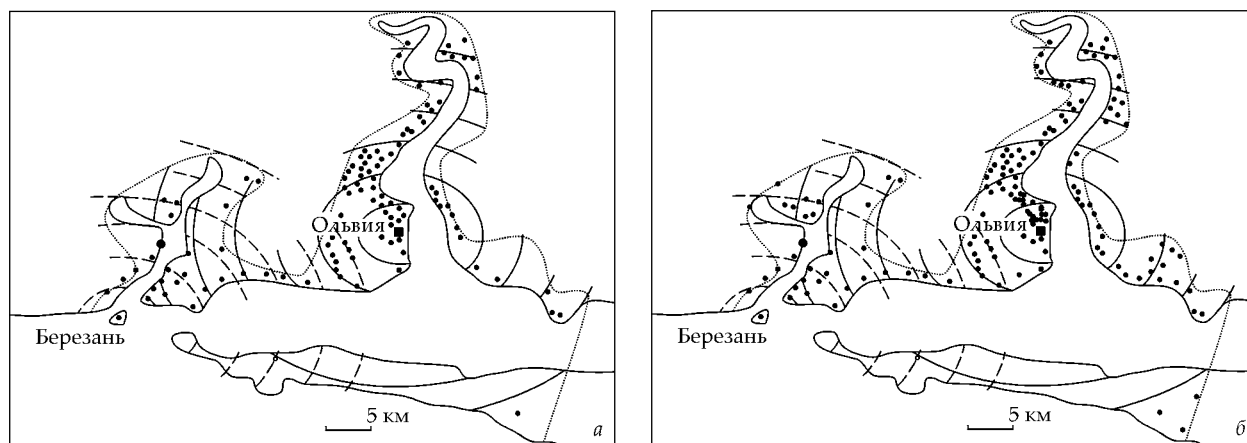

Рис. 3. Сравнение плотности поселений в округах Ольвии и Березани: а — архаика, б — эллинизм

селение на берегу Ягорлыцкого залива. Общее число поселений (включая сезонные стоянки) достигает 107. В первой трети V века жизнь на них полностью прекращается, и население сосредоточивается на Березанском поселении, в Ольвии и в большом поселке вблизи Ольвии, называемом в литературе «предместьем».

В конце V в. до н. э. начинается этап повторного освоения сельской округи, и к середине III в. до н. э. ее площадь расширяется до максимальных границ, почти совпадающих с границами, достигнутыми в VI—V вв. до н. э. (Крыжицкий и др., 1989, С. 99—101). Общее число поселений достигает 152. На севере граница их распространения доходит до современного Николаева, на юге — до Ягорлыцкого залива, на западе — до правого берега Березанского лимана. Лишь в одном месте округи, на северном берегу Днепровского лимана, она отодвигается на 10—12 км к востоку и включает несколько новых поселений. (Общей картины этот участок не меняет, и мы его рассматривать не будем). На всех остальных участках территориальное развитие округи осуществлялось преимущественно путем заполнения пустого пространства, но не расширения его площади (Буйских, 1997, С. 16—17).

Как в архаическое, так и в эллинистическое время все поселения Нижнего Побужья располагались в пределах сравнительно узкой прибрежной полосы, шириной не более 7—10 км, протянувшейся вдоль трех лиманов (рис. 2 а). Значительная ее часть вместе с расположенными на ней поселениями была в историческую эпоху поглощена морем (Бруйко, Карпов, 1992, рис. 1), поэтому любой вид пространственного анализа в этом регионе возможен только вместе с принятием допущения, что исчезнувшие поселения размещались на поверхности сходным образом и образовывали такую же пространственную структуру, что и уцелевшие.

На карте (рис. 2а) хорошо различимо плотное скопление поселений в районе Ольвии. Что касается поселений вблизи Березани, то здесь

трудно с уверенностью говорить о каком-либо «скоплении», основываясь только на зрительном наблюдении. (Вообще, глаз человека во всем стремится найти упорядоченность, даже если разум убеждает его в том, что здесь никакого порядка быть не может. Географы знают это лучше других, поэтому не очень доверяют визуальным впечатлениям, хотя работают в основном с картами). Поэтому мы для начала можем предположить, что «все» сельские поселения Нижнего Побужья были связаны как экономически, так и административно только с Ольвией, а Березанское поселение собственной сельской округи не имело. Проверить это предположение можно путем измерения плотности поселений на разных участках района.

Мы знаем, что увеличение расстояния между населенными пунктами затрудняет хозяйственные и административные связи между ними, поскольку увеличивает затраты на преодоление этого расстояния. Это очевидный факт, и он всегда принимался во внимание людьми при основании новых поселений. В наиболее общем виде он выражается в следующей зависимости: чем больше мы приближаемся к какому-либо городскому центру, тем больше находим связанных с ним и зависящих от него сельских поселений, и тем более выраженной становится их скупенность вокруг этого центра. Эта зависимость может быть описана какой-нибудь степенной функцией вида $y = ax^b$, которая на графике выглядит как плавно снижающаяся кривая.

Наблюдаемые в реальном пространстве неравномерности в распределении источников воды и природно-хозяйственных ресурсов, неоднородность ландшафта, наличие преград передвижению и т. п. будут вносить помехи в эту картину, но поскольку поверхность района Нижнего Побужья сравнительно однородна, эти погрешности не могут быть значительны.

Проверка допущения в данном случае сводится к сравнительной оценке плотности размещения поселений на разных расстояниях от Ольвии, а

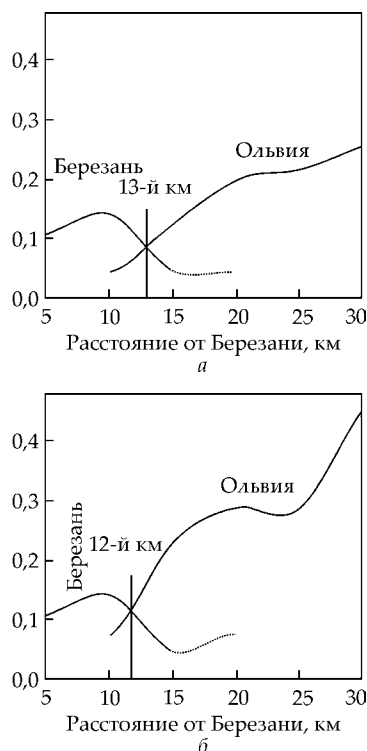

Рис. 4. Результаты сравнения плотности поселений в округах Ольвии и Березани: а — архаика, б — эллинизм

цель исследования сводится к оценке «силы внешних связей» поселений с их городским центром. При таком упрощении нам уже безразлично, какие именно связи — хозяйственные или политические, или и те, и другие — были причиной скученности поселений. В эти связи могла быть вовлечена только небольшая часть населения, поэтому разница в размерах поселений тоже не имеет большого значения, и ею можно пренебречь (см.: Johnson, 1977, Р. 495; Crumley, 1979, Р. 150). Таким образом, счетной единицей анализа принимается «одно поселение», безотносительно к его хозяйственно-политическому статусу, функциям и размеру.

Для получения требуемой оценки плотности проведем на карте серию концентрических окружностей на расстоянии 5 км друг от друга с центром в Ольвии. В местах пересечения этих окружностей с прибрежной полосой, ограничивающей территорию древней сельской округи, будут образовываться участки разных форм и площади (рис. 2 а). Измерим плотность поселений на этих участках и перенесем полученные значения на график, где по оси абсциссы будут отмечены расстояния в километрах по прямой от Ольвии до Березани, а по оси ординат — плотность поселений на каждом участке в пределах этого расстояния (рис. 2 б).

На представленном рисунке можно видеть, что зависимость между плотностью поселений и их удаленностью от городского центра действительно имеет вид плавно снижающейся

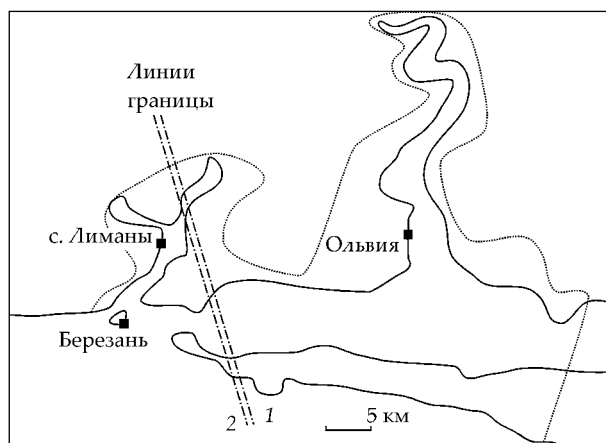

Рис. 5. Границы между сельскими округами Борисфениды и Ольвии в архаическое (1) и эллинистическое (2) время

кривой, но по мере приближения к району Березани снижение прекращается, и кривая плотности вновь начинает расти вверх. Эта картина в равной мере характерна как для архаического, так и для эллинистического этапов развития сельской округи Нижнего Побужья, и она говорит о том, что в точке Березани существовал еще один центр скопления поселений, и что наше предположение о том, что «все сельские поселения Нижнего Побужья относились только к Ольвии», оказалось неверным. (Прогиб кривой на расстоянии 10 км от Ольвии может свидетельствовать о неполноте выборки, т. е. о том, что на берегах Днепровского лимана, в пределах радиусов 5—15 км, существовала какая-то достаточно компактная группа поселений, уничтоженная в результате смещения береговой линии).

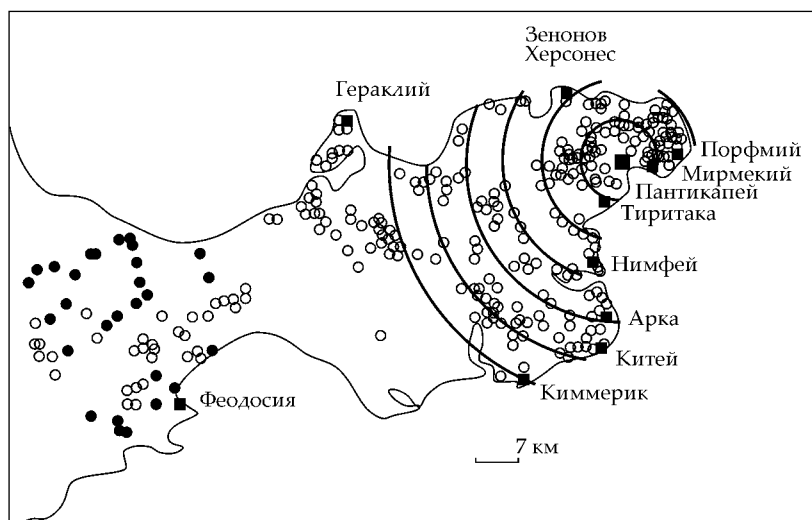
Таким образом, мы выделили два скопления сельских поселений и теперь можем рассчитывать, в каком месте проходила граница между ними, если условимся считать такой границей те точки между Ольвией и Березанью, в которых плотность размещения поселений снижалась до минимальных значений. Для этого разобьем полную территорию сельской округи на две группы участков двумя одинаковыми наборами концентрических окружностей с шагом в 5 км. Один центр этих окружностей поместим в Ольвию, а другой — на Березань (рис. 3).

Измерим значения плотности поселений на каждом участке, последовательно продвигаясь от одного центра к другому и обратно, и перенесем эти значения на график (рис. 4).

На графике мы видим две плавно снижающиеся навстречу друг к другу кривые, которые пересекаются в самой низкой точке, отстоящей от Березани на расстоянии 12—13 км. Согласно выбранному критерию, точка этого пересечения и была границей между сельскими округами двух городских центров — Ольвии и Борисфениды на Березани (рис. 5).

Рис. 6. Поселения сельской округи Европейского Боспора в IV в. до н. э. (по: Кругликова, 1984; Гаврилов, 1999)

Примечательно, что эта граница существовала уже в VI — начале V вв. до н. э. и она почти не сдвинулась в последующий период IV в. до н. э. (и позднее), когда происходило повторное освоение сельской округи Нижнего Побужья.

В данном случае мы используем уже устоявшуюся терминологию, хотя в рамках классического пространственного анализа подобные «сельские округи» обычно называют «хозяйственно-административными зонами городских центров региона» (напр.: Тойн, Ньюби, 1977, С. 265—270, и др.). Их можно рассматривать как аналог современных районных центров, поскольку границы между ними были так же легко проницаемы и в экономическом смысле достаточно условны: сельские поселения, расположенные по одну сторону такой границы, чаще обменивались продуктами своего производства и населением с одним центром и реже — с другим, причем асимметрия была тем большей, чем дальше это поселение отстояло от границы. Жителям поселений, которые локализовались строго на обозначенных границах, было в общем безразлично, какому центру оказывать предпочтение, и они с одинаковой легкостью (точнее — с одинаковой трудностью) контактировали с обоими. Рассмотрение основных правил, приемов и трудностей палеоэкономической и политической интерпретации границ, получаемых такими способами можно найти в научной литературе (Crumley, 1979; Wagstaff, 1987, Р. 118—133; 146—172). Эти вопросы важны, но мы их здесь касаться не будем. В данном случае для нас более важным представляется тот факт, что выводы, сделанные В.М. Отрешко на основании полевых наблюдений, в точности совпадают с выводами, полученными сутобо кабинетным способом, на основе методов пространственного анализа.

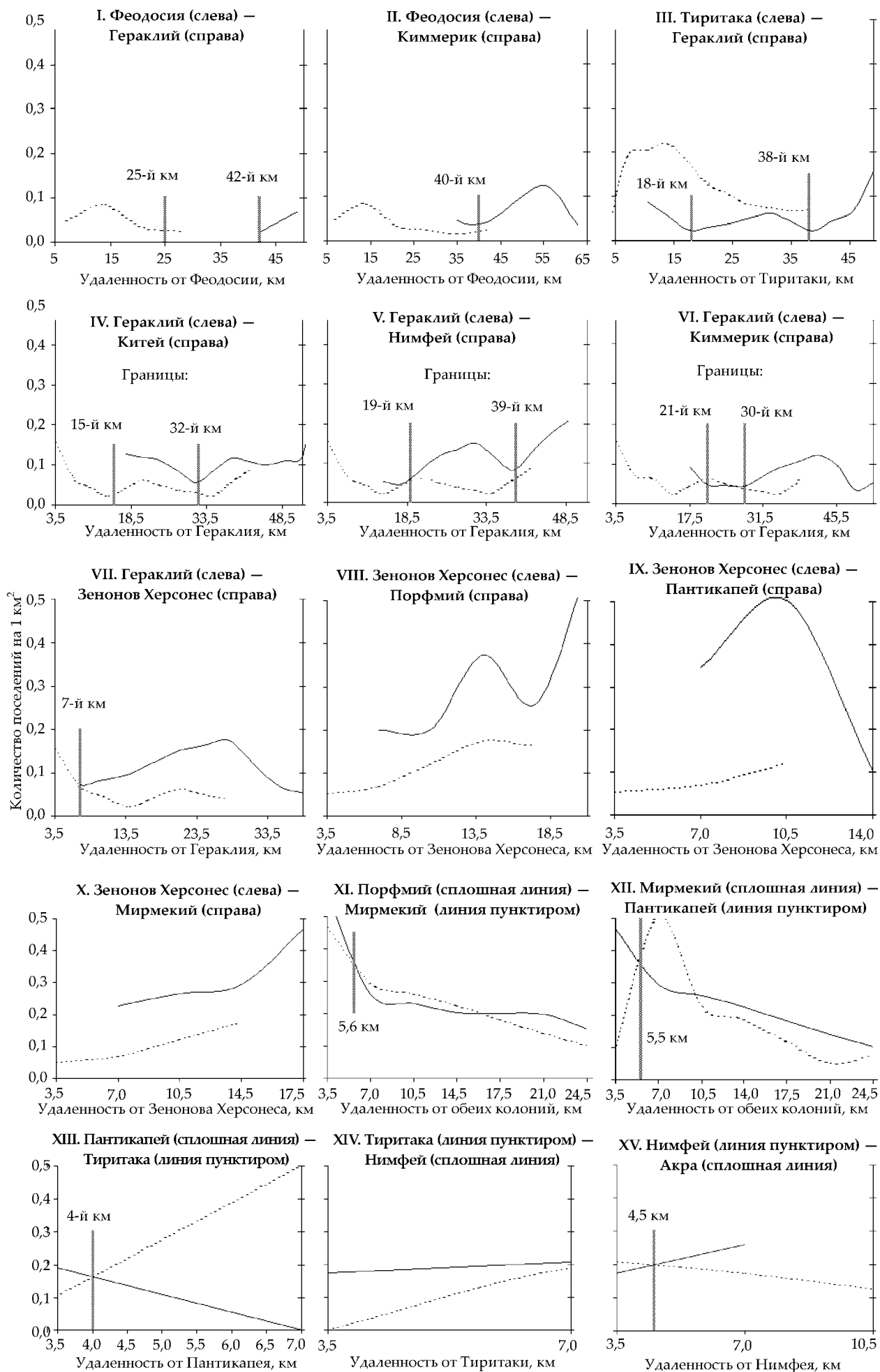
Недостатком описанного метода является то, что область его применения ограничена линейными и по существу «двумерными» простран-

ственными структурами, поскольку сельская округа колоний Нижнего Побужья представляла собой сравнительно узкую полосу земли, прижатую к береговой линии. Но мы можем пойти дальше и попытаться применить его к задаче нахождения границ между несколькими городскими центрами, расположенными на широких площадях в трех пространственных измерениях. Наиболее подходящим рабочим полем для такого приложения представляется район Европейского Боспора в античную эпоху.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

С географической точки зрения, специфика западно-боспорского района сравнительно с нижнебугским заключается, главным образом, в том, что если в Нижнем Побужье каждое взятое сельское поселение могло относиться либо только к Ольвии, либо только к Березани, то на Боспоре оно могло выступать экономическим придатком сразу нескольких соседствующих с ним городских центров. Потому мы можем говорить лишь о «преобладании» хозяйственно-административных связей данного поселения с тем или иным центром и не можем быть уверенными, что будущие находки не изменят наших выводов, поскольку мы не располагаем и никогда не будем располагать полным набором археологических остатков со всех поселений.

Как и в предыдущем случае, мы не будем учитывать ландшафтные различия в регионе (здесь они были незначительны, сравнительно с другими районами Крыма) и основной единицей анализа примем «одно поселение». Для расчетов были использованы карты И.Т. Кругликовой (1984, С. 72, рис. 7) и А.В. Гаврилова (1999, карта). В районе Феодосии ныне известно более полутора сотни неукрепленных поселений, существовавших здесь с нач.V до конца первой трети III в.

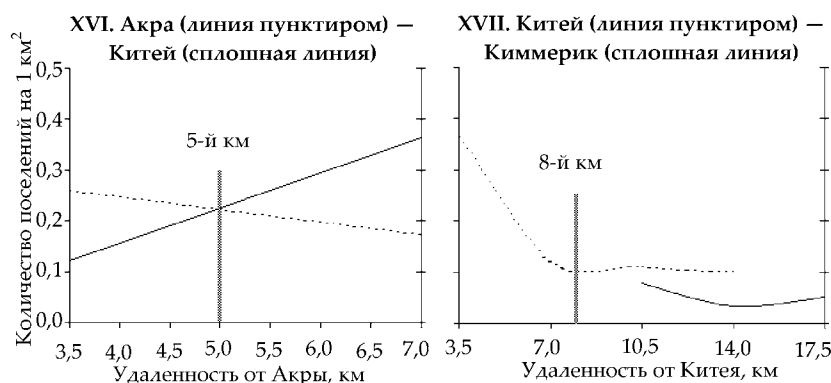

Рис. 7. Результаты сравнения плотности поселений в округах античных городов Боспора (I—XVII; сплошными линиями изображены кривые, отходящие от правых осей влево; пунктиром — кривые, направленные им навстречу, слева — направо. На графиках Мирмекия и смежных с ним городов обе кривые отходят от левой оси)

до н. э. Поселения в остальных районах полуострова датированы суммарно концом VI—III вв. до н. э. Общая площадь сельской округи (S) оценивается в 3310 км². Общее число предположительно синхронных поселений (n) на этой территории доходило до 300. Периодом одновременного существования большинства поселений, отображенных на обеих картах, можно принять IV в. до н. э., ближе ко второй его половине (рис. 6).

На первом шаге анализа предлагается принять допущение о том, что каждое из 11 рассмотренных здесь городских (или предположительно городских) поселений Европейского Боспора выступало в IV в. до н. э. полным и нераздельным собственником всей сельскохозяйственной территории Керченского полуострова. Слово «собственник» в данном случае понимается в том смысле, что все сельские поселения Европейского Боспора поддерживали административно-хозяйственные связи и осуществляли весь товарообмен только с одним этим городским поселением. В отличие от рассмотренного выше примера Нижнего Побужья, это предположение выглядит совсем нереальным и может быть опровергнуто простой ссылкой на архео-

логические находки из раскопок сельских поселений (Кругликова, 1975), но мы здесь рассматриваем вопрос о том, может ли это нереальное предположение быть опровергнуто данными, собственно, пространственного анализа, никак не связанными с материалами из раскопок?

Воспользуемся уже проверенной методикой и проведем на карте серию концентрических окружностей с центрами в каждом из 11 прибрежных колоний (рис. 6). Расстояние между смежными окружностями установим равным 3,5 км. Оценим плотность размещения сельских поселений на пространстве между парами соседних колоний и поместим полученные значения на графики (рис. 7).

Приведенные на рисунках графики демонстрируют картину очень похожую на ту, что мы наблюдали в Нижнем Побужье (ср.: рис. 7 и 3). Вокруг почти каждого из выделенных городских центров существовало свое скопление сельских поселений, плотность которого снижалась по мере радиального удаления. На каком-то расстоянии спад плотности прекращался, и она вновь начинала возрастать. Это указывало на то, что кривая на графике расстояний зашла в область нового скопления поселений, принадлежащего

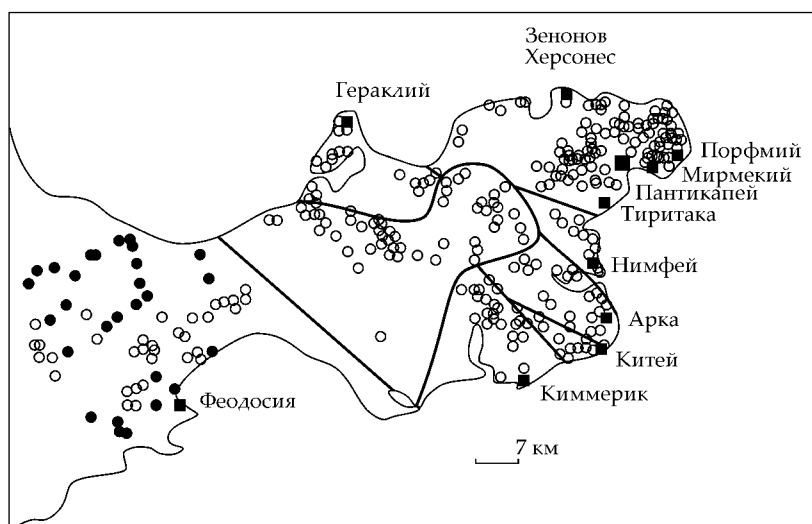

Рис. 8. Границы между сельскими округами Европейского Боспора в IV в. до н. э. по результатам пространственного анализа

уже другому центру. Как и в предыдущем случае, граница между соседними центрами проводилась по точкам пересечения кривых плотности (или же их максимального сближения в самой нижней части графика). Окончательным результатом проделанной процедуры явилось построение аналитической карты административно-хозяйственных районов сельской округи городов Европейского Боспора (рис. 8).

КОММЕНТАРИИ К КАРТЕ

Поскольку основные интересы автора этой работы принадлежат аналитической, а не классической археологии, наиболее важным следствием проделанного исследования ему представляется полученное здесь доказательство возможности применения линейных пространственных моделей к трехмерным пространственным структурам, практически без модификации.

Смысл прочих наблюдений может прояснить какой-нибудь специалист по экономической истории античного Боспора:

1. В отличие от Нижнего Побужья, сеть сельских поселений Европейского Боспора формировалась под действием немногих, но сильных факторов, действующих в одном направлении. В целом ее пространственная структура выглядит «более организованной».

2. Границы между Зеноновым Херсонесом, Порфмием, Мирмекием, Пантикапеем и Тиритакой аналитическим путем не устанавливаются, поэтому делается вывод, что реальных границ здесь не было.

3. Граница Нимфея с Тиритакой на графике не отражается; кривые распределения плотности поселений выглядят так, как если бы все поселения на пространстве от Тиритаки до Чурубашского озера входили в территориальную сеть одного Нимфея. Поэтому граница на карте-схеме была проведена по пустому пространству.

4. В хозяйственную зону Зенонова Херсонеса могут быть включены только некоторые прибрежные колонии, расположенные от него к западу. Какой бы характер ни имела его экономика, ни одно из сельских поселений, расположенных к югу от него, в глубине полуострова, в орбиту этой экономики не входило.

5. Район в центральной части Европейского Боспора содержал около полусотни поселений, которые, очевидно, не имели тесных связей ни с одной из прибрежных колоний и пользовались значительной хозяйственно-административной автономией (по крайней мере, в те периоды, когда условия их жизни не становились экстраординарными). Их связи более или менее равномерно распределялись между Феодосией, Гераклием и Киммериком, и — в меньшей степени — между остальными городскими центрами.

Достоверность этих выводов принципиально ограничена объемом и качеством публикации приведенных выше исходных данных. Если база этих данных существенно пополнится или в нее будут внесены значительные изменения, то это потребует и соответствующей коррекции выводов.

Поскольку настоящий сборник посвящается памяти видного специалиста по классической археологии, а предлагаемое исследование является продуктом сугубо теоретического анализа, считаю необходимым подчеркнуть, что В.М. Отрешко по складу ума был скорее теоретиком, нежели археологом-практиком. Он обладал хорошим логическим воображением и умел извлекать максимум информации из минимального набора исходных данных. Его гипотезы не всегда твердо опирались на факты, но поскольку ошибался он редко, это не имело особого значения. Люди с сильной аналитической интуицией время от времени появляются в любой науке, но их никогда не бывает там достаточно много, и спрос на них всегда превышает предложение, возможно, потому, что само это качество является довольно редким свойством интеллекта, и его почти невозможно развить путем упражнений.

ЛИТЕРАТУРА

- Брумяко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня моря. (На примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. — 1992. — № 2. — С. 87—97.
- Бунге В. Теоретическая география. — М., 1967.
- Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО за 1973 г. — М., 1974.
- Буйских С.Б. К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н. э. // ХАМ. — Севастополь, 1997. — С. 16—19.
- Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. — 2001. — № 1. — С. 111—132.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. — М., 1983. — Т. 1. — С. 366—420.
- Гаврилов О.В. Сільська округа Феодосії у V—II ст. до н. е.: Рукопись дисс. канд. ист. наук. — К., 1999. / НА ИА НАНУ. — Ф. 12. — № 885.
- Изард В. Методы регионального анализа. — М., 1967.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975. — 300 с.
- Кругликова И.Т. Сельская территория европейской части Боспора // АГСП. — 1984. — С. 72—77.
- Крижицкий С.Д. Вивчення античної культури Північно-Західного Причерномор'я // Археологія. — 1982. — № 40. — С. 71—82.
- Крижицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с.
- Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — 239 с.
- Марченко К.К. Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья // АГСП. — 1984. — С. 33—44.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1976.
- Мерфи Р. Американский город. — М., 1972.

- Отрешко В.М. Западный район ольвийской периферии в архаическое время // НОСА. — К., 1974. — Ч. II. — С. 93—94.
- Отрешко В.М. Позднеархаические поселения Березанского лимана // ОМАУ. — 1976. — Ч. I. — С. 31—33.
- Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. — 1981. — № 1. — С. 27—41.
- Пападимитриу С.Д. Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. — 1910. — Т. XXVII. — С. 97—112.
- Рубан В.В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. // ВДИ. — 1983. — № 4. — С. 26—46.
- Русяева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. — 1998. — № 1. — С. 160—170.
- Тойн П., Ньюби П. Методы географических исследований. Выпуск I: Экономическая география. — М., 1977.
- Хэггет П. Пространственный анализ в экономической географии. — М., 1968.
- Хэггет П. География: синтез современных знаний. — М., 1979.
- Харвей Д. Научное объяснение в географии. — М., 1974.
- Чорли Дж., Хэггет П. Модели в географии. — М., 1971.
- Шилик К.К. Эволюция топографии Березанского поселения в голоцене // АИУ. — XVII конф. ИА АН УССР. — Ужгород, 1978.
- Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. — 1965. — № 2. — С. 107—113.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978. — 157 с.
- Chang K.C. Settlement Archaeology. — Palo Alto, 1968.
- Clarke D.L. Models in Archaeology. — London, 1972.
- Clarke D.L. Spatial Archaeology. — London, 1977.
- Crumley C.L. Three Locational Models: An Epistemological Assessment for Anthropology and Archaeology // AAMT. — 1979. — Vol. 2. — P. 141—173.
- Johnson G.A. Aspects of Regional Analysis in Archaeology // ARA. — 1977. — Vol. 6. — P. 479—508.
- Salmon M.H. Philosophy and Archaeology. — N.Y., 1982.
- Trigger S. Settlement Archaeology — Its Goals and Promise // AA. — 1967. — Vol. 32 (2). — P. 149—160.
- Wagstaff J.M. Landscape and Culture: Geographical and Archaeological Perspectives. Oxford — N.Y., 1987.

ЛИТЕЙНОЕ РЕМЕСЛО НА ОЛЬВИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

В 1978 г. на позднеархаическом поселении Козырка-15 Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции ИА АН УССР, которым руководил В.М. Отрешко, была обнаружена створка литейной формочки (рис. 1), в которой отливались свинцовые пряслица и ворварки. Форма, изготовленная из мелкозернистого песчаника, сильно изношена от многократного использования, на ней сохранились три отверстия для штифтов, фиксирующих две половинки формы. В результате отслаивания от перегрева камня, три негатива ребристых пряслиц стали непригодны для дальнейшей отливки, негатив же ворварки имел воронкообразный литник, но использование формы для отливки ворварок в одном экземпляре мастер посчитал, по-видимому, нерентабельным и выбросил створку формы. В.В. Рубан, опубликовавший эту формочку, на основании анализа керамического материала датировал ее началом V в. до н. э. (Рубан, 1979, С. 257).

Находка литейной формочки на поселении ольвийской хоры — явление достаточно редкое. По крайней мере, до публикации В.В. Рубана в научной литературе фигурировала лишь литейная формочка для отливки бляшек в виде головки пантеры из Марицинского могильника, обнаруженная еще в 1910 г. (Ebert, 1913, S. 9, Abb. 6). Однако она породила дискуссию относительно уровня бронзолитейного ремесла в Ольвии и в Нижнем Побужье.

Следует отметить, что и на Березанском поселении известны находки нескольких литейных форм. Еще до революции Э.Р. фон Штерн писал о камне для производства гвоздей с Березани, что, по всей вероятности, является литейной формой для отливки гвоздевидных булавок, а также о двух формочках из насыпи кургана К-3, в которых отливались розетки и маленькие подвесочки (Штерн, 1910, С. 73). Однако все три формочки к настоящему времени утеряны, а подробное их описание и рисунки не сохранились.

С 60-х гг. начался новый этап в исследовании античного поселения Борисфен. В результате работ экспедиции под руководством В.В. Лапина в 1961, 1971, а затем в 1975 гг. были обнаружены три формочки для отливки свинцовых

пряслиц в форме усеченного конуса с вертикальными рубчиками и в виде колесика (Сон, 1987, С. 122—123). В 1975 г. было обнаружено еще три формочки. Из них интересна створка формочки, изготовленная из тальково-хлоритового сланца, выходы которого известны в Средиземноморье и Греции. Но формочка имела вторичное использование. Первоначально на ней был вырезан негатив овала со сходящимися к нему тремя треугольными литниками. Затем, в плохо сохранившемся овале было вырезано изображение стоящего оленя с повернутой назад головой. Еще одна формочка служила для отливки бляшек в виде свернувшегося хищника, а в третьей отливались два вида лунниц с псевдозернью, но на обратной стороне имеется разметка для изготовления бляшек в виде животного с повернутой назад головой (Сон, 1987, С. 120—121).

По мнению А.С. Островерхова и В.М. Отрешко, именно литейные формы с Березани и из Марицинского могильника красноречиво свидетельствуют, что в позднеархаический период производство украшений в зверином стиле существовало не только в самом городе Ольвии, но и на периферии. При этом мелкие мастерские были разбросаны на поселениях Ольвийской округи (Островерхов, Отрешко, 1986, С. 64). А.С. Островерхов высказал также мнение, что еще во второй половине VI—V вв. до н. э. в Нижнем Побужье сформировалась оригинальная «ольвийская» школа звериного стиля с типичным для нее набором образов и специфическими чертами их исполнения, выделяющими эти изделия из общей массы предметов, изготовленных собственно скифскими мастерами, а также ремесленниками Боспора и Фракии (Островерхов, 1994, С. 67). Из общего контекста следует понимать, что в мастерских и Березани, и Ольвии работали греческие мастера. Они и были авторами изделий в зверином стиле, которые якобы отличались от основной массы подобных изделий в Северном Причерноморье и Поднепровье. Они же организовывали сеть мастерских на поселениях ольвийской хоры, одна из которых была представлена марицинской литейной формой.

Казалось бы, находка литейной формы на поселении Козырка-15 подтверждает и еще бо-

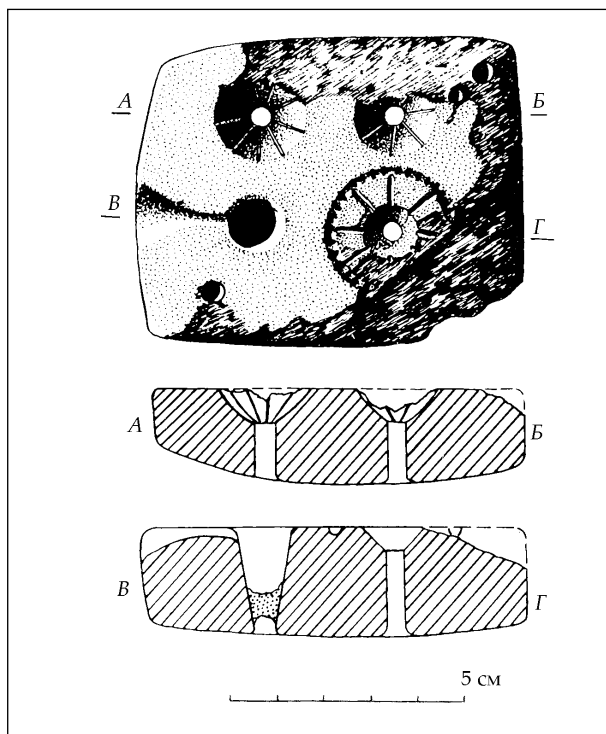

Рис. 1. Литейная формочка для отливки свинцовых пряслица и ворварки. Козырка-15

лее усиливает точку зрения А.С. Островерхова и В.М. Отрешко. Более того, после выхода коллективной монографии «Сельская округа Ольвии» стало известно о находках литейных форм на поселениях Старая Богдановка-2, Козырка-9, Чертоватое-7, аналогичных форме с поселения Козырка-15, в которых также отливались пряслица и ворварки (Крыжицкий и др., 1989, С. 79, рис. 29). Следует отметить, что на Ягорлыцком поселении была собрана целая коллекция свинцовых пряслиц, таких же как и негативы этих форм, а также слиток свинца весом 837 г. (Островерхов, 1981, С. 34, рис. 7). Кроме того, явными следами литья на месте нужно назвать обломок тигля с поселения Большая Черноморка-2, в котором плавил свинец (Гаврилюк, Отрешко, 1982, С. 86), а также несколько кусочков медного шлака с поселения Петуховка-1 (Славин, 1953, С. 136).

В настоящее время известно более ста архаических поселений ольвийской хоры (Крыжицкий и др., 1989, С. 21), в истории которых выделяют несколько этапов. Первая половина VI в. до н. э. — освоение региона; последняя четверть VI — первая четверть V вв. до н. э. — время стабилизации жизни в Ольвии и на поселениях округи; конец первой трети V в. до н. э. — затухание жизни на большинстве поселений (Рубан, 1975, С. 131). То есть, просуществовали эти поселения не более столетия, все они носили исключительно сельскохозяйственный характер, большинство населения на них составляли греки — жители Ольвии. Казалось бы, вполне

логично наличие на некоторых поселениях мастерских, в которых обрабатывались металлы, но настораживает одно обстоятельство, а именно, что при таком обилии поселений, расположенных густой сетью по берегам Бугского и Березанского лиманов, в Нижнем Побужье известно не более десяти могильников архаического времени. В академическом издании «Археология СССР» — одной из обобщающих работ по античной археологии Северного Причерноморья — обозначено всего 4 могильника: ольвийский и три в бассейне Березанского лимана (Марченко, 1984, С. 41). Неучтенными оказались могильники на о. Березань и Марицинский. По всей вероятности, К.К. Марченко учел дискуссионность вопроса о принадлежности Марицинского могильника собственно греческой культуре и сам не считает его греческим. В целом до 1978 г. в результате активизации работ на ольвийской периферии было обнаружено около двухсот поселений и 15 могильников (Марченко, 1984, С. 41), но это с учетом поселений и эллинистического времени. То есть, в архаическое время подавляющее большинство поселений ольвийской хоры могильников не имели, а это свидетельствует о том, что на них проживали ольвиополиты, и жизнь их здесь носила временный, по-видимому, сезонный характер. Население здесь, вероятно, проживало лишь во время полевых работ. Подтверждает это и организация хозяйственной деятельности и быта населения этих памятников. По наблюдению В.М. Отрешко, среди нескольких десятков архаических поселений, зафиксированных на берегах Бугского лимана, в большинстве преобладали небольшие «хуторки», составлявшие одно домохозяйство и принадлежавшие одной семье из 5—6 человек (Отрешко, 1990, С. 84). Из относительно крупных земледельческих поселений в настоящее время можно назвать всего 3. Все они находятся на правом берегу лимана в непосредственной близости к Ольвии — одно к югу от нее (Широкая Балка-1) и два к северу (Чертоватое-2 и Чертоватое-7) (Отрешко, 1990, С. 83). Но из них только на Чертоватом-2, как уже было отмечено, обнаружена створка изношенной формы для отливки ворварок.

Естественно, что при сезонной организации хозяйства совершенно нелогично выглядит устройство на поселениях стационарных мастерских с таким сложным и трудоемким производством, как металлообработка. Но тогда каким образом на этих поселениях оказались описанные выше литейные формы? Кроме них никаких следов мастерских, открытых горнов или участков культурного слоя со следами литейного производства обнаружено не было, поэтому эти находки сразу обращают на себя внимание, они выделяются на общем фоне традиционных

для сельскохозяйственных поселений находок. Предположение, что литейные формы или тигли изготавливались здесь для дальнейшей продажи мастерам-литейщикам, — не состоятельно, поскольку, как отмечают историки металлургии, литейными формами, как правило, не торговали. Каждый мастер изготавливал формы сам, по крайней мере, это делалось внутри производственного коллектива в рамках одной мастерской. При этом возможно некоторое разделение труда (Черных, 1976, С. 171). Кроме того, формы с поселений ольвийской хоры изношены, то есть были в употреблении длительное время. Но, учитывая нецелесообразность организации долговременных мастерских на небольших сезонных хуторках, какими, по мнению В.М. Отрешко (1990, С. 84), были в большинстве своем архаические поселения ольвийской хоры, о чем было сказано выше, единственное объяснение, которое можно найти перечисленным находкам, — это работа литейщиков на выезде, в мастерских временных, возможно открытого типа или переносных. Хотя для плавки свинца можно было обойтись не таким сложным горном, какой необходим для плавки меди или бронзы. А ведь основной ассортимент изделий, выплаваемый в описанных формах, отливался из свинца. С медью литейщики работали только на поселении Петуховка-1, но о сколько-нибудь большом объеме производства говорить не приходится, ведь количество обнаруженного шлака незначительно. С бронзолитейным ремеслом связана и формочка из Марицинского могильника. Это первый памятник, ставший фигурировать в теоретических построениях, где Ольвия выделялась как мощный металлургический центр, в котором в большом количестве изготавливались вещи скифского типа, якобы по заказу кочевников. В литературе обычно упоминается бляшка-позитив аналогичная марицинской форме, происходящая с поселения Широкая Балка, но ни при первой публикации материалов этого памятника (Рабичкин, 1951, С. 117), ни в последующих работах (Яценко, 1959, С. 29) не приводится иллюстрация самой бляшки. Однако это не мешало все бляшки такого типа в дальнейшем считать продукцией ольвийских мастерских, причем именно греческих мастеров, хотя находили их порой в отдаленных районах Скифии, например, в курганах близ с. Басовка в Посулье, у с. Броварки и г. Смела, и др. Лучшие же по художественному исполнению бляшки происходят из Криворуковских курганов у с. Журовка, но, несмотря на количественное преобладание и типологическое разнообразие, они, по мнению В.А. Ильинской, лишь дают возможность проследить связь скифских художественных изделий V в. до н. э. с производственными центрами греческих городов-колоний (Ильинская,

1968, С. 132). Точку зрения В.А. Ильинской разделяла и Н.А. Онайко, более того, к предметам античного импорта она относила и изделия, в декоре которых присутствовала головка кошачьего хищника (Онайко, 1966, С. 33). Но почему захоронение Марицинского могильника, сопровождаемое литейной формой, следует связывать с ольвийским бронзолитейным ремеслом? По обряду погребения оно никак не вписывается в контекст греческого погребального обряда в Ольвии, ведь совершено оно в кургане.

Всего в Марицинском могильнике М. Эберт исследовал 13 курганов. Несмотря на то, что практически все погребения могильника были ограблены в древности, М. Эберт семь из них датировал концом VI — первой половиной V вв. до н. э. В.Ю. Мурзин отнес к этому времени еще два кургана (Мурзин, 1984, С. 43) и, проанализировав основные черты погребального обряда и сопровождающий инвентарь, пришел к выводу, что в целом погребения Марицинского могильника отвечают представлениям о погребениях рядового раннескифского населения степной зоны (Мурзин, 1984, С. 43).

В то же время, кроме признаков, характеризующих скифский погребальный обряд, следует отметить и некоторые греческие черты, например, довольно широкий ассортимент греческих вещей, «обол Харона». Такой смешанный характер погребальной культуры напоминает, что кроме греческого населения в сельской округе Ольвии, по свидетельству Геродота, первыми от гавани борисфенитов обитали каллипиды или эллино-скифы [Herod, IV, 17].

Попытки выделить, собственно, каллипидские памятники или очертить ареал их обитания породили активную дискуссию и вызвали противоречивые интерпретации относительно этнической принадлежности и культуры эллино-скифов. Основные точки зрения по этому вопросу уже были изложены в специальной статье (Буйских, Ольговский, 1995, С. 3). Поворотным моментом в решении каллипидской проблемы стало открытие новых поселений на территории между стержнем Аджигольской косы и Очаковским мысом, среди которых обращают на себя внимание 10 памятников, расположенных, в отличие от остальных поселений хоры, в глубине степи по периметру Аджигольской балки. Особенно интересными оказались поселения Аджигол-1, Аджигольская балка 10 и 14, которые имели особенно мощный культурный слой — более 1 м, а первое из них (Аджигол-1) имело наибольшую среди всех остальных площадь — 7,5 га. В результате стационарных исследований было установлено, что нижний слой этого поселения относится к последней четверти VI — первой половине V вв. до н. э. Материалы же с поселения свидетельствуют о наличии здесь много-

численных эллинских элементов, но основным занятием населения было не земледелие, как на большинстве поселений хоры, а отгонно-выпасное животноводство (Буйских, 1986, С. 19, 26). Наличие могильника (а есть все основания считать, что Марицинский могильник оставило население именно этого района) свидетельствует о том, что поселение не было сезонным, а функционировало постоянно.

Таким образом, в районе Аджигольской балки, на наш взгляд, проживало скотоводческое население — выходцы из скифского окружения, испытывавшие на себе сильную эллинизацию, проявившуюся в организации быта, использовании греческих вещей. Но хозяйственная деятельность и погребальный обряд остались традиционными для кочевников. Примечательно, что никаких следов металлообрабатывающего ремесла на этих скотоводческих памятниках не обнаружено. Как же тогда соотносить с ними литейную форму из Марицинского погребения? Хотя следует отметить, что в могильниках, расположенных в непосредственной близости от известных на сегодняшний день ремесленных центров раннего железного века, не обнаружено ни одного погребения с ремесленными аксессуарами. Например, на Восточном укреплении Бельского городища практически все население имело отношение к металлургическому производству, но ни одно из погребений, которые можно отнести к местному некрополю, нельзя назвать ремесленным. Это же можно сказать о таких развитых скифских ремесленных центрах, какими были городища Коломакское, Кнышевское, Люботинское, Полковая Никитовка на Левобережье Днепра; Жаботинское, Мотронинское, Шарповское на Правобережье. В полной мере это касается и Ольвии, где в архаический период функционировало, по меньшей мере, 4 бронзолитейных мастерских, но в ольвийском некрополе нет ни одного погребения ремесленника (Ольговский, 2000, С. 120; 2000а, С. 28).

Кроме марицинского погребения, для скифского времени можно назвать еще одно погребение, сопровождаемое литейной формой. В 1883 г., С.И. Мазараки обнаружил в одном из курганов в Посулье погребение, где находилась створка литейной формы, в которой отливались уздечные налобники в виде головки грифона. И марицинское, и аксютинское погребения схожи по обряду погребения и наличию в них греческой керамики первой половины V в. до н. э. (Ильинская, 1968, С. 34, 76).

Сам по себе обычай сопровождать погребения ремесленными аксессуарами не характерен для территории Украины периода раннего железного века. Кроме аксютинского и марицинского погребений, можно назвать только две дореволюционные находки литейных форм для

отливки наконечников стрел у сс. Букрин и Стайки на Киевщине (Штітельман, 1947, С. 161). Условия находок этих форм неизвестны, поэтому нельзя исключать возможности их происхождения из разрушенного погребения или клада.

В основном погребения ремесленников известны в степной зоне Украины эпохи ранней бронзы. Е.Н. Черных выделяет их не более десяти (Черных, 1976, С. 166). К началу же 90-х гг. XX ст. только для катакомбной культуры приазовско-черноморской зоны было картографировано около тридцати погребений, сопровождаемых литейными формами, тиглями, соплами от горнов, каменными наковальнями (Кубышев, Нечитайло, 1991, С. 6 сл.). Все эти погребения не были связаны с конкретными мастерскими или поселениями.

Интересную группу находок, связанных с бронзолитейным ремеслом, составляют клады литейщиков, датируемые позднебронзовым веком и также не связанные с памятниками оседлого быта или мастерскими. В кладах содержались инструменты, литейные формы, тигли, товарные слитки металла, полуфабрикаты изделий. В свое время А.М. Лесков, картографировав 30 таких кладов, всего лишь 12 % которых были связаны с мастерскими, выделил северо-причерноморский очаг металлообработки эпохи бронзы (Лесков, 1967, С. 143).

И погребения литейщиков, и клады свидетельствуют о работе литейщиков на выезде. Насытив рынок в месте своего постоянного проживания, ремесленники выезжали на отдаленные земледельческие поселения и на стойбища кочевников и обеспечивали их своей продукцией на месте. Как пример такой работы, можно назвать створку литейной формы для отливки кельтов и тесел, характерных для срубной культуры, на поселении восточнотшинецкой культуры Зазимье (Клочко, 1994, С. 118). Больше никаких следов обработки металла ни на этом поселении, ни на других памятниках восточнотшинецкой культуры не известно. В случае смерти одного из членов производственного коллектива, его коллеги считали необходимым акцентировать принадлежность умершего литейному ремеслу, сопроводив погребение каким-либо инструментом или литейной формой. Причем, делалось это только вдали от дома, поэтому около ремесленных центров или мастерских погребения ремесленников не выделялись из общей массы похороненных общинников. Не доверяя кочевникам, ремесленники, по-видимому, прятали на ночь свой скarb в землю и, как видно, часто испытывали на себе их коварство, в результате чего, многие клады остались невостребованными, пролежав в земле до наших дней.

По всей вероятности, выездной промысел был присущ и литейщикам раннего железного

века, но традиция выделения погребений ремесленников вдали от дома уже начала отмирать и сохранялась лишь как анахронизм. Поэтому и известно на сегодняшний день таких погребений всего два, не смотря на широкомасштабные исследования скифских курганов и греческих некрополей.

В целом, становление и развитие бронзолитейного ремесла в Нижнем Побужье представляется следующим образом. Первые греческие колонисты появились на этой территории, застав полное отсутствие оседлого земледельческого населения. На Березанском поселении можно отметить, в основном, скифский облик бронзовых изделий и отсутствие стационарных мастерских архаического времени, что может свидетельствовать о временной работе здесь странствующих варварских мастеров. В начале VI в. до н. э. возникает специализированный поселок-торжище на берегу одного из левых рукавов Днепровской дельты, известное ныне как Ягорлыцкое поселение, мастерские которого носили сезонный характер (Ольговский, 1996, С. 169). Широкий типологический спектр, собранных на этом памятнике изделий, свидетельствует о работе здесь выходцев из фракийского мира, лесостепного Поднепровья, Северного Кавказа и более отдаленных восточных областей. (Островерхов, 1981, С. 26 сл.). В конце VI — начале V вв. до н. э., когда наладилась жизнь в Ольвии, город стал привлекать странствующих мастеров большим количеством населения, то есть потребителей их продукции и возможностью арендовать помещения под жилье и организацию мастерских, а значит задерживаться здесь на длительное время. О том, что в ольвийских мастерских работали заезжие мастера говорит то, что эти мастерские имеют логически незавершенный вид. В них отсутствует специфический культурный слой из угля, шлака, стружки, всплесков, литников, утерянных мелких инструментов, обломков литейных форм и пр., как это наблюдается, например, в мастерских скифских лесостепных центров. Все известные на сегодняшний день литейные формы из Ольвии были найдены за пределами мастерских. И совершенно недопустимо выглядит использование плавильного горна для приготовления пищи, что отмечено в одной из ольвийских мастерских (Славин, 1962, С. 10—11). Даже такие характерные только для Нижнего Побужья изделия, как литые анэпиграфные дельфинчики, вероятно, отливались варварскими мастерами, о чем свидетельствует большое количество типологических вариантов (исследователи выделяют их более семидесяти), и разнообразие химико-металлургических характеристик сплавов, (9) из которых дельфинчики отливались.

А если учесть, что каждый мастер или коллектив мастеров в рамках одной мастерской были носителями стойких традиций с характерными для себя типологическими формами и рецептами сплавов, то в отливке дельфинчиков участвовало большое количество мастеров (Ольговский, 1999, С. 145). Мы не имеем никаких данных об использовании скифскими мастерами и такого технологического приема, как чеканка. Поэтому при изготовлении первых ольвийских монет в виде дельфинчиков они пользовались привычным для себя приемом — литьем.

Из Ольвии можно было выезжать и на поселения хоры для выполнения одиночных заказов. Именно следами такой работы литейщиков и есть обломки литейных форм на поселениях Старая Богдановка, Козырка и Чертоватое, обломок тигля из Большой Черноморки. Конечно, варварские украшения — привычная продукция странствующих мастеров, должна была пользоваться спросом у каллипидского населения, и на скотоводческих поселениях литейщики были более частыми гостями, чем на земледельческих хуторах. Один из таких мастеров и был, вероятно, похоронен в кургане Марицинского могильника.

Странствующие варварские мастера создали основу ольвийского бронзолитейного ремесла. На наш взгляд, именно они, а не греческие литейщики, выполняли заказы греческих колонистов, освоив в кратчайший период местные изобразительные традиции, снабжали кочевников и сами пользовались изделиями в зверином стиле, скифскими украшениями, наконечниками стрел, как это считалось ранее. По всей вероятности, к концу VI — началу V вв. до н. э. появились и местные греческие мастера. Они были авторами, по крайней мере, дельфинчиков с надписями и литых ассов. В отличие от анэпиграфных дельфинчиков, эти изделия отлиты из одного типа сплава и не выходят за рамки единой типологической группы. Но расцвет, собственно, ольвийского бронзолитейного ремесла наступает только к концу V — началу IV вв. до н. э. К этому времени затухает жизнь на большинстве скифских ремесленных центров в лесостепном Поднепровье, возникает сезонное торжище в кучугурах около Каменского городища, формируется греко-скифский стиль в искусстве, появляются шедевры античной торевтики с сюжетами скифской жизни, авторами которых были, конечно, греческие мастера, но приоритет в этом принадлежал боспорским мастерским. В Ольвии же именно к IV—III вв. до н. э. относится большинство находок литейных форм. В позднеархаическое же время в Нижнем Побужье превалировали варварские мастера, которые обслуживали население Ольвии и ольвийской периферии.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры // Ольвия и ее округа. — К., 1986. — С. 17—28.
- Буйських С.Б., Ольговський С.Я. До історії населення ольвійської хори // Питання історії культури України. — К., 1995. — Ч. 2. — С. 3—11.
- Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка-2 // ДСС. — К., 1982. — С. 75—90.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. — К., 1968. — 203 с.
- Клочко В.И. Metallургическое производство в энеолите и бронзовом веке // Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине. — К., 1994. — С. 96—132.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с.
- Марченко К.К. Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья // АГСП. — М., 1984. — С. 40—44.
- Муззин В.Я. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984. — 133 с.
- Ольговський С.Я. Геродотова Гілея // Київська старовина. — 1996. — № 4/5. — С. 166—171.
- Ольговський С.Я. Литі монети та ливарництво в Нижньому Побужжі // Археологія. — 1999. — № 1. — С. 142—148.
- Ольговський С.Я. Робота варварських ливарників у Нижньому Побужжі в архаїчний час // Музейні читання. Матеріали наукової конференції МКУ. — К., 2000. — С. 118—121.
- Ольговський С.Я. До інтерпретації ливарних форм у похованнях скіфської доби // Археологічний літопис Лівобережної України. — 2000а. — № 1—2. — С. 26—30.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. — Д1-27. — М., 1966. — 123 с.
- Островерхов А.С. Обработка кольорових металів на античних поселеннях // Археологія. — 1981. — № 36. — С. 26—37.
- Островерхов А.С., Отрешко В.М. Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. — К., 1986. — С. 61—55.
- Островерхов А.С. Звіриний стиль в культурі Ольвії // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 58—69.
- Отрешко В.М. Демографический потенциал архаических поселений Ольвийской хоры // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1990. — Ч. 2. — С. 93—84.
- Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИ-ИМК. — 1951. — № 11. — С. 114—124.
- Рубан В.В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени // 150 лет ОАМ УССР. — К., 1975. — С. 130—132.
- Рубан В.В. Литейная форма с поселения Козырка 15 // СА. — 1979. — № 3. — С. 249—258.
- Славин Л.М. Основные итоги исследования Ольвии за последние годы // VI Научная конференция ИА АН УССР. — К., 1953. — С. 119—139.
- Славин Л.М. Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста // АП УРСР. — 1962. — Т. XI. — С. 3—32.
- Сон Н.А. Ремесленное производство // КНООАВ. — К., 1987. — С. 118—125.
- Черных Е.Н. Цветная металлообработка на Юго-Западе СССР. — М., 1976. — 300 с.
- Штерн Э.Р. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1907 г. — СПб., 1910. — С. 66—75.
- Штітельман Ф.М. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею // Археологія. — 1947. — Т. 1. — С. 161—164.
- Яценко И.В. Скифия VII—V вв. до н. э. // Труды ГИМ. — М., 1959. — Вып. 36. — 117 с.
- Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Gouw, Cherson // PZ. — 1910. — Bd. V. — H. 1—2. — S. 1—81.

ЖИВОТНОВОДСТВО И ОХОТА В ОЛЬВИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (заметки археозоолога)

Более ста лет ведутся археологические исследования поселений и городищ, которые входили в состав античного Ольвийского государства. Территориально оно располагалось в низовьях современных Южного Буга (Гипаниса у древних греков) и Днестра (Борисфена), между современными Херсоном, Николаевом и Одессой и просуществовало с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Свыше семидесяти лет рядом с археологами работают и ученые другой специальности — археозоологи. Их задачей является изучение костей животных, находимых при археологических раскопках. О некоторых результатах этих исследований и пойдет речь ниже.

Античный мир довольно много знал о Северном Причерноморье. Черное море во времена существования Ольвии и ее окружи называлось Понтом Евксинским (Морем гостеприимным), или просто Понтом. Однако все ли эти сведения, которые дошли до нас в работах античных авторов, соответствовали действительности? И в какой степени их можно использовать сейчас?

Первые упоминания о животноводстве припонтийских народов встречаются уже у Гомера: о лошадях — в «Илиаде» [Гомер, «Илиада», XIII, 1—6], о мелком рогатом скоте — в «Одиссее» [Гомер, «Одиссея», X, 77—99]. Относятся они примерно к IX в. до н. э. Правда, тогда Черное море называлось еще Понтом Авксинским — Морем негостеприимным. Гостеприимным оно стало несколько позже, когда эллины стали заселять его берега. А Северное Причерноморье чаще всего называли просто Скифией, по названию самого многочисленного народа, жившего на этой территории.

Античная традиция не сберегла свидетельств о животных, которые были у первых эллинов-колонистов, основавших самое раннее поселение в Северном Причерноморье — Борисфен (его остатки сохранились на острове Березань). Дату его основания В.М. Отрешко относил к 625 г. до н. э. (Отрешко, 1989, С. 110).

В VI в. до н. э. в низовьях Южного Буга была основана Ольвия и ряд поселений по берегам Бугско-го, Днепро-вского и Березанского лиманов. Они образовали Ольвийское государство. Ольвия стала его столицей, а Борисфен — морским портом полиса.

Первые более или менее полные сведения о Северном Причерноморье дошли до нас в IV книге известного древнегреческого историка, «Отца истории» Геродота [Геродот, «История», IV]. Относятся они к V в. до н. э., когда Ольвия стала уже могучим государством.

Природные условия, в которые попали древнегреческие колонисты, заселившие северные берега Понта, показались для них после теплого Средиземноморья очень суровыми. Геродот писал, что на протяжении восьми месяцев здесь стоят нестерпимые холода, воздух наполняется белыми перьями (снегом), сквозь которые невозможно смотреть, а остальные четыре месяца идут непрерывные дожди и тоже очень холодно [Геродот, «История», IV, 28—31]. Из-за холодов невозможно разводить мулов и ослов, а у быков не растут рога. Скифская земля очень бедна на леса, которые растут только в одном месте — в Полесье, или Гилее [Геродот, «История», IV, 19].

Что касается климата, то он не очень отличался от современного (Бучинский, 1963, С. 76—78). Следовательно, о восьмимесячной зиме, конечно, не может быть и речи. Что касается безрогих быков, то отсутствие рогов от холода не зависит. Это просто одна из генетических мутаций. Достаточно сказать, что комолые породы крупного рогатого скота известны, например, в Африке (Дмитриев, 1978, С. 90 сл.), где снегов и морозов никогда не было. Да и с лесами в Нижнем Побужье было не так уже и плохо, если судить по охотничьей добыче ольвиополитов. Впрочем, об этом ниже.

Гиппократ писал, что в Скифии много снегов и льда, днем все покрывает густой туман, и поэтому стоит вечная зима (?). А «Скифская пустыня» является равниной, на которой растет густая трава и которая слабо орошается большими реками [Гиппократ, «О воздухе, водах и местностях», 25—26].

Холода и отсутствие деревьев упоминали также Страбон [Страбон, «География», VII, 3, 18] и Дионисий [Дионисий, «Описание населенной земли», 652—710].

У Диона Хризостома находим описание местности непосредственно около Ольвии: боло-

тистые берега рек и лиманов, на которых растут деревья и кустарники [Дион Хризостом, «Борисфенитская речь», XXXVI, II, 48].

Начав освоение Северного Причерноморья, эллины встретили там разнообразный животный мир. Геродот в своей IV книге «Истории», описывая земли будинов (одного из племен, живших там), из диких животных называет выдру и бобра, из шкур которых шилась зимняя обувь [Геродот, «История», IV, 109]. Рассказывая о неврах, он называет их колдунами, поскольку раз в году каждый невр превращается в волка, а затем опять превращается в человека [Геродот, «История», IV, 105]. Упоминая верховья Гипаниса, он пишет о диких белых лошадях. Может быть, о куланах, шерсть которых зимой становится светлой? У тарпанов окраска всегда была темной. Описывает он и эпизод войны персов Дария со скифами. Когда войска персов выстроились напротив войск скифов, между ними пробежал заяц. И скифы, игнорируя персидское войско, бросились за этим зайцем. Ошарашенные персы просто отступили без боя [Геродот, «История», IV, 134].

Аристотель сообщал о дельфинах и тюленях, водившихся в Понте, и о волках возле Меотийского озера (Азовского моря), которые приходили к рыбакам, требуя свою долю рыбы, а когда ее не получали, то портили рыбакам сети [Аристотель, «Истории о животных», VIII, 13; IV, 36].

Страбон описывал понтийских бобров, оленей, кабанов, диких ослов (куланов?), коз (козель? сайгаков?) и охоту на них в своей «Географии» [Страбон, «География», III, 13; VII, 36].

Лисиц, волков и дельфинов в Понте упоминал Клавдий Элиан [Клавдий Элиан, «О животных», VI, 24, 65; IX, 4, 8].

Подробную характеристику некоторых животных Скифии, в частности тарандров (лосей?), визонтов (зубров?), оленей давали Плиний Старший [Плиний Старший, «Естественная история», VIII, 38—39, 109, 123] и Гай Юлий Солин [Юлий Солин, «Сборник достопримечательностей», XIX, 9; XX, 4]. По словам Плиния Старшего, из меха бобров делали обувь, которая помогала при подагре. О тарандрах писали, будто они, спасаясь от охотников, меняли свой цвет и становились незаметными.

Как видим, целостного представления о фауне Северного Причерноморья по сведениям античных авторов получить невозможно. Описывались либо охотничьи животные, либо те, с которыми были связаны надуманные сюжеты. Даже промысловые виды зверей, кости которых были найдены при раскопках античных поселений и городищ, упомянуты далеко не все.

О том, как именно охотились эллины в Северном Причерноморье, свидетельств почти нет. Только Страбон [Страбон, «География», VII,

IV, 8] упоминает, что на кабанов и оленей охотились на болотах, да Вергилий описывает, как зимой добывали оленей, застревавших в глубоких снегах [Вергилий, «Георгики», III, 369—374]. Есть еще находки античных стел (надгробий?), где изображена охота на кабана верхом на лошади в сопровождении собаки. Обломок такой стелы описан И.В. Фабрициус (Фабрициус, 1951, С. 72). Еще одна почти целая стела выставлена в экспозиции Полтавского краеведческого музея. К сожалению, сведений, где ее нашли, от сотрудников музея мне получить не удалось.

Интересным является описание Геродота охоты у иурков. Охотник верхом на лошади в сопровождении собаки подъезжал к дереву. Он залазил на дерево, а лошадь и собака ложились под деревом. Увидев добычу, охотник стрелял по ней из лука, а затем, спрыгнув с дерева, преследовал ее верхом на лошади и с собакой [Геродот, «История», IV, 22].

У эллинов существовало много способов охоты с помощью копья, дротика, лука и стрел, сетей, специальных рвов и собак. Описания их есть у Платона [Платон, «Законы» VII, 823—824], Полибия [Полибий, «Всеобщая история», XXXI, 22, 2], Плутарха [Плутарх, «Сравнительные жизнеописания: Фабий Максим», I], Арриана [Арриан, «Об охоте», 23, 2] и других античных авторов. Очевидно, использовались они и эллинами в Северном Причерноморье. Но какие именно и где, сведений нет.

До нас не дошли также и сведения о домашних животных, разводившихся ольвиополитами. Здесь пока единственный источник информации — только остеологические материалы. Однако есть сведения о животных, которые разводили северопричерноморские племена.

Первое упоминание о безрогих быках мы находим у Геродота [Геродот, «История», IV, 29], о чем писалось выше. После него об этом писали Гиппократ [Гиппократ, «О воздухе, водах и местностях», 25], Страбон [Страбон, «География», VII, 3, 18] и другие античные авторы. Страбон [Страбон, «География», VII, 3, 18] и Клавдий Элиан [Клавдий Элиан, «О животных», II, 53] упоминают и рогатых быков.

До нас дошло только одно описание понтийской коровы, сделанное Михаилом Апостолием Византийцем [Михаил Апостолий Византиец, «Свод и собрание пословиц с указанием, откуда большинство из них ведет свое начало», XVII, 23]. Он писал, что животное было небольшим, очень коротким от головы до бедер, рогов не имело, а кости у него были длинные и широкие. К сожалению, последнее свидетельство не может помочь археозоологам в идентификации этой породы, поскольку неизвестно, по отношению к каким породам кости понтийской породы были длинными и широкими. Может быть, именно

такая порода изображена на знаменитой пекторали из Толстой Могилы.

Есть сведения и о мелком рогатом скоте Северного Причерноморья. Табуны овец, следовавшие за повозками скифов, упоминал Гиппократ [Гиппократ, «О воздухе, водах и местностях», 25]. О густой и жесткой шерсти понтийских овец писали Аристотель [Аристотель, «О рождении животных», 4, 3] и Евстафий [Евстафий, «Комментарии к «Землеописанию» Дионисия», 666]. Клавдий Элиан [Клавдий Элиан, «О животных», V, 27] рассказывал, что понтийские овцы становились жирнее, употребляя горькую полынь. Страбон [Страбон, «География», VII, 3, 18] обращал внимание на большие размеры скифских овец. Увы, с какими овцами он сравнивал, неизвестно.

О свиньях есть только упоминание Геродота, что этих животных скифы не желают разводить [Геродот, «История», IV, 63]. Видимо, это относилось только к кочевым скифам, поскольку у лесостепных скифов свинья была одним из основных сельскохозяйственных животных (Белан, 1982, С. 51, табл. 1; Журавлев, Маркова, 1994, С. 57–60, Журавлев, 1997, С. 132–135). Были они и у степняков, осевших на землю (Журавлев, 1991, С. 75–86).

Может быть, наибольшее количество сведений приходится на скифских лошадей. Геродот [Геродот, «История», IV, 28] писал, что одним из основных продуктов питания у скифов было молоко кобыл, и скифские лошади легко переносят холод. Скифских лошадей упоминали Гиппократ [Гиппократ, «О воздухе, водах и местностях», 25], Аристотель [Аристотель, «Истории о животных», VI, 22, 2], Антигон Каристский [Антигон Каристский, «Свод невероятных рассказов», 56, 59], другие античные авторы. Страбон [Страбон, «География», VII, 4, 8] подчеркивал небольшие размеры скифских лошадей и их горячий нрав, из-за чего их холостили. Арриан [Арриан, «Об охоте», 23, 2] обращал внимание на то, что скифскую лошадь трудно разогнать, но она очень выносливая и может пробежать большое расстояние. Очевидно, скифы уже использовали некоторые приемы селекции, в частности инбридинг (близкородственное скрещивание). Во всяком случае, в античной литературе была популярной история о том, как жеребца обманном путем случили с его матерью, после чего жеребец, поняв, что произошло, покончил с собой [Антигон Каристский, «Свод невероятных рассказов», 56, 59; Клавдий Элиан, «О животных», IV, 7; Плиний Старший, «Естественная история», VIII, 156]. Согласно Павлу Оросию [Павел Оросий, «Истории против язычников», III, 13, 6], по приказу Филиппа в Македонию было доставлено 20 тысяч скифских кобылиц для улучшения пород тамошних лошадей.

Из сказанного ясно, что в античном мире были известны и прекрасные свойства скифских лошадей, и то, как этим можно было воспользоваться. Может быть, именно эти лошади изображены на пекторали из Толстой Могилы. Изображение стройной красивой лошади есть и на античном сосуде, найденном в 1974 году на острове Березань и выставленном в экспозиции Археологического музея НАН Украины. Однако какие в действительности лошади были у ольвиополитов, письменные источники не сообщают. Снова надежда только на археozoологов.

Что касается содержания домашних животных, то есть только одно свидетельство Вергилия [Вергилий, «Георгики», III, 352] о том, что животных в Северном Причерноморье содержали в закрытых хлевах. О хороших скифских пастбищах писали Геродот [Геродот, «История», IV, 53], Псевдо-Арриан [Псевдо-Арриан, «Объезд Эвксинского Понта», 85, 59] и другие античные авторы. Учитывая то, что описывали античные авторы, можно предположить, что эллины в Северном Причерноморье содержали свой скот и на пастбищах, и в загонах, и в закрытых хлевах.

Рекомендации по селекции и содержанию животных можно найти уже у Платона [Платон, «Законы», V, 735 в—с], и относятся они к V в. до н. э. Позже об этом писали Лукреций [Лукреций, «О природе вещей», II, 660], Варрон [Варрон, «Сельское хозяйство», I, 19 сл., II, 1 сл.], Вергилий [Вергилий, «Георгики», III, 50 сл.] и другие авторы.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что и животноводство, и охота, видимо, могли быть развиты на античных поселениях и городищах Северного Причерноморья. Однако в античной литературе об этом практически не упоминается. Снова остается надежда только на исследования археozoологов.

Что же говорят археozoологи?

Первое сообщение о костях животных из Ольвии принадлежит московскому палеонтологу Вере Громовой (Громова, 1928, С. 920). Она описала находки костей львов из Ольвии и высказала предположение, что эти животные могли обитать там в античную эпоху.

В 30-х годах XX века остеологические материалы из Ольвии начали изучать украинские ученые во главе с выдающимся ученым, геологом, зоологом, историком и последним энциклопедистом Украины И.Г. Пидопличко (Підоплічко, 1938, С. 113–116; Пидопличко, 1938, С. 3–176; Пидопличко, 1940, С. 203–210; Пидопличко, Топачевский, 1953, С. 101–103; Підоплічко, 1956, С. 90–96). После Великой отечественной войны изучением остеологических материалов из Ольвии занимались и другие ученые (Топачевский, 1956, С. 61–129; Бібікова, 1958, С. 143–155). С 1972 года к этим исследованиям подключился

автор этих строк. История этих исследований подробно изложена в моих статьях (Журавлев, 1996, С. 119—121; Журавлев, 2002а, С. 127—131). Потому не вижу смысла здесь останавливаться на ней. Укажу только некоторые наиболее важные моменты.

Когда я начал обрабатывать остеологические материалы из Ольвии, сразу начались неожиданности. Наличие таких степных животных, как сурок, байбак и сайга, можно было предвидеть. А вот находка костей кулана была полной неожиданностью. До этого считалось, что кулан являлся чисто азиатским животным и через Волгу не переплывал. Позднейшие исследования показали, что кулан еще в недалеком прошлом был обычным животным для степей юга Украины. И даже проникал далеко на север. Известны находки его костей из охотничьей резиденции киевских князей в слоях XII—XIII вв. н. э. Вышгорода (Підоплічко, 1958, С. 59).

Несколько неожиданными были и находки в Ольвии костей лесных животных: бобра, медведя, оленя, косули, лося. Вспомним античных авторов, процитированных выше. Дальнейшие исследования показали, что значительные леса были не только в Гилее, в устье левого берега Днепра, но и по берегам других рек. В 90-х годах XX века в Ольвии работал специалист по наземным моллюскам А. Байдашников. Не знаю, опубликовал ли он потом результаты своих исследований, но в устной беседе он говорил мне, что нашел здесь 20 видов лесных моллюсков, и только четыре (!) — степных. Думаю, комментарии излишни.

Что же случилось с лесами? Их просто свели на нет люди. Сначала к этому приложило руку население Ольвийского государства (Журавлев, 1983, С. 38—45; Журавлев, 1985, С. 60—63; Журавлев, 1994, С. 249—252), практически исчерпав лесные ресурсы региона. Возможно, им содействовал и засушливый период, наступивший в этих краях где-то в III в. до н. э. (Иевлев, 1989а, С. 15—19; Иевлев, 1989б, С. 96—97; Иевлев, 1989в, С. 152—153). Лес нужен был ольвиополитам и на строительные нужды, и в качестве топлива, и для ремесленных потребностей, и для строительства и ремонта кораблей. Не будем забывать, что Ольвия была морской державой. Это привело к изменению состава охотничьей добычи ольвиополитов: от лесных видов перешли к степным. Причем в районе Ольвии основным промысловым видом стала сайга, а вот на востоке и сельской округе — кулан. Это вдвойне интересно. Сайга увеличивает свою численность не только при увеличении площади степей, но и при значительном развитии животноводства. Она не является пищевым конкурентом домашним животным в отличие от остальных копытных. А кулан на рубеже нашей эры, по не установленным

причинам, резко сократил свою численность в степях Причерноморья (Динесман, 1982, С. 3—13). Следовательно, на востоке Ольвийского государства, в районе современного Херсона, для него сложились очень благоприятные условия существования.

После прекращения существования Ольвийского государства в IV в. н. э. лесной покров региона постепенно восстановился. Второй раз и уже окончательно его уничтожили здесь в XIX веке при освоении так называемых «южнорусских» степей. Не забываем, что судовой верфь в городе Николаеве в XVIII и XIX вв. н. э. долго работала, так сказать, на «внутренних» ресурсах.

Однако наиболее сенсационными оказались находки в Ольвии костей львов и леопардов. Как же они могли оказаться здесь?

В. Громова (Громова, 1928, С. 920) и И.Г. Пидопличко (Підоплічко, 1956, С. 90—96) считали, что эти животные могли обитать там в античное время. Эту версию поддержал и В.А. Топачевский (Топачевський, 1956, С. 61—129). Однако, поскольку находили только зубы и когтевые фаланги, большинство исследователей стали считать, что эти кости попали в Ольвию вместе со шкурами. Затем были найдены локтевые кости льва. Это говорит о наличии в Ольвии зоопарка или проведении здесь гладиаторских боев (цирковых игр), считал В.И. Цалкин (Цалкин, 1960, С. 78), а за ним и другие московские ученые. С.В. Кириков (Кириков, 1981, С. 87—97) договорился даже до того, что зоологи неправильно определили найденные кости: они приняли за кости леопарда кости гепарда (*из Африки?! — О. Ж.*), которого ольвиополиты якобы использовали вместо собаки как охотничье животное. К счастью, сохранились практически все найденные кости леопардов, даже из довоенных раскопок. Мы с моим коллегой Ю.А. Семеновым, специалистом именно по кошачьим, перепроверили все. Пришлось разочаровать маститого ученого, который заглянул не в свою область. Все кости принадлежали только леопардам. Хотя находки гепардов были бы, я думаю, тоже крайне интересны. Но, увы...

А как возникла версия гладиаторских боев, я вообще не понимаю. Ведь гладиаторские бои начали распространяться за пределы Древнего Рима (столицы государства) только со II века до н. э. А находки в Ольвии как раз заканчиваются именно II в. до н. э. Основные находки приходятся на V—III вв. до н. э. И к тому же в Ольвии жили не римляне, а греки.

Первый удар по версиям шкур, зоопарка или гладиаторских боев нанесла В.И. Бибилова, описавшая кости львов из трипольских поселений на территории современной Одесской области (Бибилова, 1973, С. 57—63). Затем последовали мои находки на поселениях Ольвийской хоры

(Журавлев, 1981, С. 130—161; Журавлев, 1983, С. 38—45, Журавльов, 1983, С. 86). Я, например, с трудом представляю себе «цирковые игры» в узком пространстве между землянками Борисфена VI в. до н. э. И, наконец, моя помощница Е.В. Маркова нашла кости льва на поселении Среднестоговской культуры Молюхов Бутор на территории Черкасской области (Журавлев, Маркова, 2000, С. 40—43). Думаю, после этого вопрос об автохтонности льва на территории Украины можно снять.

С леопардами произошла подобная история. Первые сообщения о находках их костей на скифских поселениях с территории Западной Украины появились еще в 60-х годах прошлого века (Винокур, Хотюн, 1965, С. 118—121). Затем последовала моя находка на скифском поселении Залесье VII в. до н. э. на территории Тернопольской области (Журавлев, 1997, С. 132—135). И, наконец, на упомянутом Молюховом Бутре (Журавлев, 2008, С. 201—219). Я думаю, вопросов больше нет.

Зато меня не оставляет удивление в связи с игнорированием некоторыми археологами исследований археозоологов. Вот один из примеров.

Известный советский ученый М.И. Артамонов, объясняя возникновение так называемого «скифского звериного стиля», в частности изображений леопардов (он называет их пантерами), писал, что скифы, поскольку этого животного не было в Северном Причерноморье, вспомнили зверя (названного ими «царем зверей»), которого они встретили во время малоазийских походов, и стали использовать его изображение в своем искусстве (Артамонов, 1974, С. 45—46). Спрашивается, зачем скифам в V в. до н. э. было вспоминать зверя, встреченного ими столетие или даже два назад в Малой Азии, если этот зверь действительно жил рядом с ними в Северном Причерноморье? Ведь первое сообщение о леопардах в Ольвии было сделано В.А. Топачевским (Топачевський, 1956, С. 61—129) почти за 20 лет до выхода работы М.И. Артамонова. Но последний, видимо, шел за своими московскими коллегами, для которых стало привычным критиковать или просто игнорировать ученых из Украины. Достаточно почитать работу В.И. Цалкина (Цалкин, 1960, С. 7—109). Как показали мои исследования, прав был именно В.А. Топачевский (которого беспощадно критиковал В.И. Цалкин), а не В.И. Цалкин, который умудрился просто загубить переданный ему такой потрясающий остеологический материал из поселений раннего железного века всего Северного Причерноморья (Журавльов, 1993). И вот это «открытие» М.И. Артамонова до сих пор «путешествует» и в научной, и в учебной литературе.

Итак, загадка львов и леопардов разгадана. Но Ольвия не скупится на других. Вот только

одна из многих. Известно, что в древней Греции за убийство дельфина карали так же, как за убийство свободного гражданина. А в Ольвии дельфин вдруг попал в число промысловых видов. На это обратила внимание еще В.И. Бибикова (Бібікова, 1958, С. 151—152). Что заставило эллинов в Ольвии так резко изменить своим традициям?

Еще хочется отметить, что на поселениях и городищах Ольвийского государства найдены кости и мелких пушных зверей, о которых античные авторы даже и не упоминают в описаниях Северного Причерноморья. Это — сурок байбак, горноста́й, ласка, хорьки, куницы, барсук, норка европейская (Підоплічко, 1956, С. 90—93; Бібікова, 1958, С. 145, табл. 1; Журавлев, 1981, С. 31, табл. 1; 1983, С. 42—43, табл. 2; Žuravlev, 1999, S.389—397). И мы бы даже не подозревали о существовании у ольвиополитов пушного промысла, если бы не исследования археозоологов. При этом кости горностая и норки европейской впервые были найдены автором данной статьи.

Процесс колонизации греками Северного Причерноморья вызывал и вызывает большие дискуссии. Еще сравнительно недавно в науке преобладала так называемая теория «торговой колонизации». Согласно ей эллины сначала налаживали где-либо торговые контакты, строили торговые фактории, а затем, освоившись, начинали покорять местные племена (Иессен, 1947). Однако была и другая теория, так называемая «аграрная», по которой колонизация сразу начиналась с освоения новых территорий. В отношении Северо-Западного Причерноморья ее развил В.В. Лапин, исследовавший поселение на острове Березань — античный Борисфен (Лапин, 1966). Он доказывал, что в момент начала колонизации здесь практически не было местного населения, скифы пришли позже. Торговать особенно и не с кем было. Это и позволило освоить сразу такую большую территорию. Греки же везли с собой все необходимое для устройства на новых местах, включая даже скот. Последний вывод В.В. Лапина сделал, опираясь на свою интуицию, фактов для этого тогда еще не было.

К сожалению, монография В.В. Лапина вызвала резко негативную оценку многих тогдашних ученых. В частности А.И. Тереножкин писал, что уважаемый автор монографии представляет себе корабли колонистов вроде «ноевых ковчегов», где было каждой твари по паре (Тереножкин, 1968, С. 290—297). К «новым ковчегам» еще вернемся. А пока...

Первые остеологические исследования Борисфена были проведены мной в 1974 году. С того времени я провел на острове с перерывами, вызванными разными не зависящими от меня обстоятельствами, 10 полевых сезонов. И результаты этих исследований, а также исследования

поселений и городищ Ольвийской хоры, принесли немало сюрпризов. Оказалось, что состав стада (абсолютное преобладание мелкого рогатого скота, в основном овец) и породы домашних животных из Борисфена и с поселений и городищ Ольвийской хоры архаического времени (Журавлев, 1981, С. 160—161; Журавлев, 1992, С. 154—179; Журавлев, 1993; Журавлев, Яковенко, 1997, С. 82—91) не имели аналогов у населявших эту территорию скифов (Белан, 1990, С. 50—63; Журавлев, 1991а, С. 75—85; Журавлев, 1995, С. 128—138). Не говоря уже о предыдущем периоде — эпохе бронзы (Цалкин, 1972а, С. 66—67; Журавлев, 1991б, С. 188—199; 2001; Журавлев, 2002б, С. 43—67). Итак, эллины действительно везли весь скот с собой. Но насколько это было реально в то время с технической точки зрения?

Еще в позднеминойский период лошадей перевозили на кораблях по Эгейскому морю (Петерс, 1977, С. 167). О перестройке кораблей для перевозки лошадей в V в. до н. э. сообщал Фукидид [Фукидид, «История», II, 56, 2]. Позднее о транспортировке животных, даже слонов, на кораблях сообщали другие античные авторы [Полибий, «Всеобщая история», I, 38, 8; Плутарх, «Сравнительные жизнеописания»; Пирр, XV; Тацит, «Анналы», II, 6]. Так как насчет «ноева ковчега»?

Не встретив аборигенов и найдя там плодородные земли, греки стали осваивать новые места. Поскольку основой экономики Ольвийского государства было земледелие, понадобилось разведение крупного рогатого скота — основной тягловой силы в то время. Впрочем, термин «крупный рогатый скот» следует использовать с осторожностью. Ведь под ним в широком смысле понимается два вида буйволов и один вид быков (Дмитриев, 1978, С. 6). Но, поскольку в Нижнем Побужье в античное время пока не найдено ни одной кости буйвола, я считаю правомочным употреблять этот термин в узком смысле, подразумевая под ним только быка домашнего. Такие моменты всегда следует оговаривать, чтобы не возникало терминологической путаницы.

Если в Борисфене пока не найдено ни одной кости вола для архаического времени — а именно вола и были в основном этой тягловой силой — то в Ольвии в VI в. до н. э. они составляли почти четверть поголовья крупного рогатого скота. А на сельских поселениях V в. н. э., в частности на Козырке-12, — даже треть этого поголовья. В эллинистическое время процент волов снижается в Ольвии до 10 %, а на Белозерском поселении — до 18 %. Таким образом, как правило, на сельской округе с архаического по эллинистическое время процент волов был выше, чем в Ольвии. Думаю, это и так понятно. А вот в первые века нашей эры в Ольвии вола составляли всего 8 %,

а на поселениях и городищах Ольвийской хоры пока не найдено ни одной кости вола (Журавлев, 1987, С. 40). Видимо, с земледелием в это время совсем стало туго. Постоянные набеги окружающих племен привели к тому, что ольвиополиты стали в противовес земледелию развивать животноводство. Вспомним, что именно в это время необычайно возрастает количество сайги в приольвийских степях, о чем говорилось выше. Легче было укрыть скот за валами городищ, чем защищать урожай на полях. Правда, не следует думать, что земледелия не было совсем. Только если раньше оно имело товарный характер, то в первые века нашей эры — было направлено, видимо, только на удовлетворение своих нужд. А в принципе о развитии земледелия в Ольвии в течение всего времени ее существования сообщалось неоднократно (Крижицкий, Щеглов, 1991, С. 46—56; Крапивина, 1985, С. 39—40). Только, к сожалению, каждый из археологов писал о развитии земледелия только того периода, которым он занимается, и пока никто не сравнил потенциал земледелия разных периодов существования Ольвийского государства.

Таким образом, остеологические материалы полностью подтвердили вывод В.В. Лапина об аграрном характере колонизации Северо-Западного Причерноморья.

Интересные данные получены при попытке проанализировать потенциал ольвийского животноводства (Журавлев, Отрешко, 1990, С. 84). По данным из поселения Большая Черноморка-2 (весь остеологический материал из раскопок которой тоже был обработан) получилось, что в год на каждого жителя этого поселения (включая детей) приходилось минимум (!) по 40 кг мяса.

Неожиданности продолжались. Выяснилось, что в архаическое время в Борисфене были одни породы домашних животных, в Ольвии — другие, а на поселениях Ольвийской хоры — третьи. При этом вполне возможно, что на разных поселениях хоры могли быть тоже разные породы домашних животных, которые отличались между собой по размерам и пропорциям костей. Поскольку Борисфен основала первая волна колонистов, Ольвию — вторая, а остальные поселения хоры — третья, то получается, что каждая волна колонистов везла с собой свои породы домашних животных, отличавшихся от пород других волн. При этом, скорее всего, третья волна, самая большая по численности, могла быть неоднородной, поскольку на разных архаических поселениях опять-таки были разные породы домашних животных. К сожалению, преждевременная смерть В.М. Отрешко прервала нашу совместную работу по идентификации археологических и археозоологических материалов из этих поселений с целью установить, насколько

неоднородной была третья волна колонистов, и как это сказалось на ее распределении по территории Ольвийского государства.

Зоологам и животноводам известно, что домашние животные, если искусственно не поддерживать их селекционными приемами, мельчают со временем и к тому же всегда будут мельче своих диких предков. Механизм этого явления пока остается загадкой. Поэтому, когда у меня получилось, что домашние животные из раскопок архаического поселения Большая Черноморка-2 были крупнее животных из раскопок эллинистических слоев Ольвии, я не удивился. И высказал тогда точку зрения о том, что животные классического периода должны по этим показателям занимать среднее положение между ними (Журавлев, 1981, С. 130–161). Неожиданно животные классического периода оказались крупнее не только животных эллинистического периода, но и архаического. Видимо, в V в. до н. э. начались основные поставки в Ольвию скифского скота. Именно в это время в Северное Причерноморье пришла основная масса скифов. Хотя контакты между эллинами и скифами существовали уже в VI в. до н. э. Об этом свидетельствуют находки фрагментов комолых черепов на сельских поселениях Ольвийского государства именно этого времени (Журавлев, 1981, С. 131; Журавлев, 1983, С. 40; Журавлев, 1987, С. 37). И при скрещивании произошло то, что генетики называют *гетерозисом*. Это явление проявляется в том, что при скрещивании двух разных пород животных или сортов растений потомство в первом поколении всегда по своим размерам будет превосходить даже самых крупных из родителей. Только этим, по моему мнению, можно объяснить увеличение размеров домашних животных в V в. до н. э.

Но явление гетерозиса быстро проходит (одно, максимум два поколения). И в эллинистическое время уже сформировались новые породы, отличные и от тех, которые привезли с собой греки в начале колонизации, и от тех, которые были у скифов. В первые века нашей эры домашние животные тоже становятся несколько крупнее, чем в предыдущее время. Но уже не так явно. Может быть, это второе укрупнение было связано не столько с появлением новых пород, как в классическое время, сколько с успехами селекции. Занимаясь в основном животноводством, древнегреческие колонисты просто улучшали имевшиеся у них породы. Надо отметить, что традиция разведения разных пород в разных частях Ольвийского государства сохранилась до конца его существования. Таким образом, животноводство Ольвийского государства с самого начала было хорошо развитой отраслью хозяйства и сохраняло свою самобытность от начала до конца существования этого государ-

ства, несмотря на суровое варварское окружение. Можно только поучиться у эллинов, как хранить свои традиции даже в самых сложных ситуациях. Не забываем, что минимум дважды Ольвия и ее хора полностью уничтожались варварскими племенами. И, тем не менее, возрождались в прямом смысле из пепла, сохраняя свою самобытную культуру.

Интересно и то, что в разных частях Ольвийского государства животноводство велось по-разному. Если на окраинах его преимущественно разводили мелкий рогатый скот, то в центре, в Ольвии и рядом с нею, была значительно большей доля крупного рогатого скота (Журавлев, 1981, С. 160–161; 1983, С. 39–43, табл. 1 и 2; 1987, С. 35–41; Журавлев, Маркова, Сычева, 1990, С. 100–113, табл. 1–6; Журавлев, 1992, С. 154–179; 1993; Журавлев, Яковенко, 1997, С. 82–91). Это легко объяснить. На окраинах более доступными были пастбища для выпаса, в основном овец. В центре же развивалось земледелие, для которого необходимы были, прежде всего, вола.

Что касается лошадей, то, судя по полученным результатам, этих животных ольвиополиты получали в своей основной массе от скифов (Журавлев, 1995, С. 128–138; Журавлев, 2003, С. 87–114).

Выше приводились свидетельства античных авторов о том, что в Скифии невозможно держать ослов из-за сильных холодов. Однако на античных поселениях и городищах ослы были, хотя, видимо, в небольших количествах (Підоплічко, 1956, С. 88–93; Бібікова, 1958, С. 145, табл. 1; Журавлев, 1983, С. 39, табл. 1).

Пожалуй, одним из самых интересных моментов при изучении костей домашних животных из поселений Ольвийского государства было то, что дало изучение костей собаки домашней. Прежде всего, встал вопрос, почему так много костей собак находят в кухонных остатках? По числу особей этот вид часто занимал третье место после мелкого и крупного рогатого скота (Журавлев, 1981, С. 131, табл. 1; Журавлев, 1983, С. 39–43, табл. 1 и 2; Журавлев, Маркова, Сычева, 1990, С. 100–113, табл. 1–6).

В 1975 году обрабатывать остеологические материалы мне помогал археолог А.Ш. Амирханов. Он и обратил мое внимание на зарубки и порезы на костях собак из Ольвии, которые остаются при разделке туш перед употреблением животных в пищу. И на значительную раздробленность костей собак, обычную при добычании костного мозга из трубчатых костей. В 1976 году, работая на острове Березань с группой студентов (Л.А. Лысенко, Т.А. Заяц, С.Г. Кравец, И.В. Паньков), мы провели количественный учет зарубок на всех переданных нам археологами костях домашних животных, которых явно употребляли в пищу. А было таких костей около 60 тысяч

(включая неопределимые фрагменты). Вот результаты этих подсчетов (Журавлев, 1981, С. 159). У быка домашнего зарубки были на 601 кости из 11754 (5,1 %). У мелкого рогатого скота — 1595 из 19 055 (8,4 %). У свиньи домашней — 101 из 741 (13,6 %). У лошади домашней — 88 из 771 (11 %). У собаки домашней — 61 из 321 (19,6 %). Все эти кости происходили из культурно слоя VI в. до н. э. (находки целых скелетов собак не учитывались). Из 97 трубчатых костей собак целыми оказались 13, к тому же большинство из них имели зарубки. Для сравнения, у свиньи домашней, которая, несомненно, употреблялась в пищу, целыми оказались тоже 13 костей, но уже из 103 костей. Впрочем, разница в 6 костей при такой выборке, я думаю, погоды не делает.

Не терял времени и А.Ш. Амирханов. Читая древнеримского автора, Секста Эмпирика, он нашел у него следующую фразу: «Мы считаем нечестивым есть собачье мясо, у фракийцев же некоторые, как говорят, едят собак. Может быть, и у эллинов это было обычным...» (выделено мной — О. Ж.) [Секст Эмпирик, «Три книги Пирроновых приложений». Книга третья, 225]. Цитирую по: Секст Эмпирик, М., 1976, том 2, С. 367. Надо ли еще что-то добавлять к сказанному выше?

Но и это еще не все. При раскопках Бейкуша, памятника Ольвийской хоры VI—V вв. до н. э. на левом берегу Березанского лимана, где, вероятно, было святилище Ахилла (Буйских, 2001) (во всяком случае, доказательства этому я видел своими глазами), меня поразило большое количество скелетов собак в ямах. С учетом скелетов собаки по числу особей составляли на Бейкуше 25 % всех домашних животных (Журавлев, Маркова, Сычева, 1990, С. 102—103, табл. 1). Их явно не ели. Напомню, что у собак есть инстинкт: когда приходит время умирать, собака уходит от людей и умирает где-нибудь в укромном месте. А тут целое скопление собачьих скелетов. Естественным путем это образоваться не могло.

Есть у меня одно предположение. В древности был обычай гадать на внутренностях животных. А что если на Бейкуше жрецы гадали на внутренностях собак? Трупы после этого и сбрасывались в ямы.

Ну, а теперь снова вернемся к Черноморке. Там я нашел кости собаки, поразительно похожей на современного немецкого дога. Удивительная вещь. Видимо, то, что обитатели Черноморки жили в землянках, еще ничего не говорило об их социальном статусе. Вспомним хотя бы клад из 260 монет-дельфинчиков (Отрешко, Наумов, 1997). А тут еще и породистая охотничья собака, которая стоила, видимо, немалых денег. Вот и получается, что бедное жилье еще ни о чем не говорит. Просто ситуация на первых порах колонизации была такая, что приходилось доволь-

ствоваться примитивными жилищами. Даже богатым людям. Каменные строения появились уже тогда, когда было налажено все остальное. И Черноморка является этому ярким подтверждением.

Интересны также и находки костей домашних кошек. Причем не только в Ольвии (Підоплічко, 1956, С. 90—93; Бібікова, 1958, С. 145, табл. 1; Журавлев, 1983, С. 43—43, табл. 2), но и на поселениях Ольвийской хоры, начиная уже с VI в. до н. э. и заканчивая первыми веками нашей эры (Журавлев, Маркова, Сычева, 1990, С. 100—113, табл. 1—6; Журавльов, Яковенко, 1997, С. 82—91). Из всех античных памятников Северного Причерноморья кости домашней кошки найдены только на поселениях и городищах Ольвийского государства (Цалкин, 1960, С. 70—71).

Мало кто знает, что в Древней Греции кошек не знали, а для борьбы с грызунами использовали ласок (Памятники византийской литературы IV—IX вв., 1968, С. 337). Кошки в то время были только в Малой Азии и в Египте. О малоазийских домашних кошках неолитического времени сообщал В.И. Цалкин (Цалкин, 1972б, С. 48). О кошках в Египте писал Геродот [Геродот, «История», II, 66—67]. Таким образом, домашняя кошка могла попасть в Ольвию только из этих двух мест. Ранее я склонялся к египетскому варианту (Журавлев, 1987, С. 39—40). Однако сейчас считаю возможным и малоазийский вариант. Ведь основатель Ольвии ионийский город Милет располагался именно там. Впрочем, вопрос остается открытым. Для его решения необходимы сравнения размеров и пропорций найденных костей. Однако ни я, ни другие исследователи пока не располагают выборками, пригодными для таких сравнений. Находки костей домашних кошек везде единичны. И это понятно. Ни в Ольвийском государстве, ни в Малой Азии, ни в Египте кошачье мясо не употребляли в пищу. И их кости в кухонные остатки попадали только случайно.

Для чего же их сюда завезли? Отметим, что, как говорилось выше, в Древней Греции для борьбы с грызунами использовали ласок. Ранее отмечалось, что ласки известны и на поселениях и городищах Ольвийского государства. Не исключено их использование и здесь для таких же целей. Увы, доказательств этому пока нет. Да я и не представляю себе, как их найти. Разве что повезет с какой-нибудь надписью. Однако, видимо, товарное развитие земледелия, о чем неоднократно писалось выше, здесь потребовало более радикальных мер для борьбы с грызунами. Вот и появились домашние кошки.

В заключение коснемся еще одного аспекта, где археологам могут помочь археозоологи. В 1997 году В.В. Назаров и В.М. Отрешко срочно вызвали меня из Ольвии на остров Березань. Там

нашли остатки одного из самых ранних храмов в Северном Причерноморье. Но кому он был посвящен? По находкам культовых предметов возникло предположение, что Афродите. Набор домашних животных и соотношения между ними полностью совпали с аналогичными из храмов Афродиты в Средиземноморье. Все сомнения исчезли.

В Ольвии на культовом участке Западный теменос обычными являются культовые ямы, так называемые *ботросы*. Изучению костей животных из них была посвящена специальная статья (Журавльов, Маркова, 1995, С. 72—79). И вдруг за пределами этого участка был найден еще один ботрос. Да не простой, а золотой, как говорится. Правда, слово «золотой» у археологов не всегда совпадает с простонародным пониманием. Золота там не было. Но было другое, что поняли в тот момент только мы, археозоологи, я и Е.В. Маркова.

Дело в том, что археологи сначала приняли этот объект за обычную хозяйственную яму. Однако мы показали, что состав и набор домашних животных из этой ямы оказался таким же, как в храме Артемиды в Эфесе. Вот тогда и археологи признали эту яму ботросом. Неужели ботрос Артемиды?

Из ольвийских надписей известно, что в Ольвии был храм Артемиды. Но о его местоположении до сих пор ничего неизвестно. Почему ботрос Артемиды оказался за пределами культового участка? И где искать сам храм? Очередная ольвийская загадка. Удастся ли нам ее разгадать? Покажет время.

Ольвия же хранит еще немало сюрпризов. Напоследок расскажу об одном из них. Шел последний день полевого сезона 1998 года. На участке Р-25 проводили заключительные работы, так называемую «зачистку». Я уже ушел с раскопа собирать свои вещи. На завтра был назначен отъезд. И вдруг меня срочно вызвали из моей комнаты. Передо мной стояла А.В. Буйских, заместитель начальника экспедиции, и держала в руках ... ребро слона...

Как и откуда это животное могло попасть в Ольвию? На ребре были видны четкие зарубки, оставленные при разделке туши, скорее всего, топором (Журавльов, 2000, С. 44—46). Еще больше удивила датировка этой находки: конец III — начало IV вв. н. э. То есть время, когда Ольвия уже практически не существовала. Жизнь там еле теплилась в остатках строений. Какой же богач сумел в это трудное время оплатить доставку в Ольвию слона? Опять «ноев ковчег»? И зачем? Впрочем, наверное, не исключается и вариант «копченых ребрышек». Но даже и они, вероятно, стоили тогда недешево...

Ну а если серьезно, в заключение нужно сказать, что только новые исследования и находки помогут разрешить нам многие вопросы, связанные с развитием животноводства и охоты в Ольвийском государстве на протяжении всей его истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. — Л., 1974. — 156 с.
- Белан Н.Г. Фауна Трахтемирівського городища // Археологія. — 1982. — № 38. — С. 50—63.
- Бібікова В.І. Фауна Ольвії та її периферії за матеріалами розкопок 1935—1948 рр. // АП. — 1958. — Т. VII. — С. 143—155.
- Биби́кова В.И. Костные остатки льва из энеолитических поселений Северо-Западного Причерноморья // Вестник зоологии. — 1973. — № 1. — С. 57—63.
- Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу // Хсб. — 2001. — Вып. XI. — С. 34—43.
- Бучинский И.Е. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. — К., 1963. — 292 с.
- Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. — М., 1971. — 369 с.
- Винокур І.С., Хотюн Г.М. Скiфський амулет // Археологія. — 1965. — № 19. — С. 118—121.
- Геродот. История в девяти книгах. — М., 1888. — Т. I. — 394 с.
- Громова В.И. Лев в Европе в историческое время // Природа. — 1928. — № 10. — С. 920.
- Дмитриев Н.Г. Породы скота по странам мира. — Л., 1978. — 332 с.
- Динесман Л.Г. Изменения численности копытных в степях Европейской части СССР в голоцене // Бюллетень МОИП; отдел биологический. — 1982. — Т. 87. — Вып. 2. — С. 3—13.
- Журавлев О.П. Фауна поселения Черноморка-II (на материалах костных остатков) // Использование методов естественных наук в археологии. — К., 1981. — С. 130—161.
- Журавлев О.П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. — К., 1983. — С. 38—45.
- Журавльов О.П. Кісткові решітки ссавців в Ольвії та Березані // Археологія. — 1983. — № 42. — С. 80—84.
- Журавлев О.П. Воздействие антропогенных факторов на природу Нижнего Побужья в античное время // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. — М., 1985. — С. 60—63.
- Журавлев О.П. Osteологические данные и история животноводства Нижнего Побужья в античное время // Методы естественных наук в археологии. — М., 1987. — С. 35—41.
- Журавлев О.П., Отрешко В.М. О рационе питания архайического населения Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1990. — Ч. II. — С. 84.
- Журавлев О.П., Маркова Е.В., Сычева Л.В. К истории животноводства Ольвийской сельской округи // Крыжичкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990. — С. 98—113.
- Журавлев О.П. Животноводство и охота у населения скифских городищ Нижнего Поднепровья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991а. — С. 75—86.
- Журавлев О.П. Домашние и дикие млекопитающие по костным остаткам из поселения катакомбной культуры Матвеевка-1 // ДСПК. — Запорожье, 1991б. — Вып. II. — С. 188—199.
- Журавльов О.П. Дрібна рогата худоба Ольвії // Стародавнє виробництво на території України. — К., 1992. — С. 154—179.
- Журавльов О.П. Історія фауни і тваринництва Нижнього Побужжя в античний час: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 1993. — 20 с.

- Журавлев О.П. Охота у населения Ольвийской хоры эллинистического и римского времени // Древнее Причерноморье. — Одесса, 1994. — С. 249—252.
- Журавлев О.П., Маркова Е.В. Костные остатки из скифского Басовского городища // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1994. — С. 57—60.
- Журавлев О.П. Фауна из скифских поселений Нижнего Поднепровья // Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии (препринт). — К., 1995. — С. 128—138.
- Журавлев О.П., Маркова О.В. Остеологічні матеріали із культових комплексів Ольвії // Археологія. — 1995. — № 2. — С. 72—79.
- Журавлев О.П. История археозоологических исследований в Ольвии // Мир Ольвии. — К., 1996. — С. 119—121.
- Журавлев О.П. Животноводство и охота у античного и скифского населения Украины во второй половине I тысячелетия до н. э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997. — С. 132—135.
- Журавлев О.П., Яковенко В.І. Тваринництво на античному поселенні Аджигол-1 // Археологія. — 1997. — № 2. — С. 82—91.
- Журавлев О.П. Казкове Чудо-юдо на Калиновім мості // Науковий світ. — 2000. — № 2. — С. 44—46.
- Журавлев О.П., Маркова Е.В. Остеологические материалы из поселения Молюхов Бугор // АДУ за 1994—1996 роки. — К., 2000. — С. 40—43.
- Журавлев О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы Лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. — К., 2001. — 198 с.
- Журавлев О.П. З історії археозоологічних досліджень в Ольвії // Археологія. — 2002а. — № 1. — С. 127—131.
- Журавлев О.П. Мисливство і тваринництво на поселенні доби пізньої бронзи Ташлик-1 // Старожитності Миколаївщини. — Миколаїв, 2002б. — С. 43—67.
- Журавлев О.П. Свійський кінь в Ольвії // Археологія. — 2003. — № 4. — С. 87—114.
- Журавлев О.П. Тваринництво та мисливство у енеолітичних племен на території України // Дослідження первісної археології в Україні. — К., 2008. — С. 201—219.
- Иевлев М.М. Нижнее Побужье во время греческой колонизации. Природные условия // Крыжицкий С.Д. и др. Сельская округа Ольвии. — К., 1989а. — С. 15—19.
- Иевлев М.М. Нижнее Побужье от середины V до середины I в. до н. э. Природные условия // Там же. — 1989б. — С. 96—97.
- Иевлев М.М. Нижнее Побужье в конце I в. до н. э. — начале IV в. н. э. Изменение природных условий // Там же. — 1989в. — С. 152—153.
- Иессен А.А. Греческая колонизация. — Л., 1947. — 92 с.
- Кириков С.В. Человек и природа степного Причерноморья с геродотовского времени и до начала XX века // Антропогенные факторы в истории развития современной экосистемы. — М., 1981. — С. 87—97.
- Крапивина В.В. К вопросу о направленности экономики Ольвии в первые века нашей эры // ПИО. — Парутино, 1985. — С. 39—40.
- Крижицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. — 1991. — № 1. — С. 46—56.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989. — 240 с.
- Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966. — 240 с.
- Отрешко В.М. О датах основания Истрии и Борисфена // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье, 1989. — С. 109—110.
- Отрешко В.М., Наумов В.И. Клад дельфиновидных монет на поселении Большая Черноморка-2 // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. — Одесса, 1997. — С. 117—122.
- Памятники византийской литературы IV—IX вв. — М., 1968. — 351 с.
- Петерс Б.Г. О морском деле в Эгейском море // ИКАМ. — М., 1977. — С. 160—168.
- Підоплічко І.Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. — К., 1938. — Вип. 1. — 176 с.
- Підоплічко І.Г. Фауна Ольвии (по раскопкам 1935—1937 гг.) // Природа. — 1938. — № 11—12. — С. 113—116.
- Підоплічко І.Г. Домашние и дикие животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1935 гг. // Ольвия. — К., 1940. — Т. 1. — С. 203—210.
- Підоплічко І.Г., Топачевский В.А. Лось и северный олень в доисторическом прошлом // Природа. — 1953. — № 7. — С. 101—103.
- Підоплічко І.Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. — К., 1956. — Вип. 2. — 236 с.
- Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. — М., 1976. — Т. 2. — 420 с.
- Страбон. География в 17 книгах. — Л., 1964. — 941 с.
- Тереножкин А.И. Реп.: Латин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья // СА. — 1968. — № 4. — С. 290—297.
- Топачевський В.О. Фауна Ольвії // Збірник праць Зоологічного музею. — 1956. — № 27. — С. 61—129.
- Фабрициус И.Е. Археологическая карта Украинской ССР. — К., 1951. — Вип. 1. — 153 с.
- Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. — 1960. — № 53. — С. 7—109.
- Цалкин В.И. Домашние животные в эпоху поздней бронзы // Бюллетень МОИП, отдел биологический. — 1972а. — Вип. 1. — С. 46—64.
- Цалкин В.И. Происхождение домашних животных в свете данных современной археологии // Проблемы domestикации животных и растений. — М., 1972б. — С. 45—55.
- Žuravlev Oleg. Säugetierfauna und Umwelt am Südlichen Bug in der Antike // The Holocene History of the European Vertebrate Fauna. Workshop, 6th to 9th April 1998, Berlin. — Rahden, 1999. — S. 389—397.

АНТИЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ У с. СТАРАЯ БОГДАНОВКА НА БУГСКОМ ЛИМАНЕ

В августе 1988 г. Ольвийская периферийная экспедиция Николаевского краеведческого музея произвела охранные раскопки погребения античного времени в с. Старая Богдановка Очаковского района, на правом берегу Бугского лимана¹. Погребение, по сообщению местных жителей, было обнаружено в северной части села, напротив церкви, недалеко от улицы Садовая, на краю небольшого овражка во время дождевого смыва (рис. 1). Закладка, находившаяся почти на уровне современного дневного горизонта, была вывернута школьником. Состояла из двух хорошо обработанных квадров известняка и известнякового антропоморфного надгробия (?) (рис. 2, 1–3). На одном из квадров четко выделен верхний бортик (рис. 2, 1). Верхняя часть антропоморфного надгробия (?) была отбита в древности. Размеры квадр $0,5 \times 0,6 \times 0,05$ м и $0,45 \times 0,65 \times 0,05$ м. Высота антропоморфного надгробия — 0,6 м. Могильная яма в плане подпрямоугольной формы с закругленными углами. По длинной оси ориентирована с ЮЗЗ на СВВ. Ее размеры 2×1 м. ЮЗЗ часть могиль-

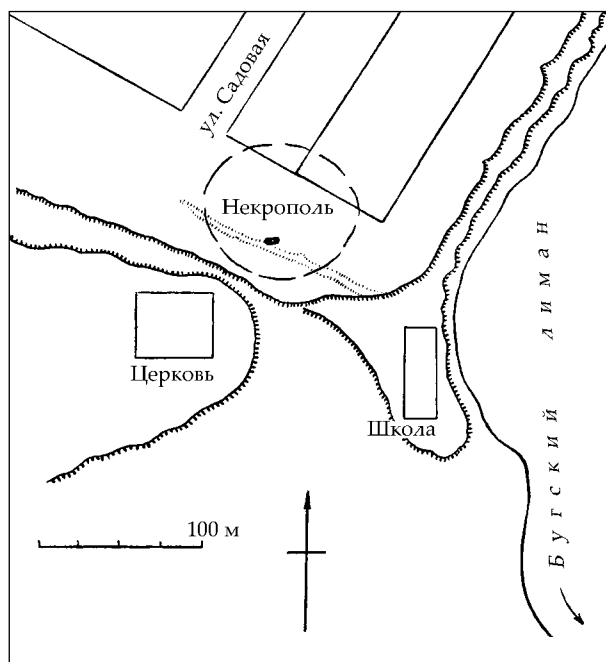

Рис. 1. Расположение античного некрополя в с. Старая Богдановка

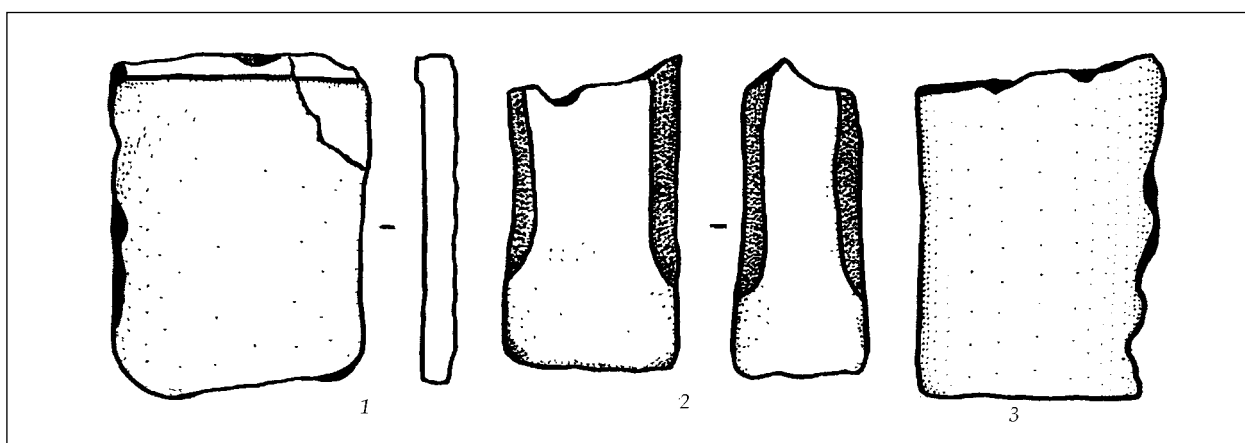

Рис. 2. Плиты закладки античного погребения у с. Старая Богдановка: 1, 3 — квадры; 2 — антропоморфное надгробие

¹ Предварительная информация о раскопках была опубликована в материалах I-х научных чтений памяти проф. П.О. Карышковского (Гребенников, Снытко, 1989, С. 20–21). В работе экспедиции принимал участие В.М. Отрешко — наш друг и коллега, памяти которого мы и посвящаем свою публикацию.

ного сооружения «съедена» оврагом. Глубина ямы 1,5 м от современной дневной поверхности и 1,1 м от уровня материка. Заполнение ямы составлял чернозем, перемешанный с материковым суглинком. Погребенный находился в вы-

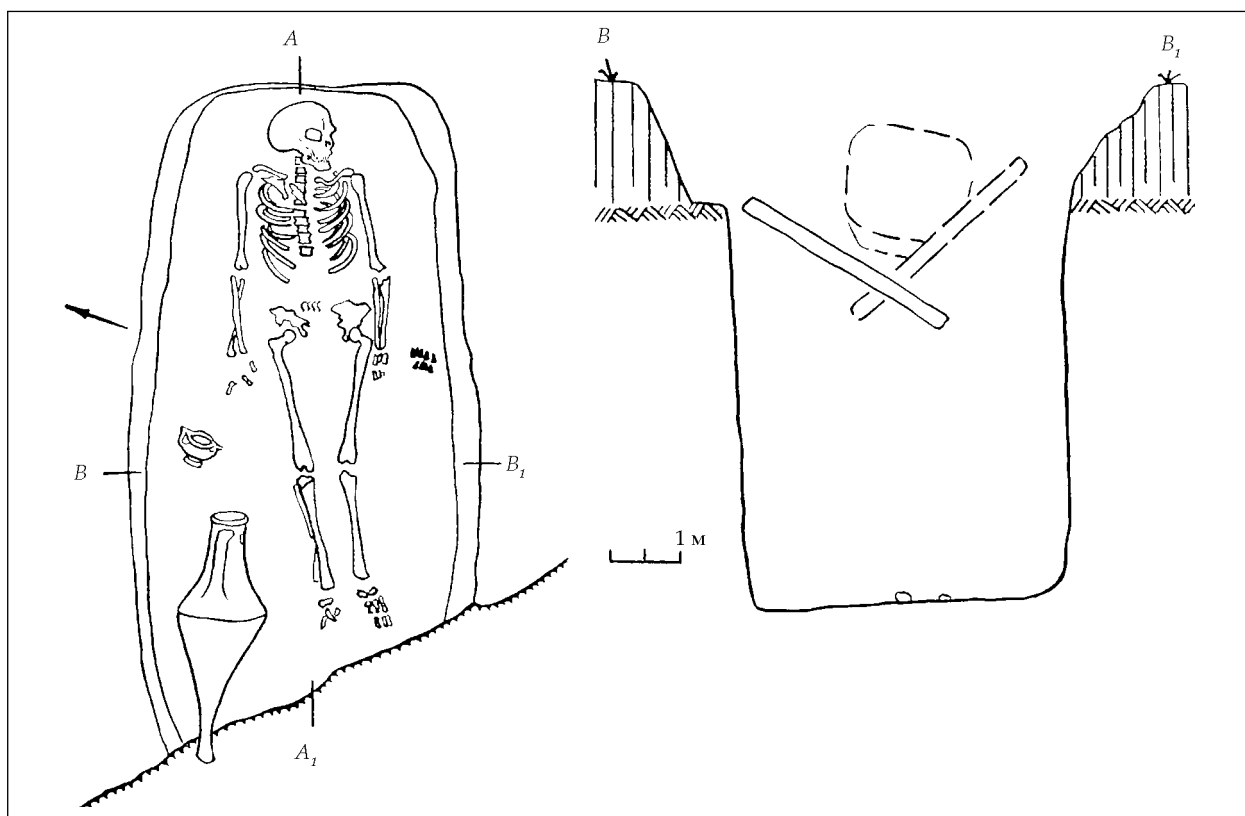

Рис. 3. Разрез и план погребения

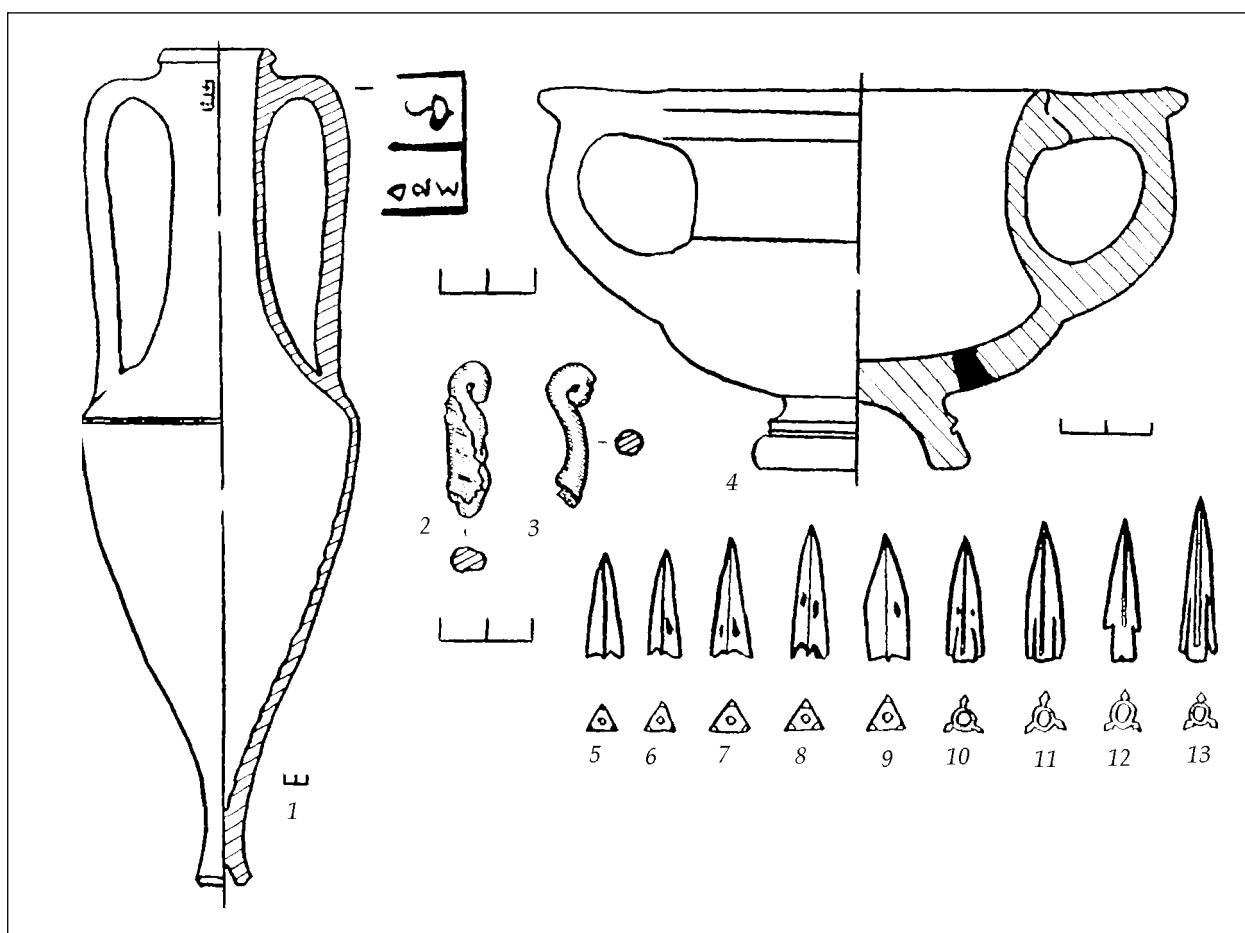

Рис. 4. Находки из погребения: 1 — Гераклеяская амфора с клеймом; 2—3 — железные предметы от поясного набора; 4 — чернолаковый канфар; 5—13 — наконечники стрел

тянутом положении, на спине, головой к СВВ. В западной части могилы, у костей ног была установлена гераклеяская амфора с клеймом, в легенде которого имя ΔΩΣ в сильно сокращенной форме и эмблема в виде листа плюща (рис. 4, 1). По классификации И.Б. Брашинского клеймо относится к 5 поздней группе, периоду С и датируется концом IV — первой четвертью III вв. до н. э. (Брашинский, 1980, С. 39).

Рядом с амфорой, ближе к кисти правой руки, обнаружен аттический чернолаковый канфар (рис. 3; 4, 4). Венчик канфара широкий отогнутый. Ручки массивные, прямоугольные в сечении. Ширина венчика 8,5 см. Высота сосуда 8,2 см. Ножка низкая, с четкой профилировкой. Лак густой, блестящий, оливкового оттенка. В корпусе канфара пробито отверстие (специальная порча). По классификации Т. Иванова относится к III типу и датируется последней третью IV в. до н. э. (Иванов, 1963, табл. XVI, XX).

В районе фаланг пальцев левой руки найдено 9 бронзовых наконечников стрел: 5 трехгранных (рис. 4, 5—9) и 4 трехлопастных с четко выделенной втулкой (рис. 4, 10—13). В районе костей таза находилось несколько железных изделий (рис. 4, 2—3) неясного назначения, возможно, от поясного набора.

По зафиксированным находкам погребение датируется в рамках последней четверти IV в. до н. э. и может свидетельствовать об открытии нового античного некрополя в сельской округе Ольвии.

Кроме исследования погребения, сотрудниками экспедиции на площади примерно 100 × 100 м был собран подъемный материал IV—III вв. до н. э. В отдельных местах зафиксированы фрагменты каменных закладок, выходящих из-за смыва грунта на дневную поверхность. По полученной нами информации, в районе ул. Садовой, недалеко от усадьбы Б.С. Гребенникова, в 1996 г. экспедицией Николаевского педагогического института под руководством Ю.С. Гребенникова, было исследовано несколько ограбленных подкурганых подбойных захоронений². Могильные сооружения были датированы автором раскопок IV—III вв. до н. э. Некрополь IV—III вв. до н. э., возможно, был оставлен жителями известных поселений этого времени Старая Богдановка III и IV (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, С. 59, № 85, 86). Наиболее близ-

ким к открытому некрополю является поселение Старая Богдановка III, находящееся возле северо-восточной окраины села на обрывистом берегу правого берега Бугского лимана.

Благодаря охранным исследованиям, проведенным в Нижнем Побужье в 80—90 годы XX ст. открыты некрополи сельской округи Ольвии IV—III вв. до н. э.: у Дидовой Хаты (Снытко, 1986, С. 141—142; Снытко, Гребенников, Гаврилов, 1997, С. 30—31), у Сиверсова маяка (Снытко, 1990, С. 72—73), у Старой Богдановки (Гребенников, Снытко, 1989, С. 20—21), Северный некрополь у с. Прибугское (Снытко, Смирнов, Липавский, 1990, С. 90—91), у Лагерной косы (Буйских, Нікітін, 1988, С. 85—90). Таким образом, на данный момент в совокупности с сообщениями М. Эберта о могильнике у с. Петуховка (Ebert, 1913) мы располагаем сведениями о погребальных памятниках IV—III вв. до н. э. различных регионов Ольвийского государства: южного, северного, западного и центрального.

ЛИТЕРАТУРА

- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. — Л., 1980. — 268 с.
- Буйских С.Б., Нікітін В.І. Охоронні розкопки могильника IV—III ст. до н. е. Лагерна Коса // Археологія. — 1988. — № 63. — С. 85—90.
- Гребенников В.Б., Снытко И.А. Новый античный некрополь в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. I Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. — Одесса, 1989. — С. 20—21.
- Иванов Теофил. Антична керамика от некрополя на Аполония // Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония. През. 1947—1949. — София, 1963.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990. — 136 с.
- Снытко И.А. Грунтовый некрополь IV—III вв. до н. э. в урочище Дидова Хата // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. — М., 1986. — С. 141—142.
- Снытко И.А. Исследования некрополя античного времени в урочище Сиверсов Маяк // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1990. Ч. 2. — С. 72—73.
- Снытко И.А., Смирнов И.А., Липавский С.А. Погребения IV в. до н. э. Северного некрополя у с. Прибугское // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. — Белгород-Днестровский, 1990. — Ч. 2. — С. 90—91.
- Снытко И.А., Гребенников В.Б., Гаврилов С.И. Исследования античного некрополя в урочище Дидова Хата в 1996 г. // Матеріали II Миколаївської краєзнавчої конференції. — Миколаїв, 1997. — С. 30—31.
- Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // PZ. — 1913. — Bd. V. — Heft. 1—2. — S. 1—81.

² Пользуемся возможностью поблагодарить Ю.С. Гребенникова за предоставленные сведения.

ОЛЬВИЯ И ВАРВАРСКИЙ МИР В III — НАЧАЛЕ V вв. н. э.

Памятники черняховского типа, впервые открытые на рубеже XIX—XX вв., тогда же были названы некоторыми знатоками европейских древностей, как «культура римских влияний». О справедливости такого определения свидетельствуют находки, накопленные за столетие их изучения. Это не только многочисленные импорты — изделия провинциальных ремесленных центров III—IV вв., но и общий стиль многих местных изделий, в частности гончарной посуды. Несмотря на несовпадение во взглядах разных ученых на этнический состав населения черняховской культуры, большое влияние на него позднеантичной культуры никем не подвергается сомнению. Однако характер такого влияния во многом неясен и объясняют его по-разному: активными торговыми связями, деятельностью свободных («бродячих») провинциальных ремесленников на варварском внутреннем рынке и даже непосредственным участием представителей греко-римского населения в создании черняховской культуры.

Прямое отношение к проблеме имеет изучение зон непосредственного контакта варваров-«черняховцев» с позднеантичным населением, в т. ч. в Северо-Западном Причерноморье. Долгое время исследование черняховских древностей в регионе носило нерегулярный характер. При археологических разведках на многих пунктах находили характерную серую керамику, она встречалась в поздних слоях античных памятников, было широко раскопано поселение Киселово на Куяльницком лимане (Раевский, 1955), проведены работы на поселениях Нижнего Ингульца (Добровольский, 1925; 1950; Славин, 1954; 1955). Сходство с материалами «культуры полей погребений» неоднократно отмечалось авторами отчетов и статей, но приморскую зону с черняховской культурой прямо не связывали¹. Для решения назревшего вопроса явно не доставало сведений о погребальном обряде жителей исследованных поселков. Положительный ответ нашел Э.А. Сымонович после раскопок в 1962—1965 гг. на могильниках Викторовка 2

(западный берег Березанского лимана), Ранжевое и Кobleво (Тилигульский лиман), а также на соседних поселениях (Сымонович, 1966; Сымонович, 1967; 1979). Позже общие особенности черняховских памятников между устьями Дуная и Днестра послужили причиной для их выделения в отдельную Причерноморскую группу (Магомедов, 1987, С. 94). По нашему мнению, смешанное население этого региона состояло из германцев-готов, так называемых «поздних скифов» и сармато-алан, тогда как на основной территории культуры полностью преобладали готы.

Вскоре черняховские могильники и поселения были обнаружены и в пределах Ольвийского государства, границы которого (как и сельской периферии Ольвии) в первые века нашей эры определяются расположением укрепленных поселений. Это территория между Березанским и Бутским лиманами до Анчекракской балки на севере и оба берега Бутского лимана южнее г. Николаева (Буйских, 1991, С. 48). Первый достоверно черняховский памятник здесь был открыт Периферийным отрядом Ольвийской экспедиции в 1973 г. (Бураков, Буйских, Отрешко, 1974; Магомедов, 1974). Эта работа была продолжена в ходе дальнейших систематических разведок Периферийного отряда, а также сотрудниками Ингульской экспедиции, а результаты опубликованы в Археологической карте античных поселений Нижнего Побужья (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, С. 77—97). На некоторых из этих памятников проведены раскопки (могильники Каборга, Великая Корениха, поселение и могильник Каменка-Анчекрак) (Магомедов, 1979; 1991; 1987, С. 31; Гребенников, Гребенников, Магомедов, 1982). В настоящее время в пределах Ольвийской сельской округи известно более 20 черняховских населенных пунктов. Большинство из них появились в местах, в предшествующее время не заселенных: Каменка-Анчекрак, Ижецкое 2 и 3, Каборга 4, Волошская Коса 9 и 11, Чертоватое 1, Малая Корениха 1, Большая Корениха 3, Галицыновка, Лесхоз 1, Хаблов Хутор, судя по описаниям, также Кателино 2 и Скелька 2. Поселения Аджигольская Коса 2 и Александровка 1 расположены на местах неукрепленных селищ пред-

¹ На карте, опубликованной Е.В. Махно, эти памятники со «спорной культурной принадлежностью» отмечены особым значком (Махно, 1960, С. 66).

шествующего раннеримского периода (всего известно 9 селищ II — первой половины III вв. н. э.). Кроме того, черняховские материалы обнаружены в верхних слоях шести ольвийских городищ-крепостей из 15 известных в Нижнем Побужье: Мыс, Петуховка-2, Старая Богдановка-1, Козырка, Станислав-1², Золотой Мыс а также в Ольвии. Ряд из названных пунктов для конца III—IV вв. определены как черняховские в упомянутой Археологической карте (Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990). Культурную атрибуцию некоторых городищ можно уточнить по составу находок. Коллекция из раскопок городища Мыс (Буйских, Бураков, 1977, С. 79—90) хранится в фондах заповедника «Ольвия» («Хора» — ящик № 258). В ней присутствует черняховская керамика вместе с набором импортов, характерным для комплексов второй половины IV — начала V вв.: обломки амфор типов Зеест 100, Шелов F и E, фрагмент краснолаковой тарелки типа Хейс 62B³ (Зеест, 1960; Шелов, 1978; Hayes, 1972). Черняховская керамика встречается и среди материалов с городищ Старая Богдановка⁴, Золотой Мыс⁵. Подобная посуда (в т. ч. трехручные вазы) присутствует и на городище Петуховка-2 (Синицын, 1950, рис. 17—22).

Появление памятников черняховской культуры в Северном Причерноморье связано с конкретными историческими событиями — походами варваров на Римскую Империю во время Скифских (Готских) войн 238—270 гг. В отношении судьбы Ольвии и ее окружения В.В. Крапивина допускает возможность двух «готских» нашествий: первое — накануне Скифских войн⁶, второе — во время похода 269—270 гг. (Крапи-

вина, 1993, С. 154). Этим событиям соответствуют два слоя разрушений с находками III в. С первым, сопровождавшимся обширным пожаром, может быть связано окончательное прекращение монетной чеканки в Ольвии в 235 г. Тогда же были оставлены большинство городищ и укреплений, входивших в оборонительную систему Ольвийского государства (Буйских, 1991, С. 140). Вскоре, однако, город восстанавливается, в нем ведется новое строительство. Как и раньше, здесь присутствует римский гарнизон. Следующий слой разрушений соответствует походу 269—270 гг. При этом вторично подвергаются разгрому приольвийские городища, что хорошо видно на примере Козырки, Золотого Мыса. На последнем примерно к этому времени относится захоронение варварского воина с гребнем черняховского типа (Гороховский, Зубарь, Гаврилюк, 1985, С. 25—40). Ольвия была полностью разрушена и оставлена жителями на несколько лет, о чем свидетельствует отсутствие монет 70-х — начала 80-х годов, вплоть до времени правления Диоклетиана (284—305 гг.) (Карышковский, 1968, С. 178; Крыжицкий, Русаева, Крапивина и др., 1999, С. 325). В.В. Крапивина считает, что, тем не менее, античный город снова возрождается, хотя в его округе расселяются варвары (1993, С. 155—157).

Другую точку зрения в свое время высказал В.М. Зубарь. По его мнению, второй слой разрушений не свидетельствует о вооруженном захвате города, а является результатом того, что греко-римское население окончательно покинуло его между концом 50-х и серединой 60-х годов III в. Более поздние находки связаны уже не с возрождением античного города, а с возникшим на месте Ольвии ремесленным поселением черняховской культуры (Зубарь, 2001). О том, что последний этап жизни Ольвии, включая строительную и торгово-ремесленную деятельность, связан с этой культурой, ранее высказывались и другие исследователи (Крыжицкий, 1985, С. 168; Магомедов, 1985; Буйских, 1991, С. 140).

* * *

Решить вопрос о характере взаимоотношений жителей Ольвии и ее сельской периферии с пришлым населением черняховской культуры можно только путем изучения поздних слоев античных памятников, даже при трудностях их четкого датирования. Важной задачей при этом является предварительное определение «культуропределяющих» материалов, т. е. четкое типологическое разделение бесспорно черняховских вещей и вещей античного происхождения.

Находки, указывающие на присутствие северных варваров, в Ольвии давно известны. Относительно недавно были переопубликованы четыре гребня, обнаруженные на некрополе в

² На городище Станислав в 1982—1991 гг. проведены раскопки на площади около 850 м². Среди разновременных объектов античного времени были открыты также углубленные жилища и хозяйственные постройки черняховской культуры (Виноградов, 2002).

³ Тарелки этого типа происходят с ближайших черняховских памятников: Викторовка II, Сычавка, Каменка-Анчекрак, Луговое (Магомедов, 2001, С. 64, рис. 64, 7—9), а также из черняховской полуземлянки упомянутого городища Станислав (раскоп I, помещение I: фонды Херсонского краеведческого музея, коллекция А—8946).

⁴ Раскопки А.В. Буракова и С.Б. Буйских 1976 г.; фонды заповедника «Ольвия», раздел «Хора», ящик № 7.

⁵ Разведки тех же авторов 1976 г.; фонды заповедника «Ольвия», ящик 229. Также раскопки Херсонского краеведческого музея под руководством М.И. Абикуловой в 1980—1983 гг.

⁶ Предположение о том, что около 235 г. Ольвию разрушили именно готы, а не другое племя, является единственно реальным. Первое зафиксированное источниками вторжение готов в пределы Империи произошло в 238 г. (переход Дуная и разгром Истрии). Этому вполне логично могло предшествовать нападение на менее удаленные и менее защищенные города Северо-Западного Причерноморья.

1901—1910 гг. (Сорокина, 1976, С. 203, рис. 3; Петерс, 1986, С. 67, табл. XIII, 13—15)⁷. Как и огромное количество гребней черняховской культуры и синхронных германских культур Центральной Европы, они имеют признаки, которые отличают их от подобных предметов античного производства (материал — олений рог, трехслойная конструкция).

Для черняховской культуры «культуроопределяющими» вещами являются некоторые типы фибул. Благодаря труду А.К. Амброза, мы располагаем сведениями об этих застежках, найденных в Ольвии до 1938 года (Амброз, 1966, С. 64, 66, 70, 73, 95). Из двух подвижных фибул серии I, вариант 3 (IV в.), одна происходит из некрополя (в инвентарь могилы 38 входили также вторая фибула и обломок гребня); экземпляр варианта 4 (IV — начало V вв.) — из Нижнего города. Скорее всего, на некрополе найдена пара фибул серии III-3, украшенных проволоочными кольцами⁸. К дореволюционным находкам относятся «воинская» фибула (группа 17, IV в.) и две застежки «с высоким приемником» (группа 18, вторая половина III в.), из которых одна обнаружена на некрополе. В Верхнем городе материалы позднеримского времени сосредоточены на так называемой Цитадели. Среди нескольких неопубликованных экземпляров из раскопок 1951—1952 годов к черняховским типам по описанию относятся «арбалетная» и «щитковая» фибулы (Штителъман, 1952).

Стекланные кубки импортировались из античных центров, но некоторые их типы более характерны для варварской территории. В 1965 г. при раскопках ольвийской Цитадели найдены нижние части двух сосудов, украшенных смыкающимися между собой шлифованными овалами (вторая половина IV в.). Н.П. Сорокина считает вполне возможным, что подобные изделия попадали в Ольвию от носителей черняховской культуры (1976, С. 202—204, рис. 2, 3). На черняховских памятниках находят аналогии и другие типы кубков из Ольвии: с декором из напаянных нитей, рельефных ребер, капель синего стекла (Сорокина, 1976, С. 200—202, 204). Стекланный кубок позднеримского времени в комплексе с черняховской серо-глиняной посудой происходит из погребения, обнаруженного в Нижнем городе Н.А. Лейпунской (Лейпунская, 2004, С. 187).

Существенным признаком, по которому памятники черняховской культуры выделяют из

синхронных древностей, является наличие серо-глиняной керамики «черняховского типа». Для позднеантичных памятников Северо-Западного Причерноморья использование этого признака долгое время казалось затруднительным в силу предполагаемого большого сходства названной посуды с изделиями местных мастерских. Всю сероглиняную керамику Ольвии римского времени обычно рассматривали как единый античный комплекс — продукт местного развития, испытывавший провинциальное влияние. Среди археологов-античников господствовало мнение, что формы посуды, сходные с черняховскими, сложились здесь еще до появления этой культуры⁹. Это мнение отражено в работах Р.И. Ветштейн (к сожалению, не опубликованных: 1950; 1955), которая высказала также мысль о влиянии причерноморского гончарного ремесла на черняховское (1950, С. 87). Позже большую работу по изучению сероглиняной керамики провели А.В. Гудкова и В.В. Крапивина (1988; 1990). Они поддержали сложившиеся взгляды только отчасти, считая, что во время сосуществования Ольвии и черняховских поселений «столкнулись два керамических комплекса, независимо друг от друга сформировавшиеся при нивелирующем воздействии провинциально-римской культуры» (Гудкова, Крапивина, 1990, С. 20).

По-видимому, представления о раннем (по крайней мере со II в.) появлении посуды, аналогичной черняховским типам, во многом объясняются тем, что «верхние слои Ольвии сильно разрушены и хронологически почти не расчленяются, закрытых комплексов мало» (Гудкова, Крапивина, 1988, С. 83). Однако в этих слоях найдены обломки сосудов, относящихся к типам, специфичным только для черняховского керамического комплекса и не свойственным для провинциальной, тем более, для ольвийской (греческой) традиции. Обломки нескольких (не менее пяти) трехручных ваз обнаружены при раскопках Р.И. Ветштейн и Т.А. Яковишиной в ольвийской Цитадели¹⁰, еще два экземпляра опубликовали А.В. Гудкова и В.В. Крапивина¹¹ (1988, рис. 1, 20,

⁷ Три находки происходят из раскопок Б.В. Фармаковского на Ольвийском некрополе, четвертый гребень («случайное приобретение»), можно не сомневаться, извлечен оттуда же местными кладоискателями. Публикации подобных находок последующих лет нам не известны.

⁸ Пара фибул была частью традиционного, в т. ч. погребального, костюма готских женщин.

⁹ Исследователи черняховской культуры (включая автора этой статьи) приняли такие представления как факт. Очевидное сходство якобы «более ранних» находок из Ольвии и Тиры с черняховской посудой позволяло выводить оттуда отдельные формы или целиком гончарное ремесло этой культуры (Тиханова, 1973, С. 29—31; Сымонович, 1973, С. 127; Рикман, 1975, С. 243—246; Сміленко, 1975, С. 50; Магомедов, 1977, С. 120; Баран, 1981, С. 95).

¹⁰ Эти и другие упомянутые в статье находки из раскопок Р.И. Ветштейн (1964—1967 гг.) и Т.А. Яковишиной (1970 г.) хранятся в фондах ИА НАНУ.

¹¹ По обломкам ольвийских ваз количество ручек на них можно реконструировать только по аналогиям. Последние два автора считают их двуручными, так как ближайшую аналогию видят в провинциальных дву-

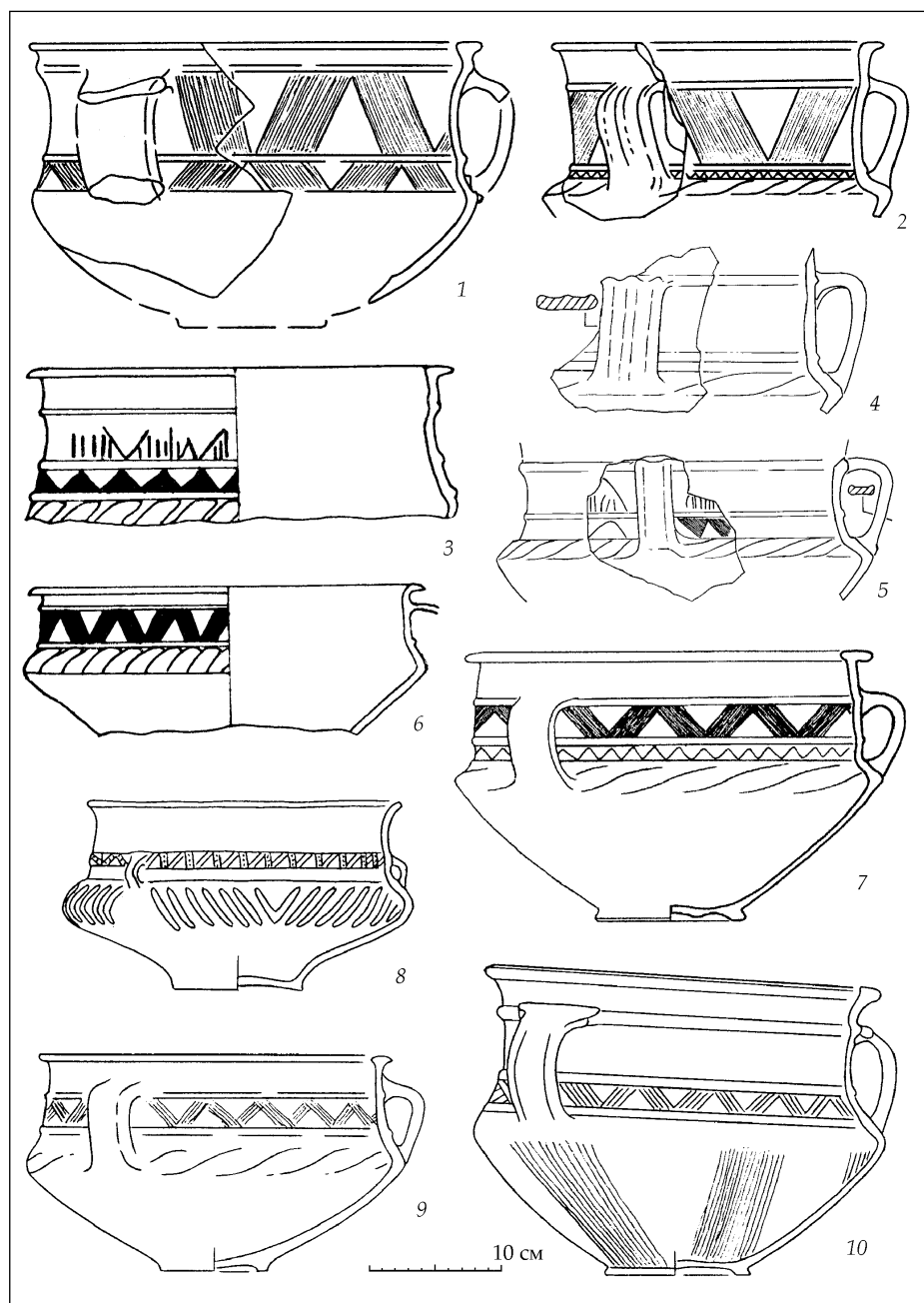

Рис. 1. Вазы «ольвийского» типа: 1–6 — Ольвия (полевые шифры находок из цитадели: 1 — 70/1225; 2 — 64/213; 4 — 65/54; 5 — 66/410; 3, 6 — по А.В. Гудковой и В.В. Крапивиной); 7 — Лазо; 8 — Городок; 9 — Каменка-Анчекрак; 10 — Нестоита

21) (рис. 1, 1–6). По нашей классификации черняховской керамики они принадлежат к вазам группы II, к «ольвийскому» типу, который отличается низким креплением ручек (ниже венчика); шейка часто украшена пролощенным зигзагом, боцек — каннелюрами (Магомедов, Левада, 1994; Магомедов, 2001, С. 49–50). Типологически наиболее ранние лепные экземпляры происходят

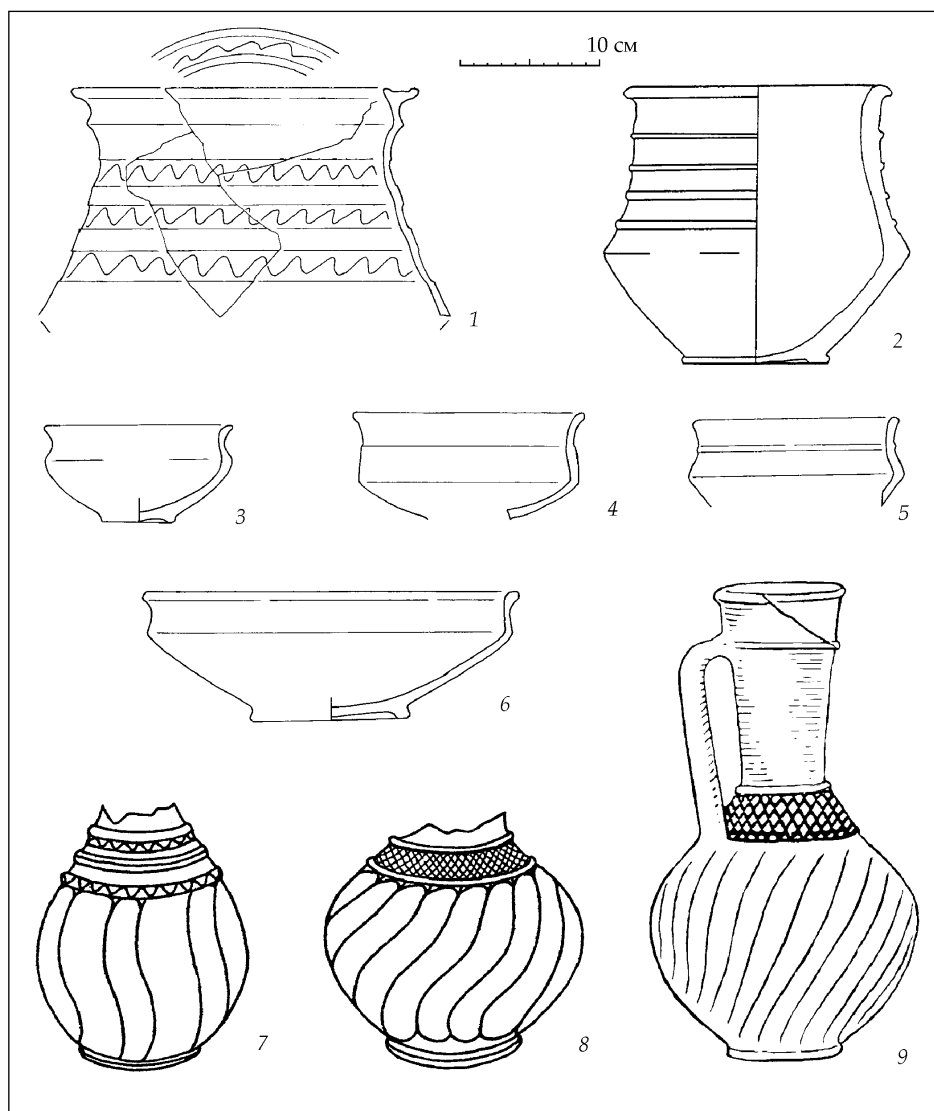
ручных сосудах «несколько иного облика» из Нижней Паннонии (Гудкова, Крапивина, 1990, С. 8). Думаю, единство даже в деталях оформления у обломков из Ольвии и у целых трехручных ваз с черняховских памятников достаточно очевидно. Хотя среди многих десятков трехручных посуды известны единичные экземпляры с двумя ручками и даже с пятью (Федоров, Рошаль, 1979, рис. 2, 3, 4; Левинский, 1999, С. 133, рис. 12, 5).

из могильников Городок на Южном Буге (погребение 3, первая половина — середина IV в.: Магомедов, 1979а, рис. 2, 17) (рис. 1, 8) и Компанийцы на Днепре¹². Сосуды, изготовленные на гончарном круте, сосредоточены между Бутским и Тилигульским лиманами (Каменка-Анчекрак, Коблево, Луговое — 2 экз.: Магомедов, 1991, рис. 10, 1; Сымонович 1979. рис. 10, 9; Магомедов, 2001, рис. 39, 4; Магомедов, Гудим-Левкович, 2003, рис. 8, 1–4), встречаются на Нижнем Днепре и в Поднестровье (Сымонович, 1964, рис. 23, 9; Козлов, 1989, рис. 3; Левинский, 1999, рис. 35, 5) (рис. 1, 7, 9, 10). Датированные комплексы относятся ко второй половине IV — началу V вв. Другие типы черняховских ваз в Ольвии редки.

¹² Раскопки Е.В. Махно (Магомедов, 2001, рис. 38, 3).

Рис. 2. 1, 3–6 — серолощенная керамика из Ольвийской цитадели (полевые шифры: 1 — 65/724; 3 — 70/116; 4 — 65/720; 5 — 64/316; 6 — 67/224); 2 — Жовнин; 7–9 — кувшины типа 13а, «ольвийской» разновидности: 7, 8 — Ольвия (по А.В. Гудковой и В.В. Крапивинной); 9 — Данилова Балка

Из Ольвии происходят также обломки двух экземпляров узкогорлых кувшинов со сферическим туловом, сплошь покрытым косыми каннелюрами (Гудкова, Крапивина, 1988, рис. 3, 13–14) (рис. 2, 7, 8). Эти сосуды входят в «ольвийскую» разновидность черняховского типа 13а, который датируется в основном гуннским временем (последняя четверть IV — начало V вв.) (Магомедов, 2001, С. 52–53). Большинство находок сосредоточено между Бутским и Тилигульским лиманами (Каборга, Каменка-Анчекрак, Луговое: Магомедов, 1979, табл. I, 29; 2001, рис. 48, 3; Магомедов, Гудим-Левкович, 2003, С. 37), один экземпляр встречен выше по Бугу, в Кировоградской области (Сымонович, 1964, рис. 23, 10) (рис. 2, 9). Судя по концентрации находок, предполагаем, что вазы и кувшины «ольвийских» типов могли производиться в гончарных мастерских города. Еще один вид столовой посуды найден на Цитадели — имитация деревянного ведра или жбана (рис. 2, 1). Типологически ранний, более близкий к прототипу сосуд (с изображениями металлических петель и обручей) найден на могильнике Каборга; чаще

встречается упрощенный вариант, оформленный только рельефными «обручами» (Магомедов, 2001, С. 58) (рис. 2, 2). Такое же, как на ольвийском экземпляре, оформление венчика (горизонтальный, украшен зигзагом) встречается на трехручных, мисковидных и горшковидных вазах.

Для черняховской культуры характерен особый тип пифосов (корчаг), украшенных рельефными валиками с вдавлениями или с косой насечкой (тип 2). Они имеют узкое распространение, в отличие от сосудов типа 1 (украшены прочерченной многорядной волной или линией и практически повторяют изделия из дунайских провинций Рима). Находки сосудов типа 2 концентрируются в Причерноморье между Дунаем и Днепром, отдельные фрагменты встречаются и в лесостепной зоне (Сымонович, 1956; Магомедов, 2001, С. 56). В Ольвии обломки корчаг обоих типов найдены на Цитадели в одном слое с другими видами черняховской керамики, с упомянутыми фибулами и с антонинианом Деция (249–251 гг.) (Штительман, 1952, табл. XLVI, 1–3). Корчаги типа 2 зафиксированы также в

Нижнем городе (участки НГ и НГЦ). В первом случае вместе с характерным венчиком пифоса найдена верхняя часть амфоры типа Зеест 100 (они же тип «Делакеу», IV в., скорее вторая половина), а также биконический серолощенный кувшин (Славин, 1940, С. 77, рис. 57, 58, 61; Гудкова, Крапивина, 1988, рис. 3, 16). Последний по своим пропорциям относится к черняховскому типу 9, а в сочетании с орнаментальной композицией имеет прямую аналогию на черняховском могильнике Тыргшор в Румынии и прототипы на Боспоре¹³ (Магомедов, 2001, С. 51; Diaconu, 1965, pl. CXXXII, 1; Корпусова, 1971, С. 75—82, рис. 3, 9—11, 13, 14). На участке НГЦ в позднейшем «постантичном» слое лежал развал пифоса типа 2, фрагменты позднеримских амфор «с поднятыми ручками», типов Зеест 100 и 104 (тип Шелов Е., конец IV — первая половина V вв.) (Лейпунская, 1988, С. 78—79). Авторы обеих публикаций, Л.М. Славин и Н.А. Лейпунская, датируют корчаги с валиками «не ранее второй половины III вв.», т. е. временем черняховской культуры. Известны и другие находки таких корчаг (Гудкова, Крапивина, 1988, рис. 5, 25, 26).

Кроме названных примеров, из поздних слоев города и окрести происходит большое количество черняховской посуды самых массовых форм — кухонных горшков и столовых мисок¹⁴. Горшки отличаются от похожей провинциальной продукции важной деталью, связанной с технологией производства. Поскольку их делали в ленточной (или жгутовой) технике на медленном гончарном круте, нижняя часть сформованного сосуда оставалась слишком массивной. Вращая круг, «лишнюю» глину срезали ножом. Для черняховской кухонной посуды характерны четкие следы этой операции на придонной части сосуда в виде горизонтальных бороздок, оставленных под ножом крупными зёрнами примеси-отошителя. Кухонные горшки провинциального происхождения, изготовленные по более прогрессивной технологии (вытянутые из одного куска глины на быстром круте), подобных следов не имеют. В той же античной традиции изготавливалась ольвийская кухонная посуда раннеримского времени и трудно предположить, что часть местных гончаров могла перейти на более низкий (и менее производительный) технологический уровень.

Среди черняховской посуды выступают две основные формы биконических мисок: «откры-

того типа» (рис. 2, 3, 6) и глубокие «закрытого типа» (рис. 2, 4, 5). Если первая форма («с S-видным профилем») встречается и среди изделий римских провинций, то глубокие биконические миски с характерным черняховским декором (профилировка валиками, каннелюрами или срезами, пролощенный фриз из зигзага, треугольников или сетки) в Северном Причерноморье связаны именно с этой культурой.

Перечисленные виды черняховской керамики, будучи «культуроопределяющими», являются одновременно и датирующими в рамках существования культуры (середина III — начало V вв.), а учитывая распространение некоторых типов на позднем ее этапе, и в более узких рамках. Фрагменты таких сосудов, тем более при сочетании нескольких находок, позволяют достаточно надежно относить закрытый комплекс или стратиграфический горизонт позднеантичного памятника к «черняховскому» («готскому», «постантичному») времени.

Находки черняховской керамики зафиксированы на ряде поселений ольвийской хоры римского времени, названных в начале этой статьи. Из этих памятников лучше других изучено городище Козырка, где А.В. Бураков проводил раскопки в 1954—1967 гг. (Бураков, 1976). На вскрытом участке городища удалось выявить остатки первого строительного горизонта (конец I в. до н. э. — середина II в. н. э.) и основную застройку второго горизонта (до середины III в.). В предварительной публикации работ за 1954—1959 гг. исследователь описал и самый поздний, третий строительный горизонт, который включает остатки каменных построек, не связанных с античной планировкой городища. В этом слое представлена в основном серолощенная керамика (Бураков, 1962, С. 80). Явно к третьему горизонту относится и полуземлянка № 1 (размеры 4,5 × 3 м), вкопанная в культурный слой на глубину 0,6 м ниже вымостки двора дома № 8. Заполнение изобиловало находками сероглиняной керамики¹⁵. А.В. Бураков отметил: «По техническим приемам изготовления, по формам и орнаменту эта посуда очень близка керамике полей погребений черняховского типа» (Бураков, 1976, С. 46). Подобные находки, стратиграфически поздние, встречались и в других объектах, и в слое. Среди сероглиняной посуды с лощением около 50 % составляют фрагменты биконических мисок (Бураков, 1976, С. 92—94).

К третьему, черняховскому, горизонту относятся самые поздние находки, имеющиеся в коллекции из раскопок Козырки: обломки, в

¹³ Можно предположить, что распространение этих сосудов связано с продвижением групп сармато-алан из Приазовья на Дунай в гуннское время.

¹⁴ Л.М. Славин справедливо связывал находки черняховской керамики (в частности на ольвийской Цитадели) с присутствием «населения, переселившегося в Причерноморье из более северных районов нашей страны» (Славин, 1952, С. 40).

¹⁵ На черняховский материал в заполнении этой землянки мое внимание обратил В.М. Отрешко, который участвовал в экспедиции А.В. Буракова 1965 года на Козырке в качестве ленинградского школьника-кружковца.

т. ч. 9 донышек, от светлоглиняных амфор типа Шелов F (IV в.) и донышко амфоры типа Зеест 95 (характерная бурая глина с примесью слюды; появляются с середины IV в.) (Шелов, 1978, Сазанов, 1992). При этом в коллекции отсутствуют фрагменты красноглиняных амфор типа Зеест 100, хорошо представленные практически на всех черняховских поселениях черноморского побережья. Их появление А.В. Сазанов относит к 360—380 гг. (Сазанов, 1989, С. 50—51). Таким образом, предполагаем, что черняховское население обитало на Козырьском городище со второй половины, или вероятнее с конца III в. и покинуло его в третьей четверти IV в.

Сероглиняную керамику Козырки изучала А.В. Гудкова, которая продатиrowала находки из объектов первого и второго горизонтов в основном по А.В. Буракову (до 30-х годов III в.), а третий горизонт (приуроченный к черноземному слою грунта) отнесла ко времени начиная от конца III в. и позже. Допускается возможность существования и незначительного четвертого горизонта, связанного с появлением носителей черняховской культуры (к нему предположительно отнесена полуземлянка № 1, но керамика из нее в публикации отдельно не фигурирует) (Gudkova, 1999)¹⁶. Сероглиняную посуду городища автор разделяет на две группы. Первая — это продукция античных мастерских, распространенная в Ольвии и Тире (в основном миски с загнутым внутрь краем, кувшины со сливом). Вторая группа включает столовую и кухонную керамику и «практически не отличима от черняховской посуды», хотя появляется более чем на полтора века раньше — в конце I в. н. э.¹⁷ Известна она и на других поселениях ольвийской периферии (а также в окружении Тире — Молога, Веселое), но автор никак не связывает ее с подобной керамикой из городов. В качестве рабочей гипотезы предполагается, что этот «проточерняховский» керамический комплекс сложился в отдаленных центрах на северо-западе (севернее Карпат или в Прибалтике) и проник оттуда в Причерноморье вместе с новым населением (Гудкова, 1999, С. 269—271; Gudkova, 1999, S. 151—154; Гудкова, Малюкевич, 1999, С. 16—17).

По нашему мнению, выделение группы «проточерняховской» керамики является недоразумением. Керамика второй группы из Козырки действительно неотличима от черняховской, потому что таковой и является. Вся она связана с третьим, черняховским слоем городища, к

которому относятся и те находки, которые по разным причинам попали в заполнение помещений ранних строительных горизонтов. Вся керамика черняховского типа, обнаруженная и на прочих позднеантичных памятниках Северного Причерноморья, при строгом подходе, не встречается в комплексах, которые можно было бы датировать вне хронологических рамок черняховской культуры (вторая половина III — начало V в.). Показательно, что такая посуда отсутствует среди инвентаря погребений раннеримского времени (Гудкова, 1999, С. 270).

Гипотеза о существовании не открытого до сих пор ремесленного центра, где в I веке н. э. могли бы производиться все группы гончарной посуды черняховского типа, реальных оснований не имеет. В основе «культуроопределяющих» форм, орнаментов, пластичного декора черняховского керамического комплекса лежат лепные изделия (вазы, биконические миски, кувшины, кружки, кубки) вельбарской и пшеворской культур (Магомедов, 2001, С. 45—62), население которых в раннеримское время не было знакомо с гончарным крутом. Прототипы для некоторых черняховских форм можно найти среди продукции пограничных провинций по Нижнему и Среднему Дунаю, в частности для кухонных горшков и корчаг типа 1 (Магомедов, 2001, С. 46, 56). Производство столовой серолощеной посуды в I—II вв. было там невелико и заметно возрастает лишь к концу IV в., что большинство европейских исследователей связывает с миграцией населения с юга Восточной Европы, т. е. с территории черняховской культуры (Вагалински, 2002, С. 8—38). В провинциях Нижнего Дуная среди ранних изделий к черняховским формам приближаются отдельные типы мисок (Вагалински, 2002, С. 111—114, № 181—183, 200—201). Профили, близкие «открытым» мискам, бытовали также среди красноглиняных изделий (Popilian, 1976, Pl. LXX, 858—866). В основе некоторых типов черняховских кувшинов просматриваются провинциальные пропорции. Таким образом, формы определенных видов массовой римской керамики были восприняты черняховскими мастерами и творчески переработаны в соответствии с местными вкусами. Для столовой посуды — прежде всего, путем приближения профиля сосуда к привычным биконическим формам.

* * *

Однако вернемся к историческим событиям, последовавшим за периодом Скифских (Готских) войн и разгромом Ольвийского государства. Нам они представляются так. Заселение Северо-Западного Причерноморья черняховскими племенами происходит постепенно, начиная с конца III в. (примерно с этого времени начинает функционировать наиболее ранний могильник

¹⁶ В раннем варианте статьи автор выделяла три горизонта и всю керамику из третьего (вторая половина III — IV вв.) определяла как черняховскую (Гудкова, 1991).

¹⁷ «Феноменальной особенностью рассматриваемой керамики является практически полное совпадение ее форм с основными формами посуды черняховской культуры, как столовой, так и хозяйственной» (Гудкова, 2003, С. 62).

Каборга), но на большинстве памятников преобладают материалы второй половины IV — начала V в., т. е. гуннского времени. Захватчики нуждались в окультуренных пахотных землях, поэтому прежние сельские поселения исчезают. Их население частично влилось в варварские общины, в антропологическом составе которого появляется средиземноморский элемент (Рудич, 2003, С. 21). В Ольвии жизнь в это время сосредоточилась на Цитадели и в Нижнем городе (Крыжицкий, 1985, С. 167—168; Крыжицкий, Русяева, Крапивина и др., 1999, С. 325—329)¹⁸. Находясь в окружении варварских поселений, город не мог сохранять какую-либо самостоятельность, но под готским господством он возрождается как экономический и (возможно) политический центр. Сооружаются новые здания, работают ремесленные мастерские. Действует порт, который обслуживает не только приморскую округу, но и (как транзитный пункт) рынки дальних лесостепных областей. Об этническом составе населения в этот период красноречиво свидетельствуют данные антропологии: «В ольвийской серии фиксируется большое количество черепов с морфологическими формами, которые имеют параллели в черняховских могильниках Западной Украины, а также в Центральной и Западной Европе», «что, возможно, связано с движением готов» (Рудич, 2003, С. 7).

Какова была политическая роль Ольвии? Следы активной деятельности внутри Цитадели, в т. ч. производство оружия¹⁹, указывают, что крепость использовалась по прямому назначению (для неукрепленного поселения сельского типа городские развалины явно не пригодны). Оборонное значение имели и черняховские пункты, возникшие на местах старых римских укреплений: Мыс, Козырка, Петуховка-2, Старая Богдановка-1, Станислав-1. Новые городища-крепости были построены черняховским населением в ключевых точках древних сухопутных коммуникаций выше по Бугу (Городок) и восточнее, на Нижнем Ингульце (Александровка) (Магомедов, 1987а; 2001, С. 20). Такая плотная концентрация укрепленных пунктов на узком пространстве низовьев Буга—Днепра с большой вероятностью указывает на существование здесь ядра одного из раннегосударственных образований гуннского времени. Речь может идти о возникшем после распада готской «державы Германариха» королевстве Гезимунда, союзника гуннов (он же Хлед-Разрушитель из скандинавского эпоса) (Казанский, 1997,

С. 182; Магомедов, 2001, С. 144—145). В таком случае, выгодное расположение Ольвии, с портом и мощной цитаделью, предполагает размещение в ней военно-административного центра королевской власти²⁰. С этим предположением хорошо согласуется ольвийский клад с золотыми вещами гуннского времени (Ross, 1965, № 166). Конец готского периода истории Ольвии совпадает с финалом черняховской культуры, который наиболее реально наступил в 433 г. В этот год последние группы готов, основных носителей этой культуры, покинули земли Восточной Европы вместе с гуннами, когда их вождь Атилл перенес ставку из причерноморских степей в Паннонию.

* * *

Мы убеждены в том, что основываясь преимущественно на археологических материалах, создать точную реконструкцию конкретного фрагмента истории нельзя. Результатом таких попыток обычно становится более или менее правдоподобный «вариант реконструкции». Одним из перспективных путей к составлению более обоснованной, чем сегодня, картины последних этапов истории Ольвии, путей к выяснению характера взаимоотношений жителей города и его периферии с пришлым населением, является правильное определение и датировка *сероглиняной керамики* из памятников Нижнего Побужья. Возможности для этого содержатся прежде всего в материалах позднеантичных городищ и поселений, жизнь на которых продолжалась и после вторжения варваров в середине III в. Наличие на таких памятниках разновременных закрытых комплексов позволяет проследить динамику изменения состава «культуроопределяющих» находок, выявить возможность периода запустения и т. д. Важное значение приобретает исследование памятников периферии, верхние слои которых зачастую подвергались меньшим разрушениям, чем поверхность Ольвийского городища, и разновременный материал в них не так смешан.

Для достижения реальных результатов в дальнейшем изучении сероглиняной керамики римского времени попытаемся определить конкретные задачи.

1. Выявление и обработка закрытых комплексов с сероглиняной керамикой, особенно на памятниках периферии. Классификация этих комплексов в соответствии с наличием первой (античной) или второй (черняховской) групп посуды.

¹⁸ Предположение о том, что все оборонительные сооружения Ольвии к этому времени были разрушены, нам кажется не очень убедительным.

¹⁹ В мастерской, обнаруженной в 1952 г., найдены три законечника копий и дротика, а также коса, гвозди и много черняховской керамики (Книпович, Славин, 1955, С. 56—57; Штителъман, 1955).

²⁰ В отношении Тиры существует похожее предположение (по-моему, менее обоснованное) о том, что со времени Скифских войн этот город становится политическим центром варварской конфедерации и превращается позже в столичный центр раннегосударственного объединения визиготов-тервингов (Павленко, Сон, 1991, С. 6—16).

2. Уточнение круга «культуроопределяющих» форм керамики. Выявление типологических различий в близких формах посуды обеих групп.

3. Выявление типов античной сероглиняной посуды, синхронных с комплексами черняховского времени. Определение датирующих возможностей этих типов.

4. Технологические исследования сероглиняной керамики. Определение технологических различий античного и черняховского керамических комплексов.

Выполнение этой работы дает возможность выявить среди массового керамического материала надежно датированные типы посуды и затем четко разделить слои и объекты, относящиеся к римскому и черняховскому (или готскому) периодам Ольвии.

ЛИТЕРАТУРА:

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д1—30. — 111 с.

Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). — К., 1981. — 262 с.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). — К., 1991. — 161 с.

Буйских С.Б., Бураков А.В. Античне городище на мису між Березанським та Сосицьким лиманами // Археологія. — 1977. — Вип. 22. — С. 79—90.

Бураков А.В. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії // АП. — 1962. — Т. XI. — С. 49—96.

Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. — К., 1976. — 158 с.

Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 253—254.

Вагалински Л.Ф. Излъскана керамика от I — начало на VII век южно от Долен Дунав (България). — Sofia, 2002.

Ветштейн Р.И. Керамические мастерские Ольвии и их продукция. — К., 1950 // НА ИА НАНУ. Ф.12. — № 304.

Ветштейн Р.И. Серая лощеная керамика Ольвии первых веков нашей эры. — К., 1955. / НА ИА НАНУ. — Ф. 12. — № 376.

Виноградов Ю.А. Городище Станислав (основные итоги исследований 1982, 1988—91 гг.) // Археологічна збірка. — Херсон, 2002. — № 2. — С. 88—106.

Гребенников Ю.С., Гребенников В.Б., Магомедов Б.В. Черняховские могильники западного побережья Бутского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. — К., 1982. — С. 136—149.

Гудкова А.В. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991. — С. 122—131.

Гудкова А.В. I—IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus. — 1999. — № 4. — С. 235—404.

Гудкова А.В. Поздние скифы в Причерноморье (проблемы изучения) // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. — К., 2003. — С. 55—63.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // АДСП. — К., 1988. — С. 82—103.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. — К., 1990. (Препринт). — 48 с.

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. Сероглиняная кружалая керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н. э.) // Stratum plus. — 1999. — № 4. — С. 8—18.

Добровольский А.В. Древние земледельческие поселения по берегам Ингульца // ВОВК. — 1925. — Ч. 2, 3. — С. 77—79.

Добровольський А.В. Замлеробське поселення перших століть нашої ери на Інгульці // Археологія. — 1950. — № 3. — С. 167—175.

Гороховский Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. — 1985. — № 49. — С. 25—40.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. — 1960. — № 83.

Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III — первая половина IV в.) // ВДИ. — 2001. — № 1. — С. 132—138.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus. — СПб.; Кишинев, 1997. — С. 181—193.

Карышковский П.О. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. — 1968. — № 1. — С. 168—179.

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Основные результаты раскопок Ольвии в 1952 и 1953 гг. и задачи ее исследования в ближайшие годы // КСИА АН УССР. — 1955. — Вып. 4. — С. 55—57.

Козлов В.И. Охранные раскопки на черняховском могильнике в с. Нестоита Одесской обл. // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. — К., 1989. — С. 88—92.

Корпусова В.М. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я // Археологія. — 1971. — № 3. — С. 75—82.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э. — К., 1993. — 184 с.

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. — К., 1985. — 192 с.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990. — 136 с.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. — К., 1999. — 681 с.

Левинский А.Н. Лазо — могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове // Stratum plus. — 1999. — № 4. — С. 121—166.

Лейпунская Н.А. Предмесье первых веков нашей эры в Нижнем городе Ольвии // АДСП. — К., 1988. — С. 71—82.

Лейпунская Н.А. Детское погребение III—IV вв. из Ольвии / Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья (памяти Н.П. Сорокиной) // Труды ГИМ. — М., 2006. — Вып. 159. — С. 183—188.

Магомедов Б.В. Новый черняховский памятник на Березанском лимане // АО 1973 г. — М., 1974. — С. 302.

Магомедов Б.В. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. — К., 1977. — С. 111—123.

Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. — М., 1979. — С. 24—62.

Магомедов Б.В. Могильник у городища Городок на Южном Буге // ПДКСП. — К., 1979а. — С. 105—114.

Магомедов Б.В. Ольвия и черняховская культура // ПИО: Тез. докл. семинара. — Парутино, 1985. — С. 47—49.

- Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. — К., 1987. — 109 с.
- Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э. — К., 1987а. — С. 26—41.
- Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. — К., 1991. (Препринт). — 48 с.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001. — 290 с.
- Магомедов Б.В. Могильник черняхівської культури Кам'янка-Анчекрак // Археологія давніх слов'ян. — К., 2004. — С. 131—164.
- Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. Поселение IV—V вв. у с. Луговое в Николаевской области // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. — К., 2003. — С. 32—44.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. Черняховские вазы «ольвийского» типа // Ольвия-200: Тез. докл. конф. — Николаев, 1994. — С. 80—82.
- Махно Е.В. Памятники черняховской культуры на территории УССР // МИА. — 1960. — № 82. — С. 9—83.
- Павленко Ю.В., Сон Н.О. Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візіготів // Археологія. — 1991. — № 2. — С. 6—16.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1986. — 191 с.
- Раевский К.А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра—Днестра в I тысячелетии н. э. // СА. — 1955. — Т. 23. — С. 250—276.
- Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. — М., 1975. — 336 с.
- Рудич Т.О. Антропологічний склад населення черняхівської культури Північного Причорномор'я // Археологія. — 2003. — № 4. — С. 19—31.
- Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. — 1989. — № 4. — С. 41—61.
- Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. — 1992. — Вып. 2. — С. 100—112.
- Синицын М.С. Древнее городище у хутора Петуховки Очаковского района Николаевской области по раскопкам 1940, 1949, 1950 гг. / НА ИА НАНУ. — 1950/116.
- Славин Л.М. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. — Т. 1. — К., 1940. — С. 9—82.
- Славин Л.М. Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1952 г. / НА ИА НАНУ. — 1952/10а.
- Славин Л.М. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце // КСИА АН УССР. — 1954. — Т. 3. — С. 49—59.
- Славин Л.М. Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 г. // КСИА АН УССР. — 1955. — Т. 4. — С. 35—36.
- Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). — К., 1975. — 208 с.
- Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии // ХКААМ. — М., 1976. — С. 202—248.
- Сымонович Э.А. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. — 1956. — Т. 26. — С. 262—270.
- Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики // МИА. — 1964. — № 116. — С. 270—361.
- Сымонович Е.О. Перший черняхівський могильник у Північному Причорномор'ї // Археологія. — 1966. — Т. XX. — С. 196—201.
- Сымонович Э.А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. — 1967. — № 139. — С. 205—237.
- Сымонович Э.А. Культуры римского времени и славяне // Berichte über den II. Internationale Kongreß für slawische Archäologie. — Berlin, 1973. — S. 123—134.
- Сымонович Э.А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. — М., 1979. — С. 63—111.
- Тиханова М.А. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. — Л., 1973. — С. 29—31.
- Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. Погребение IV в. н. э. у с. Сычавка // СА. — 1979. — № 2. — С. 265—270.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология // КСИА. — 1978. — Вып. 156. — С. 16—21.
- Штительман Ф.М. Отчет о раскопках участка «Л» в Ольвии в 1951—1952 гг. / НА ИА НАНУ. — 1952/10.
- Штительман Ф.М. Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии // КСИА УССР. — 1955. — Вып. 4. — С. 62—63.
- Diaconu Gh. Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV e. n. — Bucureşti, 1965.
- Gudkova A.V. Die grautonige Keramik der Siedlung von Kozyrka in der Umgebung von Olbia (Zum Problem der Protočernjachov-Keramik) // Die Sîntana de Mureş—Černjachov-Kultur. — Bonn, 1999. — S. 143—154.
- Hayes J.W. Late Roman Pottery. — London, 1972.
- Popilian G. Ceramica romana din Oltenia. — Craiova, 1976.
- Ross M. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. — Vol. II: Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. — Washington, 1965.

ОБ ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НАДПИСЕЙ ОЛЬВИИ

Эпиграфические памятники Ольвии Понтийской, так же как и других античных центров, включают в себя лапидарные надписи и граффити. Граффити Ольвии разнообразны, многочисленны и в целом являются предметом специального исследования. В данной работе приводится характеристика только лапидарных надписей из Ольвии. Они хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Николаева, Херсона и в Национальном историко-археологическом заповеднике «Ольвия» НАН Украины.

Большая часть ольвийских надписей была издана в двух фундаментальных трудах. Один из них опубликован В.В. Латышевым в 1916 г. в Петрограде (IOSPE — Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini, Graecae et Latinae) и посвящен всем известным тогда надписям Северного Причерноморья. В него входят 311 надписей, связанных с Ольвией (IOSPE, I²) и найденных в Ольвии (большинство) и ее окрестностях вплоть до Очакова (IOSPE, I², 39, 44, 79, 80, 86, др.), на о. Березань (IOSPE, I², 39, 135), на о. Левка (IOSPE, I², 325, 326), а также других местах, включая Херсонес (например IOSPE, I², 21) и даже Турцию (IOSPE, I², 24). Небольшая часть надписей известна издателю только по публикациям. Однако большая их часть найдена при раскопках, автор указывает их годы: 1847, 1848, 1862, 1866, 1873, 1875, 1879, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1888, 1891, 1900. Как мы видим, особенно интенсивно Ольвия копалась в 80-е годы XIX в. Обычно это хищнические раскопки, которые проводились на графских землях (городище и часть некрополя) и на крестьянских наделах (северная часть некрополя). Копали как владельцы земли, так и грабители, и даже путешественники (Тункина, 2001, С. 43; Крапивина, 2001, С. 5–6). Часть надписей поступила в библиотеку Санкт-Петербурга из с. Стольное Черниговской губернии, имения графа И.Г. Кушелева-Безбородко. Он был первым владельцем земель, на которых находилась Ольвия. Около середины XIX в. научные раскопки Ольвии проводил граф А.С. Уваров, в 1870 г. — М. Аркас и Ф. Брун, в 1873 г. — И.Е. Забелин и В.Г. Тизенгаузен (Крыжицкий, 1985, С. 19–21). Раскопки сначала некрополя, а

затем городища Ольвии, с начала XX в. связаны с Б.В. Фармаковским. Он фактически был первым, кто поставил работы в Ольвии на высокий научный уровень.

Итак, надписи, выявленные в Ольвии, датируются в пределах V в. до н. э. — 248 г. н. э. Это декреты (decreta) — 61, посвятельные надписи (tituli dedicatorii) — 97 (из них посвящений Аполлону Простату — 48, Гермесу Агорею — 2, Ахиллу Понтарху — 29), почетные надписи (tituli honorarii) — 15, Catalogi — 1, tituli memorials — 6, надгробия (tituli sepulcrales) — 31, Varia — 86, Addenda et corrigenda — 4.

Декреты распределяются по векам таким образом: один — датируется V в. до н. э. (№ 20), пять — IV в. до н. э. (№ 21–25), девять — III в. до н. э. (№ 26–32, 76, 77), два — III–II вв. до н. э. (№ 33, 78), пять — конца II–I вв. до н. э. (№ 34–37, 67), пять — I в. н. э. (№ 38–39, 69, 79), остальные (32) — вторая половина II — первая половина III вв. н. э. (№ 40–66, 68, 70–74).

Посвятельные надписи (tituli dedicatorii) датируются: пять — IV в. до н. э. (№ 164–166, 172, 178), две — IV–III вв. до н. э. (№ 196, 197), девять — III в. до н. э. (№ 159, 160, 163, 186–191), три — концом III — началом II вв. до н. э. (№ 179, 180, 198), четыре — I в. (№ 168, 176, 181, 182), девятю пять — только первых вв. н. э. (№ 80–158, 161, 162, 169, 170, 173–175, 177, 183–185, 192–194, 199, 200), две — латинские, III в. (№ 167, 171).

Каталог имен (№ 201) — III–II вв. до н. э.

Tituli memorials et sepulcrales датируются: тринадцать — V–IV вв. до н. э. (№ 208–219, 232), две — III–II вв. до н. э. (№ 220, 229), семнадцать — первыми вв. н. э., преимущественно II–III вв. (№ 202–207, 221–228, 230, 231, 233), пять — латинские, III в. н. э. (№ 234–238).

Итак, как мы видим, в целом наиболее многочисленны надписи первых веков нашей эры, особенно посвятельные II–III вв. н. э.

Второй фундаментальный труд по ольвийским надписям является фактическим продолжением первого. Это «Надписи Ольвии (1917–1965)». Книга издана в Ленинграде в 1968 г., под редакцией Т.Н. Книпович и Е.И. Леви. Она включает 183 надписи, часть из которых была издана ранее П.О. Карышковским, Т.Н. Книпо-

вич, Е.И. Леви, А.А. Белецким, А. Дложевским и другими исследователями.

Новые эпиграфические памятники этого свода, также охватывающие период V в. до н. э. — III в. н. э., существенно дополняют собрание IOSPE, I². Особое значение имеет группа почетных декретов и посвящений из раскопок теменоса и агоры, систематическое исследование которых ведется с 1946 г. Наряду с акрополем они были именно теми важными районами города, которые часто упоминаются в заключительной формулировке декретов как места, где надлежало выставить то или иное постановление.

Вполне естественно поэтому, что надписи теменоса и агоры составляют половину всех новых материалов «НО». В первом разделе собраны декреты, при этом серия проксений выделена в особую группу; во второй раздел входят строительные надписи, в третий — списки граждан. Посвятительные надписи объединены в четвертом разделе, в пятом — надгробия. Значительную часть сборника составляет шестой раздел — *Varia*, в котором помещены все мелкие обломки, в большей своей части не поддающиеся определению ни по содержанию, ни по времени. Однако публикация и этого материала, на первый взгляд, мало что дающего, имеет значение, потому что в дальнейшем часть фрагментарно дошедших надписей может совпасть с новыми обломками, как это уже имело место (№ 24 и др.). Кроме того, полный учет всего материала дает общее представление о количестве эпиграфических памятников Ольвии.

Первый раздел содержит 51 почетный декрет, из них более половины принадлежит проксениям (27). Две проксении дошли полностью, остальные — во фрагментах.

К V в. до н. э. относятся две проксении, к IV в. — тринадцать, к III в. — одиннадцать и ко II в. до н. э. — одна.

Наиболее ранней является проксения в честь Иетрокла, сына Гекатея, жителя Синопы, в которой крайне лаконично говорится о представлении Иетроклу и его потомкам ателии (НО, № 1). Краткость формулировки, орфографические особенности, характер письма позволяют датировать эту надпись первой половиной V в. до н. э. Она является не только наиболее ранней лапидарной надписью Северного Причерноморья, но и первым письменным свидетельством о контактах Ольвии с Синопой, хорошо засвидетельствованных для более позднего времени.

Группа почетных декретов, относящихся к первым векам нашей эры, насчитывает одиннадцать надписей, датируемых в основном II—III вв. Часть новых надписей происходит из раскопок на территории римской цитадели, которые производились после Великой Отечественной войны.

Второй раздел — крайне малочисленный — включает строительные надписи. В одной из них, относящейся ко времени Александра Севера, речь идет о восстановлении стены около неизвестных пока сооружений Раодмэя (№ 52). Сохранилось упоминание о постройке или ремонте здания, связанного с каким-то героем (№ 53).

В третий раздел включена только одна надпись, представляющая, безусловно, список граждан (№ 54). Не исключено, однако, что крайне фрагментарно дошедшие надписи, такие как, например, № 128 из раздела *Varia*, также являлись подобными списками имен.

Большая группа посвячительных надписей объединена в четвертом разделе. Из них 21 относится к догетскому периоду и 19 — к первым векам нашей эры.

Особую группу составляет серия посвящений Аполлону Дельфинию, датируемых в пределах V в. до н. э. Среди посвячительных надписей первых веков нашей эры выделяется группа посвящений Аполлону Простату от коллегии стратегов II—III вв. (№ 78—85). Новые посвящения пополняют серию надписей, изданных В.В. Латышевым, указывая еще раз на большую роль культа Аполлона Простата в Ольвии в первые века нашей эры.

Несколько посвячительных надписей сделаны Ахиллу Понтарху. Среди посвящений Ахиллу выделяется найденная в 1964 г. на о. Березань мраморная плита с посвящением Ахиллу Герою (№ 90).

В пятом разделе помещены надгробия; количество их крайне незначительно — всего 7. Для Ольвии вообще — в отличие от Боспора — характерно малое число надгробных памятников, и с этой точки зрения новые надписи заслуживают особого внимания (НО, с. 11). Наиболее ранняя из них датируется концом V — началом IV вв. до н. э. (№ 96). К III в. до н. э. относится надгробие афинянина Аркефона (№ 98), ко II в. до н. э. — жителя Синопы (№ 101). Особое значение имеет эпитафия с упоминанием жителей Аполлонии Понтийской (№ 99).

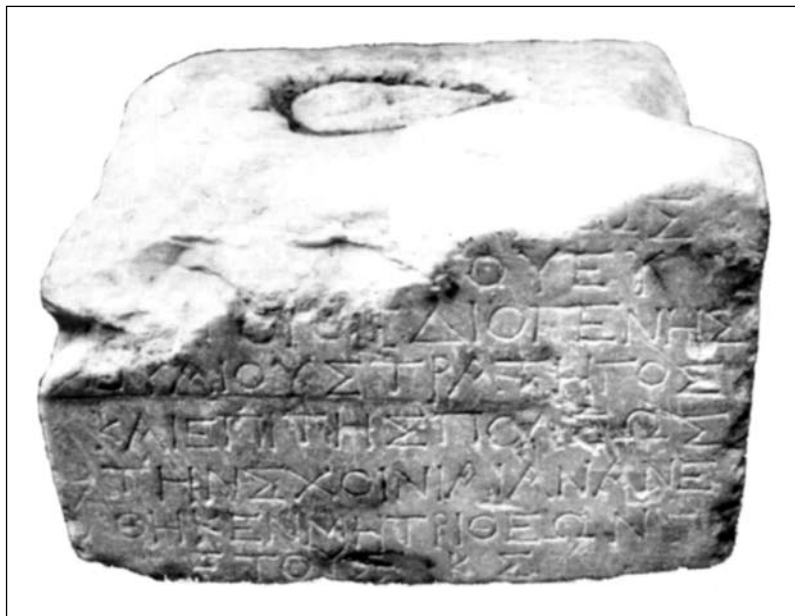
Раздел *Varia* включает 60 фрагментов: к догетскому периоду относится 32 надписи, к первым векам нашей эры — 15, не определены — 13. Некоторые из них предположительно отнесены к разделам почетных декретов и посвящений.

В довольно содержательный раздел *Addenda* входят надписи, поступившие после того, как сборник был уже подготовлен к печати. Среди них выделяется надпись № 168 конца IV — начала III вв. до н. э., аналогичная по содержанию посвящению гевресибиастов, и № 167 — V в. до н. э. с посвящением Аполлону, вероятно, Аполлону Дельфинию.

В целом отметим, что в этой работе, в отличие от предыдущей, преобладают надписи

Рис. 1. Ольвия. Постамент времени Митридата VI Евпатора с посвящением Диогена, сына Тиэя Матери богов

догетского времени, особенно IV—III вв. до н. э. Это обусловлено местом их находки — район теменоса и агоры, расцвет которых приходится именно на это время.

В 1996 г. в Женеве издана работа Л. Дюбуа «Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont», в которой проведен анализ 110 различных надписей и граффити (Dubois, 1996).

Позднее подготовкой корпуса надписей из Ольвии занимался Ю.Г. Виноградов, им же издана часть из них. К сожалению, эта работа осталась незавершенной вследствие безвременной кончины автора. Отдельные публикации по ольвийским надписям в свое время были сделаны А.А. Белецким, П.О. Карышковским, В.П. Яйленко, А.И. Иванчиком, А.С. Русяевой, Н.А. Лейпунской, Ю.И. Козуб и В.М. Зубарем, В.В. Крапивиной и П.Д. Диатропцовым¹. Однако значительная часть надписей, найденных за последние 40 лет, все еще не издана. Их количество составляет не менее 100 и каждый год раскопок в Ольвии увеличивает его. В настоящее время созданием корпуса ольвийских надписей занимается А.И. Иванчик.

Самая ранняя лапидарная надпись из Ольвии все еще не издана. Она сделана на известняковой плите, сохранилась полностью, но читается с трудом из-за плохого качества камня. Датируется концом VI в. до н. э. и, по определению Ю.Г. Виноградова, представляет собой надгробную эпитафию. Самые поздние надписи из Ольвии — это две латинские, датируемые 248—250 гг. н. э. Жизнь в Ольвии продолжается до начала последней четверти IV в. н. э., однако

эпиграфические документы этого времени пока не обнаружены.

В отличие от греческих надписей, которые достаточно многочисленны именно для периода второй половины II — первой половины III вв. н. э., латинские надписи, обнаруженные в ходе многолетних раскопок Ольвии, представлены небольшим количеством (всего 19): восемнадцать лапидарных надписей и фрагмент военного диплома на бронзовой пластине. До недавнего времени они ограничивались 10 лапидарными надписями, изданными еще В.В. Латышевым (IOSPE, I², 167, 171, 234, 235, 236, 237, 238, 322, 323, 324). Семь надписей изданы в последние несколько лет (Зубарь, Крапивина, 1999. С. 76—83; Зубар, Козуб, 2002, С. 102—109; 2004, С. 23—32; Zubar, Kozub, 2002a, P. 199—210; Иванчик, Крапивина 2007, С. 66—83), одна — крайне фрагментарная, пока не издана, так же, как и одно надгробие. Из 19 надписей — 11 — это надгробия, 1 — строительная надпись, 1 — алтарь, 3 — плитки с посвящениями, 2 — Varia, 1 — фрагмент военного диплома. Все они связаны с присутствием в городе римских военнослужащих и их семей, а не, собственно, граждан Ольвии. Поэтому они в большей или меньшей степени характеризуют взаимоотношения Ольвии с Римом и отражают особенности пребывания здесь римского гарнизона (Krapivina, 2007, P. 602).

Анализ условий находки преобладающего количества надписей показывает, что обычно они найдены не *in situ*, а в случайном положении. Например, на некрополе практически ни одно из надгробий не связано со своим погребением. Так, надгробия римских легионеров найдены либо в стороне от погребений (одно — в грунтовой дороге на некрополе), либо в закладе другого погребения. В целом большее количество

¹ Рассмотрение всех статей по надписям Ольвии не входит в задачи данной статьи. Характеристика надписей дана только по двум существующим корпусам этих надписей — IOSPE и HO.

во разновременных надписей найдено на восточном теменосе и агоре, а также на территории римской цитадели (или акрополе). В частности, в последние годы во время раскопок в юго-восточной части цитадели Ольвии были найдены как греческие, так и латинские надписи, датирующиеся от конца VI в. до н. э. до середины III в. н. э. Система в их расположении не прослеживается. Как правило, они вторично использованы в более поздних строениях. В связи с тем, что в римское время Ольвия занимала только южную треть своей прежней территории, туда, на новое строительство, и был взят камень, в том числе с надписями, из центральной и северной части бывшего города.

Таким образом, ольвийские лапидарные надписи чаще всего были найдены в перемещенном состоянии, которое не характеризует время их первичного бытования. Поэтому большее значение имеет не контекст находки надписи, а контекст общей истории Ольвии, восстанавливаемый в основном по всей совокупности археологических источников.

Например, в 2002 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии на территории цитадели римского времени был найден постамент белого мрамора (рис. 1). Он был вторично использован в засыпи под уровни глинобитного пола помещения, датирующегося I в. н. э. Надпись гласит: «При царе Митридате Евпаторе Диоген, сын Тиэя, стратег и градоначальник, куртину городской стены посвятил Матери богов в год 220» (78/77 г. до н. э.) (Крапивина, Диатроптов, 2005, С. 67–73; Krapivina, Diatroptov, 2005a. P. 167–180). Это вторая надпись из Ольвии, связываемая с Митридатом VI Евпатром. Первая — декрет в честь амисенского кибернета (конец II — начало I вв. до н. э. — IOSPE, I², № 35; Виноградов, 1989. С. 251, 254).

Мы можем констатировать, что в последнее десятилетие II в. до н. э. Ольвия находилась в глубоком экономическом и политическом кризисе. Постоянные набеги варваров заставляют обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору. Первоначально присланного гарнизона оказывается недостаточно, и повторное посольство ольвиополитов приводит к увеличению численности гарнизона, обеспечение которого осуществляется Митридатом.

Усиленный таким образом гарнизон принял работы по укреплению оборонительных сооружений города, о чем свидетельствует публикуемая надпись наместника Митридата Евпатра. Своими силами ольвиополиты, вероятно, сделать этого уже не могли. При этом были разобраны полуразрушенные сооружения центрального теменоса Ольвии. В результате этого, архитектурные детали, а также массивные постаменты статуй с посвящениями Апол-

лону Дельфинию, Зевсу Олимпийскому, Зевсу Элевтерику, Всем богам — оказываются вторично использованными для укрепления оборонительной стены на центральной возвышенности Ольвии. Прекращение функционирования и частичное разрушение теменоса датируется второй половиной II в. до н. э., однако разобран и использован при сооружении стены он был позднее, в первые два десятилетия I в. до н. э., точнее до 77 г. до н. э.

В целом невозможно переоценить значение лапидарной эпиграфики для изучения античной истории, в том числе и Ольвии. Оно, безусловно, очень велико. Лапидарные надписи в сочетании с археологическим материалом помогли воссоздать некоторые страницы истории этого древнего города, просуществовавшего почти тысячу лет на краю ойкумены и оказавшего значительное влияние на окружающих варваров.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. — М., 1989. — 288 с.
- Зубар В.М., Козуб Ю.І. Нова епітафія римського легіонера з Ольвії // Археологія. — 2002. — № 2. — С. 102–109.
- Зубар В.М., Козуб Ю.І. Нові надгробки з латинськими епітафіями з Ольвії // Археологія. — 2004. — № 3. — С. 23–32.
- Зубарь В.М., Крапивина В.В. О римском гарнизоне Ольвии в середине III в. н. э. // Vita Antiqua. — 1999. — № 2. — С. 76–83.
- Иванчик А.И., Крапивина В.В. Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиева Мезийского флота // Древности Северного Причерноморья в античное время (МАИЭТ; Supplementum). — Симферополь, 2007. — Вып. 4. — С. 66–83.
- Крапивина В.В. Ольвія: проблеми охорони та археологічні дослідження // Археологія. — 2001. — № 4. — С. 4–19.
- Крапивина В.В., Диатроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатра из Ольвии // ВДИ. — 2005. — № 1. — С. 67–73.
- Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. — К., 1985. — 192 с.
- Лейтунська Н.О. Новий напис з Ольвії // Археологія. — 1990. — № 3. — С. 117–122.
- Надписи Ольвии (1917–1965) / под редакцией Т.Н. Книпович и Е.И. Леви. — Л., 1968. — 132 с.
- Тункина И.В. К истории изучения Ольвии в первой трети XIX в. // Археологія. — 2001. — № 4. — С. 35–50.
- Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. — Genève, 1996. — 208 p.
- Krapivina V.V. Olbia Pontica in the III–IV centuries A. D. // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. — Oxford, 2007. — P. 591–626.
- Krapavina V., Diatroptov P. An Inscription of Mithradates VI Eupator's Governor from Olbia // ACSS. — 2005a. — Vol. 11. — No. 3–4. — P. 167–180.
- Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae, I². — Petropolis, 1916.
- Zubar V.M., Kozub Yu.I. A New Tombstone with Latin Epitaph from Olbia // ACSS. — 2002a. — 8. — No. 3–4. — P. 199–210.

III

MEMORABILIA

(штрихи к портрету археолога)

1. CURRICULUM VITAE

(он о себе)

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

(фамилия, имя и отчество)

Автобиография составляется по произвольной форме, собственноручно, без поправок и исправлений. В автобиографии обязательно осветить в описательной форме год и место рождения и в какой семье, когда и в каких учебных заведениях учились, какое получили образование и специальность, указать, когда, где и в какой должности работали, причины перехода с должности на должность. Дать краткие сведения о Ваших близких родственниках (муже, жене, детях, отце, матери). Находились ли Вы под судом или следствием, где, когда, за что. Ваш домашний адрес.

ПОЛЕ ДЛЯ ПОДПИСВИ

Я, Отрешко Валерий Михайлович, родился 9 февраля 1949 г. в г. Троицкий Чечено-Ингушской АССР. Отец - Отрешко Михаил Андреевич - по профессии журналист. Мать - Отрешко Антонина Александровна - преподаватель русского языка и литературы. В 1953 г. вместе с родителями переехал в г. Кичинов, где в 1956 г. начал учиться в школе. В 1961 г. вместе с родителями переехал в Ленинград, где продолжал учиться в школе. В 1963 г. начал заниматься в Клубе юных археологов при Эрмитаже, а с 1964 года - участвовать в археологических экспедициях ЛОУА АН СССР. В 1966 г. вместе с родителями переехал в г. Киев, где окончил среднюю школу и в этом же году поступил на исторический ф-т Киевского гос. университета. С 1967 г. постепенно принимал участие в работе археологических экспедиций и в 1970 г. поступил на полевую работу в Институт археологии АН УССР на должность лаборанта. В 1971 г. начал проводить самостоятельные полевые исследования. В 1972 г. окончил Киевский гос. университет по специальности "история". В 1974 г. был переведен на должность мл. научного сотрудника. В 1975 г. был направлен на учебу в аспирантуру Института археологии АН УССР. После окончания аспирантуры вернулся из Москвы в Киев и продолжил работу в Институте археологии АН УССР на должности мл. научного сотрудника. За время своей археологической деятельности опубликовал свыше 20 научных работ, руководил работами Терридерийского отряда Ольвийской экспедиции.

Домашний адрес: Киев-166, пр. Ворошилова, 18, кв. 61. Т. 518-19-61

18 января 1983 г.

В. Отр.

с 30/X 70
до 10/II 70
28/X 70
СЗХ

Директору
Института Археологии
Академии Наук УССР
член-корреспонденту АН
УССР Шевченко Ф. П.
от Отрешко Валерия
Михайловича (адрес:
Киев-30, Тирогов. 5, кв. 7).

Заявление.

Прошу принять меня на работу в Институт
Археологии АН УССР на должность старшего
лаборанта отдела античной археологии.

Интересуюсь и занимаюсь археологией
4 лет. Являлся участником: 5-ти Ольвийских
экспедиций (1964, 1967-1970 гг.), 2-х экспедиций
на "Чайке" под Евпаторией (1964-1965 гг.), 2-х
экспедиций на Березани (1967-1968 гг.) и других.

В настоящее время учусь в Киевском
Гос. Университете на V курсе вечернего отде-
ления исторического факультета.

22/X-1970 г.

Отрешко

Отдел античной археологии прошу записать
от. Отрешко на должность старшего лаборанта
вместо уходящего из И-71 гв. Сошненко

Зав. отделом Швайт

22/X 70

«Я ИЩУ САМОГО СЕБЯ...» (Из дневников В.М. Отрешко 1960—1975 гг.)

1960 г.

...Чтобы я захотел, если бы все мои желания исполнялись?

Чтобы мы и Барановы переехали в один большой особняк с большим двором.

Чтобы нам отдали чердак в особняке.

Чтобы я стал грамотным, не учась в школе.

Чтобы на землю прилетели марсиане.

12 января 1960 г.

Айка показала ампулу с газом. Займусь алхимией.

13 января 1960 г.

Делаю опыты. Газ получаю.

14 января 1960 г.

Черт знает что творится! Газ получаю, а свойств у него нет. Незачем его делать что ли?

20 января 1960 г.

На газ плюнул.

4 ноября 1960 г.

Плохо вижу. Придется надеть очки. Завтра, наверное, будут закапывать в глаза атропин.

Чтобы я захотел, если бы все мои желания исполнялись?

Чтобы на земле был коммунизм.

Чтобы люди не умирали.

Чтобы у меня было хорошее зрение.

1964 г.

30 сентября 1964 г.

Тоскливо, не знаю что делать. Такое чувство, будто уходит время, которое я мог бы употребить куда лучшим образом.

«Надо спешить жить» — как говорил Н. Островский, а не разминивать время на мелочи. И в тоже время не знаю, что с ним делать. Я имею в виду, чтобы жить, ну как бы это сказать, не теряя времени даром.

Лето провел в экспедиции — моя мечта все-таки сбылась. Сначала собирался поехать с Эльзой Самуиловной Шарафутдиновой, но она через некоторое время решила, что я слишком легкомысленный, и она мне отказала. Я был зол

и взбешен. Она думала, я приду на следующий день с извинениями и попрошу взять меня обратно. Я не пришел. Не знаю, что она там думала обо мне, во всяком случае, она поступила..., в общем, не знаю как. Возможно, что я и сам был виноват. Это даже очень вероятно. Взял меня в экспедицию Александр Николаевич Карасев, на «Чайку», в Евпаторию.

С 9 июля по 2 сентября был в Евпатории, а затем до 17 сентября пробыл в Ольвии.

23 ноября 1964 г.

В школе дела не ахти. Уроков не делаю, все читаю книжки, а потому имею по геометрии, литературе и алгебре кучу троек.

Начал заниматься латынью.

Еще я *ищу самого себя*, занимаясь, в частности, таким вопросом: каким меня считают окружающие?

1965 г.

3 марта 1965 г.

После лета я сильно изменился. Сначала я думал, что это из-за урока Шарафутдиновой, потом, что я возомнил себя после экспедиции лучше, умнее и выше ребят из класса, затем, что просто из пижонства. Но когда я стал разбираться, то второе предположение отошло на последний план, так как я вовсе не считаю себя выше остальных, правда, мне не всегда с ними интересно, но выше их я себя не считаю. Остается первое и третье. Примесь пижонства есть, конечно, в моем поведении, но началось все с Эльзы. Сейчас это кажется для меня не так серьезно, но ведь это для меня сегодняшнего, а не вчерашнего.

12 марта 1965 г.

Сегодня мне к полвторого надо на завод: практика. Я вообще-то стал лентяем: не сделал орнамента по черчению, все только собираюсь, и не сделал доклада по археологии о Помпеев в КЮА¹. Не знаю, почему, по-видимому, слишком обленился.

¹ КЮА — клуб юных археологов (С. Б.).

17 мая 1965 г.

/.../ В воскресенье с Васенькой² небольшое соревнование произошло: он кроме античного Рима, в основном, и Греции, мало что знает, а я — совсем мало. По учебникам я ведь уже целый год не занимался, даже больше, и все забыл, как это ни печально. Я почти все-все забыл. В воскресенье хотел взять у Васи реванш на античной философии, но раздумал: философия мне сейчас ни к чему. Штудировать срочно авторов ради реванша у Васи глупо и бессмысленно. Мне сейчас надо:

- 1) Получить 1—2 пятерки по биологии;
- 2) В среду сдать несколько чертежей;
- 3) Закончить конспектирование греческого и законспектировать латинский учебник.

Затем, в конце мая — июне мне надо проработать и законспектировать:

- 1) Машкин «Древний Рим»;
- 2) Сергеев «Древняя Греция»;
- 3) *Scriptores Historiae Augustae*;
- 4) В.Д. Блаватский «Пантикапей»;
- 5) Г. Дэвис «Средневековая Европа»;
- 6) Саллюстий «Заговор Катилины»;
- 7) Т. Ливий «Р. история от основания города»;
- 8) «Древнегреческие материалисты»;
- 9) Аристотель «Политика», «Афинская политика»;
- 10) Сенека «Моралистические сочинения»;
- 11) Марк Аврелий «Наедине с собой»;
- 12) Эпиктет «Афоризмы».

Я думаю, что на июнь мне этого хватит. Если не хватит, план перевыполним за счет статей о подводной археологии. Надо будет еще составить расписание дня, режим.

18 мая 1965 г.

Сейчас урок биологии, но писать биологию неохота, предпочитаю дневник. Еще две физики впереди. Я сейчас думаю, может, мне после среды взяться за философов и поспорить-таки с Васей. Но греческий, греческий... Я не знаю, на что мне приналеж сейчас. С одной стороны, мне сейчас надо приналеж на языки, с другой, за эти 3—4 дня я могу законспектировать почти всех философов, в то время как с языками мне лучше поднажать после 28 мая — у меня будет почти целый день свободный, а так меня каждые 15 минут будут отрывать от дела. В общем, я не знаю что делать, что мне выгоднее... к тому же надо бы разделаться с Васей... /.../

5 июня 1965 г.

Уроки кончились, сейчас практика. Сегодня суббота. Эту неделю работал на заводе, с 3:10 до 21:40. Зарабатываю, по моим подсчетам, от

77 коп. до 2.60 в день. Смотря, какая работа. Надел старые брюки, в кармане нашел вырезки из газет. Одна из них интересна. О каких-то типах. Вот, в частности, их нравственный баланс, не знаю — это их слова, или формулировка корреспондента:

Трудись, не надрываясь,
Зарабатывай побольше,
Девчонок тоже заводи побольше,
Был бы трактир, где по деньгам и почет,
Остальное не имеет значения.

Вот так. Что и навело меня на некоторые философские размышления. А черт! Мне ведь уже шестнадцать! Шест-над-цать!

Вот так! Что бы я сейчас хотел? (Я об этом где-то читал? Слышал? В общем, запомнилось). Хотел бы вина и музыки. Много вина и бешеной музыки. Как-то муторно на душе. Да, надо законспектировать «Историю древнего Рима» Машкина. Законная книга! У меня дурная привычка не заглядывать в предисловия и примечания, и комментарии. А зря! Примечания, комментарии и т. д. тут отличные.

На счет муторности на душе. Заметил, что когда тоскливо или муторно, меня тянет к дневнику — легче становится. На время. /.../

6 июня, воскресенье, 1965 г.

Я раньше думал, что страшно исчезнуть из жизни, чтобы имя твое забыли, чтобы о тебе не вспоминали, не знали, что существует, т. е. существовал человек, думал, жил, радовался, страдал, что-то делал или бездельничал. Но прав был Сократ, когда, прежде чем выпил яд, сказал: «После смерти не будет того Сократа, который вот теперь говорит со своими друзьями, но вместо живого человека останется его холодный, бездыханный труп». Надо жить, пользоваться жизнью, ничего не упустить, и тогда умереть будет легче.

Слава и все прочее все равно волнуют только при жизни. Когда умрешь, один черт, помнят о тебе или нет. Сколько людей в галерее моих предков? Я не знаю о них ничего, даже имен, и никто другой не знает о них ничего, даже имен. Но они тоже жили, ненавидели, воевали, любили, и лучшее тому подтверждение то, что существую Я — живу, злюсь, радуюсь, люблю девочек и вино, спорю с друзьями и многого хочу.

Ладно, это все только так, под настроение. Нашел у Машкина в «Истории древнего Рима» интересный отрывок из Марка Аврелия. Судя по отрывку, Марк Аврелий будет одним из моих любимейших философов.

«Помни всегда, что все, что теперь происходит, происходило прежде и всегда будет происходить... Вспомни, например, весь двор Адриана, и весь двор Антонина, и весь двор Филиппа, и Александра и Креза. Повсюду было одно и то

² В. Рудич (С. Б.).

же самое, только действующие лица были другие».

Но это тоже под настроение.

16 июня, среда, 1965 г.

Черт! 2 раза звонил Искандеру, его не было дома. А мне он очень нужен: я хочу, чтобы он взял меня в штат. У меня нет лишних 30 р. На жратву там, к тому же, я в прошлом году раз уже платил, можно же хоть сейчас ему меня кормить бесплатно, Сашку Евпаторийца он мог в прошлом году кормить. Я себя хуже его не считаю. Но время, время! Завтра обязательно поеду к Искандеру. А то он заявит — где ты раньше был. Через полчаса на работу. Настроение — all right, с поправкой на вышеприведенные размышления.

1 июля, четверг, 1965 г.

Работу кончил 26-го. 26-го нам в ДК им. Крупской выдали заработок (по 18 включительно). Я получил 27 р., еще рублей 16 мне выдадут в сентябре (за 18–26). Договорились с Ал. Ник.³ Он мне платит 50 коп. в день, я — еще 50 коп. Еду в экспедицию 6-го, вернусь в конце августа... Мне кажется, что я жил и живу минутой. Я не строю далеко идущих планов, мне нужно очень немного, только одно, но именно этого я не получаю, наверно, не умею получить. А жаль. С другой стороны, а что это за далеко идущие планы? Например? Это когда ставит задачу на несколько лет вперед, больших масштабов? Ну и что? Сколько счастья от этого получил, стоило ли это затрат? С другой стороны, над ним не висела угроза, что какой-нибудь Антоний впишет его имя в проскрипции, он обладал женщинами, какими хотел, веселился, жил от души. Но ведь и без власти он вряд ли жил бы хуже. С этой точки зрения пример Калигулы и других более нагляден.

Но то было 2000 лет назад. А какая же дальняя цель у меня? Стать большим ученым? Это слишком туманно, и к тому же, само собой разумеется. Да ладно, сейчас 12 часов, спать пора, а все, что я написал, это так, трепотня под настроение, которого уже нет.

4 августа 1965 г.

Нахожусь на «Чайке». Выехал из Ленинграда 7-го июля, приехал сюда 9-го. Народ был похуже, чем в прошлом году, но еще ничего. Но лагерь был не лагерь, а совокупность кайфов и маленьких компаний. Копал. Причем, довольно плохо, копать не тянуло, по-видимому, после завода. Бездельничал, а бездельникам, говорят, везет. Разбил 14-го лопатой палец, 15-го пошел с 5 до 7 поработал, в это время Димка, как и я

бездельник, нашел камень, стукнул его раза два лопатой, когда обнаружил, что это обломок (половина) рельефа. Димка был лентяем вряд ли больше чем я, т. к. 16-го я нашел недостающую половину. Нырля за амфорами — нашел блюдо. Архаика или подражание архаике, эллинистическое. После этого Карасеву удалось достать нам лодку. Но в тот день, когда нам лодку давали первый раз, я слег. Из-за занозы на ноге образовался нарыв, затем, кажется, лимфоденит на правой ноге. Сегодня уже почти прошло все это, но времени много потерял.

6 октября 1965 г.

Дела не ахти. Оценки — 2 и 3. Катастрофическое положение. Занимаюсь в публичке, дома учебников почти нет. Кроме математики. Все это объясняется очень просто. Я привык заглядывать на переменке в учебник, отвечать и забывать (наполовину). А тут на переменке заглядывать некуда, метод подготовки изменился, результат налицо.

/.../ Черт, не могу больше писать. У меня было несколько отлично сформулированных идей, правда, я обнаружил, что одна из них очень похожа на сократовскую из Эллана. Я-то глубоко убежден, что я ее не сдувал оттуда, хотя бы потому, что эти идеи были по одному поводу, сочинены только благодаря этому поводу, и к тому же эта «сократовская» была не из лучших, несколько тяжеловесна. Но, к сожалению, я их не запомнил и забыл. А жаль. Сейчас у меня есть другие идеи, но мне не хочется их записывать. Их надо опять сформулировать, восстановить формулировку, потому что в голове у меня сами идеи, их суть, а не формулировки. Ну ладно.

/.../

1967 г.

Бейкуш, 1967 г.

Бейкуш 21 / VII — 1 / VIII. 11 рабочих дней (включая воскресенье 31 / VII). Ася Русяева, Галка, Жорик⁴, Володя⁵ и я. 3–4 местных парня (когда как). Землянки и полуземлянки. Керамика, в основном кружальная, импортная. Лепная очень редка. Широкие, но неглубокие зерновые ямы.

Очень мало находок — нет черепков. Зато сравнительно большая (даже очень большая) численность граффити. В основном это обработанные черепки, формой близкие к кругу с надписью AXI.

Ася говорит, что еще при Штерне там находили мраморные плиты с посвящением Ахиллу Понтарху. Один черепок и тут был, так что ве-

³ «Искандер», «Ал. Ник.», «Карась» — А.Н. Карасев (С. Б.).

⁴ Е. Максименко (С. Б.).

⁵ В. Губанов (С. Б.).

роятность того, что эти граффити относились к Ахиллу П. очень и очень велика.

Б. — отличное место для тренировки, проверки своих сил. Если даже сейчас Ася именovala, а точнее сделала своим заместителем, то это говорит о многом. Возможности были, но я их не мог использовать. Сказалось отсутствие у меня решительности, любопытства и знаний. Особенно — стремление сделать из экспедиции некий курорт со спортивным уклоном, не оставляя места для интенсивной работы мысли.

Березань, 1967 г.

Приехал я сюда, на Березань, 3/VIII. 9—10 был снова в Ольвии. 11 вернулся на Березань. Самая, пожалуй, бестолковая экспедиция для меня. Единственное, что я получил — это представление об острове. Впрочем, и этого уже достаточно. /.../

1968 г.

28 июня 1968 г.

Утром прикатили в Ольвию. Выехали из Киева вчера, 26-го, в 20:09. Вчетвером — С. Б.⁶, Кузьминец, Чепчуренко и я. Ехали несравненно более культурно и спокойно, чем год назад, хотя без бутылочки вина и не обошлось.

В начале 9-го утра — Николаев. В том же вагоне ехал первый курс, так что мы заняли особый автобус, и добрались туда уже часов в 10.

Сегодня ставили две палатки — Толикину и гос. Завтра — уже за работу. В сущности, зря поехал. Поддался чужой воле? Не совсем. Бейкуш. Если его не будет, затея бесцельна. Хоть и был настроен достаточно скептически, на деле все будет, похоже, убого. Не те люди, не тот размах. Принцип: «не пытайся вернуть прошедшее» — верен не только в любви. Не надо возвращаться в те места, с которыми у тебя связаны какие-то определенные воспоминания. Разрушение, размывание воспоминаний — единственный результат.

Первый курс — аморфная масса (по предварительным наблюдениям, естественно). Если произойдет благоприятная для нас кристаллизация, может, что-нибудь интересное я тут увижу. Если нет — мы в этом болоте завязнем. Посмотрим, насколько я понимаю, мы произвели на них не слишком благоприятное впечатление. Хотя бы потому, что мы поставили палатки минут за 20, а они стучат по колышкам часов до 5. Но это поделом: мы первым делом стали добывать инструмент, они полезли в воду, развалились на спальниках и стали переругиваться — кому, что делать.

Одним словом посмотрим, что дальше будет, хотя даже и любопытства сильного нет.

Заодно пытаюсь совершенно избавиться от чужих желаний. Плюю и все и пытаюсь делать, что хочу. Это легко, ибо я хочу только, чтоб меня не трогали. Точнее — ничего почти не хочу. Здесь тоже проживем-увидим.

30 июня 1968 г.

Прошли два дня, мир достиг новой точки своего развития. Великие и достойные удивления события чуждятся мне в будущем, и чтобы не прозевать ничтожного источника, из которого вытечет затем могучая река действий и событий, пишу я этот дневник.

Пока что события разворачиваются медленно, но принимают непредвиденный оборот. Я плохо подготовлен к ним, но нельзя быть одинаково подготовленным ко всему.

Ну что, за эти два дня особенно ничего не произошло. Но, похоже, что я имею кое-какой успех у девочек. Кстати, я таки доигрался за предыдущие годы своей жизни. Недостаток воли — и результат налицо. Это, правда, еще не получилось своей точки над «и», что утешает.

Практического результата всего этого предугадать не берусь.

Пожалуй, самое интересное и значительное: похоже, на меня обратил внимание С.Д. Крыжицкий. Работаю у него на раскопе (участке) второй день. Он толкнул идею, что назначит меня начальником нового раскопа. Как он сказал: «Лучший способ научить плавать — бросить посередине реки». Дальше все зависит от меня, и возникают сомнения: я не раз уже падал.

Кроме того — диплом насчет Бейкуша: если я возьму участок, я должен буду его закончить.

Как с девочками, так и тут — характерно обилие возникающих непредвиденных ситуаций, ставящих под вопрос прежние планы и требующих принятия быстрых (непоспешных) решений. Моя беда не в незнании четкостей, а именно в неумении делать быстро и точно подобный выбор. В данном случае время есть — до понедельника.

8 июля 1968 г.

Сегодня понедельник, на работу не пошел. Все эти дни на этом фронте без изменений. Работаю на старом участке «Берег», около источника. Основная масса, кроме меня и еще одного парня с первого курса (Коли Тараненко)⁷, работает на новом участке, рядом с лагерем (днепровским).

Все эти дни чистили печку и составляли списки. Список составил только один, с божьей помощью. Печку так пока и не дочистили. Надоело все это. Вообще вся эта карусель для меня вредна — например, по мнению С.Д. Крыжицкого, я сейчас вряд ли нахожусь на слишком вы-

⁶ С. Б. — С. Буйских.

⁷ См. фото 14 (С. Б.).

соком уровне. Вообще для меня единственное спасение делать то, что хочется /.../.

10 июля 1968 г.

Вчера в основном закончили печку. Сняли плитку, почистили под. Вчера же прослушал лекцию Крыжицкого о черепицах и печках. Он вообще довольно легко раскалывается на подобные штуки. Так что есть возможность систематизировать и пополнить какую-то область моих знаний. Он — архитектор, необходимо составить план «доения» его, учитывая эту его склонность (направленность). Дальше попытаюсь по памяти восстановить основную информацию из его рассказа.

Сегодня составлял список из окружения печки и ее слой. Его и т. н. «примечание», которое мы составляем для Н.А. Лейпунской, я тоже тут приведу.

Рядом с печкой есть колодец, возможно, эллинистического времени. Там интересные находки: монеты, мегары, амфориск, целый какой-то сосуд и т. д. Сегодня там докопались до песка водоносного (почти докопались), и работы прекратили: культурный слой кончился, если я таки получу МИ⁸ и в начале августа, я прошвырнусь там с ним. Надо не забыть.

С Саней это дело мы обоюдно замолчали. Только все тихо. На других фронтах без перемен: надо бы крутнуть с кем, а с кем не знаю.

/.../

12 июля 1968 г.

11-го утром я составлял список с последующим № 120 — второй слой из колодца 12, рядом с нашей печкой.

Где-то в начале 10-го Крыжицкий ушел куда-то, я смылся с раскопа и 10-ти часовым автобусом дунул в Николаев с Сержем, москвичами, Костей и Борькой и двумя нашими первокурсницами — Томкой и Таней⁹.

/.../

Июль 1968 г., Бейкуш

16-го утром нас должна была ждать машина. Ее не было до 17 ч., мы уже думали, что еще день проведем в Ольвии. Паршиво было в этом году в Ольвии, а уезжать не хотелось¹⁰. Машина пришла, и к ночи мы уже обосновались на Бейкуше: Ася Русяева, Катя Казакова, Света Алина, Саша Бердников, Толик Чепчуренко, Жора Максименко, Сергей Буйских, Саня Кузьминец и я.

17-го начали раскопки. Разбили раскоп 5 × 10 м по Березанскому лиману впритирку к ряду прошлогодних землянок. От первой балки по

Березанскому лиману с севера на юг заложили трапецию 1 × 10 м. Она досталась в полное мое распоряжение.

Работали в две смены — с 8 до 11 ч. и с 17 до 20 ч. Утром в траншее почти не работал — то размечал участки, то ходил за абрикосами (деревья повысыхали за год), то таскал ведра с водой — говорят, я был дежурным. Свету и Катю таки запрягли на кухню. Кормлют, кормлют нас.

Вечером снял 1,5 штыка. Гумус, сероглинистый слой — разницы никакой, ни в цвете, ни в плотности, ни в находках. Мелкие обизвесткованные амфорные стенки, две—три амфорные круглые ручки.

18-го работали с 7 до 13:30. Разбил квадрат на три сектора — по четыре шага каждый. Сектор на две части. Для удобства. Копаю по секторам или по частям, в зависимости от обстановки.

Два сектора: прошел 3 штыка = 60 см. Третий: 2 штыка = 40 см. Вторая часть второго сектора — желтоглинистый слой. В остальной части траншеи — сероглинистый. Находок мало. Ранний лак — венчик и стенка килика V в. до н. э.

Жизнь течет медленно и спокойно. Пока еще прихожу в себя, но работаю уже гораздо лучше, чем в Ольвии. Жалко, что нет МИ — я думаю, он сильно помог бы мне. Теперь еще некрополь: нужно придумать методику. Простая шурфовка бесполезна. Нужны идеи и энергия. Думаю, дня через 3—4 все это будет в необходимом количестве. Надо еще подумать, куда деваться после Ольвии — Березань, «Чайка», Донузлав? Встретил К.К. Шилика. Я ему, верно, не понравился, но много полезного я из него выжму. Он едет на Донузлав, и Бердников пристраивается к нему. В общем, посмотрим. Дядька неплохой, трогательные воспоминания, но душа моя очерствела, а я даже не знаю и не могу сказать — хорошо ли это?

Раскопали в этом году не очень много: мы были там всего 10 дней, да и погода подпортила — дождь и ветер.

Попадались в этом году «альфы» на амфорных стенках, на необработанных обломках. Было несколько больших граффити с рисунками. «Поймали» землянку второго ряда от Березанского лимана, но открыть не успели, пришлось присыпать. Обидно, тем более, чтоб найти эту землянку я вырыл 15 метров траншей и прокопал свою долю квадрата до материка.

Свои дела не сделал. Помешала погода, к тому же на заднице был здоровенный фурункул — работать не мог.

Работал, в основном, здорово¹¹ — когда фурункул не мешал. Но свои цели не выполнил. Пришлось отложить до следующего года.

⁸ Металлоискатель (С. Б.).

⁹ К. Данов, Б. Краснов, Т. Пехтерева, Т. Чаговец (С. Б.).

¹⁰ См. фото 13, 15 (С. Б.).

¹¹ См. фото 16 (С. Б.).

Березань, 1968 г.

На Березани я был с 28 июля по 3 августа. Побудительных причин всех я и не припомню. Там одно время не хватало народу, знакомые liaповцы¹² приглашали меня; тянул за компанию меня Мишка Рабинович; мне надоела Ольвия, и надо было где-то провести время, а Березань — не слишком большая доза, сентиментальные воспоминания, и — архаика, очень интересная после Бейкуша.

В.В. Лапина в этом году не было — институтские дразги, и он как раз вылетел из нашей богадельни. Поэтому устроился я к К.С. Горбуновой.

На Березани одесситы строили памятник Шмидту. Отсюда моральный упадок: моторолеры, бульдозеры, «не курить» и т. д.

Ребят многих я знал — прошлогодние liaповцы и Борька с Костей — москвичи. Поселился у них в палатке. Личная моя жизнь в этот период довольно тесно была связана с ними. Но нервотрепка... Сначала чудили они, в основном Костя. Затем — я, настроение испортил у Борьки и у Оли — liaповки. Ценное приобретение — это Борька. Может, что-нибудь хорошее выйдет. В принципе, я с ним раз разговаривал по-настоящему, но это чего-то стоило /.../

Находок было до черта. Отыгрался за предыдущие отвалы. Но с Бейкушем ничего общего, кроме времени.

Опыта набрался во всех областях: и посмотрел на методику работ, и накопался, и житейского немножко увидел.

Маяки, 1968 г.

Первый день у Н.М. Шмаглия в Маяках (случайно). Курганы (ямные?) с ввпущенными захоронениями. Подрядился на недельку.

10 августа, суббота

Работы никакой. Зачистил один склепик.

9 августа — более или менее. Пытались закончить курган, но не успели.

Хотел сегодня убраться вообще, но не знаю, как Карась, что он. Денег немного, а жить 5—6 дней в Ольвии за свой счет не тянет. Подожду числа до 14-го. Сегодня, может, съезжу в Ольвию на денек, но вообще-то неохота трястись несколько часов туда и обратно. Надо послать 3—4 письма родителям по этапам моего пути. И интересно, как там МИ. Сделали его или нет. А то я без него, как без рук.

Надо будет освоить технологию курганных раскопок. На это есть 3—4 рабочих дня.

И надо привести все в порядок. Особенно письма.

12-е августа

Дождь. Работы нет. Написал два письма: вчера одно — родителям, и сегодня одно — Васе.

Работа была скучная. Жизнь — отвратительная. Снаружи враждебные Маяки, внутри — озверевшие ребята.

20 августа, Ольвия

С пятницы 16-го — у Карася. Сегодня вторник, 20-е. Работа на одном участке. Копаем ди-кастерий — дом суда. Позже, видимо, будут копать и гимнасий.

В экспедиции 22—23 человека. Кое-какие преимущества одного участка для комсостава.

/.../

31 августа, Киев

Тоска, то слабее, то сильнее... Но все. Лето кончилось — впереди год работы. Для начала надо рассчитаться со всеми долгами, чтобы в дальнейшем жить спокойно.

Прежде всего, завтра напишу письма — их прорва. Теперь — следующую неделю попытаюсь подработать в музее. Должно получиться рублей 80—90. Деньги мне нужны по горло.

Попутно эта неделя пойдет на историю УССР. Надо будет сплавить экзамен как можно быстрее. За эту неделю надо освободить себе руки.

Попытаюсь хоть бы в общих чертах разработать дальнейшие планы.

Работа мне сейчас лишь помешает. Университет — политика гибкого реагирования по отношению к семинарам.

Основная работа. Прежде всего, надо сделать вещи вроде Бейкуша. Так, чтобы они могли отлежаться месяца 3—4, по крайней мере.

Затем — моя квалификация. Керамика, архитектура, геология, методика, языки. Возможно, привлечение, санскрита. Возникнут затруднения со словарным запасом, зато улучшится понимание строя этих языков.

Стиль работы — интенсивная пятидневка. Пять дней работать, как когда за 4 дня написал курсовую. 2 дня (воскр и пн., скажем) — спокойный отдых, осмысливание результатов, физ-ра, лингофон.

Подъем в 6.00, спать — в 23.00. Часок — другой можно будет соснуть днем.

Надо только наметить конкретные темы занятий.

14 октября, ок. 17 ч.

Пока что полнейшие неудачи. Прошло 1,5 месяца. Только на днях, в пятницу 11-го, сдал историю Украины В.Е. Спицкому, на «3». Только на днях, в четверг, 10-го, получил от музея деньги за дорожки. 30 рублей. 20 сразу отдал Белокопю за книги. На все это, особенно Украину, ушла прорва времени, и КПД оказался нижайшим.

¹² Студенты ЛИАП — Ленинградский институт авиационного приборостроения (С. Б.).

Самое главное, в этой нервотрепке я потерял запасы энергии, которые получил после экспедиции. Вместо того, чтобы помочь, эта энергия пошла на психозы из-за экзамена по истории Украины. Теперь я пуст.

Сегодняшний день пролетел бездарно, из-за различных случайностей. Если не прекратит болеть зуб, завтрашний день также пропадет. Грустно.

27 октября, ок. 14 ч.

Сегодня воскресенье. Эту неделю работал по новой системе. Так работать смогу лишь еще одну неделю, до 1-го. Там — военкомат, праздники, в общем — неразбериха вплоть до 11-го, понедельника. Таким образом, сегодня в какой-то мере день подбивания итогов. Таким же днем, возможно, будет 10-е ноября.

Выявились недочеты новой системы. Работу после лингафона могу начинать лишь в 11, а не в 10. Ехать в историчку — значит нарушать спортивный принцип (в читалке же неудобная система пользования литературой). Кроме того, трудности сочетания языков. Один из языков (лингафонный в данный момент), видимо, будет доминирующим. Вообще, к 69 г. мне нужно довести мои лингвистические познания до определенной кондиции — до практической возможности использования.

В археологической же области необходима усиленная специализация в области Хоры Ольвии.

Вообще в области способности мыслить дела обстоят не так плохо. Правда, меня, как в свое время Бендера, классики обгоняют. Интересно, чем это объяснить? Неумышленным плагиатом с моей стороны — довольно трудно. Жаль, я не помню всей эпопеи в этой области, а лишь отдельные эпизоды.

В 9 или 10 классе я развивал философию типа «разумного эгоизма». Потом в школе начали изучать Чернышевского, и я резко поскуучнел и загрустил.

На 1 курсе я выработал естественно-биологические взгляды на историю и, в частности, бил этими доводами взгляды С. Белоконя (нечто вроде детерминизма *struggle for life*). В начале 2 курса начали изучение этики, у Пospelовой я наткнулся на цитаты Гоббса. Теперь я вижу, что совпадение идей не было полным, но тогда я был так поражен, что сдался на милость победителя.

Когда я написал курсовую за 1 курс, то в заметках со злорадством вытащил полную цитату Маркса относительно причин колонизации и начал было разворачиваться на этой основе, как вышла книга В.В. Лапина, и его критика опередила мою. Чтобы не впадать в эпитонство, пришлось отказаться от первоначального ва-

рианта и с чувством депрессии создать компиляцию.

Да, хоть сегодня стал читать «Принцип дополнительности» Б.Г. Кузнецова, где он пишет, что Паули и Борн в начале 50-х годов ввели понятие стиля физического мышления, понимая под этим устойчивые, сохраняющиеся на длительное время, особенности физических теорий, позволяющие если не предвидеть дальнейшее развитие теоретической физики, то хотя бы ограничить прогнозы. Что и хотел я, конечно, в гораздо менее четкой и глубокой форме, сделать относительно археологии в своем прогнозе для себя: «Археология в ближайшем будущем». Обходят классики-то.

Но, что я сам додумался до чего-то близкого, вселяет надежды.

К сожалению, я не сделал еще ни одной работы, у меня есть лишь заметки. Это надо срочно исправлять. К тому же мы с Белоконом задумали одну авантюру с республиканской конференцией и сборником работ студентов-победителей, так что, несмотря на проблематичность этого предприятия, к нему надо быть готовым /.../

Вообще, довольно трудно оценить точно создавшуюся ситуацию. Проигрышей, похоже, больше /.../

План недельный: прослушать с 7-го по 30-й Бонка, окончить археологические прогнозы, покончить со Штерном (Бейкуш), окончить «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы» и закончить 1 часть грамматики немецкого и латыни.

4 ноября, ок. 15 ч.

/.../ Недельный план выполнен лишь частично, зато появилась и разработалась неплохая идея относительно керамического производства на Боспоре /.../

И еще — языки и исследования. Исследования и языки. В 69 г. я должен уже использовать иностранные источники.

Salve!

20 декабря, ок. 15.30 ч.

За те полтора месяца, что прошли с последней записи кое-что, естественно, изменилось. Придумали с С. Белоконом авантюру со студенческим сборником — приурочили к столетию Владимира Ильича. Вроде, пошло. Теперь пытаемся состряпать республиканскую конференцию. Белоконов избрал меня в совет НСО, он теперь стал главой этого совета и, похоже, начинает чистку и набор своих людей. Правда, я еще не вошел во вкус общественной деятельности, и административные вопросы меня мало волнуют.

Для сборника пишу статью «Об организации керамического производства на Боспоре (VI—

I вв. до н. э.». Правда, не верится, что что-нибудь получится, а жалко — пропадет идея после сборника. В этом отношении я эгоист.

С сентября хожу, т. е. с октября, на общую геологию. Интересно, надо будет продолжать. После сессии схожу к геодекану. Может, выгорит что-нибудь интересное.

В зародыше у меня несколько статей. Сделаю их может, суну керамические печи в сборник — и снова набор информации. Только долго все это пишется.

В сессию надо будет сдать 10 экзаменов — 3 по программе, 2 — по специализации и 5 — пересдать прошлые. Не знаю, как я умудрюсь сделать все это. Но надо...

С 17-го числа была конференция — 50 лет АН УССР. Сегодня закончилась. Провел психоанализ — что-то меня мучает. Похоже, то, что не работаю — 20 лет, а сижу на родительской шее. Плюс статьи — уверен, что попаду в сборник. Успокаиваю себя тем, что ни на одной работе я не работал бы так интенсивно и столько — с 9 до 23 ч. Потом это скажется. Но все равно неприятно. Весной — осенью надо будет подработать, может, с геологами. С другой стороны, я обрадован — эта конференция показала, что я был прав в оценке взаимоотношения сил и путей развития археологии. Все идет, как по плану. Это меня очень, очень, очень обрадовало. Результаты конференции я внесу в «Перспективы развития археологии». Грустно, правда, что на Западе нас, вроде, обошли. Так что из-за дегенератизма наших светил придется уйму сил тратить не на обгон, а на догон. Черт с ними, может, это и к лучшему — пути Господни неисповедимы.

Но одно кажется несомненным — наше поколение просачивается на сцену.

1969 г.

17 марта 1969 г.

В какой-то мере это лето было для меня переломным, причем во многих отношениях. Самый важный — это внутренний перелом, изменение внутреннего состояния. Описать его довольно трудно. Чем-то напоминает пробуждение ото сна. Мои шарики, особенно в первые месяцы, после Ольвии, работали легко и четко. Трудно сказать, какие вещественные достижения породили эти изменения, но дело в том, что перестройка еще не закончена.

По крайней мере, я написал две первые самостоятельные работы, а идей и заметок у меня еще на десяток.

Этот внутренний переворот произвел, если не ошибаюсь, и некоторые перемены во взаимоотношениях с окружающими.

Набрался опыта. Он накапливается и накапливается во мне, начинает перерабатываться.

Все эти процессы не закончились. Следующее будет новой ступенью в моем развитии, и надо постараться, чтобы эта ступень была как можно более высокой.

1973 г.

10 августа 1973 г.

Два дня назад вернулся в Киев, а еще через три дня снова уеду в Ольвию. Оттуда — на берега Березанского лимана, а на самом деле — просто надоело быть постоянным приложением к цивилизованной Ольвийской романтике.

Все перегорает, и все перегорают. И я тоже по привычке, тут же, чуть оправившись, спутался с одной из искусствоведок.

Господи, как они похожи друг на друга. В одни и те же моменты они задают одни и те же вопросы, те же слова, интонация, движения. Лица не видно, и их не различить. Меня бьет дрожь, когда я вспоминаю эту одинаковость.

Черт с ними, с бабами. Такое количество зануд довольно сильно подорвало мое уважение к женскому полу в целом. Зануды, да еще и запрограммированные одинаково! Тяжело.

Главное в другом. Я не реализую самого себя. Живу не так, как надо. И никак не могу собраться с мыслями и что-то понять и изменить. Так дальше жить нельзя. Но что нужно делать? Чего мне надо? И как добиться того, что мне надо?

Ясно одно: пора становиться карьеристом. С каждым месяцем я все сильнее ощущаю, что становлюсь опорой семьи. 24 года кормили меня, приближается — и очень быстро — время, когда кормить буду я. На 70 р. в месяц это невозможно. Остаться лаборантом — значит духовно деградировать. Дай бог остаться хотя бы на прежнем уровне.

30 августа 1973 г.

Сейчас я нахожусь между Викторровкой и Лиманами (так называется разведка по правому берегу Березанского лимана).

Берег лимана мы уже давно с С. Б. прошли и последние 10 дней заняты в основном поездками в Парутино за деньгами и информацией. По последним данным машина должна прийти завтра-послезавтра, так что получается еще пара дней отдыха, а точнее, пара дней приведенных в порядок мыслей и записей.

В Ольвии, где я был вторник — среду, хорошо. Там — Никита Шебалин, Костя Марченко, Валера Яйленко симпатичные ленинградки. Пьяный дядя Митя пытается ремонтировать машину, а Бураков читает ему лекции о вреде алкоголизма. Хорошо там, а здесь все-таки лучше, спокойнее.

Вечерами здесь прекрасное небо. Лежишь в спальнике и смотришь. Правда, те ощущения, что были на «Чайке» в 1964 г., не повторяются. Начал приходить в себя, постепенно. Вчера,

глядя на звезды, даже родил пару идей относительно Ахилла. Как ни крути, от Ахилла мне не отделаться, если я буду заниматься поздней архаикой Березанского лимана. Значит, на столкновение идти придется, а посему нечего мешкать и отдавать идеи (свои)...

Идеи:

1. Хтони́зм Ахилла — это его связь с морем, а не с земледелием.

2. (С плодородием растений и животных; но м. б. — рыб?) вопреки В.В. Лапину и А.С. Русяевой.

3. Локальность культа Ахилла — сочетание этнического, географо-мифологического и экономического (преобладание рыболовства на Березанском лимане, в отличие от Широкой Балки и Закисовой Балки).

4. География как основа географо-мифологических представлений, а дальше представления как основа для осмысления новой географии (в широком плане; реальная география — мифологическая география).

5. Привозной материал на поселениях различен. Торговые связи поселений и, м. б., в этой связи — этнос (микро) и экономика. Посредничество Березани.

Учись, учись на собственных ошибках, набирай опыт. Со временем — на том свете, видимо, пригодится.

Я явно непохож на Бисмарка.

Хотел бы я знать, что будет дальше. А впрочем, лучше, наверно, не надо.

Уже поздно — 10 часов вечера. Мы, как всегда, отправляемся спать. Перед сном будем курить и смотреть на звезды. Ах, эти звезды! Они так прекрасны! Хотя бы потому, что их равнодушие и презрение рождает гордость и волю.

21 ноября 1973 г.

Сделал маленькие психологическое открытие — понял, почему после ревизии наших взглядов на мироздание и т. п. вещей мы часто не хотим видеть старых знакомых, по крайней мере, чувствуем себя значительно лучше в кругу новых. Мы изменились, и новые знакомые принимают нас такими, какими мы стали. А старые — не замечают изменений и тащат нас назад, подсознательно загоняют нас в старую, уже отжившую форму. Для них мы — то, чем когда-то были и часто это невесело.

1975 г.

15 марта 1975 г.

Люди, люди, люди... С течением времени, чем дальше — тем больше, и больше влезаешь в человеческие отношения. Все сильнее отражаются на тебе какие-то мелкие ссоры, все больше значение придаешь различным оттенкам отношений. Нет, нельзя это объяснить повышенным интересом к человечеству. Жалкий прагматизм проглядывает почти в каждом слове, жесте, поступке. Действительно, *человек есть то, что он делает*. А в результате мы ценим человека в соответствии с тем, чем он является (или если в состоянии ввести вектор времени — чем он может стать).

Спрашивается, ну на кой мне все это надо? Любопытство, любознательность; щенок, познающий жизнь и всюду тыкающийся своим черным носом. Говорят, узнав один город — узнаешь все города мира. Это жизнь, и в то же время это правда. Меня везде интересует подноготная. И я полез. И что толку? Результат был известен заранее. Да и вообще, жизнь так разнообразна и переливчата, что разве можно пощупать все ее цвета и оттенки? Можно стремиться лицезреть один спектр, а можно другой. Можно восхищаться деятельностью человеческого духа; трепетать, слушая музыку, и неметь, глядя на картины. Можно — и в какой-то мере я так и сделал — можно попытаться узнать подоплеку, подноготную, основу всех этих свершений. И увидеть, что на каждую вспышку в человеке божественного, человечество затрачивает миллиарды калорий энергии и производит тысячи тонн дерьма. Это — затраты и отходы. Можно и нужно узнать обе стороны процесса. А потом, все-таки, предпочесть иметь дело только с одной. А о второй нужно знать, но нельзя долго нюхать. *Нельзя, чтобы вид Монбланов дерьма заслонил в нас мерцание звездной пыли. Ибо мы — для мерцания, и только этим мы оправдываем себя и попираем смерть и разложение.*

Мой нюх забит, рот заклеплен, быть может — смердит и от меня. Хватит. И от людей надо отдыхать, если не можешь до бесконечности существовать, добру и злу внимая равнодушно.

Есть многое, чего я еще не потрогал. Но опыт показывает, что в значительной мере — мы то, что мы едим. Есть много неизвестных кушаний, но нельзя пробовать все подряд — только лучшее. А в каждом из нас есть критерий — но мы не всегда ему доверяем.

В. Отрешко

2. MEMORIA (мы о нём)

Л.А. Лысенко

ВМЕСТО БИОГРАФИИ

Написать биографию Вэла Отрешко трудно. Он был одним из редких (может быть, гениальных), неприкаянных жителей Вселенной, маргиналов в науке, создателем обобщающих идей, но никак не их реализатором. Люди такого типа изредка случались в нашем бывшем государстве.

Как один из богомоловских героев, я мысленно аплодирую авторам статьи-некролога о Валерии Михайловиче Отрешко Анне Русяевой и Светлане Мазарати, которые очень точно определили круг научных интересов и поступательную эволюцию научной деятельности своего коллеги и друга. Мне бы хотелось добавить к этому или чуть подробнее прописать только лишь отдельные места, куски не столько из области науки, сколько из области быта и бытия. Буду при этом пользоваться своими археологическими и бытовыми воспоминаниями, материалами из личного дела В.М. Отрешко, хранящегося в Институте археологии и воспоминаниями матери Валеры — Антонины Александровны Отрешко, — с которой нас, вдов разных поколений, как-то совершенно неожиданно вновь свела судьба. И еще. Почерпнутые из бесед факты я не перепроверяла и не уточняла по документальным источникам. Я сознательно хочу пересказать их в том виде, в каком они достались мне как благодарному слушателю.

Разумеется, летопись человеческой жизни следует начать с кратких слов о «виновниках» Валериного рождения.

Антонина Александровна Отрешко (в девичестве — Марьина) (фото 1) родилась в Грозном 28 декабря 1927 г. Жила с матерью Прасковьей Кирилловной в доме отчима Александра Филипповича, рабочего на военном заводе № 12. (Отца не помнит, но знает, что он был золотоискателем на приисках где-то в районе городка Бодайбо на

одном из притоков Лены). Семья постоянно кочевала: подмосковный поселок Электросталь, Ростов-на-Дону, Новосибирск и снова Грозный. Приходилось жить и в бараках. Маленькая Тоня чуть не умерла от малярии. Отчим погиб на Курской дуге в 1943 году, мать пошла работать стрелочницей на железную дорогу. Здесь Антонина закончила 10 классов, а потом и педагогический институт и начала преподавать в школе русский язык и литературу.

Михаил Андреевич Отрешко (фото 2) происходил из дворян¹. Некий Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805—1873) входил в свое время в окружение Пушкина, издавал «Журнал общепользных сведений». Ярема Александрович Отришко (1840—1919) рисовал иконы и расписывал церкви в Ромнах и окрестных селах. Мать отца, Вэлова бабка, была урожденная Войцехович. В первом томе Модзалевского опубликована родословная роспись этого рода. Как-то под настроение Валера обещал одному из друзей написать очерк истории — то ли Отрешков, то ли Войцеховичей, но материалов не собирал, так что все ограничилось мечтами.

Михаил Отрешко родился в Иркутске 14 августа 1914 года в семье офицера. Его мать умерла, когда Мише было 6 лет от роду, в 7 — не стало отца. Мальчик оказался в военной части «сыном полка». Трудно сказать, что с ним происходило до тех пор, пока его не отыскивали родственники. Но сохранилось воспоминание о том, что Миша со своим другом Толей часто удирали вместе с «военной» квартиры. Один раз друзей сняли с товарняка по дороге в Крым, другое отроческое странствие забросило его, возможно, в Киев...

¹Данные о родословной Отрешко любезно предоставил С.И. Белоконь.

В 15 лет при вступлении в комсомол Михаил строго спросили: «Твой отец был белым офицером?» Подросток немного наивно, но смело парировал: «А в 14 году другой армии не было!» Мальчика воспитывали тетки в Днепропетровске. Одна из них была балериной, другая — певицей. Муж последней, дядя Боря (журналист), работал в газете. От него, видимо, передался и Мише интерес к журналистике. Из-за нее семья и пострадала, оказавшись в ссылке в Архангельске. Михаил Андреевич вспоминал много лет спустя, что никогда в жизни у него не было больше такого окружения. Дмитрий Лихачев, например!.. В молодости Миша писал стихи, и их печатали в журналах. Потом юноша закончил факультет журналистики в Ленинграде. К этому позднее пришлось добавить идеологическое образование в ВПШ в Москве. Затем начались журналистские будни. Он работал во Владивостоке зам. главного редактора газеты «Красное знамя». В Грозный прибыл на должность корреспондента газеты «Грозненский рабочий» (там и родился Валера). Молодого бойца идеологического фронта поселили в просторной трехкомнатной квартире комфортного по тем временам жилого дома с охраной (охраняли, видимо, секретаря обкома партии некоего Чеплакова). Со своей будущей юной супругой Михаил Андреевич познакомился в тесном кружке местной технической и гуманитарной интеллигенции.

13 мая 1948 года они зарегистрировали свой союз. Он оказался надежным и крепким. 9 февраля 1949 года в 4 часа утра — там же, в Грозном, — у молодоженов родился сын, которого было решено назвать Сергеем. Все последующие годы родители поднимались в этот ранний час и пили шампанское за здоровье сына. Правда, когда Антонина Александровна отправилась зарегистрировать новорожденного, ее убедили, что нынче в моде имя Валерий. Мать поддалась на уговоры, и это новомодное имя стало причиной первой и чуть ли не единственной серьезной семейной размолвки. Но имя менять не стали. Так Сергей и остался Валерием. Русско-чеченская война последних лет глубоко опечалила Вэла. Стало ясно, что на место своего рождения он уже вряд ли когда-нибудь попадет...

Мальчик был большой радостью в доме. Он не доставлял родителям никаких особых проблем. Семья хранит предания о первых проявлениях Валериного интеллекта. Поначалу мальчик категорически не хотел обучаться чтению. Все попытки заставить его запомнить названия букв заканчивались провалом. Он давал буквам свои наименования. «О», к примеру, назвал — *колесо* и пр. Но как-то раз, не то пяти-, не то шестилетний мальчик поразил родителей неожиданным заявлением: «А в Индии произошло сильное наводнение!»

— Ты откуда знаешь?

— В газете прочитал!

Дальше — больше. Об этом Михаил Андреевич, помнится, вспоминал с гордостью. Первоклассник (фото 3) заявил, что история развивается по спирали, чем несказанно обрадовал своего высокообразованного родителя. Вообще, Михаил Андреевич во многом повлиял на интеллектуальное становление сына. Он ненавязчиво формировал его мировоззрение, определял круг чтения. В общении с подрастающим ребенком у отца не было пропущено ни одного дня. В семейном архиве Отрешко до сих пор хранятся табеля успеваемости Валеры за 10 лет учебы в школе, первые дошкольные записки Валеры, адресованные папе и маме. Михаил Андреевич любил устраивать сыну «проверочные» испытания. Взял его как-то с собой впервые в Москву. Сначала они отправились по отцовым делам в редакцию «Известий», там Михаил Андреевич дал сыну адрес гостиницы, карту, обозначил на ней исходный пункт и велел добираться туда самостоятельно. Валера с поручением справился.

Когда пришло время определиться с будущей профессией (а произошло это уже после трехкратной смены места жительства: Грозный — Кишинев — Ленинград), отец предложил сыну занятие археологией. Тем более, что при Эрмитаже это было поставлено серьезно. Работал археологический клуб, юные историки могли принимать участие в эрмитажных экспедициях. Об этом Михаил Андреевич лично хлопотал перед кем-то из эрмитажного руководства и Александром Николаевичем Карасевым (фото 7). В Автобиографии от 27 октября 1970 года, которую Валерий Отрешко писал, поступив на свою первую профессиональную лаборантскую должность с окладом 70 рублей, он отмечает следующее: «Археологией занимаюсь давно. В 1963 году в Ленинграде, где проживала в то время наша семья, вступил в члены клуба юных археологов при Эрмитаже. С 1964 года каждое лето провожу в археологических экспедициях. Всего принял участие в работе 18 экспедиций. В т. ч. 5-ти Ольвийских (1964, 1967—1970 гг.); 2-х Березанских (1967, 1968); экспедиций на «Чайке» под Евпаторией (1964 и 1965) и др.» (фото 6, 8).

И все-таки еще несколько слов о Михаиле Андреевиче. Для Валеры он на всю жизнь остался высоким, недостижимым образцом человека воли, души и интеллекта. Он настолько боготворил отца, что даже свою смерть, казалось, посвятил ему, умерев в тот же день, в тот же час и на той же отцовской кровати... Михаил Андреевич многое познал на стезе журналиста советской политической прессы сталинского и послесталинского времени. Его всегдашней мечтой было уйти из журналистики в большую литературу. Он никогда не привязывался к месту, даже самому уютному. Смело менял адреса и род деятельности. В

Кишиневе ему удалось совмещать работу спецкора газеты «Известия» с работой переводчика (перевел на русский язык стихи молдаванина Иона Друцэ — на полученный гонорар семья жила несколько месяцев); перевел повести А. Козмеску, Л. Барского, изданные в 1959 и 1962 гг. В архиве семьи Отрешко мы с дочкой также обнаружили и изданную в Кишиневе в 1961 г. повесть М. Отрешко «Далеко и близко», рассказывающую о злоключениях крестьянского парня Иона, прошедшего гитлеровский плен, лагерь для перемещенных лиц, жизнь на чужбине и возвращение в родное молдавское село. Такие судьбы вызвали глубокое сопереживание автора. Ведь его жизнь также пришлось на эти драматические годы в отечественной истории. Потом писал сценарии для кино, диссертации своим знакомым — на разнообразные темы, среди которых была даже медицинская. В кишиневской сытой провинции, откуда происходило партийное руководство будущей брежневской эпохи, не задержался. Столь же недолго семья Отрешко прожила и в Ленинграде, увы! Это «увы» относится уже к Валере. Мне кажется, в суровом, жадном на интеллектуальную пищу Ленинграде его научная биография, вероятно, сложилась бы более счастливо. Но отца неудержимо влекло в Киев. Почему и когда так страстно полюбил Михаил Андреевич старые киевские холмы — неизвестно. Но когда его юношеская мечта осуществилась, и семья поселилась на улице Пирогова, 5, кв. 7, он тотчас отправился на Крещатик и заплакал от радости. В Киеве Михаил Андреевич работал в издательстве «Будівельник» и ровно в 60 лет вышел на пенсию. До самой смерти (на 75-м году жизни) он вел домашний образ жизни, практически не выходя из дому. Ежедневно просматривал прессу, помогал жене формировать и издавать журнал «Газ и нефть Украины» в издательстве «Техніка», вел долгие беседы с сыном, обсуждая не только археологические, но и общемировые проблемы.

А мы вернемся пока в Ленинград, где Валера загорелся археологией. В археологическом клубе Валера познакомился с Васей Рудичем, о котором всегда отзывался с огромным уважением. В разговорах с друзьями вспоминал, как неведомый почти ни для кого и уже давно проживающий где-то в Америке Рудич на вечеринке или просто в компании друзей любил уединяться, тут же погружаясь в изучение англо-русского словаря или какой-нибудь серьезной монографии. Вела многие годы спустя потрясала его целеустремленность и самодисциплина.

У членов археологического клуба было такое развлечение: кто сможет точно описать экспозицию любого на выбор эрмитажного зала. Кажется, все отроки знали их с закрытыми глазами.

Ленинград Валерий всегда вспоминал с каким-то печальным упоением. Это был пери-

од активного усвоения знаний. От запойного чтения кружилась голова, от идей и гипотез невозможно было усидеть на месте. Вэл читал стоя, склонившись над столом, периодически отрываясь от информационного потока, чтобы пройтись и справиться с интеллектуальным перевозбуждением. Антонина Александрова вспоминает, что, будучи еще школьниками, Валерий с Василием Рудичем добились разрешения на посещение Салтыковки, где собирали сведения об исчезнувшей Атлантиде.

Потом началась уже иная — киевская жизнь. Здесь Валера окончил школу № 54, поступил на вечернее отделение исторического факультета КГУ. Он любил вспоминать о том, что какое-то время работал разнорабочим в музее В.И. Ленина (еще в здании на Владимирской улице). Заявление с просьбой принять его на должность лаборанта в Институт археологии АН УССР, поддержанное Л.М. Славиним, В. Отрешко написал на имя тогдашнего директора члена-корреспондента Ф.П. Шевченко². Отрешко тогда еще учился на пятом курсе (фото 27).

Начало было многообещающим. За год до окончания университета студент-старшекурсник проводит свои первые самостоятельные раскопки, выступает на научных студенческих конференциях, публикует свою первую статью, о которой упоминает в цитированной выше автобиографии: «До питания про існування дахівкових ергастеріїв на Боспорі» // Вісник Київського університету; серія Історія. — 1970. — № 12). Валера был принят на работу в Институт археологии, за активную экспедиционную деятельность его премирует дирекция Института. На мой взгляд, причиной этих ранних убедительных достижений были несомненные способности молодого ученого. Но не в меньшей степени мы должны быть благодарны постоянной поддержке Александра Николаевича Карасева (1902—1972) с ленинградской (фото 7) и Лазаря Моисеевича Славина (1906—1971) с киевской (фото 12) сторон. У обоих ученых Валера, по-видимому, вызывал воспоминания о собственной молодости и, вероятно, не всегда простом начале пути. Обоим хотелось поддержать талантливого юношу. На заседаниях античного отдела Лазарь Моисеевич часто предоставлял заключительное слово Отрешко, приговаривая: «Ну, а теперь пусть выступит наша тяжелая артиллерия!» К началу самостоятельной дипломированной археологической деятельности у Валерия Михайловича был уже богатый практический опыт: от простого землекопа до заведующего камералкой и, наконец, руководителя раскопа. Его определенно сильной

² Фото этого рукописного заявления, а также рукописной автобиографии В.М. Отрешко, мы поместили в данной книге.

стороной была методика. Вэл не просто упорно, штык за штыком погружался в землю. Его всегда интересовала та научная информация, которую несла в себе каждая, даже рядовая находка. Его, к примеру, интересовало, на сколько фрагментов может разбиться амфора, соответственно, какое количество амфор стоит за горами извлеченных из земли черепков. Дальше больше: какая площадь пола соответствовала жизненным потребностям одного жившего в античную эпоху человека, стало быть, сколько человек могло проживать в открытых им жилищах. И еще дальше: проблемы палеодемографии, каково было население отдельных поселений и какой их военный потенциал.

С Вэлом Отрешко я познакомилась в 1972 г., в год первой археологической практики искусствоведов КГХИ в Ольвии. Валера Отрешко и Сережа Буйских тогда уже были живой ольвийской легендой. Их с нетерпением ждали возле всех костров. Сережины песни пела вся Ольвия и Ольвийская хора впридачу. Половина девушек была влюблена в Сережу, другая — в Валеру. Так что я не была оригинальна, присоединившись ко второй группе. Мы поженились в 1983 году. Наша Сашенька Отрешко родилась в 1986-м. В эти годы и проходит самое близкое общение с нашим претором, а потом и пропретором (как окрестили его в нашем «периферийном» братстве).

В 1973-м же году я впервые попала в состав стихийно сформировавшегося отряда, который объединил самых дорогих и по сей день моему сердцу людей. Хочу назвать их имена: Саша Скогорев со своей «воронежской командой», Олег Губарь, Таня Романец, Света Семендяева, Володя Назарчук (по кличке «Наполеон»), Валя Губанова, Славик Баран (он же — «Баранчик»), «степной волк» Володя Рубан. Другие появились позже или «наезжали» — самый близкий друг Валеры Юра Калинцев, Валя Мусиенко, Алие Ибрагимова, Олег Журавлев, Володя Габелко, Андрей Ганжа. Неизменным оставался наш руководитель — Вэл. Отношение к нему было трепетное, ревнивое, восторженное и... критическое. Всем нам посчастливилось тогда стать участниками широкомасштабных раскопок поселений, которые проводились на Березанском и правом берегу Бутского лиманов (фото 37—64). Самым дорогим из всех пройденных и прожитых мест на античной карте (Большая Черноморка, Каборга, Чертоватое; Козырка с замечательным, излучающим добро Анатолием Виссарионовичем Бураковым) стала Большая Черноморка. Черноморок было несколько, но самой великой была одна — по керамическому шифру БЧ-74. Об этом можно сочинить отдельную книгу или написать сценарий для многосерийного фильма, который способен прервать, наконец, пустопорожнюю тивишную традицию латиноамериканских «мыльных опер»

и зачать новую идею телевидения гуманистического, духовносозидающего (sic!). Да, мечтать меня научила именно Черноморка. Конечно, все мы были молоды, все были друг в друга перекрестно влюблены. Наша жизнь на бедном античном рыбацьем поселении (мы всегда с аристократическим презрением относились к Ольвийской метрополии!) вспоминается сегодня то мерным слогом текзматра, то раблезианским смеховым празднеством, то куртуазным романом с невероятными похождениями героя-любовника, то трудовыми экстазами в духе романа Островского «Как закалялась сталь». Сколько было пропето песен у «периферийных» костров, сколько выпито «розоватого ольвийского» вина, сколько переговорено, сколько выстрадано! Как у любимого Вэлова автора Курта Воннегута: «Когда я был моложе — две жены тому назад, 250 тысяч сигарет тому назад, 3 тысячи литров спиртного тому назад». С Черноморкой мы прожили и повторили все этапы становления, расцвета и кризиса античного общества: от племенной общины до римлян времен упадка. И если вначале мы пели о бригаде грозной артиллерии, о созревших в саду у дяди Вани вишнях, о гордой герцогине, которая проживала с муженьком в поместье родовом, — то в конце 70-х, когда становилось невмоготу, наш начальник вдруг надрывно запевал:

*Я Бога спросил:
«Ты что натворил?
Когда я родился,
Ну где же ты был?
Когда я выросл,
Ну куда ты смотрел,
Почему не вмешался?»*

А потом мрачно заканчивал —

*... И каждую ночь
Больные сны.
Все время зима
И нет весны,
И нет никого,
По кому б скучать,
И некому верить...*

На работе, т. е. на раскопе Вэл, при всей своей мягкости и деликатности, был строг и требователен. Закладка раскопа превращалась в целый ритуал, а зачастую была очередным экспериментом: как лучше ориентировать раскоп, на какой площади и как копать с учетом природного ландшафта, направления ветра и пр. Когда после закладки раскопа начиналась работа землекопов, наш шеф не терял бдительности. Культурный слой начинался очень близко к земной поверхности, и если вдруг в отвале обнаруживались случайно «улетевшие» черепки — Вэл приходил в ярость. Мне вовеки не забыть своего ужасного, по неопытности, деяния, когда едкие слова любимого начальника меня буквально парализовали: «Так, а ты благополучно долбишь

материк!?) Я была готова провалиться сквозь землю. Но разве можно было провалиться сквозь материк?!

Бывали дни, когда после изнурительного периода ветров, сметающих и стирающих следы наших археологических трудов, мы дружно, всем миром, с претором во главе становились на отвалы. Иногда это случалось и ночью, при луне или при свечах! Сохранились черноморские фотографии, запечатлевшие Вэла, таскающего в паре с кем-нибудь землю в виноградных корзинах, взятых «на прокат» у крестьян. Мы все время старались перехитрить неблагоприятную природу.

Валерий Михайлович, кажется, тяготился выпавшей на его долю ролью лидера или нашего «идейного вождя». Ему это было совсем не по нутру. Но всегда, во всех наших исторических дискуссиях, во всех беседах и спорах он неизменно царил на недостижимой высоте. Перефразируя слова нашей любимой песни, могу сказать: «На Черноморском факультете образование получил!» А темы — ночные, вечерние, послеобеденные, полуденные, — обсуждались не рядовые, чаще — вселенские, глобальные. То вдруг археологическая бригада задавалась вопросом: какая страна внесла самый крупный вклад в историю человечества? Начинали перебирать страны, их истории, ведущих национальных деятелей, научные открытия. С абсолютным преимуществом на первое место выходила Италия! То вдруг целый вечер с хорошим отрезком ночи обсуждалась история кубинской революции и приход к власти Фиделя Кастро. Оказывается, Вэл досконально знал биографию кубинского лидера и мельчайшие политические и социальные нюансы, сопутствующие кубинским событиям. Смерть Мао Цзедунa (в 1979 году) подняла китайский вопрос. Тема Второй мировой войны не сходила с повестки дня. Запомнилась трагичная вэловская рефлексия: «Скажите, как объяснить поведение белорусского крестьянина, на глазах у которого немцы методично расстреливают семерых сыновей и жену, а он все равно не выдает координат партизанского отряда? А Сталин, который отказался обменять за плененного немецкого генерала своего сына?» Я уже не говорю об актуальных древнегреческих темах. Запомнилась начатая под руководством претора искрящаяся юмором интеллектуальная фантазия по поводу отца античной истории Геродота, который, видимо, в Ольвии никогда не был, а описание нашего города привел по рассказам, услышанным от моряков пирейской питейной забегаловки!

Но больше всего меня поразила игра, которую затеяли в период ветров Вэл, Наполеон и Саша Скогорев по поводу Александра Македонского. Друзья воскресили покойного и попы-

тались смоделировать ход античной истории с ожившим царем. Вэл исполнял роль Александра, Назарчук был, конечно, голосом Рима, кто-то отвечал за наемных хеттов, кто-то был голосом Карфагена. И каков же итог? Через три дня и три ночи виртуозной интеллектуальной игры ее участники отравили Александра в Индии, уже на пути в Японию. Иначе остановить завоевательские амбиции македонского царя было невозможно!

Вэл всегда провоцировал подобные затеи. Похоже, ему был интересен любой мыслительный процесс, он часто выступал в роли аналитика. Любил прогнозировать — сценарий перестройки он набросал с еще одним фантазером (Олегом Сычевским) за несколько лет до ее свершения, в 1983 году, когда мало кому в голову могло прийти, что государство под названием Советский Союз может вдруг прекратить свое существование! Любил восстанавливать ход исторических событий прошлого, но его мало интересовал конкретный результат проделанной мыслительной работы. Впрочем, когда отдельные его догадки на практике подтверждались, — он искренне этому радовался.

С наших упоительных экспедиций начинался для нас путь в науку, путь во взрослую жизнь. В нашем братстве есть теперь кандидаты и доктора наук, есть авторы научных, научно-популярных и художественных книг, есть ученые и педагоги высшей школы, юристы, военные, врачи, бизнесмены. И во всех наших общих достижениях, без сомнения, есть и вэловская частица.

Всем нам хотелось, чтобы Валерий Михайлович сделал монографию о Большой Черноморке, включив в нее все этапы раскопок, занявших семь лет нашей молодой жизни. Мы были уверены, что материалов для этого более чем достаточно. Танюша Романец сделала мастерские рисунки керамики, Володя Назарчук священнодействовал на керамическом тачке, универсальные землекопы, чертежники самозабвенно копали, бросали, зеркально зачищали, фиксировали, склеивали. Но что-то там в Ольвии забуксовало. Пропал ящик с черноморской керамикой, кому-то отдали приготовленное Валерой для своей экспедиции оборудование. Да мало ли в поле причин, чтобы впасть в ярость или уныние? Вэл был человеком легкоранимым, слабохарактерным, а порой и безобразно неорганизованным. Словом, монографии не получилось. Да и отчеты о периферийных раскопках шли с невероятным трудом. Их создание выпало как раз на период нашего супружества. Помню, как я бежала к С.Д. Крыжицкому (которого мы для краткости называли *ЭсДэ*) с просьбой передвинуть в очередной раз срок сдачи отчетных материалов. *ЭсДэ*, тяжело вздыхая, говорил: «Люся, мы с вами жертвы одной любви!»

Спустя годы, уже после трагической смерти Валеры, когда в Институте археологии я работала с его личным делом и впервые прочитала добротный академический текст его диссертации, я фактически впервые осознала, что вся его научная деятельность была связана внутренней логикой. Ход его научного поиска можно воспринять как восхождение от простого (изучения материальных остатков повседневной жизни жителей ольвийской хоры, их верований) к сложному (экономическому укладу конкретного поселения, включенного в более широкую систему с соседними, и всех вместе — в единую античную экономику). Эти глобальные экономические и демографические проблемы вновь заставляли его обращаться к частным вопросам: водоснабжения и лепной керамики Березани, орудиям труда ольвийской округи, полужемляночного домостроительства, рационального питания архаического населения Нижнего Побужья. В таком широком контексте наша Большая Черноморка становилась лишь небольшой частностью. Словом, как ему представлялось еще с детства, все развивается по спирали, и классики тут абсолютно правы. Валера был одержим поиском универсального закона, универсальной формулы, в которую можно было уложить пестрый витраж различных факторов, результаты подсчетов многочисленных материальных фрагментов человеческой деятельности, которые, как правило, отправлялись в отвалы. И он ее изобрел. Самым интересным слагаемым диссертации В.М. Отрешко, мне кажется, стали именно приложения.

Приложение 1: материалы к археологической карте Нижнего Побужья (на нескольких страницах уложены результаты многолетних и многотрудных будней периферийных разведок и плановых раскопок);

Приложение 2: таблица плотности застройки архаических поселений Нижнего Побужья, которую автор составил на основании изобретенной им формулы.

Он очень гордился этим своим изобретением и как-то рассказал, что идея пришла ему в голову в трамвае. Хотелось бы, чтобы формула Отрешко «работала» и на идеи других археологов.

Я помню три основных рабочих состояния Валерия Михайловича:

1. Надрывное (почти всегда ночью!) сочинение текстов отчетов или статей. Его постоянным соавтором по монографиям С. Крыжицкому, С. Буйских, А. Буракову приходилось проявлять настойчивость для получения текста от своего соавтора. Кроме трех основных, у Валеры появлялись и другие соавторы: С. Мазарати, В. Назаров, М. Иевлев, А. Островерхов, Н. Гаврилюк, О. Журавлев, В. Рубан, А. Ганжа, Л. Мошкова. Соавторство — штука тонкая. Мне кажется, для

Вэла оно было скорее стимулирующим средством. Для кого-то и с кем-то легче было довести начатое до конца.

2. Беседа давалась ему куда успешнее. Здесь он чувствовал себя в полете. Любил сопутствующие реплики, любил привлекать внимание к интересующей его теме. Мировую историю знал блестяще. Позднее к этому знанию подключал данные социологии, экономики, точных наук, психологии, структурологии, культурологии. Любил подходить к проблеме с разных сторон, скрещивать разные источники, но полностью никогда им не доверялся. К слову он вообще относился как к решающей и окончательной инстанции. Сказать — для него одновременно означало и сделать. После сказанного реализация была уже не важна, и он мог передоверить осуществление своих идей кому-то другому. Общаться же он мог с кем угодно. Любой здравомыслящий или даже не слишком здравомыслящий собеседник был ему интересен как факт, как феномен. Он с легкостью находил общий язык не только с уважаемыми, но и с совсем не уважаемыми собеседниками.

3. Чтение книг, кажется, заменяло Валере жизнь. За свою недолгую биографию он собрал не очень большую библиотеку, но со своими книгами работал постоянно. Не помню, чтобы он ездил заниматься в какую-то научную библиотеку, сетуя на скудость киевских книгохранилищ. Он довольствовался чтением древних авторов в переводах — Плутарха, Цицерона, Юлия Цезаря, Демосфена, Тита Ливия, Корнелия Тацита, Гая Светония Транквилла, Публия Овидия Назона, Плиния Младшего, Платона, Аполлодора, Секста Эмпирика, Гомера, Вергилия. Но немного знал и греческий, и латынь. Постоянно штудировал «Историю России с древнейших времен» в 15-ти книгах (т. е. в 29 томах) Сергея Михайловича Соловьева. Хотя знал ее, кажется, и без того очень неплохо. Интересующие его проблемы античной экономики и демографии снова и снова вызывали потребность «заглянуть» в Соловьева. Ухожу на работу — супруг еще с ночи сидит со вторым томом, возвращаюсь — он уже с пятым в руках. И тут же с порога начинает комментировать прочитанное, с легкостью находя любой запомнившийся абзац в любом томе. Постоянно заглядывал в собрание сочинений Ленина (в 55-ти томах) и Сталина (в 13-ти томах), живущих на его книжных полках по соседству; в «Историю XIX века» (в 8-ми томах. — М., 1937) под ред. Лависса и Рамбо; семитомное издание «Нюрнбергский процесс», пятитомное собрание «Воспоминаний о Ленине», вышедшее в 1968—1969 гг.; в двенадцатитомную «Историю СССР. С древнейших времен до наших дней» (М., 1966—1980). Любил Курта Воннегута, Макса Фриша, «Воспоминания белогвардейцев», которые всем посе-

тителям своего дома тут же предлагал почитать. В последние годы, как это часто случается с любителями интеллектуального чтения, Вэл увлекался детективной литературой и фильмами о лейтенанте Коломбо. Скупал детективы целыми собраниями и читал вперемешку со своим традиционным репертуаром. Перед смертью он успел навести идеальный порядок на своих книжных полках. Порядок этот сохранился по сей день. Почетное место в разделе профессиональной литературы занимают несколько полок с «Вестником Древней истории» за 1968—1992 гг. Все это, казалось бы, вещи простые, это читают все, но он копал глубоко.

Несколько слов о Валериных привязанностях. Самым большим авторитетом для него был отец. В присутствии своего родителя сын преображался до неузнаваемости. Становился заботливым, предупредительным и даже нежным. Отца Вэл не просто слушал, он ему внимал. Когда мы вдвоем изредка приходили в родительский дом на бульваре Дружбы Народов, Валера не позволял ни на что отвлекаться, даже с Антониной Александровной нельзя было словом перекинуться. Общение с Михаилом Андреевичем было каким-то священным ритуалом. Темы перебирались самые разные и животрепещущие, чаще всего из истории советской державы: революция, кулачество, индустриализация, голод, Сталин, Великая Отечественная и, конечно, археология. Ценность этих бесед заключалась в том, что их инициатором был самый непосредственный участник и очевидец обсуждаемых событий, работник идеологического фронта. Михаил Андреевич пережил даже тридцатидневное тюремное заключение во второй половине 30-х, из которого у него был шанс никогда не вернуться. Но об этом он распространяться не любил. Пересказ наших разговоров увел бы нас очень далеко. В памяти остались отдельные парадоксальные реплики. Вот такая, к примеру: «Если бы не война, мы бы диким волосом поросли!»

Валера очень остро переживал смерть отца, хотя Михаил Андреевич умер в преклонном возрасте после продолжительной болезни. Сын прожил на четверть века меньше.

Женскую тему мы сразу оставим в стороне. Могу только сказать, что в Валерку всегда кто-нибудь был крепко влюблен, дамы его нежно опекали и заботились как о младенце. Но на любовном фронте все складывалось роково. При всей своей мягкости Валера вел себя со своими обожательницами порой и грубо, очень любил жестко кинуть в лицо: «Полюбите нас черненькими, беленькими нас любой полюбите!» Незадолго до своей смерти он сказал матери: «Мать, я очень уважаю тебя за то, что ты так преданно за отцом ухаживала!», — сказал

словно вослед всем тем временным попутчицам, которые обрекли его на полное одиночество. А он его просто не выносил.

Отношения с мужским полом складывались куда более гармонично и доверительно. Господь щедро одарил Вэла друзьями. Нельзя сказать, что Валера был преданным и внимательным другом. Но друзей своих ценил высоко и по-своему любил. Крепкие дружбы пошли с университета: Юра Калинин, Сергей Белоконь, Сергей Буйских (фото 15, 25). Последний был не только другом, но и коллегой, соратником, многолетним соавтором Вэла. И это, конечно, осложняло отношения. Работа есть работа, тем более археологическая. А Вэл был феноменально неисполнительным и необязательным. Так что Сергею с ним пришлось хлебнуть всякого...

Юра Калинин с Вэлом, при Вэле, рядом с Вэлом был не просто преданным другом, но и нянькой, мамкой, батькой. Валерку он принимал со всеми потрохами: и черненьким, и беленьким. Что бы ни случилось, к Юре (Юрасику — по-вэловски) можно было, как по телефону доверия, обращаться в любое время суток. Он остался рядом и после смерти друга. Не только хоронил его, но и активно содействовал реализации идеи установки стелы в память обо всех ушедших археологах Ольвии. К несчастью, через три года после смерти Валеры, Юра и сам присоединился к этой элитарной компании...

В советские времена над Юрой подсмеивались: в университете он читал курс истории КПСС. Для Валеры же было важно не чем, а как занимается исследователь. Он ценил калинцевский дар подойти к любому вопросу творчески, заполнить белые пятна партийной истории, обнаружить идеологические «нестыковки». Так же впоследствии Юра относился и к курсу истории Украины. Общность духовных и научных интересов накрепко сплотила квартет университетских друзей.

Четвертым в этом братстве был Сережа Белоконь. Он регулярно навещался к Валере для того, чтобы проговорить с ним идею очередной статьи или книги. У Сержа (или Сержика или Белокоши — Валера употреблял все три вариации) после защиты диссертации в Москве была полоса сплошных неудач. Власть на дух не выносила его деятельности по разысканию расхищаемых лаврских незаинвентаризованных ценностей, или замалчиваемых фактов украинской культуры, забытых имен репрессированных, замученных, расстрелянных. Сережа был тогда безработным. Его поносили, шельмовали, игнорировали. Но он стойчески продолжал дело своей жизни. Тогда, в начале 80-х годов, мы слушали на кухне многое из того, что 20 лет спустя превратилось в тексты опубликованных статей, книг и докторской диссертации. Красивый, пе-

чальный, одухотворенный, взволнованный, но никогда при этом не повышающий голоса, Серж напоминал монаха, ушедшего в затвор на заре основания лаврских пещер. Он сразу с порога начинал рассказ об очередном этапе своих непрекращающихся (без выходных и отпусков!) поисков. Валера слушал с неизменным интересом, тут же по ходу дела комментировал, высказывал свои соображения. Громадный фактаж Белоконя мгновенно осмысливался в более широком историческом контексте, в связи с событиями давнего и недавнего прошлого. Валера умел, словно с высоты орлиного полета, взглянуть на любое, даже самое незначительное событие и вписать его во всемирную историю. За эти уникальные мыслительные способности в соединении с абсолютной бескорыстностью, интеллигентностью его боготворили те немногие искатели истины, которых он всегда к себе притягивал.

Валера, как уже говорилось выше, мог общаться и с абсолютно противоположными по складу людьми, но людьми, как правило, неординарными. Таким был Володя Рубан, человек с абсолютным чувством свободы, живущий в те годы безоглядно, обладающий невероятной интуицией. Землю Рубан видел насквозь. Мог по рельефу местности определить местонахождение кургана или античной виллы, хозяйственной ямы или жилого квартала. В те годы он жил под Николаевым в Дидовой Хате со своей мамой и двумя роскошными котами. Володя был человеком «неприручаемым», не выносящим самого духа коллективности, самый настоящий степной волк в человеческом обличье! Отношения с людьми у него практически никогда не складывались, а вот с Вэлom он чувствовал себя «в своей тарелке». Они приятельствовали, хотя, случалось, и рукоприкладствовали, выясняя отношения; сотрудничали в период раскопок на Черноморке и в Чертоватом, мечтали о создании совместного труда, но так ничего путевого, кроме совместной статьи по поводу раскопок на Чертоватом-2 в 1975 году, не сотворили. С Вэлom Рубан мог помечтать и о рыбалке (при этом я никогда не видела ни того, ни другого с удочкой), и о солененьких бычках, тут же пофантазировать о перспективах директорства в Стамбульском институте археологии (меня там тоже обещали пристроить на архивную должность) или уже всерьез порассуждать об этно-социальной динамике развития поселений Ольвийской хоры.

И еще одного доброго знакомого завещал мне Валера — Мишу Рабиновича, ученого-практика, занимающегося проблемой использования солнечной энергии. Человек деятельный, энергичный, рациональный в своем уникальном деле, он испытывал постоянную потребность в общении с вольной, теплой, иррациональной

археологической братией. Умница, балагур, с неиссякаемым чувством юмора, почитатель Розенбаума, Миша дорожил обществом Вэла. Валерка платил ему тем же.

Понятия карьеры для Валерия Михайловича не существовало. Скорее, было полнейшее к ней равнодушие. И если сначала он восходил по служебной лестнице весьма успешно, то потом кривая пошла вниз. В личном деле встречаются взыскания за нарушение трудовой и исполнительской дисциплины с последующим понижением в должности. Так, в 1986—1991 гг. Отрепко — снова старший лаборант, и только с 1991 года — научный сотрудник. С 1985 года он стал действительным членом Одесского археологического общества. Это было его единственное членство и единственный признак деятельности за пределами родного Института. Помнится, даже в Москве, где наши пути снова пересеклись на аспирантском поприще (я была аспиранткой другого института — при Академии художеств СССР), Валера себе не изменил. Я частенько вечером заходила к нему в общежитие, неизменно заставая его с любимой книжкой в руках. При этом ничто в окружающей обстановке не говорило о том, что хозяин комнаты над чем-то трудится: ни печатной машинки, ни груды написанных листов, ни раскрытых на разных страницах в беспорядке лежащих книг, прямо как в песне: «Все культурненько и приличненько, исключительная благодать!» И тут Вэл внешне не проявлял никакого рвения к науке. Он просто жил ею и с нею — всегда и неизменно, редко доверяя бумаге свои мысли и соображения. Знаю только, что в Москве был у него постоянный собеседник, коллега — Саша Масленников. После этих московских общений невероятно трудолюбивый, организованный и целеустремленный ученый высылал Вэлу свои регулярно издаваемые монографии и всегда с искренней и благодарной подписью.

Валера был человеком вечно сомневающимся, я бы сказала, даже слишком сомневающимся. Если одна рука писала, другая, казалось бы, ту руку придерживала. Порой на него нападала мрачная меланхолия, он начинал терзать себя за несделанное, неосуществленное. Любил дразнить себя вопросом на американский лад: «Если ты такой умный, то где же твои денежки?» Но к деньгам при этом он относился с полным безразличием. Устроил мне как-то хэппенинг. Издательски спокойненько и хладнокровно сжег на моих глазах зарплату. В другой раз явился с пачкой денег, которую якобы удалось сэкономить в экспедиции. Не помню суммы, потому что он тут же в ярости зашвырнул ее за книжные полки, откуда потом ему, бедному, пришлось через две—три недели ее извлекать, снимая с полок всю свою библиотеку. Теперь понятно, что это

было тяжелейшее время, эдакий «час Быка» (по Ефремову). Роман Балаян снял фильм «Полеты во сне и наяву» о таких неприкаянных, кто не мог вписаться в свою эпоху. Какой-то дефект, кажется, был заложен в самом генетическом коде вэловского — последнего советского поколения.

*Я Бога спросил:
«Ты что натворил?
Когда я родился,
Ну где же ты был?
Когда я выросл,
Ну куда ты смотрел,
Почему не вмешался?»..*

Диссертацию Вэл защитил через 12 лет после окончания аспирантуры. Думаю, что этот барьер он преодолел исключительно для своего любимого родителя и радетеля Михаила Андреевича. Хотя последний, ожидавший от своего воспитанника намного большего, отозвался об этом событии более чем сдержанно: «Поздно!..»

Уже в начале 80-х Вэл начал уставать от длительных полевых сезонов. Археологическая романтика хороша для духовного становления молодежи, но с годами хочется элементарного комфорта и покоя. После шести месяцев полевых работ он долго приходил в себя: сутками спал, питался, как императрица Елизавета Петровна, исключительно по ночам или под утро. Меню всегда было антиархеологическим: яичница, сало, сметана, молоко, огромные бутерброды с сыром или картофельное пюре с только что поджаренной отбивной в придачу с соленым огурчиком. Я беспомощно взирала на эту жизнь наоборот. Но Вэл убедительно аргументировал: «Понимаешь, греки жили давно, чтобы понять их, нужно порой становиться на голову, уходить от банальных стереотипов».

И вот наступил страшный день, когда в бухгалтерии ему показали написанные на него докладные. (В деле сейчас их нет.) Не задумываясь, он написал заявление: «Прошу уволить меня с занимаемой должности по собственному жела-

нию с 3 ноября 1998 года». Но поражает не это. Приказ об увольнении Отрешко на основании его собственного заявления датирован тем же числом — 3 ноября 1998 года. Никто, видимо, не проявил никаких колебаний...

А для него все в одночасье рухнуло. Больше года Вэл нигде не служил. У него, видите ли, оказалась слишком редкая профессия, чтоб устроиться в Киеве где-то в другом месте. Увы, никаких перспектив на возвращение в тот единственный коллектив, где он работал и где оказался лишним, не было. Расстались они навсегда.

Не представляю, чем и как он жил в последние месяцы своей земной жизни. Он разошелся и со второй женой. Антонина Александровна вспоминает, что Валерка говорил ей о том, что еще никогда не жил с таким чувством свободы. Витя Джулай поделился (где-то в ноябре 1998 года), что звонил Вэл и жаловался на одиночество.

В ноябре 1999 года Валера перебрался к матери. Она сломала руку, и сын исключительно бережно, день за днем за ней ухаживал. 29 ноября рано утром помог матери снять с руки донельзя надоевший гипс. Днем, как обычно, прилег отдохнуть, но уже не проснулся. Он умер во сне. Диагноз: ишемическая болезнь сердца.

Антонина Александровна рассказывала, что Валера очень много работал по ночам, что-то писал. Среди бумаг было найдено несколько листов с аккуратными столбиками загадочных цифр. Возможно, он опять изобретал какую-то универсальную формулу...

Первым на смерть друга отозвался Сергей Белокоп. В «Вечернем Киеве» от 1 декабря 1999 года на второй странице на черном фоне выделялось несколько лаконичных строчек: «З невимовним болем друзі повідомляють, що 29 листопада раптово помер у розквіті сил блискучий дослідник античної колонізації Північного Причорномор'я Валерій Отрішко».

К этому мне остается добавить только свою неизбывную печаль.

Н.М. Буракова

О ВАЛЕРЕ ОТРЕШКО

Наша семья хранит добрую память о Валерии Михайловиче Отрешко. Для нас он был всегда желанным гостем. Общаться с ним было приятно. Человек он был умный, эруди-

ванный в области истории, литературы, философии, поэтому беседы с ним были интересные. Бывало, он приезжал в Ольвию весной и охотно помогал нам в работе на огороде и в саду, и так

красиво возделывал землю, как будто он давно занимался земледелием.

К археологии появился у него интерес еще в школьные годы. Будучи учеником 9—10 класса, приезжал в Ольвию как участник ленинградской археологической экспедиции под руководством Александра Николаевича Карасева и Елены Ивановны Леви. По окончании работы экспедиции Валерий оставался недели на две в Ольвии. Бродил по безлюдному заповеднику в одиночестве, о чем-то размышлял. Ему хотелось тишины. Помню первое появление Валеры, симпатичного поджарого юноши. Очень скромного. Я бы сказала, что он был натурой философского склада. У нас сразу сложились сердечные отношения, продолжавшиеся всю жизнь. Валера любил Ольвию и в нашем доме чувствовал себя хорошо. Накормить его было нетрудно. Любимая еда — яичница и сметана, которые всегда есть в сельском доме.

В начале 1970-х годов была создана периферийная экспедиция для исследования хоры Ольвии под руководством Анатолия Виссарионовича Буракова. Валерий охотно вошел в этот отряд. Это было счастливое время для всех участников экспедиции. В отряд влились молодые образованные люди — энтузиасты, романтики, любящие археологию. В отряде были историки, археологи (Сергей Буйских, Валера Отрешко, Боря Магомедов, Володя Назарчук), географы (Миша Иевлев), архитекторы (Юра Серов), искусствове-

ды (Люся Лысенко), инженеры (Лида Магомедова), студенты (Оксана Михайлова, Лена Оксер, Сергей Дерюгин). Работали в тяжелых полевых условиях, далеко от населенных пунктов, с дефицитом привозной воды. Пищу готовили на примитивных полевых очагах и кострах. По вечерам весело отдыхали, пели песни у костра под гитару. Слова песен писал Сергей Буйских. Были рассказы, воспоминания. Экспедиция была дружная, работающая. Анатолий Виссарионович был опытным полевым археологом и многому мог научить молодежь: разведке на местности, поштыковому снятию слоев, умению анализировать археологический материал, строить гипотезы. Интеллектуальные способности Валерия Отрешко Анатолий Виссарионович высоко ценил. Только считал Вэла немножко сибаритом, человеком неорганизованным, недисциплинированным. Это мешало работе. Но в то же время А. В. называл и Отрешко, и Буйских своими учениками. Причем, позже они оба защитили кандидатские диссертации, а Боря Магомедов — даже докторскую. Анатолию Виссарионовичу было очень приятно, что во время защиты Борис назвал его своим учителем. Для него это была высшая награда.

Очень печально, что ушел Валерий из жизни безвременно. Мог много внести полезного в науку, оставаться утешением для своих родных и близких. Мы всегда будем вспоминать его добрым словом, как хорошего человека и нашего доброго друга.

Август 2008 года. Ольвия

Е.Н. Язвинская

ОНИ ЛЮБИЛИ НАС...

«Живет себе человек, живет, а потом вдруг умирает. Как бы ни с того ни с сего. От жизни, говорят», — так начинает свой рассказ про Вэла известный одесский краевед и журналист Олег Губарь в книге «Энциклопедия друзей», которая была мне подарена в ноябре 2003 г. Примерно такими же словами начала свои воспоминания о Валере и я в конце 2002 г., когда началось формирование сборника, посвященного памяти Валерия Михайловича Отрешко. С Олегом мы не сговаривались. Поэтому пришлось переделывать начало, да и не только начало, а весь свой опус. Да и не только из-за Олега. Произошло еще одно событие. Валера ушел из жизни 29 ноября 1999 г., а в мае 2003 г. не стало Юрия Александровича Калинцева. Он тоже ушел из жизни. И тоже как бы ни с того, ни с сего. Калинин — не просто

лучший друг Отрешко. Он — его духовный наставник. Они шли по жизни вместе. Они — единое целое. Их дружба достойна подражания. Много из того, что было лучшего у Вэла, пришло к нему именно от Юры. Я решила вспомнить о них двоих. Оба были моими близкими друзьями и друзьями моего мужа, архитектора Юрия Серова, еще со студенческих времен.

Отечественная историческая наука формировалась и формируется сейчас в большинстве своем по отработанному стереотипу. Заканчивая исторический факультет, многие идут в аспирантуру, защищают диссертации, рассеиваясь затем по научно-академическим институтам или оставаясь при кафедрах университетов, педагогических и других институтов. В социальном отношении эти люди различны. Одни вы-

росли в Киеве и посещали лекции, не покидая отчего дома. Другие приезжали с периферии, или же сельской местности покорять вершины науки, да и просто сделать карьеру в столице. Бывали даже случаи, когда они возвращались домой, неся доброе, честное, гуманно-историческое с кафедр местных вузов подрастающим специалистам всех направлений и категорий. Зачастую историю они отождествляют с политикой и честно занимаются тиражированием своих знаний в различного рода научных и методических публикациях. Этого требует их род занятий: преподавателю высших учебных заведений и работающим в исследовательских институтах следует ежегодно выдавать «на-гора» определенное количество печатных страниц. Не буду персонифицировать, однако среди них есть действительно состоявшиеся ученые-историки, внесшие достойный вклад в развитие отечественной и зарубежной истории.

Однако есть особая категория среди тех, кто занимались и занимается историей. Это те, кто пришли в нее, как бы сказать, по зову сердца. У них это «историческое» было генетически заложено еще до их рождения. Оно преследовало их всю жизнь, отодвигая остальное на второстепенный план. Они могли говорить только об истории, и только про историю. Она снилась им по ночам. Исторический вирус проникал в них, заражая весь организм, еще тогда, когда они школьниками занимались в исторических кружках, работали в археологических экспедициях. Они сбегали на исторический факультет, успешно отучившись один—два курса в лингвистических, биологических, физико-математических, экономических и других институтах. Они не просто занимались всю жизнь любимым делом. Они ему посвящали, они ему отдавали всю свою жизнь. Как правило, воспитывались они в семьях интеллигентных, где папы-мамы не всегда были историками, а занимались журналистикой, врачеванием, учительствовали и т. п. Интеллигентное отношение к своему делу, к действительности, к прошлому у них культивировалось с младенчества.

Именно из таких ученых были Юрий Калининцев и Валерий Отрешко. У них было много общего. Оба киевляне. Однокурсники. Энциклопедисты по складу ума. Историю почитали как Богиню. Оба увлекались археологией, которая потом у Вэла стала смыслом всей жизни. Да и Юра практически каждый год приезжал в экспедицию, вплоть до последних своих дней. У обоих — археологические браки, то есть их жены или увлекались археологией, или же занимались ею как наукой. Дети тоже бывали в экспедициях. Интересно, что даже подбор книг в их домашних библиотеках был схож, разве что у Вэла было побольше детективов и эзотеричес-

кой литературы. Даже причина ухода их из жизни одна и та же — отказало сердце.

В то же время они были совершенно разными по характеру, бытовым устремлениям, отношением к семье и др. Валерию свойственно было впадать в меланхолию и даже депрессию, искать поддержку у других. Юрий же всегда был олицетворением сдержанности, надежности и какой-то, если так можно выразиться, «правильности». Естественно, у него были свои внутрисемейные и производственные проблемы. Однако ему и в голову не приходило обременять ими окружающих.

Не совпадали также их научные интересы. Валерий органично вписался в коллектив античного отдела Института археологии НАН Украины. С подросткового возраста находясь в археологических экспедициях, Отрешко один из первых в Украине стал заниматься динамикой развития Ольвийской хоры. Большинство его научных публикаций посвящены экономике, экономическому районированию, демографическому потенциалу, типам домостроительства, культуре и т. п. Ольвийского полиса архаического и классического времени. Защитил кандидатскую диссертацию: «Ольвийская хора VI—V вв. до н. э.». С успехом пробовал он себя и на преподавательском поприще, читая лекции по археологии для студентов Киевского художественного института. После окончания курса не было случая, чтобы его студенты не приезжали к нему в археологическую экспедицию.

Идеи из него сыпались щедро. Природное обаяние и талант рассказчика заставляли других слушать его, раскрыв рот. Помню, еще в 1971 г. в Ольвии Лазарь Моисеевич Славин меня, первокурсницу, посадил работать вместе с Валюшей Бобковой (ныне Крапивиной), студенткой-третьекурсницей, в камералку. Там часто появлялся Вэл, и начинались длиннющие лекции-разговоры «об ней, об археологии» с пространными комментариями по каждой эпохе, по каждому граффити, по каждому черепку, лежащему на столе. Мы внимали ему, как академику, а он то был всего на пару лет старше нас. Мне кажется, если бы не его природная лень, он бы успел поделиться своими идеями не только с окружающими, но и с бумагой, воспроизведя их в научных статьях, монографиях, докладах. К сожалению, Валера не все успел в своей жизни. Хотя он знал о своих творческих возможностях, даже гордился ими.

К людям он относился не потребительски, хотя в его периферийных археологических отрядах все работали на совесть, выбиваясь из сил, производственная дисциплина была жесткая. Его совершенно не беспокоил возраст, происхождение, этническая или расовая принадлежность людей. Ему было интересно с каждым,

как и каждому было интересно с ним. В этом отношении, признаться, вызывает удивление фраза Губаря из «Энциклопедии друзей» о том, что я с Вэлом, вроде, когда-то обсуждали его, Губаря, происхождение. При этом Губарь ссылается на мои слова, что я де сама ему об этом рассказала. Правда, в послесловии к этому Олег сам признается, что Вэл лучше различал античность, нежели графу в советском паспорте. Такого исторического факта, «такой усиленной детали» я в своей биографии не припоминаю, у нас было достаточно других тем для бесед и мы с Валерой Отрешко никогда не обсуждали подобные проблемы, он действительно «был *вне этого*».

Весьма ранимый в душе, Валера умел прощать людей, даже когда они были к нему не совсем справедливы. Он нашел в себе силы не обидеться на тех, кто забыл о его пятидесятилетнем юбилее, состоявшемся уже после его ухода из Института археологии. Ведь пришли-то его поздравить только Юра Калининцев, Лена Язвинская, Юра Серов и Элен Пятакова (художница из Ольвийской экспедиции). Было очень трогательно наблюдать его детскую радость от нашего прихода, а также то, как он хлопотал на кухне, хвастался, подавая блюда, самым приготовленные. Как всегда, беседа затянулась до глубокой ночи (или, точнее, до раннего утра). И не слова о тех, кто не пришел и не позвонил. У него был талант быть другом каждому, с кем общался, и этот каждый считал его своим близким другом. Я уверена, что из тех почти двухсот пятидесяти человек, которые пришли с ним проститься на Байковом кладбище в декабре 1999 г., каждый второй считал себя лучшим другом Вэла. Однако, несмотря на большое количество и многообразие людей, с которыми его свела судьба, единственным и настоящим его другом в земной жизни был, наверно, Юра Калининцев (фото 25).

Юрий Александрович Калининцев связал свою производственную и творческую биографию с историческим факультетом Киевского университета имени Т. Шевченко. Блестящий педагог и ученый, он встал на путь воссоздания украинской истории, принимал участие в сотворении новых учебников по истории Украины, разрабатывал новейшую методику преподавания истории в средней и высшей школе, писал многочисленные научные и публицистические статьи в журналах, газетах и т. д. Все это воспроизвелось в его творческом наследии, которое насчитывает свыше 150 научных и методических работ. Юра, в отличие от Вэла, вел активную общественную жизнь. Всегда с молодежью, со своими студентами, он что-то придумывал, создавал, устраивал, ходил колядовать в новогодние и рождественские праздники, принимал участие в формировании музея одной улицы и др. Характерная деталь: на

девять дней мы поминали Юру на Андреевском спуске, в этом музее. Да и директором в нем служит одна из его бывших студенток.

Калинцев никогда не забывал поздравить друзей с праздниками, с их днями рождениями. Когда он являлся в гости (а он никогда не отказывался, ссылаясь на занятость), все знали, что лучшего тамады не сыщешь. Приходил всегда первым, громогласно сыпал шутками и поздравлениями, принимал активное участие в нарезке салатов, сервировке стола, поражая нас своими недюжинными познаниями в этой области. Сам был хлебосольным и гостеприимным хозяином. Жил он в центре Киева, потому, как правило, любое мероприятие: презентация книги, художественная выставка, иные исторические и археологические тусовки — заканчивалось в квартире у Калининцева. Он очень внимательно и бережно относился к женщинам. Ну просто *очень* отличался в этом плане от других! Еще в студенчестве, я заметила, что он, пожалуй, был единственным из ребят в экспедиции, кто следил, чтобы девочки не сидели на земле, приносил для этого спальные, раскладывал их вокруг костра. Никогда не отказывался от дежурства на кухне и брал на себя при этом львиную долю работы. Был главным организатором наших ежевечерних костров. Причем не только в смысле закупки провизии и спиртного. Он также разыскивал дрова, иногда за несколько километров от лагеря, притаскивал и рубил их. Никому не уступал прерогативу разжигания и поддержания самого огня. Словом, по его же выражению, был «главным костратом» лагеря. Его жизненной энергии хватало на всех. Друзья всегда *именно к нему* ходили за советом, помощью, поддержкой. И Юра всегда помогал, причем в его стремлении помочь явно ощущалось то удовольствие и удовлетворение оттого, что он кому-то сделал приятное, хорошее, избавил от беды. Он расцветал, хорошел, набирался сил. Это был его образ жизни. Никогда не забуду, как через пару лет после смерти Вэла, он подсчитывал, сколько похорон друзей и знакомых ему пришлось организовывать. Он и тут был безотказным. Внезапная и нелепая смерть от сердечного приступа настигла его на даче в субботу, 3 мая 2003, после того, как он нарубил бесчисленное количество дров. По свидетельству родных, этих дров должно хватить на несколько лет.

До сих пор перед глазами траурный зал крематория в понедельник, 5 мая 2003 г. Хоронят Юрия Александровича Калининцева, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории для гуманитарных факультетов Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко. Ошарашенная, еще не осознавшая степень потери, огромная толпа людей, состоящая из сотрудников университета, Института архео-

логии, родных, бесчисленных друзей и нескончаемые потоки студентов с цветами, которые пришли проводить в последний путь своего любимого преподавателя.

Свою дружбу Юра и Валера пронесли через всю жизнь, пока смерть не разлучила их. Их духовная связь поражает воображение. Когда-то Юра делился со мной и моим мужем впечатлением от того, что много-много лет назад, в ночь, когда умер его отец, Вэл пришел к нему на квартиру пешком с центра, с улицы Пирогова на Александровскую слободу: «Он ведь не знал! Он почувствовал! Он шел в темноте всю ночь! Телефона у меня не было».

В их дуэте Калининцев, несомненно, играл первую скрипку. Он опекал Валеру всю жизнь, да и после его кончины. Он заботился о его семье, матери после того, как Валера ушел из жизни. Он обустроил его могилу. Он даже одел Валерия в свой костюм, когда того хоронили. В чем впоследствии многие усмотрели нечто мистическое, дескать, Валера позвал его за собой. Он позаботился о том, чтобы поставить памятник Вэлу и в Ольвии. Вместе с архитектором Юрой Серовым, они решили сотворить стелу не из мрамора или гранита, а из местного камня-известняка. Пом-

ню, как Серов обегал весь Киев для того, чтобы достать какую-то пропитку для камня, чтобы он не разрушался. Все уже знают этот обелиск на обрыве над лиманом, на котором посвящение не только Вэлу, а всем исследователям Ольвии и ее хоры. Калининцев своими руками ставил этот памятник весной 2000 г. Он спешил. Он чувствовал, что будет следующим. Он сказал это на могиле Вэла почти сразу после его похорон, 19 декабря 1999 г., когда мы приходили проводить Валеру (мы — это Юра Серов, Галя Крылова, Игорь Смирнов, Саша Рутковский, Юра Калининцев и я). Сказал просто и тихо: «Вэл, я буду следующим». Он думал, что никто не слышит, так как все уже отошли. Услышал только Юра Серов, озвучив эту фразу лишь в день похорон Калининцева.

Мы живем не только радостями и приобретениями. В нашу жизнь врывается и горечь утрат. Ностальгия по ушедшим нашим близким и друзьям тоже подпитывает нас до самого последнего часа. И Валерий Отрешко, и Юра Калининцев были достойными людьми. Они были талантливыми учеными. Они были преданными друзьями. Они любили своих детей. Они любили женщин. Они любили нас. Мы помним о них и гордимся ими.

В.В. Крапивина

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Как ни грустно, воспоминания, которые я начинала писать о Валерии Отрешко, теперь еще связаны и с Юрием Калининцевым. Они были дружны при жизни и, к сожалению, достаточно быстро воссоединились на небесах... Когда-то Юра рассказал мне один из эпизодов их дружбы, запомнившийся мне на всю жизнь, и, как мне кажется, лучше всего характеризующий эту дружбу. В деталях мои воспоминания могут содержать неточности, но суть передана верно. Когда много лет назад у Юры умер отец, к нему на Батыеву гору неожиданно среди ночи пришел Валера, живший тогда на ул. Пирогова. Он просто почувствовал, что Юре нужна его помощь. При этом их отношения оттеняла добрая ирония, которую могут позволить себе только люди очень близкие духовно. Приведу один пример. Когда родители Валеры разменяли квартиру в центре города для того, чтобы обеспечить взрослого сына отдельной жилплощадью, я выразила Юре свое восхищение их поступком и добавила,

что надо нам и самим не забыть, как это важно быть самостоятельными уже с молодых лет и брать пример с родителей Валеры в отношении собственных детей. На что Юра с присущим ему юмором ответил, что не надо этого делать, а то и дети у нас будут под стать Вэлу.

Не могу сказать, что мы были и с Валерой, и с Юрой очень близкими друзьями, однако жизнь наша проходила рядом, то сближая нас, то несколько отдаляя. Тем не менее, как мне кажется, мы были всегда искренни и хорошо относились друг к другу. Кроме того, были моменты, которые помнятся, пока мы живы. Например, я всегда буду помнить, что, когда в конце ноября 1971 г. умер наш учитель Л.М. Славин, от его гроба, стоявшего в зале на Кирова, 4, меня, находившуюся в полубессознательном состоянии, увели Валерий Отрешко и Сергей Буйских. Я помню, как мы потом стояли на лестничной площадке, и ребята пытались меня, совершенно зареванную, успокоить. Запомнилось только,

что, исчерпав всю возможную аргументацию, Вэл говорил что-то о том, что когда я плачу, то плохо выгляжу, а когда нет — совсем даже наоборот.

Пожалуй, ни с кем я так много не беседовала на научные темы, как с Валерой. Вообще наука в целом и античная археология в частности, его интересовала больше всего на свете, особенно сам процесс познания нового. В этом, как мне кажется, состоял главный смысл его жизни. Бывали случаи, когда Вэл, проведя большую исследовательскую работу и выяснив какую-то интересовавшую его проблему, так и не доводил ее до уровня публикации. В частности, сделав прекрасный доклад на заседании отдела античной археологии ИА НАНУ (тогда ИА АН УССР) о дате основания древнегреческого поселения на о. Березань на основании корреляции данных археологии и сообщений древних авторов, он так и не опубликовал его. Я тогда была ученым секретарем отдела и в течение достаточно длительного времени пыталась подвигнуть его сделать из этого материала статью. В итоге Вэл сказал, что когда он занимался этой темой, он не все сноски оформил надлежащим образом, и теперь для публикации ему надо вновь поднять все материалы, а ему уже все ясно и больше неинтересно этим заниматься. Вообще, Валера плохо вписывался в плановую науку, а другой у нас тогда не было. Именно по этой причине у него и возникали проблемы в Институте. Он, прекрасно образованный и эрудированный ученый, не понимал и не хотел понимать, зачем надо непременно ходить на работу, если дома ему работаете гораздо лучше, почему надо отчитываться только запланированной ранее темой и выполнять определенные объемы по ней. Могло показаться, что Вэл работает стихийно, но на самом деле во всех его деяниях присутствовала логика, но его собственная логика, не всегда понятная окружающим. Ум у него был устроен таким образом, что он в большей степени был разрушителем существующих концепций (в том числе и своих собственных), чем созидателем. Именно поэтому с ним всегда было интересно обсуждать самые разные научные проблемы. Он будил мысль окружающих, подвергая сомнению высказываемые концепции и положения. Как-то он сформулировал понятие идеи, которая носится в воздухе. Он признался, что когда он вместе с друзьями обсуждал различные научные проблемы, связанные с ольвийской хорой, у него неоднократно возникало ощущение, что под чужой фамилией выходили его собственные мысли. Потом выяснилось, что и у его оппонентов сложилось аналогичное мнение в отношении него. Валеру всегда интересовали парадоксальные ситуации, не была исключением и эта. Проанализировав, что происходит, он понял, что в

процессе дискуссии не всегда рождается истина, чаще всего к ней просто подходишь вплотную, причем каждый из оппонентов вносит свою лепту. Это и есть идея, которая носится в воздухе. Затем кто-то первым осознает ее окончательно и публикует в полной уверенности (подчеркну — оправданной), что идея принадлежит ему. При этом у каждого из оппонентов создается впечатление (также оправданное), что он говорил то же самое, и таким образом воспользовались его идеей. При этом каждая из сторон уверена в своей правоте, а истина, как всегда, находится посередине. Позднее я неоднократно убеждалась в том, как верно Вэл сформулировал происходящее. Действительно, часто в споре рождается истина, у которой много родителей, но не все они зафиксированы на бумаге.

Однако при всем увлечении наукой, ничто человеческое Вэлу отнюдь не было чуждо, он не был эдаким книжным червем. Я вспоминаю, что те, кто работал у него в экспедициях, отмечали хорошую их организацию и прекрасный душевный климат. Все это привлекало к Валерию людей, у него сложился свой постоянный экспедиционный коллектив. Он неоднократно повторял, что поселение Большая Черноморка раскопано на отпускные деньги его друзей. Вэл был духовно богатым человеком, многообразным в своих проявлениях. И я думаю, что все это найдет отражение в наших воспоминаниях, в которых каждый отразит ту грань его характера, которая запомнилась более всего. Отмечу, что на его похоронах было очень много людей разных профессий, которые искренне любили Валеру и глубоко сожалели о его раннем уходе.

С Юрой Калинцевым нас больше связывали не рабочие моменты, а часы досуга. В конце 70-х — начале 80-х годов мы часто встречались в гостеприимной квартире Калинцева — Молодчиковой. Юра, как никто другой, умел объединять друзей. В компании с ним было всегда весело, неординарно, существовала «культурная программа», особенно при встрече Нового года, когда по его инициативе устраивались даже костюмированные представления, выпускались газеты и т. д. Помню, когда-то на старый Новый год мы встретились с Юрой у Ю. Серова и Е. Язвинской. Он вскоре засобирался домой, так как за ним должны были зайти его студенты, чтобы вместе идти колядовать. Юра всегда был молод душой, и это делало его любимцем всех окружающих его людей, в том числе и студентов. Отмечу, что студенты, узнав о неожиданной кончине и быстрых похоронах Юрия Калинцева, бежали с лекций на кладбище попрощаться с ним уже даже тогда, когда гроб опустился в крематорий. Его, человека цельного и принципиального в работе, отличала врожденная доброжелательность к людям, он практически никогда и ни о ком не

говорил плохо, старался всех понять и помирить конфликтующих. Всегда боялся неосторожным словом кого-нибудь обидеть. У него даже превратилось в присказку: «Ты только, пожалуйста, не обижайся на меня...»

После смерти Вэла он загорелся идеей поставить другу памятник в Ольвии. Затем эта идея переросла в желание увековечить память всех тех, кто посвятил свою жизнь этой прекрасной земле под названием Ольвийский полис. Юра долго советовался как с ближайшими своими друзьями, так и с сотрудниками отдела античной археологии ИА НАНУ, работающими в Ольвии, на каком месте и какой памятник поставить. В итоге в мае 2000 г. он вместе с А.С. Беляевым отправился в Ольвию, где они и установили памятник,

получивший позднее название «кенотаф». В живописном месте над лиманом установлена большая известняковая плита, найденная еще Б.В. Фармаковским на месте предполагаемого храма Аполлона Простата, в которую вставлена плитка черного мрамора с лаконичной, но очень емкой надписью: «Светлой памяти исследователей Ольвии и ее округи». К подножию плиты теперь кладется горсть земли с могил тех, кому она посвящена, сюда приходят помянуть ушедших, в том числе и двух друзей — Валерия Отрешко и Юрия Калининца. Первый был профессионалом-археологом, второй — любителем, но оба внесли свой вклад в дело исследования Ольвии и ее округи. И даже после смерти здесь они остались навсегда вместе.

И.А. Смирнов

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ НЕ НАСТАЛО

С Валерой Отрешко мы познакомились в Ольвии летом 1967 года, сблизилась довольно быстро и дружили всю жизнь. Не помню, а вернее не знаю, откуда у него появилось «экспедиционное» имя Вэл, — но так его называли все, кто его окружал и друзья, и недоброжелатели.

Общаться с ним было приятно и весело, работать интересно. Прекрасный раскопщик, он великолепно «чувствовал» землю. В науке изначально был удачлив. Ученик Л.М. Славина и А.В. Буракова он перспективно занимался проблемами колонизации Северного Причерноморья и формирования ольвийской хоры.

Вэл обладал тонким юмором, часто переходящим в сарказм, широкой эрудицией, был отличным рассказчиком и собеседником. Несмотря на неброскую внешность, обладал необычайной импозантностью, пользовался большой благосклонностью женщин.

Казалось, что перед ним открываются радужные перспективы, но судьба сложилась так, как

сложилась и, скорей всего, благодаря трансформации его мировоззренческих взглядов. Вэл, несмотря на то, что был закоренелым язычником, часто любил цитировать Святое писание, особенно Евангелие: «Время разбрасывать камни и время собирать камни...» Идея предопределенности, тщеты всего человеческого пронизывала последние годы его жизни. Отбросив христианское представление о совмещении свободы воли с Божественным провидением, он довел последнее до античного фатализма. Не зря его так интересовала стоическая философия. Исходя из этого, становятся объяснимыми многие его, казалось бы, нелогичные поступки.

Фатум Вэла распорядился так, что ему не пришлось собирать камни. «Кто наблюдает ветер, тому не сеять, и кто смотрит на облака, тому не жать» (Екк. 11. 4).

Благодарю Господа, что он даровал мне общение с этим человеком. Светлая память, и вечный покой тебе, дорогой Вэл...

В.Н. Губанова-Белозерова

ЛЕГЕНДА ЕГО ЖИЗНИ

Уж много лет прошло с тех пор, как начались наши трудовые встречи в прекрасном причерноморском месте — Ольвии.

Год 1974. Что знала я тогда о ней? Что есть города-государства, основанные когда-то греками, остатки которых раскиданы по морским побережьям нашего Юга, и что есть среди них город с зовущим прекрасным названием — Ольвия, «Счастливая», если перевести с греческого. Это все мы знали тогда из курса истории средней школы. И, как достаточно образованные люди, а по понятию того уже почти далекого времени значит и «интеллигентные», были очень увлекаемы зовом «счастливых» мест, куда непроизвольно стремились, чтобы ощутить самим это прекрасное и удивительное.

Представилась мне случайная возможность поработать в археологической экспедиции в Ольвии — и вперед! посмотреть, чем же наши предки жили и как это сейчас изучается? Да и с самими археологами вплотную познакомиться интересно — не часто ведь видишь их в родной стихии.

Простая любознательность приводила туда очень многих: физиков, лириков, врачей, художников, искусствоведов, школьников, студентов, да и уже маститых профессионалов своего дела, и все это, по моим наблюдениям, в возрасте от пятнадцати до сорока. А кого-то заносило туда желание просто «зализать» в счастливом месте раны несбывшегося: любви, семейной жизни, неудовлетворенности работой и жизнью в целом, друзьями, родителями и т. д.

Всех мило принимала профессиональная археологическая ольвийская братия, в которой, на время экспедиции, основательно сглаживались клановые слои, и которой — ну просто позарез — нужны были лопато-рабочие руки. А если они еще и с должным чувством ответственности и средним уровнем интеллекта — о-о, тогда всегда найдется для них местечко покопаться в недрах раскопов самой Ольвии, а тем более — на ее периферии.

Это было всем крайне понятно и очень просто. Жизнь — спартанская, вольная, счастливая. Лиман — вот он, солнца — море, винного винограда — плантации, денег — премизер (лучше, чтобы вы добавили свои личные отпускные). И компания приличных людей (ну, с определенным допуском, своими задвигами и т. д.). *Вот оно, полевое причерноморское счастье!*

И сводит оно людей в небольшие экспедиционные группы, откуда они, утолив зачастую свое

любопытство, перебив здесь жизненный застой, разъезжаются по домам и увозят, конечно же, добрую память, даже любовь к пережитому трепетному чувству «находки», к новым друзьям-экстремалам, осознав вкус хмельных сине-небесных южных ночей с яркими звездами других миров, которые здесь гораздо ближе и в которые ты почти вливаешься...

Вернутся ли они еще сюда?..

В связке «археолог—начальник» и «лопато-рабочий—интеллигент» не всегда выигрывает первый.

Он может быть мил, вежлив, может знать свое дело и даже уметь увлекать им других, но совсем не всегда это возвращает и возвращает к нему в раскоп «гнилую интеллигенцию». Для того, чтобы это сложилось, археологу-руководителю группы нужно обладать чем-то еще? Чем?

Чем обладал наш руководитель группы Валерий Михайлович Отрешко, которого даже сейчас, через много лет после первой встречи, можно назвать только Вэл (Well) или же Валерий Михайлович?.. Все остальные варианты — какие-то непонятные альтернативы. А Валера — это панибратство из сегодня.

Начнем знакомиться, пожалуй...

Сценарий (из прошлого)

ОБЪЕКТ № 1. МАЛЕНЬКИЙ ПАЛАТОЧНЫЙ ГОРОДОК ПРОФИ-АРХЕОЛОГОВ

Эпизод № 1. В ожидании
ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВИЧА

Метраж: 5 минут.

Время года: лето 1974 года, 11 августа.

Место: Николаевская область, село Парутино, крестьянский двор в 200 м от границы запovedника «Ольвия».

Режим: летний поздний южный день.

Действующие лица:

Валерий Отрешко (Вэл),

Валентина,

Лирик-самоучка,

Наталья Сон.

Групповка, массовка: еще без нее.

Грим: небольшая диспропорция лба Валерия, чуть припухшая верхняя часть щек, южный устоявшийся загар всех, кроме Валентины.

Костюмы: плавки и очки героя — 1 компл., купальники, шорты, майки (без панам и шляп).

Реквизит: палатки 1-мест. — 5 штук, разных цветов; раскладушки — 3, бычки-окурки на земле — много.

Животные: насекомые — мухи.

Спецэффекты: тихое хрюканье местной крестьянской молодой свиньи.

Пиротехника: далее будет.

На раскладушке, стоящей у одной из палаток, утомленная путевыми нагрузками летне-курортного маршрута Киев—Николаев—село Парутино и первым, откинутым совковой лопатой самостоятельно, отвалом на раскопе в Ольвии, отдыхает Валентина, с прищуром глядя вверх на макушки южных олив.

Она в ожидании Валерия Михайловича Отрешко, руководителя экспедиции «Черноморка-74», к которой ее прикрепила куратор периферийных отрядов Наталья Сон. Выезд завтра. Ни с кем из состава группы она еще не знакома...

Неожиданно в поле ее взгляда попадает средних размеров «Аполлон» с походкой, как у моделей, «от бедра», и, чуть повыше него, из-за плеча, тихий, таинственно вопрошающий о чем-то лирик с остро-нагловатыми глазами.

Аполлон подходит, превращая походку в кошащий степ, останавливается, приводя при этом в замирение свиту, и очень нежно-внимательно смотрит на вьетнамки, совсем невыразительно стоящие возле раскладушки, на которой возлежит героиня.

АПОЛЛОН (*внимательный взгляд переходит на героиню*): Кажется, это вы едете с нами на Черноморку?

Из соседней палатки просто тут же появляется распорядитель Наташа Сон, корейские глаза которой умно и выразительно подтверждают это предположение.

ГЕРОИНЯ (*явно засмутившись своего лежащего полуобнаженного вида*): Да -а-а!..

Она пытается резво и грациозно вскочить с раскладушки и, как подобает даме, первой протянуть для знакомства руку, но предательский брезент раскладушки от резкого движения проседает и бросает ее обратно в лежащее положение. Протянутая рука застывает в воздухе.

ГЕРОИНЯ (*вдруг улыбка до ушей*): Простите, ха-ха-ха!...

ГРУППА В ПОЛНОМ СОСТАВЕ: Ха-ха-ха!

АПОЛЛОН (*чуть отсмеявшись, но еще с располагающей улыбкой, протягивает руку помощи, одновременно представляясь*): Валера, Отрешко. Мы едем вместе...

ГЕРОИНЯ: Валентина... Я знаю... Мне сказали, что вы едете руководителем экспедиции. Well!..

Внимательный взгляд крутого лирика.

ВАЛЕРИЙ (*он же Вэл*): А знаете, вы наследили сегодня по всей Ольвии... (*Удивленно поднятые*

брови Валентины.) У вас на вьетнамках тиснение дельфина. Мы вас искали...

ВАЛЕНТИНА: Да что вы?..

НАТАЛЬЯ (*поднимая вьетнамку*): Ой, действительно... Валентина Николаевна, ведь это же из темы герба Ольвии, «орел, несущий в когтях дельфина»... И ольвийская разменная монета... (*Все внимательно рассматривают новую вьетнамку Валентины*).

На другой день — выезд, погрузка на грузовик, вывоз снаряжения, закупка продовольствия, запас пресной воды, знакомство с группой, где разные-разные ребята, девочки (и вроде бы очень воспитанные, но иногда внутри просто злючки), выгрузка всего гамузом на голом берегу лимана, и... работа, работа, работа... Здесь съехались Тула, Саратов, Самара, Воронеж, Киев, Ташкент, Николаев, Одесса...

И на всех внимательно глядят глаза из-под дешевых роговых очков, мало смущаясь тем, что его кто-то опекает, суетится вместо него и около него, заботится как-то там особо...

Глаза с кем-то сразу прощаются, кого-то придерживают во внимательном поле зрения... То ли баб-с, то ли новых друзей, то ли еще чего-то ищет его внимательный взгляд...

Я долго не могла понять, чем и почему он отличается от других уже знакомых мне археологов. Не могла его понять: то всепрощенчество, то, казалось, просто полное равнодушие к людям и делам, а ведь он не прост, умен, энциклопедически начитан, воспитан, сам пашет на раскопе с хваткой бурлака-аристократа, притягивает людей к себе, но и отталкивает одновременно.

Что было в нем?.. От него не уходили люди в течение долгих-долгих лет, разных — тяжелых и легких, интересных и не очень... Не уходили даже вне археологической экспедиции и раскопа... Он становился частью нашей жизни, мы даже как-то менялись в целом, срастались группой, как семьей, и у каждого из нас он был только свой, определенный, такой, каким открывался только именно Ване, Пете, Феде...

Не знаю, поймут ли меня правильно археологи, любящие свое дело, успешно копающие, набирающие очки на изучении и анализе факторов, материалов, источников и т. д., обрабатывающие их на современных персональных компьютерах, используя матметоды с достаточной грамотностью.

Но есть то, что отличало его почти от всех тех, кого из них я знала и знаю.

Валерий Михайлович Отрешко, он же Валера, он же Вэл, обладал не только профессиональными знаниями, опытом и навыками, но он обладал генетической памятью истории, что

дано, согласитесь, далеко не многим. Обладал и чувствовал, что это так, и искал среди членов своих экспедиций таких же. И профессия каждого из них была тут просто не при чем. Он их вынюхивал, а они его. Вот так-то и получилась его знаменитая Черноморка, его легенда, его личная непростая судьба.

* * *

Сценарий (из прошлого)

ОБЪЕКТ № 2. ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ОБЪЕКТ ЧЕРНОМОРКА.

Эпизод № 2. Полдник.

Метраж: 7 минут.

Время года: конец августа 1974 года.

Место: Николаевская область, Очаковский район, 5 км от села Черноморка, берег Березанского лимана.

Режим: летний поздний южный день.

Действующие лица:

Валерий Отрешко (Вэл),

Володя,

Саша,

Олег,

Анвар,

Таня,

Света,

Люся,

Валентина.

Групповка, массовка: группа экспедиции — 4 чел.

Грим: основной грим Валеры, глубокий южный загар всей группы.

Костюмы: плавки и очки героя — 1 компл., купальники, шорты, майки, легкая одежда дежурных по кухне.

Реквизит: палатки 1-мест. — 3 штуки, разных цветов; раскладушки — 2, палатки военные (хаки); местные — 5 штук, тарелки, ложки алюминиевые, кружки, дополнено редкой домашней столовой посудой.

Пиротехника: дрова для очага, спички.

На берегу лимана, с которого начало потягивать легкой предвечерней прохладой, раскинут небольшой лагерь экспедиции «Черноморка—74». Общий план бивака прост: на самом берегу, над обрывом, раскинуты квадраты раскопа древнего греческого поселения, относящегося к Ольвийскому полису (начало VI в. до н. э.). За два года работы раскопан очень значительный участок территории, а свежие квадраты раскопа темнеют высокими осыпающимися отвалами. Чуть дальше — прибрежная редкая кустящаяся лесополоска, к опушке которой, метрах в 30 от лимана, притулился палаточный городок экспедиционной группы, состав которой

традиционен — руководитель В.М. Отрешко, лаборант-археолог — Володя, а остальные — чернорабочие-копатели (историк, студентки-искусствоведки, математик, специалисты широкого профиля).

Утомленная пекущим летним солнцем и вечным зовом Вэла «перерыв — 15 минут» и «к штыку» группа, с наслаждением осознавая, что пришли последние денечки летней вольницы (часть ребят уже уехала по домам), «осела» за столом.

Им служит середина траншеи, выкопанной рядом с продуктовой палаткой (в виде буквы П, размером 2 × 3 метра). Все дружно спустили в траншею ноги, усевшись по внешней стороне, а середина буквы уставлена тарелками, кружками и т. д., согласно приведенного выше описания реквизита. То ли обед, то ли полдник. Ввиду последних дней экспедиции режим дня несколько сбился, еще много работы по зачистке раскопа, обработке и упаковке материала.

Дежурные по кухне суетятся возле громадной кастрюли со степным чаем и казана, из которого пахнет чем-то неведомо экзотическим.

Дежурная-повар Таня начинает раскладывать в тарелки порции пикантного блюда. Тарелка передается по кругу, и каждый, передавая ее, сует туда удивленный нос.

Вэл, получив командирскую порцию, вглядывается в содержимое, придерживая очки.

ВЭЛ: Танюш, а что это тут зеленеет?..

ТАНЯ: Голубцы... (*Выжидательно замирает*).

ВЭЛ: Хм...

ТАНЯ: Из виноградных листьев и риса...

САША: А-а-ах, голубцы... Обожаю украинскую кухню... А где же тут мясо?

ТАНЯ: Зажарка из тушенки и лучка ...

ВЭЛ (*приподняв изящным движением очки вместе со взглядом, строго*): Откуда тушенка?

ТАНЯ: У меня из Киева была баночка...

ОЛЕГ (*напевая*): Созрела ты, моя зажарочка-а-а...

ТАНЯ (*обиженно*): Еще компот из винограда и сухарики с сыром...

СВЕТА: Это для Люсенки... Она ест только сыр... А где Люсенка?.. Люсенка!..

ОЛЕГ: Наверное, на голове в ямке стоит...

ВЭЛ: Йога на раскопе, попросилась еще поковыряться в пятнышке в стенке землянки.

ОЛЕГ: Что-то там уж очень большое пятнышко...

ВЭЛ: Посмотрим... (*Прищурил глаза*).

ВАЛЕНТИНА: Сколько она может пахнуть... (*Кричит*). Люсь, иди, сыр...

ЛЮСЯ (*из раскопа*): Сейчас! Оставьте кусочек!..

Уже поглотивший свою порцию Саша протягивает кружку за компотом.

САША: А хлебушка нет?

ТАНЯ: Завтра в Очаков пойдем.

ВЭЛ: Обещал Юра Калининцев подъехать... Может, подвезет...

САША: А свободный бак у нас есть?

АНВАР: Есть.

САША: Давайте завтра винца нажмем... Я с утра сбегаю винограда наберу.

ВОЛОДЯ: Вот, вот, именно — винца... К отъезду.

ВЭЛ: У меня для этого канистрочка крепленого припрятана...

ВСЕ: Ура-а-а!..

Доедая, поглядывают на бивак. Это все нужно будет упаковать и вывезти.

Со стороны раскопа, из света опускающегося солнца, появляется Люся. Она в каком-то необычном оцепенении. Все непроизвольно поворачивают головы в ее сторону. Вопросительное молчание.

Люся, медленно приближаясь, почему-то косится на раскоп. Глаза ни на кого не смотрят. Встревоженный предчувствием, Вэл медленно поднимается.

ВЭЛ (*тихо, настороженно*): Что?..

ЛЮСЯ (*под гипнозом увиденного*): Там... Там череп... Я... вот... кусочек... Случайно... Ножом...

Тихий вечер начинает опускаться на оцепеневшую группу. Первым, переборов внутреннюю дрожь от чувства уникальности находки, приходит в себя руководитель экспедиции. Он сжимается в комок, потом мягко распрямляется, поправляет кистью левой руки дужку очков.

ВЭЛ (*ровно и негромко*): Наполеон, Саша, Олег... Дежурство в раскоп... Постоянно... (*Выдохнув напряжение*). Ну, посмотрим...

Он двинулся к раскопу. Все оторопелой утиной стаей — за ним.

Сценарий (из прошлого)

ОБЪЕКТ № 2. ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ОБЪЕКТ ЧЕРНОМОРКА

Эпизод № 3. Обед следующего дня

Метраж: 3 минуты.

Время года: совсем конец августа 1974 года.

Все остальное — то же и те же, что и в эпизоде № 2.

После всеобщей бессонной ночи и нервнo-авралной полудневной работы на раскопе, обоим молча. Вэл спокоен, задумчив. Дежурят по кухне Света и Саша.

Все поглядывают на Вэла, не решаясь поднять висающую в воздухе разговорную тему. Суп с пшеном проскакивает мгновенно, жаркого солнца просто никто не замечает: не разбредаются с

тарелками под защиту кустарника. Подают второе — бутерброды со спущенкой и ломтиками яблок, сок из винограда.

СВЕТА (*мнется*): Вода пресная заканчивается... (*Переводя на будни*).

Молчание еще висит в воздухе, но уже пошла сдвижка.

СВЕТА: Скажите хоть, что же там?..

Еще помолчали.

СВЕТА (*почти обиженно*): Мы же не на раскопе...

Понимая, Вэл выдавливает тихо.

ВЭЛ: Захоронение... Молодой мужчина... Похоронен по всем правилам...

САША: И что — оружие, обол?..

ВЭЛ (*сдавленно, уже анализируя внутренне открытое захоронение*): Да... И сосуд, серо-глиняная лощенка...

САША: Бывало раньше такое в землянках?..

ВЭЛ: Пока не слышал...

СВЕТА: Воин, что ли?..

ВЭЛ: Не обязательно...

ОЛЕГ (*сноровисто доедая бутерброд*): Просто уважаемый богатый местный житель...

ТАНЯ: На такой периферии?..

ВАЛЯ: А что... (*снимая с себя неловкой шуткой некоторое оцепенение от увиденного впервые открытого захоронения*). Может, сын господина... Учился в Греции... На каникулы приехал...

ОЛЕГ (*с хитрым бывалым прищуром глаз*): Ну да-а-а, сту-у-дент...

ВАЛЯ (*дернув вызывающе плечом*): А что?!

ВЭЛ: Ха-а-а!.. Ну, вот, конечно же... «Студент!..»

Идея захватила всех и сняла дистанцию веков, познать которую вряд ли нам дано в действительности.

Валера начал копать с ленинградскими экспедициями очень рано, лет в тринадцать. А в четырнадцать судьба подарила ему настоящее первое археологическое счастье — он нашел уникальную золотую статуэтку, которая вошла в экспозицию Эрмитажа (фото 9). Он хорошо понимал, что нашел, и внутренне считал это не просто случайностью. Это был промысел божий.

Это внутреннее чувство «супернаходки» шло с ним через всю жизнь. Он ощущал где-то там, в себе, какое-то шевеление этой «памяти», прислушивался к ней. Он был уверен, что судьба подарит ему еще хоть раз подобную искру, какую-то нить, неожиданную, драгоценную, не приходящую никому и близко на ум сейчас, сегодня.

Вот, вот, сейчас...

И он готовился к ее приходу, работал ночами над книгами, плевал на успехи уже высоко аттестованных коллег, тщательно изучивших и

изучающих детали, иногда пристегивающих их под свои гипотезы, аксиомы (что тоже нужно уметь и ради чего необходимо трудиться). А он эти рабочие процессы как бы сознательно затягивал, вызывая, конечно же, обоснованные упреки руководства, коллег и друзей, семьи.

Он слушал себя, по-своему готовился к рывку, верил, что он непременно настанет. Придет час прозрения, он поймет что-то непредвиденное и тогда всем это расскажет.

Ведь не так уж много рабов было при этом рабовладельческом строе, если их внимательно «выловить» между строк источников... А ведь все циклично, где-то там должна была очень ощутимо «бродить» и демократия...

А быт — да что он, быт... Есть — и ладно. Друзья — это вот хорошо... А дочка — это уж совсем здорово.

Здесь надо бы вставить как минимум четыре эпизода сценария из личного прошлого, но не хочу этого касаться... Еще обидишь кого-нибудь невзначай, а может и его самого...

А о болезнях, костылях, переломах он и говорить и слышать просто никогда не желал...

Пришли новые времена и стали просто давить его. Загрызала нужда, от ее сознания замирало сердце. Он не желал, чтобы это увидели... Он не желал быть непонятым, чужим... Маразм крепчал... И все сильнее стал пульсировать вопрос:

Кому это нужно?.. Зачем?

И тогда он лег — и умер...

А ведь нам, его друзьям, это точно было нужно... Почему-то мы забыли ему об этом вовремя напомнить. Прости, Валера, Вэл...

Сейчас ты там уже не один, а вместе с Анварчиком, с Юрочкой...

О чем будете толковать, судачить?

В следующей своей земной жизни ты, Валера, опять непременно начнешь все смолоду. Вот только отдохнешь сейчас немного...

Да разве кто-то из нас может представить себе Вэла дряхлым, без артистического шарма старичком? Нет, это просто нелепица...

О.И. Губарь

ПРО ВЭЛА *

Живет себе человек, живет, а потом вдруг умирает. Как бы и ни с того, ни с сего. От жизни, говорят. Потому как она — такое хроническое заболевание, не поддающееся «пролечиванию» (профессиональный сленг медработников, о которых я как-то написал: «И шествуя важно, в спокойствии чинном, в последний наш путь провожают врачи нас»). Да, так вот бывший в употреблении человек после перехода из физического состояния в виртуальное превращается в апокриф. Если повезет, конечно. Потому что абсолютное большинство человеков переходит, рассуждая со стоеросовым оптимизмом, прямоком в Акаша-хронику, то есть в некое универсальное астральное хранилище мыслей, чувств и прочих автобиографий. Вэл Отрешко как раз из везунчиков. О нем набирается целый корпус апокрифов. И можно надеяться, что никакие редакционно-издательские соборы не возьмутся высочайше сортировать канонические и неканонические тексты. Тогда, вероятно, составит мозаичный портрет, каковой, не соответствуя, конечно, оригиналу, возьмет свое художествен-

ностью. Ни на что не претендуя, могу лишь прибавить к этой мозаике горсть сохранившихся в памяти осколков.

... Как подумаю о Вэле, так и вижу вариации примерно одной и той же картинки. Расхлябанная раскладушка на выгоревшей до консистенции соломы степной растительности (Каборга, Бейкуш, Старая Богдановка, Черноморка, Ольвия, Березань, далее везде). Возлежащий на оной Отрешко. Во всегдашних вылинявших плавках (светло-синих с черным пояском). Очки в отвратительно неэстетичной типовой оправе рубля за полтора, никак не больше. Нос — закладкою в какой-то необъятной монографии типа В.Д. Блаватского или И.Б. Зеест, что-нибудь по амфорной таре Боспора, короче говоря, захватывающее чтиво, бестселлер. Иногда мне казалось, что фолиант служит редутом, высоким забором, частоколом, за которым отгороженному Вэлу уютно даже в самой занюханной дыре, на самых немыслимых задворках. Он и в самом деле месяцами просиживал в опустевшей Ольвии, обращавшейся в форменное захолустье. И, как мне кажется, не особенно тосковал по недавнему урбанистическому прошлому. На любой вопрос Отрешко с полным основанием мог бы ответить:

* Олег Губарь. Энциклопедия друзей. — Одесса, 2003. — С. 191—198.

«Ломает». Но так он не говорил никогда, это слово не из его лексикона. Реально же следовала ленивая реплика: «Понимаешь, Олежка...» И далее очень неторопливо излагалось, почему Вэл не делает либо не желает делать того-то и того-то. По ходу объяснений по несколько раз гасла сигарета (что-нибудь рабоче-крестьянское, без фильтра), которую он, не глядя, элегантно отряхивал в какое-нибудь изысканно заизвесткованное амфорное доньшко (а то, помню, в редкостный ионийский светильник шестого века до Р. Х.), но в большей степени на многострадальные плавки, пестревшие ожогами. Курил он очень аппетитно, смачно. И так же аппетитно читал, говорил и валялся на раскладушке. Его сибаритство было чертовски заразительным. Такое, понимаете, рафинированное разгильдяйство.

Вы спросите: «А комментарии?» К черту комментарии. Что вы хотите услышать? Трюизмы про Обломова? Лежащие на поверхности избитые метафоры? Я хочу специй для любителей острого или изюминки для сладкоежек. И безо всякого монументализма.

По-моему, Вэл по большей части пребывал в некоей китайской кумирне. Сегодня его — как пить дать! — заподозрили бы в наркозависимости. Хотя ничего подобного за ним не водилось. По большому счету, я его и пьющим-то человеком поостерегся бы называть. Ну, тут меня начнут энергично оспаривать все, кому не лень. Мол, Отрешко не пил?! Кто ж тогда пил?! Да пил, конечно. И куда больше среднестатистического реципиента, или — как там это теперь называется. Только Вэл практически никогда не был в этом деле иницилирующей стороной. Во всяком случае, в годы нашего близкого общения. Отрешко был типологическим пьяницей поневоле, исполнителем, так сказать, привычного и обязательного корпоративного ритуала. Не помню, чтоб он был склонен к запоям или же к пьянству в одиночку. За ним вообще не наблюдалось особого энтузиазма. Хотя пил, конечно, не через силу, а в удовольствие и тоже очень аппетитно.

Кстати, о ритуалах. Вэл был воспитан в их традиции. Скажу банальность, но без этого не обойтись. Многочисленные экспедиционные ритуалы заменяли официальные совковые идеологические, как бы служили паллиативом социальной жизни. Наблюдалось и жанровое разнообразие: неформальная экспедиционная иерархия, деловые и романтические игры, гиперлокальный сленг, капустники и т. д. Молодой Отрешко мог бы, не напрягаясь, выступать этаким базилевсом эпохи раннегреческого полиса или даже тираном более приближенных к нам столетий, но и это было для него чересчур. Говорят, что лучший правитель — тот, кого подданные как бы не замечают. Как говаривал Дюк де Ришелье, не будем слишком регулировать. То

есть Вэл, будучи начальником нашего вкусного археологического отряда (Саша Скогорев, Дога, Вампир, Наполеон, Таня Романец, Валя Губанова, Света Семендяева и т. д. и прочее), не то чтобы уж совсем все пускал на самотек, но радовался нашим вдохновенным играм, где все мы — затерянный на периферии античного мира нумерованный римский легион, а сам он — наш неизменный командир, какой-нибудь там претор или же легат, не важно. Мы работали в охотку — тут наш начальник был неумолим, порою строг, изредка придирчив, да только нас, патриотов маминых, и погонять-то особо не приходилось. А уж расслаблялись мы при полном Вэловом попустительстве. Делали, что хотели. День рождения Наполеона (императора и одноименного Володи Назарчука) — пожалуйста. Воскресные поездки в Николаев и Одессу — извольте. Поход на бахчу за кокосом — ваше дело. Имитация свадьбы — резвитесь, детки. И т. д. Сам же камнем сидел на месте: типа «Просьба не кантовать, при пожаре выносить в первую очередь». Классический пофигизм. Или абсентизм. Как вам больше нравится. А то, помню, мы свежий виноград надавили и поставили сбраживаться на солнце — Вэл только щурился ехидно. И прав был. Мы недобродившую брагу дня через три замели — скушали, как те голодные чукчи картофельную рассаду. А то еще, припоминая, мы его раскручивали на припрятанную им же бутылку (две?) портвейна или иной какой бормотухи. Был у Вэла не то нож длинный, не то штык, не то кортик, короче, некая единственно любимая вещь — так мы его (ее?) заныкали и вымогали бухло, которое на нашем отшибе (на отрогах виноградников стояли, вдали от жилья и сельпо) не водилось. Так он, бедненький, поскрипел-побурчал и выкатил.

Как-то так странно в нем все это размещалось и мирно соседствовало или сосуществовало: неприхотливость, непритязательность и вместе с тем аристократические, королевские даже замашки, нет, скорее манеры. Потому что ни на что такое он не замахивался: это ж надо встать с раскладушки, сгруппироваться, размахнуться. Много работы. Даже чересчур. И опять-таки парадокс: на раскопе он бывал неумолим, сноровистее всех — что на отвале, что на зачистке. На последней, правда, Дога (она же Йога, она же Люська Лысенко) одна только и могла ему фору дать. Жилистый был и в пьяной драке — не дурак. Видно, от лежания энергия в нем конденсировалась немереная, в том числе и доля негативной. Он это за собой знал. И наносил по себе превентивные удары. Сидим, бывало, в дурной компании, такую кругом околесицу несут, что никаких сил. Так и подмывает по роже кому-нибудь съездить с наслаждением... Тут Вэл со мной перемигнется, мол, пора до ветру. Выходим на

какой-нибудь отвал — не лень ему было метров сто, а то и больше оттопать, — становимся там вдвоем на ветру и Вэл командует: «На три...» Набирает воздуха и с закипающим неудовольствием начинает отсчет. А «на три» мы душераздирающе орем дурными голосами в окружающее безлюдье: «К гребаной матери!.. К гребени матери!..» И смиренно притихшими овечками возвращаемся на вражеское застолье.

И другой еще разгрузочный ритуал у него (у нас) был — пение. По репертуару можно было безошибочно диагностировать Вэлово умонастроение, то есть определять, какая из него энергетика выплескивается: положительная или отрицательная. Ежели, скажем, «Как-то по проспекту с Манькой я шагал...», — хорошо ему. А если, к примеру, «Холодно, голодно среди голых стен. Где бы нам б.... найти, чтоб дала всем?», — не очень. Эти эксклюзивно Вэловы интонации до сих пор ношу в ушах. Как, помните, у Стивенсона, «Пиастры! Пиастры!» и «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...», а значит, так и проживу с ними до самого маразма. Что не худо.

Я о Люське Лысенко упомянул. Это подруга моя, друг большой. И Вэла я любил. Короче, любил я их поодиночке. А когда Дога за него замуж собралась, так я поначалу эту инициативу нисколько не приветствовал. Во-первых, ревновал справа налево и слева направо. Тут Вэл как раз в аварию попал, лежал с переломами в Очакове, а Люська и поперла за ним, декабристка. «Клянусь, вот это девушка! Она за воином последовала в лагерь, чтоб раны перевязывать ему. И песни пела. И отзывались вражьи барабаны припевом грозным...» А, во-вторых, как вам нравится во-первых... За Отрешку практически невозможно было выйти замуж. В самом крайнем случае, его можно было женить на себе. То есть тут, как с тем же пьянством: он по естественным причинам просто не мог выступать инициатирующей стороной. Ну, думаю, хрен с тобой. В смысле, с Люськой. Надо тебе — бери свой вес, занимайся тяжелой атлетикой, дура. А дальше было интересно. Рассказ можно написать. Так я и пишу.

Жениться Вэл был расположен, мягко говоря, не слишком решительно. И вовсе не потому, что Люська его не устраивала. Просто женитьба — дело весьма ответственное и к тому же чертовски обременительное. Поэтому жених пребывал в непривычно некомфортном состоянии. Меня благотворительно выписали из Одессы по поводу сдачи Вэла в эксплуатацию, на подмогу, так сказать. В том числе — ему. Отрешко обитал тогда в довольно обшарпанной однокомнатной квартире безликого и унылого блочно-панельного домостроения. Помимо книг и хрестоматийно продавленного дивана, там не было ровно никаких достопримечательностей. Впрочем... Когда невеста оставила нас наедине и ретиро-

валась, мы вышли в кухню. «Ну и чего, — спрашиваю, — подготовился к свадьбе?» «А то как же», — отвечал Вэл, широким жестом указуя на стоящие по всему периметру помещения ликеро-водочные изделия. Хозяин беспечно откупорил первую водочную бутылку и разговор потек. Выяснилось, что накануне Отрешку навестил многоженец (как и я, грешный) Володя Рубан, и жених советовался с ним, жениться ему все-таки или не жениться. И после какого-то двадцать первого тоста Рубан, по-моему, отсоветовал. «Так что же ты все-таки решил, — говорю, — расписываться-то завтра...» К этому моменту мы уже основательно набрались и, между прочим, больше говорили о культе Ахилла Понтарха, нежели о делах матримониальных, отчего и не припоминаю, что он мне отвечал по вышеозначенному поводу. Зато отчетливо помню, как старательно контролировал неукоснительное исполнение всех возложенных на Вэла почетных обязанностей. Каким-то образом мы оказались в центре города и одели суженного, что называется, с головы до ног (у Отрешко даже пиджака не было за душой). Купили нормативный, как лексика, костюм, туфли, рубашку и кремпленовый, кажется, галстук. В процессе «шоппинга» дважды пили разливное пиво, сколько-то раз водку и (с какой стати?) отвратительный коктейль типа «отвертка», вызвавший дикую изжогу пополам с отрыжкой, а потому, покупая что-то очередное, стыдливо отворачивались, вызывая всевозможные подозрения у бдительной продавщицы. Как мы очутились на Русановке, разъяснить затрудняюсь. Очевидно, меня поддерживала единственно г-жа Ответственность (для кого-то добрая, для кого — иначе) собственной персоной, не считая заведомо отрегулированного автопилота. В гастрономе на набережной набрали полную авоську бутылочного вина для полировки и частично оприходовали по дороге.

Вера Алексеевна (Люськина мама) приветствовала меня взглядом, весьма далеким от восхищения: «И ты, Брут...» Мол, не оправдал доверия и все такое. Говорю Вэлу: «Давай ей подыграем». Как в фильме «Человек-амфибия», помните? «Где сети?» — «Сетей нет» — «А где деньги?» — «И денег нету...» В общем мы спонтанно симитировали пропой немалой суммы, выделенной на экипировку жениха. Театрально выдержав паузу, Вэл отправился в ванную, где с моею помощью или немошью (галстук не повязывался, а носки не самонадевались категорически!) напялил на себя новое убранство, после чего явился перед обомлевшей тещей. Как принято говорить, совершенно другим человеком. Такого я, не считая брачной церемонии, больше никогда не видывал и, слава Богу, не знал.

Любимый, как мне кажется, обеими (или обоими) брачующимися сторонами (плюс мои

особые заслуги по подготовке мероприятия), я самонадеянно рассчитывал выступить в роли свидетеля. Но жестоко просчитался. Вэл выказал совершенно непредвиденные мнительность и суеверие. Суть в том, что к тому времени я был женат уже вторым (и далеко не последним) браком. И к тому же перенес крайне тяжелую болезнь. Отрешко же запрограммировал свидетеля потенциально благополучного, так сказать, без проколов. И выбрал Юру Калининца — кстати, замечательно обаятельного, доброжелательного и, даже лично взыскательному мне, чрезвычайно симпатичного мужика. Я, конечно, надулся, но был утешен фантастически сердечной командой наших общих киевских друзей и особенно подруг, включая, конечно, самих виновников торжества и несравненную Веру Алексеевну, каковую тайно и явно любил (и берег как честь) смолоду.

Подозреваю, что информированный читатель все больше досадует и переполняется злобой: это что, мол, за безобразие, разве в таком тоне надо писать о безвременно ушедшем колоритном человеке, одаренном, широком и в то же время глубоко несчастном... Я могу ответить так, что и пишу, как умею, и люблю, как умею. Один достойнейший художник-одессит так перефразировал известную поговорку: «О покойном — либо ничего, либо... все». Валерий Михайлович Отрешко был самым собой ровно до того момента, как перестал быть. Теперь же он — то, что запечатлелось о нем в моей голове. То есть — он часть меня самого. И потому я могу извлекать Вэла только оттуда и только таким. И никаким другим. Иначе это будет обыкновенный треп и (или) предписанные неумной традицией благостные слова. Те слова, которые убьют живого (во мне) человека, Вэла Отрешко, шулерски подтасовывая вместо него кого-то другого. Даже не кого-то, а что-то. Андроида.

Когда мы познакомились, я был совсем мальчиком. Только что окончил десятилетку. Вэл стал моим первым поводырем. Хотя и сам-то был только-только мужающим ребенком. При чем возмужание это было выборочным. Он нуждался в маме. И такая мама — юная Света Мазарати — у него была. (Наверное, все его женщины функционально совмещали две обязанности, в чем, вообще говоря, я не усматриваю ничего оригинального). Мы работали в Козырке под началом покойного Виссарионича — Анатолия Виссарионовича Буракова, величайшего гуманиста, будившего нас по утрам неизменным призывом: «Хлопцы, пора похмеляться!» С тех пор прошло почти 33 года, невероятно... Вэл относился ко мне совершенно по-товарищески, несмотря на то, что разница в возрасте в эти лета как будто довольно отчетлива. Я этого не чувствовал. Очень к нему и к Свете привязался. Оно

и понятно — впервые надолго оставил родительский дом. Вэл сразу очаровал влюбленностью в увлекавших меня тогда Стругацких. «Понедельник начинается в субботу» мы буквально разыгрывали в лицах. И эти его интонации, приправленные характерным горловым смехом, у меня на слуху. Я вижу полотняный навес на обрывистом плато Козырского городища, воссоздаю мельчайшие подробности пейзажа. Студента Николая Николаева из города Николаева (уже смешно), копошащегося в грушевидной хозяйственной яме позднеримского времени. Сухонького сторбленного Виссарионича, пристально разглядывающего фрагментированный стеклянный римский флакончик. Светлану Мазарати, склонившуюся над опостылевшими закопченными казанами: она, бедная, надрываясь, кормила всю ватагу. А Вэла, хоть убей, вижу только на раскладушке. И мы большим куском цитируем «Понедельник» — где про склеротического Кота, который по цепи крутом: «Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде (сейчас там, к слову, бомбардировки — О. Г.) живет портной по имени Абу.. Али... Короче, кто-то ибн чей-то...» Вот мы наезжаем в Ольвию, заходим в какой-то двор за вином и видим отдыхающую в огороде южнопонтийскую амфору. «А это что?» — спрашиваем. Хозяин: «А я из нее огурцы поливаю». Мы: «Может, мы возьмем». Он: «А на шкалик дадите?» Такое было время. Литр вина (сельчане говорили «литра вина») стоил рубль. Вэл лучше придумал: отнес в склеп Еврисивия и Ареты любимые раскладушки, мы там в жару расслаблялись в прохладном подzemье (дети подземелья!), прихлебывая удивительно вкусную шелковичную брагу — ее супружеская пара старичков готовила, первый двор справа от Ольвийского городища, повымерли давно, никто такую теперь не делает. А знаменитая парутинская чайная с неизменным «Солнцедаром», пьяными механизаторами, алкоголической общественностью местного разлива (включая Великого Немого — был такой счастливый добытчик ольвийских древностей) и прочей залипухой!.. «Черт побери, выпить хочется, братцы. Так не лучше ль нам вместе собраться, опрокинуть стаканчик-другой в чайной...» Было дело под Полтавой...

Как сейчас, слышу Вэлову исповедь. Стариковскую такую. Почти равнодушную. Как бы без горечи. Может, мне так только казалось?.. А ему тогда года 22 было примерно. «Понимаешь, Олежка, я в школе всех опережал. Древних авторов перечитал и т. д. и прочее. На кружок ходил. Надежды подавал...» Долго разминает сигарету. «А потом они стали понемногу догонять меня и обгонять...» Автоматически все стряхивает и стряхивает пепел, которого нет. На пространную амфорную стенку. Хотя степь да степь кру-

гом. Или: но степь нагая там кругом. «И т. д., и прочее». Это у него такая фигура речи была. Вот так он курил и говорил. Дегустировал. Раз глубоко затынется, а так все больше разминает да стряхивает. А мимо — в-ж-ж-ж-ик — проносятся какая-нибудь гоночная байда. Шумахер какой-нибудь. Или товарищи его, только что очень правдоподобно игравшие в непрактичность. Глядь, а они уже с карьерой, диссертациями, публикациями и т. д., и прочее. А этот лежит себе на раскладушке, этак прищурившись, снятый самим собой с пробега.

Или вот еще умильная деталь. Как-то раз Ленка Язвинская — добрый и простодушный «вербальный хронограф» всех своих друзей — что-то там на меня обиделась и Вэлу как-то так беззлобно чего-то лягнула. А он ей: «А разве Губарь — еврей?!» Это после пятнадцатилетнего, а то и больше, знакомства. Ленка мне сама об этом рассказывала. Понимаете? Можно было бы сослаться на то, что его ввели в заблуждение моя русская бабушка или украинский дедушка. Да только это не так. Вэл просто был ВНЕ ЭТОГО. С его раскладушки куда лучше различалась античность, нежели графа в советском паспорте. Его больше занимала этническая история человечества, нежели друзей.

А как мы с Отрешкой в Одессе по малому и большому кругу ходили!!! Большой круг начинался от жэдэ вокзала. Первый подвалчик — на Пушкинской, против ЦУМа. Заходишь, а там долгожданная «Изабелла» — хоть тебе сухая, хоть мокрая, «Лидия» божественная, а портвейн — не нынешнему чета. Он друг степей, хотя бы и «Приморский», говорю я. Кругом одни охи-вздохи. Вот мы раз как-то наохались да наахались, где-то так подвалчика до третьего-четвертого, что на Ремесленной угол Арнаутской. Теперь уж этого дома нет в живых: взорвался в 1987-м. Там моя подруга жила, поэтесса Белка Верникова. Так ее в реанимации еле откачали. А тогда винарка была — что надо. У меня там пенсионное удостоверение и что-то рублей тридцать пять (тоже пенсионных) радостно сперли. Я так расстроился — собирался Вэла по всем кругам отгаскать, аки Данте. Помню, искали мы в округе хоть удостоверение — может, решили,

сжалься, выбросят. Ни фига. В конце концов Отрешко на свои кровные меня наугощал до положения риз. И, утомленные борьбой с неистребимым Зеленым Змием, мы сладко заснули то ли в садике на Александровском проспекте, то ли на Соборке. Теперь, за давностью, трудно сказать даже мне, авторитетному краеведу. Или короеду...

В последние годы виделись редко. Как-то очень плотно пересеклись на Березани. Раза два. Уже при Косте Марченко. Жена у Вэла с собой была новенькая. Такая с огоньком. Бедовая россиянка. Как говорит другой одесский художник, «с мушкой». Мне приглянулась. Вэлу тоже. Но раньше. Состоялось дежурное усыновление. Она ему квартиру ремонтировала, зубы вставляла и т. д., и прочее. И, как я тогда заметил, он ее слушался, посмеиваясь блаженно. Как трудный ребенок, каким оставался до конца. Даже впервые счастливым мне показался. Мы тогда славно покуролесили, почудили в замечательной компании во главе с незабвенным Юрой Виноградовым (у них с Вэлом, между прочим, антипатия была взаимная, но с годами притерпелись, а теперь уж что).

Да, так вот, *пиша* эти заметки, взял сегодня вина по старой памяти — в мемориальном подвалчике дома Папудова (был в ретроспективной Одессе такой крутой греческий негоциант). Вино хорошее, татарбунарское. Ароматное. Пунцовое. Густое. Мы такое пивали во время оно. Что вину делается? Это ж не вина... Сортовое, оно всегда одинаковое. Нет, дегустаторы профессиональные, разумеется, отличают год от года. Есть удачные для винограда и соответственно вина годы, есть посредственные. И неудачные есть. Как же без них. Я помню только удачные. Никогда в жизни не было мне так хорошо, как в Козырке в 1971-м и в Черноморке в 1974-м. Мы там были с Вэлом. Мы с ним и остались там. Теперь — вино, между тем, уж плещется на самом доньшке — никто не сумеет переубедить меня в отсутствии универсального хранилища жизненной энергии. Когда наобум выхватываю из окружающего пространства удачную фразу, афоризм, готовую строку, знаю, что зачерпнул не из пустоты. Из среды обитания нас.

И т. д., и прочее...

О.П. Журавлев

Я, ВЭЛ И ИНОПЛАНЕТЯНИН

1 августа 1972 года я, лаборант Палеонтологического музея Института зоологии АН УССР, выехал в первую в моей жизни экспедицию. Это был заповедник «Ольвия». Моим двум начальницам, старшим научным сотрудникам и кандидатам биологических наук, предоставили комнату. Мне как лаборанту была выделена палатка. Дул сильный ветер. Все мои попытки поставить ее в одиночку завершались неудачей. Мои начальницы, наблюдая за мной из окна, тихо хихикали. Тут ко мне подошли два парня. Представились.

Парень в очках:

— Вэл.

Второй, бородатый:

— Серж.

Через несколько минут палатка уже стояла. Так я познакомился с двумя археологами, с которыми судьба связала меня на долгие годы. Это были Валерий Михайлович Отрешко и Сергей Борисович Буйских.

В 1973 году я впервые выехал на поселения и городища Ольвийской хоры — сельской округи Ольвии. Первой была Петуховка, раскопками которой руководил А.В. Бураков. Там я снова встретился с Вэлом и Сержем, помогавших Анатолию Виссарионовичу. Затем Вэл впервые выехал на Черноморку-2, поселение Ольвийской хоры на берегу Березанского лимана, взяв с собою и меня. Для археозоолога очень важно обязательно побывать на местах тех археологических памятников, с которых он получает остеологические материалы. К сожалению, надолго задержаться там я не мог. Ждала работа в Ольвии. Помог разгрузить машину, начали ставить лагерь. Но машина уходила обратно, и мне пришлось возвращаться на ней в Ольвию.

В 1974 году я уже в качестве опытного археозоолога «вел» всю Ольвийскую экспедицию. И в том же году Вэл и Серж заложили и провели раскопки совершенно нового участка в Ольвии — Р-19. Это была первая наша серьезная совместная работа. К счастью, далеко не последняя. Побывал я и на Черноморке, и тоже в варианте «туда-обратно», связанным опять-таки с машиной заповедника «Ольвия». Как и в 1975 году. Кости животных при таком раскладе пришлось определять уже в Киеве. В 1976 году из-за большой загрузки по другим экспедициям попасть на Черноморку мне не удалось. Поскольку костей было очень много, и вывезти их в Киев не представлялось возможным, Вэл оставил их там, в расчете на мой следующий приезд.

В 1977 году я перешел в Институт археологии АН УССР и продолжал работать в Ольвии. Когда я уезжал в августе из Ольвии в другую экспедицию, ко мне подошел Вэл.

— Олешка! В этом году заканчиваются работы на Черноморке. Мы с тобой ее начинали. Мне бы очень хотелось, чтобы при ее окончании ты тоже был со мной.

15 сентября я снова выехал в Ольвию. Там меня встретил Серж, только что вернувшийся с левого берега Бугского лимана. Сделав ему за день материалы, стал расспрашивать, как добираться до Черноморки «своим ходом». Ведь до того меня туда возили на машине. Сергей стал мне объяснять. В эту минуту к нам в комнату вошел Вэл.

— Олешка! Какими судьбами?

— Вэл, ты ведь просил приехать заканчивать Черноморку. Вот я и здесь. Серж как раз объясняет мне, как туда добираться.

— Ты очень торопишься ехать прямо сейчас? Подожди до завтра. Я сейчас еду к питерцам по их просьбе на Козырку, возвращаюсь завтра. Автобус на Очаков идет из Козырки. Ты подходи к остановке, поедем вместе.

На следующий день вместе с Вэлом я ехал в автобусе на Очаков. Так началась, пожалуй, моя самая удивительная экспедиция.

— Олешка! Здорово, что ты приехал. Нас осталось очень мало. Теперь будет больше.

— А кто остался?

— Ты всех знаешь: Саша Маковцев, Валерка Крит, ты да я. Вот и весь состав. Правда, еще Инопланетянин и две девицы из Москвы, но, надеюсь, к нашему приезду девицы уже слинянут.

С ребятами мы работали уже не первый год. Встретили они меня с радостью (фото 55, 58).

Лагерь был большой, палаток пятнадцать. Студенты, работавшие там, уже уехали, но палатки ребята решили не снимать на всякий случай. Вэл, Саша и Валерка жили каждый в маленьких палатках, я по своим габаритам выбрал большую «шестиместку». Осмотрели раскоп. Вэл показал находки, а они были потрясающими. Клад из двухсот монет «дельфинчиков», остатки каменных кладок, которых по всем существующим тогда представлениям там быть не могло, и многое другое. Стемнело. Сели ужинать.

Кухня помещалась в большой шестиместной палатке на краю лагеря, рядом с раскопом. Между лагерем и раскопом проходил овраг. На его склоне был сделан основной очаг. В палат-

ке, у входа, был сделан запасной очаг на случай дождя. У дальней стенки стояли вдоль палатки два вьючных ящика, служившие нам столом, а по бокам — две раскладушки, на которых мы сидели. С одной стороны лагеря тянулась лесополоса, заканчивавшаяся метров через сто или даже несколько больше к северу от лагеря, с другой — Березанский лиман.

И тут за столом я вспомнил:

— А кого вы тут прозвали Инопланетянином?

Ребята дернулись, переглянулись. Вэл посмотрел сначала на них, потом на меня. И начал рассказ:

— Ну что же, раз ты уже с нами, то слушай. В начале сентября в лагере появилась собачка, с виду обычная дворняга, белая, с рыжими пятнами. Если в экспедиции появляется собака, она прежде всего идет на кухню. А эта повела себя совсем по-другому. Она стала по ночам уносить вещи ребят. У кого — кед, у кого — вьетнамки, причем только один, у кого — вещи, развешанные на растяжках палаток для просушки. Естественно, мы начали ее гонять. И вот здесь мы удивились: никто из нас никогда не видел, чтобы собака бегала с такой скоростью. Расстояние от лагеря до конца лесополосы она проходила буквально за три—четыре секунды, ног при беге даже не было видно, как будто она неслась по воздуху. Вот в шутку мы и прозвали ее Инопланетянином. И еще одно. Вчера я увидел, что она подкрадывается к лагерю со стороны лимана, и запустил в нее пустой бутылкой. Когда в собаку что-то бросают, она обычно поджимает хвост и убегает. Эта замерла, глядя на бутылку. Бутылка описала в воздухе дугу и ушла в сторону лимана.

Я не выдержал:

— Вэлушка, сколько ты перед этим «принял»?

— Началось, — пробурчал Вэл.

Достал из-под раскладушки початую бутылку водки и продолжил:

— Вот, это стоит у нас уже неделю, на всякий случай. Мы уже неделю в рот не брали. Работа!

Может быть, мне не поверят, но эта бутылка простояла еще больше недели, пока мы не использовали ее много дней спустя в качестве лекарства от простуды. Другого спиртного в лагере не было. Хотите — верьте, хотите — нет.

Следующий день начался как обычно. Позавтракали, пошли на раскоп. Ребята и оставшаяся одна из двух московских студенток географического факультета МГУ Оля Ивашева, взялись за лопаты, а я занялся костями животных, которых уже накопилось к моему приезду довольно много. С собой взял только полевой дневник и ручку, остальное оставил в палатке. Подбираются кости, надо их склеивать, а клей — в палатке. Быстро возвращаюсь в лагерь. И здесь я впервые увидел ЭТО.

На поляне, в центре лагеря, собачка, дворняжка, белая, с рыжими пятнами, рылась в моей полевой сумке. В моей полевой сумке никогда не было ничего съестного. Только документы, инструменты, клей. Я на секунду представил, что она сейчас куда-то с ней рванет, и с дикими воплями типа: «Отдай!.. Мое!.. Не тронь!..», кинулся к ней. Собачка посмотрела на меня, бросила сумку, повернулась и рванула вдоль лесополосы. Я впервые увидел эту скорость. Действительно, Инопланетянин. Через пару секунд его уже не было.

Проверив содержимое сумки — все было на месте, — я отправился на раскоп. Вэл, увидев меня, сразу понял, что что-то случилось. Подошел ко мне. Я, смущаясь, рассказал о своем поединке с собачкой. На что он ответил:

— Я не хотел тебе говорить вчера. Ты бы все равно не поверил. Эта тварь перерыла все наши документы, которые хранились в моей палатке. Ладно, пошли работать.

Оля осталась с нами почти до конца. Она за несколько дней научилась готовить, да так, что успевала сделать обед на костре и еще помочь нам на раскопе. Завтрак и ужин мы готовили все вместе. Начинать тот, кто в этот момент был занят меньше других, остальные подключались потом.

На следующий день после обеда я за чем-то зашел в свою палатку. И тут услышал крик Маковцева:

— Вот он! Бей его!

Выскочив из палатки, я увидел между лагерьем и лиманом Инопланетянина, и бегущего к нему Маковцева со штыковой лопатой. Саша метнул лопату в собачку. Инопланетянин замер на месте, глядя на лопату. Лопата, не долетая до него пару метров, вдруг на что-то наткнулась в воздухе, упала на штык перед ним, по инерции подпрыгнула, перелетела через него и улеглась на землю. Он совершенно спокойно развернулся и, пока мы приходили в себя, медленно ушел в сторону лимана.

Следующим утром ко мне в палатку зашел Вэл. В его руках была ледышка.

— Олечка, посмотри — какое чудо! Вода в ведре за ночь промерзла до дна!

— Все это хорошо, но помоги мне выбраться из спальника.

Ребята спали в одноместных палатках с полом, там было теплее. Я жил в большой палатке, и мне были выделены три спальных мешка. Один клался на раскладушку, во второй я залез, третьим укрывался. Ночью было сыро, под утро ударил мороз. Вся эта конструкция смерзлась, и я, при всей своей массе, ничего не мог сделать, чтобы выбраться наружу. Вэл начал меня успокаивать, что, мол, сейчас на кухне нагреют чайник, польют сверху и вызволят меня из этого

ледового плена. Подошедшие ребята начали говорить, что, мол, зачем поливать кипятком сверху, эффективнее будет налить прямо в спальник. Потом кого-то осенило: зачем разжигать костер возле кухни, когда можно разжечь прямо у палатки. Следующим было предложение разжечь костер прямо под раскладушкой. Тут Вэл возразил, что ему еще надо сдать эту раскладушку на склад заповедника «Ольвия», а там кладовщица очень строгая. После всего этого «совещания» ребята взяли раскопачные ножи и под руководством начальника с ювелирной точностью разделили спальники, не повредив ни один из них. Да, работали профессионалы.

В этот же день Саша получил телеграмму с работы, его просили срочно приехать. Хотя у него до конца отпуска было еще дней десять. Мы остались вчетвером.

На следующий день ужин вызвался готовить Крит. Когда стемнело, мы пришли в лагерь и застали Крита, ползающего по склону оврага возле очага. Огня не было. Мы удивленно спросили, что случилось.

— Топор ищут.

— Уронил?

— Да нет, метнул в эту тварь.

Для справки: Крит проходил какую-то спецподготовку. Хвастался этим он много, даже чересчур, что он и парашютист, и альпинист, и водолаз, но стрелял и метал отлично. И метров с десяти мог загнать в дерево все, что имело острый конец. Нож, лопата, гвоздь, для него разницы не было. Поэтому мы удивленно спросили:

— Промазал, с пяти метров?

— Да нет, хуже. Эта тварь посмотрела на топор, топор сделал над ней «горку» и упал где-то здесь. Вот я его и ищут.

Спустя какое-то время топор мы нашли. Но готовить что-то серьезное на ужин времени не осталось. Были такими уставшими, что даже чай не делали. Поели консервы и легли спать.

На следующий день, к обеду, Оля пришла на раскоп и попросила помочь разжечь костер, у нее что-то не получалось. Я был менее занят, чем другие, и пошел с ней в лагерь. Идем по склону оврага, вдоль раскопа, и вдруг я вижу, что по противоположному склону к очагу подкрадывается Инопланетянин. Вспомнив свою полевую сумку, вчерашний несостоявшийся ужин, хватаю увесистый камень и бросаю в него. И стою разочарованный: ясно видно, что промазал, камень ляжет в нескольких метрах правее его. В этот момент Оля наступает на сухую ветку. Хрусть! Инопланетянин поворачивает голову, смотрит на камень, и тот... описывает дугу и летит обратно к нам. Оля в крик, а на меня напал какой-то столбняк, не могу пошевелиться, работают только глаза.

Камень упал метрах в трех—четырех пред нами. Через пару секунд Инопланетянин исчез,

а нас окружили ребята. Я по-прежнему не могу пошевелиться. Только слышу, как за моей спиной лопочет Ольга: «Олег... Камень... Инопланетянин...». Тут меня что-то отпускает, и я подхожу к ребятам. Я не разобрал, что говорил Вэл Оле, но он нашел такие слова, что когда я подошел, она уже более или менее успокоилась.

Вэл задумчиво поправил свои очки на переносице, а затем сказал, обращаясь ко всем нам:

— Я не знаю, что это или кто это, я не знаю, с чем мы столкнулись. Но с этой секунды я категорически запрещаю что-либо бросать в эту тварь.

Думаю, после случившегося это было правильным решением. Впрочем, ни у меня, ни у Оли, думаю, такого желания уже просто не могло возникнуть. Однако оставался еще Крит! Но и он понял всю серьезность ситуации. И еще одно. Оля наотрез отказалась оставаться одна. И ее переселили в палатку к Криту.

На следующее утро выхожу из своей палатки. Одновременно со мной из своей палатки выбирается Крит. Желаем друг другу доброго утра и направляемся к хозпалатке готовить завтрак. Валерка говорит, что Оля еще не совсем отошла после вчерашнего, пусть поспит. У меня возражений нет. Заходим в «хозку» — и останавливаемся пораженные. В палатке перед нашим запасным очагом стоит Вэл и задумчиво смотрит на свой приемник («Спидола» первого выпуска), стоящий за очагом. По приемнику идет передача «Голоса Израиля» на коротких волнах. Накануне, ужиная, мы слушали «Маяк» на средних волнах; приемник был в руках у меня, уходя спать, я оставил его на раскладушке, где сидел.

— Вэл, ты что слушаешь «вражьи голоса»?

Вэл повернулся к нам.

— А это не я.

— Кто же?

— Инопланетянин. Я захожу, а он сидит и слушает. Увидел меня и смылся вон туда.

Вэл показал на угол палатки. Там, где стоял наш лагерь, проходили окопы Второй мировой войны. И угол нашей «хозки» как раз лег на изгиб одного из этих окопов. Мы молча посмотрели на наш стол. На нем лежали открытые консервы, и мясные, и рыбные, хлеб, сало, колбаса. Все это осталось не тронутым. Да, странная собачка нас посещает!

Но верить Вэлу или нет? Для нас с Критом этот вопрос оставался открытым всего-навсего до следующего утра. Зайдя в «хозку» первыми, мы увидели картину, описанную накануне Вэлом. Возле очага сидел Инопланетянин и слушал радио, только передача уже была другой. И ушел он тоже по старому окопу.

Вечером за ужином мы долго обсуждали все эти события. Хочу сказать, что работа на раскопе шла своим ходом. Зная, что мы должны закон-

чить раскопки Черноморки в этом году, каждый из нас выкладывался полностью. Вэл успевал везде. И работая сам, и помогая нам своими советами, а то и просто добрым словом. Вечерами он обязательно старался нам что-нибудь рассказать, чтобы разрядить напряжение, снять усталость. Тем более что, честно говоря, нам было страшновато с таким соседом. Не знаю, что чувствовал Вэл, но внешне он был невозмутим, не терял чувство юмора, и мы тянулись в этом отношении за ним, стараясь все свести к шуткам.

Так вот, сидим вечером и пытаемся решить, что делать в нашей ситуации. Ясно, что столкнулись явно с чем-то или кем-то необычным. Сообщить куда-нибудь? Но куда? В Президиум нашей Академии наук? Пока они будут там соображать, все уже закончится. В Очаков — в КГБ? И где после этого мы все окажемся? Ведь в Советском Союзе ни «летающих тарелок», ни инопланетян быть не может. Как, впрочем, и секса. Это все «тлетворное влияние Запада», решили плюнуть на все и делать свое дело.

Наступила пятница. Только мы собрались на ужин, вдруг в палатку заваливается Валя Мусиенко, тоже «старый Черноморец». Хотя и не археолог, но связала свою жизнь с археологией, и каждый свой отпуск проводила в археологических экспедициях. Она тоже начинала с Вэлом Черноморку и дальше при каждом удобном случае старалась приехать сюда, чтобы помочь по мере своих сил. В тот раз у нее была служебная командировка в Москву, она везла туда какие-то срочные документы, но, поскольку в Москве та организация, куда она ехала, то ли не работала в пятницу, то ли еще что-то там было, короче, раньше понедельника в Москве ей делать было нечего. И она решила приехать на выходные к нам (фото 54).

Как говорится, радости нашей не было предела. На ее вопрос, что у нас интересного, мы начали хвастаться своими находками. Вэл, конечно, прежде всего кладом «дельфинчиков». Было чем похвастаться и мне. На Черноморке я нашел кость льва и почти целый скелет породистой собаки типа современного немецкого дога. Ну, и конечно, рассказали и об Инопланетянине. Честно говоря, реакцию Валентины предсказать было не трудно.

— Ребята, вы что, допились здесь до ручки, то бишь, до белочки?

В ответ Вэл достал наши дежурные полбутылки водки. Они все еще были целыми.

— Да, так я вам и поверила, — говорит Валентина, и ставит на стол бутылку коньяка. Ужин прошел весело. Нам так не хватало такой разрядки.

Наутро Валя говорит:

— Так, ребята, давайте на раскоп, а я приготовлю вам чего-нибудь вкусенького.

Зная, как готовит Валентина, мы с нетерпением ждали завтрак. Когда по времени он уже должен был быть готов, из лагеря донесся дикий визг Вали. Что там произошло, было ясно и без слов. Валя встретила с Инопланетянином. Мы дружно ринулись к ней на помощь. У ребят и у Оли (она тоже мчалась вместе со всеми) были штыковые лопаты. Я работал с костями, лопаты у меня не было. Где я подобрал полутораметровый сосновый кол, как «взял» в лоб двухметровый борт раскопа и взлетел на верх двухметрового отвала, я до сих пор не понимаю. Двухметровые отвалы были на пути у всех нас. Но дальше их мы не пошли. Увидев то, что происходило в лагере, мы выронили все, что было в наших руках, и покатались по отвалам со смеху.

По лагерю вдоль, лесополосы, мчался Инопланетянин, а за ним, дико визжа, размахивая сковородкой над головой и спотыкаясь на каждом втором шагу, бежала Валентина.

Естественно, догнать его ей было не под силу. Поняв это, она повернулась к нам и, разведя руками, в одной из которых была сковородка, закричала:

— Чего ржете, идиоты! Вы без завтрака остались!

Естественно, работы уже не было. Мы пришли в лагерь, и здесь Крит, став на четыре, показывал, как улепetyивал от Вали Инопланетянин, а Вэл, отобрав сковородку у Валентины, изображал ее погоню за ним. А затем, вволю насмеявшись, попросили Валью рассказать, что же все-таки произошло.

— Да что вы мне голову морочили! Самая обыкновенная собака, и жрет, как в не себя! Я жарила картошку, и, пока ходила в «хозку» за солью, она слопала все!

Тут у меня сработал инстинкт зоолога.

— Подожди. Давай подробнее. Где была сковородка с картошкой?

— Как где? Я же сказала — на костре!

— Валя, скажи мне, какая нормальная собака подойдет к костру и будет есть жарящуюся на нем картошку?

— Да отстань от меня! Хватит меня разыгрывать!

— Валя, смотри, сейчас ты над нами смеешься. Как бы вечером тебе плакать не пришлось.

Как в воду глядел...

Вечером, когда мы пришли в лагерь на ужин, Валя стояла у своей палатки белая, как стена. Мы бросились к ней. Вэл:

— Валя, что случилось?

— Эта тварь перерыла все мои документы, которые я везу в Москву. Я немедленно ухожу в Очаков.

Я посмотрел на часы.

— Валя, последний автобус из Черноморки на Очаков ушел полчаса тому назад. До утра тебе лучше остаться в лагере.

— Не останусь не секунды! Я пешком пойду.

— Валя, до села 4 километра, до Очакова еще 12, итого 16. Сейчас 21.30, куда ты пойдешь?

— Я быстро хожу. К полуночи доберусь до Очакова и там заночую в гостинице, а утром буду выбирать в Москву.

— Валя! Ты забыла, что по городу до гостиницы еще 2—3 километра. И я хотел бы знать, кто тебя пустит в гостиницу в провинциальном городе в половине первого ночи? И еще вопрос: дойдешь ли ты туда вообще?

В нашу перепалку вмешался Вэл:

— Валентина! Я тебя никуда не отпущу. Я за тебя отвечаю, и ты останешься с нами до утра, хочешь это тебе, или нет. Уедешь утром. Крит тебя проводит до Черноморки.

— Что я, маленькая?

По выражению лица Вэла я понял, что он сейчас залепит ей оплеуху, чтобы привести ее в чувство. Поняла это и Валя. Впрочем, первый шок прошел, она вновь обрела способность оценивать ситуацию и согласилась с нами. Кажется, обошлось. Пошли ужинать.

За ужином я обратился к Валентине:

— Валя, как самый трезвый человек среди нас...

В меня полетела кружка. Я успел отклониться от нее и продолжил:

— Валя, потом можешь бросать в меня всю экспедиционную посуду, но сначала, как самый трезвый человек среди нас, ответь на один вопрос. Как ты думаешь, что он будет делать дальше?

— Ну что же, кто мы, он уже знает, зачем мы здесь, он тоже знает. Остается одно: узнать, за что мы это все покупаем, или вступить в прямой контакт с кем-либо из нас, то есть из вас, поскольку я уезжаю.

Вэл тут же метнулся в свою палатку, и с тех пор до конца экспедиции с экспедиционными деньгами, а также с армейским штыком-ножом не расставался. Помог ли бы он ему при стычке с Инопланетянином, вопрос так и остался открытым. Инопланетянин на наши деньги не покушался.

По возвращении Вэла мы в шутку стали обсуждать второй вариант Валентины по поводу непосредственного контакта. Решили, что в этом случае, если он — это он, опасность угрожает Оленьке. А если она — то кому-нибудь из ребят. Утром Валя уехала и благополучно добралась до Москвы. А мы остались. Валентина и по сей день уверена, что мы ее тогда разыграли. И совсем не любит вспоминать об этом.

На следующий день я, выходя из своей палатки, увидел Инопланетянина в профиль и установил, что он — это он. Бедная Оленька, узнав об этом, в лесополосу, где был наш туалет, больше не ходила, прячась по берегу лимана. Все наши

уговоры, что если он захочет, то достанет ее и там, остались напрасными.

За ужином я сказал, что хочу сфотографировать Инопланетянина. Это вызвало бурную реакцию ребят, что, мол, я ставлю их жизнь под угрозу. Пришлось долго объяснять им, что если бы Инопланетянин хотел причинить нам зло, то, располагая такими возможностями, он давно бы уже это сделал. Наконец, мне удалось уговорить ребят, и мы приступили к обсуждению практических моментов. У меня с собой был фотоаппарат «Киев-4» с телеобъективом «Юпитер-11». Обычно каждый вечер, когда мы собирались на ужин, Инопланетянин выходил из лесополосы и наблюдал за нами. Решили завтра прийти на ужин еще засветло.

Сработало! Когда он вышел из лесополосы, я вышел из палатки и сделал три снимка. Он при этом внимательно смотрел мне в объектив. Вернулся и говорю:

— Что-то мне не нравится его спокойствие. Надо снять его так, чтобы он меня не видел.

— А как ты собираешься это сделать? — спросил Вэл.

— Воспользуюсь его лазом. Прелезу по окопу из палатки, дальше окоп идет вдоль берега, и от него есть ответвление к моей палатке. Я там залягу, а вы постарайтесь как-то привлечь его внимание.

Да, ползти по старому окопу, заросшему пыльной травой (дождей не было уже недели две), было не очень приятно. Но дополз и залег возле своей палатки, положив объектив в качестве упора на колышек палатки. Ребята начали изображать бурную деятельность, это привлекло внимание Инопланетянина. Темнело очень быстро — пришлось увеличивать параметры съемки. Это сказалось на качестве съемки, как выяснилось позже.

Итак, дождался, когда он в очередной раз вышел из лесополосы, наблюдая за «хозкой», и сделал два снимка его тогда, когда он меня не видел и стоял боком. Тут я себя чем-то выдал, и Инопланетянин резко повернулся ко мне. Прятаться дальше не было смысла, я встал и сделал еще два снимка, когда он снова внимательно смотрел мне в объектив.

В начале октября от нас уехала Оля. Ей надо было возвращаться в Москву на учебу. Вэл купил ей билет. Проводили мы ее очень тепло, и еще затем несколько лет она приезжала в наши экспедиции.

Впрочем, до ее отъезда произошло еще одно событие. Как я уже упоминал, наш туалет был в лесополосе. Стоял он на краю поляны, прямо напротив лагеря, посередине лесополосы. Когда я туда пошел впервые, то был поражен (я решил немного прогуляться по лесополосе). На противоположном краю поляны я увидел целый склад

самых разных вещей. Когда я туда привел Вэла, он объяснил мне, что это вещи, которые Инопланетянин утащил из лагеря. «Нычку» Инопланетянина нашли давно. Но, поскольку хозяева этих вещей — студенты — уже уехали, эта находка с практической точки зрения была бесполезной.

На следующий день после лечения Оли, выходя из туалета, я вдруг нос к носу столкнулся с Инопланетянином. Я замер. Он тоже. Между нами было метров 5—6. Я сделал шаг вперед. Он сделал шаг назад. Я сделал два шага вперед. Он отступил на два шага назад. Я сделал два шага назад. Он сделал два шага вперед, выдерживая дистанцию. Мы снова замерли. А затем я попытался вступить в прямой контакт с представителем «инопланетной цивилизации». Минут десять я рассказывал ему, что мы поняли, кто он, что мы не желаем ему зла, и что он может получить гораздо больше информации, если не будет прятаться от нас, а даст нам понять, что его интересует. Мой монолог остался без ответа. Он, внимательно выслушав меня, развернулся и ушел в лесополосу. Честно говоря, прочесывать лесополосу в поисках его базы мы не рискнули.

На следующий день после отъезда Оли в наш лагерь буквально ворвалась машина из «Ольвии», в которой приехал Серж. Он сказал, чтобы мы немедленно сворачивали лагерь, поскольку машину ему дали только сегодня на полдня и больше не дадут, тогда все имущество придется тащить на себе. Пришлось нам сворачивать лагерь, оставив только самое необходимое, что мы втроем (Вэл, Крит и я) могли унести на себе. Во время всей этой катавасии (иначе назвать нельзя) я видел Инопланетянина в последний раз. Крит утверждал, что видел Инопланетянина еще и в день нашего отъезда, но ни я, ни Вэл его больше не видели.

Через день после отправки имущества экспедиции к нам приехала на помощь лаборантка из «Ольвии» Алие Ибрагимова, которая сдала сессию (она была заочницей) досрочно и смогла вырваться к нам. Но при ней приключений, связанных с Инопланетянином, уже не было. Просто шла наша обычная напряженная работа, позволившая закончить раскопки Черноморки. Таким образом, благодаря прежде всего энергии Вэла это поселение стало первым и пока единственным поселением Ольвийской хоры VI—V вв. до н. э., которое удалось раскопать практически полностью. За исключением небольшого участка, уходящего под лесополосу.

Накануне отъезда из Черноморки Крит отпросился домой в Очаков. Зная, что его мама работает на Очаковском рыбокомбинате и не раз выручала нас консервами, Вэл спокойно отпустил его на побывку. Надежды оправдались. На нашу отвальную он принес немало диковинок. А дальше спросил, какие наши планы на

отъезд. Вэл сказал, что планируем где-то к пяти дням, собравшись, к шести донести все к автобусу из Черноморки в Очаков, а оттуда идет в 19.00 автобус на Козырку, который проходит мимо заповедника «Ольвия», а там переносить вещи будет довольно близко.

— А если мы соберемся к трем часам? — спросил Крит.

Мы особо не возражали. К трем или к пяти, разницы для нас уже не было. Ровно в 15.00 из-за лесополосы вынырнул автобус «ПАЗ», подъехал к нам, из него вышло несколько мужиков и спросили:

— Ну что археологи, будем грузиться?

Мы ошарашено посмотрели на них, потом на Крита.

— Это мои знакомые из Херсонской мехколонны, они здесь дорогу прокладывают, — ответил на наш немой вопрос Крит. — Они узнали, что здесь есть Отрешко, и говорят, что денег им не надо, но их мечта увидеть Ольвию, и очень хотят, чтобы Ольвию показал именно он.

Так закончилась последняя Черноморка.

Вернулись в Киев. Вэл в том году поступил в аспирантуру в Москву и уехал туда. Меня закрутила «текучка», и я совсем забыл о пленке. Проявил ее уже в конце ноября. В нашем отделе тогда была своя фотолаборатория, и проблем с этим не было. Повесил пленку сушиться, стал собираться домой, и, уже одеваясь, вдруг боковым зрением увидел, что на пленке что-то не так. Взяв ее в руки и внимательно просматривая, я вдруг обнаружил в центре пленке (обычной, черно-белой, «Фото-65») кристально чистые белые кадры, как будто на объективе была крышка. И относились эти кадры к Инопланетянину. Именно тогда, когда он смотрел мне в объектив. Получились только два кадра, когда он меня не видел. Если бы кадры были «засвечены», они были бы не белыми, а черными. Это скажет любой фотограф. К сожалению, из-за условий съемки кадры получились размытыми. На них была обычная собачка (фото 56). Все мои попытки на фотографиях выявить какие-либо аномалии типа ореола, антенн и прочей чепухи успехом не увенчались. Я перевел на эти попытки две пачки фотобумаги, делая отпечатки в самых разных режимах, но так ничего и не добился.

Перед новым, 1978 годом, на каникулы приехал Вэл. Пообщались, а потом я попросил его зайти ко мне в конце рабочего дня, когда народ уже уйдет по домам. Когда он зашел, я молча протянул ему пленку. Он также молча внимательно ее просмотрел. Закурил сигарету. Посидел. Еще раз просмотрел пленку. И вдруг спросил меня:

— Олежка, так это правда?

Да, это была правда. До пленки мы все еще сомневались — действительно ли это было с нами,

или это была какая-то массовая галлюцинация (учитывая, с каким напряжением мы работали). Или бывает такое, что кто-то начинает в экспедиции розыгрыши, а остальные его вольно или невольно поддерживают. Пленка стала документом, что мы действительно столкнулись с чем-то необычным, не укладывавшемся в наши понятия и представления об окружающем нас мире.

... Была середина февраля 1978 года. Я задержался на работе допоздна и шел по дороге от Выдубецкого монастыря, где тогда располагался наш Институт, к остановке трамвая. Над всей этой дорогой длиной ровно 1 км горел только один фонарь, как раз по центру дороги. Когда я подошел к столбу, на котором он находился, от столба отделилась фигура и направилась ко мне. Честно говоря, у меня душа ушла в пятки. А дальше...

— Олег Петрович, мне надо с вами поговорить. Вот мои документы.

Первая мысль: раз зовут по имени отчеству, морду бить не будут. Но когда я увидел удостоверение сотрудника КГБ, я уже не знал, что лучше, а что хуже.

— Не волнуйтесь, я сотрудник Института по связям с внеземными цивилизациями.

— Но ведь ваш Институт разогнали...

— Правильно, разогнали, но через полгода снова собрали, присвоили воинские звания, и мы сейчас работаем как сотрудники КГБ. У меня к вам, если вы не возражаете, есть несколько вопросов.

Возражать при общении с КГБ принято не было. Единственное, что я предложил, так это общаться не здесь на морозе, а у меня дома. Тем более что после смерти родителей жил один. Засиделись мы допоздна. Он внимательно все записал, просмотрел пленку.

— Вы не будете возражать, если я возьму пленку с собой?

Что я мог ответить? Только осмелился спросить, с чем же мы столкнулись.

— Робот двадцатых поколений. А на Земле — только пятое. Надо снять перед вами шляпу, как вы его перехитрили, чтобы сфотографировать. В моей практике это первый случай.

Прошло много лет. Мы уже стали забывать эту историю. Осенью 1989 года многие сотрудники нашего Института ехали поездом в Николаев. Совпали два события: юбилей старейшего сотрудника заповедника «Ольвия» Анатолия Виссарионовича Буракова и IV Республиканская краеведческая конференция. Практически весь плацкартный вагон был наш. Уже когда утомились страсти и почти все легли спать, ко мне подошел Вэл.

— Олешка, ты еще не забыл историю с Инопланетянином?

— Вэл, разве такое забудешь?

— Тогда возьми и почитай. Только внимательно.

Это был номер «Комсомольской правды», где описывалась зона под Пермью. Там, возможно, находилась база «летающих тарелок». Особенно наше внимание привлекло сообщение о том, что все попытки хоть что-то сфотографировать заканчиваются неудачей. Всегда и у всех получаются кристально чистые белые пленки. Эти «товарищи» умеют сдвигать время, и поэтому сфотографировать их практически невозможно. Мы с Вэлом переглянулись, вспомнив пленку из Черноморки и слова товарища из КГБ. А ведь нам это удалось! Кстати, товарищ из КГБ, как мы выяснили между собой, не очень афишируя это в те времена, встречался с Вэлом в Москве и с Критом в Очакове. Виделся ли он с Олей, Ольгой Викторовной Ивашевой, нам узнать не удалось.

Когда я вспоминаю эту историю, мне всегда на ум приходят отрывки из двух советских художественных фильмов.

«Гостя из будущего». Полина уводит Алису в ее время и говорит на прощанье школьникам:

— Я бы запретила вам об этом рассказывать, но вы ведь все равно проговоритесь. Поэтому рассказывайте. Вам все равно никто не поверит. Все решат, что вы играете в какую-то игру.

«Полосатый рейс». Заключительные слова артиста Леонова в этом фильме:

— Хотите — верьте, хотите — нет.

В заключение хочется сказать, что очень многим очень хотелось поссорить меня и с Вэлом, и с Сержем. И никто из этих «доброжелателей» даже не мог подумать, что все, что они наговаривали каждому из нас на другого, рано или поздно выяснялось при наших личных встречах. Например, я не раз в экспедиции после разных слухов уходил с Вэлом куда-нибудь в поле или на берег лимана, как это, например, было в Кателино, где мы садились и начинали диалог.

— Это было?

— Не было.

— А это?

— Не было.

— А это?

— Было, но не так, как тебе рассказали. В действительности было так...

И мы сумели с ним сохранить дружеские отношения до самого конца, поддерживая друг друга в трудных ситуациях. Мудрость, мужество и выдержка Вэла не раз выручала всех нас.

М.Д. Рабинович

ПО РЫБАМ, ПО ЗВЕЗДАМ ПРОНОСИТ ШАЛАНДУ... *

Начну с конца — нашей последней встречи. Это было воскресенье 28.11.99 дома у Юры Калинцева, которому исполнилось 50. Было весело, шумно, много пили, много пели, Юрочка играл на фортепиано. Расхотелись далеко полночь, мы с Вэлом, естественно, последние. Вышли, стали ловить такси, и я предложил Вэлу ехать ко мне, «еще немного посидеть». Он отказался и уехал домой, я на следующей машине — к себе. Встал поздно и около часу дня, только почистив зубы, отвечаю на телефонный звонок — Света Мазарати говорит, что только что ей позвонила Антонина Александровна, и что час назад Валера умер.

Поверить этому невозможно. Я заехал за Светой, и мы приехали к ним домой. Тогда же подъехал и Юра. Валера лежал очень умиротворенный, глаза закрыты. Никакой «печати смерти» на лице нет. Ну, просто спит. Правая рука — на груди, левая — вдоль туловища. «Скрестите ему руки», — попросила Антонина Александровна. Я взял левую, она была теплая, и положил на грудь, и они как-то удивительно совпали. Все происшедшее не укладывалось в голове, ситуация казалась какой-то ирреальной, и через пару минут долженствующей закончиться и вернуться в норму... Но нет.

Юра позвал к себе. На столе все было, как мы оставили накануне. Из недопитой вчера бутылки коньяка, который пили за здоровье Юры, налили по рюмке за упокой. (Скоро, увы, ушел из жизни и Юра — и это стало уже вторым происшедшим на моих глазах случаем быстрой смерти именинника, после того как из одной бутылки наливались тосты и за здоровье и за упокой). Потом было несколько дней мотания по загсам, моргам и т. п. — и похороны, собравшие сотни людей, включая приехавших специально из других городов, чтобы отдать последний долг, нет, не так, высказать последний раз свою симпатию Вэлу.

Но оказалось, что и это не так, вовсе и не последнюю. Проходят годы и годы. Люди, которые поддерживали связь с Валерой при жизни, не забывают его, что, по крайней мере, в моей практике человека, потерявшего очень многих друзей и знакомых, не так уж часто случается. Закономерен вопрос — что привлекало в нем и почему привлекал этот человек?

Ответ, безусловно, многозначен, каждый его делает для себя индивидуально и, наверное, в этом и особенность «феномена» Вэла: он был настолько многогранен, что каждый мог найти в нем «кусочек для себя», отражающий его специфично, и на том была основана эта широта. Каждый мог видеть в нем себя, может быть, с чуть-чуть менее удачливой реализацией, и на общем фоне убогости и застоя для некоторых это было важно (со всем фрейдистским хвостом, вытекающим из этого факта). Конечно, и в те дни и сейчас перед глазами прожитые рядом 33 года.

Все началось в 1967 году. Лето, я, студент, окончивший 2 курс, впервые в жизни попал в археологическую экспедицию. И куда — на остров Березань, к Владимиру Васильевичу Лапину.

Что это было для меня — трудно передать. Интереснейшие люди (в т. ч. писатели и художники, которых позже называли андерграундом) — вот основной интеллектуальный пласт, или, как скажет позже другой приятель, «культурный слой» нашей экспедиции. Я уверен, что потом, на многие и многие последующие годы, именно ее образец и ее высокая планка определили дальнейший образ экспедиционной науки и жизни, и иногда, в частности тем же Вэлом, это бывало и достигнуто. Так что, я думаю, тот полевой сезон на Березани существенным образом повлиял на атмосферу, которую Валера в дальнейшем формировал в своих отрядах, иногда и с моим участием.

Итак, 1967. На острове «звездный состав» участников, люди, которые потом на многие годы становились лицом и легендами «островного фольклора»: авторы песен, экстраординарных поступков и т. д. Вот далеко не полный перечень (сегодня, к сожалению, больше мартиролог): Игорь Конончук, Юра Кочерга, Виктор Малишевский, Борис Асвариц (эксперт Эрмитажа по купле-продаже картин), Лена Старченко и другие. В эрмитажной экспедиции, возглавляемой Ксенией Сергеевной Горбуновой: уже подающий надежды третьекурсник МГУ Юра

* Эта строчка Эд. Багрицкого показалась мне лучшим эпиграфом, а по предложению Люси (НеОтрешко), которой я бесконечно благодарен за подготовку моего текста и все, что она делает для выхода этого сборника и не только, строка стала и названием. Хотя, конечно, за все годы перепето сотни и, может быть, тысячи песен, в памяти последняя совместная поездка с Березани ночью на лодке (1997 г., подробнее см. ниже), и мы, два уже пятидесятилетних мужика, самозабвенно, на носу шаланды, под очередную бутылку водки, не поем песню — она сама изливается из нас.

Виноградов с Наталией, ставшей в то лето его женой, племянник Ксении Сергеевны — Коля, мой будущий приятель, аспирантка Люся Копейкина и многие другие. Экспедиции живут достаточно дружно и питаются совместно. Мы с Вэлом жили вдвоем в одной палатке, он тогда работал в киевском музее Ленина как, по его словам, «профессиональный выбивальщик ковровых дорожек».

Это был т. н. «мышинный год». За все последующие годы его повторение, но в меньшем масштабе, я наблюдал в 2003 году, приехав на остров к Володе Назарову незадолго до его гибели. Но тогда это было что-то (конечно, «в те времена, тогда, вначале, когда мы дней не замечали...» и солнце ярче светило и... дальше по тексту). Как-то вечером, зайдя в кухню-каземат за водой, я в свете фонаря увидел сцену буквально из «Щелкунчика». По бетонным стенам и потолку шла мышинная шеренга, след в след, направляясь к подвешенным к потолку на веревках мешкам с хлебом и крупами. Что и говорить — это не спасало. Все было «понадукусовано». Сначала обрезали эти части, потом увидели, что хлеба не хватает от лодки до лодки (она ходила 2 раза в неделю, если не штормило, иначе по погоде), и стали протирать «трапочкой» надкушенные места, а потом и это надоело. Одно из следствий этой экспедиции для меня — полугодовая экзема и катастрофическое выпадение волос, которых тогда еще было так много, что после мытья почти вся ванна была черной (тогда я еще был брюнетом).

Кушать хотелось постоянно, как в свое время в пионерлагере. Нельзя не вспомнить и подсобные промыслы для пропитания: ловлю крабов (меняли у приехавших ведро на арбуз или дыню) и ловлю бычков, которую проводил один из наших ребят. Технология уникальная и, по-моему, до сих пор не запатентованная. На лиманской стороне острова в камышах жили ужи-бычковые, которые ловили рыбку в воде, но поесть ее могли только на берегу. «Рыболов» тонко использовал эти биологические особенности пресмыкающихся: он становился в 2—3 м от берега и когда уж с добычей подплывал поближе отнимал ее у него, запуская ужа за следующей. Так за час — полтора можно было собрать на казанок ухи.

Повторюсь еще и еще раз — это была замечательная экспедиция. Владимир Васильевич учил работать и отдыхать. Подъем до 6⁰⁰, строгий рабочий день от звонка до звонка, с четко регламентируемыми перекурами и перерывами. Интересные находки и комментарии Лапина о найденном. Различать основные типы античной керамики я научился надолго и потом много лет проверял себя в разных музеях мира, памятуя уроки ВВ и иногда поправляя экскурсо-

вода (и они признавали мои правки). Работа на раскопе чередовалась у меня с увольнением на берег и поездками за продуктами и водой (что требовало переноски около полутонны грузов) в Очаков. Они всегда сопровождались многократными обходами «золотого кольца» — т. е. 5—7 винных точек на центральном пятачке, включая подвал «У Жана», очаковскую чайную и другие подобные, воспетые в стихах и песнях замечательные учреждения, в каждом из которых уже были знакомые, радостно приветствовавшие и щедро наливающие «узникам острова Юра» (газеты в тот год были полны сообщений о том, как на этом острове в Эгейском море «черные греческие полковники» держат в заключении свободолюбивых демократов). Затем следовали набег на базар для закупок, а то и «экспроприации продуктов для нужд узников острова». Очаков еще не был курортным городом, отдыхающих практически не было, нравы были попроще, и отношение получше. На острове — практически ежевечерние посиделки с песнями, стихами, в т. ч. и собственными ВВ, откровенными обсуждениями всего, что волнует, частые интересные гости и т. д. Это и был реальный «остров свободы» в море затхлости!

В моей, и я уверен, и в Вэла дальнейшей судьбе эта поездка сыграла значительную роль — мы к ней возвращались не раз в последующих разговорах.

Съехав с острова, приехали в Ольвию (заказывать машину для эвакуации) — мое первое ее посещение. И тут произошла ставшая потом легендой история об украденном гусе. После Березанской кормежки — 1 банка тушенки на 15 человек в день (почти блокадный паек), — увидев плавающих «диких» (т. к. они за забором) гусей, мы не удержались и, не зная ничего о местных условиях, одного изловили, зарезали под Зевсовым курганом и на ужин пригласили ольвийских копальщиков с ведром вина. Они прибыли вместе с Анатолием Виссарионовичем Бураковым. Так мы с Вэлом с ним познакомились. Конечно, было очень весело, гусь был хорошо сварен и вкусен, сбегали и за вторым ведром — а утром на Анатолия Виссарионовича больно было смотреть. Гусь оказался его собственный, и Нина Михайловна (его жена) сделала из ситуации свои оргвыводы.

Потом была замечательная дорога в Киев на экспедиционной машине Валеры Дудкина, возвращавшегося из геофизической разведки, который милостиво подобрал нас в Ольвии и согласился забросить в Киев. Эта поездка была сама по себе еще отдельной яркой страницей экспедиционной истории.

Ночевали в Одессе — Дудкин сказал, что его пригласил хороший знакомый, который его ждет в гости. Мы приехали. Дудкин вошел в

комнату аспирантского общежития института Филатова и на приглашение хозяина заходить ответил, что он не один. «Ничего», — сказал тот, ожидая еще 1–2-х человек. Однако вошли 14, последний нес на голове мешок с торчащими подушками и одеялами. Хозяин, проводивший в это время романтический ужин с милой дамой, вынырнул из комнаты через 5 минут и вернулся только под утро, и прекрасно еще около двух часов пел под гитару Вертинского и Галича. (Оказалось, что с Дудкиным они познакомились 3 недели назад в музее, и он пригласил Валерия «заходить при случае». Случай произошел. Как потом мне говорил Дудкин, он больше в жизни не встречался с этим милым человеком).

Потом была еще дорога до Киева, но мы с Вэлом уже прославились как достойные продолжатели дела незабвенного Михаила Самюэлевича, человека без паспорта. Наловленные утром в какой-то речке, на берегу которой мы ночевали, гуси и утки, не могли быть приготовлены для употребления ни на месте «охоты», т. к. по понятным причинам надо было срочно уезжать, ни в кузове грузовика, в котором продолжался наш путь домой. Решение я нашел в придорожном ресторане в Умани: каждая птица была обменена на шницель с макаронами, и так мы добрались до дому. Надо сказать — неплохо. Потому что у других членов экспедиции условия были похуже. Один москвич, помню, после месяца работы получил от Владимира Васильевича кусок сала и буханку хлеба — паек на время поездки авто-стопом по маршруту Очаков—Москва, и 5 копеек на метро для передвижения по столице. Все это воспринималось совершенно нормально и естественно, и было только очередным поводом для веселья. Где это все теперь?

В Киеве мы регулярно встречались, и наша дружба окончательно окрепла. Зимой 1967—1968 гг. В.В. Лапина уволили из Института археологии, экспедиции на Березань не было, и летом 1968 года я поехал в экспедицию к Николаю Михайловичу Шмаглию на курганы в с. Маяки Одесской обл. Эта эпопея началась с того, что вез нас тот же водитель, который вывозил из Ольвии, и, узнав, что мы едем вместе, взял специально паяльную лампу — смолить птицу. Я впервые раскапывал курганы, что показалось мне менее интересным, и в этой экспедиции впервые участвовали студенты Луганского педина, впоследствии зарекомендовавшие себя многолетними работами в Ольвии.

Украшением сезона года был, конечно, визит на Березань. В этот год строили обелиск, и на наших глазах на остров выгрузились два бульдозера. Это было в первый и, как я знаю, в последний раз. Больше такое не удавалось, хотя попытки были. Ксения Сергеевна попросила их сбросить свои отвалы в море и предложила нам

с Вэлом — вроде как полномочным представителям Киевской экспедиции — сделать тоже и оплатить бульдозеры. Мы по молодости лет согласились, чувствуя ответственность «за общее дело». На оплату «хлопцам» — по 2 бутылки водки каждому — ушел наш общий недельный заработок, полученный у питерцев. Бульдозеристы честно, целый божий день, с утра до позднего вечера сметали отвалы.

Надо ли говорить, что мы и доброго слова не услышали в Киеве от Владимира Васильевича. Оказывается, он, как правило, при разбивке новых квадратов передвигал и еще раз пересматривал предыдущие отвалы, а после нашей самостоятельности весь этот материал ушел в море. Возможно, часть его, спустя 15 лет, я поднимал со дна уже в Березанской подводной археологической экспедиции, а другую часть — спустя еще 15, когда по просьбе Назарова профинансировал яхту и мои с ним погружения. (Находки Володя сдал в Очаковский музей, чем и отбил у меня желание продолжать дальнейшую «благотворительность» при подобном законодательстве). И кстати, здесь же, на протяжении всех лет моего участия в экспедициях лапинская прививка о невозможности взять себе домой «на память» что бы то ни было действовала неукоснительно, и после десятков поездок на экспозиционных стеллажах в моем доме практически нет археофактов (оставляю это без комментариев).

Были еще в этот год «гусиные фермы» в экспедиционном лагере — две палатки, в которых содержалась ворованная птица (теперь стыдно и вспоминать это все, но если по честному — то по честному).

Из того года еще помню, что, уехав из экспедиции к беременной жене, я вернувшись не нашел Вэла — мне сказали, что он уехал либо в одну, либо в другую экспедицию. Я послал ему почтовую открытку в одну экспедицию, а в качестве обратного написал адрес другой (сейчас я думаю, почему не послал две открытки — быстрее и надежнее — ответа нет), где предложил встретиться в Ольвии в ближайшее воскресенье. Самое интересное, что открытка нашла его по второму, обратному адресу, и мы встретились. Тогда же произошло знакомство с Игорем Смирновым (он же Хася), Андреем Добролюбским и Сережей Махненко, которое продлилось на многие годы.

На Березань мы добирались, взяв на косе напрокат шлюпку и соблазнив кого-то из отдыхающих за экскурсию по острову отогнать ее назад. Потом этот «подвиг» я повторил в мае 1973 года, во время Ольвийской подводной. Шлюпку, правда, в этот раз гнали уже из Очакова, но были замечены с вертолета и, посланным катером с нарядом погранцов после двухчасовой игры в жмурки на острове, доставлены в Очаков.

Здесь, уплатив 3 руб. штрафа за нарушение правил проката, сердечно их поблагодарили — ведь иначе бы пришлось и назад грести самим.

Было в тот год еще много чисто экспедиционных встреч, веселых ужинов, переходящих в завтраки и прочее, и прочее, а также огромное количество поездок и переездов автостопом на попутках по дороге Ростов—Рени на участке Маяки—Очаков—Николаев, а дальше и в Крым (оставив Вэла в Маяках, я уехал к питерцам в Нимфей на две недели). Вернувшись домой осенью, я подсчитал, что наездил за два месяца, таким образом, около 4 тысяч километров. Тогда ГАИ не запрещало ехать сверху в необорудованных кузовах грузовых машин. Однажды я из Одессы в Николаев ехал в кузове, в котором насыпью везли покрытый брезентом цемент.

Сколько они довели, трудно сказать, а я отмылся в лимане достаточно серьезно.

В 1969, потом в 1970 гг. мы не ездили вместе в экспедиции. Но в Киеве виделись регулярно, выпивали под разговор, всегда обсуждали новости страны и Института археологии — а они там лились рекой. В этот год к нам (или я к ним) стала присоединяться Света Мазарати. Ничего особого в эти годы мне не припоминается, кроме, может быть, одного беглого разговора. На экраны тогда вышел французский фильм «Большая любовь» — объект многих обсуждений и разговоров. На мое предложение сходить в кино — ответ Вэла: «Не хочу. Обойдусь двумя маленькими». К месту здесь надо сказать, что я не помню у него охоту к подобным действиям. Не знаю, был ли он в театре в последние годы своей жизни (или на каком-нибудь концерте). Вспоминаю, как он впервые пришел ко мне домой в гости с Люсей, и мы после застолья пошли, по моему, конечно, настоянию, в кино. Это был автобиографический фильм Е. Евтушенко, очень популярный тогда. В середине фильма они встали и ушли, критически отозвавшись об авторе и его картине.

Дальнейшие воспоминания — это отдельные яркие пятна разных эпизодов, из которых и складывается абстракционистская картина памяти, причем почему-то всегда получалось, что Валерино появление на сцене несло какой-то положительный эффект — то он появлялся с полной сумкой выпивки к засыхающему от жажды застолью, то с грузовиком ребят на Ольвийской танцплощадке, когда «милый Хася» (Игорь Смирнов) уже подготовил приличный мордобой с местными «хлопцами» и т. д. и т. п.

Вообще в 70-е годы мы в экспедициях встречались эпизодически: он был в Москве в аспирантуре, на Козырке и в «периферии» с Анатолием Виссарионовичем, Сережей Буйских и иногда Борей Магомедовым (я так помню, но за точность не ручаюсь). Я в эти годы (1973—1977 гг.)

погружался в подводной Ольвийской экспедиции (май—июнь), летом эпизодически работал с Сережей Буйских в Богдановке, Дмитриевке, Дидовой Хате, Широкой Балке и других подобных богоугодных местах.

К этим же годам (начало 70-х) относится яркий этап тогдашней жизни — мое одинокое проживание в 4-х комнатной квартире на площади Толстого, где двери не закрывались ни днем, ни ночью. Были периоды, когда количество пустых бутылок было настолько велико, что в кухне (а это старый дом, и ее площадь где-то 16—18 м²) оставался только узкий проход к плите, мойке и холодильнику. Но благо, приемный пункт был в подвале соседнего дома (вот где он — высокий уровень комфорта). Периодически проходила и операция «хрусталь», что давало повод и средства к повторению пройденного. Сейчас это кажется каким-то бесконечным языческим (как скажет впоследствии протрезвившийся Хася), праздником на берегу неиссякаемого живительного источника.

Квартира состояла из общего коридора, из которого были две двери в две пары смежных комнат. Строительный бум только-только начался и к молодым людям нашего возраста еще не дошел. Поэтому «свободная площадь» пустовала редко. Я часто сидел в холле, регулируя потоки и исключая ненужные встречи — ведь бывало, что кое-кто из семейных пар моих друзей пользовался одновременно разными частями квартиры, не подозревая о присутствии друг друга. Вэл был там у меня частым гостем.

Еще один немаловажный момент — 1997 год. Начальник Березанской экспедиции уже — Володя Назаров. Валера в экспедиции (фото 71, 72). В этот год открыт храм, который и был потом очередным яблоком «розбрата». Я оказался рядом с этими событиями — в то лето я жил у Назаровых в их очаковском доме после того, как привез Володю машиной из Киева в Очаков. (Он по семейным обстоятельствам, через несколько дней после начала экспедиции, был вынужден уехать с острова, оставив экспедицию на Вэла, когда собственно и произошло открытие храма). Я с Володей приехал на лодке на остров в первый же день после приезда и возвращался с острова с Валерой, который на следующий день уезжал в Румынию на конференцию. При мне он рассказывал и показывал Володе, что было открыто за время его отсутствия, и уже было ясно, что это храм, про что Валера и говорил. Потом было много всякого по этому поводу, в том числе и косвенно связанного с уходом Валеры из Института археологии.

Валера переживал, безусловно, эту ситуацию. Помню, через какое-то время мы во время каких-то посиделок у Юры Калинцева вернулись к этому вопросу. Я спросил у Валеры, можно

ли по расположению этого храма, а других на острове вроде и не открывали до того времени, предположить размещение остальных храмов на острове? И после утвердительного ответа сказал ему: «Опубликуй статью со своим теоретически предсказанным планом, и пусть недруги потом всю жизнь подтверждают или опровергают тебя». Валере эта мысль вроде бы понравилась. Впоследствии я несколько раз спрашивал его, сделал ли он эту статью... Увы, нет!

Наверное, здесь к месту и вспомнить последующую характеристику Вэла, данную мне Назаровым: «С ним было можно все, что угодно, только не жить одной семьей и вместе не работать!».

Не мне давать этому оценку, ибо я с ним как раз не жил и не работал, кроме экспедиций, где мы, как правило, жили в одной палатке, и я, как мог, ему помогал в организации работы экспедиции. Образцом была Козырка 1981 года (фото 64—67). Андрюша Ганжа как-то прокомментировал ту ситуацию следующим образом: «Вэл — замначальника экспедиции по научной работе». Действительно, хозяйственные вопросы — не больно сложные, но всегда необходимые — решать он не умел, да и функции командира были явно не его. Поэтому всегда в экспедиции были близкие люди, которыми не надо «керувать», и каждый знал «свой маневр». Не буду строить сложных предположений по этому поводу, но принуждать кого-нибудь к чему-нибудь — даже работающих в экспедиции школьников — было за гранью его характера.

В этом же году после экспедиции было и то ужасное ДТП, когда ночью в степи не разъезжались два мотоцикла, пассажиром одного из которых был Вэл. Он потом долго лежал в очаковской больнице, Сергей Варфоломеевич Страшной опекал его изо всех сил; к нему приезжали, писали, посылали лекарства. Всенародная любовь уже тогда окружала его. И потом, после позднего возвращения в Киев, прекрасная встреча старого Нового года у него на Лесном — все молодцы, веселы и талантливы.

Наверное, следует и мне как-то не обойти вниманием «женскую» тему. Первым делом должен сказать, что у меня с ним, в отличие от некоторых других, никогда не было по теме никаких напрягов (так выразимся). Вспоминаются и здесь достаточно характерные моменты: после выхода замуж сначала Светы и потом Алие я объявил на каком-то застолье у себя дома, что у Валеры легкая рука — и женщины после него быстро выходят замуж. Шутка имела успех у присутствующих женщин, которые наперегонки стремились «побыть вместе хотя бы за столом», стали составлять список на очередь и т. д. Валере она, по-моему, не очень понравилась, но он ничего не говорил и довольно скоро сделал правильный вывод — женился на Люсе. Еще

один эпизод — я только приехал в Ольвию как личный гость Толи Кудренко, поселен под башней в отдельной комнате. Приезжает Вэл с периферии и говорит, что некая его подруга, ожидая его, проживает у Хаси в палатке в лагере, и поэтому просит меня пустить их в комнату и идти на ночь в палатку. Я, конечно, друга выручаю и иду, нахожу палатку и ложусь. Вскоре приходит достаточно пьяный Хася и, обнаружив в палатке спящую фигуру, пытается ее разговорить. Я, как могу, утоньшаю и унежняю голос, получается наверняка неважно, он протягивает в темноте руку и натывается на мою бороду. Не знаю о чем он подумал, но мгновенно протрезвев, нашел и зажег свечу. Мы к тому времени не виделись года 3—4. Обоюдная радость встречи и ее продолжение очевидны.

Почему-то тут же в памяти 1983 год, свадьба Валеры и Люси — единственная на которой я был. Длинный, очень веселый стол у Люси дома, во главе, конечно, молодые, причем часам к 9—10 вечера жених уже достаточно хорош и, как обычно, в таком состоянии — со скошенными к переносице глазами. Тут звонок в дверь, и заходят две девушки с букетом, пройти вдоль комнаты не могут, переминаются в дверях. Вэл, осмотрев их мутным взором и спяну явно ничего не вспомнив, что-то шепчет на ухо Люсе, которая в ответ отрицательно качает головой. «Кто вы?» — спрашивает Валерий неизвестных заплетающимся языком. Вразумительного ответа нет. Выяснилось — луганские знакомые Сережи Буйских и Вэла по Ольвии, заехавшие в Киев и зашедшие его поздравить — Тania Гамина и Люда Яковлева.

Эти заметки — не стремление нарисовать портрет человека, с которым меня связывало много лет дружбы. Написал и подумал, что дружбы в классически-героическом значении этого понятия в этих заметках может и не видно, но хотелось бы передать дух времени и нас без прикрас на этом фоне. А что касается составления характеристики Валеры, как это наверно напишут некоторые наши друзья, то я, упаси Боже, не собираюсь ее давать, и, более того, считаю, что одной из важнейших черт Вэла была его разноплановая и противоречивая натура, которая так органично эту разноплановость объединяла, что позволяло каждому дружить с той «частью Вэла», которая была ему ближе, а при этом сами «дружащие» очень часто были между собой если и не абсолютно несовместимыми, то далеко не друзья.

И еще. Воспользуюсь положением одного из последних пишущих для данного сборника, имеющего возможность увидеть кое-что написанное другими, чтобы дать свой комментарий по поводу работоспособности Вэла. Мне кажется, он принадлежал к тому типу научных ра-

ботников (мне это хорошо знакомо), которому, после выяснения для себя какого-то вопроса, он становился дальше уже не интересен. Выписывать что-то, убеждать и просвещать кого-то — с учетом специфики научной атмосферы — нет ни желания, ни потребности. Этим люди такого склада и отличаются от бездарных графоманов, имеющих высокие количественные показатели и, как правило, первыми получающими степени и звания. По «гамбургскому счету» все знают им реальную цену, но они, естественно, стыда «не имеют». Конечно, Вэлу от Бога было многое дано, кроме работоспособности. Сегодня, базируясь на опыте собственной научной и административной карьеры, могу с уверенностью утверждать, что, возможно, в другой ситуации, если бы его руководители хотели побольше с ним повозиться, чтобы получше его раскрыть, учитывая его индивидуальность, а не постоянно «строить» (при том, что он заведомо «строиться» не хотел) — его карьера и ее итоги могли бы быть другими. Хотя, конечно, стартовые условия в виде целевой аспирантуры в Москве — не хилый подарок судьбы и администрации Института (если не ошибаюсь, значительную роль в этом сыграл С.Н. Бибииков) и его профукать тоже надо было суметь. Он должен был вернуться на «белом коне». Но, увы...

Конечно, потом «они» (сознательно или не очень) отыгрывались на нем за все, что не могли и на что не были способны сами — как в песне: «кто плевал мне в лицо, а кто водку лил в рот...» (далее по тексту). Подобные, хотя и у всех разные, ситуации возникали и с другими нашими сверстниками: например, Сашей Рутковским, Игорем Смирновым, Андреем Добролюбским, Володей Рубаном и рядом других — все они, явно имевшие вышесредние способности, в силу ряда причин оказались практически потерянными для античной археологии. А ведь к полувековым работам украинских антиковедов они бы смогли прибавить и свои впечатляющие качественные результаты, которые могли бы составить честь отечественной науке... Я далек от намерения кого-то конкретно и гневно обвинять — нет, конечно. Обстоятельства и окружение были таковы, что и диктовали подобное поведение, и оно было повсеместно (конечно, получше эти условия были в Москве и, безусловно, в Питере — все-таки там была другая научная атмосфера, чем потом кое-кто и воспользовался).

В памяти еще два характерных эпизода. Конец 60-х — начало 70-х, первые раскопки А.С. Русяевой на Бейкуше, и найденная там замечательная яма с костями съеденных за тризной в честь Ахилла животных — по словам Вэла, все по Го-

меру. Долгие рассказы, какой будет статья — но вот плохо, эта «тема» за другим сотрудником отдела, и может быть скандал. Многолетние колебания, сомнения, и потом я узнаю от него, что статья эта так им и не была написана...

В те годы мне очень хотелось стать сотрудником Института археологии, объединив свое естественнонаучное образование и подводные навыки с увлечением историей и археологией. Я много читал, работал в библиотеке, интересовался палеоклиматологией, математическими методами представления качественных характеристик и многими другими смежными вопросами, которые мне казались возможными для имплементации в археологию. До идеи пылецевого анализа почвы и генетического анализа костных остатков для археологической идентификации и датировки дошел самостоятельно — Вэл мне сказал, что в то время они уже начали разрабатываться. Мои попытки работать с ним совместно на «стыке наук» (как тогда было принято говорить) по объединению наших знаний всегда отрицались им, хотя в те годы (конец 60-х — начало 70-х) это направление набирало популярность, давало первые результаты и многие археологи, кто грамотно, а кто и не очень, пытались «математизировать» свои работы. Потом, когда я уже занимался своей альтернативной энергетикой, с его стороны были вялые попытки использовать мои профессиональные знания для расчетов затрат топлива на отопление по архитектурным остаткам зданий и кое-что еще. Все это не имело продолжения и не шло дальше вопросов и беглых консультаций. Отсутствуют научные результаты и моей «археологической деятельности» и единственное, что осталось кроме памяти, каких-то знаний и небольшого, постоянно суживающегося круга друзей — лысая голова и «посаженная» печень. (Правда, при этом я совершенно уверен, что и работа в Институте, куда меня категорически не брали мои влиятельные «друзья», вряд ли дала бы те перспективы, о которых я мечтал. Атмосфера была явно не та и, отслеживая деятельность созданного там спецподразделения, очевидна их ограниченность и малая результативность).

И последнее. Увы, многих, многих уже нет — но очень немногие спустя столько лет после ухода продолжают собирать не забывающих себя друзей (фото 73, 74), для которых память о Вэле — это часть, а может, и одна из лучших частей, прожитой жизни, о которой хочется помнить и не хочется забывать, чему и свидетельством данный сборник, за что еще раз спасибо его непорочной (и не порочной) вдове Люсе, дочери Саше и всем авторам.

К.К. Марченко

УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ...

Вэл — часть моей жизни. У него были большие возможности, большие настроения, большие ситуации. Он был невероятно талантливым человеком. Но так и не произошло чего-то главного. Он много сделал для археологии. Древнегреческая колонизация его интересовала очень. Он был приверженцем идей Владимира Васильевича Лапина. Лапин написал блистательную работу, но, сделав это, он напряг всех, в том числе и Отрешко. Лапин — киевлянин — стремился доказать древнегреческую суть колонизации Березани. А для нас — питерцев — это был факт сопредельный, неоднозначный. На этой почве

мы — я и Вел — всегда боролись друг с другом. Но до конца его жизни оставались друзьями.

Небольшая зарисовка. Мы на Березани сворачиваем экспедицию, пакуем вещи. Нас оставалось тогда 5—6 человек. Киевляне сидят спокойно и смотрят. И только Вэл был единственным, кто нам помог дотащить тяжелые грузы на берег.

В моих ощущениях, в моих настроениях он остается удивительным и замечательным парнем. Он был хороший, честный, чистый. Очень жаль, что он не сумел завершить то, над чем работал. Нам его очень не хватает.

С.Б. Буйских

ВСЕ, ЧТО СВЕТИЛО КОГДА-ТО...

Вначале процитирую самого В. М.: «Писать воспоминания — занятие невеселое, хоть и нужное. И печаль на душе, поскольку речь идет о навсегда ушедшем прошлом, о человеке, которого уже ... нет в живых. И грустно, что в молодые годы неизбежное будущее казалось нереально далеким, бумаги не хранились, впечатления не записывались. Теперь приходится полагаться на память, а в памяти сохранились, по преимуществу, трудно передаваемые ощущения, эмоции, довольно расплывчатые общие впечатления. Конкретные события, ситуации, разговоры, все это вспоминается как-то отрывочно и бессвязно...»¹.

Я готов полностью подписаться под этими словами Валеры, добавив лишь, что наверно легче (если бы представилась такая возможность) было бы написать целую полновесную книгу о Вэле, наполненную этими эмоциями, впечатлениями и ощущениями, чем пытаться сейчас втиснуть 33 года (!) знакомства, совместной учебы на рабфаке, а затем работы (особенно экспедиционной) и

дружбы в несколько торопливых страничек воспоминаний для этого сборника.

Сейчас, когда работа друзей и коллег Вэла (не побоюсь этого слова — громадная работа) над подготовкой сборника близится к концу и я, как один из его редакторов-составителей, могу пересмотреть то, что написано другими, в т. ч. и самим В. М. (его дневники), мне как-то еще глубже и пронзительнее открылась трагедия его жизни. Трагедия одареннейшей, талантливейшей личности, не вписавшейся в предоставленные жесткой судьбой рамки общественных, производственных и лично-семейных форм. Это хорошо видно из взволнованных рассказов О.И. Губаря и М.Д. Рабиновича. Выражаясь их словами: «Вэлу от Бога было многое дано, кроме работоспособности» (М. Р.). И в итоге: в силу своего сибаритства, необломовщины, классического пофигизма, мягкотелой интеллигентной неуверенности, или еще чего-то подобного — он оказался «снятый самим собой с пробега» (О. Г.). Немалая доля истины в этих горьких словах друзей, к сожалению, есть...

Безусловно, Вэл имел очень мощный и качественный стартовый потенциал (достаточно посмотреть запись в его дневнике от 17.05.1965 г. со списком книг) и «само собой разумеется» ви-

¹ Отрешко В.М. Долговечное влияние // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника: материалы чтений к 90-летию проф. Л.М. Славина. — К., 1996. — С. 87.

дел себя в будущем большим ученым (запись от 01.07.1965 г.). Впоследствии же став им, он как-то растерялся, то ли не поверив в это сам, то ли не поверили (или не захотели поверить) в это окружающие. Скорее всего, процесс был обоюдным и как следствие его — ни Вэл своим талантом полностью распорядиться не смог, ни те, от кого напрямую зависело создание благоприятных условий для его роста — так же халатно не распорядились им. В результате — если пятнадцатилетний Вэл «искал самого себя» (см. запись в дневнике от 23.11.1964 г.), двадцатилетний вдохновенно создавал самого себя (17.03.1969 г.), то уже спустя четыре года, т. е. всего через год после окончания университета, он вдруг стал ощущать некий болезненный «трус» — т. е. какую-то ложную неуверенность в себе, которая со временем, к прискорбию, стала хронической. Так же, как его любовь к очень минорной, тяжелой песне Анатолия Хабаровского «А мне бы узнать, с чего начать...», которую с каждым годом Вэл пел все с большим надрывом, особенно нажимая на некоторые строчки из нее типа: «Ведь мне бы суметь, а я не сумел и теперь не умею...». О таком вот состоянии духа говорит и его дневник. «Всё перегорает и все перегорают... Я не реализую самого себя. Живу не так, как надо. И никак не могу собраться с мыслями и что-то понять, и изменить... Дай бог остаться хотя бы на прежнем уровне», — почти в отчаянии написал он 10 августа 1973 г.

Очевидно, примерно к этому же времени относится и почти «стариковская» вэловская исповедь, о которой поведал О.И. Губарь, так передававший слова исповедовавшегося: «Понимаешь, Олежка, я в школе всех опережал. Древних авторов перечитал и т. д., и прочее. На кружок ходил. Надежды подавал... А потом *они* стали понемногу догонять меня и обгонять...». Кого он подразумевал под этим собирательным словом «они» — сказать трудно. Может, своих питерских товарищей, может, киевских одноклассников, с которыми заканчивал школу, а может и нас — своих новых друзей, которых осенью 1966 года свела вместе судьба на I курсе вечернего отделения истфака КГУ.

Достаточно быстро выяснив, кто «болеет» археологией, кто любит «битлз», у кого на столе всегда лежат «Три товарища» Ремарка и кто больше пяти раз смотрел «Великолепную семерку» с неподражаемым Юлом Бриннером, мы, в свою очередь, сплотились в неразлучную «великолепную пятерку». Ее составляли: *Граф* (Толик Чепчуренко), *Князь* (Витя Степаненко), *Виконт* (Валера Отрешко), *Ксёндз* (Саша Кузьминец) и *Барон* (я) (фото 16, 18, 33). Все мы не только любили Виконта, но и в нашей «пятерке» считали его непререкаемым авторитетом в области античной археологии, истории и философии, самым

талантливым и способным из нас, таким, кого в грядущем ждут действительно великие научные открытия и свершения. И это абсолютно честно. Это чувствовал и наш мудрый учитель — Лазарь Моисеевич Славин (фото 12), позвавший нас после первого курса в Ольвию и уже тогда отмечавший «природную склонность» В. М. к научной работе. Именно благодаря ему Вэл уже осенью 1970 г. (V курс) был взят на работу в античный отдел Института археологии (фото 27), и мы за него искренне были рады. А единодушно обожаемая всей «пятеркой» его мама — Антонина Александровна Отрешко (наша «мама Тоня», варившая для нас неподражаемый кофе) — говорила тогда: «Мальчики мои, вы не обижайтесь, но Валера из вас скорее всего первый защитится». Так думали и мы... Совершенно не пасуя перед Вэлом и вначале вместе с ним (всей «пятеркой») вступив на археологическую стезю, ребята потом выбрали другие пути в жизненном пространстве, не самые прямые и легкие, но зато — свои. В античной археологии к моменту той самой исповеди Виконта остались только он да я. И сказать, что я или кто-то из «пятерки» его тогда в чем-то догнал или тем более обогнал — было бы слишком странно. Все мы только начинали в начале семидесятых вживаться в свою взрослую жизнь, не особенно еще себе представляя, как это нужно правильно делать.

Мы с Вэлом очень любили Ольвию и поначалу пытались самостоятельно работать там, заложив раскоп (т. н. «Р-19») между двумя Поперечными балками, но как-то в городе не прижились... И нас позвал на хору незабвенный Виссарионович — наш второй великий учитель Анатолий Виссарионович Бураков (фото 36—38). «Ребята, — говорил он нам, — в Ольвии слишком много начальников на квадратный метр раскопа, а я у Вас буду только один». И мы рванули за ним (надо сказать, никогда об этом не пожалев) в лиманно-степные просторы Нижнего Побужья и расселись на хоре, как сыновья некоего древнего государя: каждый в своей вотчине: Вэл — на архайке, Володя Рубан — на классике-эллинизме, я — на памятниках первых веков нашей эры. Золотое и неповторимое время! Ольвийская земля щедро одаривала нас именно тем, что каждый из нас хотел в ней найти и сказать этим свое слово в науке. Я резал валы и рвы римских укреплений, Володя обнаружил и раскапывал первую у нас на хоре античную усадьбу, у Валеры были феноменальные результаты и первоклассные находки (терракоты, граффити, ранняя расписная керамика) на раскопках Каборги и Большой Черноморки.

И когда в 1975 г. Вэл с благословения нашего тогдашнего зав. отделом интеллигентнейшего и справедливейшего Сергея Николаевича Бибикова оказался в целевой аспирантуре москов-

ского Института археологии (головного тогда для СССР). Все это воспринималось нами как вполне закономерный венец отрешковской интенсивной полевой работы и блестящая возможность спокойно оформить ее результаты в виде кандидатской диссертации. Из Москвы, как образно выразился М.Д. Рабинович, «он должен был вернуться на белом коне», а не «профукать» этот «нехилый подарок судьбы». Но... Что-то там в Москве не сработало — и вроде первый вариант текста работы был Вэлом написан и публикаций к защите в общем хватало, и на престижном Всесоюзном симпозиуме (Цхалтубо, 1977) его и его доклад заметили, и научный руководитель — светлой памяти, Ирина Тимофеевна Кругликова — у него была от Бога... Некоторые говорят, что, несмотря на пребывание в аспирантуре, Вэл слишком долго сидел тогда в поле (в частности в 1976 г., когда он из-за этого сильно припозднился с явкой на аспирантские занятия и заработал сразу два выговора: один от И.И. Артеменко в Киеве, другой — от Р.М. Мунчаева в Москве). Наверное, это действительно сказалось, но только отчасти. Глубинная причина, мне кажется, была в другом. Во-первых, он органически не переносил диктата в виде руководящих указаний на тему: что ему надо (или не надо) делать в данный момент, если он уже был занят каким-то очень интересовавшим его делом: «Пытаюсь делать, что хочу. Это легко, ибо я хочу только, чтоб меня не трогали» (28.06.1968 г.); «Для меня единственное спасение — делать то, что хочется» (08.07.1968 г.). Во-вторых, как это ни парадоксально, но без такого толчка извне он часто не мог собраться, сгруппироваться, засесть за что-то главное, единственное, важное. Причем сам сознавал, чего ему для этого не хватает. В дневниковой записи от 30.06.1968 г. к своей «беде» он прямо относит излишне возникающие сомнения, неумение делать быстро и точно правильный выбор и еще — «недостаток воли»...

В этой связи я хочу привести здесь слова из сохранившегося письма Михаила Андреевича Отрешко к сыну от 19.12.1975 г., в котором, говоря о возможностях, открывающихся у В. М. в связи с московской аспирантурой и темой диссертации, он подчеркивал: «Пойми, ради бога, что тебе на плечо сел журавль (сам сел и просится в руки)». Увы, Вэл этого журавля удержать на своем плече не смог, хотя кто-то, возможно, намеренно спугнул его оттуда... Судьбоносный шанс был упущен, время потеряно, потом заела жизненная и производственная текучка, ольвийские романы (думаю, часто возникавшие из-за сильной закомплексованности В. М. в этом плане), авария, первый брак, развод, временное, но морально ужасное «разжалование» в лаборанты — в итоге, свою кандидатскую Вэл смог защитить только в 1990 году, когда она выплеснулась

на бумагу уже как дополнительный результат нашей интенсивной работы над «Сельской округой», в ходе которой его несколько потускневшее и затупившееся перо быстро обрело и остроту и блеск... Но потом опять пошел сбой! Потом был второй брак и его последствия. Последние его самостоятельные и не доведенные до конца раскопки у Кателино. Все время угасавший интерес к хоре и вообще к науке (он перестал читать новые работы!)... Березанские конфликты. Жуткая депрессия. Уход из Института. Крах... Мрак...

... Каким мне запомнился Вэл? В первую очередь — живым, непосредственным и реальным и потому разным: и веселым, и хмурым, и мягким (даже блаженным) и бесстрастным (даже жестким), и добрым, и верным, и как бы не всегда, и молчаливым, углубленным в себя, и раскованным до куража, и «на расхлябанной раскладушке» (как у О. Губаря), но не только (!), а и работающим — на раскопе, в библиотеке, в архиве, за машинкой. Помню его и за лопатой, и за стаканом, и за книгой, в общем как в песне поется — «и в беде, и в радости, и в горе». Во всех его многообразных проявлениях в разных жизненных ситуациях всегда непременно присутствовало что-то сутобо свое, вэловское, которое с чьим-то другим спутать было нельзя.

Готовя этот сборник к печати, мы с Люсей Лысенко единодушно исключили отсюда воспоминания двух человек: одни были написаны густым, неразбавленным, остро пахнущим райскими купцами, розовым елеем; другие — не менее густой, но черной смердючей заборной краской. Причем, и в том, и в другом случае Вэл в этих мемуариях был не то чтобы неузнаваем, а практически просто не виден. Вероятно, предвидя подобное, он еще при жизни написал в своем «Протогене» следующее: «Каждому известно, что подавляющее большинство людей не является ни ангелами чистой воды, ни исчадиями ада». И он был тут абсолютно прав. Это — человеческая природа. Таким был он и таковы мы все — нас предавали, но и мы предавали, в нас безответно влюблялись, но и мы безответно влюблялись, нас использовали, но и мы использовали людей, перед нами кривили душой, но и мы ею тоже часто кривили, мы теряли, но и нас тоже безвозвратно теряли, мы часто не жалели не только себя, но и ближних, но и нас тоже не жалели... Все это — так, разве что Валера был незащищеннее нас в этой суровой и прекрасной жизненной буче, и поэтому после очередного удара молнии доли (или рока?) мы гасили его, заливая обожженные раны и души, он же продолжал гореть своими обидами, иллюзиями, сомнениями, неуверенностями и болями, а потом и просто обуглился и вмиг сторел весь без остатка...

Что я могу вспомнить о нем? У меня сейчас ощущения абсолютно схожие с теми, которые

описал он сам, пытаясь составить воспоминания о Л.М. Славине: «Отдельные сюжеты, возникающие в памяти, выглядят какими-то случайными и, возможно, не имеющими особого интереса и значения». Мне трудно из проносящихся в памяти отблесков и отзвуков лет, месяцев, дней, встреч, событий, фактов, деталей разговоров выбрать что-то такое, что могло бы добавить к образу В.М. нечто ценное, неизвестное, новое, ключевое, а вспоминается что-то, на первый взгляд, не очень серьезное. Или это только на первый? Судите сами.

Ну вот, видится мне, например, обледенелая (с весьма опасным скатом во внутренний дворик) крыша старого музея В.И. Ленина (ранее Педагогический музей цесаревича Александра и Центральна Рада, ныне Дом учителя), и мы — Вэл и я — доблестные разнорабочие этого крутого заведения «при ЦК КПУ», упакованные в валенки и телогрейки, сгребая с этой крыши снег под очень удобную для наших гребков громкую разудалую песню: «Будь проклята ты Колыма, что названа чудом планеты». В этот момент внизу останавливаются две тетки. С чувством глубокого гражданского возмущения смотрят на нас, а потом одна из них, погрозив в нашу сторону пальцем, выдает: «Так вам и надо, пятнадцатисуточники поганые!»

То встает из памяти перекресток возле киевской Оперы, между Ленина (до того Фундуклевской, ныне — Богдана Хмельницкого) и Владимирской, с большими круглыми часами на здании гостиницы «Театральная», под которыми мы с Вэлом, живя в юности почти по соседству (он — на Пирогова, 5, кв. 7, я — на Стрелецком пер., 2, кв. 32), весьма часто встречались, чтобы направиться для приятной душевной беседы на «кафедру» (так в студенческих кругах называлось тогда кафе «Київське» в начале бульвара Шевченко, бывшего Бибиковского, напротив памятника Ленину) или в «Троянду Закарпаття», неподалеку от него. Помню, в одно из первых посещений «Троянды» на вопрос Вэла: «А есть ли фирменный биомидин?» (что на молодежно-алкогольном слэнге тех лет означало вино «Біле міцне»), его переадресовывали ... в «аптеку за углом».

То перед глазами возникает очаковский ресторан «Дельфин», где, вырвавшись из нашего полуголодного вермишелевого экспедиционного бытия, мы вдвоем отмечали в июле 1969-го мое двадцатилетие: с селедочкой, салатиками, запотевшим графинчиком, первоклассным украинским борщом, беф-строгановым, заливной рыбой, «оливье» и т. д., а на десерт (на минутку забыв, что мы не в Киеве) опрометчиво заказали «кофе с коньяком». Нас не смутил даже вопрос бывалой прикурортной официантки Вали: «И что Вы это *всё* пить будете?» «Конечно!» — утвердились мы в своем решении,

уже предвкушая вид двух маленьких чашечек с ароматно вьющимся дымком, и были наказаны за свою самоуверенность, т. к. Валя вскоре принесла и бесстрастно поставила на наш столик громадный дымящийся кофейник и большую пузатую бутылку коньяка с пятью ухмыляющимися звездочками...

Тут же (поскольку рядом) вспоминается Бейкуш 1968 года, где на спор с Анной Станиславовной Русяевой (или по-экспедиционному нежно — «Асей» (фото 13, 15)) мы с Вэлом вдвоем за один день раскопали достаточно глубокую землянку, после чего принесли из села Черноморка честно заработанное нами народом на отвальную ведро густого черно-бордового вина, а Ася выпустила в честь ударников стенгазету «Черепаша», в которой рассказала о своей ночной встрече с Ахиллом, имевшим «большие красивые Вэло-Сержевские глаза...»

И опять мои мысли возвращаются в Киев, в то ли 7-е ноября, то ли в 1-е мая какого-то студенческого года, когда мы с Вэлом — вечерники — так помогали нашему «стационарному» другу Юрочке Калинцеву нести доверенное ему бархатное знамя университета (с орденами!), что чуть было не оставили его (вместе с орденами!) возле одного из буфетных столиков, развернутых для ликующих трудящихся на улице Октябрьской революции (ранее и ныне — Институтской). Спасибо сердобольной продавщице, остановившей нас — уже собравшихся снова влиться в праздничную колонну истфака — зычным басом: «Гей, хлопці, а ну забирайте звідси свого дрючка, на який хрен він мені тут здався!»

А как не вспомнить наше с Вэлом посещение защиты одной ольвийской знакомой, диссертация которой была посвящена глубокому изучению ... «вклада КПСС в развитие тяжелого машиностроения»! Промучившись изрядно в первой части акции, поскольку предмет научного исследования был весьма далек от того, чем мы сами занимались в науке, во второй части (на банкете в ресторане «Динамо») мы решили отомстить капээсэсной профессуре за издевательство над здравым смыслом и моральный ущерб и вдвоем быстро смели со стола всю предназначавшуюся для нее красную икру, вследствие чего надолго попали в опалу к новоиспеченному кандидату наук.

И еще — выплывает на авансцену, как бы освещенная софитами — обшарпанная, тесная, но такая родная и близкая кухня Вэловской однокомнатной квартиры на Лесном, где в свое время было нами столько переговорено, перекурено, переспорено, перелистано, перепито кофея, черного и зеленого чая, пива (с таранкой) и других достойных напитков... Мы сидим, обложившись отчетами, книгами, ксероксами, чертежами, фотографиями вещей и раскопок,

и строчим свои разделы в «Сельскую округу», иногда выбегая в магазин за бутылкой вина, чтоб сварить глинтвейн, поскольку чай при дико барахлящих батареях в феврале уже не согревает. И вдруг, в разгар работы — звонок в дверь и на пороге появляется невесть откуда взявшийся в Киеве Володя Рубан, сухо здоровается, как-то подозрительно смотрит на нас, но увидев на столе початую бутылку «Кабернэ» сразу расплывается в улыбке, истово крестится и уже совсем другим тоном сообщает: «Ну, слава Богу! Я же знал, что этого не может быть. А то говорят, что С. Д. запретил Вэлу принимать, да еще и Сержа приставил к нему, чтоб следил за этим. Нет, ну надо ж такое придумать... Наливай!».

... Память моя хранит о Вэле многое, но сейчас она щадяще выбирает из своего хранилища исключительно светлые, радостные, веселые, а то и озорные эпизоды, хотя были, конечно, и другие моменты: и горькие, и досадные, и непонятные, и больные, и просто страшные (чего стоят хотя бы остро пережитые нами вместе смерти Л.М. Славина, В.В. Лапина и Толи Кудренко!). Но какое бы время или место — Киев, Ольвия, Николаев, Очаков, Одесса, Москва, Питер, Салоники — так или иначе связанные с Вэлом, не показывались мне из-под завесы прошлого, чаще всего в памяти встают: август—сентябрь 1973 г., правый берег Березанского лимана, наша разведка...

Собственно сама разведка была уже закончена — мы прошли правый берег лимана и долину реки Сосик, т. е. прошагали от моря (с. Рыбаковка) до одесской трассы (с. Красное). Уже уехали ребята — Юра Калинин, Толик Кудренко, Юра Резников, Саша Галинский («Курило»), Саша Стулов («Березанец»), Вера Залеская, с которыми мы открывали неизвестные ранее поселения и теперь мы вдвоем со дня на день ожидали машину из заповедника, которая должна была забрать нас, экспедиционное имущество и находки. В этом ожидании мы с Вэлом перемысли, зашифровали и зарисовали всю керамику, как следует прошурфовали близлежащие археологические памятники, и даже составили черновик краткого отчета. Но... Машина все не приходила и не приходила! И тогда у нас с Вэлом появилась редкая возможность просто отдохнуть, с одной стороны — физически расслабиться, с другой — сосредоточиться на своих мыслях, открыть друг другу души, пообщаться, посекретничать, обсудить свои и друзей «сердечные дела», помечтать, подурачиться, поорать в степи над лиманом наши любимые бардовские песни (Кукин, Высоцкий, Галич, Визбор, Ким, Анчаров, Берковский, Городницкий, Никитин, Полоскин, Аделунг, Якушева, Матвеева и др.), посидеть вдвоем у костра...

Дальше я открываю свой дневник, который вел в экспедиции 1973 года и читаю:

«30—31 августа. Машина опять не пришла, и мы с Вэлом коротали время, устроившись каждый в отдельной палатке, приведением в порядок дневников, чтением фантастики и стихов, мечтами, мечтами, мечтами... Снова приходили мальчишки из с. Лиманы. Сфотографировал их, рассматривающих найденный Курилой лекиф. Записал адрес одного из них — Сани Чумачева («В школі покажу фотку — усі помруть від заздрості»). Вэл сходил с этим Саней к месту, где, по его словам: «батько с товаришем коров пасли і з-під землі викопали два глечики з черепами». Принес сверток костей и архаическую керамику. Видимо, это — могильник поселения, открытого нами неделю назад.

Были утренние купания в студеной воде (на счет «раз—два—три» ныряешь и чувствуешь, как обжигает все тело осенний водоворот), была смешная погоня за обнаглевшими полевыми мышами (сiju, пишу дневник, подымаю глаза — а рядом мышка запустила голову в банку с повидлом), был долго не хотевший гаснуть костер, глядя на огонь которого каждый из нас пытался склеить черепки воспоминаний, и снова были звезды — то суровые и пронизательные, то смеющиеся, то просто грустные...

Так и мы в эти два дня то напускали на себя деловитость и солидность, и изысканно трепались о значении нашей разведки для античной археологии, то хохотали просто так — от молодости — чувствуя себя красивыми и сильными, то вдруг вонзали долгие печальные взгляды в импрессионистские мазки на закатных облаках, будто бы за этими облаками пряталось то сокровенное, то упущенное, то светлое, ради чего и стоит жить на этом свете...».

А теперь — посмотрите запись в дневнике В. М. за то же 30 августа того же года, где он, как и я, пишет про звезды: «Вечерами здесь прекрасное небо... Начал приходить в себя постепенно². Вчера, глядя на звезды, даже родил пару идей относительно Ахилла». И дальше: «Уже поздно — 10 часов вечера. Мы, как всегда, отправляемся спать. Перед сном будем курить и смотреть на звезды. Ах, эти звезды! Они так прекрасны! Хотя бы потому, что их равнодушие и презрение рождает гордость и волю».

Как видите, ассоциации очень близкие. Мы с Вэлом потом часто вспоминали, как мы говорили, «наше дрейфование» или «наше великое сидение» на берегу Березанского лимана, возвращались к этим незабываемым дням, радовались, что с годами не забыли какие-то памятные для нас обоих

² Эта фраза с очевидностью показывает, что из того кризиса, в котором Вэл находился к началу августа 1973 г. (см. выше), он к концу лета — началу осени стал выходить, хотя мне он в те дни ничего о таком своем состоянии не говорил... В любом случае, время, проведенное тогда в разведке подействовало на него благотворно, впрочем, как и на меня.

моменты, но уже никогда больше в жизни не выпадало нам так вдвоем где-то спокойно сидеть, сопереживать происходящее, говорить обо всем, чутко слушать друг друга и главное — *понимать*...

И таких звезд, как тогда в нашей разведке, нам тоже потом никогда не доводилось видеть. Они казались нам просто волшебными — удивительно большими, яркими, все понимающими, близкими — кажется, протяни руку и достанешь — и мы могли смотреть на них часами. Даже то, что в один из дней (точнее вечеров) нашего «великого сидения» нам с Вэлом посчастливилось наблюдать редчайшее явление природы — т. н. «зеленый луч», высветившийся на какое-то мгновение из раскаленного закатного солнца, устало опускавшегося в море — не затмило красоты и величия наших березанских звезд. Тогда, укрывшись на ночь в одной из пустовавших в экспедиционном лагере больших палаток и спалив несколько парафиновых свечек, я написал о наших звездах стихи, утром прочитав их Вэлу. Он одобрил, заметив: «В общем — душевно, но хорошо бы ты мелодию к ним еще придумал». Так позже и стало — стихи превратились в песню, и теперь ее слова приобрели особый смысл и могут служить моим реквиемом по Вэлу:

*Звезды — как судьбы людей, маяки их счастья,
Если звезда упала — значит беда...
Но говорят — свет далекой звезды не гаснет,
Даже если уже умерла звезда.*

*Так и с людьми — остается нетленной память,
След на земле, а не упование к богам.
Эллины Ольвии! Все вы незримо с нами,
Все, что светило когда-то, светит сегодня и нам ³.*

³ Буйских С.Б. Пыль золотая (Стихи. Авторская песня). — Николаев, 1994. — С. 117—118.

Эта последняя строка песни: «Все, что светило когда-то...» почему-то особенно нравилась Вэлу, он ее часто потом повторял, напевал и именно с нее я хочу сегодня обратиться непосредственно к нему.

Валера! Мой милый, но бесталанный Друг! Все, что светило когда-то нам двоим — оно не погасло, оно живет во мне, согревает душу, помогает продираться через буреломы жизни, дает силы при столкновении с предательством, хамством и ложью и я буду нести его в себе всегда. Наша разведка продолжается! Обрывистый берег лимана, поросший терном, шиповником и глodom, студеной родничок в камышах, зеленые палатки, сохнувшая на листьях крафта керамика, горка садовых лопат с синими ручками, зола догорающего костра с пекущейся в ней картошкой, вырытый в лессе в форме буквы «П» обеденный стол, брошенная штормовка, полевая сумка, две голубые эмалированные кружки, заветная фляжка... Мы с тобой навсегда прописаны в этой точке волшебной ольвийской планеты, потому что здесь для нас есть «все, что светило когда-то»...

P.S. На этих страницах, среди воспоминаний коллег и друзей, должны были бы обязательно разместиться слова памяти о Вэле и незабвенного Юры Калинцева, если бы не его трагический уход...

В далеком уже, 2003 году, когда мы заканчивали работу над первым вариантом этого сборника, Юра говорил, что для мемориального раздела он написал обращенное к Вэлу «Письмо моему другу». После его кончины мы, к сожалению, не нашли ни в Юриных бумагах, ни в его компьютере никаких следов этого письма. Остается думать, что он доставил его адресату сам...

С.А. Беляев

ВЭЛА, КАК ЛИЧНОСТИ, ВСЕГДА БЫЛО МНОГО...

Вэл... Все его знали именно под этим приятельским прозвищем. Некоторые даже — только под этим. И это не характеризует его с плохой стороны. Это порой случается, как естественное следствие искреннего, открытого характера, общительной и компанейской личности.

Вэла, как личности, всегда было много. В науке он был талантлив — но разбросан, быстро выдавал на гора идею, но редко когда удосуживался довести ее до логического конца. Как

для археолога, у него была потрясающая интуиция — на скудном фактическом материале он мог построить блестящую гипотезу. А ведь еще с Архимедов и Менделеевых мы знаем, как дорог и важен этот момент — «Эврика!», озарение, догадка. Мы не будем здесь описывать трудности, постигшие человека, влюбленного в свою профессию, и тем не менее сломленного ею. В мире вполне достаточно грязи, посему мы постараемся вспомнить только самое светлое.

А одним из самых светлых моментов в его душе была Ольвия. «Вот что эта Ольвия? Степь, ковыль — а вот тянет же сюда почему-то...» — любил говаривать Вэл.

Степь, ковыль, необъятные просторы, где дышится легко и привольно. И скрытые в ней эллинские тайны. Не первый год она притягивает к себе романтиков и ученых. И трудно судить — в чем ее загадка. Может в том, что каждая черта в ее суровой красоте дышит свободой и вечностью, спокойствием, мечтой, силой.

Вэл был прост и весел, и умел ладить с людьми. Как-то раз с видом Зевса Олимпийского восседал он на кургане, распивая вино, а мимо него ехали бульдозеристы. Не заметить Зевеса было

невозможно — разговорились. И уже через полчаса Вэл обзавелся сподвижниками, помогающими ему раскопать оный курган всей доступной техникой.

Не лишним будет заметить, что Вэл обладал одной из важнейших граней юмора — то бишь здоровой иронией. Когда его друг, Юрий Калинин, начал работать на кафедре истории КПСС, Вэл с неизменной ухмылкой на каждый день рождения дарил ему бюст Ленина.

Не одно имя стерлось со страниц изменчивого мира... И если викинги уходили в Вальгаллу, то у археологов для этого есть Ольвия. Где-то в шумном городе останутся заботы и свары, а здесь всегда будет седая полынь, ковыль и рассвет.

О.В. Кузьминець

ВАЛЕРІЙ ОТРЕШКО — ЛЮДИНА, ДРУГ, ВЧЕНИЙ

Наше становлення як істориків проходило не лише в університетських аудиторіях КДУ ім. Т.Г. Шевченка. З Валерієм Отрешко, Сергієм Буйських, Юрієм Калининим, Віктором Степаненком, Валерієм Івановим, Валерієм Волковинським та небагатьма іншими ми прийшли з практики історичних цехів. Чи це був Інститут археології, чи музей, чи Товариство охорони пам'яток історії та культури, чи викладання історії в школі... Однаковою мірою практика для нас була пріоритетнішою, ніж теорія. Найбажанішими для нас навчальними аудиторіями були музеї та пам'ятки Києва, стародавня Ольвія, архаїчний Бейкуш з усім їх історичним та мистецьким змістом. Я вдячний понині всім цим добрим людям — моїм одноліткам (хоч багато з них уже пішло за обрій) за те, що моя юність пройшла саме з ними. В ті, тепер уже такі далекі роки, всі вони були моїми однокурсниками, однодумцями, опонентами, побратимами — за духом, способом життя та дії (фото 11, 25).

Ми шукали себе, а тому розмовляли і спілкувалися так різноманітно: то глибинно-історично, то сухо-науково, то життєво суперечливо, то піднесено, то побутово. Все перепліталось з подіями другої половини ХХ ст., а надто — персоналіями наших вчителів, новими відкриттями істориків, археологів, етнографів, соціологів, краєзнавців, цікавими повідомленнями «Українського історичного журналу», археологічних часописів та збірок, злободенними цитатами з нових творів

письменників, поетів, учених, мелодіями класичних і сучасних музичних творів, народністю, що попри все проривалась в «соцреалістичний» живопис. Скоріше — це був невеликий клуб молодих людей, які шукали свій шлях в робітнях історичної науки, а деякою мірою — і порятунку від заідеологізованої і черстої, а то і загрозливої до конкретної людини тодішньої суспільної системи. В наш клуб приходили вільно, відходили теж вільно. На молодших курсах університету нас усіх однозначно захоплювала археологія з її романтикою розкопок, ореолом утаємниченості, відносною незалежністю від офіційної історичної науки, особистими рисами вчених. Ми тоді були під відчутним впливом таких видатних археологів, як Л.М. Славін, М.М. Бондар, Г.Г. Мезенцева, І.Г. Шовкопляс, Ю.І. Козуб, Р.І. Ветштейн, А.В. Бураков, О.М. Карасьов, О.І. Леві, А.С. Русяєва та ін.

У Валерія Михайловича Отрешка завжди була своя оригінальна позиція з будь-якого питання, лише йому властивий арсенал доказів, аргументів, переконань. Перш за все, ми поважали його за безкомпромісну оцінку тих чи інших явищ в загальній та античній археології і довіряли, очевидячки, тому, що він був вихідцем з ленінградської школи юних археологів і завоював безперечний авторитет серед нас і, особливо тих, хто лише починав в археології, був простим хлопцем-копачем і не завжди допускався до експедиційної «святая святых» — тобто камералки... В першу чергу маю на увазі самого себе.

В багатьох випадках, коли виникали певні ускладнення, Валерій приймав рішення, і ми змушені були підкорятись його виваженості. Він умів спокійно і аргументовано переконувати, при цьому був надзвичайно людяним, умів якось так лагідно і тихо (в манері Л.М. Славина — свого найавторитетнішого вчителя) замирити будь-яку суперечку, довести чийось або свою правоту, не заграючи підтримати молодших і без апломбу та іронії заперечити старшим.

Він був аналітиком тих важких (за обсягом викопаного ґрунту) результатів, з яких поволі складається археологічна наука. Пам'ятаю розкоп 1968 р. на Бейкуші (фото 16). З нього ми з Серьожою Буйських, Толею Чепчуренком та Велом Отрешком підняли тони глини і все ж за його (Валерія) послідовності та інтуїції дістались до того периферійного ольвійського смітника, в якому знайшли сліди славнозвісного гомерівського Ахілла. Валерій торжествував! Робив він це більше мовчки, в якійсь затяжній щасливій паузі. І ми, частіше емоційні схвильовані, ніж знаючі, обізнані — годинами слухали його скупі, але точні судження про те, як жили колись давні греки у нашій Надчорноморщині, деє біля сучасного Очакова. Це було захоплююче. І скоріше твердішали наші мозолі на пошархлих долонях, і задусевніше лунали пісні під гітару Сергія Буйських.

Магія тверджень і висновків Валерія була його глибоким знанням не тільки з історії, а й з суміжних гуманітарних дисциплін. Не перебільшую — у високому сенсі він був енциклопедистом. Син відомого журналіста, він рано зрозумів глибинні зв'язки цивілізаційних процесів у світі. Тому його світогляд був цілним, тому фрази і зауваження його були короткими, але переконливими, тому його інтелігентність була справжньою.

Писав Валерій ґрунтовно, повними блоками, об'ємно і аргументовано, а також — легко і лаконічно, ніби залишав головне на пізніше, затримуючи у своїй мові якусь незбагненну ніким таємницю. Він ніби презентував усю археологію, яка легко знаходить й глибоко ховає свої багатства, залишаючи майбутньому здобутий розум цивілізації та вічну людську душу.

Валерій любив людей і вони відповідали йому взаємністю. Він гідно носив набуту високу інтелігентність, був гордою, але не кичливою особистістю, завжди був готовий прийти на допомогу побратиму, однокурснику, колезі. В університетські роки ми зустрілись різними за походженням, соціальним станом, життєвим досвідом, рівнем і якістю освіти. Інтелектуальний потенціал В.М. Отрешка та його відданість дружбі допомагали усім нам ставати вченими — професіоналами за званнями і науковими ступенями.

Валерій запам'ятався мені красивою, щирою, доброзичливою людиною. Деє глибоко у собі він умів гоїти душевні рани, але не вмів від них рятуватися. Він завжди сподівався на міцну і надійну дружбу, але, як водиться серед людей, не завжди знаходив (особливо серед жіночої статі) розуміння і потрібну підтримку. Його добре розуміла мама (яку ми, між іншим, дуже поважали і любили), але не завжди розуміли його ті, кого він кохав і кому бажав сповна довіритись...

Мені часто згадуються друзі моєї юності, і коли буваю у київських храмах, завжди на образі Божої матері бачу юних моїх однолітків, які вже у далекому-далекому Всесвіті. Серед їхніх поглядів звідти ловлю по-дитячому ніжний, добрий, розумний погляд друга моєї юності незабутнього Валерія Михайловича Отрешка.

С.В. Полин

Я О ТЕБЕ ПОМНЮ, ВАЛЕРА

С Валерой меня связывает многое... Помню наше знакомство в Херсонской новострочной экспедиции в 1974 г., куда рафинированный античник Вэл по разнарядке дирекции Института прибыл глухой осенью, «для усиления», после окончания собственного сезона в Ольвии. С нескрываемым недоумением посматривал он на наши скифские курганы и окружавших его буйных новострочников, далеких от какой бы то ни было академичности. Но больше запомнилось

другое. Глубокая профессиональная эрудиция, сочетавшаяся с умом скептическим и ироничным, способность если не принять, то признать право на существование иной точки зрения. «Почему бы и нет?» — говорил мне Валера, если видел что-то стоящее, и помогал доброжелательной рецензией «протолкнуть» не вписывающуюся в каноны статью. Его безоглядное нестяжательство как в науке, так и в обычной жизни привлекало больше всего.

Я о тебе помню, Валера.

В.П. Яйленко

БЕЗ НЕГО Я НЕ МЫСЛЮ СЕБЕ ОЛЬВИЮ

Мое знакомство с Валерием Отрешко состоялось в Ольвии ок. 1970 г. при забавных обстоятельствах — «не просыхая» в экспедиции, мы подрались из-за одной приятной девушки. Этот курьез не развел нас, напротив, сблизил, и в дальнейшем нас связывали дружеские отношения. Поскольку мы тезки, то Ярослав Доманский, как и положено хранителю отдела Эрмитажа, классифицировал нас для различения в экспедиционном коллективе — Отрешко стал «Вэлом белым» (Валера был русым), а я «Вэлом черным» (тогда я был брюнетом). Встречались мы не только в Ольвии, но и на разных конференциях, и при моих наездах в Киев. Именно Валере я обязан представлением о Киеве, как самом приятном для житья городе: как-то раз я ночевал у него дома (он жил в центре) и когда мы свежим летним утром вышли на улицу, го-

род открылся мне всей своей пределью. Конечно, большая доля моей любви к Киеву заключалась и в том, что в нем жили мои друзья — и старые, еще школьных лет, переехавшие из родного Донецка в Киев, и новые — Валера Отрешко, Сергей Буйских и другие. Валера был отличным парнем и хорошим специалистом по причерноморским сюжетам; жаль, что писал он мало, как и другой замечательный товарищ и прекрасный знаток Причерноморья — Юра Десятчиков, тоже рано ушедший из жизни. Мысленно обращаясь порой к дням молодости, я не мыслю себе Ольвию без Валеры, а Тамань без Юры. *Sit vobis terra levis!*

Р.С. Из письма В.П. Яйленко к С.Б. Буйских от 15.03.2003 г.: «Ты затеял хорошее дело со сборником памяти В.М. Отрешко, это — наш долг почтить его достойно».

КНИГИ С АВТОГРАФАМИ ИЗ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ В.М. ОТРЕШКО

1. *Агбунов М.В. Античная география Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1984.*

Дорогому Валере Отрешко на добрую память с наилучшими пожеланиями. М. Агбунов. 12.12.84 г.

Агбунов Михаил Васильевич (1952—2009) — историк, специалист в области исторической географии, кандидат исторических наук (г. Одесса).

2. *Акопян А.М., Кошеленко Г.А. Градостроительство Армении и градостроительство Парфии // II международный симпозиум по армянскому искусству. — Ереван, 1978. — 11 с.*

Славному сыну г. Киева гражданину Отрешко В.М. От единомышленника и сострадальца Арама — одного из соавторов сего доклада. 9.12.1978.

Акопян Арам Михайлович — старший научный сотрудник Института археологии и этнографии АН Армении, доктор исторических наук (г. Ереван).

3. *Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. (Этно-политический аспект). — Запорожье, 1995.*

Валерию Отрешко — ольвиополиту с пожеланием успехов от степных варваров. Андрух. 22.02.95.

Андрух Светлана Ивановна — доцент исторического факультета Запорожского Национального университета, специалист в области археологии раннего железного века, кандидат исторических наук (г. Запорожье).

4. *Буйских С.Б. Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых веков нашей эры: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — К., 1984.*

Валерию Михайловичу на добрую память от автора. — С. Буйских.

5. *Bujskich Sergej B. Zum Limes im nördlichen Schwarzmeerraum // Bonner Jahrbücher. — 1994. — № 194. — S. 165—174. (Sonderdruck).*

Дорогому Другу Велу с искренним пожеланием также выйти на европейскую арену. — С. Буйских. 27.02.96.

Буйских Сергей Борисович — старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Киев).

6. *Вейман Роберт. История литературы и мифологии. Очерки по методологии и истории литературы / Пер. с нем. — М., 1975.*

Моему другу Валерию Отрешко. — С. Белоконь. 9.2.76.

Белоконь Сергей Иванович — доктор исторических наук, лауреат Гос. премии Украины им. Т.Г. Шевченко (г. Киев).

7. Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк И.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. — К., 1988.

Вэлү с наилучшими пожеланиями в день рождения. Ек. Бунятян. 9.02.89 г.

Бунятян Екатерина Петровна — старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области археологии эпохи бронзы — раннего железного века, кандидат исторических наук (г. Киев).

8. Vinogradov Jurij A., Marčenko Konstantin K. Das nördliche Schwarzmeergebiet in der skythischen Epoche // *Klio* 71. — 1989. — 2. — S. 539—549.

Велу Отрешко с поздравлением и наилучшими пожеланиями. (Подписи Марченко и Виноградова).

Виноградов Юрий Германович (1946—2000) — известный специалист по истории античного мира, историк, археолог, эпиграфист, доктор исторических наук (г. Москва).

9. Гаврилюк Н.А. Керамика степной Скифии: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — К., 1981.

Любимому соавтору Валерию Михайловичу. Н. Гаврилюк. 12.II 1981 г.

10. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. — К., 1989.

Любимому соавтору Валерию Михайловичу с уважением. Н. Гаврилюк.

11. Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья. I. (Новые материалы). Препринт. — К., 1991.

Валерию Михайловичу с наилучшими пожеланиями. Н. Гаврилюк.

Гаврилюк Надежда Авксентьевна — ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области археологии раннего железного века, доктор исторических наук (г. Киев).

12. Голенко В.К. Монетное дело и денежное обращение в раннеселевкидском государстве: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1990.

Дорогому Валере на память о бурной молодости.

Голенко Владимир Константинович (1955—2008) — специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Симферополь).

13. Гудкова А.В., Крапивина В.В. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Препринт. — К., 1990.

Дорогому Валерию Михайловичу с пожеланием всего доброго. Авторы.

Гудкова Александра Васильевна — специалист в области славянской археологии, доктор исторических наук (г. Одесса).

14. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. — Севастополь, 1993.

Дорогому моему другу, любящему Ольвию, но знающему все об архаике. Ольвия. Золотарев. 7.09.94 г.

Золотарев Мирон Ильич (1945—2004) — известный специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Севастополь).

15. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — К., 1982.

Валерию Михайловичу Отрешко на память и с пожеланием всего самого наилучшего. 28.10.82 г.

16. Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983—1985 гг.). Погребальные сооружения и обряд. Препринт. — Вып. I—III. — К., 1989.

Многоуважаемому Валерию Михайловичу с неизменным расположением и привязанностью. Авторы.

17. Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Некрополь Херсонеса Таврического. Материалы и исследования. Препринт. — К., 1990.

Валерию Михайловичу в знак уважения от соучастников. В. Зубарь. 16.01.90.

Зубарь Виталий Михайлович (1950—2009) — известный специалист в области античной археологии, доктор исторических наук, профессор (г. Киев).

18. Кобылина М.М. Милет. — М., 1965.

Молодому коллеге Валерию Ивановичу (отчество написано ошибочно — ЛЛ.) Отрешко с пожеланием раскопать вазы из Милета от автора. 25.11.76 г.

19. Кобылина М.М. Керамический комплекс из Фанагории // Сепарат из Зборника VIII Народного музея. — Народни Музеј. — MCMLXXV. — С. 229—231.

Дорогому коллеге Валерию Михайловичу от автора. 20.IV.77.

20. Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. — М., 1978.

Дорогому Валерию Михайловичу с пожеланием успехов от автора. 1.XII.78.

Кобылина Мария Михайловна (1897—1988) — известный специалист в области археологии, искусства и религии античного мира, доктор искусствоведения, профессор (г. Москва).

21. Корпусова В.Н. Некрополи сельского населения европейского Боспора II в. до н. э. — IV в. н. э.: Автореф. канд. ист. наук. — К., 1975.

Валерию Михайловичу Отрешко с пожеланием успехов. Автор.

Корпусова Валентина Николаевна — специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Киев).

22. Krapivina V.V. The City of Olbia in the I—IV Centuries A. D. // *Echos du Monde Classique / Classical Views*. — 1995. — XXXIX. — n. s. — 14. — P. 355—375.

Валерию с наилучшими пожеланиями. В. Крапивина. 13.05.96.

Крапивина Валентина Владимировна — старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Киев).

23. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975.

Валерию Михайловичу на добрую память с пожеланием больших успехов в изучении сельской хоры. И. Кругликова. 16.IV.76 г.

Кругликова Ирина Тимофеевна (1917—2008) — известный специалист в области античной археологии, доктор исторических наук.

24. Крыжицкий С.Д. Архитектура античных жилых домов Северного Причерноморья: Автореф. дисс. доктора архитектуры. — М., 1980.

Глубокоуважаемому Валерию Михайловичу Отрешко с пожеланием скорейших родов (дисс.). Автор. 22 окт. 1980 г.

25. Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия — память тысячелетий. — Одесса, 1982.

Валерию Михайловичу Отрешко — убежденному жителю ольвийской хоры с пожеланием не забывать и город, а также и его граждан. — С. Крыжицкий, Н. Лейпунская. 20.VIII.82 г.

26. Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). — К., 1982.

Неповторимому Валерию Михайловичу Отрешко с пожеланием перевернуть все вверх дном на Ольвийской хоре и победить. — С. Крыжицкий. 25 авг. 1982 г.

27. Крыжицкий С.Д. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // КСИА. — 1981. — № 168. — С. 35—41.

Валерию Михайловичу Отрешко с наилучшими пожеланиями. И на периферии есть каменные кладки. 30 авг. 1982 г.

28. Kryjitski S.D. Les maisons d'habitation du littoral Nord de la Mer noire dans l'antiquité // DHA. — 1982. — № 8. — P. 61—90.

Валерию, свет, Михайловичу Отрешко с пожеланием скорейшего остепенения. — С. Крыжицкий. 7.04.83 г.

Крыжицкий Сергей Дмитриевич — заведующий отделом античной археологии Института археологии НАНУ, член-корреспондент НАНУ, доктор архитектуры, профессор (г. Киев).

29. Кудренко А.И. Благоустройство античных городов Северного Причерноморья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — К., 1992.

Дорогому Валерию Михайловичу (непосредственному виновнику этого торжества) от автора. 19.XI.92 г.

Кудренко Анатолий Ильич (1947—1994) — специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук, директор заповедника «Ольвия» (1982—1994).

30. Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитида. История и итоги изучения. Препринт. — К., 1989.

Валере Отрешко в дар от авторов с наилучшими пожеланиями.

31. Кутайсов В.А., Ланцов С.Б. Некрополь античной Керкинитида. Каталог погребений. Препринт. — К., 1989.

Валере Отрешко в дар от авторов с наилучшими пожеланиями.

Ланцов Сергей Борисович — старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Симферополь).

32. Кутайсов В.А. Керкинитида. — Симферополь, 1992.

Дорогому Валерию Отрешко с наилучшими пожеланиями от автора. Кутайсов. 8.02.93.

Кутайсов Вадим Александрович — старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Симферополь).

33. Лейпунская Н.А. Амфоры из Ольвии VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — К., 1976.

Уважаемому Валерию Михайловичу на добрую память.

34. Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). — К., 1981.

Валерию Михайловичу с искренними пожеланиями здоровья и успехов. Н. Лейпунская. 17.II.82 г.

Лейпунская Нина Александровна (1930—2008) — известный специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Киев).

35. Магомедов Б.В. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. — К., 1981.

Уважаемому коллеге и другу В.М. Отрешко от автора.

Магомедов Борис Викторович — ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области славянской археологии, доктор исторических наук (г. Киев).

36. Марченко К.К. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э. // СА. — 1972. — № 4. — С. 59—68 (отдельный оттиск).

Валерию Михайловичу в память о совместных полевых сезонах в Ольвии и с надеждой на общую работу на хоре. 27.II.73. Автор.

37. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э. (по материалам лепной керамики): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1974.

Валере на доброе счастье, с благодарностью за помощь... Автор. 22.IV.74.

38. Марченко К.К. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э. // ВДИ. — 1974. — № 2. — С. 149—162 (отдельный оттиск).

Дорогому Валере искренне с благодарностью за помощь. 16.IV.75. Константин.

39. Марченко К.К. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. — 1982. — № 3. — С. 125—136 (отдельный оттиск).

Веду и его, лично мне неизвестной, но, несомненно, очаровательной подруге с пожеланием счастья. Константин Марченко. 14.04.83.

40. Марченко К.К. Оборонительные сооружения Елисаветовского городища на Дону // СА. — 1974. — № 2. — С. 253—274 (отдельный оттиск).

Велу искренне. Автор. 21.04.85.

41. Марченко К.К. Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. — 1983. — № 1. — С. 67—79 (отдельный оттиск).

Нижний Буг и Вы. Вы — и Нижний Буг. 21.08.89. Конст. Марченко.

42. Марченко К.К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII—I вв. до н. э. (проблемы, контакты, взаимодействия): Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. — Л., 1991.

Вэллу с наилучшими пожеланиями. Константин М.

43. Марченко К.К., Доманский Я.В. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. — 1981. — № 22. — С. 62—74 (отдельный оттиск).

Велу с уверенностью в быстром и полноценном возврате в мощные и стройные ряды хоритов-ольвиополитов. 15.04.82. К. Марченко.

44. Марченко К.К., Доманский Я.В. Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье // КСИА. — 1982. — № 172. — С. 58—66 (отдельный оттиск).

Велу с пожеланием удачи. 28.II.83. К. Марченко

Марченко Константин Константинович — ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, специалист в области античной археологии, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург).

Доманский Ярослав Витальевич (1928—2004) — известный специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург).

45. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1976.

Дорогому другу Валере на память об ИА и «общаге», с Днем рождения и наилучшими пожеланиями!

46. Масленников А.А. Скорченные погребения в грунтовых некрополях Боспорских городов // СА. — 1976. — № 3. — С. 112—127 (отдельный оттиск).

Дорогому Валерию Михайловичу на память о днях, совместно проведенных в стенах славного общежития на ул. Профсоюзной, в канун выселения автора одной бездарной статьи из вышеупомянутого общежития! 22.XII. 76.

47. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. — М., 1997.

Дорогому другу Валере на память с наилучшими пожеланиями. А. Масленников.

48. Масленников А.А. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках восточного Крыма // КИА. 1976. — № 145. — С. 19—22 (отдельный оттиск).

Дорогому другу Валере на самую лучшую память! 11.III.78.

49. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. — М., 1981.

Дорогому другу Валере на добрую память о Москве.

50. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. — М., 1990.

Дорогому, старому другу Валере — Валерию Михайловичу! С самыми теплыми чувствами и наилучшими пожеланиями. Твой А. Масленников.

51. Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху: Автореф. ... дисс. доктора ист. наук. — М., 1993.

Дорогому другу Валере с самыми наилучшими пожеланиями.

52. Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. — 1994. — № 4. — С. 176—184.

Дорогому «Велу» на память.

53. Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма. (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI—I вв. до н. э.). — М., 1995.

Дорогому другу Валере, на память от автора с наилучшими пожеланиями. А. Масленников.

Масленников Александр Александрович — ведущий научный сотрудник Института археологии АН России, специалист в области античной археологии, доктор исторических наук, профессор (г. Москва).

54. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984.

Дорогому Валерию Михайловичу Отрешко с глубоким уважением. В. Мурзин.

Мурзин Вячеслав Юрьевич — специалист в области археологии раннего железного века, доктор исторических наук, профессор (г. Мелитополь).

55. Николаенко Г.М. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV—II вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — К., 1983.

Валерию Отрешко с добрыми пожеланиями успехов и счастливых находок.

Николаенко Галина Михайловна — старший научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический», специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Севастополь).

56. Ольговский С.Я. Цветная металлообработка в греческих городах Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1982.

Велу Отрешко с пожеланием скорейшей защиты!

Ольговский Сергей Яковлевич — зав. кафедрой охраны культурного наследия и музееведения Киевского национального института культуры и искусства, профессор, кандидат исторических наук.

57. Островерхов А.С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — К., 1978.

Дорогому Валере от автора с надеждой получить такую же книжку.

58. Островерхов А.С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бутского лиманов (по

материалам Ягорлыцкого поселения) // ВДИ. — 1979. — № 3. — С. 15—126.

Дорогому Валерию от автора. 12.XII.79 г. Напиши, что нового.

59. Островерхов А.С., Безбородов М.А. Ранние этапы стеклоделия в Восточной Европе // «Природа». 1979. — № 4. — С. 61—65.

Дорогому Валерию от одного из авторов (не академика). 25.V.79.

60. Островерхов А.С. Развитие черной металлургии в античных городах Северного Причерноморья // Очерки истории естествознания и техники. — К., 1988. — Вып. 35. — С. 89—98.

В.М. Отрешко с наилучшими пожеланиями. 22.VI.89 г.

Островерхов Анатолий Степанович — специалист в области античной археологии и археологии раннего железного века, кандидат исторических наук (г. Одесса).

61. Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI—V до н. э. — К., 1990.

Дорогому Валерию Михайловичу в память о совместных делах и с надеждой получить нечто подобное. Охотников. 15.V.90.

62. Древнее Причерноморье. (Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса). — 1993. — 146 с.

Валерию Михайловичу в память о встречах бывших и будущих. Охотников. 2.V.93.

Охотников Сергей Борисович — Председатель Одесского археологического общества, заместитель директора Одесского археологического музея НАНУ, специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук.

63. Полин С.В. От Скифии к Сарматии. — К., 1992.

Дорогому и единственному Валерию Михайловичу от автора. Полин. 27.1.93.

64. Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье). — К., 1997.

Дорогому Валерию Михайловичу на добрую память. Полин. 12.6.97.

Полин Сергей Васильевич — старший научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области археологии раннего железного века, кандидат исторических наук.

65. Папанова В.А. Некрополь Ольвии (исторична топографія та поховальний обряд): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — К., 1994.

Валерию Михайловичу с благодарностью за «науку».

Папанова Валентина Анатольевна — декан социально-гуманитарного факультета Бердянского государственного педагогического университета, специалист в области античной археологии, профессор, кандидат исторических наук.

66. Петерс Б.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. — М. — С. 117—127 (отдельный оттиск).

Валерию Михайловичу с пожеланием успехов в работе от автора. Б. Петерс.

Петерс Борис Георгиевич — специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Москва).

67. Рубан В.В. Рец.: А. Wąsowicz. Olbia pontique et son territoire. Paris, 1975 // ВДИ. — 1977. — № 2. — С. 147—154 (отдельный оттиск).

Валерию Михайловичу Отрешко с пожеланием огромнейших успехов в исследовании хоры Ольвии. 27.VIII.1977. В. Рубан.

68. Рубан В.В. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА. — № 156. 1978. — С. 32—36 (отдельный оттиск).

Валерию Михайловичу Отрешко. Пора, наконец, поменьше оттисков статей дарить, а побольше своих книг.

69. Рубан В.В. Литейная форма с поселения Козырка XV // СА. — 1979. — № 3. — С. 249—258.

Почтенному Валерию Михайловичу Отрешко с пожеланием осуществления всех (или, по крайней мере, большей части) благих намерений. 22.XII.1979.

70. Рубан В.В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время): Автореф. дисс. канд. ист. наук. — К., 1988.

Валерию Михайловичу Отрешко в знак былых и будущих совместных авантур и в надежде на аналогичный жест. В. Рубан.

Рубан Владимир Владимирович — специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук (г. Николаев).

71. Сочинения Корнелия Тацита / Русск. пер. съ прим. и со ст. о Таците и его соч. В.И. Модестова. Т.П. Летопись. Разговор об ораторах. — СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1887.

Дорогому Валерию от В. Рудича. Per aspera ad astra. I/XI — 64.

72. Элиан. Пестрые рассказы / Пер. с древнегреч., ст., прим. и указатель С.В. Поляковой. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. (Литературные памятники).

Дорогому Валере на память от В. Рудича. Memoras historiam magistra vitae esse.

Рудич Василий — доктор философии, специалист в области классической археологии и филологии (США).

73. Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского периода: Автореф. дисс. канд. наук. — К., 1975.

Валерию Отрешко с наилучшими пожеланиями. Автор.

74. Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. — К., 1979.

Дорогому Валерию Михайловичу с наилучшими пожеланиями.

75. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992.

Дорогому Валерию на добрую память и с наилучшими пожеланиями. А. Русяева. 20.10.92 г.

Русяева Анна Станиславовна — ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ,

специалист в области античной археологии, доктор исторических наук, профессор (г. Киев).

76. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. — К., 1993.

Dragu baratom velnek a baratsaggal es tisztalettel. А. Симоненко.

Симоненко Александр Владимирович — ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ, специалист в области археологии раннего железного века, доктор исторических наук (г. Киев).

77. Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. — К., 1991.

Дорогому Валерию с дружеским расположением от автора. М. Скржинская. 25/IV — 91.

Скржинская Марина Владимировна — ведущий научный сотрудник Института истории НАНУ, специалист в области классической филологии, доктор филологических наук (г. Киев).

78. Смирнов С.В. Становление основ общественного производства. Материально-технический аспект проблемы. — К., 1983.

Уважаемому Валерию Михайловичу Отрешко с наилучшими пожеланиями. Смирнов. 5 дек. 84 г.

Смирнов Станислав Васильевич — специалист в области археологии каменного века, кандидат исторических наук (г. Киев).

79. Чмихов М.О., Черняков I.T. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді—бронзи на території України. — К., 1988.

В. Отрешко — «Welly» — значит наилучшему из всех от автора. Жду именно твоей книги. Когда же выйдет — наверно в перестройку археологии. И. Черняков.

Черняков Иван Тихонович — специалист в области археологии эпохи бронзы, кандидат исторических наук (г. Киев).

80. Шебакин Н.В. Феогнид, 261—266 // Античность и современность. — М., 1972. — С. 229—235 (отдельный оттиск).

Дражайшему Велу от Кита в честь великого дня. 5.XII.72.

Шебакин Никита Виссарионович (1938—1995) — известный специалист в области классической филологии, кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург).

81. Шилик К.К. Реконструкция топографии античной Ольвии // КСИА. 1970. — № 124. — С. 109—114.

Моему другу Валерию на память о совместной работе в Ольвии. Ольвия, 19 мая 1971 года.

Шилик Константин Константинович — специалист в области исторической географии, кандидат исторических наук (ФРГ).

82. Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 3.К Polyb., IV, 41 // ВДИ. — 1972. — № 2. — С. 126—133 (отдельный оттиск).

Валерию Михайловичу Отрешко — с пожеланием успехов.

83. Античная скульптура Херсонеса. Каталог / Сост. А.П. Иванова, А.П. Чубова. Л.Г. Колесникова при участии А.Н. Щеглова и Ю.А. Бабина. — К., 1976.

Валерию Михайловичу Отрешко — от одного из составителей. А. Щеглов. 24/III. 77.

84. Щеглов А. Полис и хора. Симферополь, 1976.

Коллеге по хоре — В.М. Отрешко с наилучшими пожеланиями в осмыслении Ольвийской хоры. А. Щеглов. 21/III. 77.

85. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978.

Дорогому Вэлу Отрешко — от автора. А. Щеглов.

Щеглов Александр Николаевич (1933—2009) — известный специалист в области античной археологии, кандидат исторических наук.

86. Яйленко В.П. К датировке и чтению Березанского письма Ахиллодора // ВДИ. — 1974. — № 1. — С. 133—152 (отдельный оттиск).

Дорогому Велу с добрыми пожеланиями. 4.XII.77.

87. Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. — М., 1985.

Дорогому Вэлу на добрую память. Валерий.

88. Яйленко В.П. Вопросы интерпретации Березанского письма Ахиллодора // ВДИ. — 1975. — № 3. — С. 133—150 (отдельный оттиск).

Дорогому Велу с добрыми пожеланиями. 4.XII.77.

89. Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. 1987. Том 48. — С. 160—171.

Дорогому Валере с любовью. В. Я.

90. Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. Составители — Д. Баюн, В. Яйленко. — М., 1987.

Дорогому Вэлу на добрую память. Валерий Я. 8.VI.88.

91. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. — М., 1990.

Дорогому Вэлу с поздравлениями по случаю защиты. Вэл.

Яйленко Валерий Петрович — специалист в области античной истории и эпиграфики, доктор исторических наук, профессор (г. Москва).

Составили С.Б. Буйских, Л.А. Лысенко

3. PERSONALIA

ПАМ'ЯТІ ВАЛЕРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ОТРЕШКА *

29 листопада 1999 р. на 51-у році раптово припинилось життя відомого археолога-антикознавця, активного дослідника давньогрецьких поселень Нижнього Побужжя, кандидата історичних наук **Валерія Михайловича ОТРЕШКА**.

Валерій Михайлович народився 9 лютого 1949 р. у місті Грозному в сім'ї журналістів. Разом з батьками він переїжджав з одного міста до іншого (Кишинів, Ленінград) і лише з 1966 р. його родина назавжди оселилася в Києві. Того ж року Валерій закінчив середню школу, а 1972 р. отримав диплом історика-археолога після закінчення вечірнього відділення історичного факультету Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка.

Ще у шкільному віці Валерій Отрешко захоплювався творами античних авторів і археологією. Як член Клубу юних археологів при Державному Ермітажі в Ленінграді він працював в експедиціях під керівництвом видатних учених О.І. Леві та О.М. Карасьова, які провадили розкопки в Ольвії і на городищі «Чайка» у Західному Криму. Це раннє ознайомлення з археологічними пам'ятками сприяло тому, що юний Валерій, не вагаючись, вибрав професію археолога. Під час навчання в університеті він також брав участь у роботах Ольвійських експедицій під керівництвом Л.М. Славина і О.І. Леві, де проявив себе як здібний дослідник. Ще в студентські роки він написав перші наукові праці.

З 1970 р. Валерій Михайлович почав працювати в Інституті археології — спочатку на посаді лаборанта, потім старшого лаборанта, молодшого наукового співробітника і наукового співробітника. Давньогрецькі поселення хори Ольвії на довгі роки стали головною темою його польових і наукових досліджень.

Упродовж 1973—1977 рр. В.М. Отрешко разом з А.В. Бураковим, С.Б. Буйських та Б.В. Магомедовим уперше провели величезну за обсягом археологічну розвідку від узбережжя Одеської затоки до Північного Криму. Валерію Михайловичу належать дослідження багатьох поселень у районі Березанського і Бузького лиманів.

В 1978 р. він закінчив цільову аспірантуру при Інституті археології АН СРСР у Москві. Дисертація не була захищена в той час тому, що не вдалося за кілька коротких сезонів з достатньою повнотою провести розкопки поселень архайчного періоду, дослідженню яких вона була присвячена.

У лютому 1990 р. він успішно захистив дисертацію «Ольвійська хора VI—V ст. до н. е.» на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Це було перше спеціальне дослідження хори Ольвійського полісу як його важливої складової для економічного самозабезпечення на першому етапі існування.

Накопичення археологічних матеріалів за довголітній період вивчення сільських поселень Нижнього Побужжя багатьма археологами дало поштовх до створення і видання колективних монографій «Сельская округа Ольвии» (автори: С.Д. Крижицький, С.Б. Буйських, А.В. Бураков, В.М. Отрешко. — Київ, 1989) і «Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта)» (С.Д. Крижицький, С.Б. Буйських, В.М. Отрешко. — Київ, 1990), в яких значна частина розділів написана Валерієм Михайловичем. Крім того, він — один з авторів ще двох монографій: «Археология Украинской ССР» (Київ, 1986, т. 2) і «Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время» (Київ, 1987).

В.М. Отрешко було прочитано чимало доповідей і опубліковано різноматематичних статей. Вони яскраво продемонстрували вміння працювати над археологічними матеріалами у взаємозв'язку з літературними та епіграфічними

* Археологія. — 1999. — № 4. — С. 170—171.

ми джерелами, відновлювати за їх допомогою окремі сторони історичного, соціально-економічного та культурного розвитку населення Нижнього Побужжя за античної доби. Це — питання про еліно-варварські взаємовідносини, становлення Ольвії як міста і держави, економічний розвиток окремих поселень, зокрема Борисфена, етнічний склад населення Нижнього Побужжя, а також визначення критеріїв для встановлення кордонів Ольвійської держави, деякі аспекти духовної культури та культу Ахілла тощо. В останній час у центрі його наукової праці знаходилась розробка складної проблеми демографії античних міст і поселень Північно-Західного Причорномор'я. У відповідності з методикою спеціальних підрахунків демографічного потенціалу він встановив приблизну кількість населення, яке мешкало в той чи інший період, наприклад, на Березанському поселенні в архайчний час, на Козирському городищі у II — першій половині III ст. н. е. На жаль, монографія В.М. Отрешка, присвячена демографії

Північно-Західного Причорномор'я за античної доби, залишилась незавершеною.

Його чуйність, доброзичливість, щире захоплення давньогрецькою культурою, широка ерудиція, бажання дискутувати і ділитися різними ідеями приваблювали багатьох людей. Непідробний інтерес Валерія Михайловича до археологічних досліджень спонукав аналізувати навіть, на перший погляд, незначні пам'ятки, що зрештою сприяло визначенню зовсім нових категорій серед сільських поселень. Залучення багатьох свідчень з творів різних авторів, їх зіставлення з археологічними матеріалами, критичне ставлення до деяких праць попередників роблять висновки та гіпотези В.М. Отрешка переконливими і гідними уваги. Широкий історичний підхід до його наукових праць та ідей дозволить розвивати їх у подальшому та осмислювати як необхідну підмогу в розвитку вітчизняного антикознавства в майбутньому.

Світла пам'ять про Валерія Михайловича Отрешка назавжди залишиться у серцях його колег, друзів, учнів та близьких.

А.С. Русяева, С.Н. Мазарати

ВАЛЕРІЙ МИХАЙЛОВИЧ ОТРЕШКО (1949–1999) ¹

29 ноября 1999 г. внезапно и безвременно ушел из жизни известный археолог-антиковед, активный исследователь, эрудит и доброй души человек Валерий Михайлович Отрешко.

В.М. Отрешко родился в 1949 г. в городе Грозном в семье журналиста. Вместе с родителями ему пришлось жить в Кишиневе и Ленинграде, в 1966 г. они переехали на постоянное место жительства в столицу Украины — Киев. Уже с тринадцатилетнего возраста Валерий начал увлекаться археологией, был членом Клуба юных археологов при Государственном Эрмитаже. В 1964–1965 гг. он работал в археологических экспедициях под руководством выдающихся ученых-антиковедов Е.И. Леви и А.Н. Карасева, проводивших в то время раскопки в Ольвии и на городище «Чайка» в Западном Крыму. Все это предопределило избрание им профессии археолога.

В 1970 г. Валерий Отрешко начал работать в Институте археологии Украинской ССР, одновременно учился на вечернем отделении исторического факультета Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко и принимал

участие в Ольвийских археологических экспедициях — летом под руководством Л.М. Славина, осенью — Е.И. Леви и А.Н. Карасева. Вспоминая впоследствии эти годы, В.М. Отрешко отмечал: «Наконец, при поддержке Славина некоторым из нас удалось опубликовать свои первые научные работы еще в студенческие годы, а затем попасть на работу в Институт или аспирантуру. В Ольвии, во время полевых работ, тогдашняя молодежь получала разнообразный практический опыт, включая руководство раскопом и заведование камералкой. Как-то незаметно определялись и дальнейшие профессиональные интересы — я, например, за год до окончания университета провел свои первые самостоятельные раскопки на ольвийской хоре, чем и продолжал заниматься в дальнейшем» ².

Действительно, древнегреческие поселения ольвийской хоры являлись главной темой научных исследований В.М. Отрешко. В 70–80-е годы в окрестностях Ольвии развернулись широкомасштабные и

¹ Записки історико-філологічного Товариства Андрія Білецького. — К., 1999. — Вип. III. — С. 223–225.

² См. Отрешко В.М. Долговечное влияние // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию проф. Л.М. Славина. — К., 1996. — С. 89–90. (С. Б.)

планомерные разведки и раскопки многочисленных и разновременных памятников, которые осуществлялись археологами из Киева, Николаева, Херсона, Санкт-Петербурга, ольвийского археологического заповедника. В.М. Отрешко проводил раскопки многих поселений (Большая Черноморка и Каборга на Березанском лимане, Чертоватое и Козырка на правом берегу Бутского лимана и др.). Все упомянутые работы стали основой для написания и издания двух коллективных монографий: *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. — К., 1989; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). — К., 1990.* Значительная часть разделов монографий была написана В.М. Отрешко. Он был одним из авторов и других коллективных монографий, посвященных античной истории Северного Причерноморья.

В 1990 г. Валерий Михайлович защитил диссертацию «Ольвийская хора VI—V вв. до н. э.». Это было первое в антиковедении специальное исследование сельских поселений Ольвийского полиса архаического времени, в котором рассматривались вопросы греческой колонизации, хозяйственная деятельность переселенцев из Ионии, их духовная культура, особенности религиозных воззрений населения, а также его этнический и социальный состав.

На протяжении всего периода научной деятельности В.М. Отрешко прочитал много интересных докладов и опубликовал ряд интересных статей. Уже в первых научных работах он показал умение работать с археологическими источниками в сопоставлении с литературными и эпиграфическими данными, воссоздавать с их помощью отдельные детали исторических событий, исследовать вопросы экономического развития отдельных поселений и Ольвийского региона в целом. Четко подобранные сведения древних авторов (Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля, Диодора, Страбона и других) послужили для выделения основных моделей образования нового государства на колонизированных эллинами землях. Такой методический подход давал возможность с помощью археологических материалов выяснить отдельные вопросы формирования Ольвии как города и государства, а вместе с тем и Березанского поселения, тесно связанного с ним политически и экономически.

В статье «Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства» ощущается глубокое изучение всех найденных стел с именем этого уникального бога и посвященной его культу литературы. Органическое сочетание сведений из «Одиссеи» Гомера и подчеркнуто конкретных точных сведений о местонахождении каменных стел с посвящениями Ахиллу Понтарху от оль-

вийских магистратов позволило автору выдвинуть собственную концепцию о целенаправленном устройстве его святилищ на обращенных к западу мысах, что в итоге определялось древнейшими мифо-географическими представлениями греков о входе в загробный мир.

Проблемам эллино-варварских взаимоотношений, которые сейчас все активнее изучаются археологами, посвящена статья «Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья» (Советская археология. — 1981. — № 1) и «3 історії Ольвійського поліса в IV—I ст. до н. е.» (Археологія. — 1982. — Вип. 41). В соответствии с избранным ракурсом исследований Валерий Михайлович выдвинул ряд новых идей относительно того, какие на самом деле контакты и взаимодействия могли существовать между нижнебутскими эллинами и варварами и какие преимущественно источники необходимо использовать при их решении.

В последнее время в центре научной работы В.М. Отрешко находилась разработка сложной проблемы демографии античных городов Северо-Западного Причерноморья на основании специальных методик подсчета населения. В данном аспекте особое внимание обращалось на сохранность застроенных территорий поселения или городища. В соответствии с этим им приблизительно устанавливалось количество населения, проживавшего в тот или иной период, например, на Березанском поселении в архаическое время, на Козырском городище во второй половине III в. н. э. К сожалению, монография В.М. Отрешко о демографии Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху осталась незавершенной. Ему удалось усмотреть в памятниках древних эллинов Нижнего Побужья нечто такое, что в общем определяет не только общее мировоззрение, но и отдельные этно-социальные процессы, протекавшие в данном регионе на определенных этапах исторического развития. Иногда в его работах прослеживается своего рода недоговоренность, отсутствует категоричность утверждений. Они воспринимаются как личностная позиция автора, заранее поставившего перед собою цель побудить других исследователей к размышлению над затронутыми вопросами, вызвать дискуссию. Привлечение многих сведений из сочинений разных авторов, их сопоставление с археологическими материалами, критическое отношение к некоторым работам предыдущих ученых делают выводы и гипотезы В.М. Отрешко достойными внимания. Неподдельный интерес к археологическим изысканиям побуждали его аналитически исследовать даже незначительные памятники, что в итоге способствовало выделению пастушеских стоянок и «хуторков». Широкий исторический подход к его работам, соединенный с пристальным вниманием к его выводам, гипотезам, идеям

позволяет развивать их в дальнейшем и осмысливать как необходимое подспорье в развитии отечественного антиковедения в будущем.

Валерий Михайлович был неординарно мыслящим, постоянно ищущим, стремившимся к изучению и познанию многих вопросов древней и современной истории и политики. Чтение разнообразной литературы также являлось одним из его главных увлечений. Он — *Homo liber* — Человек свободный. По характеру и отношению к жизни он в какой-то мере сродни тем древнегреческим философам, которые получали высшую радость в общении на научные темы с еди-

номышленниками и теми, кто не только умел дискутировать, но и благодарно слушать. Вместе с тем он был человеком непрактичным, скромным, не стремившимся к карьере, скорее всего, жившим даже в самое тяжелое для него время в мире иллюзий и надежды, претерпевая тщательно скрываемые от всех как физические, так и душевные боли, теперь уже навсегда унесенные в иной мир. *Feci quod potui, faciant meliora potentes* — Он сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше.

Все, кто знал Валерия Отрешко и общался с ним, сохраняют о нем светлую память.

С.Б. Буйських

ВАЛЕРІЙ МИХАЙЛОВИЧ ОТРЕШКО *

Валерій Михайлович Отрешко (9.ІІ. 1949, м. Грозний — 29.ХІ.1999, Київ) — один із провідних фахівців з античної археології Північного Причорномор'я, невтомний дослідник сільської округи Ольвії.

Народився в родині журналіста. Дитинство його минуло в Кишиневі та Ленінграді, а юність та зрілі роки — в Києві, де у 1966 р. він закінчив середню школу та вступив до столичного університету. Вміло поєднуючи роботу з навчанням на вечірньому відділенні історичного факультету і літніми експедиціями в Ольвії, він ще в студентські роки прийшов 1970 р. до Інституту археології Академії наук України, наполегливій праці в якому віддав майже тридцять років. Рано заявив про себе як прекрасний, відданий археології польовик, автор багатьох оригінальних ідей і гіпотез, якими щедро ділився з іншими.

Доля талановитої неординарної людини не була легкою. Його часто-густо супроводжували кризи, розчарування, невезіння, виснажував гніт несправедливих докорів, спритних каверз, жорстоких пліток і, навіть, прямої зради. Але він ніколи не носив камінь за душею, вмів усе і всім прощати, намагався не виплескувати на близьких різні негаразди, а перепалював їх у собі. Так в одну мить і згорів — і в житті, і в праці, і в коханні, і в дружбі. Він повинен був померти, щоб ми відчували поруч зяючу порожнечу і пекуче почуття щирого запізнілого сорому за те, що не вберегли його світлу голову від безглуздої передчасної загибелі.

Блискуче закінчена аспірантура в Москві, багаторічна експедиційна діяльність на півдні України, відкриття та дослідження раніше невідомих еллінських поселень Нижнього Побужжя, копітка праця в наукових фондах, архівах і бібліотеках Києва, Москви, Ленінграда, Одеси, захищена 1990 року кандидатська дисертація, дві фундаментальні монографії — «Сільська округа Ольвії» (1989) та «Античні поселення Нижнього Побужжя» (1990), діяльним співавтором яких він був, десятки талановитих статей і доповідей у виданнях і на конференціях найвищого рівня, глибока симпатія та повага в науковому світі — так у загальних лише рисах можна окреслити слід, залишений Валерієм Михайловичем Отрешком у вітчизняній археології. Крім чималого наукового спадку, з якого багато що повинно згодом побачити світ, він залишає нам свою природну нездатність до найменшої підлоти, жертвну відданість професії, кривну вірність дружбі, добрий світ душі, людську чарівність, інтелігентну лагідність і гостроту мислення, біль за близьких, у якому ніколи не знаходилося місця для болю за себе.

Об В.М. Отрешко см. также: Отрешко Валерій Михайлович // Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України. — Енциклопедичний словник-довідник. — Чернівці, 1997. — С. 90; Стрельський Г.В. Отрешко Валерій Михайлович // Українські історики ХХ століття. Бібліографічний довідник. — Київ, 2006. — Вип. 2. — Частина 3. — С. 169—170; Білокінь С.І. На зламах епохи. Спогади історика. — Біла Церква, 2005. — С. 145, 189, 241, 307, 328.

* АНТ (Вісник археології, мистецтва, культури). — 2000. — № 4—6. — С. 112—113, рубрика «Відійшли у вічність».

4. MEMENTO VIVERE

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ МГНОВЕНИЯ

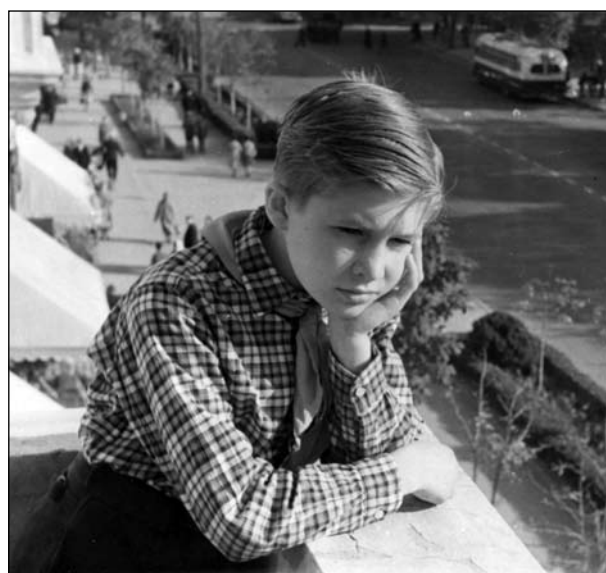
1. Антонина Александровна Отрешко. Мама В. Отрешко. Фотоархив семьи Отрешко

2. Михаил Андреевич Отрешко. Отец В. Отрешко. Фотоархив семьи Отрешко

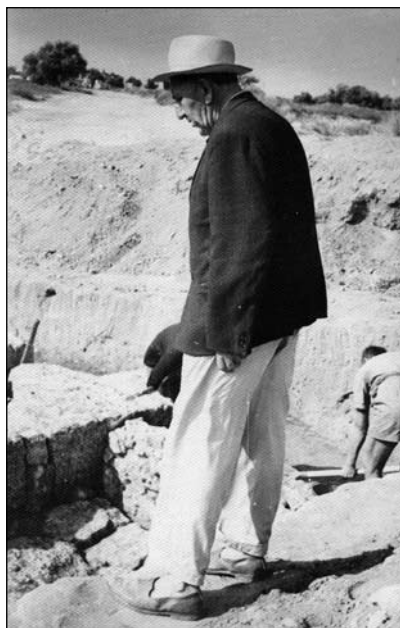
3. Первоклассник Валерий Отрешко. Кишинев. 1956. Фотоархив семьи Отрешко

4. В. Отрешко. Кишинев. 1962. Фотоархив семьи Отрешко

5. Первая экспедиция на городище «Чайка» под Евпаторией. В. Отрешко — слева. 1964. Фотоархив семьи Отрешко

7. А.Н. Карасев. Городище «Чайка» под Евпаторией. 1964. Фотоархив семьи Отрешко

6. Городище «Чайка» под Евпаторией. В. Отрешко — крайний справа. 1964. Фотоархив семьи Отрешко

8. В. Отрешко (в центре) во время первой экспедиции на городище «Чайка» под Евпаторией. 1964. Фотоархив семьи Отрешко

9. Фото, подаренное В. Отрешко А. Карасевым 16 августа 1964 г. с автографом на обороте: «Дорогому Валерику Отрешко на добрую память о первой археологической экспедиции на «Чайке» 1964 г. А. Карасев». Фотоархив В. Отрешко

10. Фотография В. Отрешко на комсомольский билет (?) 1964–1965 (?) Фотоархив семьи Отрешко

11. А. Кузьминец и В. Отрешко после сдачи летней сессии. Июнь 1967. Фото С. Буйских

12. Слева направо: В. Отрешко, С. Буйских, Л.М. Славин. Ольвия. 1968. Фотоархив С. Мазарати

13. Слева направо: Е. Казакова, А.С. Русяева, А. Кузьминец, С. Буйских, В. Отрешко, А. Бердников. Ольвия. 1968. Фотоархив С. Буйских

14. Н. Тараненко и В. Отрешко. Ольвия, клиф. 1968. Из фотоархива Н.А. Сон

15. Слева направо: А. Кузьминец, А.В. Бураков, Е. Максименко, А. Бердников, А. Чепчуренко, А.С. Русяева, Е. Казакова, С. Буйских, С. Алина, В. Отрешко. Ольвия. 1968. Фотоархив семьи Отрешко

16. Слева направо: А. Кузьминец («Ксэндз»), В. Отрешко («Виконт»), А. Чепчуренко («Граф»). Бейкуш. 1968. Фотоархив С. Буйских

17. Сорвало палатку! Слева направо: Ю. Калинцев, С. Буйских, В. Отрешко. Бейкуш. 1969. Фотоархив С. Буйских

18. Слева направо: В. Отрешко, С. Буйских («Барон»), В. Сичинский («Дед»). Оборона от аборигенов (на фоне камералки). Ольвия. 1969. Фотоархив В. Отрешко

20. В. Отрешко на крыше своего дома по ул. Пирогова, 5. Зима 1969. Фото С. Буйских из его фотоархива

22. В. Отрешко и М. Колесников (Ставрополь). Кафе «Ветерок» на Петровской аллее, Киев. 1970. Фото С. Буйских. Фотоархив С. Мазарати

19. Слева направо: В. Отрешко, С. Мазарати, В. Сичинский. 1969. Фото С. Буйских. Фотоархив С. Мазарати

21. В. Отрешко возле входа в гуманитарный корпус КГУ. 1969. Фотоархив семьи Отрешко

23. В. Отрешко. 1970. Фото С. Буйских. Фотоархив С. Мазарати

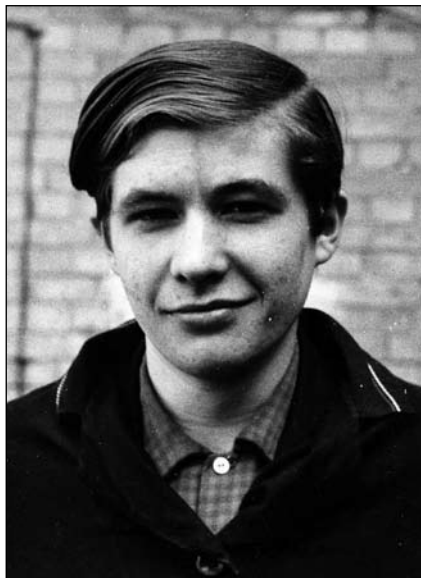
24. В. Отрешко и С. Мазарати. Киев. 1970. Фото С. Буйских. Фотоархив С. Мазарати

25. Слева направо: А. Кузьминец, В. Отрешко, Ю. Калинин, С. Буйских. Киев. На фоне ул. Пирогова. Июнь 1970. Фотоархив В. Отрешко

26. В. Отрешко. Киев. Университетский Ботанический сад. Весна 1970. Фото С. Буйских. Фотоархив В. Отрешко

27. В. Отрешко — лаборант Института археологии АН УССР на ул. Кирова, 4 (ныне — М. Грушевского). Во дворе института. Киев. 1970. Фотоархив В. Отрешко

28. Слева направо по кругу: Ю. Калинин, Н. Матвиенко, С. Кедун (Новгород-Северский), В. Отрешко, С. Мазарати, А. Рутковский, Г. Петренко, Ю. Бобков. Ольвия. 1970. Фотоархив С. Мазарати

29. Слева направо: В. Отрешко, Л. Карпова и О. Метушевская (Московский пед. институт), Л. Корнилко (КГУ, истфак), В. Бобкова, Юра Бобков, В. Кузьменко (КГУ, истфак), В. Сичинский и А. Березовец, А. Кудренко, возлежит с «амфорой» — Ю. Калинин. Очаков. 1970

30. В. Отрешко. Ольвия. 1971. Фото С. Буйских. Фотоархив В. Отрешко

31. Слева направо: В. Отрешко, Л. Карпова, Р. Масловатая, В. Бобкова, неизвестный, Ю. Бобков, В. Розов (Сочи). Ольвия. 1971. Фотоархив В. Отрешко

32. С. Буйских, Н. Сон и В. Отрешко. Ольвия, 1972. Фотоархив В.Н. Розова

33. Выпуск вечернего отделения истфака КГУ. 1972. Последний ряд слева направо: Г. Евдокимов («Барин»), В. Степаненко («Князь»), в центре — А. Заболотный, А. Медведева, В. Бабич; справа — С. Мазарати, В. Отрешко; ближний ряд: В. Клименков, В. Пащенко, Л. Бондаренко, дальше — Л. Шевченко, М. Буланова, Н. Ленкеева, Л. Ткаченко и др.

34. Слева направо: В. Отрешко, А. Амирханов и неизвестный. Ольвия. Клиф. 1972. Фотоархив семьи Отрешко

35. Слева направо: С. Буйских, В. Отрешко, А. Николенько на ступенях музея. Ольвия. 1972. Фото В. Бубнова. Фотоархив В. Отрешко

36. В. Отрешко, А.В. Бураков. Разведка. Березанский лиман. Весна 1973 г. Фотоархив С. Буйских

37. Слева направо: А.В. Бураков, В. Отрешко, Л. Марцин, С. Буйских. Березанский лиман. Разведка. Май 1973. Фотоархив С. Буйских

38. А.В. Бураков, В. Отрешко, С. Буйских с воспитанниками специнтерната № 72 (г. Москва), в центре — Галя Белозуб. Городище. Мыс. Июнь 1973. Фото Б. Татарчука. Фотоархив В. Отрешко

39. С. Буйских и В. Отрешко. Ольвия. Октябрь 1973. Фотоархив С. Буйских

40. Слева направо сидят лицом: Л. Рушай, Ю. Резников, С. Буйских, А. Галинский, С. Алленов, студенты истфака Воронежского университета. Со спины слева направо: Л. Лысенко, Б. Татарчук, В. Отрешко, А. Кудренко. Обед на Черноморке. 1973. Фотоархив Л. Лысенко

41. Слева направо: А. Скогорев, В. Отрешко, Ю. Резников (лежит); пятый слева — С. Алленов. Черноморка. 1973. Фотоархив Л. Лысенко

42. Л. Рушай, Ю. Резников, В. Отрешко, С. Буйских; Б. Татарчук идет на заднем плане справа. Черноморка. 1973. Фотоархив Л. Лысенко

43. Слева направо: В. Отрешко, Л. Рушай, М. Абикулова. Петуховка II. 1973. Фотоархив В. Отрешко

44. Слева направо: А. Стулов («Березанец»), В. Коняхин, Б. Татарчук, В. Отрешко, В. Рубан. Черноморка. 1974

45. А. Кудренко и В. Отрешко Петуховка II. 1974. Фотоархив С. Буйских

46. В. Отрешко с тазиком керамики. Рабочие будни Черноморки. 1974. Фотоархив Л. Лысенко

47. Рабочий день на Черноморке. 1975. В. Отрешко — в центре. Фотоархив Л. Лысенко

48. Рабочий день на Черноморке. 1975. В. Отрешко и Ю. Ващенко («Доктор»). Фотоархив Л. Лысенко

49. Слева направо: А. Кудренко, В. Отрешко, С. Буйских, Л. Савицкая (в клетчатой рубашке), деревянный идол воронежцев «Кошарик», Л. Рушай и студентки истфака Воронежского университета. Черноморка. 1975. Фотоархив Л. Лысенко

50. Слева направо: А. Ибрагимова, Пифон, В. Отрешко. Черноморка. 1975. Фотоархив Л. Лысенко

51. Т. Романец возле стенгазеты собственного изготовления, посвященной Чертоватому. 1975. Фотоархив Л. Лысенко ▶

52. Экспедиция В. Отрешко.
Черноморка. 1976. Фотоархив
В. Отрешко

53. Справа налево: Ю. Серов, В. Назарчук («Наполеон»), В. Отрешко, С. Дерюгин. Черноморка. 1976

54. Слева направо: В. Мусиенко, студентка геофака МГУ О. Ивашева, В. Отрешко. Черноморка. 1977. Фотоархив В. Мусиенко

55. Слева направо: В. Крит, А. Ибрагимова, О. Журавлев, В. Отрешко. Черноморка. 1977. Фотоархив В. Отрешко

56. Уникальное фото О. Журавлева — «Инопланетянин». Черноморка 1977. Фотоархив Л. Лысенко

57. В. Отрешко. Черноморка. 1977. Фотоархив В. Отрешко

58. Слева направо: В. Отрешко, А. Маковцев, В. Крит, О. Ивашева (студентка геофака МГУ). Черноморка. 1977. Фотоархив В. Отрешко

59. Представление на НГФ. Первая в центре: Л. Мошкова; крайний слева — В. Малахов, за ним: И. Смирнов, Б. Магомедов, В. Отрешко; крайняя справа — А. Ибрагимова. Ольвия. 1978. Фотоархив В. Назарчука

60. Слева направо: В. Мусиенко, М. Мосина (Московский пединститут), В. Отрешко, А. Ибрагимова. Чертоватое. 1978. Фотоархив В. Мусиенко

61. В. Отрешко со студентами из Северодонецка. Козырка-IX. 1979. Фотоархив В. Отрешко

62. Слева направо: В. Бобкова, С. Мазарати, Е. Язвинская, С.В. Страшной, крайняя — Н.А. Лейпунская; стоит — И. Смирнов («Хася»); дальше справа — А. Ганжа, В. Отрешко. Ольвия. Кон. 1970-х

63. Фото на документы. В. Отрешко. 1970-ые. Фотоархив семьи Отрешко

64. «О горе, Вэл сломался!» Слева направо: Т. Торба (Алма-Ата), С. Буйских, П. Кочан, О. Михайлова, М. Аванесов. Козырка. 1981. Фотоархив В. Отрешко

65. «Но будет жить!» Те же. Козырка. 1981. Фотоархив В. Отрешко

66. Слева направо: А. Ганжа, М. Рабинович, В. Отрешко, Е. Пятакова («Баронесса», «Графиня», «Эвридика») и др. Козырка. 1981. Фотоархив В. Отрешко

67. В. Отрешко со своей экспедицией. Козырка. 1981. Фотоархив В. Отрешко

68. В гостях у Язвинской—Серова. Слева направо: Е. Язвинская, С. Мазарати, Л. Лысенко, Ю. Серов, В. Отрешко. 1 января 1983 г. Фотоархив В. Отрешко

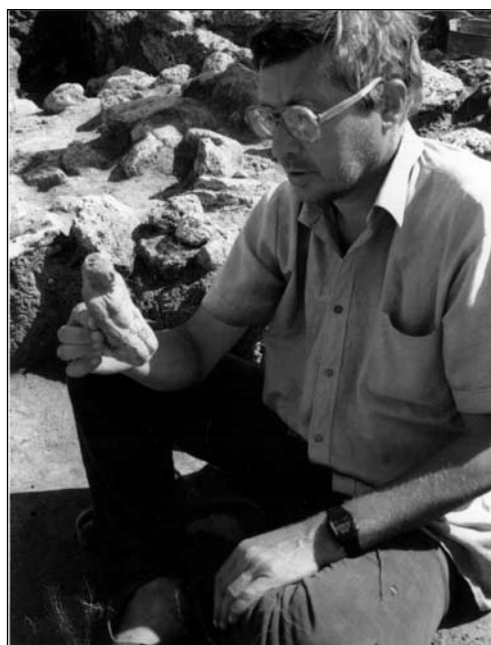
69. В. Отрешко на Чертоватом VII. 1983. Фотоархив В. Назарчука

70. Слева направо: М. Иевлев, А. Симоненко, В. Отрешко, Юля Буйских, С. Буйских, П. Солодкий. Оливия 1993. Фотоархив С. Буйских

71. Слева направо: О. Журавлев, В. Назаров, В. Отрешко. Березань. 1997. День археолога. Фотоархив В. Отрешко

72. В. Отрешко на Березани. 1997. Фото Д. Бельского. Фотоархив В. Отрешко

73. Памяти Вэла. 29 ноября 2002 года. В гостях у А.А. Отрешко. Слева направо: Ю. Калинин, Ю. Серов, В. Назарчук, А.А. Отрешко. Фото Л. Лысенко из ее фотоархива

74. Памяти Вэла. 29 ноября 2002 года. В гостях у А.А. Отрешко. Слева направо: Е. Язвинская, С. Буйских, В. Колесников, М. Рабинович, Ю. Калинин. Фото Л. Лысенко из ее фотоархива

**«ЛУЧШИЕ РЕБЯТА ИЗ РЕБЯТ
РАНЬШЕ ВСЕХ УХОДЯТ...»**

(вместо послесловия)

* * *

А мне бы узнать,
С чего начать...
Часы по вискам
Стучат, стучат.
И кажется мне,
Что вокруг подчас
Не люди, а звери.
И каждую ночь
Больные сны,
Все время зима
И нет весны,
И нет никого,
По кому скучать,
И некому верить.

А то, что весь мир —
Сплошной вертеп,
Отчетливо понял
Я теперь,
А раньше где правда,
А где ложь —
Не мог разобраться.
Могу я пройти
Хоть сто дорог,
Но ежели есть
На свете Бог,
Хотелось бы
Очень мне
До Бога добраться.

Его б я спросил:
«Ты что натворил?
Когда я родился,
Ну где же ты был?
Когда я выросл,
Ну куда ты смотрел,
Почему не вмешался?»
Но мне говорят,
Что Бога нет,
Во всем виноваты
Ночь и бред,
И что за семь бед
Один ответ
Теперь мне остался.

Ведь мне бы не петь,
А я все пел,
Ведь мне бы стореть,
А я не сторел,
Ведь мне бы суметь,
А я не сумел
И теперь не умею.
А мне бы уйти,
А я не ушел,
А мне бы найти,
А я не нашел,
А мне бы себя пожалеть
Хоть чуть-чуть,
А я не жалею.

Вот так и не знаю
С чего начать...
Часы по вискам
Стучат, стучат,
И кажется мне,
Что вокруг подчас
Не люди, а звери.
И каждую ночь
Больные сны,
Все время зима
И нет весны,
И нет никого,
По кому б скучать,
И некому верить. (1)

* * *

В те времена, тогда, вначале,
Когда мы дней не замечали,
Да что там дней — нас годы мчали.
И золотые имена
В морозном воздухе звенели,
Их вкус был краше карамели...
И наши губы пламенели
В те времена, в те времена.

В те времена, тогда, крылаты,
Мы презирали циферблаты
И шли в Христосы и Пилаты,
Не зная, какова цена
Любви горячечной и тленью,
Предательству и просветленью...
Нас всех роднило Вдохновение
В те времена, в те времена.

В те времена, тогда, о Боже,
Мы превращали травы в ложе
И, злых кузнечиков тревожа,
Мы пили лунный свет до дна...
В июльских храмах медностенных
Восторженно, самозабвенно
Сводили счета со Вселенной
В те времена, в те времена.

В те времена, тогда, казалось,
Что прожита такая малость,
Что уйма времени осталась,
Что мы надышимся сполна
Дождями, травами, лесами...
Что никогда не станем сами
Твердить глухими голосами:
«В те времена, в те времена!...» (2)

* * *

Господи, как это было давно!
Жизнь просочилась сквозь пальцы желаний.
Тех, коим сбыться уже не дано
в длинной, как вечность, чреде ожиданий.

В зале пустом, как в могиле глухой,
молча стою, погруженный в былое.
Мир окунается в вечный покой.
Мир не живет без такого покоя.

Боже! Неужто, все было со мной?
Нервного ветра в листе колыхание,
летние грозы, и с теплой водой
лужи, в которых бродили компанией.

Снежные зимы, морозы в ночи,
сумерек серых земное скольжение.
И в темноте у открытой печи
грустное и вдохновенное пение.

Или осенние, ясные дни.
Желуди, желтой листвы окружение.
А вечерами сквозь кострищ огни
дым расползлся, как мира крушение.

Нет. Никому невозможно забыть
милого детства простое течение.
Памяти жар не успеет остыть.
Прошлая жизнь — золотое мгновение. (3)

* * *

На столбе ладошки объявлений
Пальцами от ветра шевелят.
Подойду, минут не пожалею,
почитать, чего они сулят.

— Продается детская коляска,
продается мебель и жилье,
продается преданность и ласка...
Молодость никто не продает.

Наступает время невезений —
хмурые осенние года.
Зря искать в газетах объявлений,
кто б свою мне молодость продал.

Продается верхняя одежда,
продается нижнее белье,
продается вера и надежда...
Молодость никто не продает.

И уже не смотрят с обожаньем
девушки, чего бы я не спел.
Промелькнула жизнь, ее не жаль мне,
жаль, что оглянуться не успел.

Продаются для невест наряды;
продается ветошь и старье,
продается, как известно, правда...
Молодость никто не продает. (4)

* * *

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
Каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы —
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе.
Щит и латы. Посох и заплата.
Меру окончательной расплаты —
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже — как умею.
Ни к кому претензий не имею —
Каждый выбирает для себя. (5)

* * *

Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю —
Иных слов сказать не могу.
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Досада в углах твоих губ.
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Твои пальцы играют мотив:
Не люблю, не люблю, не люблю, не люблю.
Ждут. Надо идти.

Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи.
Проходит явь, проходит сон,
Любовь проходит — проходит все.
Любовь придет, мелькнет мечта,
Как белый парус вдалеке,
И — пустота, и пустота
В твоём зажатом кулаке.

Но я люблю, я люблю, я люблю, я люблю —
Не проходит любовь у меня.
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Твои пальцы браслет теребят.
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Вот сейчас, вот сейчас ты уйдешь.
Я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Он действительно очень хорош...

Но я люблю...
У него ни долгов, ни детей.
Но я люблю...
И красивее он, и умней.
Но я люблю...
Руки сильные, брови вразлет.
Но я люблю, я люблю, я люблю, я люблю.
Молод — но это пройдет.

Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи.
Проходит явь, проходит сон,
Любовь проходит — проходит все.
И жизнь прошла, и жизнь прошла,
И ничего нет впереди —
Лишь пустота, лишь пустота.
Не уходи, не уходи.
Не уходи... (6)

* * *

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не считите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо,
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
вот чем стоит лечить.
От морей и от гор
так и веет веками,
как помотришь, почувствуешь:
вечно живем.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем. (7)

* * *

В разгаре лето. По полянам
июльский дождичек прошел.
Закат румянится багряный...
А он ушел. А он ушел...

Он навсегда покинул эту,
дождем умытую страну.
И ночь поет перед рассветом
псалмы прощальные ему.

Струны коснулись ветра руки —
поет на арфе бог Эол.
Печальна песнь, унывны звуки.
Ведь он ушел. Ведь он ушел.

Ушел из жизни. Что за дело?
Мы все когда-нибудь уйдем.
Но он уж за порогом белым,
а мы по-прежнему живем.

Как будто в утреннем тумане,
я вижу поминальный стол,
где горькая стоит в стакане.
А он ушел. А он ушел.

Недотянул, недобатрачил
у жизни свой рабочий срок.
Ушел. Смерть действует иначе.
Теперь он платит ей оброк.

Его друзья с печальным взором
сидят, пьют водки пьяный шелк
за поминальным разговором.
А он ушел. А он ушел.

Ушел так быстро, как уходит
вода сквозь золотой песок.
Что делать? Смерть меж нами бродит,
стучит в седеющий висок.

Все так же утром день начнется,
жизнь закружится роем пчел.
Он спит. Он больше не проснется.
Ведь он ушел. Ведь он ушел.

В последний путь дороги дальней,
с которого возврата нет,
ушел в тиши исповедальной,
презрев на исповедь ответ.

А мы остались в этом мире,
и терпим смерти произвол,
Смолк стук его шагов в квартире.
Он навсегда от нас ушел. (8)

* * *

О високосный год, проклятый год!
Как мы о нем беспечно забываем
И доверяем жизни хрупкий ход
Все тем же самолетам и трамваям.

А между тем, в злосчастный этот год
Нас изучает пристальная линза,
Из тысяч лиц — не тот, не тот, не тот —
Отдельные выхватывая лица.

И некая верховная рука,
в чьей воле все кончины и отсрочки,
Раздвинув над толпою облака,
Выкрадывает нас поодиночке.

А мы бежим, торопимся, снуем —
Причин спешить и впрямь довольно
много —

И вдруг о смерти друга узнаем,
Наткнувшись на колонку некролога.

И, стоя в переполненном метро,
Готовимся увидеть это въяве:
Вот он лежит. Лицо его мертво.
Вот он в гробу. Вот он в могильной яме...

Переменив прописку и родство,
Он с ангелами топчет звездный гравий,
И все, что нам осталось от него, —
Подлюжины случайных фотографий.

Случись мы рядом с ним в тот жуткий
миг —

И смерть бы проиграла в поединке...
Она б взяла его за воротник,
А мы бы уцепились за ботинки.

Но что тут толковать, коль пробил час!
Слова отныне мало что решают,
И, сказанные десять тысяч раз,
Они друзей — увы! — не воскрешают.

Ужасный год!... Кого теперь винить?
Погоду ли с ее дождем и градом?
... Жить можно врозь. И даже не звонить.
Но в високосный будь с друзьями рядом. (9)

* * *

Разрезана рельсами жизнь пополам,
По-старому больше нельзя!
Прощальные песни мы дарим друзьям,
Когда уезжают друзья.

И ветер вокзальный свистит в проводах,
Копейками катятся дни.
Становится пусто в больших городах,
Когда уезжают они.

Рюкзак тяжелеет, мелеет река,
И сам не поймешь почему,
Но тянется вновь к телефону рука,
Забыв, что теперь ни к чему.

И только никак не поймешь, хоть убей,
Себя понапрасну грызя,
Зачем мы любить начинаем друзей,
Когда уезжают друзья... (10)

* * *

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие — в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету:
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.

Знать бы загодя, кого сторониться,
И кому была улыбка — причастьем!
Есть — уходят — на последней странице,
Но которые на первых — те чаще...

Уходят, уходят, уходят друзья,
Как одному, а другому — стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих и чужих не щадит,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались прямиком на Гавайи!
И, как спятивший трубач, спозаранок
Уцелевших я друзей созываю.

Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им поверку... Но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя.

Уходят, уходят, уходят друзья!
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях,
Им право — не право, им совесть — пустяк,
Одни наплюют, а другие простят!
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

И когда потеря громом крушенья
Оглушила, полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.

Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый!
Я ведь все равно по мертвым не плачу —
Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие — в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходит мои друзья... (11)

* * *

Друзья уходят как-то невзначай,
Друзья уходят в прошлое, как в зámять,
И мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам,
А старых вспоминаем по ночам.

А мы во сне зовем их, как в бреду,
Асфальты топчем, юны и упруги,
И на прощанье стискиваем руки,
И руки обещают нам: «Приду»,
И руки обещают нам: «Приду».

Они врастают — тают — в синеву,
А мы во сне так верим им, так верим!
Но наяву — распахнутые двери,
И боль утраты тоже наяву,
И гарь утраты — тоже наяву.

Но не прервать связующую нить,
Она дрожит во мне и не сдается.
Друзья уходят — кто же остается?
Друзья уходят — кем их заменить?
Друзья уходят — кем их заменить?...

Друзья уходят как-то невзначай,
Друзья уходят в прошлое, как в замать,
И мы смеемся с новыми друзьями,
А старых вспоминаем по ночам,
А старых вспоминаем по ночам. (12)

* * *

Многолетняя дружба — всегда многолетняя ссора,
И поэтому часто напоминает браки,
Там с годами делается предметом спора
То, что в школе было предметом драки.
Многолетняя дружба сродни многолетнему
браку,

Кто еще так умеет смотреть на тебя спесиво?
Понапрасну стараешься — ты для него не
оракул,

Убедивший других, ты его убедить не в силах,
Он с улыбкой оттачивает очередную фразу,
Безошибочно больно тебе нанося уколы.
Ну и что, что тебя он не заложил ни разу?
Это просто кодекс послевоенной школы.
Только он сознает, что победы твои —

пораженья,

Только он тебя помнит без титулов и зальсин.
Подавляя внезапно вспыхнувшее раздраженье,
Понимаешь с тоскою — что ты от него зависим.

Вас навеки друг с другом сковало общее детство,
Отдаленно мерцающее, словно руно Колхиды.
Никуда не деться тебе, никуда не деться
До твоей или, может быть, до его панихиды,
Где в толпе почитателей и устроителей бодрых,
Голоса сливающихся в неразличимом хоре,
Онemeет внезапно от горькой своей свободы
Тот, за кем остается последнее слово в споре. (13)

* * *

Чем может быть утешен человек,
Которого несут к могильной яме?...
Не знает он, не видит из-под век,
Что окружен любимыми друзьями.

Когда в конце концов умру и я,
Хочу, чтобы не медля ни секунды,
Ко мне слетелись все мои друзья —
Со службы, из больницы, из Пищунды.

И чтоб случайный магниевый блиц
Вернул меня на миг из мрака к жизни
И высветил с десятков милых лиц,
Которых я б хотел собрать на тризне.

Пусть радость и не шибко велика,
Но, уходя в последнюю дорогу,
Я все же буду знать наверняка,
Что я не пережил их, слава Богу... (14)

* * *

Как хочется прожить еще сто лет,
Ну пусть не сто, хотя бы половину,
И вдоволь навалиться на траве,
Любить и быть немножечко любимым.
И знать, что среди шумных площадей
И тысяч улиц, залитых огнями,
Есть Родина, есть несколько людей,
Которых называем мы друзьями.

Лучшие ребята из ребят
Раньше всех уходят. Это странно.
Что ж, не будем плакать непрестанно, —
Мертвые нам это не простят.
Мы видали в жизни их не раз
И святых, и грешных, и усталых,
Будем же их помнить неустанно,
Как они бы помнили про нас!

Мы шумно расстаемся у машин,
У самолетов и кабриолетов,
Загнав пинками в самый край души
Предчувствия и всякие приметы.
Но тайна мироздания лежит
На телеграмме тяжело и чисто,
Что слово «смерть», равно как слово «жизнь»,
Не производит множественных чисел.

Лучшие ребята из ребят
Раньше всех уходят. Это странно.
Что ж, не будем плакать непрестанно, —

Мертвые нам это не простят.
Мы видали в жизни их не раз
И святых, и грешных, и усталых,
Будем же их помнить неустанно,
Как они бы помнили про нас!

Когда от потрясения и тьмы
Очнешься, чтоб утрату подытожить,
То кажется, что жизнь ты взял займы
У тех, кому немножечко ты должен.
Но лишь герой скрывается во мгле,
Должны герои новые явиться,
Иначе равновесье на земле
Не сможет никогда восстановиться.

Лучшие ребята из ребят
Раньше всех уходят. Это странно.
Что ж, не будем плакать непрестанно, —
Мертвые нам это не простят.
Мы видали в жизни их не раз
И святых, и грешных, и усталых,
Будем же их помнить неустанно,
Как они бы помнили про нас! (15)

* * *

Первая Ольвия...
Как же давно это было!
Юных друзей
лики встают предо мною.
Помните ль вы,
что мы тогда говорили
В ночь посвящения,
в ночь причащения под луною?
«Ольвия-юность,
Ольвия-дружба, Ольвия-счастье.
Так поклянемся,
пусть это хранит каждый камень —
В благополучии рядом быть,
как и в ненастье,
И никогда, и никогда —
вместе с врагами!».

Долго казалось, казалось, казалось,
что мы — вечны,
И что беда случится только не с нами,
а с ними (!),
Но вот уходят годы жизни
быстротечной,
И нас все меньше, и нас все меньше
возле маслины...

У родника вновь просижу
до рассвета.
Перебирая струны души —
свои думы.
... Тихо сметает по агоре
жизни ветер
Наши года, наши года —
в ольвийский гумус... (16)

* * *

Оттого, что вечен и порочен
крут забот, где дел неуправит,
с каждым годом лето все короче
и все чаще осени приход.

Не желаю мчаться, торопиться,
но, помедлив малость до поры,
замелькали годы, словно спицы
в колесе, что катится с горы.

Раньше, помню, длились и тянулись
и казался вечным каждый год,
а теперь проснулись, встрепенулись
и рванулись бешено вперед.

И не в силах память воротиться
в скверы детства, юности дворы...
Замелькали годы, словно спицы
в колесе, что катится с горы.

Я уже не сетую на это —
промелькнули, как цветные сны,
Новый год и середина лета,
и как будто не было весны.

Журавли умчались и синицы,
что клевали с рук мои дары...
Замелькали годы, словно спицы
в колесе, что катится с горы. (17)

* * *

Нас все меньше и меньше с годами.
Тают дни наши, как миражи.
Мы назад отступаем рядами
запасные искать рубежи.

Жизнь — река. Вытекая из детства,
в Стикс печали впадает она.
И от этого некуда деться —
неминуема рока волна.

Рок у каждого свой. Где-то рядом,
притаясь, из-за горной гряды
мечет громы и молнии, градом
рушит стройные наши ряды.

Где-то трубы вдруг траурно взвыли.
Мчит дорогой печальный кортеж.
Рвутся кони сквозь облако пыли,
отмечая последний рубеж.

Там за дальнею далью убогой
наш последний, прощальный редут.
Мчатся кони осенней дорогой,
дроги жизни к Аиду везут.

И уже захрипел вдруг с надрывом
коренной и ведущий наш конь.
Вот он встал на дыбы над обрывом,
под которым пылает огонь.

Миг еще — и огонь тот поглотит
и его, и печальный кортеж.
И назад никого не воротит.
Вот он — наш неизменный рубеж.

Нас все меньше на жизненном пире.
Но пока мы еще не горим.
Тают наши ряды в этом мире.
Мы по выжившим с болью скорбим. (18)

* * *

Все чаще в памяти встают
Друзей ушедших лица...
Нет, я не плачу — я стону!
От боли мне не скрыться.

Ведь их все больше каждый год
Идет с оболком к Стиксу,
И в каждый — все трудней — уход
Крепиться, зубы стиснув.

И я молю друзей живых:
«Не торопитесь, братцы!
В обитель слез и грез немых
Успеете собраться.

Еще не все свои дела
Вы в мире завершили.
Еще любовь вас не нашла,
Да вы еще не жили!

Еще росой не всех дорог
Вы на веку умылись,
Еще не выпит полный рог
За все, что сердцу мило.

Еще не всех заветных книг
Вы написали строчки.
Пусть творчества волшебный миг
Живит вас днем и ночью!

Пусть вас научит боль утрат
Любить друг друга крепче,
Пусть дружба вас на всех ветрах
Хранит от бед и лечит!»

А вам, ушедшим за порог,
Скажу я так: «Ребята!
В означенный богами срок
Мы встретимся когда-то...

Ну, а пока в разгаре дня
Еще не смерти замаять —
Я здесь, чтоб честно охранять
О вас живую память.

Чтоб вас средь тошной суеты
Враг ложью не ужалил,
Чтоб ретушью ваши черты
Никем не искажались.

Чтоб все ваши имена
По толкам не крутились,
Но там, где нужно вспоминать —
Их помнили и чттили.

Чтоб *тем* смогли надолго тут
Вы — слышите? — продлиться!»
... И в памяти в ответ встают
Друзей ушедших лица. (19)

* * *

В урочный час, назначенный для бденья,
В заветный час, секретный от семьи,
Слетаются к окну, как привиденья,
Умершие товарищи мои...

И в продолжение всей бессонной ночи,
Покамест время их не истекло,
Толпа родных фантомов что есть мочи
Стучит в мое оконное стекло.

Тот просит в институт устроить дочку,
Тот просит оплатить его долги,
Тот просит наконец поставить точку
Той склоке, что посеяли враги...

Товарищи дают мне полномочья
Отстаивать посмертную их честь...
Но чем могу товарищам помочь я,
Коль у меня своих забот не счесть?...

В своей судьбе так муторно и сиро,
Что о других и думать не моги:
Мне своего бы выпестовать сына,
И мне свои бы выплатить долги!...

Гляжу на них домашне вяловатый,
Расслабленный уютом и вином,
Уже и тем пред ними виноватый,
Что нахожусь сейчас не за окном.

И тупо размышляю, глядя кошку:
Вот завтра грянусь оземь не дыша —
К чьему тогда надежному окошку
Захочет прилететь моя душа? (20)

* * *

И, вот, обрыв, далекий берег в дымке, —
Я вижу вновь привычные места,
Ищу друзей мне дорогих и близких,
Утраченных, быть может, навсегда.

Во временной реке для смертных нету брода.
Заманит в даль воды тяжелой глубь.
Степь дремлет — величавая природа!
Обрывки туч на запад тянет муть.

Стою, гляжу на светлые строения.
Прекрасной сказкой — берег вдалеке.
И прошлое, и тяжкое прозренье
Как ночь бессонная на маяке.

Удачи Вам, отвергнутые мною,
Живите вы, предавшие меня, —
Я счастлив, что тогда самой судьбою
Свела нас степь у своего огня. (21)

* * *

Как быстро мы успели постареть!
А время вдаль все мчится, мчится, мчится...
И слово «жизнь» все ближе к слову «смерть»,
И «грусть» во «скорбь» рискует обратиться.

Все меньше — «да», а больше — «нет», «нельзя»,
Судьба порыв желаний невозможит.
Но если жизнь прошедшую итожить,
В ней главным были вы — мои друзья!

Ведь время нас не даром всех свело,
И дарит нам тепло и радость встречи,
Пока, как говорят, еще не вечер
И в наших душах все-таки светло!

За все благодарю вас, что ко мне
Идет от вас живительным потоком,
Пока еще не время наших сроков
До судных дней почить в глубоком сне.

А за грехи я вас давно простил,
И вы меня простите, хоть немного,
Пока еще не кончилась дорога,
И мы идем, и дай нам Бог, идти! (22)

* * *

Давайте собираться у стола —
Не для того, чтоб зелье нас пьянило,
А для того, чтоб дружба сохранила
Себя такой, какой она была.

Давайте собираться у стола —
Без всяких там заморских разносолов, —
Чтоб были наши выцветшие соло —
Как будто ветви одного ствола.

Давайте собираться у стола —
Расчешем на пробор свои седины, —
И станут наши помыслы едины,
И откровенья наши, и дела.

Давайте собираться у стола!
Неважно у кого — один найдется,
С кем снова так, как в юности, поется,
А юность — общей чашей нам была.

Давайте собираться у стола,
Хоть раз в году — ведь чаще мы не сможем,
И столько новых песен мы не сложим,
Чтоб каждая — утешить нас смогла.

Давайте собираться у стола —
Ну много ли нам надобно на сборы? —
Чтоб рухнули нелепые заборы,
Которые нам зрелость возвела.

Давайте собираться у стола,
И с нами — те, чья песня не допета,
Они живут, пока мы помним это,
Покуда наша боль за них — светла. (23)

* * *

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
Ведь это все любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не надо придавать значения злословью —
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, —
Тем более что жизнь короткая такая. (24)

* * *

Изгиб гитары желтый ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь.
Качнется купол неба, большой и звездно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Как отблеск от заката, костер меж сосен пляшет.
Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка, улыбнись!
И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет:
«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

Не променяем сердце на мелкую монету,
Мы разбрелись по свету, по жизни разбрелись...
Но дружба — остается, теплом сердец согрета.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

И все же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,
Чьи имена, как раны, на сердце запеклись,
Мечтами их и песнями мы каждый вздох наполним.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! (25)

* * *

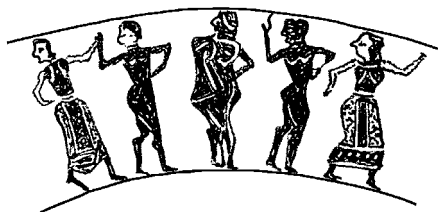
Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары,
И я за жизнь его тогда
Не дам и самой ломаной гитары.

Как вожаденно жаждет век
Нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке.

Среди совсем чужих пиров
И слишком ненадежных истин,
Не дожидаясь похвалы,
Мы перья белые свои почистим.
Пока безумный наш султан
Сулит дорогу нам к острогу,
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, ей-богу.

Когда ж придет дележки час,
Не нас калач ржаной поманит
И рай настанет не для нас —
Зато Офелия всех нас помянет.
Пока ж не грянула пора
Нам расставаться понемногу,
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, ей-богу (26). *

* В поэтическом эпилоге сборника памяти В.М. Отрешко использованы его любимые стихи и песни, которые в свое время написали: А. Хабаровский (1), Д. Кимельфельд (2), Н. Рычков (3, 8, 18), В. Винарский (4, 17), Ю. Левитанский (5), Б. Полоскин (6), Я. Смеляков (7), Л. Филатов (9, 14, 20), А. Краснопольский (10), А. Галич (11), В. Егоров (12), А. Городницкий (13), Ю. Визбор (15), С. Буйских (16, 19, 22), С. Пустовалов (21), Б. Вахнюк (23), Б. Окуджава (24, 26), О. Митяев (25). Составил С.Б. Буйских.

РЕЗЮМЕ

Ця збірка наукових праць «Ольвійські старожитності» присвячена пам'яті відомого українського археолога-антикознавця Валерія Отрешка (1949–1999) — неординарної творчої особистості, талановитого вченого, людини цікавої, але трагічної долі. Тематика збірки відбиває спектр наукових проблем, над якими свого часу працював учений, і які здебільшого концентрувалися на Ольвії (одному з трьох найбільших центрів античної цивілізації на Північному Понті) та її хорі, дослідженню яких він присвятив своє коротке, але яскраве життя.

Перший розділ книги — «В.М. Отрешко і антична археологія Північно-Західного Причорномор'я» дає уявлення про наукову спадщину вченого. Тут публікується повний список його наукових праць, найбільш важливі з його опублікованих при житті робіт, а також частина рукописної спадщини, яку вдалося відшукати й підготувати до друку.

Наступний розділ «Ольвія в контексті Північного Причорномор'я» також відображає різні напрямки наукових інтересів В.М. Отрешка, але таких, що найшли своє втілення вже у статтях його багаторічних колег і друзів — провідних антикознавців України, Росії, Грузії, що спеціально підготували їх для цього видання і тим самим висловили В.М. Отрешку свою глибоку повагу й вшанували його пам'ять.

У третій, меморіальний розділ, включені матеріали, що малюють живий і багатогранний портрет В.М. Отрешка, штрихи до якого нанесені як ним самим (у вигляді щоденникових записів 1960–1975 рр.), так і людьми, що добре знали його за життя й написали свої спогади про нього.

Видання розраховане як на фахівців в області греко-римської археології, так і на всіх, хто цікавиться старожитностями Ольвії та історією і культурою Північного Причорномор'я в античну епоху.

SUMMARY

Given book of the science works «The Olbian antiquities» is dedicated to the memory of the famous Ukrainian archaeologist, scholarly of antiquity Valerij Otreshko (1949–1999). He was unusual creative personality, talented academic. His fortune has been interesting but tragic. The subject-matter of the book reflects the spectrum of the science problems which have provoked the scholarly to deal with. The most of them were concentrated on Olbia (one of the largest centre of the ancient civilization in the Northern Pont) and its surroundings (Hora). His short but very bright life has been given for these researches.

The First part of the book got the title «V.M. Otreshko and ancient archaeology of the North-western region of Black Sea». It gives the idea of the scientific heritage of the scholarly. We've published full list of his science works; the most important published articles and also some of his unpublished manuscripts which have been reconstructed and prepared to the publication.

The next part «Olbia in the context of the North region of the Black Sea» also discovers the different directions of the science interests of V.M. Otreshko which have been reflected in the articles of his colleagues and friends — the prominent scholarlies of Ukraine, Russia, Georgia. All the articles have been written specially for our book. And this was the way to express the profound esteem to V.M. Otreshko and to honour his memory.

The third part includes the stuff which recreate alive and multi-faceted portrait of V.M. Otreshko. Some of these facets he has created himself in his dairy dated by 1960–1975. Other facets have been described by his closed friends, colleagues in their memories.

Our publication could excite the curiosity of the professionals of Greek and Roman archaeology and also all the people who is interested in the antiquities of Olbia, the history and the culture of the Black Sea region through the time of antiquity.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Белоконь Сергей Иванович* — историк, докт. ист. наук, руководитель Центра культурологических студий Института истории НАНУ, лауреат Национальной премии им. Т.Г. Шевченко (г. Киев).
- Беляев Александр Семенович* — археолог, канд. ист. наук, ст. н. с-к заповедника «Ольвия» НАНУ (г. Киев).
- Буйских Сергей Борисович* — археолог, канд. ист. наук, ст. н. с-к Института археологии НАНУ (г. Киев).
- Буракова Нина Михайловна* — домохозяйка, супруга известного археолога-антиковеда А.В. Буракова (1919—2001) (с. Парутино, Очаковский р-н, Николаевская обл.).
- Губанова-Белозерова Валентина Николаевна* — директор фирмы «Юность-Инвест» (г. Киев).
- Губарь Олег Иосифович* — журналист, литератор, краевед (г. Одесса).
- Журавлев Олег Петрович* — археозоолог, канд. ист. наук, ст. н. с-к Института археологии НАНУ (г. Киев).
- Золотарев Мирон Ильич (1945—2005)* — археолог, канд. ист. наук, известный исследователь Херсонеса.
- Квирквелия Гурам Тенгизович* — археолог, докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра археологических исследований Грузии (г. Тбилиси, Грузия).
- Колесников Михаил Анатольевич* — археолог, канд. ист. наук (г. Ставрополь, Россия).
- Крапивина Валентина Владимировна* — археолог, канд. ист. наук, ст. н. с-к Института археологии НАНУ (г. Киев).
- Кузьминец Александр Васильевич* — историк, докт. ист. наук, профессор, полковник милиции, начальник кафедры истории государства и права Киевского национального университета внутренних дел, академик Украинской академии исторических наук (г. Киев).
- Лысенко Людмила Александровна* — историк искусства, канд. искусствоведения, доцент Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры (г. Киев).
- Магомедов Борис Викторович* — археолог, докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ (г. Киев).
- Мазарати Светлана Николаевна* — Председатель Общества Данте Алигьери (г. Киев).
- Марченко Константин Константинович* — археолог, докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).
- Николаев Николай Ильич* — канд. технич. наук, специалист по ольвийской ономастике (г. Николаев).
- Ольговский Сергей Яковлевич* — археолог, канд. ист. наук, профессор, зав. кафедрой охраны культурного наследия и музееведения Киевского национального университета культуры и искусства (г. Киев).
- Островецков Анатолий Степанович* — археолог, канд. ист. наук, ст. н. с-к отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАНУ (г. Одесса).
- Охотников Сергей Борисович* — археолог, канд. ист. наук, Председатель Одесского археологического общества, зам. директора Одесского археологического музея НАНУ (г. Одесса).
- Полин Сергей Васильевич* — археолог, канд. ист. наук, ст. н. с-к Института археологии НАНУ (г. Киев).
- Рабинович Михаил Давидович* — докт. технич. наук, зав. кафедрой теплогазоснабжения Киевского национального университета строительства и архитектуры, член научного Совета постоянно действующей школы по возобновляемым источникам энергии при европейской комиссии ЮНЕСКО (г. Киев).
- Рубан Владимир Владимирович* — археолог, канд. ист. наук (г. Николаев).
- Русяева Анна Станиславовна* — археолог, докт. ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии НАНУ (г. Киев).
- Смирнов Игорь Александрович* — историк, канд. ист. наук, доцент Института истории и права Николаевского госуниверситета им. В.А. Сухомлинского (г. Николаев).
- Снытко Иван Алексеевич* — археолог, ст. н. с-к Госинспекции по охране памятников культуры по Николаевской области (г. Николаев).
- Язвинская Елена Николаевна* — историк, канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального транспортного университета (г. Киев).
- Яйленко Валерий Петрович* — историк, эпиграфист, докт. ист. наук, профессор исторического факультета Московского госуниверситета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ	— Античная Греция
АГСП	— Античные города Северного Причерноморья
АДСП	— Античные древности Северного Причерноморья
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні
АИУ	— Археологические исследования в Украине
АМА	— Античный мир и археология
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БФ	— Боспорский феномен
ВБУ	— Всенародна бібліотека України
ВДИ	— Вестник древней истории
ВОКК	— Вісник Одеської комісії краєзнавства
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии (М., 1954)
ВУАК	— Вісник української академії культури
ВУАН	— Всеукраїнська академія наук
ВУНАС	— Всеукраїнська наукова асоціація сходознавців
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва)
ДАМК	— Державний архів міста Києва
ДБ	— Древности Боспора
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского (СПб., 1854. — Т. I—III)
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии (СПб., 1872. — Вып. II)
ДП	— Древнее Причерноморье
ДП VI 1907	— Б.Н. Ханенко, В.П. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря (Киев, 1907. — Вып. VI)
ДСПК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма
ДСС	— Древности Степной Скифии
ЗІФТАБ	— Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИААСП	— Исследования по античной археологии Северного Причерноморья
ИААЮЗУ	— Исследования по античной археологии Юго-Запада Украины
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКАМ	— История и культура античного мира
ІНО	— Інститут народної освіти
ІР	— Інститут рукописів НБУ ім. В.І. Вернадського
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
КГХИ	— Киевский государственный художественный институт
КНООАВ	— Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КС ОАО	— Краткие сообщения Одесского археологического общества
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАПП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я

МАР	—	Материалы по археологии России
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МИДУ	—	Музей исторических драгоценностей Украины
МКУ	—	Музей історичних коштовностей України
МКАСС	—	Международная конференция античников социалистических стран
МНМ	—	Мифы народов мира
МОИП	—	Московское общество испытателей природы
МСПГК	—	Материалы I Всесоюзного симпозиума по проблемам греческой колонизации
НАИА НАНУ	—	Научный архив Института археологии НАН Украины
НАНУ	—	Национальная академия наук Украины
НАП	—	Нумизматика античного Причерноморья
НБУВ	—	Національна бібліотека України імені Вернадського
НЗОПІ	—	Наукові записки Одеського державного педагогічного інституту
Нис	—	Нумизматика и сфрагистика
НО	—	Надписи Ольвии (М.; Л., 1968)
НОСА	—	Новейшие открытия советских археологов (К., 1975)
НС	—	Нумизматический сборник
ОАК	—	Отчет Археологической комиссии
ОАМ	—	Одесский археологический музей
ОДНБ	—	Одеська державна наукова бібліотека
ОДУ	—	Одесский державний університет
ОМАУ	—	Открытия молодых археологов Украины
ОТА	—	Ольвия. Теменос и агора (М.; Л., 1964)
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник
ПДКСП	—	Памятники древних культур Северного Причерноморья
ПИО	—	Проблемы исследования Ольвии
ПИСПАЭ	—	Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху (М., 1959)
РА	—	Российская археология
РАИМК	—	Российская Академия истории материальной культуры
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СВТУ	—	Стародавнє виробництво на території України (К., 1992)
СГМИИ	—	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭС	—	Справочник по экономическим системам
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея
Тр. СА РАН	—	Труды секции археологии Российской академии наук
УАН	—	Українська Академія наук
УНТ	—	Українське наукове товариство
ХАМ	—	Херсонес в античном мире
ХКААМ	—	Художественная культура и археология античного мира (М, 1976)
Хсб	—	Херсонесский сборник
ЦДАВО	—	Центральний Державний архів вищих органів влади
АА	—	Archäologischer Anzeiger
ААМТ	—	Advances in Archaeological Method and Theory (Ed. by M.B. Schiffer) (N.Y. etc: Academic Press. — Vol. 1—6. — 1979—1983)
АССС	—	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia (Leiden)
АГДС	—	Antike Gemmen in Deutschland Sammlungen (Berlin; München)
Ann. du... CAIHV	—	Annales du ...Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Liege
AJA	—	American Journal of Archaeology
АРА	—	Annual Review of Anthropology
BSA	—	Annual of the British School at Athens
BSS	—	Black Sea Studies
DHA	—	Dialogues d'histoire ancienne
ESA	—	Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
FGH	—	Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker
Helm	—	Eusebius Werke: Siebenter Band Die Chronik des Hieronimus / Ed. von Helm R. (Berlin, 1956)
IPE ; IOSPE	—	Latyshev B. Incriptiones antique orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. 2 ^{ed} (Petropolis, 1916)
JMAAC	—	Journal of Methods and Applications of Absolute Chronology
MMJ	—	Metropolitan Museum Journal Petropolis. 1885—1916. Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. W. Dittenberger
MSROA	—	Materialy i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego (Rzeszow)
NF	—	Neue Forschungen
PZ	—	Praehistorische Zeitschrift
RA	—	Revue archéologique
RE	—	Paulys Real-Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft
SC	—	Latyshev B. Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis
ZFN	—	Zeitschrift für Numismatik (Berlin)
ZN	—	Zapiski numizmatyczne

Національна Академія наук України
Інститут археології

ОЛЬВІЙСЬКІ СТАРОЖИТНОСТІ

Збірка наукових праць
пам'яті

Валерія Михайловича
ОТРЕШКА

(російською та українською мовами)

Наукове видання

Відповідальний редактор	<i>С.Д. Крижицький</i>
Упорядкування	<i>С.Б. Буйських, Л.О. Лисенко</i>
Технічне редагування та комп'ютерний набір	<i>В.О. Дідоренко</i>
Коректор	<i>І.Г. Тарасенко</i>
Сканування та ретуш фото	<i>С.В. Філімонов</i>
Дизайн	<i>С.А. Горбаненко, І.Г. Тарасенко</i>
Верстка і макет	<i>С.А. Горбаненко</i>

Тираж віддруковано в типографії ПП «КОРВІН ПРЕСС»
м. Київ, вул. Пшенична, 2; тел. (044) 223-13-21
e-mail: korvinpress@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
видавців, виготовників і розповсюджувачів друкованої продукції
Ки № 1689 від 16.02.2004 р.

Підписано до друку 7.12.2009. Формат 60 × 84/8.
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура «Palatino Linotype».
Наклад 500 прим. Ум. друк. арк. 47,6. Обл.-вид. арк. 51,2. Зам. № 8/02.

